

ИЛЛЯ КОРМИЛЬЦЕВ
non-fiction

И Л Л Ю
М И Н А
Т О Р

ILYA KORMILTSEV
non-fiction

Illuminator
S.G.T.R.K Media-Lab
Armchair Scientist
Moscow — Yekaterinburg
2017

ИЛЛЯ КОРМИЛЬЦЕВ
non-fiction

Иллюминатор
S.G.T.R.K Media-Lab
Кабинетный ученый
Москва — Екатеринбург
2017

УДК 82–1
ББК Ш6(2р36)6–335
К66

Кормильцев, И.
К66 Non-fiction / Илья Кормильцев. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — 644 с.

ISBN 978-5-7584-0164-4

В третий том собрания сочинений Ильи Кормильцева (1959–2007) вошли интервью, данные им на протяжении 20 лет различным средствам массовой информации. Эти беседы позволяют узнать мнение поэта, публициста и философа Кормильцева по широчайшему спектру проблем: от чисто музыкальных до общественно-политических.

18 +

ISBN 978-5-7584-0164-4

© Илья Кормильцев, тексты, 1974–2007
© Авторы статей и примечаний, 2017
© Кабинетный ученый, 2017

Илья Кормильцев. Фото Андрея Токарева

Интервью в журнале «Марока»

Продолжаем знакомить читателей с клубменами. Сегодня на очереди тройка, объединенная одной тайной страстью. Какой? Прочитайте их молниеносные ответы на наши мудрые вопросы.

Кормильцев Илья — рок-поэт, по совместительству дорожный менеджер клуба.

Корр: Когда же наши группы поедут за рубеж?

ИК: Когда им разрешат это сделать...

Корр: Твое отношение к БГ?

ИК: Такое же, как и прошлое.

ИК: Как ты считаешь: музыка для слова или слово для музыки?

ИК: Не знаю... Небо для солнца или солнце для неба?

ИК: Любимое выражение?

ИК: Гав напи рога! (Это вообще любимое выражение группы «Наутилус».)

ИК: Твоя главная отличительная черта?

ИК: Имя, фамилия, отчество.

Журнал «Марока», № 2, 1987

Легко ли быть звездой

Программу «Взгляд» я смотрю довольно-таки часто. В тот же знаменательный день замоталась с делами, и не до передач было. Тишину разорвал телефонный звонок: «У тебя не включен телевизор? — прошептали в возмущении. — Там же “Нау” показывают». Через полсекунды мой «Рубин» заработал, и я успела услышать: «Круговая порука мажет как копать...» — рок-группа «Наутилус Помпилиус» пела одну из своих знаменитых композиций «Скованные одной цепью».

Те, кто интересуется роком и имеет своевременную информацию о рок-концертах, могли видеть «Наутилус Помпилиус» на фестивалях «Литуаника-87», в Черногоровке или Подольске, на отдельных выступлениях в домах культуры.

Письма, приходящие в рубрику «20-я комната», свидетельствуют, что свердловский «Наутилус Помпилиус» — один из лидеров в сегодняшней отечественной рок-музыке. А это очень многое значит. Ну, например, то, что все три компонента рок-композиций — музыка, плюс текст, плюс шоу на сцене — должны каждый по отдельности и все вместе отвечать не только эстетическим, но и высоким социальным, гражданским требованиям.

Описывать музыку и сценическое действие словами — дело бесполезное, скажу лишь, что музыкальный стиль «Наутилуса Помпилиуса» вызывает у меня ассоциации с графикой своей сдержанной строгостью, четкостью. Внешне аскетичная музыка тем не менее несет в себе огромный заряд энергии, и статичность поведения на сцене лишь подчеркивает, высвечивает этот потенциал.

Когда представилась возможность интервью с этой группой, мы, авторы материала, подумали вот что: сколько уже писалось в нашей прессе о роке (начиная с пресловутого «Рагу из синей птицы»), но до сих пор никто почему-то не задумался, чем является рок для людей, которые профессионально (не в смысле зарплаты, а в смысле мастерства) им занимаются. Что для них рок — позиция, образ мыслей, способ жить?..

И тогда мы решили поговорить об этом с *Ильей Кормильцевым* — автором текстов большинства композиций «Наутилуса Помпилиуса»...

Александр Малюгин

АМ: «Наутилус Помпилиус» стал, по результатам опроса, проведенного редакцией газеты «Московский комсомолец», открытием года в области рок-музыки. Оглядываясь на пройденный путь, какие, на ваш взгляд, проблемы стоят перед рок-музыкой вообще и рок-группой «Наутилус Помпилиус» в частности?

ИК: Популярность наша кажущаяся, она как есть, так и может пройти, в зависимости от дальнейших шагов группы, репертуара, от того, где и как она будет выступать. Популярность эта авансированная и анонсированная, то есть создана она не публикой в широком понимании этого слова, а определенной группой людей, увлекающихся рок-музыкой.

Какие задачи стоят сейчас перед нами? Это прежде всего найти возможность в условиях наших растрепанных, бестолково организованных концертов и хозяйственно-экономических условий существовать, то есть работать с нормальным творческим потенциалом, жить с нормальным бытом.

АМ: Композиции «Наутилуса Помпилиуса» отличает суровый трагизм, мы назвали это так: «Жестокий рок». В музыке и словах находят отражение ваши жизненные принципы, ваше мировоззрение?

ИК: Я исторический стоик, как я это называю. Моя позиция: можно быть хорошим, светлым, можно чего-то добиться, можно кого-то победить, но в целом история человеческая, даже не в рамках больших масштабов, а каждого индивидуального человека, семьи, города — это довольно горькая повесть. В нашей музыке просвечивает горький альтруизм...

АМ: Композиция «Скованные одной цепью». Что это за цепь, как ее разбивать, и стоит ли это делать, если цель у нас и вчера и сегодня остается прежней?

ИК: Начнем с того, что прежде всего это композиция о сегодняшнем дне, который отличается от вчерашнего большим сознанием того, что каким-то переменам в нашей жизни мешают факторы не столько внешние, сколько внутренние. Здесь речь идет скорее не о том, что кого-то заковали, а вот о таком своеобразном «братстве поневоле» между теми, кто находится с одного конца этой цепи, и теми, кто стоит на другом.

Сегодня меньше иллюзий, связанных с тем, что есть якобы конкретная «зловредная» прослойка, которую достаточно устранить для того, чтобы все пошло так, как надо. Становится очевидным, что нас не спасут ни прекрасные слова, ни даже новые законы, сами по себе, если общество не созреет для их исполнения.

АМ: Фильмы «Взломщик» и «Асса». Насколько образ рокера отражен в этих картинах?

ИК: «Ассу» я не смотрел, к сожалению. «Взломщик»... Очень многие из рок-музыкантов недовольны этим фильмом, потому что они себя хотят видеть красивей, чем есть на самом деле; обвиняют кинематографистов в интересе к «жареной» теме, в желании заработать популярность, кассовый сбор и прочее. Но мне кажется, что кинематографисты понимают тот материал, над которым работают, хотя, по мнению недовольных рокеров, они его опошливают, объективно играют на руку врагам рок-музыки и т. д. Все это ерунда, все там показано достаточно правдиво.

В рок-музыке, кроме людей, которые знают, что надо делать, обладающих определенным творческим потенциалом, 90% составляют «тусовщики» — люди, лишенные моральных принципов, элементарной культуры, нормального образования. Это всегда характерно для любого нового культурного течения, и я считаю, что отрицать этот факт совершенно бессмысленно.

Интервью закончилось. Мы успели обсудить массу «технических» вопросов: какое количество людей готовит выступление «Наутилуса Помпилиуса», с какого времени группа работает в таком составе, когда и почему появилось такое необычное

название и так далее... И уже в конце разговора, перегруженные всевозможными цифрами, датами и фактами, мы поняли, что, конечно, можно было бы напечатать дискографию группы (а записано, кстати, четыре магнитофонных «альбома») или подробный экскурс в немзыкальное прошлое участников, но... Делать этого не стоит.

Вытащите на свет свой старый магнитофон, поставьте кассету с записью «Наутилуса...» и решите сами, так ли это просто — сочинять песни.

*Александр Малюгин, Вероника Марченко,
Юрий Щегольков. Журнал «Юность», июнь 1988 г.*

Интервью в журнале «Уральский следопыт»

Вопрос: Прошли те мрачные времена, когда рок-группы давали подпольные концерты, собираясь на чьей-нибудь квартире... Рок вышел из подполья. Насколько легче вам стало работать? (М. Солодова, 16 лет, г. Томск.)

В. Бутусов: Автор вопроса, вероятно, считает, что основные проблемы рока времен так называемого подполья заключались в том, что группам не давали работать на широкую аудиторию. Я тоже раньше так считал, но оказалось, что вместе с выходом на официальную арену проблем стало больше. Если раньше на концерты ходила в хорошем смысле элита — люди, которые любят и понимают рок-музыку, то сейчас перед нами широкий зритель. Публика многолика и многообразна, ее отношение к выступлениям сродни отношению к советской эстраде в целом: люди приходят развлечься... Как к этому относиться? Вернуться к узкому зрителю — не выход.

Нам ближе такая позиция: дать зрителю понять, что мы не развлекаем зал, а хотим рассказать о своем понимании мира, заставить работать зрительское сердце и мысль...

Другая проблема заключается в том, что существует целая категория людей, которые продолжают относиться к року с предубеждением: если рок-музыка, значит, нечто социопатическое, потрясающее наши устои. Нужно ли нам разубеждать таких людей, если наши общедоступные концерты их не разубедили?

ИК: Давай не будем скатываться до полемики с людьми малообразованными... Мне гораздо интереснее понять, почему против рок-музыки выступают такие яркие личности, как Белов, Астафьев, Распутин. И я их понимаю: они ж судят

о рок-музыке по телевизору, на концерты им ходить некогда, а когда я смотрю телевизор и вижу наших доморощенных «металлистов» с тупыми лицами, когда слышу Леонтьева, «Прощай, столица» или «На недельку до второго...» — я по одну сторону баррикад с Распутиным и Астафьевым. Они ужасаются, и я ужасаюсь, я готов употребить по отношению к этим творениям все эпитеты, которые употребляют они, и даже больше! Да и вся рок-музыка на 90% состоит из шарлатанства, 90% этих вещей беспамятны и бескультурны, и выход рока «из подполья» наконец обнажил эту проблему, а ЦТ ее усугубило своим достаточно странным и непонятным отбором для показа.

А вообще, я удивлен началом беседы. Обычно все интервью начинаются с вопроса...

Корр.: «Почему ваша группа так называется?» Этот вопрос действительно чаще всего встречается в письмах...

ВБ: Люди представляют себе, что название коллектива должно нести какую-то побочную глубокомысленную информацию, но когда придумываешь название, в голову редко приходит что-то умное. Наше первое название звучало так: «Али Баба и сорок разбойников» (от любви к книжным полкам). Это было в начале 1980-х. Мы тогда были моложе. На первом семинаре рок-коллективов, куда пригласили нас, новобранцев, мэтров рок-движения «Али Баба» категорически не устроил.

Тогда и прозвучало впервые «Наутилус», всем нам известный по роману Жюль Верна. Это название предложил наш тогдашний звукорежиссер и оператор Андрей Макаров. Мы в тот момент обожали «Лед Зеппелин» и подтянули такую версию: мы — подводный вариант дирижабля, он в небесах, а мы вот такие скромные в глубинке где-то... периодически всплываем, опять на дно... Все это было романтично и интересно. Но в Москве, а позднее в Ленинграде образовались группы с таким же названием. Московскую группу возглавил бывший басист «Машины времени» Женя Маргулис, и мы, естественно, не имели права соперничать с таким великим человеком. И тут нам

напомнили, что Жюль Верн имя для своей лодки взял не с толка, так называется вид голожаберного моллюска, и полное название по латыни — «*Наутилус Помпилиус*», что значит «лоцманские кораблики». Открыв энциклопедию, мы уловили там один интересный момент: нас поразило, с какой характерной предосторожностью этот моллюск размножается. Нам стало смешно, мы решили, что в любой момент любители подпольных смыслов смогут обнаружить в нашем названии какую-то глубинную логику... Перейдем к серьезным вопросам?

Вопрос: Чем для вас является музыка — смыслом жизни или работой, ремеслом? (Г. Ямалеева, 16 лет, г. Уфа.)

ВБ: И тем, и другим, и третьим! Для меня этот вопрос более широкий. Я не считаю, что профессионалов рожают специальные учебные заведения.

Лучше, когда они появляются на волне самодеятельности, поскольку в ней меньше всяких канонов. Самодеятельное творчество подпитывается почвой одного лишь желания, никто тебя не неволит, и если это желание, тяга к творчеству становятся неодолимыми, превращаются в смысл жизни — ты стоишь перед необходимостью перевести его в категорию ремесла, профессии, к возможности зарабатывать на жизнь, занимаясь любимым делом. Каждый счастливый человек прошел этот путь. Правда, тут сложный вопрос соотношения с коммерцией. Почему-то считается, что истинный художник должен жить каким-то неловким образом. Почему? Если человек страдает материально, то и духовно страдает? Неправда!

ИК: У каждого времени свои легенды. Вспомните поэтов 18 века: Державина, Сумарокова. Никто их не укорял за идиллию поместной усадьбы, за элегическое созерцание в условиях безбедного существования. Были художники, которые при жизни не могли продать ни одного своего полотна, тот же Ван Гог. Были такие, которые заканчивали творческий путь обеспеченными академиками. И что дальше — кто из них лучше, кто хуже? Творчество никак не связано с социальным статусом чело-

века, с тем, как он зарабатывает, потому что причины мучений, которые толкают человека к листу бумаги или к микрофону — в нем самом.

У нас же сформировалась некая легенда, что на истинном творце — отметины страданий. Хотят, чтобы тебя били, терзали, запрещали, и если закричал, значит ты хорош. С этой точки зрения все западные музыканты — «проститутки», ни один из них не подпадает под те требования, которые наши поклонники предъявляют Гребенщикову, Борзыкину, Бутусову...

Вопрос: Сколько вы зарабатываете? (С. Федько, г. Кувандык Оренбургской обл.)

ВБ: Если бы мы не работали как профессионалы, я бы никогда не представил, сколько может зарабатывать сейчас артист. Если спланировать непрерывные гастроли и устраивать по два концерта в день (а есть «артисты», которые и четырем не гнушаются, не буду называть имен) — это может вылиться в зарплату около 5 тысяч на человека в месяц. Может, даже больше, поскольку цены неустоявшиеся, плавают в зависимости от критериев города, места выступления, популярности коллектива... Нас не раз упрекали, что мы низкими ценами (800 рублей за концерт) создаем конкуренцию другим группам. Говорили: ««Бригада С» по полторы тысячи требует, а вы, провинция...» На летних гастролях в Волгограде мы пошли ва-банк и запросили за концерт три тысячи. Никто слова против не сказал! Но пусть не обольщаются любители легких заработков! Не надо забывать, что между количеством концертов и творчеством обратно пропорциональная зависимость. Чем больше гастроллируешь, тем меньше создаешь новых вещей, тем меньше совершенствуешься.

Поэтому количество концертов мы стараемся спланировать так, чтобы была необходимая сумма на проживание, на возмещение экономических затрат (покупка аппаратуры и т. п.). Мы пока прекрасно осознаем, что изнуряющая гонка за рублем обязательно приведет к творческому краху.

ИК: К сожалению, нет свободы выбора из-за отсутствия нормально развитой коммерческой системы в области поп-музыки. У нас, например, невозможно зарабатывать студийной работой, хотя на Западе это совершенно нормальная ситуация, когда группы на один-два года отказываются от гастролей. Слабо развита правовая защита. Только что вынуждены были разбираться с кооперативом звукозаписи, который за здорово живешь взялся распространять наши кассеты... просто гангстерская ситуация!

Вопрос: Духовна ли рок-музыка? (А. Денисов, г. Ковров Владимирской обл.)

ВБ: Можно отвечать на этот вопрос полные сутки, и сколько аргументов найдешь в себе, столько и контраргументов. Однако я больше склонен считать, что духовна, ведь составляющей фразы «рок-музыка» является слово «музыка», а музыка всегда духовна...

Вопрос: Смените ли вы стиль своей музыки, если мода на рок пройдет? (Д. Баталов, г. Туринск Свердловской обл., А. Воробьев, г. Новокузнецк и др.)

ВБ: Здесь, наверное, требуется для начала определить стиль, в котором мы играем, но я затрудняюсь это сделать, хотя когда пытались определить для себя какую-либо приемлемую формулировку, то остановились на постромантизме.

Корр.: Поясните, пожалуйста...

ВБ: Мы используем традиционные элементы, присущие романтизму: интонация, общее настроение, выстроенность чисто визуального ряда. Но все это достаточно условно. Звучали и другие определения нашего стиля, например, «ностальгический рок». А вообще, такие формулировки даются людьми компетентными, желающими привести все в систему, а у нас такой цели нет, нам иногда даже трудно выстроить программу, настолько в ней разноплановые вещи. А потом, что значит «сменить музыку»? Я вообще не люблю, когда делят: классика-

рок-попс... Я могу делить музыку по эпохам и понимаю, что рок наложил определенный отпечаток на музыку второй половины 20 века, но это не значит, что он резко обособлен. В нем могут быть элементы классической музыки, точно так же, как в современной классике могут быть элементы и джаза, и рока. Чтобы сменить музыку, надо сменить состав группы — вот и все. В нашей группе определенный состав инструментов — ни больше ни меньше, определенный состав участников — тоже ни больше ни меньше...

Если появится творческая необходимость, инструменты сменим, следовательно, и «музыка сменится».

Корр.: Поскольку заговорили об «определенном составе участников» — нельзя ли его назвать?

ВБ: Компания у нас веселая! Большое значение имеет звуко-режиссер Володя Елизаров, человек, который играет на всех инструментах и которому просто больно слушать, что мы вытворяем на сцене. Как яростный виртуоз он пытается скрасить нашу работу из-за пульта в зрительном зале. Дальше — большое количество резвых техников, воплощенных в образе Владимира Малахова. Есть у нас директор и администратор — без них бы нам пришлось трудно. Большинство текстов пишет бессменный Илья Кормильцев. Музыкантов семеро: барабанщик Владимир Назимов, ранее работавший в группах «Урфин Джюс» и «Чайф»; басист Виктор Алавацкий; клавишник Алексей Хоменко, в народе называемый либо Палычем, либо Вождем; клавишник Виктор Комаров, один из самых старых членов коллектива, он, как и я, окончил архитектурный институт; Алексей Могилевский — саксофонист; гитарист Егор Белкин, прошел школу «Урфин Джюса», работал с Настей Полевой, и ваш покорный слуга...

Корр.: ...биография которого интересует многих почитателей.

ВБ: Понял. Насколько мне известно, родился я в Сибири, в Красноярске, на Бугаче, куда мои родители, будучи комсомольцами-энтузиастами, уехали строить Красноярскую ГЭС.

По моим представлениям, Бугач — нечто вроде нынешнего люберского средоточия, рос я там до пятнадцати лет, после чего родители переехали в Свердловск, потом — в Сургут, там, на севере, я окончил школу. Поступил в Свердловский архитектурный институт и окончил его в 1984 году. Три года работал в проектной организации с ужасным названием «Уралгипротранс», проектировал интерьеры метрополитена. У Корбюзье существует формулировка, что архитектура — это застывшая музыка, поэтому ничего удивительного, что я от одного перешел к другому. Женат. Дочка во втором классе.

Вопрос: Какие проблемы возникают в коллективе? (Ю. Гирушева, п. В. Туломский Мурманской обл.)

ВБ: Какие проблемы? По минимуму — это поиск того, как сделать новую песню так, чтобы она была доступной и необходимой хотя бы нам самим.

А по максимуму... Трудовой коллектив, который мы сейчас представляем с начала службы в Росконцерте, — это более сложное формирование, чем наша «доисторическая» компания. И хотелось бы, чтобы сохранился тот уровень ответственности, на котором мы держались в «подполье».

ИК: Между нами море проблем. Дюжина здоровых хлопцев — и чтобы они жили между собой, как семь сказочных богатырей? Это не «страна Муравия». В любом творческом коллективе не обходится без конфликтов. Недоразумения случаются по разным вопросам, начиная от «что сегодня пьем: чай или кофе?» и кончая мировоззренческими.

Вопрос: Есть у вас «капитан Немо»? (В. Хатагова, г. Шевченко Казахской ССР.)

ИК: Капитана Немо нету. У нас есть Мастер, есть Вождь и есть Бригадир. А кто такие — расшифровывать не буду.

Вопрос: Перечислите все ваши магнитные альбомы. (С. Бочаров, г. Комсомольск-на-Амуре.)

ВБ: За всю свою сознательную жизнь мы успели выпустить четыре магнитофонных альбома: «Али-Баба и сорок разбойников» (1982) — мы были еще студентами архитектурного института, и группа состояла из четырех человек. В 1983 году записали «панический» (от слова «панк») альбом «Переезд» с участием аранжировщика Александра Пантыкина, с которым любители музыки знакомы по «Урфин Джюсу», «Кабинету». Затем альбом «Невидимка» (1985). И — летом 1986 года — альбом «Разлука». Весной этого года на кооперативной студии звукозаписи подготовили материал для диска-гиганта из девяти песен. Надеюсь, к тому времени, когда выйдет это интервью, наши слушатели будут держать его в руках.

Вопрос: «Наутилус», как мне кажется, является группой с антимещанской направленностью. Тем не менее он становится одной из любимых групп современных обывателей. С чем это связано? (С. Горячев, г. Ленинград.)

ВБ: Наверное, это неизбежно. Обыватель начинает реагировать на вещи престижные. Он сам никогда не будет искать что-то новое. Однако стоит любому явлению выйти на официальный уровень, хотя бы быть признанным нашим телевидением — как это попадает в поле зрения обывателя.

Вопрос: Я учусь играть на скрипке, но в современных группах ей нет места. Нужно ли мне переучиваться на гитару? (О. Скрибачев, 13 лет, г. Новокузнецк.)

ВБ: Поводов для пессимизма нет. То, что Олег владеет скрипкой, а не гитарой, дает ему возможность делать неординарную музыку. Я считаю, что мы должны ему просто завидовать, ведь никто из нас не умеет играть на скрипке. Если Олег считает, что скрипка для рока не подходит — он ошибается. «Денвет интеграл»*, например, добилась популярности за счет нехарактерных для рока инструментов. Дерзай, Олег!

* Прим. ред.: ошибка журналиста. Имеется в виду «Velvet Underground» и скрипка Джона Кейла

Вопрос: Считаете ли вы рок музыкой перестройки? (С. Зонов, п. Заречный Кустанайской обл.)

ВБ: Это уже афоризмы пошли. Могут задать сколько угодно встречных вопросов типа: как рок относится к нашей экономической политике? Какая связь между роком и созданием агропрома? Наверное, какие-то связи есть, но опосредованные настолько, что не хочется забивать себе этим голову.

Вопрос: Проходит ли через ваше творчество уральский фольклор? (Л. Алексеева, шестиклассница, г. Камышлов.)

ИК: Фольклор имеет своей корневой основой сельскую специфику, а мы почти все выросли в городе и село знаем краем глаза, из поездок на картошку в студенческие времена. Поэтому я бы говорил не узко о влиянии фольклора, а в более широком смысле о влиянии провинциальной атмосферы, такого специфического настроения, характерного для уральского и сибирского региона: осознание себя в провинциальных условиях независимыми личностями. Я глубоко уверен: то, что написали мы, не смог бы написать ни москвич и ни ленинградец. Для них это незнакомое осознание себя в обществе — ощущение приравненности друг к другу и несение одного бремени, одной вины. Они всегда жили рядом с Цезарями, и уходящие круто вниз социально-иерархические ступени не позволяли им проникнуться провинциальным чувством всеобщности родства.

ВБ: Возможно, вопрос вызван «Разлукой»? «Разлука» — песня для души, для себя. Когда мы записывали альбом — названия тогда у него не было — во время технического перерыва мы потихоньку запели «Разлуку», а ее случайно записали, совершенно случайно. И вот, услышав ее со стороны, мы вдруг поняли, насколько эта песня соответствует нашему тогдашнему настроению, да и сегодняшнему. Мы и открыли ею альбом. Нам и сейчас без «Разлуки» трудно начинать программу. Это как вступление, это наша «визитка». Спрашивают, почему во время сочинских гастролей эту песню исполняли с черными

повязками на глазах. По очень простой причине. Мы привыкли ее петь в темноте, а сочинские концерты — это солнце над открытой верандой, дамы в панاماх, мужчины под зонтиками. Мы закрыли глаза повязками, и возникло ощущение сродни мистическому: то же самое, как ночью плаваешь в море — нет ни моря, ни земли, нет опоры. Для артиста вот такое ощущение очень важно.

Корр.: А нет желания использовать другие народные песни?

ВБ: Это будет повторение...

Вопрос: Были ли у песни «Я хочу быть с тобой» реальные прототипы? (Н. Ларионова, г. Нижний Тагил.)

Самые сильные, на мой взгляд, строки, где парень принимает решение: «Я хочу быть с тобой, и я буду с тобой!» Эти слова — от большой любви, и я хотела бы знать, верите ли вы в такую любовь? (М. Боровикова, г. Стерлитамак.)

Не приравняет ли эта вечная тема вас к многочисленным разовым ВИА? (Т. Мальцева, г. Уфа.)

ВБ: Любовь зачастую понимается как отношение одного конкретного человека к другому — Васи к Любе, а понятие это гораздо шире, оно охватывает собою не только связи «человек — человек», но и другие: «человек — явление», «человек — символ», «человек — жизнь» в конечном итоге. Я не знаю, как так получилось, что в упомянутой песне центр тяжести сместился на тему любви в узком смысле. Видимо, так убога «любовная» тема на современной эстраде, если люди воспринимают лобово и нашу вещь. А может, у нас не все получилось, хотя задача была шире: попытка через любовь, через эмоции выразить вообще отношение к жизни. Невнятно? Ну, значит, я внятно о любви говорить не умею.

Вопрос: Прилично ли человеку в четыре года петь «Ален Делон»? (Семья Тарасовых, г. Москва.)

ВБ: Пусть поет...

Вопрос: Считаете ли вы виновными во всех проблемах людей, «скованных одной цепью», или виновны также «гороховые зерна»? (Евгений Т., Прокопьевск Кемеровской обл.)

ВБ: В число «скованных» мы ведь включаем и тех, которые не несут в себе отрицательного заряда. Точно так же гороховые зерна могут быть всякими: спелыми, незрелыми, с гнильцой и без оной. Этот вопрос — вопрос об отношении между двумя поколениями, вот и все. И я не могу однозначно ответить, жизнь ли такова, что растащила их друг от друга, и кто больше виноват. Ведь иногда непонятый отец-ретроград — фигура более трагичная, чем непонятый сын-революционер.

Вопрос: Наступит ли время, когда ваши песни станут неактуальными? (С. Лукиных, 20 лет, г. Шадринск.)

ВБ: Песни могут стать неактуальными, если это песни публицистического, точнее сиюминутного плана, так сказать, песни-отклики, а потом, опять же, что понимать под актуальностью? Сейчас Гребенщиков поет старые романсы Вертинского, и многие, не знающие творчества Вертинского, воспринимают это как злободневный отклик товарища БГ. Финское телевидение, скажем, при исполнении романса «Я не знаю почему» дает ему свой подзаголовок «Афган». Пройдут десятилетия, и другой режиссер может поставить в скобках другой подзаголовок, в зависимости от событий века. Будет ли у наших песен такая судьба — не мне судить.

Вопрос: Вносите ли вы какой-нибудь вклад в защиту мира? (О. Щедрая, 19 лет, г. Братск.)

ИК: Все в этом мире тонко взаимосвязано, и горячая борьба за мир иногда может привести к развязыванию войны: «чем наше слово отзовется — нам не дано предугадать». Сейчас в большой моде интеллигентно-пацифисты. Так вот, если войну рассматривать в отрыве от современных реальностей, от того, что она будет термоядерной, бессмысленной, не оставляющей никаких надежд на быстрое и справедливое разрешение вопроса,

можно сказать, что иногда, когда вопрос касается внешних или внутренних «быть или не быть», свободы или несвободы, — она необходима. Нам вбили в голову, что существуют отдельно взятые поджигатели войны — тучи разжиревших производителей оружия, обезумевшие опереточные цари со сказочными генералами, — это чушь! Войны возникают в первую очередь по экономическим причинам, в патовых ситуациях, когда противостояние сил неразрешимо, когда социальный прогресс заходит в тупик. Война — такая же печальная и неотъемлемая подробность жизни человечества, как смерть. Как видите, я скорее пессимист, чем оптимист, хотя всецело разделяю убеждение, что искоренение войны является высшей целью человечества.

Корр.: Илья, ряд вопросов адресован непосредственно тебе, и хотелось, чтобы ты для начала обозначил себя в этом мире. Думается, это тем более важно, что специфику свердловского рока выводят из того, что авторы текстов у нас — величины самостоятельные, паритетные по отношению к музыкантам.

ИК: Я работаю в Свердловской торговой палате переводчиком с итальянского. Хотя окончил не иняз, а технический вуз. Кроме итальянского знаю английский, португальский, испанский, чешский, польский. Писать начал в школе. Желание это пришло сразу. Начал работать с «Урфин Джюсом», сделали 25 песен. Первой песней для «Наутилуса» была «Снежная пыль», написанная для новогодней программы Свердловского телевидения. Это было в 1985 году. Как рождаются песни? Из пены морской. Ходишь — думаешь. Сядешь — напишешь. Покажешь Славе. Тот возьмет гитару. Напишет — не напишет, гадаешь. Скорее, не напишет. А если напишет — хорошо ли напишет? Бывают споры, на некоторых вещах по обоюдному согласию ставили крест. Такое случается, к счастью, редко, в одном случае из десяти, как правило, из-за споров по поводу аранжировки. Несогласие с музыкальным решением за всю историю совместной работы было один раз.

Корр.: И песня осталась стихами?

ИК: Нет, ее даже начали играть, но были споры, обиды. Там Слава, по-моему, превысил позволительный интеллигентному человеку предел мелодраматизма.

Вопрос: Считаете ли вы себя поэтом? Есть ли у вас «неозвученные» стихи? Есть ли разница между рок-поэзией и поэзией в нашем обычном понимании слова? (*М. Осовский, девятиклассник, г. Саранск.*)

ИК: Поэтом себя считаю, иначе бы не писал. «Неозвученные» стихи есть, и озвучивать их не надо, они создавались с совершенно иными задачами. Я их пишу отдельно от текстов песен (отдельно — в психологическом плане: при особом настрое, при особых обстоятельствах и так далее).

Корр.: Эти стихи где-то печатались?

ИК: В первом номере журнала «Урал» за этот год, в экспериментальном номере. Но всерьез я не пробовал стучаться в издательства. Мне это кажется странным — идти куда-то, кланяться: «Напечатайте меня». В рок-поэзии есть, конечно, свои особенности: иные корни, иные традиции, иной образный строй, отличная метроритмика. Это все детали, но их совокупность и создает рок-поэзию. Однако мера специфики такова, что не дает говорить о рок-поэзии как о чем-то, коренным образом отличающемся от поэзии в целом.

Вопрос: У меня создалось мнение, что вы поклонник небезызвестного БГ. У БГ есть чему поучиться, но подражать ему... (*А. Воробьев, г. Новокузнецк.*)

Вам не кажется, что темы ваших песен мелковаты? Боюсь, что «Наутилус» плавает в «Аквариуме». (*В. Подымов, 17 лет, г. Липецк.*)

ИК: Да! Кому хочется так думать — пусть так и думает.

Вопрос: Пишу второй раз. Хочу принести извинения И. Кормильцеву и «Н. П.» за свои слова о заимствовании. Недавно ЦТ транслировало новую песню «Я хочу быть с тобой!»

Ничего подобного я никогда не слышал. С превеликим удовольствием констатирую, что я ошибался! (*А. Воробьев, г. Новокузнецк.*)

В ваших песнях иногда можно услышать жаргонные слова и выражения. А как вы сами относитесь к жаргону? Часто ли употребляете в своей речи? (*Кожатовы, г. Ивдель Свердловской обл.*)

ИК: С кем говоришь — так и говоришь. В соответствующей среде иногда удобнее пользоваться жаргоном в силу конвенции, взаимопонимания. А в песнях, если бы мы писали о быте современной молодежи, жаргон был бы оправдан. У нас же сюжеты достаточно абстрактны. Там жаргон ни к чему, хотя в принципе ничего страшного в жаргоне нет. Вообще ничего страшного нет ни в одном слове. Страшной может быть жизнь, стоящая за словом, но не само слово.

Корр.: Когда ты встречаешься с человеком, речь которого ограничена лишь жаргоном...

ИК: Так это же хорошо! Сразу понимаешь, чего такой человек стоит. Страшнее, когда лексика ограничена литературно- или научноподобными фразами, когда человек начинает прикрываться выражениями типа: «Мы у себя последовательно осуществляем взятый курс на демократизацию норм общественной жизни...»

Вопрос: Ставите ли вы целью своего творчества привлечение молодежи к размышлению или вы работаете на чувства людей? (*Р. Дисбар, г. Свердловск.*)

ИК: Мы живем в самом сердце нации, которую никто по степени метафизичности не превзошел. У нас бывает только да — нет, черное — белое, чувства — разум. Если есть разум — нет чувств, если есть чувства — нет разума. Если рабочий, то не крестьянин, если крестьянин, то не рабочий. И это в государстве, которое исповедует диалектическую философию. Я пишу стихи. Есть содержание, которое воздействует на разум, и есть эмоциональное поле, которое воздействует на чувства.

Вопрос: Нужно ли начинать сочинение песен на английском языке для выхода на международную арену? (*А. Байков, студент, г. Куйбышев.*)

ИК: Если просто переводить на английский язык уже готовые тексты, думаю, это будет еще непонятнее для западного слушателя, чем звучание на чистом русском. Почему? В силу нашей культуры намеков, культуры эзопова языка. В силу иного устройства и организации материала. В силу иного мировосприятия. Если писать по-английски о каких-то третьих проблемах, независимых, назовем их так, я не очень представляю, что это за проблемы. К тому же здесь есть реальная опасность раствориться в космополитизме в самом дурном смысле и потерять полностью свое лицо. Я бы с такой легкостью и уверенностью, как это делает Борис Гребенщиков, не взялся написать песню на английском. Здесь есть определенная доля недоумения: утверждаться на рынке, не зная, что этому рынку сказать. Может быть «зажатость» рамками родного языка. Невозможность интегрироваться с мировой масс-культурой нас еще сохраняет, делает самобытными, определяет положительные качества нашей музыки для того же западного слушателя. Козьму Прутова можно перевести на какой-нибудь язык? Конечно, можно. Слово в слово. Станет он понятным англичанину или французу? Да никогда в жизни!

ВБ: В Финляндии мне пришлось общаться на английском, и я вынужден был читать английскую литературу. Начал читать Джерома. По-русски я понимал там все, но это не было так смешно, как на языке оригинала, в котором я половину не понимал. Просто чувствуешь, что существует определенная нить, и она наматывается на каждое слово, каждую фразу — и уже снежный ком веселья.

ИК: Можно перевести советскую рок-песню, но для западного зрителя впечатление будет такое, какое мы получаем, читая китайскую поэзию: запах цветов чувствуешь, но через ограду сада не перелезешь.

ВБ: Я считаю русский достаточно международным языком. Песни, которые сочиняет советский человек, должны исполняться на русском.

Корр.: Как вы думаете, чем рождено прямо-таки навязчивое желание некоторых музыкантов утвердить себя на мировом рынке?

ИК: Оно вызвано не только дешевыми корыстными побуждениями, часто это объясняется стремлением, допустим, иметь хорошую звукозаписывающую и звукопроизводящую технику, которая может быть приобретена только, скажем, в Милане. Но нельзя исключать и животное-корыстные интересы. Представлять всех в рок-музыке ангелами — это смешно, там такие же люди, с такой же «завидухой» при виде проезжающего мимо «мерседеса».

Вопрос: Вам не кажется, что ваша музыка для 14–18-летних, а тексты для 18–28-летних (14-летний вряд ли поймет, в чем суть композиций «Рвать ткань», «Эта музыка» и др.). (*В. Чернышев, 23 года, г. Молодечно Минской обл.*)

ИК: Если музыка и текст расходятся именно по такому возрастному диапазону, значит, все нормально: 18-летний человек одинаково хорошо воспримет и то и другое, а добиться понимания 18-летних не так уж просто.

ВБ: В нашем случае не имеет смысла отдельно говорить о текстах, отдельно — о музыке, так как тексты, которые мы поем, — это не поэзия; а музыка — это не музыка по большому счету, а всего лишь иллюстрация к текстам. А каким образом из эрзац-поэзии и эрзац-музыки рождается нечто, эрзацем, надеюсь, не являющееся, здесь судить не нам, а мудрой критике. Если же слушатели считают, что музыка только для 14-летних, значит, мы сделали плохие иллюстрации к тексту. И ничего более.

ИК: Великолепные реплики актеров при общей неубедительности сценографии...

Вопрос: Часто ли вы поете под фонограмму? (*Н. Шульженко, г. Киров.*)

ВБ: Такое было несколько раз, когда концерт объединяли с кино- или телезаписью. В принципе же избегаем, для нас это невыносимое испытание, мы сразу же начинаем фальшивить.

Вопрос: Как должно проходить выступление группы, чтобы ее участники были удовлетворены собой? (*Е. Трушина, 14 лет, г. Ухта.*)

Вы очень быстро исчезаете со сцены, не хотите принять цветы от поклонников, не выходите на «бис». Почему? Зазнались, да? (*И. Артамонова, г. Воскресенск Московской обл.*)

Не является ли отрешенность и строгая манера ваших выступлений вызовом балаганным выступлениям других групп? (*А. Зюзин, 26 лет, г. Свердловск.*)

ВБ: Существует какое-то интуитивное ощущение реакции зрителей: люди могут не аплодировать, но ты чувствуешь, что в зале тебя понимают. А может, наоборот: с первой песни зал бушует, а чувствуешь леденящее хладнокровие к тебе. Я не считаю, что шумная реакция одобрения — нужная реакция. Знаю по себе: если мне что-то нравится, я никогда не буду реагировать так, как некоторые наши зрители. Может, это от возраста.

А может, оттого, что мы поем уже знакомые им песни, и никому не интересно слушать, о чем поется, а интересно продемонстрировать свое отношение к происходящему? Теперь о нашей сдержанности. Она — производная наших характеров. Если бы мы могли красиво прыгать, красиво что-то вытворять, мы бы это делали. К тому же мы считаем, что не можем нормально общаться с залом, поэтому концерт проходит без «заигрываний». Просто шаткий мостик коммуникаций между нами и залом мы пытаемся наладить другим способом, в первую очередь созданием определенной атмосферы, а здесь важна непрерывность выступления.

Вопрос: Видите ли вы своих зрителей сквозь свет, направленный вам в глаза, их лица. (*Ю. Черноусов, п. Пойковский Тюменской обл.*)

ВБ: Редко. Для меня очень трудно смотреть в зал. Всякие движения там отвлекают. Я часто пою с закрытыми глазами.

Вопрос: Неужели участникам группы не нравится, когда на концертах поклонники «балдеют» от песен, поют вместе с группой, и неужели может нравиться публика, которая сидит просто так... (*П. Лойко, г. Минск.*)

ИК: Слава частично ответил на этот вопрос. Мне кажется, слишком деликатно. Живая реакция на песни хороша до тех пор, пока пропорциональна вызванным эмоциям. Есть такие ситуации, когда люди заняты не музыкой, а самими собой: смотрите, какие мы забавные, какие мы фанатики. Это глупо, душно, свидетельствует об отсутствии такта. Саморазгул, глупость, показуха проявляются по-разному. В Сочи фанаты перевернули автобус с участниками концерта. Очень часто после концерта приходится выбираться из зала при помощи милиции. Такое впечатление, что перед тобой толпа дикарей. Аборигены с острова Пасхи празднуют свои великие ритуальные жертвоприношения! Самое же неприятное — это те люди, которые приходят после концерта пообщаться. Человек, который уважает артиста, никогда не будет заниматься такими глупостями. Он послушал — и будет дома разбираться в себе, спорить с друзьями. Он никогда не встанет у дверей гостиницы и не будет ловить человека, возвращающегося с работы, он не будет пытаться разобраться в сущностных вопросах посредством ответов чужих дяденек, он в себе будет искать ответы.

Вопрос: В Свердловске, в ДК Ленинского района (Сурикова, 31) создан фан-клуб «Нау». Как вы относитесь к подобным клубам? (*С. Гордеев, г. Свердловск.*)

ВБ: Существование такого клуба меня вначале испугало, но когда увидел, что там нормальные люди, — успокоился. Правда,

я не знаю, имеем ли мы какое-то значение для существования этого клуба. Как не уверен, что для клубов, например, международной переписки главное — эта самая переписка. Там важнее общение друг с другом.

ИК: Мы были бы рады, если бы фан-клуб взял на себя часть нашей ноши. Хотя бы письма. Отвечать самим — нереально, а не отвечать — неудобно. Мы бы со своей стороны могли снабжать их фотоматериалом о группе, значками, хотя для этого пришлось бы коммерциализовать отношения коллективов.

Вопрос: Сейчас говорят, что у молодежи нет героя для подражания, такого, как Н. Островский. А вы как считаете? *(Д. Марченко, Каховка Херсонской обл.)*

ВБ: У нас, видимо, сейчас не героическая эпоха, и претендовать кому-то на героя такого плана, как Н. Островский, бессмысленно. Нам бы не проглядеть нормальных порядочных людей, нам бы их вовремя поддержать своим вниманием.

ИК: Герои для подражания, всякие кровавые боги меня с детства напрягали. Своя жизнь — своя, и ее нужно делать с себя, а не с товарища Дзержинского. Самые опасные примеры для подражания — те, которые имеют современное происхождение. В них всегда есть доля политической заинтересованности какой-либо стороны. Лучше ориентироваться на вечные исторические идеалы, начиная с Иисуса Христа, и — вперед!

Вопрос: Не думали еще, что будете делать, если 15-16-летние девушки перенесут свой восторг с Леонтьева и Томаса Андерса на вас? *(Г. Жиркова, г. Днепропетровск.)*

ВБ: Останется выразить свое сожаление этим девушкам, потому что ничем помочь им не сможем, в том числе и тем, кто выкрикивает из зала: «Хочу ребенка!»

Вопрос: Ваше отношение к Свердловскому рок-клубу? *(А. Яковлев, г. Ухта Коми АССР.)*

ВБ: Мы являемся его членами, он нам помог стать на ноги.

ИК: Рок-клубы в стране в силу некоторых причин, вызванных застойным временем, упустили тот момент, когда нужно было стать ведущим коммерческим фактором в рок-движении. Вместо того, чтобы использовать складывающуюся ситуацию благоприятствования, они сложили руки и уступили позиции дельцам, не озабоченным развитием жанра. Лучшие коллективы перекинулись туда, где лучшие условия, где лучше платят, а рок-клубы ушли в глубокомысленные размышления на уровне военного коммунизма: не грешно ли зарабатывать деньги, не грешно ли к ним прикасаться? С одной стороны, мы все такие революционные — спасу нет, а когда нам дают возможность проявить эту революционность — столбенею. А рынок таких не терпит, он работает оперативно: спрос — предложение. Я считаю, что кризис Свердловского рок-клуба во многом, если не в основном, связан с тем, что люди не сориентировались в современной коммерческой ситуации.

Вопрос: Как вы относитесь к самодельным рок-журналам? *(Г. Жиркова, г. Днепропетровск.)*

ВБ: Нормально. Самодельные журналы являются более «отвязанными», разрешают себе «загребать за буюк».

ИК: Я не так оптимистичен. Раньше я эти журналы читал, поскольку для меня это был луч света в темном царстве. Сейчас не читаю. Эти журналы упустили момент, не смогли легализоваться, встать на коммерческую основу и объективно усугубили кризис рок-движения. Все та же инертность.

Вопрос: Недавно появились записи группы «Настя». По моим сведениям, там играют ребята из «Наутилуса». *(М. Комракова, 18 лет, г. Москва.)*

Свердловская группа «Ассоциация». Солист — Алексей Могилевский. Он ваш саксофонист? Если нет — ясно! Если — да, поподробнее, пожалуйста, о его работе. *(Е. Гусева, диск-жокей, г. Свердловск.)*

ВБ: По поводу «Насти». Настя Полева — выпускница архитектурного института — экс-солистка группы «Трек», была такая группа в Свердловске, которая распалась на отдельные потенциальные личности. Сейчас она лидер одноименной группы, которой помогают различные музыканты. Впрочем, в последнее время Настя делает весь основной материал, начиная от текстов и кончая музыкой. Для нас это имеет определенный интерес, я считаю, что это обогатит рок-палитру, потому что у женщин на многие вопросы очень хитрые, неожиданные ответы. Настя — человек талантливый, и, мне кажется, уровень ее популярности не соответствует пока тому, чего она в действительности заслуживает. Что касается А. Могилевского — его сольные вещи выходят под длинным названием «Ассоциация содействия возвращению заблудшей молодежи на путь добродетели». Для него это своеобразная отдушина.

Вопрос: Останетесь вы в Свердловске или уедете в столицу? *(Л. Горбунова, п. Боровский Тюменской обл.)*

ИК: Это несущественно. Я, например, никуда из Свердловска уезжать не собираюсь. А кому-то удобнее жить в столице. Пока у нас билет на самолет стоит так дешево — можно и жить где угодно (начиная с определенного уровня доходов).

ВБ: Если имеется в виду место проживания, то скорее всего останемся в Свердловске. Что касается работы — не знаю. Хотя поговорка «нет пророка в отечестве своем» к Свердловску не относится, Свердловск — город благодарный, но все же техническая база здесь слаба. В Москве расположены все технические службы. Если бы мы были отраслью тяжелого машиностроения, мы бы предпочли работать в Свердловске, а поскольку имеем некоторое отношение к культуре...

ИК: Кто виноват, что у нас страна одного города, по крайней мере, в отношении благопритствования культурному производству...

Вопрос: Хотелось бы вам выступить на фестивале в Сан-Ремо? *(Е. Даниленко, г. Фрунзе.)*

ИК: Мне, итальянисту, да не хотелось бы поехать в Италию! Кроме того, у нас есть много вещей, которые не только внешне, но и внутренне связаны с итальянской эстрадой. Есть прямые влияния.

Корр.: Последний блок вопросов, который условно можно обозначить как «Отношение к». Пожалуй, нет такой сферы, нет таких имен, ваше отношение к которым не интересовало бы читателей. Поэтому, чтобы не затягивать наш разговор, вы вольны выбрать те вопросы, которые для вас кажутся значимыми. Молчание тоже будет своеобразным ответом: если Бутусов не считает нужным пояснить, нравятся ли ему уральские пельмени, значит, не такое великое место они в его жизни занимают.

Вопрос: Ваше однозначное отношение к «металлистам»? Как, по-вашему, должен выражать себя человек, которому еще не доверяют конкретных дел, и единственным событием в жизни является концерт любимой группы? *(О. Емелина, 17 лет, г. Ташкент.)*

ИК: С «металлистами» вопрос очень простой. Это вопрос кори, которая может в четыре года волновать лишь маму с папой, а в 25 лет — закончиться трагически. Или свинка. У детей она проходит нормально, взрослым мужчинам грозит импотенцией. То же с «металлистами». До определенного возраста я воспринимаю их нормально, я имею в виду поклонников, а потом меня начинает волновать их умственное развитие. Что касается музыкантов: для того, чтобы играть на высоком техническом уровне, нужно заниматься инструментом, по крайней мере, лет десять, то есть есть возможность повзрослеть. Но взрослый человек, зрелый в творческом плане, «металл», я считаю, играть не будет, а если играет, значит... В основном это толстые циничные дяди, которые делают детям то, что нужно, и получают за это деньги. Может, и правильно делают, жанр такой, отво-

дит в нужное русло разрушительную антисоциальную энергию, характерную для бестолкового мальчишеского возраста. Мальчишеского! Если «металлом» увлекаются девчонки — что-то не так... будто женщина штангой занимается! По поводу концертов как единственного события в жизни — здесь тоже все от возраста зависит. Для девушки в 17 лет — это нормально, а когда такое происходит у женщины в 25 лет — это свидетельствует о том, что у нее что-то не сложилось в жизни. Всему свое время, всему свое место под солнцем. Читайте чаще Экклезиаста.

Вопрос: Если бы к нам прилетели инопланетяне, какую земную музыку вы бы им предложили? (*Л. Федорова, Краснодарский край.*)

ВБ: Поскольку у нас инопланетяне ассоциируются с более высоким уровнем цивилизации, я бы им предложил послушать «хэви метал». Пусть побалуется экзотикой! Не все же в эмпиреях витать.

Вопрос: Как относитесь к курению? (*С. Ротач, г. Стерлитамак, БАССР.*)

ИК: В настоящий момент в очередной раз бросаю. Я считаю, что всякие искусственные стимуляторы очень вредны, причем не только для здоровья, а в первую очередь мировоззренчески. Интересующихся отсылаю к книге Фромма «Быть или иметь». Там разработана целая концепция формирования человека обладания...

Вопрос: Кем для вас является группа «Алиса»? Конкурентом? Единомышленником? Другом? (*С. Кривошеева, п. Мурманши Мурманской обл.*)

ИК: У меня к «Алисе» свое отношение. Кем является она для нас? Не конкурентом, потому что мы имеем разной закладки публику. Другом? Может ли группа быть другом? Являются ли друзьями рабочие коллективы? Единомышленником? Ни в коей мере! Мы с Кинчевым полярные люди. Он эксплуатирует

сложившуюся даже у юных культуру восприятия лозунгов: «Мы вместе!» Куда, чего вместе? Цой хорошо спел по этому поводу: «Все знают, что мы в месте, но никто не знает, где оно, это место». Это безответственная демагогия, единственно, что утешает, что не одно наше поколение этим больно. Мне же лозунги чужды. Скажем без хвастовства, назовите хоть одну песню «Наутилуса» с лозунгами. Лозунги — это всегда политика, а политика — это не всегда искусство.

ВБ: Мне бы хотелось считать, что группа «Алиса» для нас друг. В отношении каждого конкретного человека я знаю — это талантливые люди. Нас часто привлекают те личности, которые наделены качествами, которых нам лично не хватает. Самая яркая особенность Кости Кинчева — он генератор энергии. Есть люди — конденсаторы, если грубо так разделить, а он энергию вырабатывает, он даже впитывать в себя ничего не может, только выплескивает. И окружение его наполнено этой мятежной энергией. Сочетание их характеров с тем, что они поют, как они поют, очень убедительное. Их можно заставить петь не в «лозунговой манере», а тихонько что-нибудь мурлыкать, но это уже будут не они, они изменят своей естественности.

Вопрос: Увлекаетесь ли вы спортом? (*Н. Шульженко, г. Киров.*)

ВБ: Претензий к спорту у меня нет.

ИК: Я на велосипеде ездить люблю.

Корр.: И в заключение...

ВБ: Все поняли. Работаем над новой программой. Пришли к выводу, что, включая новый материал в старую программу, нивелируем значение новых песен. Так что придется подождать, пока будет готова программа полностью. Есть желание следующий альбом записать прямо на концертах, вживую. Это связано и с техническими условиями, и с тем, что такая запись намного богаче, чем студийная, в ней есть жизнь, напор. Будем продолжать гастролы. И благодарим всех тех, кто через

журнал передает нам приглашения, официальные и неофициальные. Есть предложения со стороны зарубежных организаций, хотя тут наши амбиции маленькие, сильно лишь желание посмотреть мир, а себя показать? Наши официальные организации такое желание отбили.

Вопрос: Что бы вы хотели пожелать читателям «Уральского следопыта»? (Е. Толмачева, Тюмень.)

Вячеслав Бутусов берет лист бумаги и... Смотри вкладку.

Разговор записал Юрий Шинкаренко.

Журнал «Уральский следопыт», № 12, 1988

Распался ли «Наутилус Помпилиус»?

Такие слухи ходили уже с середины осени. Сведущие люди рассказывали, что «Нау» собирается по ночам и на чьей-то квартире решаются сложные оргвопросы бытия. Наконец самые информированные сообщили, что «сегодня решающая ночь», и дрожь в членах объяла поклонников и поклонниц. Наутро в редакцию пришел Илья Кормильцев. Ни жив ни мертв наш корреспондент О. Открыткин (НК) бросился в расспросы.

НК: Что, что, что с Бутусовым?

ИК: Бутусов — единственный человек из старого состава, который остался. Сам он, правда, не хотел, чтобы дело ограничивалось им одним. Мы хотели сохранить еще Могилевского, но многопартийная система, в которую превратился «Наутилус», сыграла свою отрицательную роль, и Могилевский вынужден был уйти.

НК: В чем же, в чем причина всего происшедшего?

ИК: Дни этого состава были сочтены уже весной. В «Наутилусе» собрались люди, которые могли реализовать однажды данную им мысль, но не могли двинуть ее дальше. И если на каком-то этапе их потенциал совместился с мелодраматическим, гиперстрадальческим образом Бутусова, то дальше все получалось, как в мясорубке, в которую закладываешь то мясо, то овощи, а на выходе все равно получается одно и то же картофельное пюре. Ты пишешь уже совершенно иное, а у них все шло, как в хорошем телесериале, где за 17-ю мгновениями весны следуют 27, 37... Это утомило.

НК: Кто же, кто же теперь встанет по бокам и сзади Бутусова?

ИК: Вернулся Умецкий. Выразил согласие играть на барабанах Алик Потапкин. Он работал с «Наутилусом» вплоть до Черноголовки, но сейчас находится в гостях у маршала Язова и вернется только в мае. И на клавишах — Саша Пантыкин.

НК: Пантыкин? Он, что же, бросил свой «Кабинет»?

ИК: Он ушел из «Кабинета» в абсолютно забойной манере — не рокерской, но джазменской, — найдя приличного клавишника, подготовив его, передав ему свои партии и убедившись, что тот сможет его заменить.

НК: ...Так, значит, не раньше мая? Чем же сейчас занята команда? Творческий отпуск?

ИК: «Наутилус» пишет свой новый альбом, пятый по счету. Девять песен в нем принадлежит мне, две — Бутусову, одна — Умецкому. Названия у него еще нет. Могу лишь сказать, что все песни абсолютно новые и трактовка образа совершенно иная.

Журнал-газета «Сдвиг-афиша», 10 февраля 1989 г.

Ответы из фильма «Сон в красном тереме»

Во-первых, я думаю, что пафос разрушения плохих вещей значительно лучше, чем пафос созидания вещей ненужных. И поэтому рок-культура, даже если она призывает разрушать какие-то гадости, в любом случае не так деструктивна, как культура соцреализма, которая призывает созидать гадости. И мне кажется, что слово «разрушать» зависит от того, что мы разрушаем. Если мы ломаем старый, развалившийся сортир, наверное, это совсем другое действие, чем если мы взрываем храм Христа Спасителя. От этого и нужно плясать...

Мне кажется, что у нас очень мистифицируются слова: «созидать» — хорошо, «разрушать» — плохо, солнце греет, а луна — нет. Мы вообще мыслим категориями ну просто железобетонными, как железобетонными блоками. На самом деле все слова гибкие, резиновые и меняются от ситуации к ситуации, от людей к людям, от времени ко времени. И наверное, все эти комплексы — «рок-н-ролл такой, рок-н-ролл сякой» — да и не только рок-н-ролл, а что угодно — вот это самое страшное, что у нас в голове есть... эти железобетонные блоки. И самое страшное, что они страшны не только для тех, кто занимается рок-н-роллом, но и для тех, кто занимается какими угодно другими вещами — все этим больны в одинаковой степени. Рок-н-ролл по крайней мере стремился сломать эти железобетонные блоки. Пусть вместо этого и нагромоздил другие кирпичики, сложил другую стенку. Но все-таки такое стремление было, и это уже хорошо, иначе вообще получается сплошное хеопсово строительство.

Последнее время часто думаю вот о чем: почему у нас большая часть наработанного материала или относится к каким-то

параллельным метафизическим мирам, или относится к очень узкому тусовочному кругу, к жизни молодежи как таковой, к субструктуре, к субкультуре, к каким-то своим вещам. Я долго думал, почему это происходит, а происходит это не только в рок-музыке, но и вообще во всей молодежной культуре. Дело в том, что многое в нашей реальности само по себе просто не может быть объектом художественного изображения. То есть, когда существует нечто, которое существует вне плоскости гуманитарного сознания, вне плоскости человеческого бытия как такового, нечто, что по своей цели не только бесчеловечно или античеловечно, а нечеловечно вообще, оно не может быть отображено искусством. Попытки отобразить его искусством возможны только сатирическим способом. То есть если из этого всего возникают какие-то дьяволиады... когда они строятся из этого всего, тогда это можно отобразить. Попытка отнестись к этому как к живому миру, живым людям и живым проблемам, т. е. как к человеческому существованию, сразу ломается, потому что это не есть человеческое существование. И, соответственно, не есть предмет искусства. Таким образом, совок, который нас окружает, на 75% не есть предмет искусства. Когда мы пишем об этом мире, мы пытаемся его очеловечить, придать какие-то человеческие черты, а для этого мистифицировать. Писать о нем так, как он есть, невозможно, потому что об этом не пишется.

* * *

Честно говоря, если бы я сам мог все это взять и спеть, может быть, я бы себя чувствовал легче. Но вряд ли тогда себя чувствовала бы легче публика. Можно сказать, что это компромисс между мной и публикой. И компромисс, наверное, плодотворный, я так полагаю. Потому что меня никто не замечает, а их замечают, значит, так нужно, так нравится. Будем идти навстречу народу, не так ли?

* * *

Сколько я ни пробовал, написать что-либо вне пределов города Свердловска никогда не удавалось. То есть когда ты живешь в привычной среде, эта среда создает для тебя эмоциональное поле, в котором ты плаваешь и из которого ты что-то черпаешь. Но когда кто-то смотрит на продукт этого вычерпывания... не знаю, может быть, в нем уже ничего не осталось от конкретной географии, архитектуры и ландшафта. Для меня это очень важно, вряд ли я когда-нибудь от этого оторвусь, и нет никакого желания от этого отрываться. В маленьком городе люди ближе друг к другу и ближе к Богу. И все это вместе больше похоже на театр, и в этом больше драмы.

* * *

Я хотел бы рассказать от себя так много, что у вас не хватит пленки.

1989

О большой неправде и маленькой лжи

М. Орлов

Корр: Откровенно говоря, меня не очень удивил твой отказ от премии, хотя разговоры идут такие: надо было получить и отдать, ну в Детский фонд хотя бы... Многие восприняли это как демонстрацию. Давай для людей не очень сведущих в истории свердловского рока вспомним «донаутилусовские времена», начало 1980-х, эпопею с «Урфин Джюсом»...

ИК: Тогда в разгроме «УД» и «Трека» комсомол сыграл не последнюю роль. Была своя «Молодая гвардия» и свои маленькие директивные органы в лице зав. отделом пропаганды и агитации ОК ВЛКСМ В. Олюнина...

Корр: Насколько я помню, «запретительные» списки наших и западных групп в Свердловске появились на пару лет раньше, чем пришли из Министерства культуры. Помню еще, как требовали на областном конкурсе дискотек убрать из песни «Машины времени» «Поворот» «антисоветский» последний куплет. А раздутая из ничего история с якобы «фашиствующим» «Чингиз Ханом»?..

ИК: Да, все это шло из обкома комсомола. Были любители списочки посоставлять. Короче говоря, все мы хорошо знаем *бывшее* лицо комсомола, скажем так. К сожалению, пока плохо еще знаем *нынешнее*. Поэтому, естественно, в такой ситуации приходится опираться на прошлое. Отношение, результатом которого явился мой отказ от премии, это отношение к комсомолу, каким он был до настоящего момента. Все остальное пока не более как потенции.

Корр: Но, по-моему, следует и такой нюанс отметить: нынешние нормальные отношения Свердловского обкома комсомола и рок-клуба не характерны, если брать картину в целом по стране. В Свердловске же до погромного для рока 1983 года комсомол еще что-то пытался делать, хотя бы учебные семинары в начале 1980-х?..

ИК: Это организовывал горком, чисто по своей инициативе. Оговоримся сразу: есть комсомол как *политическая организация*, с уставом, программой, ЦК, печатными органами, принадлежащими ЦК. И есть комсомол как *совокупность людей* с различными вкусами, взглядами, интересами и прочим. Для себя это я очень отличаю. Пока у комсомола остается та же программа, то же название, эта организация и ее знаки внимания для меня неприемлемы. Люди — совсем другое. В последние два года симбиоз между Свердловским обкомом, ВЛКСМ и рок-клубом удается: нет обид каких-то друг на друга, симбиоз удачный, дополняющий. Даже не компромисс, ибо в чем тут он? Просто нормальные, деловые отношения двух взаимопользующихся и нужных друг другу организаций.

Корр: Знаешь, у меня иногда складывается впечатление, что «наверху» в комсомоле не так изменили отношение к рок-музыке, как просто пытаются подладиться через нее к молодежи: с одной стороны, публикации хвалебные или по-хорошему нейтральные, премия вот эта, а с другой явно санкционированные погромные статьи, и не только о роке, в «Пожилой гвардии», как ее рокеры называют (а это ведь орган ЦК ВЛКСМ!)...

ИК: В ЦК ВЛКСМ резонно могут сказать: «У нас есть журнал “Молодая гвардия”, но у нас есть и “Юность”!» Если бы эти журналы издавались не одной организацией, все стояло бы на своих местах: хочешь «спасать Россию» — знаешь, куда записываться, хочешь наоборот — тоже знаешь куда. Совсем же другое дело — вобрать все тенденции под свое крылышко.

Есть руководящий орган, и он должен принимать какое-то *одно* решение и не может одновременно красить одну поверхность в два цвета, быть и за Советскую власть и за крестный

ход. Это просто невозможно. Такая тенденция говорит о том, что в каком-то из двух случаев нас просто обманывают.

У меня есть серьезные основания полагать, что ЦК ВЛКСМ пытается кого-то обмануть. Поскольку не знаю, кого конкретно, предпочитаю не иметь дела с партнером, чистота намерений которого вызывает сомнение. Тем более, что присутствует во всем этом Анатолий Иванов, редактор «Молодой гвардии». Очевидно, у него разные руки: одна подписывает разгромные статьи, другая — постановление о награждении премией Ленинского комсомола.

Корр: Знаешь, я недавно анкеты одного обследования смотрел, и в них все музыканты на вопрос «Способен ли комсомол оказать какую-то поддержку развитию рок-музыки?» ответили отрицательно. Вернемся к Свердловску: чем может комсомол реально помочь нашим рок-командам?

ИК: Естественно, мог бы помочь с теми же помещениями для студий, какие-то свои праздники устраивал, оплачивая выступления на них. Но для этого он должен быть свободным. Пока наш обком комсомола является чем-то вроде департамента общесоюзного министерства, сложного и занятого (не всегда понятно чем), то при всем желании у него связаны руки. Если бы он сам был хозяином своей казны, а то ведь почти все передается по эстафете вверх. Ну, а Москва — это пока что первая документально установленная «черная дыра», где все исчезает бесследно...

Корр: Учитывая двойственность положения, возьмем ситуацию «хочется — не может». Создается впечатление, что руководство просто выжидает: чем вся нынешняя заваруха кончится?..

ИК: Выжидать — это традиционная позиция комсомола, если не с самого начала, то многих последних лет. А помочь... В той ситуации, в которой находится рок-культура, ей не поможет «ни бог, ни царь и не герой», тут беда даже не в комсомоле. Даже какие-то вливания сейчас (финансовые и прочие) ничего не смогут поделать против кризиса творческого и миро-

воззренческого. Раковый больной не выживет, даже если его каждый день кормить омарами. Но, в принципе, какая могла бы быть помощь? Даже не от комсомола, будем смотреть вперед, а от молодежных, назовем так, политических организаций. Не только в рок-музыке, а вообще в молодежном искусстве. Помочь — давать в первое время поддержку принципиально не способным на коммерческое существование коллективам, к которым скоро будет относиться львиная доля групп, занимающихся рок-музыкой, хороших групп, и такая ситуация ничем бы не отличалась от существующей на Западе, когда та же «Юманите» организует фестиваль на свои деньги, и себя рекламируя, и другим помогая...

Корр: Давайте немного отвлечемся от политики. Нам в редакцию звонят и письма шлют, спрашивают, чем «Наутилус» занимается, что ты делаешь? С «Нау» более-менее ясно, а вот с тобой...

ИК: Этот год я занимался не столько «Наутилусом», сколько разными другими вещами. Тот материал, над которым сейчас работают Бутусов и Умеккий, написан еще осенью или в самом начале зимы прошлого года. С трудом представляю сегодня, чем они занимаются. Приходится судить по конечному результату. Последний раз я их видел по телевизору. Это произвело на меня удручающее впечатление. Там сейчас решают другие люди, московско-ленинградские, в основном не имеющие отношения к музыке.

Корр: Что ты думаешь о положении в отечественном роке сегодня?

ИК: Мне кажется, что сегодня общая беда наших рок-н-рольщиков: когда они стараются казаться умнее чем они есть, пропадает то, что называют умным словом «аутентичность», искренний рассказ о том, что ты есть. Стремление материал, идущий от тебя, «облагородить» какими-то приемами, профессионализмом. При всей моей симпатии к Саше Пантыкину мне никогда не нравилась «пантыкинская школа», я всегда предпочитал музыке Майка, которая делается просто, где нет технократизма,

исхищенной нотной структуры. Когда пели для своих, не нужно было никаких претензий, когда сейчас вышли на публику, и публика не приняла — она и не должна была это сделать по многим причинам, рок не был воспринят публикой как качественно иной вид искусства, сочли за новую «попсу».

Кто-то, как Кинчев, хотя бы потянулся за толпой с криком «Ура!», уходя все ниже и ниже в самую дешевую «урлу», «пролетарскую попсовизацию». Здесь по своему стержню отличий нет: что «металл», что Белоусов.

А другие решили попасть в стан «настоящего», по их пониманию, искусства: нужны симфонические авангардисты-аранжировщики, вымудренность...

Корр: С кем ты работаешь сейчас? Точнее, хотел бы работать?

ИК: С Брюсом Спрингстином. Или Джаггером! С нашими «совками» сейчас работать трудно: они ушли от настоящих рок-н-рольных задач и не могут сделать «крутую» песню. Вот как со Славой раньше было: делаешь текст, он его пропускает через себя, ставит себя в эту ситуацию. И выдумывает какую-то свою, хитрую музыку, на тех же немногих аккордах. У Болаана она что, была на многих?..

Я хочу попробовать симфоническую музыку, хочу попробовать ситар, но меня смущает, когда человек это ставит во главу угла: «У нас было много “попсы”. А сейчас мы делаем “умную” музыку!» Когда начинаются такие задачи, умирает искусство. Вот человек говорит: «Сейчас напишу смешной рассказ!» — а выходит такое, что со скуки мухи мрут.

Трагедия даже состоит не из рок-музыкантов, а из самой души нашей национальной зажатой.

ИК: Да, я что-то сам не вижу просвета: группы, которые по-своему работают, можно пересчитать по пальцам. В основном, клиширование чьих-то находок. Не чувствуется новой общей идеи для развития...

Корр: Это как раз вопрос об этническом. Меня сейчас этнос очень интересует: это то, что Запад хочет, а мы ему не можем дать.

ИК: В ранней музыке БГ очень много было национального. Этнос умирает и от вечного нашего комплекса: «Да чё мы, так себе! Вот на Западе, это — да!» На самом деле это большая неправда, которую выгодно поддерживать, потому что народом, который считает себя неполноценным, легче управлять. Поэтому для меня что «Молодая гвардия», что «Огонек» — это два Арлекина на левой и правой руках одного человека, чтобы все смотрели на этот кукольный театр, головой вертели туда-сюда и не причиняли лишних беспокойств кукловоду.

Газета «На смену!», 9 декабря 1989 г.

Кризис культуры? Нет, смерть гуманизма!

Человек размышляющий... Homo meditans. Что же мы планируем в этой рубрике? Естественно, что это будут интервью и диалоги с теми собеседниками, которые могут сказать что-то большее, чем элементарный набор из нескольких общепринятых истин. И совсем необязательно, чтобы наши собеседники были людьми известными или, более того, популярными. Форма же диалога-интервью должна оптимально выявить те сильные (как одновременно и слабые) стороны, что присущи той или иной личности, на которую пал выбор журнала, но начинаем мы со встречи с человеком известным, более того в определенной среде популярным. Это поэт Илья Кормильцев, хорошо знакомый многим как автор текстов группы «Наутилус Помпилиус». «Человека размышляющего» первого номера журнала «Микс» представляет прозаик Андрей Матвеев.

* * *

Я знаю Илью Кормильцева почти десять лет и не могу сказать, чтобы все эти годы общение наше шло лишь вокруг того феномена, который называют рок-музыкой. Более того, именно о рок-музыке в последние годы мы говорим с ним все меньше и меньше, хотя на это у каждого из нас свои причины. И тот диалог (точнее, монолог Ильи, лишь изредка прерываемый моими репликами, большей частью именно репликами, а не вопросами, оттого-то это и не интервью), который сейчас прочитает читатель, создает совершенно иной образ Кормильцева, чем общепринятый, введенный в оборот масс-медиа.

Илья — человек не просто размышляющий (а такое состояние для него постоянно), но делающий это парадоксально и очень остро. Я бы даже сказал, что мысли его всегда провоцируют, и это касается всего, о чем бы он ни говорил. Впрочем, человек он большой эрудиции и высокой культуры, а значит, что в этих его пара-

доксальных и провоцирующих размышлениях есть некая аналогия тяги к приключениям у прирожденного авантюриста. Проще говоря, иначе он не может.

Как же отнестись к тому, что вошло в часовую кассету японской фирмы ТДК, которую наговорили мы одним, не так уж и давним, зимним днем? Не буду давать оценок и комментариев, скажу лишь, что я — и это для него не является неожиданностью — во многом с ним не согласен, и прежде всего в том, что касается формулировки «смерть гуманизма». У абстракций есть свои сильные стороны, но есть и слабые, в данном случае это то, что мы, русские, гуманизма этого пока еще так и не видели, а, как говорится в одном анекдоте, очень хочется. Но и сильны абстракции тем, что и них есть своя железная логика, которая не просто убеждает, а переубеждает, или хотя бы стремится к этому. Но не буду забегать вперед. Пусть уже известное мне станет достоянием многих.

Андрей Матвеев

АМ: Давай начнем с того, что культура — это не какое-то отвлеченное понятие, культура — это тот микрокосмос, в котором человек существует. И раз мы выбираем такую тему, как кризис культуры, то надо прежде всего подумать, а стоит ли об этом говорить на фоне того, что происходит в стране сегодня?

ИК: Начнем с того, что говорить об этом стоит, и именно на фоне того, что происходит в нашей стране. Ведь чрезвычайная ситуация должна бы, по идее, привести к совершенно невероятным культурным событиям. Тем не менее мы наблюдаем провинциальную затхлость культурных реакций, возникающих в окружающих нас экстраординарных ситуациях. Срабатывают рефлексы неглубокого уровня, и никаких космических откровений, никаких свершений духа не происходит. Вершится же какой-то общий обвал, от которого пахнет болотом, но самое интересное, что Запад, противопоставляемый нам сейчас как некая цель, идеал, мечта, находится в лоне очень сходных процессов.

АМ: Ты уже опередил мой вопрос...

ИК: ...Ведь мы говорим сейчас о вещи, которая имеет значение для всей человеческой цивилизации. Назовем это кризисом культуры.

АМ: Может, о западной цивилизации и западной культуре мы поговорим чуть позже?

ИК: Мне бы не хотелось отрываться от проблем Запада в их сопоставлении с Россией. Потому что сейчас больше волнуют моменты сходства, чем различия. Хотя бы потому, что моменты различия уже пережеваны большим количеством мозговых шестерен, мясорубкой, которая жевала этот фарш усилиями как внешней, так и внутренней эмиграции на протяжении 70 лет. Все эти различия давно найдены. Значительно меньше за это время думалось о сходстве. Сходства были как-то не в моде.

АМ: Ты не так давно вернулся из Италии, где был почти полтора месяца. Это достаточно большой срок для человека, который долгие годы был невыездным, как почти все люди нашего поколения. Так что у тебя была возможность самому заметить эти сходства на примере столь близкой тебе латинской культуры, которая достаточно отлична от славянской.

ИК: Скажем так, как раз там для определенной части людей отношение и культуре еще не вышло из рамок Ренессанса. Культура как повседневная реальность. А наступление на нее идет с двух сторон: из-за океана и с Востока. И Европа в этом плане представляет какую-то не во всем совершенную, во многом безупречную цитадель, которая могла бы стать объектом критики, но это все-таки цитадель...

АМ: Европа еще живет в дошпенглеровском понимании культуры?

ИК: Европа во многом живет еще и ренессансным понимании культуры и это несмотря на все модернистские волны, несмотря на все то, что было в 20 веке. Это слишком корневая традиция, которая просто так прерваться не может и которая, очевидно, подпитывается многими историческими и человеческими факторами. Мне кажется, что у духовности есть материальная масса. Так же, как и у энергии, которая, согласно Эйнштейну, может быть выражена через массу. А масса — обратно через энергию. И чем больше материальная масса, накоплен-

ная духом, тем труднее ее искоренить. Такая материальная масса культуры выглядит элементарно: это информация, это тексты, пергамент буквы, камни. Пока они существуют, существует в материальной форме и культура. Она может быть забыта, оставлена в пренебрежении, но она не мертва, потому что она всегда может «выскочить» наружу, как «выскочили» после средневековья все греческие рукописи, как бы их не стирали. Как появились все эти раскопанные гуманистами древние камни. Они «выскочили» наружу, и оказалось, что все это живо. Хотя какие-то фрагменты, естественно, утерялись. И на этом фоне колоссальной массы культуры в Европе очевидна, скажем так, точность решения, найденного коммунизмом в отношении культуры и путей ее искоренения. То есть удар был направлен на искоренение самой этой массы, а не только против людей, которые ее несут. Можно искоренить всех носителей языка, но всегда найдутся люди, которые попробуют расшифровать эти рукописи снова. Проще искоренить сначала все рукописи, чтобы не было у человека возможностей найти их даже в библиотеках.

АМ: Чтобы забыли, как выглядит Спаситель, нужно уничтожить все иконы.

ИК: Да, поэтому точность наступления, которое было принято в этой стране на культуру, состояла именно в понимании того, что культура имеет материального носителя. Причем, как правило, люди некультурные, люди, вышедшие из низов, эти вещи понимают гораздо лучше, чем люди, которые замыкаются на абстракциях духа и считают, что рукописи не горят. Очень даже хорошо горят... Как правило, люди же, которые относятся к слову как к черной магии и сами при этом, естественно, мыслят магически (а по-иному они не умеют), прежде всего стремятся уничтожить амулет, реликвию, крест, потому что видят в нем материальную форму той силы, которой они опасаются. А в Европе все-таки есть эта огромная масса материальной культуры, которая давит. Даже на тех людей, которые потенциально могли бы стать ее разрушителями.

АМ: То есть хочешь ты или нет, но ты воспринимаешь там, через энергетическое поле, что ли, через состав воздуха, этот культурный багаж, эту атмосферу, которая существует уже тысячи лет?

ИК: Да, примерно так. Если бы когда-нибудь итальянцы попробовали — впрочем, я не верю, что когда-то это случится, — взорвать, например, флорентийский Дуомо, то осколки бы, как говорится, засыпали всю страну, и в результате этого взрыва они бы сами моментально погибли. У нас же вокруг большая степь. И если взорвать храм Христа Спасителя, то все просто отскакивает в стороны и скрывается в снежной пустыне. И вроде бы как живы.

АМ: А все-таки давай перейдем к тому интересному тезису, который ты предложил, к тезису о сходстве культур...

ИК: Ну, для меня это достаточно традиционная мысль. И мысль, в общем-то, пословичная, хотя мало кто задумывался над истинностью подобной максимы. В современном мире, в современной цивилизации действуют две зеркальные противоположности, две противоборствующие силы, которые замыкаются на себе как инь и ян. Это Россия и Америка, которые ведут атаку против, скажем так, гуманизма, который в Европе существует в музейном, законсервированном виде. И они ведут на него атаку с двух сторон. Относиться к этому можно по-разному. Одни пытаются представить это как какую-то варварскую разрушительную силу, допустим, ту же Америку, которая в силу своей космополитичности и оторванности от корней обрушивается на культуру в старом понимании этого слова волной новой цивилизации. Это вроде того, как если бы прилетели марсиане и начали входить в контакты с людской цивилизацией. То есть они были бы как американцы, или, соответственно, американцы, как человекообразные марсиане. Но это неправда, и мне кажется, что обе атакующие силы, пусть и каждая по-своему, обрушиваются на этот гуманизм в старом, возрожденческом понимании, не как чуждые элементы, а как естественные и последовательные отпрыски. И смерть культуры

в наше время — это смерть гуманизма, наступившая не в результате внешних факторов, а в результате исконно имманентных ему противоречий. При желании возвеличить человека без уточнения, какого же именно. При постоянной склонности видеть в человеке только рациональное, позитивное начало, а не полуживотное.

АМ: Попробуем подойти к проблеме более дифференцированно. Что ты понимаешь под наступлением России на европейскую культуру?

ИК: Наступление России на европейскую культуру сохранилось в том же, в чем разница между православием и католицизмом, то есть в той границе, которая пролегла между двумя церквями после Великой Схизмы. Если говорить об этике, то она в акценте на различные строки Христовой проповеди. Если для католицизма больший вес имели одни строки Евангелия, то для православия, как правило, эти строки были не теми же самыми. В католицизме, как более рациональном учении, с самого начала сильнее акцент ставится на то, что всегда будут бедные и богатые. На то, что Богу — богово, а кесарю — кесарево. Православие — это больше идея богочеловечества, как единство Христа и мира, их сродства.

Но дело еще и в том, что гуманизм в принципе был попыткой облагородить мирскую структуру церкви как духовного государства, облагородить отдельного человека, признать его равенство, так сказать, божественному. Через обращение к каким-то традициям античности, к выведению из-под монополии монотеизма, из-под Бога Отца. Приравнивание же к Богу — это движение в том же направлении, но с другой стороны. Именно это и было содержанием гуманизма, ведь православие несло в себе гуманистические начала еще до появления того же итальянского Возрождения, пусть и в другом силовом поле. Нужно уметь достаточно хорошо смотреть через внешнюю поверхность красок, чтобы говорить об этих сходствах, ведь они могут оказаться более чем приблизительными...

АМ: Как только ты приехал, так сразу сказал мне, что у тебя резко изменилось отношение к религии.

ИК: Правильно. Само христианство исчерпало себя во многом в тех формах и проявлениях, в которых существует как в католицизме, так и в православии. Именно в силу того, что идеал гуманизма есть всего лишь идея, списанная с истории цивилизации, на протяжении последних ста пятидесяти лет показавшая свой архаичный характер.

АМ: Тут мне бы хотелось возразить тебе и сказать, что христианство не может исчерпать себя...

ИК: Я имею ввиду его существующие формы.

АМ: Да, формы, говоря о христианстве как о христианской церкви, как о церкви земной...

ИК: Церковная организация есть только проекция или отражение, в данном случае — обратное сознанию паствы.

АМ: Тогда мы сразу можем вспомнить ту христианскую революцию, которую пытались провести в начале нынешнего века наши с тобой соотечественники. У того же Бердяева очень много идей, которые еще не сыграли своей роли, но будут играть ее в самом конце двадцатого, в двадцать первом веке, если не позже.

ИК: Да, но мне кажется, что Бердяев не завершил свою духовную эволюцию. Для меня попытки придумать христианство с личной свободой — то же самое, что придумать коммунизм, в котором есть место частной собственности. Потому что, хотя в христианстве много разных, порой диаметрально противоположных истоков, как и в любом другом духовном процессе, ведущее начало богочеловечности слишком сильно, ведь если его убрать, то Евангелие, как таковое, исчезнет вообще. Исчезнет вся та Благая весть, которая в нем содержится, и представить себе христианство без этого — это как представить себе кофе без кофеина, сигареты без никотина. В общем, вещи, которые можно сделать, но которые, как бы их ни хвалили врачи, никогда не будут пользоваться спросом. Ведущая идея еще изначально

уравнивала раба с его господином и освобождала тем самым раба из-под господина. Это то, чем христианство победило и завоевало мир. И, как это ни печально признать, мне кажется невозможным придумать христианство, которое не содержало бы элементы, дающие в эволюции коммунизм.

АМ: Получается, что, отвергая христианство для будущего, мы отвергаем не просто определенный путь развития. Мы отвергаем гораздо большее — ту идею, которая делала человека именно человеком, а не животным.

ИК: Тогда надо признать, что это была единственная идея, которая была в состоянии поддерживать человека в человеческом состоянии. Что же держало на протяжении стольких тысячелетий античный или азиатский мир, предшествующий приходу мировых религий, то есть буддизма, ислама и того же христианства? Но я не могу сказать, что Рим 1-го века был более жестоким, чем Рим 15-го или 16-го веков с инквизицией. Мне кажется, что вообще сопоставлять, выдумывать какой-то жестокомер и измерять им жестокость нет смысла. Для каждого человека больше тот гвоздь, который находится в его сапоге. Эти культуры жили, существовали и не заканчивались глобальным каннибализмом и самоуничтожением. Более того, как мы начинаем понимать сейчас историю того же Рима, историю римского рабовладельческого общества, это была во многом (по крайней мере на многих уровнях) одна из самых гуманных форм эксплуатации человека человеком. То есть человека эксплуатировали, делая его членом семьи, тем самым заставляя его работать на себя. У нас очень часто действует неправильное, неправомерное понимание различных исторических, социальных, экономических укладов, которые преломляются через призму нашего современного видения.

Наверное, для современного человека было бы большим унижением, если бы он оказался рабом какого-нибудь римского патриция. Но нужно все судить мерками человека своего времени. Я не хочу сейчас защищать те общества, которые в моей защите просто не нуждаются, потому что просуще-

ствовавшие тысячелетия. Я хочу просто сказать, что мы мыслим слишком узко. И эта узость иногда мешает нам понять кошмарно глобальный размах того кризиса, при котором мы присутствуем. Если брать какую-то историческую точку отсчета, то мне кажется, что первый момент, когда почувствовалось, чем пахнет гуманизм, — это Великая французская революция, 200-летие которой совсем недавно с такой помпой отмечали французы. У них до сих пор есть полное право ее благодарить, ведь они сделали ее первыми, а отделались достаточно дешево, потому что последующие, как бывает в тех же детективах и боевиках, как правило, бывают гораздо глупее и кровавее.

АМ: Получается, что гуманизм умер. И что же делать, как относиться к этому?

ИК: Я скажу, что для меня весть о смерти гуманизма (или Христа) радостна. И прежде всего потому, что это предвестник большого начала. Даже не предвестник, а само начало.

АМ: Видишь ли, мне, как верующему человеку, сложно понять то, что может быть начало без Христа. За отправную точку возьмем то, что когда Сын человеческий пришел в мир, то он принес миру нравственное обновление. Прошло две тысячи лет. Сейчас требуется новое нравственное обновление. Вот видишь, как интересно получилось: заговорив о кризисе в культуре, мы пришли к человеку, к вопросу о религии. Я хочу сказать о таком своем наблюдении. Мне кажется, что последние 72 года нашей жизни окончательно доказали, что Бог есть, потому что они показали, к чему может прийти страна, лишенная Бога...

ИК: Тут много сомнений. Во-первых, были ли мы лишены Бога эти 72 года? По-моему, те, кто верил, не были. Может правящая группа людей была лишена Бога? Но такие группы существовали и до прихода к власти большевиков. Так что не все так просто и не все хотелось бы сводить к таким формулировкам, которые раз и навсегда все обозначают и приговаривают. Скажем так: сейчас действительно наступил момент нового нравственного обновления, мне кажется, момент становления нового человеческого общества. Это момент расслоения. Ведь когда

стадо расслаивается, то в нем начинает функционировать ген деления, это способствует возникновению разума. Разум же ищет свое продолжение в орудии. А орудие может быть и одушевленным, по крайней мере, нет никакой предначертанности или врожденного табу, которые бы запрещали быть орудием, как продолжению разума, одушевленным, и даже многочисленным в виде народов или войска. Разум ищет орудия, потому что посредством орудия он вмешивается в естественный закон и направляет его в другую сторону. Разум не мог существовать без расслоения общества, потому что обращение к неодушевленному орудию на данном этапе должно было привести в дальнейшем к одушевленным орудиям. Таким образом, человеческое общество обязано своим возникновением неравенству, функциям, которые длительное время осознавались как неизбежное, нечто врожденное и данное как собственно история, то есть история человечества, не просто как накопленный военно-политический опыт, а как некий космический процесс, имеющий религиозный характер и свою цель, то есть история как возникновение теологии цивилизации. На этом же этапе родились мировые религии, в том числе христианство. Благодаря этому возникновению этического элемента человечество и стало человечеством. Но это был, с другой стороны, еще и неосознанный протест, содержащийся в душе человека против отчуждения от окружающего мира через превращение самого себя в чье-то орудие, то есть протест против иерархии общества. Это был шаг вперед, так как ситуация становилась осознанной. А ведь мы договорились, что мышление есть свобода. С другой стороны, это был шаг назад, пусть даже в деле утверждения идеала, то есть в своей познавательной части это было позитивно. В части же футурологической, с моей точки зрения, это было ни то чтобы негативно, так нельзя говорить об истории, но это навлекло беды. Потому что Царство Небесное, Царство Божие, как оно представляется в христианстве, существует в любом национальном парке-заповеднике, среди любого стада оленей. И получилась такая двойственность: первая сторона — это шаг вперед, к Богу,

в какое-то невообразимое Царство Небесное, вторая же сторона — шаг назад, к стаду, как к общественному идеалу. И можно говорить что угодно, но о всех тех тонких дефинициях и диалектике людей, которые пытались воссоздать справедливую систему, спустившись на уровень народной религии, — все это помещается в религию стада...

АМ: Хотя тот же Бердяев временами и пытался рассматривать судьбу человечества как судьбу каждой отдельной личности.

ИК: Личность — это разум. Разум — это орудие. А орудия не запрещены никакие материальные формы. И неизбежно мы приходим к тому, что человек, который пишет о Боге, должен есть хлеб, а хлеб ему кто-то выращивает, и от этого никуда не денешься. И не каждый человек, сеющий хлеб, нуждается в книгах.

АМ: Тут мы подходим к довольно любопытной теории, которая, возможно, многих покоробит и пойдет вразрез с российской культурой мышления. Не тебе объяснять, что русское мышление прежде всего мессианское. Мессианско-утопическое, мессианско-эсхатологическое. И основное содержание мессианско-утопического мышления — это то, что мы пожинаем до сих пор — так называемое общинное мышление, то есть когда люди могут жить или только хорошо, или только плохо, а третьего не дано. Из твоих же слов выходит, что золотая середина человечества — это справедливое неравенство. Так?

ИК: Да. Я еще хотел бы сказать, что общинность в рамках православного народного сознания есть один из ярких исторических пережитков одновременно как доцивилизованного состояния славянского общества, так и включенных в него элементов христианской этики. Они сливались в едином сознании общины, и она приняла эту веру лучше всего и быстрее всего, то есть первыми стали варвары, а не греки. И варвары стали первыми распространителями, первыми носителями, первыми прозелитами этой новой религии. Ведь еще ощущалась близость к тому состоянию золотого века, на которое уповало их сознание. Впрочем, римляне тоже считали, что в сатурнову

эпоху существовал золотой век, но, благодаря признанию нецикличности, линейности мира, мир для них был вечным и линейным, как боги. И сатурнов век был тем, что случилось лишь однажды и больше не может повториться, то есть это было детство человечества, через которое оно прошло. И как взрослый человек во второй раз не становится ребенком, так же человечество не возвращается в сатурнов век, оно идет вперед, к своей старости и, в общем-то, к смерти, хотя столь далеко еще никто не заглядывал. И получилось так, что христианская религия всего лишь взяла и продолжила линию.

Главная идея сводится к личности, для которой спасение есть искупление грехов, где все заключено в том Господнем Лоне, откуда изначально вышел, пошел своей дорогой греха и вернулся человек.

В таком случае, последним шагом, который не сделало христианство, будучи все-таки продуктом рациональной средиземноморской цивилизации, было то, что сделали индусы, породив буддизм и замкнув этот круг, сделав человека бредом Божественного. А то, что я говорил о православных, счастливо воплотилось в варварах. Но в Европе, где ситуация была менее варварской, то есть куда уже сильно проникли латинская и греческая цивилизация, уже существовали большие массы народов, так или иначе испытавших на себе влияние этих культур, этого отношения к жизни. Так и возник компромисс между христианскими и античными идеалами, что оформилось в католицизме...

Я веду мысль к тому, что если первоначально то же монашество зарождалось как течение диссидентское по отношению к складывающемуся тогда епископскому церковному аппарату, то уже на самом первом этапе формирования западной церкви оно легко влилось в римский госаппарат. Что те люди, которые искали в этом спасение от римской государственности, то есть от империи, моментально взбунтовались в первые же века существования христианской религии в тех формах, которые она начала принимать. Их иудейское восточное начало не выдер-

жало: рабам было недостаточно вместо одного храма получить другой, но с теми же персонажами. А ведь именно такая перестройка христианства состоялась в римском обществе. Начались монашеские течения, ариане, крайние африканские ереси.

Почему все это? Потому что слишком быстро появился компромисс. И компромисс не понравился, было два противоборствующих начала: римское и варварское. В случае же славянского общества компромисс наступил моментально потому, что сблизились две очень близкие структуры. В данном случае этические, которые приняли друг друга достаточно легко.

АМ: А тебе не кажется, что община, в том плане, в каком о ней говорят неославянофилы, — это именно то, что не дает возможности русскому человеку реально посмотреть вокруг?

ИК: Так же, как если мы признаем, что декартова логика — то, что дает западному человеку точно также посмотреть вокруг. То есть мы здесь на равных признаем крайность этих обеих точек зрения, этих двух мнений и их закрытость по отношению к зарождающемуся новому процессу.

АМ: Мы сейчас можем очень легко перейти на проблемы, менее отвлеченные для читателя нашего журнала, чем то, о чем говорили. Это экономика, политика, идеология и прочее. Возьмем даже пресловутую перестройку экономики и те же кооперативы. Что же больше смущает людей? Что кто-то начинает жить лучше.

ИК: Причем явно непропорционально приложенным, в большинстве случаев, усилиям. То есть получается, что община способна признать, что отдельный человек может жить лучше, но для этого он должен, как ни парадоксально, или шею себе сломать, то есть работать как лошадь (тогда это простительно), или он должен украсть. Но украсть втихую, ночью. И община опять его простит, если, конечно, не поймает за руку. Вот такие парадоксы общинного сознания, которое позволяет выйти из этого равенства либо хитростью и ловкостью, либо бешеной усталостью, но ни в коем случае не нормальной работой. Всегда каким-то экспериментальным процессом.

АМ: У меня, да и не только у меня, вообще ощущение, что Россия — страна крайностей...

ИК: Мне кажется, что это характерно не только для русского государства и человека, а вообще для всех обществ с примитивным земледельческим характером мирозерцания. Причины этого скорее всего коренятся в магическом уровне сознания. Дело в том, что в подобном обществе человек, совершивший деяния, относящиеся к разряду табуированных, выходит за пределы юридической компетенции данной общины. Его изгоняли, но не убивали, потому что убить было опасно: переступив право, он становился носителем магической силы, то есть магическим объектом, который находился как бы вне общества. И убить его означало бы высвободить эту силу, причем с самыми непредсказуемыми последствиями. Если же человек в определенных случаях просто богател, приобретая состояние путем особого геройства или еще как-то, то он все равно изгонялся из общественного круга.

АМ: Община любит равных себе...

ИК: Да. Для общины характерно то, что когда кто-то круто переступает законы, она не столько карает, сколько отлучает. Кара характерна для тех, кто внутри ее рамок пытается вести более-менее нормальную жизнь, но отличающуюся от других. То есть, скажем так: община карает осторожных. Тех же, кто смел, кто не осторожен, пусть это будет геройство Марса или Меркурия (что не имеет значения), община не осудит, а просто исключит, потому что они другие. В нашем случае такой человек — русский барин. Как это было, к примеру, в русской истории? Отношение к барам никогда не было завистью (не берем дворовых людей), оно всегда было снисходительным презрением, как к людям другой нации. Причем чем больше идеализировалось русское интеллигентное общество, тем больше это находило подтверждение на бытовом уровне крестьянского сознания: это люди другой нации, может быть, что и другой планеты.

АМ: Мы рисуем довольно печальную перспективу...

ИК: Так же, как сейчас для советского человека характерно то, что он попросту рычит на бедного кооператора. Именно бедного, потому что на свои жалкие 1000 рублей в месяц он может купить немногим больше, чем обычный рабочий, получающий 200. При этом люди не обижаются на того же Рокфеллера, живущего где-то в Америке. Потому что тот, известное дело, — американец. А этот свой. И что это он тут мне бизнес разводит?! А ну-ка его! И точно также общество не злится, а с какой-то плохо скрываемой завистью относится к деяниям наших подпольных мафиози, потому что они тоже другие, тоже уже вне законов общины.

АМ: Довольно грустная картина для будущего русского народа, если можно, конечно, говорить о таковом. Я согласен с Георгием Федотовым, который сказал, что русского народа в 1930-х годах уже не было, остался советский народ, и встает вопрос: а что будет? Оставим в стороне даже то, к чему привели эти 70 лет. Россия всегда была недовольна тем, как она живет, и тем, как она хотела бы жить всегда, а хотела всегда не просто по-иному, а лучше. Это опять-таки, на мой взгляд, свойство общинного сознания — жить лучше в российском понимании. Хотя Россия никогда не жила лучше. В России были те или иные времена, было чуть лучше или чуть хуже, было чуть больше крови, чуть меньше. А что впереди? Получилось самое смешное: народ стал смотреть, как люди живут на Западе. И народ захотел жить так же.

ИК: И не хочет это делать через триста лет, которые необходимы для того, чтобы достичь этого.

АМ: Более того, он не хочет делать те необходимые эффективные усилия, как это было на Западе. То есть, наверное, по их мнению, должен прийти Спаситель и всем дать то, что они хотят.

ИК: Нужно признать элементарную мысль, что в настоящее время внутри нашего общества нет реальных сил, которые бы вывели его из фатального клинча, в котором оно находится. Это «двойной нельсон», из которого никак не высвободиться. Это

«двойной нельсон» своими же руками на собственной шее: такой вариант нанайской борьбы со сламыванием шейных позвонков, соответственно, самим себе и разбить его может только сила чуждая. Чуждая — не имеется в виду иностранная. Чуждая — это та, которая осознанно поставит себя вне этого общества и вне его традиций.

Осознанно потому, что бессознательно это делать невозможно, для этого нужно быть воспитанным в чуждой среде, в иной культуре. Осознанно потому, что для этого надо надеть на себя какие-то философские узы, шоры, уздечки, которые заставят поступать как надо, даже если сердце будет говорить по-другому. Поступать как надо, то есть исходя из умозрительных теоретических предпосылок. Только такая сила, если она будет чуждой и даже, может, враждебной, сможет совершить успешное разрушение этой общины, причем разрушить не во имя европеизации российского общества, то есть, превращая его в какую-то вторую Европу, что вряд ли возможно и вряд ли интересно, а разрушить ее потому, что, как всякое общество, формы свои в будущем общество найдет само. И как будет выглядеть русский постфеодализм, сказать сложно, если ни невозможно. Единственно, что нужно, — это толчок.

Под этими словами я подразумеваю мою старую любимую идею, которая на первый взгляд кажется чисто экономической, но я понимаю ее как проблему чуть ли не религиозного значения. Это проблема денационализации. То есть возможность обзаводиться реальными производственными средствами на условиях невиданной экономической свободы всем, кто в силах купить их и позволить себе это. То есть какое-то воспроизведение этапа первоначального накопления капитализма в совершенно новых исторических условиях. Очевидно, что и с совершенно другими историческими последствиями. Хотя я вполне даю себе отчет, что выполнение этой программы повлечет за собой не менее усилий, в штывы принимаемых обществом, как, к примеру, попытки вернуться сейчас в рамки коммунистической империи, что уже вообще нонсенс! Но ведь есть реаль-

ная монолитная сила, которая угрожает многим, и в первую очередь сама себе. Сила, за которой стоит многовековая традиция, привычность этических реакций, заложенных в ней. Для того, чтобы оживить эту силу, нужно ввести в нее противоречие. Нужно ее посорить внутри себя. Заразить ее разными интересами. Разобщить общину. При этом надо помнить, что русский человек по своей природе достаточно предприимчив и жаден. Ему всегда мешало воплощение общины на политическом уровне, именно государство как протектор отражения общины, такой святой ангел-хранитель, который осуществлял контроль над общиной в ее же интересах. То есть это прежде всего отход от популизма в правительстве, которое будет иметь непопулярную программу и держаться в крайнем случае на штыках, но это будет правительство, которое сможет сделать что-то реальное для спасения ситуации.

АМ: Ты заработал сейчас себе очень много противников, во-первых, признав, что вновь может быть правительство, держащееся на штыках. А во-вторых, забыв о человеке, о его личной свободе, чего, кстати говоря, вообще никогда не было на Руси.

ИК: В данный момент свободу человека на Руси ограничивает не государство, а общинное мышление. Государство, как говорится, находится на необходимом политическом уровне. И возникает вопрос, что легче разрушить, чтобы обеспечить свободу? Само общинное мышление или же государство? Процесс разрушения мыслительных штампов не есть процесс быстро-осуществимый. Мышление разрушается или меняется в ходе исторического процесса. Политически же мыслимый процесс — это отказ от общинного господства. Потом личная свобода...

Мы все еще остаемся в рамках гуманизма. Каждый человек имеет право на личную свободу. Это постулаты гуманизма, его максимы, его аксиомы. Предчувствую следующий вопрос, который оказывается в наше время еще более важным: а одинакова ли личная свобода для всех? Вопрос, на который гуманизм не только не дает ответа, но даже и не задается им. Он боится его, он бежит от него, потому что в этом вопросе заложена его смерть, потому что тогда придется признать, что личная

свобода бывает разной и на разном уровне общественного положения она выражается по-разному, и что некоторая свобода такова, что ее не берут даже тогда, когда дают, потому что не готовы взять и не хотят взять. Более того, такая свобода может восприниматься в рамках другого мышления как порабощение, например, в рамках общинного сознания свобода всем зарабатывать, как хочешь, есть не свобода, а порабощение. Таким образом, право человека на предпринимательство в рамках общины оказывается закабалением. И можно найти миллионы подобных примеров. И получается, что цель гуманизма состоит в том, чтобы к этим изменившимся условиям в такой сложной, как российская, ситуации попытаться применять лозунги времен даже не Робеспьера или Очакова и покоренья Крыма, а эпохи отрядов Спартака — призывы грабить золото у господ и убегать назад, домой, во мрак с награбленным.

Честно говоря, сейчас это неуместно, слишком много веков прошло и слишком много человечество стало знать в себе, чтобы все представлять себе так просто. Я не хочу поставить под сомнение существование демократических свобод или их обусловленность, скажем так. Но когда их предлагают как средство решения всех проблем в России в виде конституционного процесса, то люди забывают, что эти свободы были завоеваны 200–300 лет назад в совершенно другую эпоху и другим народом. А сейчас этот конституционный процесс пытаются вставить как кирпич в уже построенное здание. И тут еще раз приходится констатировать, что гуманизм мертв, хотя когда-то был жив. И то, что он сделал положительного для цивилизации, что приходилось хорошего на период его существования, забыть нельзя. А сейчас он мертв не только там, где когда-то родился и жил, он мертв во всем мире, не исключая России. И пытаться сейчас в России осуществить процессы времен создания американской конституции и при этом считать их универсальными и пригодными во все века и для всех народов — венец глупости человеческой!

Журнал «Микс», № 1а, 1990

С новым вирусом в клетках

Александр Калужский

АК: Некогда мой таллинский коллега удачно сравнил «Наутилус Помпилиус» с латиноамериканской республикой, где власть переходит от одной группировки к другой по несколько раз на дню, кардинально меняя ситуацию в целом. Как один из многочисленных бывших участников группы свидетельствую, это очень похоже на правду, и предупреждаю: необходимо иметь в виду эту динамику развития событий, когда станете читать интервью с человеком, прошедшим сквозь все «чистки» и «культурные революции» в истории «республики», ибо история продолжается. В марте 1990 года Вячеслав Бутусов и его товарищи показали свердловчанам свою новую программу, которую потом обкатывали в различных городах Украины, Белоруссии и Прибалтики. Промелькнуло несколько клипов по ЦТ...

ИК: Есть задумка сделать полуторачасовой документальный фильм, который бы охватывал всю историю группы в целом, где были бы клипы, кадры со старых и новых выступлений — своеобразное подведение итогов...

АК: Пора подводить итоги?

ИК: ...да, таким шикарным мемориальным выпуском, посвященным 1000-летию освобождения Руси от такого-сяковского ига...

АК: А за русские рубежи выезжали?

ИК: Команда летом ездила в Германию и Штаты, на «ню мюзик семинар». Все это было больше в туристическом плане. Задачи чего-то добиться, куда-то пробиться, где-то победить не ставилось, просто люди ездили и изучали мир за счет спонсоров.

АК: Строчка Умецкого «где я не буду никогда», таким образом, пророческой не оказалась?

ИК: Почему, Умецкого с ними действительно не было. Меня, кстати, тоже. Когда же спрашивают Бутусова: «Как вы теперь поете эту песню, когда вы там были?» — Бутусов отвечает, что мы там так были, как будто там и не были. По рассказам ребят, адаптация к Америке происходила очень сложно. Вообще сложно адаптироваться, если в кармане ни цента в буквальном смысле слова. Вокруг этого было множество невероятных приключений, но все обошлось, и осенью группа вновь гастролировала. Сейчас «Наутилус» ищет возможность записаться. С декабря 1989 года, когда сложился новый состав, он, во-первых, долго притирался, во-вторых, искал, пробовал разные варианты записи. Бутусов считает все записи нового материала пока крайне неудачными, и хотя он пошел, по-моему, из финансовых соображений, на выпуск кассетного альбома под названием «Наугад», на его взгляд, настоящая пластинка с этим составом не записана, как, впрочем, не была записана таковая и с прежним составом. Записываться будут, может, в Западном Берлине, может, где-то еще — планы здесь пока еще достаточно неопределенные.

АК: Что войдет на эту «лиссабонскую» пластинку?

ИК: Насколько я понимаю, Слава включит туда песни, реализованные уже после распада прежнего состава, и, возможно, ряд старых вещей, не нашедших в свое время студийного решения. Кроме того, почти все музыканты параллельно заняты своими проектами: Белкин продолжает работать с «Настей», Гога играет еще в «Петле Нестерова», Джавад в московской студийной хард-роковой группе с Гаиной... В целом, группа себя плохо не чувствует, но уверенности нет, потому что времена сложные, идет смена ценностей, отношений...

АК: Во время концертов в Свердловске реакция публики на новую программу была неоднозначной. Как реагирует на нее зритель в других городах, не видевших «Наутилус» прежде?

ИК: Во-первых, большинство городов, где проходили недавние гастроли, были отобраны именно по этому признаку, хотя и не все. Во-вторых, прием везде был удивительно хорошим. Я говорю «удивительно», потому что мне самому новая программа не нравится очень во многих чертах, на ней я откровенно скучаю, но люди реагировали очень активно. Может, уже действует имя. Может, началось какое-то другое восприятие... Раньше, какое бы имя ни было, наша публика требовала, чтобы ты «давал гари», а без «гари» никакое имя не помогало...

АК: У советской публики так популярно имя Гарри?

ИК: Йес! (*Смеется.*) Впрочем, каждый концерт — это отдельный разговор. Например, крайне удачные концерты в Вильнюсе [где «Помпилиус» выступал в «триумфальном 1987» — А. К.], возможно, следует объяснять политическими событиями: начало гастролей совпало с началом блокады. Для литовцев тогда приезд советской группы был все равно, что бензина из России привезли... Но тут еще вот что: новая музыка «Наутилуса» явно привязана к существующему сейчас в Западной Европе стандарту. Старая музыка, со всеми ее достоинствами и недостатками, не была привязана ни к чему, кроме собственного хотения: хочу так или хочу вот так. Сейчас же стало все стандартизовано, но в России такую музыку не слишком любят, а на Западе такой музыки слишком много. Так вот, деградировавшие маленькие страны Восточной Европы, похоже, как раз видят основную прелесть жизни в том, чтобы делать все так же, как делают «старшие братья». Раньше у них был «Старший брат» в Москве, — они делали все, как делала Москва.

Теперь он в Бонне или Вашингтоне, и они подражают ему. Поэтому, если кто-то соответствует тамошнему стандарту, то это хорошо — этаким обязательный минимум оксидентального (*смеется*)... В любом случае, никакой «оголтелости» на концертах не наблюдалось. Да и места все больше спокойные, благополучные, что ли в той же Белоруссии заходишь в магазин и видишь три сорта мяса, самое дорогое за рупь восемьдесят. А они комплексуют, спрашивают: «Как это вы приехали

в центр застоя, Белоруссию, из такого демократического Екатеринбурга, из такого прогрессивного Санкт-Петербурга. Слава отвечал, что в Питере, по крайней мере, стало очень чисто на улицах, потому что людям просто совсем нечем сорить. Все тамошние демократы сразу обижаются. Они еще пребывают где-то в 1986 году, то есть они еще борются с кем-то, а не с самими собой.

АК: Я слышал, в Питере группа живет в интересном доме некой коммуной?

ИК: Коммуны там никакой нет, в противном случае, любое рабочее общежитие — это тоже коммуна. Есть двухэтажный железобетонный коттедж, который приобрела студия «Наутилус Помпилиус» на окраине города, в этакой полудеревне. Там проживают — постоянно или в периоды записи, репетиций — все иногородние участники группы, поскольку в составе лишь два ленинградца. Такая неформальная гостиница, куда приходит человек с чемоданом, занимает свой угол, спускается пить чай, коньяк... Никакой коммуны, в славном смысле этого слова, нет и в помине.

АК: А кто следит за порядком?

ИК: Специальный администратор. Он же занимается топкой, приобретением продуктов. Это гораздо удобнее и дешевле, чем всякий раз бронировать гостиницу — меньше головных болей. «Наутилус» постоянно трансформируется: сейчас пятеро на сцене, ты — шестой, седьмой за пультом, восьмой у печки

АК: Какое количество людей объединяет сейчас это имя?

ИК: «Наутилус» — это, в первую очередь, всегда Бутусов, был Бутусовым и Бутусовым остается. Остальные люди направляют «бутусовскую воду» в тот или иной канал.

АК: Вода принимает форму сосуда?

ИК: До какой-то степени, пока, замерзнув, она не превратится в лед и не расколется этот сосуд. При всех сменах состава основа сохраняется, поскольку именно присутствие Славы делает «Наутилус» «Наутилусом». В целом, постоянно задейство-

вано 10–15 человек, не считая тусовки. В Свердловске это энергетическое облако было более многочисленным.

Тусовка была значительно круче, насыщенней, в ней было меньше людей случайных, больше — связанных одними корнями, одной почвой... Мне кажется, что Слава так долго сражался за свое одиночество, что скоро он его, похоже, получит, не знаю, переживет ли, вынесет ли, когда оно на него свалится?

Журнал «Уральский следопыт», № 3, март 1991 г.

Pas deux deux

*Илья Кормильцев
Илья Смирнов
Марина Тимашева*

ИС: Как соотносится судьба «Наутилуса» с тем, что ты когда-то напечатал в «Юности»: «Рок-движение на 90% состоит из тусовки, не обремененной ни культурой, ни собственным достоинством».

ИК: Я думаю, что судьба «Нау» с этим давним высказыванием соотносится полностью, потому что все говно, которое можно было хапнуть в процессе большой распродажи, которая произошла в прошлом году, «Наутилус» конкретно хапнул. Может быть, он хапнул его меньше, чем какая-то другая группа, потому что в наших действиях в эпоху этих распродаж всегда была какая-то умеренность. Мы все-таки себя сдерживали и в количестве концертов, и в тусовках. Например, что касается участия в тусовках с различным, так сказать, попсовым дерьмом, это у нас длилось всего два с половиной месяца, после чего игрались только сольные концерты или отделения. То есть, понимаешь, мы быстро исправлялись, быстро ловили ситуацию, но все равно говно-то хапали.

ИС: Зато умудрились совершить все ошибки...

ИК: Умудрились совершить все ошибки. Все из возможных. Понемногу, не до такой степени как кто-то, кто фиксировался на одной ошибке, как мономан, но немножко попробовали всего и в равной степени хапнули всего говна, которое можно было. И конечно, мы поймали все: и кругом тусовщиков вонючих, начиная от безымянных и кончая такими, как Алла Борисовна.

ИС: Ты ее тоже относишь к этой категории?

ИК: О-о-о-й... В принципе... ее нельзя относить до конца к этой категории, потому что она — человек, в любом случае относящийся к категории артистов, при всех минусах и плюсах, о которых можно говорить. Но по влиянию, которое она оказала на «Наутилус»... И ведь она с нами не музыку писала, не творчеством занималась... а по тому, что она делала с нами, ее можно назвать просто тусовщицей и достаточно поганой. То есть это ни в коем случае не входит в оценку ее собственного творчества. Человек может писать хорошие песни и разбрасывать сигаретные пачки в собственном подъезде. Это разные вещи. Так что для меня она осталась тусовщицей. Так я ее знал, лично.

ИС: А в общем, она не дура, поскольку у нас мало кто с ней общался, остались живы.

ИК: Ты понимаешь, Илья, когда мы говорим вообще о совке, сами слова «не дура», «не дурак» — начинают приобретать какие-то сюрреалистические оттенки, потому что никто не знает толком, что за содержание вкладывается в это. Когда теряются нормальные ценности, все критерии начинают путаться, и поэтому мы сталкиваемся с ложностью оценки, расстановки терминов. Мне показалось, что она просто типичный продукт совка, совершенно немыслимый вне этой системы. И никогда не сложившийся бы ни в какой другой. На 80%, потому что в каждом человеке есть, назовем это так, нечто общечеловеческое — качества характера, которые могли бы развиваться в любом месте, в любое время, в любом обществе. Есть нечто исторически-специфическое, заданное тем миром, в котором он живет, его приспособляемость к тому, что он живет. Тот блок в нем — интерфейс с внешним миром, через который он обменивается информацией... Вот у Аллы Борисовны 80% этого интерфейса — это дремучий совок.

ИС: Ты уж извини, что мы зашли в сторону Пугачевой, но ты как человек, владеющий западной ситуацией, может помнишь все эти телеги с ее популярностью на Западе, все эти феноме-

нальные концерты, огромное количество проданных пластинок и т. д.

ИК: Популярность на Западе, в отличие от совка, есть нечто, что оставляет свой документальный след в виде книг, снятых фильмов, определенного престижа публикаций и пластинок. Если этого нет, значит, речь идет о блефе. На Западе происходит миллион неплохих событий, о которых кто-то пишет, что они были неплохие, и через неделю о них уже все забывают, потому что там быть просто неплохим не считается заслугой. Раздается одобрительный комментарий, что эта постановка была неплоха или культурный вечер оставил приятное впечатление, но завтра происходит уже десять других постановок, которые оставляют столь же приятное впечатление.

ИС: А почему культурный вечер должен оставлять неприятное впечатление?

ИК: А это тот самый случай третичного значения слова. У нас слово имеет значительно больше синонимов, чем в любом западном языке. И сочетаемость прилагательных и существительных в русском языке настолько высока, что современный русский советский текст принципиально непереводим на любой западный язык. Поэтому можно сочетать и такое: отвратительное культурное мероприятие. Вот мы уже смеемся, и это очень хорошо. Пять лет назад ни тебя, ни меня это бы не развеселило, хотя мы уже и тогда считали себя очень умными. Мы бы приняли эту фигуру речи как нечто, имеющее смысл.

Примеры вывесок и объявлений моего родного города принципиально непереводимы на другой язык. Читаю (причем это не какая-то бумажка, а объявление на офисе): «Ремонт и заправка зажигалок по возможности».

МТ: Ну это и на русский язык непереводимо.

ИК: На русском это значит: если есть мастер, если он не пьян, если есть газ... А вот переведи иностранцу, что ресторан работает по возможности.

ИС: Попробуй перевести Союз писателей. Буквально если перевести — профессиональный союз литераторов, но это же совсем другое.

ИК: Ты взял второй случай — слов, которые в принципе переводятся, но приобретают другой смысл. Так же, как в словах Министерство культуры. В самом сочетании нет ничего мистического, выходящего за рамки нормального мышления. Во многих западных странах есть министерства культуры. В Италии — Министерство музеев и культурных ценностей. Но все ассоциации, которые связаны с этими словами, остаются в данном случае за бортом. В результате возникает недопонимание.

ИС: Ехидно возвращаюсь к «Наутилусу». Скажи, пожалуйста, в какой мере ты видишь личную вину за произошедшее. Ты же один из немногих культурных людей в этой среде. То есть то, что можно простить рядовому папуасу, того нельзя простить папуасу, получившему образование в Оксфорде. Ты был вовлечен во все эти события, почему ты не смог их остановить до совершения всех тех ошибок, которые тебе, наверное, были ясны еще до их совершения?

ИК: М-м-м... по одной простой причине. Если бы я был писателем, ты мог бы предъявить мне этот вопрос. Но я человек, который является частью коллектива, в котором происходит коллективное творчество. Вот. Я не ефрейтор, я не сержант, я не могу никому приказать и не могу никого заставить или убедить, если он не располагает, по меньшей мере, равным со мной опытом, логическим мышлением, пока он сам не получит этот опыт для того, чтобы это осознать. Безусловно, все вещи, которые я говорил тебе, я точно также говорил, допустим, Славе, или Калужскому, или всем остальным. Хотя я, конечно, всегда ставил акцент на другие вопросы, потому что меня не так беспокоила прокатная коммерческая деятельность. И я считаю, что не она нанесла самый большой вред, потому что она недолго длилась. Причем, самое потрясающее, что человек, который пришел и запретил это делать, был человек профессиональный.

Он сразу покончил этот процесс распродажи по дешевке. Просто потому, что он достаточно умный купец. Он просто понял: что ж это такое — товар в расфасовке по десять грамм. Сразу сказать, что мы играем только для вас, но полный вечер — это нормальный коммерческий расчет. Те люди, которые происходят из этой системы, которые в ней выросли, лучше секут этот аспект, чем люди, которые явились в нее гостями, люди, которые ее, якобы, на словах ненавидели, а, попав в нее, не знают, огорчаться или радоваться. Ведь с другой стороны им по кайфу, все внимание к ним, башли, как ты писал, отельные шлюхи и все, что к этому принадлежит.

Меня сильно волновало неумение музыкантов вычленяться из этой среды, собраться в комок как ртуть в воде. А ведь на самом деле это так просто — не участвовать во всей этой игре. Если у тебя умный администратор, он тебя же и прикроет ото всей этой тусовки. Борис Агрест — такой. Он никогда в жизни не заставлял нас сыграть что-то или не сыграть. Он говорил: «Слава, как вы считаете?» Он был профессионал в хорошем смысле этого слова. При том, что сам он — плоть от плоти всей этой гнили, космическо-б**дской, так сказать. Но у него было достаточно ума, чтобы понимать, как делать дела, как обращаться с товаром, и не в нем была беда, а в самих наутилусах, которые вели себя хуже, чем человек, вышедший из этого мира. Естественно, он-то в нем родной. Для него это все, по большому счету, неинтересно. Ну, скучно: б**дь и б**дь, он с детства с ней рядом ест. А для них-то все было радостно и внове, и они-то и не могли остановиться, а вовсе не профессиональные люди.

Ты в своей статье в Урлайте очень много внимания уделяешь внешнему врагу и очень мало врагу внутреннему. Он расположен: а) в самих музыкантах и б) в самой публике. И хотя ты им тоже раздал пинков за все прочее, мне казалось, что этот анализ можно было углубить. То есть: насколько они сами за это ответственны и насколько в них в том творчестве, которым они занимались, включая сами песни, все это было заложено еще до прихода в мир эстрады. Это все от анархизма,

построенного на чистой эмоции, а не на попытке осознать мир. Он, с одной стороны, хорош, когда то, что разрушается, отвратительно. А с другой стороны, его легко моментально купить, за пять секунд. Потому что у него нет никакой веры ни во что.

ИС: Это в общем-то какое-то историческое проклятие России, потому что собственно первое, что сделал анархист Пугачев, это учредил при себе совет генералов и графов. Первое, что сделал большевик Ленин, — проложил путь к Российской империи. Каждый раз под флагом отмены у нас происходит воссоздание на новом витке.

ИК: Разумеется, потому что у нас всегда все отвергающие очередную власть на уровне рок-концентра или на уровне государства, приходят из того же коридора, из которого пришли их предшественники. Потому что коридор у нас оставлен самой историей один — вот такой узкий. И все, кто приходит, приходят из-за спины к тем, кто сидит в настоящий момент в правительственной ложе. Из-за спины их оттуда и выкидывают, а дальше самим падать надо. И все садятся в той же ложе, в то же самое кресло. Падать не хочется. И сидят в нем до тех пор, пока не придет следующий и не выкинет в партер.

И самое страшное, что разъедало наш коллектив... Помнишь, в свое время был у нас разговор об использовании жопы. Аналогия с ракетой-носителем, если помнишь. Есть люди, которые используют жопу как ступень-носитель для того, чтобы вывести голову на орбиту и на этой высокой орбите летать вокруг Земли. Это нормальные люди. Так и должно идти в мире становления человека как общественного лица. Есть второй метод, чисто совковый: использовать голову, чтобы вывести жопу на орбиту. Голова в процессе сгорает, а жопа начинает вечно парить, как искусственный спутник Земли, затмевая по ночам Луну.

МТ: Я думаю, отращенная для таких целей жопа может не дать спутнику взлететь. Я немного в этом смысле, но сильное увеличение нижнего бюста...

ИС: Это будет как очень большая лягушка, прикрепленная к небольшому воздушному шарiku.

ИК: Нет, жопа не растет, так как она изнашивается за работой. Такой запуск спутника уже получился во многих случаях с нашими рокерами. И в «Нау» так было. Но Славка закинул сразу, вылетев на эту орбиту, потому что он чувствовал, что окружающая жизнь не дает ему ни времени, ни возможности, ни сил для того, чтобы что-то думать, что-то производить. А он очень медленный человек и медленный автор. Ему нужно огромное количество времени, которое со стороны выглядит бездельем, прострацией, чтобы что-то породить. Он увидел, что люди вокруг него совершенно не заинтересованы в том, чтобы сделать что-то еще, потому что жопа уже летает, голова уже сгорела — и все кругом хорошо и прелестно. И попытки заставить что-то делать, о чем-то думать, что-то искать наталкивались ...увязали в такой липкой каше. И все. Он просто не мог сделать ни шагу. Он пытался взорвать эту ситуацию, расшевелить ее. Привел Белкина. Белкин пытался навести порядок, но такими андроповскими методами, которые, естественно, не могли дать никаких результатов. Есть такой советский метод. Вот, люди лежат на песке, загорают, пьют пиво, смотрят на баб. Прибегает чувак и вместо того, чтобы сказать: «Ребята, если мы сделаем это, то вы понимаете...» То есть вдохновить их по-настоящему, объяснить, что за работа... Вместо этого он прибегает и начинает пинать тебя под зад: «Пошли, пошли, пошли, б**дь! Лопату бери, туда!» Ты говоришь ему: «Ну ты че, сумасшедший?» Это естественная первая реакция. Белкин сыграл такую роль в коллективе. Все его возненавидели, кроме Бутусова. Он стал полным изгоем, который сидел только со Славой в номере и пил, и коллектив нашел для себя оригинальное совковое развлечение, которое называется свержением Гришки Распутина. У нас все время свергают Распутина.

ИС: Народная игра.

ИК: Народная игра. Сперва его делают, потом свергают. У коллектива появился объект ненависти, который занимал все его свободное время и еще больше убавлял время для репетиций.

Начались многочисленные хитрые попытки уничтожить Белкина, а заодно и Агреста.

ИС: Почему создалась такая пара?

ИК: Борю пытались уличить в том, что он ворует. Но дело в том, что, как говорил тот же Белкин, который сразу понял, в чем состоит попс бизнеса и капиталистической эксплуатации труда: «Я ж не замечаю, что он ворует. Мне-то денег на все хватает». Но не так были настроены наши совки. Они сказали: «А мало ли, что мне хватает, у него-то больше». И начались попытки проверить, сколько он на самом деле денег получил. Вполне ОБХСС-совскими методами — с проверками ведомостей, подглядыванием в карманы и т. д. На фоне всей этой радостной деятельности думать о музыке было просто некогда. Тогда Слава почувствовал, что никто не может оказать ему помощи. Я не мог, ведь я же не музыкант. Я не могу своей инициативой, идеями давать людям музыку, вытаскивать их на репетиции. Это еще более странно, чем пинки под задницу на пляже. Не знаю, приходит водолаз и говорит: «Ребята, пошли в горы». Они спрашивают: «Ты хоть лазить умеешь?» — «Нет, но пошли». Вот собираемся — и пошли. Горы — это так красиво. Я всегда мечтал на них оказаться.

Таких попыток я сам не предпринимал и просто следовал любимой пословице Алексея Павловича Хоменко. Он говорит, что это Конфуций, не знаю, но, по крайней мере, достойно Конфуция: «Если у тебя есть враг, спустись к реке, сядь у воды и смотри на реку (но это не Гребенщиков — это Хоменко), рано или поздно труп твоего врага проплывет мимо тебя». Я последние два года следуя исключительно этому принципу в собственных поступках. Я просто ждал, чем все это кончится, потому что действовать было совершенно бесполезно. Кончилось это тем, что Слава стал отказываться от концертов, т. е. делать их ровно столько, сколько необходимо остальному народу. Начал уклоняться от общественных обязанностей по производству денег. Уезжал в Финляндию. Коллектив заподозрил меня и Белкина, как людей, которые не понимают, в чем кайф этой жизни,

у которых такие непонятные проблемы, которые не понимают, что 8 тысяч рублей лучше, чем четыре, ровно в два раза. Потом состоялась Финляндия, после которой у совков окончательно поползла крыша. Не то, чтобы они делали какие-то особенные подлости, гадости, — ни Боже мой! Самый последний период славы «Наутилуса», когда все было, что нужно, и все были на своих местах, это были самые добрые, самые мягкие, самые покладистые люди, которых я видел в своей жизни, самые предрасположенные к сибаритству, к всепрощению, к бескорыстным поступкам на благо других и прочее. Баре, настоящие баре, такие совковые, новые. Пролетарии во дворянстве. И просто скука стала, ну, смертная. Я смотрел, тем более, что имел возможность сравнивать, наблюдая Кутикова и Макара, куда все это заводит, если повторяется много лет. То есть они навсегда становятся вот такими сытыми котами, которые чего-то в общем неплохо делают. Но кайф... кайф потерял. И хрен с ним, с чужим кайфом, кайфом публики — свой кайф потерял. Жизнь превращается в пищеварительный процесс голотурий. На морском доннышке и ничего тебе не страшно. Враг нападет — можно кишки выпустить. Проглотит, уползет, а у тебя кишок еще много, отрастают каждый божий день. Ну и стало совсем плохо. Слава, так... совсем. В один прекрасный день он просто пришел к Борису и сказал: «Давай-ка, это... Сам к ним сходи и скажи, что они больше не нужны». Ну, потому что нельзя было продолжать всю эту комедию. А дальше случилась беда: в этот момент никого с ним рядом не было, кроме Бори, который не знал ни Умецкого, ни Алены, потому что появился позже их ухода. Единственный человек, к которому Слава мог кинуться из музыкантов, был Умецкий. И он эту глупость сделал.

ИС: Все-таки почему Умецкий ушел как раз на заре этого печального движения катафалка?

ИК: Потому что, как только началась эта заря, Алена предложила своего администратора, которого она полностью контролирует. Она сказала, что он должен быть администратором,

а Калужский, который ни черта не понимает, должен уйти. Причина была, конечно, не в том, что Калужский чего-то не понимал (все не понимали одинаково, кроме профессионалов, которые готовились зашибать капустку)...

ИС: Они тоже ничего не понимали.

ИК: Они понимали, как зашибать капусту. Наши не понимали даже этого.

ИС: Ну, черт его знает, ложное знание хуже полного незнания.

ИК: Разницы между теми коллективами, которые вели профессионалы и теми, которые вели непрофессионалы (вроде Светы Данилишиной), в результате не получилось никакой, учитывая финал.

Калужский просто Аленой не контролировался. Мало того, он ее глубоко имел, как говорится, в гробу со всеми ее выходами. Началась усиленная обработка, в результате которой Дима приезжал от Алены с тупыми глазами и говорил: или уйдет Калужский или уйду я. Народ активно не любил Алену, потому что, чтобы любить ее, надо было совершить подвиг самоотверженности. И, естественно, хотя к Калужскому тоже было много претензий, все встали на его защиту. Тогда Дима сказал: «Я ухожу». Думая, что всех это со страшной силой испугает. Все пожали плечами. «“Все куплю”, — сказала злато. / “Ну и что”, — сказал булат». Он думал, что Слава испугается, но Слава в этот момент был слишком занят своими личными делами для того, чтобы вникать. Он прозевал этот момент. Когда Дима спохватился, уже стоял бородатый Алавацкий и бил по бас-гитаре. Простоя не было даже одной недели. Сразу появился Алавацкий, выданный из недр ресторана «Центр». Ну, он славный малый, я ничего не имею, но он — типичный ресторанный музыкант по своему отношению к жизни и объему музыкальных знаний. И так получилось, что Дима-то хотел устроить демонстрацию силы, но в этот раз проиграл. Вот и все, что стояло за этим. Никаких великих разговоров о долге, чести, совести, о том, что нельзя впадать в коммерцию не было.

Не натекло и кубического миллиметра. Приход другого администратора ничего не изменил бы в судьбе «Наутилуса» ни в какую сторону, потому что мы в совершенно разных коллективах имели множество совершенно разных администраторов: разных по происхождению, с разным прошлым, и из комсомола пришедших, и из профессионалов, и из рок-тусовки — все они привели свои корабли к одинаковым результатам. Течение сильнее...

ИС: Да. В этом смысле даже не «Наутилус», а Гена Зайцев — самая яркая эволюция.

ИК: Вот так. Это говорится не для того, чтобы дезавуировать эту легенду об Умецком как о рок-Ельцине. Но, между прочим, само это определение не так уж плохо, если опять-таки согласно теории двойных знаков понять его вторичный и третичный смысл... В этом смысле Умецкий — действительно рок-Ельцин. Есть первый видимый разрыв, который на втором уровне диалектического анализа оборачивается единством. А еще на третьем — снова разрывом, но совсем другого типа.

ИС: Я себе представляю, как бедный Умецкий пытается осознать, что ты сейчас о нем сказал.

ИК: Нет, я просто много раз слышал о бескорыстии Умецкого. Эту легенду: дедушка Ленин стоит, смотрит в прекрасное будущее, а за спиной у него стоит ... грузин в сапогах.

ИС: Это естественно: старое логическое смещение: «после того» — «вследствие того». Поскольку после ухода Умецкого произошли всем известные события, то все связали уход Умецкого с этими событиями.

ИК: Опять эти рецидивы магического мышления, характерные для советского типа сознания. Если после танца шамана пошел дождь, значит, дождь вызван танцем шамана.

МТ: А если не идет, значит, шаман плохо танцевал, плохо партию выполнил.

ИК: Да, так. Особенно в случае таких массовых явлений, как рок-музыка, шаманов очень много. После танца кого-то

из них дождь пойдет, и это будет служить веским доказательством предположенного принципа.

ИС: Давай вернемся к замечанию насчет публики и по поводу песен, которые уже когда-то несли в себе будущий финал своих создателей.

ИК: Начнем с публики. Это более простая тема. Она целиком лежит в сфере социологического анализа. А на этом у нас вся наука набила руку, у нас любой пьяница в пивбаре может тебе такой анализ выдать... То, что я говорил насчет тусовки, в конечном счете относится не только к той стороне сцены, но и к этой. Расширительно говоря, фраза в «Юности» имеет отношение ко всему совдепу. Рок-музыканты, как и все общество, кинулись навстречу либеральным обещаниям, потому что всем хотелось жить лучше. Конечно, кому не хочется работать меньше, получать больше и иметь больше красивых шмауков дома? И все от уборщицы до академика дружно кинулись в эту сторону. Лучшим гимном этому времени послужило кинчевское «Мы вместе». Только если его сейчас спеть, вместо радости возникнет глубокое горе, что мы оказались вместе. Что среди нас не оказалось тех, кто истинно ведет — вождей, светочей ума. Не оказалось тех, кого водят не потому, что они хуже, не потому, что они стадо баранов, а потому что у каждого своя социальная роль. Эта дружная семья, которая состоит из основного типа населения советского общества, который называется недифференцированным производителем потому, что он взаимозаменяем. Не имеет принципиального значения: уборщица или академик. Эту эволюцию всегда можно проделать очередным решением пленума с трагическим результатом как для состояния науки, так и для состояния коридоров.

МТ: Не уверена в этом.

ИС: Конечно, у нас же работают профессора на овощных базах...

ИК: Трагедия того специфического общественного класса, созданного советским обществом, состоит в том, что он обладает стадной психологией, не осознает себя как личность. Есть

у меня любимая фраза. Грешен — люблю афоризмы. «Категория “народ” должна возникать в случае войны и стихийных бедствий. В остальное время народа в нормальном государстве не существует. Настойчивое употребление этого слова должно настораживать».

ИС: Оно свидетельствует о стихийном бедствии.

ИК: Ну, социализм является перманентным стихийным бедствием, но в результате такого стихийного бедствия, как социализм, само бедствие обязано своим существованием этому народу. Народ... Возникает такая змея уроборос, которая кусает свой собственный хвост. И становится трудно понять, что первично: стихийное бедствие или народ, и кто кого вызвал.

Естественно, рок-н-ролл, как все, что у нас ново и может дать в метафорическом смысле лишний килограмм колбасы, также был воспринят обществом недифференцированно, — младшей его частью, которую культурная часть могла принять. И теперь мы вынуждены подсчитывать количество людей, которым действительно этот рок-н-ролл нужен, и людей, для которых он был вариантом Жени Белоусова (только неудобным, потому что надо думать, что-то понимать), и которые с радостью вернулись к Жене Белоусову, когда он появился.

ИС: Разве он исчезал?

ИК: Он в тот период испытывал глубокий кризис. Эстрада стала скучной. Не могла кормить народ развлечениями. Нужно было что-то помоложе, попрыгучей, поэротичней. И тут на пустом месте появился рок-н-ролл. В него кинулись те, кто от него тащился с древних времен, а по дороге прихватили кучу ПТУ-шников, девочек, покрашенных в фиолетовый цвет с головы до пят. Вся толпа кинулась и закричала: «А-а-а! Здесь начинается второй процесс». Мы же интеллигенты, пусть даже из крестьян. А русский интеллигент всегда страдает врожденным половым извращением: он любит народ. И он должен быть с народом. А если он над народом возносится и как-то от него отделяется в своей академической жизни, то он чувствует себя неловко.

И, встречаясь с народом в колхозе на сметывании стогов, он поет с ними радостно песни и обнимает симпатичных пейзажников.

ИС: Ну, симпатичных пейзажников — это не извращение. Если бы он обнимал коров...

МТ: Он обнимает не симпатичных, а пейзажников.

ИК: Дело в мотивах. Это случай Саши Черного: интеллигент и Дуня на диване. Это унаследовалось, несмотря на большевизм и опасность селекции по методу эрдельтерьера. Эта собака была выведена англичанами для охоты на львов в колонии, для сафари. По одному признаку — глупости. Селекция по отрицательному признаку. Потому что собака в здравом уме понимает, с кем имеет дело. Выбирали самых наглых и глупых, а остальных топили.

Надо было научиться осторожному обращению со словом «народ». А мы — нет. Особенно ленинградцы. Есть нормальный врожденный большевизм, но он в 1917 году исчез, а есть патологический большевизм, который состоит из лозунга «Мы вместе». И когда все прибежали, закричали: «Алиса! Ну!» — это было всем хорошо, нравилось, а потом они побежали обратно к Белоусову. И вот бы тогда сказать: «Пошли вы вон, козлы вонючие. Наконец-то вы нас оставили наедине со своими людьми». И тут не деньги сыграли роль. Мы же понимаем, что это люди, несводимые к одной покупке. Это болезнь русского интеллигента: народ валит из зала. От меня уходит мой народ, который я люблю. Следовательно, и он должен меня любить в силу третьего закона Ньютона. Куда же ты идешь, мой народ?! И вот уже не из зала протянуты руки, а в зал со сцены. И начинается гнутье микрофонов, ломание стульев, чтобы удержать уходящего. Ну, на такие вещи клюет, как правило, последний гопник. Он остается в зале. Его задерживают трюком: жопу что ли показать или раздюдюх русский станцевать.

МТ: Любой человек на сцене питается флюидами из зала. Начинается взаимообмен. И в момент бегства человек на сцене уже не совсем тот, что общался со своей маленькой узкой группой.

ИК: Обмен осуществляется всеми эмоциями. Не только положительными. Публика на 80% излучает отрицательные эмоции. Это реально в условиях дегенерации человеческого существа, она проникла в нас самих. Мы вынуждены судить, но к нам можно обратить большинство этих упреков. Но кто же должен сказать.

ИС: Я бы восстал против социологизма. По отношению к ПТУ-шникам и т. д. В подпольный рок-период аудитория была достаточно разнообразна по социальному составу. В КСП выделялись люди из технических вузов. А здесь были люди из разных страт: и интеллигенты, и рабочие. Просто их стало больше.

ИК: В моей классификации ПТУ-шник, комсомолец — это ругательства как гитлерюгенд. Хотя разница между ними колоссальная: комсомол работает гораздо хуже, чем гитлерюгенд. Недостаточно эффективно. Слово «коммунист» не значит любой член партии. За термином скрывается, в первую очередь, мировоззрение. Неумение понять это приводит к тому, что многие люди обижаются: они работали всю жизнь на заводе за 120 рублей, не брали взятки, исправно платили взносы и не голосовали за исключение кого-то. Они не понимают, в чем они виноваты.

МТ: Они понимают на уровне инстинкта другое: что тебя назовут горшком и поставят в печь. Они не желают лезть в печь.

ИК: У меня спросили, почему у нас такие злые люди, почему такого нет в других странах с диктаторскими режимами. Я сказал, потому что подсознательно самый последний дурак чувствует свою вину и ответственность за происходящее. Отсюда злоба, потому что судить себя не каждому дано, и вину хочется вытеснить на кого-то, на козла отпущения. Единственный лозунг буржуазной поры, который был абсолютно искренен, и был откровением, совершенно непонятным тогда нашим диссидентам, — это лозунг: «Народ и партия едины».

А что про песни... Творчество было политизировано.

ИС: Все было политизировано, потому что как «политика» расценивалась любая самостоятельность. Баптисты-инициативники не покушались на власть, и против партии ничего не говорили, а их сажали за политику.

ИК: Естественно, политизирование приводит к тому, что в творчестве появляются какие-то прямые указания, формулировки, лозунги. Они разделяют всю слабость либерального подхода. И, естественно, с исчерпанием (а люди в них верили всерьез) должен был наступить вакуум и невозможность делать ничего, кроме денег. Потому что всякая следующая ситуация требовала самообвинения и обвинения больших масс потенциальных почитателей и слушателей. В рок-н-ролле слушатель отождествляет себя с исполнителем. Особенно тонка граница очуждения образа от творца. И этот шаг никто не сделал вовремя ни в рок-н-ролле, ни (что имело более печальные последствия) в политике. За исключением тех людей, которые с самого начала стояли вне этой системы, как Андрей Сахаров.

ИС: То, что ты говоришь, заведомо имеет отношение не только к рок-н-роллу, но и к другим жанрам. Но обрати внимание, что нигде последствия не были такими катастрофическими. Целый жанр искусства был полностью уничтожен в течение года. Как если бы разом сожгли редакции всех журналов.

ИК: Рок-н-ролл, в отличие от всего остального, лишен буфера в виде наследия. Литература может еще 10 лет не создавать новых произведений, столько было накоплено в заглавниках. Я могу назвать еще жанр, который был полностью уничтожен новым мышлением и хозяйственной системой — кинематограф. Жанры, которые менее всего связаны с наследием и более всего с массовым производством, зависящим от большого числа людей и публики, оказались в самой паскудной ситуации, потому что они менее академичны. Можно всю жизнь создавать литературу, которую читают только литераторы, но рок-н-ролл, который слушают только рок-музыканты, невозможен.

МТ: Джаз в этом смысле был возможен.

ИК: Это зависит от того, насколько полноценна форма. Форма, которая неполноценна без воспринимающего, незамкнутая форма как рок-н-ролл, обязательно требует встречной энергии, чтобы замкнулось энергетическое кольцо. Рукописи не горят, а магнитозаписи стираются. Рок-н-роллу нечего пережевывать. У него нет воспоминания о былых старческих победах, коими можно долго развлекаться и тешиться. В нем не развиты возможности внутрирефлекторных жанров. Когда в нем прекратился творческий процесс, прекратилось все.

ИС: В начале 1980-х слушали и записывали на магнитофон, хотя доступность западной продукции тогда и сейчас одинаковы. А теперь все снова слушают Запад.

ИК: Дальше начинается эстетический анализ, который связан с тем, что свой эстетический язык, несмотря на отдельные успехи, не был найден. Массовое пережевывание стереотипов при желании добраться до этих стереотипов, не только со стороны коммунистов, но и со стороны приличных людей. Хотя это нелепо, это попытка привить себя к корням, к которым нельзя себя привить. Даже БГ, который при всех недостатках и слабостях все равно является неоспоримым классиком, совершил ошибку, достойную Васьки, который, выходя с фильма, говорит: «Во, в Америке-то, во!» Это печать совка: равенство первых и последних его представителей.

ИС: «Где первые так на последних похожи».

МТ: Тогда надо перестать пропагандировать то, что вам нравится. Оставьте богу богово, кесарю кесарево, народу народо.

ИК: Идешь — за человеком бежит лев, а у тебя пистолет. Но ты думаешь: «А вдруг этот человек подонок и уголовник? Пусть лев его съест». Помочь талантливому человеку — естественное, нормальное чувство. Сказать себе: «А вдруг он скурвится?» — это подонство, патология.

МТ: А если речь идет о мертвых — Платонове?

ИК: Я могу сказать: Платонов — гений. Или: Платонов — козел. Это мое право. Но если я говорю: Платонов показал нам

провидческий путь, который никто не смеет оспаривать, и весь народ должен дружно любить Платонова... Это стыд нашей нации, что Платонов кончил свои дни дворником. Это стыд нации, но не стыд Васи, который о нем ничего не знал, а стыд тех, которые проходили мимо него для того, чтобы преподавать с профессорской кафедры Литинститута, когда он подметал. Не надо свой стыд навязывать колхозницам и уборщикам, чтобы они стыдились за тебя и твое свинство. Спрашивай с них за то, как они поступали со своими товарищами по работе. У народа есть общая вина, но каждый должен заниматься своей. А распределять на всех — это наше любимое развлечение. Это патологический большевизм.

Классический случай — наши правые, которые в европейском смысле слова никакими правыми не являются. Прилагать европейские термины к нашей политике — все равно, что анализировать по их критериям нашу колбасу или трамваи. Я, с точки зрения европейской, — неоконсерватор, но приложение одного термина ко мне и Анатолию Иванову оскорбительно. Консерватор — это Тэтчер, а не Иванов. И между ними разница значительно большая, чем между Ивановым и Коротичем. Смотри, как они рассуждают: «Козлы-либералы говорят, что все началось в 1937 году. Неправда. А уничтоженные крестьяне, а гражданская война, а убиенный царь? С самого начала большевики были полны непонимания народной жизни». Читаешь — думаешь: «Ну что ж, можно соглашаться — не соглашаться, но логично». Все идет нормально и вдруг: «Поэтому поддержим большевиков и советскую власть».

ИС: В том самом последнем разложившемся виде, в котором она нам досталась.

ИК: Вот этот ход мысли не может быть понят с позиций рационального мышления. Они говорят о народном мышлении, и потом его наглядно демонстрируют в своих собственных рассуждениях, потому что это ход из области магического мышления. Демон приносит вред. Чтобы он перестал его приносить, задобрим демона, принесем ему жертву, сплотимся вокруг него.

Эту экономику нельзя анализировать при помощи Адама Смита или чикагской школы. Эту философию невозможно соотносить ни с Аристотелем, ни с Хайдеггером. Это можно анализировать только при помощи Леви-Стросса и Миклухо-Маклая.

ИС: И многих других ученых, которые занимались подобными обществами. Ты не забывай, что между папуасами Миклухо-Маклая и капиталистической цивилизацией еще много всякого было: пирамиды успели построить, зиккураты, Великую китайскую стену тамошний Сталин — Цинь Ши Хуан — очень хорошо построил. Большая часть истории человечества.

ИК: Большая часть истории, к сожалению, базировалась на хранении культуры человеческого общества самим человеческим обществом. Оно до сих пор было и остается человечески-иерархическим. Только в самое последнее время в структуре постиндустриального капитализма появились первые намеки на разрушение иерархии и появление общества тотальной сознательности, назовем это так. Но до этого еще было далеко. Запад находится в кризисном состоянии. Выработанный положительный опыт иногда вступает в противоречие с другими накопленными традициями. Запутанность там чувствуется. Какой-то стопор, тупик. Только тупик, полный колбасы, в отличие от нашего. Когда говорят: «Запад нам не указ, он сам гниет», — можно согласиться со второй частью, но не с первой, потому что это гниение на ином витке развития. Нам рано рассуждать об этом.

ИС: У Маклая, когда он высадился, тоже были проблемы, но несколько иные, чем у папуасов.

ИК: Иначе получается русская мужицкая смекалка: а чего их догонять, все равно развалятся. Типичный большевистский стиль мышления: перейдем от первобытнообщинного строя к коммунизму, минуя стадию прямохождения. Беда либерализма в том, что он думает, будто насаждение акционерных обществ вызовет расцвет культуры. На самом деле, действовать надо методами, более подходящими данному обществу, менее апеллирующими к сознательности, которой нет.

ИС: Беда либерализма в том, что его нет. И реакция нашей, так называемой, либеральной интеллигенции на выступление Миграняна омерзительна. Парадокс состоит в том, что люди, с наибольшей силой отталкивающиеся от большевизма, с наибольшей точностью повторяют его путь. Они апеллируют к абстрактным фетишам и возражают заклинаниями человеку, оперирующему эмпирическими фактами. Методика большевистской полемики.

ИК: У меня все время спрашивают о премии, которую я не получил. Мне хочется выйти из этой патовой истории и я говорю: «Вы объясняете кому-нибудь, почему не едите экскременты?» Сама попытка объяснит, что комсомол вот такой, лишняя. Она унижает объясняющего. Для меня вопрос был ясен, когда я открыл газету. Либералы нам постоянно объясняют, что хорошо, что плохо. Вся эта смешная межрегиональная группа, при всем уважении к ее интеллектуальному багажу, напоминает кучу мальчиков, в одном кармане — рогатка, в другом — партбилет. И они показывают рогатку, прижав карман с партбилетом, чтобы не вытащили.

МТ: А если приведут в милицию, то наоборот. Слушай, а что такое рефлексия? Смирнов говорит, что это красивое литературное слово — не более, чем медицинский диагноз «неврестения».

ИС: Один десять раз проверяет, выключил ли он газ, а другой — имеет ли он право сделать то, что нужно сделать.

ИК: Рефлексия — необходимая составляющая любого мышления, но когда она действует одна... Это как видеомангитфон, который умеет только перематывать. И при том в одну сторону. Столь же полезная машина. «Я думаю, хотя это дается мне с большим трудом». Все это следы деградации, плебеизации, отбора по признаку эрделя. Отсутствие в политике юмора. Подчеркивание геройства. Геройство — это низший уровень лишенной юмора реакции на противостоящие события. Это рассмотрение явления сквозь самого себя. Это тупое проти-

востояние, стеночное животное, понимаешь? Вот как бы я мечтал оформить эту историю с премией: встретиться с Ивановым, обменяться с ним объятиями, поцеловаться. Он мне дает премию, а я ему звезду Давида. Теперь ты наш.

ИС: А деньги перевести Союзу сионистов.

ИК: Потому что любой отказ они могут мотивировать, а на это ответить нечего. Но у нас вся эта культура отсутствует. На Западе политики тоже говорят всякие глупости типа лигачевских, но на следующий день в газете в регулярном разделе «Сказано в парламенте» будет опубликовано: «Я брал взятки. Это невероятно, но факт». Я считаю, что существует элита, которая обособляется от не-элиты и поддерживает сложное равновесие с правящим классом, облагораживая, интеллектуализируя действия правящего класса.

ИС: Американское общество, которое сейчас составляет мировую элиту, создано подчеркнуто не-элитой.

ИК: Элита есть диахронный исторический процесс. Почему американцы вытерпели первые поколения Морганов и Рокфеллеров? Вместе с их винтовками нацгвардии и пиратским прошлым, а мы не хотим кооператоров вытерпеть. Откуда же они другие возьмутся из вас?

ИС: Там при этом существовала религия.

ИК: И тем не менее человеческий материал существует только тот, который существует. Все новое будет строиться из того, что вокруг нас. Да, они заранее воспитаны в традициях сговора с внеэкономическими силами, чего не было у Рокфеллеров. Те не знали, что такое мафия.

ИС: А ты понимаешь, что это пахнет новым витком стагнации, потому что это формирование капитализма по типу 16 века? У нас времени не хватит на то, чтобы всплыть.

ИК: А это зависит от того, насколько будет открыта дорога. И вообще сама природа преступности, даже мафиизированной, всегда отличается тем, что в ней центробежная сила преобладает над центростремительной. Она не может

огосударствиться окончательно, пока не приобретет политическую окраску, но тогда она становится уже не бандой, а фашизмом. Бессмысленно бороться с мафией, пока для нее есть самый большой успешный образец. Бесполезно спрашивать, почему простые люди убивают друг друга ни за грош после того, как 70 лет убивали избранные. А слой предпринимательно-интеллигентный у нас планомерно уничтожался и не 70 лет, а больше. В период, когда он всплыл, Лукичу невероятным усилием воли удалось развернуть этот процесс вспять. Когда единственный раз после 1861 года был разрушен и взорван вековой союз между боярством и урлой против третьего сословия. Этот союз потерял под собой почву и дыра начала заполняться третьим сословием. Повернуть это казалось уже невозможно. Но сумели сыграть на инерции рецидивов царизма. Конечно, нужен был такой гений и беспардонный нахал, как Лукич. Нужно было уцепить такие исторические корешки и так усиленно их муссировать и вытягивать со всей тонкостью политической игры... Возможность переиграть существует на каждом историческом этапе. Все зависит от масштаба личности и сил, которые она сумеет вовлечь.

ИС: Думаю, не случайно в ряде стран, поздно вступивших на путь буржуазного развития, произошли аналогичные процессы (в Германии, Японии). Видимо, не главное, Лукич или генерал Тодзио. Главное — волна возвращения в средние века.

ИК: Это не главное, но существенное. Тут начало создаваться гражданское общество после формальной отмены феодализма одновременно с развитием системы производства, а не раньше. В Европе, благодаря во многом секулярному характеру католицизма, та же интеллигентная прослойка начала складываться раньше, чем запахло капитализмом в современном понимании этого слова. И когда начались соответствующие экономические процессы, уже существовал достаточно широкий класс свободных лиц — инициаторов, которые могли включиться в процесс сразу. У нас же все это выросло из грубого купечества и образование шло параллельно процессу промышлен-

ного производства. Поэтому всегда ощущалась ублюдочность, неготовность третьего сословия. Самый большой бред марксизма в том, что интеллигенция обслуживает правящий класс.

ИС: Строго говоря, правящий класс — это и есть интеллигенция, просто специфическая. Две самые богатые категории Древнего Рима — это крупные латифундисты и актеры. Нерон не считал для себя зазорным выйти на сцену.

ИК: Это точное наблюдение. Самое кошмарное, что натворил Маркс, когда он в своих экономических построениях сделал внеэкономический христианский трюк — внес понятие прибавочной стоимости и антропологизировал его, оторвал его от чисто экономического контекста и внезапно превратил его в воровство. Это подмена: плохо отнимать деньги сверх тех, которые возникли в процессе труда. Но это же бред, потому что он не определил труд организатора или инициатора производства, как труд превосходящий. Инженер, который придумал экскаватор, должен был получить больше рабочего, который привинтил к нему винт. Поменялись все представления о труде. Ушли в область этики, нравственности. А в России это нашло хорошую почву, потому что правящее и низшее сословие не надо было учить. Они всегда знали, что надо отнять и разделить поровну.

ИС: Не надо винить Маркса. Если бы дарвинизм был принят здесь как руководящее учение, мы бы еще не то увидели, но виноват ли Дарвин?

ИК: Оно и было принято, между прочим. Вот эта какогеника в противоположность евгенике (замечательный греческий язык: «плохой», «злой» — *κακός*). Выведение по принципу эрдельтерьера — пример использования дарвинизма в марксистских целях.

ИС: Вот, Марин, а ты удивляешься «Веселым картинкам» с их глистами. Поговорила с представителем интеллигентной группы...

МТ: О! Вернулись к группе. Так ты являешься по отношению к ней представителем интеллигентного правительства?

ИК: Н-е-е-ет. Нельзя переносить на малые коллективы законы большого общества. Я бы хотел, чтобы новый период «Нау» характеризовался неформально консультативным элементом, чтобы все в присутствии всех свободно высказывали свое мнение. Сейчас так и происходит. Свободная обстановка возникла, потому что сошлись совершенно новые и открытые люди. Дай Бог, чтобы это не запастилось. Со временем в малых коллективах возникают традиционные роли: записной фантазер, делец... Маски обуславливаются уже не только их действиями, но заранее настроенным окружением. И люди уже не могут их снять. Живое общение начинает умирать, превращаться в функциональный розыгрыш. Это накладывается на творчество, потому что рождается предвзятое отношение к мнению каждого по творческим вопросам. И в этой системе инициатива начинает пробуксовывать. Поэтому они нуждаются в очищении, но не искусственном, а когда действительно чувствуешь — дышать нечем. Вот этот человек должен уйти, иначе — не жить. Мне пока очень нравятся все ребята. Собрался состав, в котором сбалансированы темпераменты. Добродушный флегматик — это Джават — Рафик Нишанов внутри коллектива, только без этически неблаговидной роли Рафика, на чисто человеческом уровне. Плохо, когда такого ставят в парламент, а в семье — как хорошо: «Зачем волнуешься, дорогой? Да садись, садись, я тебе потом дам слово». Человеческие качества похожи на аккорды. Они не могут быть красивы или некрасивы сами по себе, вне ладо-тональной системы, в которой расположены... Стройный Игореша Копылов из «Петли Нестерова» с накатом рок-тусовки и более пристальным интересом к алкогольным напиткам. Немножко улавливаются пугающие черты Могилевского. Но на работе он этого не делает. Плюс Александр Беляев — экс-Телевизор и Лев Орлов — экс-Арсенал...

Журнал «Урлайт», рубрика «Раздюдюх!», 1991

Нонконформильцев

Дмитрий Быков

Помню какой-то ресторан, редкостно неприятную для меня по разным причинам свадьбу, я пью безостановочно, голова тяжелеет... Наконец, не выдерживаю, встаю, хватаю с чужой тарелки недоеденную котлету по-киевски и, держа ее, как микрофон, начинаю орать: «Я хочу быть с тобой»... На тот момент это было единственным, что соответствовало моему состоянию. Да, это песня человека, абсолютно раздавленного невыносимой любовью, когда ни «с ней», ни «без нее» быть невозможно. Тоска безвыходная, сама в себе растворяющаяся, до слез, до полного расслабления — и такой же измученный, на грани фальцета вокал Бутусова, с хрипом (словно немыслимая тяжесть любви ему горло перехватывает) выдыхающий: «Я... хочу быть с тобою...» «Твое имя давно стало другим...» и прочая, с тобой произошли все эти взаимоисключающие кошмары: и дом-то сгорел, и глаза-то цвет потеряли, а у меня ничего, ничего не осталось, весь горизонт, все поле зрения заполнено этой тоской, этой любовью. Поражение полное, полнее некуда, не хочу спать с тобой, не хочу жить с тобой, хочу *быть* с тобой, потому, что без тебя *быть* не могу. Ну сделайте же что-нибудь, дайте мне быть с ней, видите, что делается, я ломаю стекло, как шоколад, в руке — какие, к черту, пальцы, когда я дышать без тебя не могу... Вообще сильнее всего любишь то, что сам бы сказал, если бы мог; каждый нормальный человек хоть раз это почувствовал — «Я хочу быть с тобой», но сказать ничего не мог, кроме «Все бабы — сволочи» или «Я тебя типа того что люблю». Илья Кормильцев сказал, и в этом был секрет невероятной, все рекорды побившей популярности этой рок-баллады и всего творчества «Наутилуса». Какой неожиданный и страшный текст: фигуры врача, пожарного, условные, удлиняющиеся до теней. И другие тексты «Нау» — почти бред, абсурд, подсолнечие, но именно это выражало абсурдную действительность — нет, не нашу, вообще разорванное, истерзанное сознание конца 20 века.

— Нет, бредом я не назвал бы это, — не соглашается Кормильцев. — Это может показаться бредом только так называемому нормальному человеку, который на самом деле просто не сознает всей своей ущербности. Тексты настоящих сумасшедших, как правило, скучно читать, они совершенно бессвязны и с миром никак не соотносятся. А в моих стихах просто несколько сдвигаются понятия, в остальном же там действуют строгие логические законы, которыми и мир управляется. В научность и строгость этих законов я верю абсолютно, потому что сам получил «химическое» образование, и на мир во многом смотрю как естественник.

Чего только о нем, о Кормильцеве, не говорили тогда! И жена-то у него погибла ужасным образом, и сам-то он псих...

ИК: У меня совершенно тривиальная биография. Я родился в 1959 году в Свердловске и прожил там всю жизнь, кроме тех двух лет, когда учился на химфаке Ленинградского университета. Все страсти и гиперболы, которые присутствуют в моих стихах, — это, видимо, компенсация того, что сам я веду очень тихую и совершенно нормальную жизнь. «Я хочу быть с тобой» выросло целиком из того, что однажды кто-то вовремя не позвонил (не позвонила). Все остальное я вывел из этого, наращивая напряжение, раскручивая образ. Русский рок вообще целиком держится не просто на энергетике текста, но на образности. Мне менее всего интересны политические прокламации в роке, и даже в западном, например, англосаксонская политическая партия «Пинк Флойд». Даже в «Стене» все это только продолжение Хаксли и Оруэлла, и в этом есть фальшь, потому что «Пинк Флойд» при тоталитаризме не жили, а мы жили и чувствуем это иначе. Рок едва ли должен быть против чего-то. Вот Бутусову недавно предложили участвовать в фестивале «Рок против полицейского террора», а он сказал: «Если я буду участвовать в каком-либо подобном мероприятии, то только в “Рок против тараканов”».

...А «Делон» кормильцевский списан с натуры. Он тогда переводил с итальянского (профессия — технический перевод) в семидесяти тысячном уральском городе Ревда. Итальянцы строили завод, Кор-

мильцев переводил и глядел на город глазами его обитателей, глазами итальянцев и еще собственными. Из этих трех взглядов на вполне конкретное существо образовался «Делон». Дети Кормильцева теперь играют в «Алена Делона — французского шпиона», который, само собой, одколону не пьет.

ДБ: Что предопределило эту мрачную, жутковатую образность «Помпилиуса», не Свердловск ли? Я бывал там — это мрачный город, как почти вся русская провинция...

ИК: Я никогда не ощущал Свердловск провинцией и никогда не чувствовал себя в нем плохо. Он раскрывается не сразу и ключ отдает нелегко. Мой рецепт выживания в нем элементарен: родиться там... и в России тоже: родиться и жить в ней. Пока ты ее чувствуешь своей — можешь вынести все, как только это чувство пропадает, и ты начинаешь ее рассматривать как что-то, существующее вне тебя, — кончено, остается только выезд. Я люблю цитировать своих друзей, и вот Мейнерт, ведущий рок-н-рольных программ Эстонского радио, сказал однажды: «Секрет популярности “Нау” в том, что эта группа никогда не противопоставляла себя обстоятельствам, иначе говоря, не искала причины трагедии где-то вовне». Все набитые тобою шишки на самом деле предопределены твоей личностью, характером — этим можно утешаться: чужие шишки на тебя никогда не свалятся, если ты не будешь уж слишком усердно подставлять под них голову. Все, что с тобой происходит, может произойти с тобой одним, потому, что ты всему причина.

ДБ: Значит, каждый наказывается по делам?

ИК: Наказание — понятие условное, просто каждый поступок вызывает следствие. Надо быть к этому готовым. Тут действуют одни и те же законы, почти физические и общие для всех, потому что с точки зрения биологии все люди одинаковы. Покажите мне хоть одного человека, который ни разу не хотел убить. Говорит, что не хотел? Врет, обязательно хоть раз думал об этом. Я смотрю на человека как на существо биологическое, почти как на животное, и мое настольное чтение сейчас — книги

Лоренца по этологии (наука о поведении животных, включая нас. — *Прим. автора*).

ДБ: Но значит, мы по самой природе своей — эгоисты...

ИК: Зачем придумывать слово «эгоист», когда уже есть слово «человек»? Это просто некорректный термин. Мы ведь и добрые дела совершаем ради себя — или из прямой выгоды, или для очистки совести...

ДБ: Как тогда быть с нравственностью? С религией?

ИК: К религии я отношусь достаточно сложно, особенно сейчас, когда вокруг столько поповщины. Всем этим я старательно переболел в отрочестве и юности. «Нравственность» — тоже неточное слово. Это та часть законов космоса, по которым мы живем, часть, постигнутая нами. Не постигнутого еще больше. Просто это та часть объективных законов, по которым естественно жить в обществе. А значит, и удобно. Поскольку зло вызывает цепочку следствий и чаще всего возвращается к своему носителю — просто удобнее быть добрым, вот и все. Религия предписывает это нормативно, приводя часто к насилию над собой...

ДБ: То, что вы говорите, отчасти перекликается с Ницше...

ИК: Я очень хорошо к нему отношусь, но в России он не понят. Чтобы оценить русские интерпретации Ницше, достаточно взглянуть на усы Максима Горького. Он их отращивал в подражание Ницше, кумиру своей юности (это ему уже на Капри объяснили, что Фридрих был плох). Сравни усы Ницше и усищи Пешкова. Русские тексты Ницше — это набор ложных красивостей. В оригинале это кристальная четкость. Да, он перегибал палку, утверждая, что сострадание только множит страдание, и прочая, и прочая... Сострадание, разумеется, нужно, но лишь в той степени, в которой помогает страдающему встать на ноги и не отчаяться. Ницше можно понять: палку слишком долго перегибали в другом направлении — религия предписывала человеку в определенных ситуациях испытывать определенные чувства, да и вообще во многом диктовала, предписывала,

насиловала. С этим я отчасти связываю и общемировой кризис культуры, который, на мой взгляд, продолжается на протяжении всей новой эры. То есть почти сразу после античности.

ДБ: Но если вы смотрите на жизнь как на чисто биологический процесс, то вы должны радостно принять и свою гибель в естественном отборе, если она неизбежна и найдутся сильные?

ИК: Я всякую минуту к этому готов и удивляюсь, как это до сих пор не случилось. Это не снимает моего чисто эмоционального страха перед смертью, главного страха всякого человека, и это страх тем сильнее, чем спокойнее я осознаю разумом всю неизбежность конца. Но что я ее осознаю, в этом нет никаких сомнений. Что касается естественного отбора, наверное, величайшим революционером в науке прошлого века был не Маркс, а Дарвин.

ДБ: То есть выбор на самом деле между коммунизмом и дарвинизмом?

ИК: Да, человечество поверило в коммунизм и сильно ошиблось, от естественного отбора в обществе никуда не деться. Есть один парадокс. У человека эволюция протекает на уровне культуры, а отбор — на биологическом, животном, нормальном уровне. То есть эволюция отстает от отбора. Волк один раз попер на ружье, оно выстрелило, он скуля убежал, и у него рефлекс. А человек пошел по тупиковому пути — и опять по нему пойдет, и других поведет, и так много раз, пока у него не вырабатывается новая адаптация. Это ведь и есть эволюция — появление новых адаптаций. Федоров, автор «Философии общего дела», совершенно гениально заметил: психология и душевные свойства человека не изменятся, пока качественно не изменится сам биологический носитель. То есть пока, например, человек не станет бессмертным, он останется прежним.

ДБ: А он станет бессмертным? Вы верите в это?

ИК: Никаких технических препятствий этому в ближайшие 2–3 века я не вижу. Мы естественно не доживем, нам уж при-

дется быть такими, какие мы есть. У меня был рассказик о человеке, который знает, что сегодня умрет, а на завтра уже будет достигнуто бессмертие. Ему очень обидно.

ДБ: Вы что, рассказы теперь пишете?

ИК: Да, в основном прозу, издаю в Свердловске журнал «Микс» («Мы и культура сегодня» — для средневысоколобых, сказал бы я), пишу роман...

ДБ: А стихи вы совсем забросили?

ИК: Для себя почти ничего не пишу, но для «Нау» продолжаю писать тексты, на них написан весь новый альбом «Нау-гад» в новом составе. Больше ни для кого, кроме «Нау», писать не хочу и не буду. Так, знаете, жена говорит, что после развода никогда больше не выйдет замуж. Моим словам, видимо, верить можно настолько же.

ДБ: Чем вы отличаетесь от основной массы ваших слушателей, то есть от нынешних двадцати-двадцатитрехлетних?

ИК: О, мы счастливое поколение! Нам повезло: мы дважды разочарованы. И в левых, и в правых. Мы уже понимали, что слушать пленум или слушать «Свободу» — это не такая уж принципиальная разница... Так что мы не отравлены никакой догмой. Мы можем думать сами и учить этому своих детей. А их у меня трое: сын от первого брака, сын и дочь — от второго.

ДБ: Рок в глубоком кризисе. Каким вы видите его будущее?

ИК: Мне кажется, он опять уйдет в подполье, причем это произойдет не нарочито, а просто потому, что его никто не будет слушать, и он прогорит. Подполье в него опять привнесет элемент игры. Говорят, что рок сгубила массовая культура, — не думаю, он и сам по себе массовая культура. Культура вообще не нуждается в эпитетах. Культура для меня — все, что претендует на обобщение. Это не качественное понятие, а какая-то субстанция: либо ее нет, либо она есть. Это закон.

ДБ: А вы еще могли бы назвать какие-то из признаваемых вами законов? О возвращающемся зле мы уже говорили, и о поступке и следствии, и об эгоизме...

ИК: Да я пишу обо всем этом. Но есть еще один закон, на котором я настаиваю абсолютно: ни одну истину нельзя абсолютизировать. Избегайте оголтелости, ничего хуже оголтелости нет. Вот мы иногда в отчаянии говорим: любви нет. Чушь! Или: гармония с собой недостижима. Опять-таки чушь: она достижима, но не абсолютно, а, как бы сказать, точно. Надо принимать жизнь такой, какая она есть. Но мы вольны смотреть на нее собственным взглядом и по-своему выбирать. Выбора во всякой ситуации как минимум два. Так что приемлемый вариант в большинстве случаев отыскивается.

Р. С.: Чуть не забыл!

ДБ: Илья, год назад вы отказались от премии Ленинского комсомола...

ИК: Ну да... потому что у нас совершенно нет традиции веселых политических шоу. Если бы можно было заказать лауреатский знак в форме шестиконечной звезды, и чтобы председатель комитета по этим премиям Анатолий Иванов ее вручал... А так...

Газета «Собеседник», 1991

О любви

Жизнь очень часто бывает похожей на поезд. Но тогда в ней любовь попадает в... Вы ездили в поездах, и вы знаете, что это долгая, утомительная дорога... люди делают кучу вещей, которые они не делают у себя дома: больше курят, больше пьют, больше читают газет и журналов. Все равно все люди ждут, когда они, наконец, выйдут из поезда. И мне кажется, что любви, если и есть место в этом поезде, то это просто птица, залетевшая в поезд. Она мечтает вырваться из купе наружу, приехать куда-то. Если жизнь очень похожа на поезд... для кого-то, то, значит, любовь в нем постоянно живет ожиданием приезда, ожиданием вокзала, на котором она сможет, наконец, выйти из этого поезда.

У меня нет определения любви, у меня есть, скорее, видение, чем определение. Это зрительный образ. Это не определение в том смысле, в котором его обычно понимают в энциклопедиях и словарях. Это зрительный образ. Для меня любовь всегда связана с образом птицы. Почему? Наверное, этому тоже есть свое объяснение, но я пытаюсь не задумываться над этим объяснением. Любовь — это всегда птица. Не обязательно птица, которая летит. Скажем, птица, которая сидит. Допустим, на высоковольтном проводе. Или птица, которая попала в силки. Или птица, которой сломали крылья. Или птица, которая спит. Но всегда птица. У меня почему-то любовь очень сильно связана с перьями, с крыльями, с птичьими глазами, полетом, песней... Наверное, это достаточно обычная поэтическая ассоциация. Сильное чувство. Мне нравится так думать о любви.

Я живу в кругу умников. Умники — они всегда сделаны «накоротке»... им очень трудно даются такие вещи. Поэтому мне

приходится чаще смотреть на каких-то литературных, мифологических персонажей, чем на живых людей. Хотя я на 100% убежден, что такие живые люди существуют. Просто я с ними не знаком в силу того, что я живу не в самой здоровой части общества. Для меня в последнее время идеалом стал тот герой, которого создал Том Хэнкс в «Форресте Гампе». Но таким надо родиться. Я, к сожалению, идиотом не родился. Говорю без всякой иронии. Под идиотом я сейчас не имею в виду того, кто пускает слюни и размазывает соплю. А такого идиота, как Форрест Гамп. И поэтому мне приходится убивать в себе упоение собственными дарами, способностями...

«Я не умный человек. Но я знаю, что такое любовь». (Форрест Гамп.)

Любовь — чувство не для всех. Но и не для избранных. Никто никогда не считал, не пытался заниматься такой статистикой, да это и невозможно, наверное, потому что человек не может доказать другому, любит он или нет — он только сам это может почувствовать. Но наверное, есть (я допускаю такую возможность) люди, которые никогда в жизни не чувствовали себя существами, созданными для полета. Но вряд ли они «рожденные ползать». Скорее всего, они предпочли ползать.

*Телеканал «2 x 2», программа
«Ты у меня одна», июнь 1996 г.*

«Наутилус» лег на дно

После двухнедельного тура по городам России Вячеслав Бутусов и компания «похоронят» идею легендарной группы «Наутилус Помпилиус» в Екатеринбурге, там, где коллектив и родился. Проанализировать ситуацию, связанную с вырождением отечественной рок-музыки и распадом «Наутилуса» в частности, попытался Илья Кормильцев, долгие годы писавший тексты для песен группы.

Владимир Полупанов

ВП: История легендарной группы закончилась. Это правда?

ИК: И да и нет. «Наутилус» как рок-группа в прежнем понимании безусловно мертв, потому что ни один из авторов песенного материала не заинтересован в дальнейшей работе в этом жанре. Как явление «Наутилус», возможно, будет существовать и выпускать пластинки, но уже с другой музыкой. Это зависит от личного желания Славы Бутусова. Если он придет в себя, закончит со своими духовными метаниями, тогда это все начнет приобретать другие очертания.

ВП: Вы не ностальгируете по периоду, когда «Наутилус» был на пике популярности и собирал стадионы?

ИК: Я ненавижу этот период. Мы потеряли в этот промежуток адекватную себе аудиторию. Люди, которые ходили на стадионы, в большинстве своем ничего не понимали в этих песнях. Или понимали, может быть, 10% от того, что там было сказано. Уж если они радостно махали красным флагом под песню «Скованные одной цепью»...

ВП: Неужели вы писали настолько сложные тексты?

ИК: По большому счету в текстах «Наутилуса» нет скрытых тайн, для человека грамотного они не такие уж загадочные.

Просто публика считывала не те эмоции, которые в них содержались. И вообще вся эта суеда по поводу включения группы в круг звезд эстрады очень мешала работать. Для меня никогда не имели значения поклонницы, которые звонят по телефону и писклявыми голосами произносят: «Нам нравится ваша группа!» Это может польстить в 22–24 года. В тридцать лет это просто раздражает, а уж в сорок становится невыносимым. Я всегда был счастлив оттого, что меня никто не знает в лицо. Потому что, как это тяжело и плохо, я убеждался каждый раз, пытаясь прогуляться с Вячеславом Бутусовым по улицам Санкт-Петербурга. Все время приходится стряхивать с себя всяких ненужных людей, как собачек, которые цепляются к штанам.

ВП: Скажите, Илья, последний альбом «Наутилуса», «Яблокитай», записанный с помощью английских музыкантов, — это попытка преодолеть местечковость русского рока и вывести его на международный уровень?

ИК: Думаю, что все уже поняли, что «русский рок» — понятие очень узкое и обреченное на законченность. Это не значит, что никто теперь не будет ничего делать в этом жанре и что народ не будет это слушать и покупать. По большому счету время духовного откровения закончилось. Наш рок уперся рогами в стенку и больше ничего нового не сделает.

ВП: И когда же вы это поняли?

ИК: Первые легкие запахи разложения появились в начале 1990-х. Но тогда трудно было разобраться: то ли это внутри самого жанра, то ли общая обстановка в стране. Сейчас стало понятно, что таких песен а-ля Шевчук можно спеть еще 150, они все равно ничего не добавят. Сейчас мы живем с Западом в едином информационно-культурном пространстве, поэтому то, что имеет значение в Лондоне, имеет значение здесь. Если сравнить альбом «Яблокитай» (я не имею в виду артистический уровень) с последними творениями Дэвида Боуи и «Ю-Ту» (которые записывались почти одновременно), будет видна общая тенденция — попытка при помощи ритмов, взятых из других жанров, оживить рок-песню. Это уже общемировая тенденция.

ВП: Признайтесь, заимствовали ли вы что-либо из западного песенного материала, работая над песнями для «Наутилуса»?

ИК: Абсолютно сознательно и даже в настоящее время использую этот литературный прием, поскольку считаю, что он совершенно законный. Постмодерн в этом веке сделал его даже банальным. Это же не дословный перевод, а использование каких-то фрагментов, диалог с культурой, которую ты слушаешь.

Если говорить о новом альбоме, то в нем очень много позаимствовано у Леонарда Коэна, типа цитаты «Сестры печали». В альбоме «Разлука» есть такие смешные источники (в песне «Ален Делон говорит по-французски»), как название дискотечной песни уже подзабытой группешки «Бананарама», она называлась «Robert De Niro speaks Italian».

ВП: Русскому року от силы тридцать лет от роду. Почему так быстро закончился его век?

ИК: У нас же мало кто хочет делать что-то новое. Во-первых, в силу возраста, который делает человека до какой-то степени консервативным. Во-вторых, наше поколение родилось в этой стране между двумя мирами, у нас было долгое и счастливое детство, которое кончилось несколько лет назад. Оно на многих давит, как груз, который нельзя стряхнуть. Отсюда всякие «митьковские песни», дикая популярность фильмов «Белое солнце пустыни», «Кавказская пленница» и т. д.

ВП: В отличие от рока, поп-музыка, на ваш взгляд, переживает развитие?

ИК: Безусловно. Поп вообще ориентирован на моментальную продажу, поэтому сразу отражает всякие новые тенденции.

Рок-н-ролл же — это явление культовое, он создал собственную толпу слушателей, которые на него ходят из соображений полуидеологических. Не важно, что и как играется, главное — атмосфера. Поэтому он и захлебнулся во вкусах этой аудитории, которая не растет, не расширяется.

Газета «Аргументы и факты», 1997

Акулы пера. Илья Кормильцев

Ведущий Илья Легостаев

Ведущий: Перед самым началом московских концертов в ходе прощального тура «Наутилуса» вы распространили заявление, суть которого сводилась к тому, что Вы покидаете группу, потому что считаете, что все это уже в прошлом, и потому нет никакой нужды дальше каким-либо образом сотрудничать. Почему возникла такая необходимость уйти, можно сказать, в самом конце истории?

ИК: Дело в том, что за некоторое время до прощальных гастролей «Наутилуса» мне стали поступать многочисленные звонки от собратьев ваших по журналистскому цеху, которые говорили что-то типа: «Ну расскажите получше, как это у вас тут задумано — этот рекламный трюк насчет прощальных гастролей». Я говорю: «Это не рекламный трюк». Те: «Да ну, мы знаем лучше, сами такие придумываем, расскажите, как Вы это придумали». Я почувствовал, что есть необходимость сделать какое-то действие, которое подчеркнуло бы для широкой публики, что это действительно навсегда, чтобы не было дороги назад. И я считаю, что оказал этим определенную услугу группе и Славе в первую очередь.

Ведущий: Ну теперь можно окончательно говорить... закончились самые последние концерты в Екатеринбурге, что легенда утонула. Вам не обидно, как одному из начинателей движения?

ИК: Мне абсолютно не обидно, поскольку легенда может стать легендой, только когда она утонет и не раньше.

Ведущий: Ну хорошо... и тем не менее с группой связан целый период жизни. И потом, мне почему-то казалось, что когда

Вячеслав Бутусов был у нас в программе, он, может быть, и выглядел немного усталым, но все же вполне жизнеспособным и очень творческим человеком. В голове у него масса идей, и они могли продолжать и продолжать работать дальше. Как вы думаете, что все-таки явилось основной причиной, по которой они решили прекратить свою работу?

ИК: А причин было очень много, нельзя все свести к одному простому ответу. Наверное, лучшим ответом будет то, что сказал однажды один мудрый старый еврей: «Всякой вещи под солнцем свое место и свое время». Я уверен, что Слава действительно полон идей и жизненных сил. Очень надеюсь на это и думаю, что он может сделать много чего еще, но, мне кажется, совершенно необязательно, чтобы это продавалось под той же торговой маркой.

Алексей Остудин, «Хит-FM»: Я тут недавно имел честь лицезреть по нашему сугубо местному кабельному телевидению интервью как раз с прощального концерта «Наутилуса» в зале «Россия». Интервью причем не с самим Бутусовым, а именно с музыкантами группы. Они были очень обижены (ну, они производили впечатление людей, немножко обиженных, таких брошенных), и в их словах звучал (немножечко между строк) тезис о том, что Илья Кормильцев, человек, который является «серым кардиналом» группы, что он то и есть причина прекращения истории группы, что у него есть какие-то концептуальные соображения по этому поводу (почему группа должна завершить свое существование), и у них сквозит такая обида, что, мол, их-то на самом деле никто не спросил, а их статус в группе — как у наемных музыкантов, которые с уходом могут унести «только себя и больше никого» (это их слова). Как Вы можете прокомментировать такого рода заявление людей, которые работали с Вами?

ИК: Ну, во-первых, наша группа никогда не претендовала на статус профсоюза. Это было объединение частных лиц с целью игры музыки. Поэтому каждый уносит только самого

себя, как из любого дела. И полагаться можно в дальнейшем только на свои собственные силы. Поэтому не вижу здесь ничего особенно обидного. А насчет «серого кардинала»... это большое преувеличение... очень большое преувеличение. Оно, очевидно, связано с тем, что есть у людей такая привычка: «А вот кого не видно нигде? А вот кого не слышно нигде? Вот, наверное, он-то и есть самый главный!» Таким образом, случайно создался имидж «серого кардинала», на который я никогда в жизни не претендовал, но который, не скрою, нередко бывал мне удобен.

Ведущий: Хорошо, Илья. Но согласитесь, довольно непонятная ситуация: Вы не музыкант, Вы пишете только тексты для песен и при этом (а это уникальный случай в нашей индустрии грамзаписи), Вы являетесь практически непосредственным участником группы и, как выясняется, имеете очень большое влияние. Насколько часто Вам приходилось это влияние каким-то образом реализовывать?

ИК: Я, конечно, всегда имел определенный голос в обсуждении всего, что группа делала. То, что я не музыкант, не является абсолютно никаким препятствием для того, чтобы быть членом творческого коллектива, если ты занимаешься творчеством. Если это нехарактерно для нашего бизнеса... ну так это нехарактерно для шоу-бизнеса нигде. Поэты, которые не поют сами — довольно редкое явление, но они существуют, такие случаи бывали. Я не принимал единоличное решение о том, чтобы распускать группу «Наутилус Помпилиус». Такое решение принимал Слава. Я после некоторого размышления пришел к выводу, что он абсолютно прав. Если с музыкантами на эту тему не посоветовались, как они считают, можно задать вопрос, каким образом можно «посоветоваться» в данном вопросе, если человек не хочет больше работать под этим именем?

Ведущий: Спасибо большое! Продолжаем.

Капитолина Деловая, «Московский комсомолец»: Я бы хотела продолжить тему распада «Наутилуса». Насколько

я знаю, этот распад сопровождался довольно тяжелыми отношениями в группе между Славой, музыкантами и Вами. Например, последние концерты проходили по такой схеме: в примерках Слава и музыканты были в разных концах коридора, затем Славу и музыкантов сводили вместе к выходу на сцену. Они отработывали, уходили, публика начинала вызывать «Наутилус» на бис. Музыканты были готовы выйти, а Слава говорил им на это «вам это надо, а мне — нет». На мой взгляд, это говорит о том, что Слава себя исчерпал как музыкант и, наверное, не только как музыкант «Наутилуса». Или вот еще один слух... хотя у меня достаточно оснований, чтобы считать, что это не слух: говорят, что Слава связался в Питере с какой-то черной сектой сатанистов или чего-то в этом роде. И настолько сильно влияние этих людей сейчас на Славу, что распад группы — одно из последствий этой порочной связи. Насколько это действительно так?

ИК: Первое: примерки Славы и музыкантов находятся в разных местах уже как минимум лет пять. Второе: то, что он не хочет выходить на сцену в качестве фронтмена группы «Наутилус Помпилиус», вовсе не значит, что он вовсе не хочет выходить на сцену с чем-то другим. Третий вопрос по поводу его отношений с какими-то людьми, наверное, лучше задать самому Славе. Я считаю, что на такие вопросы касательно своих убеждений (религиозных и духовных увлечений) должен отвечать сам увлекающийся, а ни в коем случае не его друзья и родственники.

Регина Мянник, «Лис'с»: Я бы хотела узнать у Вас, где бы Вы хотели теперь органично самореализоваться, при всем том, что тексты у Вас достаточно сложные... если распадается на данный момент «Наутилус Помпилиус», как Ваша работа будет в дальнейшем складываться, как творческого человека?

ИК: У меня нет ни малейших проблем с трудоустройством, основная моя проблема, как найти свободное время, чтобы не заниматься какой-либо работой. Я никогда не считал себя человеком, который пишет исключительно тексты песен,

полагая это довольно смешным занятием. У меня есть еще очень много других интересов, возможностей, и я их систематически реализую, думаю и в музыке в том числе, в смысле работы с коллективами... да.

РМ: Есть уже какой-то конкретный исполнитель или группа, с которой Вы собираетесь работать или сотрудничать?

ИК: Такие намерения есть, но пока рано говорить, потому что цыплят по осени считают — в данном случае, в буквальном смысле слова.

Михаил Гинзбург, «Матадор»: Есть такое понятие «раскачать лодку». В данном случае я имею в виду, что страну вы раскачали своими песнями. У вас нет никаких сожалений по поводу того, что Вы сделали со страной? Может быть, мой вопрос звучит как вопрос домохозяйки, но тем не менее?

ИК: Мы со страной, честное слово, ничего не делали!

МГ: Но так получилось... я понимаю, что, может быть, Вы не хотели...

ИК: Там были люди покруче нас...

МГ: Но песни все-таки сыграли свою роль, Вы не можете этого отрицать...

ИК: Да. Но я никогда об этом не думал, честно говоря. Мне это не интересно. Проблема раскачки страны это что-то из области политики. Моя проблема — написать то, что нравится а) мне, б) моим друзьям, в) публике, причем, публике — именно «в».

МГ: То есть Вы никогда не задумываетесь о том, что происходит вокруг Вас?

ИК: Нет, я задумываюсь над тем, что происходит вокруг. Однако при этом я не страдаю мегаломанией, чтобы предполагать, что то, что происходит вокруг меня, происходит из-за меня.

МГ: Но тем не менее это произошло. Нельзя этого отрицать. Потому что «с этими песнями партизаны шли в бой»...

ИК: «Shit happens», как говорил по этому поводу Форест Гамп.

Светлана Рюрикова, агентство «Арт-Си»: Илья, когда в этой студии сидел Слава Бутусов, то добрая половина программы на самом деле была посвящена Вам и текстам, которые Вы писали для его песен. В связи с этим у меня к Вам такой вопрос: как раз когда Слава был у нас в гостях, то его спрашивали очень много о том, что Ваши тексты созданы несколько искусственно, скажем так, то есть, может быть, даже не по вдохновению. То есть это некое нагромождение грамматических и прочих конструкций, и была озвучена фраза, что Илья забывает на третьей строчке то, что было до того. Вот как бы Вы прокомментировали этот момент искусственности в создании ваших стихотворений?

ИК: Я не знаю, что такое «искусственное» создание стихотворения...

СР: Я знаю, например, что тексты для альбома «Разлука» Вы писали действительно под влиянием вдохновения и чуть ли не на лестничной клетке, выбегая из квартиры, потому что там не было возможности спокойно работать. Так?

ИК: Не было возможности проявиться вдохновению? Да я вообще не пишу текстов, когда нет вдохновения: просто ничего не получается, во-первых. А во-вторых, я не помню, чтобы тексты к альбому «Разлука» я писал как-нибудь иначе, чем какие-либо другие тексты. Я не знаю, что такое «искусственно» писать тексты. Ну, может быть, «искусственно» — это при помощи компьютерной программы? Или подбирая рифмы по словарю рифм? Я, честно говоря, не могу понять, что такое «искусственно», вот не могу.

Ведущий: Ну хорошо. Вот в песнях очень многих наших рок-групп присутствует какой-то сюжет, т. е. все образы объединены в одну конструкцию, которая позволяет понять, что человек хотел сказать: вот это начало, а это — конец. Вас часто называют поэтом, который работает в стиле «поток сознания», что для

рок-музыки не очень естественно, особенно для нашей рок-музыки, потому что у нас, как известно, главное — слова, которые сделали нашу рок-музыку достоянием такого большого количества людей. Принимаете этот упрек или нет?

ИК: Основное — слова, а это потому, что играть не умеют, в первую очередь. Во-вторых, действительно, песни русских рок-исполнителей имеют часто связный, понятный, логичный, простой сюжет, в частности, в поэзии Бориса Гребенщикова...

Ведущий: Но он исключение, наверное?

ИК: О, я не думаю. Потом, поток сознания — это тоже довольно неопределенный термин. Любое высказывание есть поток сознания и не больше того. Я не думаю, что я сильно отличаюсь от других поэтов, которые писали песни (из моего поколения). И более того, я считаю, что в чем-то я вполне типичен и, может быть, даже достаточно вторичен — в том смысле, что я сам, когда я учился писать... для меня Гребенщиков и Майк Науменко были старшими учителями, людьми, которые уже состоялись.

Ведущий: Спасибо!

Андрей Клюкин, «Автопанорама»: Меня зовут Андрей Клюкин, и я бы хотел ужесточить Светин вопрос. Мы можем путаться во всех этих сложных терминах, но когда приходит на программу Слава Бутусов, и прямой вопрос в лоб: «А Вы все понимаете?» Ответ: «Я многих текстов до сих пор не могу понять». Как Вы прокомментируете такую ситуацию, когда Вы вкладываете свои слова, и человек, голосом которого они произносятся со сцены, просто не врубается вообще, что там в этих словах происходит. Может быть, Вы проводили какую-то разъяснительную работу? Вообще, прокомментируйте ситуацию, когда певец не понимает толком, о чем он поет!

ИК: Ну, если начать хотя бы с того факта, что многих песен, которые я написал, я не понимаю сам... *(смех в зале)* ...Мне кажется, поэзия для того и пишется, чтобы быть неоднозначной, а объяснять ее — это привилегия определенной профессии,

которая называется «литературный критик», а ни в коем случае не поэтов и не журналистов.

АК: И у меня еще такой вопрос по работе. Постольку, поскольку Вы являлись членом коллектива все это время, наверняка, Вы также работали вместе со Славой во время записи за рубежом, и я бы хотел, чтобы Вы попробовали прокомментировать... Все-таки, «Наутилус» — это культовая группа, в которой в первую очередь важна была эмоциональная нагрузка, а не качество музыкального звучания. Как вы оцениваете свою работу за рубежом во время записи? Это лучше? Это хуже? И вообще, зачем и почему это? И если возможно, в двух словах вообще вот про эту тенденцию уезда наших музыкантов на запись за границу...

ИК: А футболистам вы тоже задаете такие вопросы?

АК: Футболистам я не задаю, потому что наши поэты уезжают, как правило, в какую-нибудь деревню, но опять-таки в Россию, для того, чтобы создавать какие-то свои образы...

ИК: Деревня тоже может быть очень интересным новым впечатлением...

АК: Очень хорошо. Но как вот наша культовая группа, несущая нашу национальную традицию, уезжает, чтобы творить, к примеру, в Англию или Америку...

ИК: Я сомневаюсь, что «Наутилус Помпилиус» в очень большой степени несет национальную традицию. А потом, «наши» — это какие?

АК: Наши национальные традиции, это вот мы выросли, нам по 20–30 лет, и то, что мы слушаем...

ИК: Это традиция поколения, а не национальная традиция.

АК: Хорошо, а традиции поколения? Как они могут нести при работе «там»?

ИК: А поколение мы возим с собой, от этого никуда не деться. Впрочем, как и нацию. А так, это обычный обмен опытом. Люди поехали туда, потому что появилась такая возможность, потому там действительно есть чему поучиться, и каким-то

национальным корням это ни в коей мере не мешает, как не мешало Бунину писать сорок лет во Франции о России (будем приводить высокие примеры, в конце концов). А то, что «Наутилус» был всегда сильно привязан к эмоциональной составляющей вместо мастерства — это несчастье «Наутилуса». Это, собственно говоря, и есть причина, по которой он не может продолжать существовать, потому что та эмоция была связана с определенным временем и исчерпала себя сейчас. Сейчас все меняется. Как сказала одна юная киногероиня, «меняется время, меняется музыка, меняются даже наркотики», так что нужно соответствовать этим переменам.

АК: Но лучшие работы их были записаны тогда, когда они не были еще совсем профессионалами, то есть, еще будучи в Свердловске. Если сейчас ткнуть первого попавшегося встречного: «Что ты помнишь из Наутилуса?» — наверняка он вспомнит там сметану на бананах или горох об стену, но не будет...

ИК: Очевидно, вы общаетесь в основном со своими сверстниками.

АК: Нет, я общаюсь по роду работы и не со своими сверстниками.

Ведущий: Хорошо, давайте конкретизируем. Как вы относитесь к последней пластинке «Наутилуса», которая была записана в Англии?

ИК: Я считаю ее большой нашей удачей и большой нашей ошибкой одновременно. Большая удача в том, что нам удалось поработать с человеком, который не только представитель другой культуры — музыкальной и национальной — но, в первую очередь, представитель другого поколения — того самого поколения, которое делало ревущие шестидесятые, начало семидесятых. Это просто интересно по человечески — пообщаться с живым динозавром. Мало кто бы отказался от такой возможности. И мы очень многое поняли. Мне это дало незаменимый опыт. Я думаю, Славе тоже. Неудачей она является в том смысле, что в старые мехи, по евангельской мудрости, новое вино

не наливают. И, в общем-то, была идея издавать эту пластинку не как «Наутилус Помпилиус», под другим именем. Но как известно, кроме артистов существуют еще компании грамзаписи, и они преследуют маркетинговую политику, которая зачастую не совпадает с интересами артистов. Тем не менее мы вынуждены были это понять: то, что наше решение было само по себе слишком скороспелым, что такие вещи, как отказ от названия, готовятся как минимум за полгода.

Конечно, это пластинка не является «Наутилусом Помпилиусом» в том понимании, в котором им являются предыдущие альбомы группы. Я думаю, что главная ошибка состояла в этом.

Ведущий: То есть вы считаете, что «Наутилус» со своей репутацией не выдержал потока технологий, который пытались в каждый трек впихнуть?

ИК: Элементарно. Когда мы начали работать с Биллом Нельсоном, когда мы начали работать над этой конкретной пластинкой, мы поняли, что это уже не «Наутилус». Предсказать это, за отсутствием опыта подобной работы, конечно, мы не могли заранее. Если бы могли, мы бы еще весной подумали о распаде коллектива и, возможно, он бы произошел менее травматично, менее резко и с меньшим количеством человеческих обид.

Ведущий: Когда музыканты отправляются работать за границу, есть в этом некая опасность, на мой взгляд. Потому что когда человек попадает в немножко другой мир, причем в мир куда более совершенный с музыкальной точки зрения, где ему дают понять, кем он является на самом деле, то есть человеком из страны, которая по всем музыкальным меркам является самой глухой провинцией (наверное, так с «Наутилусом» и произошло в Англии), это повод если и не для нервного срыва, то, по крайней мере, для какого-то такого некомфортного состояния. Слава испытывал что-то похожее? Или Вы испытывали что-то похожее?

ИК: Я думаю, что да, что испытывал. Мне испытывать это сложно, потому что я же не музыкант, это не моя музыка,

и, в общем, я хорошо представлял, что нас там ждет, Слава, наверное, в меньшей степени. А во-вторых, чем раньше это дано понять, тем лучше, потому что тем больше времени есть, чтобы исправиться. Я считаю, что мы с этим столкнулись слишком поздно.

Ведущий: То есть возможности исправиться уже нет?

ИК: Нет, она есть, но потребует потеть значительно больше, чем десять лет тому назад.

Ведущий: Как Вы думаете, уровень европейский каким-то образом применим к нам? Или у нас «своя свадьба», и нам просто незачем пихаться во всю эту свободную Европу со своей музыкой?

ИК: Ну свадьба у нас пока совсем своя и, очевидно, еще долго будет таковой оставаться. Пихаться в свободную Европу со своей музыкой все равно нужно, потому что это делают все, и невозможно узнать, что ты делаешь, пока ты будешь, запершись в туалете, брэнчать на гитаре и восхищаться сам собой. Нужно чтобы творчество прошло объективную проверку. А в смысле соответствия нашего уровня европейскому можно сказать, что здесь есть как свои плюсы, так и свои минусы. С одной стороны, плохо, что у нас так много второсортной, третьесортной и даже четверосортной музыки, и, более того, что ее слушают так много людей. Потому что то, что ты слушаешь в 12 лет, неизбежно отразится на том, что ты будешь петь в 22. Но есть и хорошие стороны, например, неохваченность нашего рынка интересами компаний-мейджоров, которые навязывают очень конкретную маркетинговую и имиджевую политику, в которой уже совершенно не подергаешься, если ты хочешь сказать что-то совершенно свое и совершенно альтернативное существующей тенденции. Так что шансы-то есть. Шансы всегда есть. Главное — работать.

Сергей Соседов, «Искус», «Спектр»: Мне многое нравилось, что Вы сделали в рамках группы «Наутилус Помпилиус», Илья, хотя многие поклонники спорят (и критики тоже) о качестве Ваших стихов. Но все отмечали в них броскую мета-

форическую подачу, свежесть и яркость образов, достаточно вспомнить и раннюю Вашу лирику, и более поздние стихи, допустим, такие вещи, как «Утро Полины», «Титаник», «Колеса любви», да тот же «Тутанхамон»... Но в песнях последнего альбома со странным названием «Яблокитай» заметен некий спад. В песнях многих заметна такая вычурная — не хочется говорить это слово — «беспомощность, какой-то снобизм, творческая усталость, что кажется непонятным. Песня «Апельсиновый день», например, неореалистически напоминает старенькую «оранжевую» песню... помните? «Оранжевые дяди, оранжевые тети»... Вы пишете: «в твоих глазах горит апельсиновый свет, в твоих глазах горит апельсиновый свет», и он все время горит. В другой песне, «Сестры печали», есть такие строчки: «жены радости пьют твоё время, как воду, а сестры печали внезапны как дождь». Почему «жены радости»? Может, лучше «мужья радости», потому что «радость» — женского рода, герой песни обращается к женщине. Вы же не пишете поэзию розовую или голубую, хотя, наверное, могли бы попробовать себя и в этой ипостаси. Я уверен, у Вас получилось бы это (*смех в зале*). И, допустим, в произведении «Люди на холме» тоже есть интересные строчки: «Иногда мне кажется, что я должен встать и отнести тебя, как дитя». Куда? «Броситься сверху с вершины холма». Зачем? «Так будет лучше для тебя и меня», но «мы лежим на склоне холма, и мне кажется, что это все ерунда». Мне тоже, Илья, кажется, что все это ерунда, но тем не менее как одаренный поэт, который, я уверен, написал десятки хитов, вдруг снизошел до такой поэтической некондиции?

ИК: У меня как две самые большие ценности дома хранятся две вырезки агентства «Intermedia». Первая — это рецензия на альбом «Крылья», а вторая — рецензия на альбом «Яблокитай». В общем-то они написаны примерно в том ключе, в котором Вы сейчас говорили — и первая, и вторая. Только вторая (того же автора), та, которая посвящена альбому «Яблокитай», приводит как пример поэтической зрелости и правильного обращения со словом альбом «Крылья». Поэтому, может Вы еще

пока не привыкли, Вам придется пока привыкать к этому альбому. Это первое. А второе — никакой особенной поэтической проблемы в том, что Вы прочитали, я не нахожу. Радость беспола — она не мужчина и не женщина. Если Вы так свободно относитесь к половой ориентации, как только что Вы продемонстрировали в своей речи, Вас не должны смущать такие маленькие проблемы.

СС: Нет, меня не смущает. И Вас тоже не смущает, видимо?

ИК: Меня абсолютно не смущает. А насчет окрашенной каким-то цветом карьеры, Вы не очень-то и промахнулись. Я ужасно люблю участвовать в лесбиянских чатах по Интернету под псевдонимом Lucy in the Sky with Diamonds — это одно из моих любимых ночных развлечений.

СС: Интересно!

Максим Резник, «РИФ-ТВ»: У поэтов, которые пишут песни, как правило существует некая обида, обида на жизнь, на прессу, на публику, которая рассматривает их только как сочинителей текстов песен. Вот скажите... Ваше внутреннее ощущение... Вы себя ощущаете текстовиком или все-таки поэтом, и то, что вы делаете — это поэзия для Вас?

ИК: Вообще, все что я делаю, это поэзия для меня, включая чистку зубов. А что касается узкопрофессионального определения, то я пишу тексты, потому что это так: я не пишу стихов, которые не предполагаю услышать как песню. А я писал их, когда был очень молодым, потому что еще не знал, что можно писать песни. И когда я впервые открыл это замечательное занятие, оно мне очень понравилось, и я почувствовал, что за его пределами мне больше в поэзии ничего не нужно. Поэтому никакой обиды ни на кого у меня нет. Обида у меня появляется, когда мне задают идиотские вопросы и, как правило, только в этом случае.

Севастьян Козицин, «Деловая столица»: А можно немножко конкретизировать, как Вы пришли к самому творчеству, то есть, может быть, у Вас образование филологическое либо это вдохновение было?

ИК: Я начал писать стихи после того, как моя первая серьезная любовь закончилась крахом. Я думаю, что это совершенно обычный старт для подобной карьеры. А о филологическом образовании или даже о вдохновении я тогда еще даже не помышлял, потому что был крайне далек от этого в 15 лет.

СК: Кто же ваши кумиры в поэзии?

ИК: Я по знаку Зодиака — весы. Это знак, которому бесполезно задавать вопросы из категории «самые-самые лучшие» или «самые-самые любимые». Мы очень переменчивы: сегодня это один человек, завтра это другой человек. Я люблю очень много поэтов, хотя сами стихи читаю достаточно редко, потому что это очень большая нагрузка — читать стихи, если читать их по-настоящему.

СК: А из нашей музыки что Вам нравится?

ИК: Ну... конечно, я бы мог ограничиться паллиативным заявлением, что если кто интересуется, лучше смотреть соответствующий раздел газеты «Живой звук», но в принципе считаю, что в нашей музыке, при всей катастрофичности ситуации в целом тем не менее впервые за многие годы наметилась положительная тенденция. Пока нельзя назвать ни одного человека, который всем критериям прорыва полностью удовлетворяет. Но начались попытки отойти от каких-то жестко заданных стилистических направлений, очень узких, связанных с определенной публикой — вот это попса, вот это рок-н-ролл. Музыка начинает, наконец, диверсифицироваться и сближаться с мировой ситуацией музыкального рынка, когда музыка есть очень разная, рассчитанная на совершенно разных людей, в том числе с самыми невероятными извращениями мыслительного и слухового процесса. И этот процесс уже начался. Пока, может быть, он не очень очевиден на фоне засилья «суперзвезд» (хоть и не поворачивается язык назвать так наших звезд). На фоне засилья имен и лиц начинают появляться люди, которые ставят на что-то совсем другое. Это очень приятно. В принципе, я рад всему, что сейчас происходит, даже вещам, которые кажутся мно-

гим излишне коммерческими, типа «Иванушек Интернешнл». Я вижу в этом грамотные продюсерские ходы и правильное понимание того, как надо работать с популярной музыкой.

СК: Спасибо!

Тим Кустов, «Музобоз»: Илья, если вернуться лет на 10–12 назад, когда Вами были написаны такие революционные вещи, как «Ален Делон», «Скованные одной цепью», которые действительно произвели революцию в умах тогдашней молодежи, действительно были актуальны, у Вас, несомненно, возникали всякие проблемы с цензурой. Как они разрешались?

ИК: Проблемы с цензурой у меня действительно возникали в советское время, но они касались не группы «Наутилус Помпилиус», потому что группа «Наутилус Помпилиус» дебютировала в широком общественном смысле слова в 1986 году, когда обстановка стала помягче. Проблемы относились к тому времени, когда я работал с «Урфин Джюсом». Я не думаю, что они могут сравниться, хотя бы как легкая тень, с теми проблемами, которые испытывали люди поколения перед нами. Тем не менее для молодого человека, который еще не понимает, что по чем, они были в достаточной степени неприятны и вспоминать об этом... Ничто из того, что случилось вокруг меня, как Вы любите говорить, «в нашей стране за последнее время», не изменило моего мнения о тех временах, когда я был молодым, то есть 1970-х, начала 1980-х годов. Это мнение не поколебалось: я не очень хотел бы вернуться в эти времена, даже не хотел бы вообще. Даже в обмен на физическую молодость.

Ведущий: Даже для 1986 года песня «Скованные одной цепью», которая вышла тогда, была, наверное, довольно сильным откровением. Спокойно Вы воспринимали эти вещи тогда?

ИК: Нет, была определенная паника, в том числе и в стане самих музыкантов — «стоит — не стоит», но никаких серьезных вещей, в общем, не последовало. Вся оппозиция, которая была встречена, была встречена на уровне собственной бюрократии рок-клуба, а не где-то там, в высших серьезных инстан-

циях. И, в общем, это были уже игры мышей вокруг кота Леопольда — несерьезно.

Капитолина Деловая, «Московский комсомолец»: Мне кажется, все лучшее, что вы сделали, можно определить как «депрессивная поэзия». Потому что все это написано в миноре, в полудепрессивном таком состоянии... я это ощущаю именно так. Если вы собираетесь продолжить работать как поэт-песенник, то с какого рода музыкантами, какого направления?

ИК: Во-первых, я по своей натуре жизнерадостный пессимист. И депрессия для меня не характерна, для меня характерен скорее желчный скепсис, чем депрессия, как фаза существования. Я думаю, что песня состоит не только из слов. Она состоит, во-первых, из музыки, во-вторых, из личности исполнителя. Я думаю, что этот перекося в сторону минора цвета черной джинсы — это, во многом, личность Славы, нежели моя. Потому что некоторые песни я писал откровенно как шуточные. А в Славиной интерпретации (у него такой образ) они приобрели такое звучание. Я об этом ничуть не жалею, потому что я ценю Славу очень высоко, как мало кого. Я считаю, что это получилось все равно хорошо, но в принципе это начало создавать определенные проблемы, как для него, так и для меня. Когда ты очень долго просовываешь одну и ту же колбасу в одну и ту же мясорубку, то ничего хорошего получиться не может, надо вовремя остановиться, потому что это ограничивает возможности обоих соавторов проявить себя во всей широте своей личности.

КД: И в какую мясорубку Вы теперь хотели бы засунуть свою колбасу? *(Смех в зале.)*

ИК: Я хочу, чтобы это была музыка, которая мне потенциально нравится в настоящий момент, а не 10 лет назад. Мне хотелось бы, чтобы это была музыка с мощным элементом провокационного безумия и с мощным уровнем политнекорректности. Я думаю, что люди, с которыми мне бы хотелось работать, будут скорее всего достаточно молоды, хотя не исклю-

чено появление людей совсем не молодых, но сохранивших к жизни непринужденное и наглое отношение.

Виталий Белобрагин, «Милицейская волна»: Я знаю, что в 1988 году образовался театр песни Аллы Пугачевой, и Алла Борисовна пригласила группу «Наутилус Помпилиус» работать в своем коллективе. И очень недолго группа просуществовала в этом коллективе. В чем причина, и действительно ли Алла Борисовна принимала участие в записи некоторых песен альбома «Я хочу быть с тобой» как бэк-вокалистка?

ИК: Значит, Алла Борисовна, когда организовывала свой театр, она естественно занималась talent's counting'ом — поиском того, кто бы мог в этом театре принимать участие, и в том числе, среди многих появившихся тогда исполнителей, с которыми она тогда общалась, начиная с Жанны Агузаровой, был и «Наутилус Помпилиус». То есть мы общались, знакомились, происходил некий флирт джентльменский, какие-то разговоры об этом театре, но реально «Наутилус» никогда не работал в театре Аллы Пугачевой, и единственный плод этого сотрудничества — это альбом, который был записан на студии Кальянова, которая тогда располагалась в Олимпийском. И, действительно, Алла Борисовна выступила в необычной, экстравагантной для себя роли бэк-вокалистки на песне «Доктор твоего тела». Но credits она потом попросила снять с пластинки. Тем не менее сам факт такой был. Получилось это в общем-то потому, что Алла Борисовна, будучи натурой очень эмоциональной, Овном по знаку, в один из моментов решила показать Славе, как на самом деле нужно петь эту песню. И она ему суфлировала правильные интонации (как она их понимала) шепотом. Потом Кальянов оставил этот шепот на дорожке, использовал его в конечном миксе, и получилось очень неплохо.

ВБ: Спасибо...

Чип и Дейл, «Латинский квартал»: Каким Вы представляете свое будущее в роли поэта-песенника? Есть ли оно вообще в Вашем понимании и какое оно?

ИК: Ну, по крайней мере, я не хочу бросать этого дела, а каким будет будущее, зависит от того, что получится в результате этого, какие песни — хорошие, плохие...

ЧиД: Вы сказали, что вы пессимист...

ИК: Да. Жизнерадостный пессимист.

ЧиД: Как вы это можете объяснить?

ИК: Жизнерадостный пессимист — это человек, который помнит всегда, что жизнь кончится смертью, но при этом не торопится приблизить этот момент.

Ведущий: Илья, о Вас в последнее время говорят как о большом приверженце компьютерного общения через Интернет, и, судя по всему, наибольшее удовольствие Вам доставляет общение с людьми посредством компьютера, а не визави. Сегодня была возможность просто пообщаться с журналистами. Как лучше с ними разговаривать — через машину или глаза в глаза?

ИК: Лучше всего с ними вообще не разговаривать. К сожалению, об этом приходится только мечтать.

Ведущий: А чем они Вам так не нравятся?

ИК: Я педант, как я уже сказал. Я люблю высокий профессионализм, то есть умение человека разбираться в предмете. Этим уже все сказано. К сожалению, у нас нет музыкальной журналистики как категории.

Ведущий: Неужели все так безнадежно потеряно?

ИК: Ну нет! Мы что, сегодня все умереть собрались разом? У нас, наоборот, есть возможность стать настоящими специалистами своего дела.

Ведущий: Я надеюсь, мы со временем ее используем. Спасибо что пришли.

ИК: Спасибо вам.

Телеканал «ТВ-6», передача «Акулы пера», 1997

Беседа с Ильей Кормильцевым и Олегом Сакмаровым

Два события произошли летом 1997 года практически одновременно: распад «Наутилуса» и начало взлета группы «Мумий Троль».

Незадолго до этого я познакомил Кормильцева с Бурлаковым и Лагутенко, а Илья Валерьевич настойчиво рекомендовал владивостокским пилигримам молодого гитариста свердловской группы «Птица Зу» Юру Цалера.

В тот по-настоящему бурный период я загорелся выпускать русскую версию журнала «Q» с условным названием «МЕЛ».

Это была какая-то хитровы**анная аббревиатура (но спустя двадцать лет я уже ничего не помню) с активным участием самого Кормильцева и всех вышеперечисленных персоналий. Дизайнером планировался Саша Коротич («Урфин Джюс», «Настя», «Наутилус» и др.).

В конце 1997 года Кормильцев вместе с Сакмаровым уже вовсю начинали записывать в домашних условиях «Чужие», а мы, соответственно, делать великий рок-н-рольный журнал.

Сразу после Нового года (январь 1998) мы с Сашей Коротичем пришкандебали в квартиру Ильи на Нахимовский с коварной целью вкусно поесть и взять интервью для «МЕЛа». Я размахивал руками и хвастался Коротичу, что сделаю интервью, состоящее из одного вопроса: «Ну, и как там ваша жизнь молодая?»

Вот что из этого получилось: ни один номер журнала в свет так и не вышел.

Александр Кушнир

АК: Самое приятное, что люди разрушают десятилетиями сложившиеся о себе стереотипы. И делают это достаточно убедительно.

ОС: Я тебе возражаю, потому что это не более чем новый творческий виток, когда все те же самые идеи находят реализа-

цию в новой форме. Это совершенно естественно. Более того, слава Богу, что у нас не капиталистическое общество, где все привыкли к штампам, вот играет он одно и всю жизнь должен играть то же самое, иначе его не полюбят. А сейчас происходит то, что в домашних условиях абсолютная свежая реализация тех же самых замечательных художественных идей.

ИК: Я согласен с обеими точками зрения.

АК: Хорошо, расскажите, как вы рождались, эволюционировали. И что в перспективе видится, чтобы я это сразу в горячий материал поставил.

ИК: Я бы сказал так, что все было очень просто. К определенному моменту мы поняли, что нас просто не тащит от того, что мы делаем. И если нас дальше будет не тащить, то нас самих скоро оттащат. А поскольку мы люди уже пожилые, мы поняли, что единственный способ продлить свою жизнь — это стать моложе. В общем, это была главная идея, которая за всем этим лежала. Мы поняли, что мы сделали 10% того, что мы могли сделать, работая раньше. И вот эти 90%, которые мы не сделали, и есть наша кажущаяся старость. Если мы их сделаем, то мы сразу вернемся к тому моменту, когда эти мысли у нас были свежими и когда мы очень хотели их сделать. Мы решили, что просто нужно сделать все самим и разрушить мифологему. Для меня, например, у Олега будет свое мнение. Для меня главное как бы человек антиромантических убеждений по-своему складу всему, для меня главное было разрушить идею интуитивизма, харизмы и призвания, которое доминирует, в общем-то, не только в нашем рок-н-ролле, а которое, в общем, определяет лицо рок-н-ролла. О том, что интеллект может решить задачи не только чисто формальные, а какие-то конструктивные. Интеллект может быть средством для воспроизведения эмоций.

У нас с Сакмаровым постоянно происходят большие культурологические дискуссии. Я всегда говорил, что мой любимый поэт — Иоганн Вольфганг Гёте, который прожил очень долгую жизнь, очень успешную, будучи премьер-министром небольшого, но государства. И при этом он никогда не позволял

себе впасть в состояние мобильного телефона, потому что писал о том, что видел. О том, что пережил... Он все это обобщал в мудрость. Для меня это всегда очень важно.

Это очень просто нажраться, обкуриться или чего-то обдолбаться, выйти на сцену с гитарой, врезать по ней со всей силы и заорать: «Я круче всех!» Это производит впечатление. На таких же, как тот, кто кричит. Каждый из них мечтает страстно по ночам, что он так же выйдет и закричит, понимаешь. А что собственно кричать о том, что я есть? Во-первых, с философской точки зрения вопрос этот спорный, оспаривающийся многими школами философии, а во-вторых, это просто не интересно. Интересно играть звуками, играть мирами, объективными по отношению к тебе. Не просто рассказывать о том, что я такой вот потерял девственность, потом у меня прыщи прошли, потом я стал зарабатывать деньги, научился играть на гитаре, потом я вообще всех вас смел, потом купил себе роллс-ройс. Ну и дальше что? Ну и все, дальше ничего. Дальше понесли тебя на кладбище, печатают твои ступни и ладони в «Холл феймах рок-н-ролла». Мне кажется, это не интересно, человек должен 90 лет прожить так, как будто ему все время 18. Это никакая не ложь, не попытки. Это не способ сделать себе грим, подтяжки и прочее, это душа должна быть молодой. Потому что душа человека бессмертна, она вечно молода по этой самой причине. Если только не отдавать ее на растерзание телу, деньгам и всякой прочей х**не. Душа всегда должна быть восемнадцатилетней.

Я подумал, ну нам 38 лет, тем, кто сейчас ходит на дискотеки, на рейвы, читают Пелевина, им сейчас 18 лет. Ну и что? Мы слушаем ту же музыку, ходим на те же дискотеки, а уж по поводу того как обдолбаться мы каждого тут можем научить. Я посмотрел на неутомимого Шона Райдера из «Happy Mondays», у которого сейчас «Black Grape»...

Вообще для меня в концепции этой идеи было... Если не считать моих друзей, если не считать Сакмарова, получается, что в этой стране не было никого, кто бы меня толкал. В какой-то

момент у меня появилась последовательность откровений, что нужно что-то делать совсем по-другому. Эта последовательность складывалась следующим образом: Шон Райдер, Underworld в лице обоих п***расов, Бил Нельсон, как ни странно. Бил Нельсон показал мне пример карьеры, может, не очень удачной в каких-то отношениях, но это пример человека, который мастер, мессир, который умеет работать с материалом. Вот эти три человека были важными для меня из внешних, я не говорю про своих друзей, которые дали очень много. Я сейчас не говорю про деда-Сакмарова, который дал мне чудовищно много. Я не имею ввиду близких людей, а вот из дальних людей здесь в этой стране мне никто не дал ничего. Ничего ни у кого не было, ничему невозможно было у них научиться, потому что все успешно идут к своим похоронам и к своему некрологу. И как-то это скучно очень. То есть это момент, конечно, неизбежный для каждого, я думаю, его надо пережить налету, даже не очень заметив. Тут х**чил музыку, для ангелов начал х**чить музыку, понимаешь, даже не заметил, гитара в руках та же самая лежала. Я думаю, что вот так, наверное, Фрэнк Заппа перешел в мир иной, так и не поняв, чем его 49-й альбом, записанный на небесах, отличается от 48-го, записанного по эту сторону бытия.

АК: Скажи, как вообще у вас по технологии вот это все создавалось, рождалось и в итоге на той стадии, на которой мы сейчас услышим, канун 1998 года, реализовалось?

ОС: Что касается технологии, то есть подключения проводов и набора программы, управления всей аппаратурой, это скорее вопрос к Кормильцеву. Я в этом смысле лишь скромный подмастерье. А что касается того, как все это рождалось... Не совсем так, как Илья излагал, у меня другой путь к этому был. У меня было так: я последние годы просто лопался, взрывался изнутри от переизбытка идей и совершенно очевидных вещей, которые я знал, как надо делать, и хотел бы сделать, но не мог сделать там, где занимался музыкой. Невозможно это было, не получалось. И те ориентиры музыкальные и этические, которые

я видел вокруг: Трики, Бэк, которые в какой-то момент меня смели просто... И я понял, что они отражают мое мироощущение. Не было никаких шансов, я уже совсем загрустил, не было никаких шансов в этом культурном ареале, что либо сделать. Начинал уже перегорать. Внутри кипит когда, ты знаешь что делать, тебе не дают это делать, ничего не дают. Все как будто знают, что надо делать. Они ничего не понимают.

И тут вдруг повезло, что мы с Кормильцевым, вроде перестав работать вместе в «Наутилусе», уже несколько лет корешились по поводу общих психоделических впечатлений, жизненной философии... И этот период длиной в два-три года, он вдруг вызрел в идею, что мы можем работать вместе... И я, по крайней мере, могу все свои идеи неограниченно реализовать... Самые безумные. И на меня никто не будет показывать пальцем и говорить: «Ты что? Ты что придумал? Ты же песню убиваешь этим!» Гораздо проще, когда песня твоя. Хочешь — убиваешь, хочешь — не убиваешь. Вот ты слышал, убили ли мы свои песни? Нет, не убили. Они сами кого хочешь убьют, я думаю. Или оживят.

ИК: Убили. Они кого хочешь убьют, я думаю. Или наоборот оживят.

ОС: То, что мы сейчас делаем, сегодня близко к моему пониманию свободы творческой. Свободы вылепливания в звуке своей картины мира, с одной стороны, и с другой стороны такого ремесленного смирения — то, что мне тоже очень нравится. Когда полная свобода формализуется в очень сложные технологии изготовления продукта. Очень сложные.

ИК: Я бы даже добавил слово «мучительной».

ОС: Меня это очень-очень порадовало и казалось очень близким, потому что я эти технологии в свои консерваторские годы хорошо представлял, как мучительно тяжело настоящая музыка делается. А потом, попав в рок-н-рольную среду, я слышал много мнений о том, что вот этот труд весь не нужен, это кропотливое обучение, образование, и потом реализация

того, чему ты научился — не нужно. Все идет от Бога, а музыкант всего лишь проводник, ничего не надо делать, надо бухать, долбаться и набирать жизненных впечатлений, а потом выплескивать все в альбомах и на сцене. Это такая традиционная точка зрения.

ИК: Достаточно однообразная.

ОС: И в рок-н-ролле меня последние годы угнетало то, что по-русски называется «халявность», «быстрота» и «спонтанность»...

У нас другой метод, мы очень долго и кропотливо работаем, как все техно-музыканты в мире. Когда идеологи ORB несколько лет делают свой альбом, тщательно возясь с каждым звуком, — это достойно уважения.

ИК: Вылизывают.

ОС: Не знаю, что они там делают. Я думаю, они вылизывают много чего. Это достойно уважения. В моей жизни два полюса сомкнулись неожиданно: консерваторский и самый радикальный. Новый, электронно-авангардный какой-то, постмодернистский. И у меня не порвалась связь времен, а восстановилась. Я какую-то внутреннюю гармонию здесь нашел. И поэтому то, что мы сегодня слушаем, для меня это был вопрос какого-то гигантского наслаждения. Самое главное — получилось сделать то, что хотелось. И мы здесь отвечаем за каждую ноту, за каждое слово. И это счастье.

АК: Как вы дополняете друг друга?

ИК: Прекрасно. Мы настоящие, нормальные солдаты во взводе. Мы в меру ругаемся, в меру прощаем друг друга. Порой посылаем на х**, как полагается между двумя взрослыми мужчинами, которые уже не имеют особенных иллюзий по поводу этой жизни, которые много чего повидали на своем веку... Главная проблема у нас сейчас — как и когда почистить зубы. И правильно ли с точки зрения стоматологии чистить зубы первый раз в восемь часов вечера? У нас две ключевые фразы при создании этого альбома: «Я иду чистить зубы»

и «Где карандаш?» Карандашом записывается в монтажные листы новое состояние треков. А зубы — это такая вечная проблема... Мы начинаем их чистить в десять часов утра и завершаем в восемь вечера. Потому что человек, который идет по дороге к зубочистительному центру, вдруг поворачивается и говорит: «Да, кстати, а неплохо бы здесь сделать корректуру звука». «Как?» — спрашивает второй, сидящий за пультом. Первый возвращается в комнату: «Ну, вот так». И после этого продолжает рассуждать: «Да, хорошо звучит. Ну, я пойду зубы почищу, пока ты это делаешь». По дороге поворачивает назад и говорит: «Слушай, а неплохо бы вот этот сэмпл немного прибрать, потому что слишком жирно получается». «Как?» — говорит тот, который сидит за пультом. «Ну, вот так. Ну ладно, ты делай... А я пойду почищу зубы». И так происходит с десяти утра до восьми вечера.

АК: Каковы строгие функции каждого из вас, индивидуальные функции? И где они пересекаются?

ИК: Ну, я бы так сказал, что, в общем-то, в силу нашего образования и бэкграунда, которые получены, пока, на настоящий момент Олег больше ответствен за то, что называется музыкой в узком смысле этого слова, то есть гармония, ноты и прочее. Я больше ответствен за то, что называется звуком в узком смысле этого слова, т. е. подборка звуков, звучание, обращение с аппаратурой. Мы стараемся меняться этими функциями, передавать друг другу и постепенно инфильтрация происходит. И я начинаю играть, а Сакмаров начинает крутить ручки. Я думаю, что пройдет время, и мы будем друг другу идентичны в этом смысле. Это если брать технологическую сторону.

А если брать душевную сторону, то я, будучи человеком истеричным, темпераментным и требовательным к жизни, в каком-то смысле вношу во все это струю какого-то критицизма, энергии такой мужской. В свою очередь, Олег вносит в это энергию душевности. Его основной вклад — в лиричность, в чувства, в эмоцию. В нежную сторону всего того, что мы делаем.

АК: То есть можно так понимать, что вы начинали как дуэт композитора и музыкального коллекционера, а потом это все начало смещаться?

ОС: Музыкальный коллекционер — это Гребенщиков.

ИК: Я скажу, что мы начинали как дуэт двух наркоманов, и, в общем-то, надеемся оставаться в том же качестве.

ОС: А я с ужасом представляю момент, когда Кормильцев начнет писать музыку, а я — стихи. Вот что тут будет...

ИК: Ничего, если поставки травы и кислоты будут оставаться такими же на прежнем уровне. Я думаю, мы будем наслаждаться тем, что делает каждый из нас. Дед хочет меня научить гармонии, я хочу научить его писать стихи, и мы считаем, что это очень важно сделать. По крайней мере, подписывать все мы собираемся творческим коллективом, по старой проверенной схеме «Леннон — Маккартни». Потому что уже очень трудно сказать, кто что придумал. И если, например, Олег написал всего несколько строчек в композиции «Сумочка», а я написал всего лишь несколько партий в той музыке, которую мы сделали... Это состояние — оно быстротекущее, потому что все может обернуться обратной стороной. И я очень буду счастлив, если мы будем совершенно универсальны и научим друг друга тому, что умеем. Я думаю, что это не приведет к тому, что каждый из нас скажет друг другу: «Ну, я теперь все умею, до свидания», — потому что люди все равно остаются разными.

ОС: Тут я добавлю то, что процесс очень увлекателен на самом деле, общение по серьезному поводу, не просто треп жизненный. Когда есть общее дело и много учишься, много впечатлений жизненных от другого человека. Когда человек стоит того, чтобы к нему присматриваться и учиться — это очень здорово, интересно. У меня, например, было бы во много раз меньше одному делать, чем мы вдвоем делаем. Я получаю колоссальное удовольствие от неожиданных для меня хитроплетений нашего сюжета, нашего звука, нашей идеи вообще.

Когда я с удивлением смотрю, как какая-то моя музыкальная идея в такую сторону вырывается, что я даже сам себе представить не мог никогда. То, что называется коллективным творчеством, и чем многие рокеры щеголяют, мол, «у нас коллективное творчество»... И чего уже давно нет ни у кого из известных мне людей... Вот мне кажется, что у нас это получается. Что мы наслаждаемся совместной работой. Такой каскад интеллектуальный, все это забавно и остроумно иногда получается. Иногда грустно и трагично.

АК: Скажи названия композиций, которые готовы, в последовательности, в которой мы слушали.

ОС: Первая называется «Химический ангел», есть вариант «Химическая женщина». Вторая — «Сумочка». Это пока рабочие названия. Третья называется «Свеча», она же «Муха». Четвертая — «Фармакология», в народе она называется «Моцарт». И пятая — «Не тащит», в народе называется «Не тащит — 2».

АК: Какие инструменты задействованы в записи?

ИК: В записи задействован сэмплер Akai 3200 xl cirk profesii, грувбокс roland mc 305 и флейта. Будет, конечно, гитара...

АК: Не все знают, какая функция грувбокса. Это что, усовершенствованный ритмбокс?

ОС: Да, очень усовершенствованный ритмбокс.

АК: Вам сегодня видится, как это будет реализовано на живом звуке? Другими словами, сопоставление студийного и концертного звучания.

ИК: Да, нам очень это видится. У нас постоянно происходят всякие технологические находки, которые могут иметь применение на сцене. Мы, в принципе, пришли к выводу, что эту музыку можно играть живьем. Ее можно играть так же долго и нудно, как играли «Led Zeppelin» и «Grateful Dead». Интересно играть звуками, играть мирами, объективными по отношению к тебе...

ОС: Простор для импровизации сценической очень большой — словесный и музыкальный.

АК: Хорошо, что у вас будет идти с пульта, а что идти со сцены?

ИК: На самом деле, все будет идти со сцены. Просто что-то будет идти от компьютера, что-то будет идти от человека. От компьютера будет идти в основном ритмическая подкладка. Потому что, как хорошо написано в последнем номере журнала «Моjo»: «Чем отличается drum box от ударника? Тем, что в drum box программу нужно внести только один раз». Необходимость в живом ударнике — это совершенно ложная вещь. Возможно, она в шоу хорошая. Может быть, мы когда-нибудь придумаем что-нибудь для перкуссионистов, если нам захочется этого для новых оттенков. Для того, чтобы просто видеть живую обезьяну, которая стучит по бонгам, как поется в знаменитой песне группы «Dire Straits». А в принципе, компьютер — это сетка координат. Такая бывает у художников — нанесенная сеточка из координат, в которых они что-то строят. Это хорошо, что в электронной, технологической музыке эта сетка не живая. Она не человек, именно потому что она должна быть абсолютно надежной. Люди на этом фоне могут вы**ываться как угодно. Это живые люди, они отражают свои эмоции, душу...

Музыка, собственно говоря, это искусство времени в первую очередь. Даже прежде, чем искусство звука. А время... Люди не считают время, у тебя есть часы для этого. Собственно говоря, компьютер — это те же самые часы для музыканта, которые носят на руке. И, когда нужно, на них смотрят. Зачем на них смотреть, когда не нужно на них смотреть? И в этом смысле появление компьютера как организующего темпа, ритмического элемента музыки — это огромный прогресс, который делает музыку намного более свободной. Хотя не все это понимают... Многие видят в этом какое-то рабство, какую-то механичность. Но музыка вся механична, размер в музыке — это железный канон. Когда человек отходит от музыкального размера, от темпа, это всегда служит проигрышу музыки. Если этот отход не предусмотрен, специально не задуман, это называется лажа. В этом смысле мы считаем, что в этой сетке мож-

но делать очень живую, ох**тельно живую музыку. Не менее динамичную, не менее напористую, чем рок-н-ролл. Не меньше оставляющую простор для игры.

АК: Тексты были первичными?

ИК: Изначально да, но многое поменялось в процессе работы.

АК: Под ритм?

ИК: Нет, под динамику, под содержание, под мысль.

ОС: Здесь процесс пока такой существовал, я вообще никакую музыку не могу без текста представить, у меня никаких идей не бывает. Когда я вижу текст, я начинаю читать, какие бы они ни были, как бы Кормильцев ни говорил, что уже изменит под то, что будет, а вся гармоническая подкладка, мелодическая, ритмическая, она исходит из изгибов текстов. Это не говорит, что она к размерам стиха точно привязана, наоборот, стараемся все время ломать эту закономерность. Но при этом песня пока возникает 100% из текста, а потом да, обратный процесс получается, когда есть уже какая-то рыба музыкальная, дальше начинаются тексты модифицироваться, и дальше идет поток такой спонтанный.

АК: Такое первое впечатление складывается, что те композиции две первые, которые прозвучали, там сильный элемент ассоциативного мышления. То есть они воспринимаются не буквально, как третья и пятая, а тут большое пространство для импровизации при восприятии. Это они уже живут своей жизнью или что-то такое задумывалось?

ИК: Да мы как-то особо не рефлексировали на эту тему. Я вообще всегда считал, что текст — это некое высказывание. И это твоя проблема, как ты мое высказывание понимаешь. Для меня такого специального ассоциативного мышления, отдельного от всякого другого мышления, не существует. Когда люди собираются ассоциативно мыслить, это называется «трип». Конечно, это полезно, музыку послушать в таком состоянии сознания... Но если ты не знаешь, что сказать, тебе ни одно состояние

не поможет. Если ты не умеешь водить машину, ты не доедешь даже от станции «Нахимовский проспект» до станции «Таганская». Если ты не знаешь, куда тебе ехать, ты можешь съесть все наркотики в мире, но в итоге никуда не приедешь.

АК: Чем были обусловлены включения в ткань композиций индийских и тибетских мелодий?

ОС: Ни одной индийской, слава богу, и, тем более, тибетской. Исключительно наши родные мусульманские мелодии. И немецкие. Больше ничего. Ну и там всякие африканские, но тоже мусульманские. Мы не склонны поддаваться экспансии восточных религий. Мы не думаем, что они должны завоевать мир, как они сами считают. У нас своя строгая немецко-татарская идеология и религия...

АК: Можно огласить основные постулаты?

ОС: Джихад и много чего другого. Есть основополагающие труды классиков на эту тему, можете почитать. Различного рода Кораны. Немецкие... Кушнир хотел нас обидеть — «тибетские, индийские мелодии»...

ИК: Буддизм — это главный объект нашей внутренней философской критики. Ты можешь посмотреть на «стену ненависти» [портрет Гребенщикова, превращенный в мишень для дротиков. — А. К.], которая располагается на кухне.

АК: А вы можете раскрыть секреты творческой кухни и какие-то мини-цитатки огласить?

ОС: Все сэмплы на альбоме мы честно укажем. Это даже не секрет творческой кухни, это обыкновенная порядочность. Когда мы берем кусок произведения Моцарта из записи татарских друзей, то, в общем, их и укажем. То, что огромный поток world music предоставляет нам, мы этим активно пользуемся. А Кормильцев у нас — неисчерпаемый источник мировых впечатлений.

ИК: Если вас, к примеру, интересует текст, идущий на заднем плане в композиции «Не тащит», то его перевод следующий: «Продолжаются свирепства исламских фундаменталистов

в Алжире. В северо-западной части Алжира группа исламских фундаменталистов захватила деревню. После чего удерживала заложников в течение пяти дней».

ОС: Ну, и чего ты, Илья, сразу все рассказал?

АК: Не бойся, Сакмаров... Это всё в надежные руки попало. Не пропадет, обещаю.

*Интервью частично опубликовано
в книге «Хедлайнеры», 2007*

Мутация. Еще неизвестно, что вырастет

Станислав Кувалдин

СК: Илья, уже почти три года, как нет «Наутилуса». Не преклились после этого ваши связи с миром музыки?

ИК: Нет, я конечно же связан с музыкой. Просто потому, что за многие годы лучше всего научился быть связанным именно с нею. Я решил писать музыку сам.

СК: Вы?

ИК: Наверное, это не самый умный шаг, учитывая, что за плечами есть определенная карьера, но мне всегда хотелось это попробовать. Сейчас у меня есть свой проект — группа «Чужие». Его, кстати, не стоит путать с питерской танцевальной группой с таким же названием, клип которой сейчас крутят по MTV. Потом, мы кое-что пытаемся сделать с Максом Фадеевым. А вообще я в этом отношении человек сложный. Я пятнадцать лет проработал с одним музыкантом. Это так же, как много лет прожить в одном браке.

СК: Кстати, каковы были отношения с Бутусовым? Их можно охарактеризовать как взаимовлияние?

ИК: Новые требования, которые появились в работе с «Наутилусом», безусловно, основывались на самоконцентрации. Перестало интересоваться то, что происходит снаружи. То есть мне можно было делать то, что я хочу, с той скоростью, с которой могу. Эстетика вырастала только изнутри.

Это взаимовлияние обеспечивалось общей средой обитания — сходными интересами и общими разговорами. Мы про-

сто пытались создать особую атмосферу некой единой личности, от лица которой пишется песня.

СК: Остановимся на проблеме этой единой личности. У «Наутилуса» характер несколько раз кардинально менялся. Каков был механизм этого процесса? Как обеспечивалась его синхронность?

ИК: Это вопрос для развернутых мемуаров, когда, хорошенько покопавшись, можно, наверное, определить, как именно это было и что конкретно на все повлияло. Могу сказать, что главным принципом всегда оставался принцип творческой свободы. Разговоров на уровне того, что надо бы повставлять латиноамериканские ритмы или писать не про несчастную, а про счастливую любовь никогда не было. И уж тем более не мелькали слова вроде «позиционирование».

СК: Чем объяснялся резкий слом в сторону эзотерики между свердловским периодом «Наутилуса» и альбомами «Человек без имени» и «Чужая земля»?

ИК: Это определялось, скажем так, изменением вибрации окружающего пространства. Изменением звуков, которые оно производит, его красок. Если ты это улавливаешь, то стараешься отразить. Причем здесь не надо быть на гребне волны, как серфингист. Наоборот, надо, как Айвазовский, смотреть на это море с берега. В определенном смысле быть на гребне волны, значит, не видеть этого гребня. Вообще я придерживаюсь такой философии: увидел изменение — отреагируй на него. А для этого надо определить внутри себя ту точку отсчета, которая меняться не будет.

СК: Реакция на изменение окружающего пространства в рамках нового проекта «Чужие» будет похожа по форме на образцы «Наутилуса»?

ИК: Полагаю, что подобные ожидания вряд ли будут оправданы. Просто потому, что в старые мехи не вливают новое вино. Сам проект «Чужие» возник потому, что появилось желание делать что-то именно после «Наутилуса», писать что-то дру-

гое, другую музыку. Потому что та музыка, которая была, перестала в конце концов устраивать всех нас.

СК: Единой творческой личности «Наутилуса» уже нет. Неужели это не отражается на ваших теперешних произведениях?

ИК: Я не настолько рефлексирующий человек, чтобы так меняться исходя из изменений среды. Но, если пишешь музыку сам, ты, может быть, предъявляешь к слову не такие требования, как в случае, когда пишешь текст для неизвестной музыки другого человека. Когда не знаешь, как эта музыка отразит то, что ты чувствуешь, то пытаешься это чувство довести до предела уже в словах. Если же ты пишешь сам, то к словам можно отнестись просто как к декоративному элементу. Это принципиально похоже на те тексты, которые писал Слава Бутусов.

СК: А в чем изменилось время именно для вас?

ИК: Сейчас завершилась эпоха, в которой существовал «Наутилус». Он очень четко уложился в рамки единого временного периода, который начался в 1985 году, а завершился как раз где-то в 1997-м. Тональность времени сменилась. Мне почему-то кажется, что в этом времени звучит одна музыкальная тема, в который есть более быстрые, более медленные части, минор, мажор.

СК: Что для вас рок-н-ролл? Тайна?

ИК: Рок-н-ролл — тайна лишь постольку, поскольку он одна из форм музыки. Как любая стилистика, он имеет свое начало и свой конец. Мне кажется, что он уже давно пережил свое время. Это загибающийся жанр. Правда, загибается он уже давно и, наверное, будет продолжать в том же духе очень долго. Потому что в нем есть легенда, которая привлекательна.

СК: А в чем легендарность?

ИК: Прежде всего, нужно сказать, что эта легенда не музыкального, а скорее историко-культурного происхождения. Это первый жанр популярной музыки, который заставил воспринимать себя серьезно как некий способ передачи определенного мироощущения. Это произошло впервые со времени

романтиков 19 века. Музыка ведь редко воспринимают серьезно. Мое глубокое убеждение, что средний человек боится музыки.

СК: Именно боится?

ИК: Именно боится. Музыка — разрушитель его обыденного мироощущения. Она бесплотна, но способна воздействовать. Она не обязательна, поскольку создается искусственно, но в то же время всегда присутствует везде: в шумах, в ритмике. Это тайна, которая разрушает линейный мир причинно-следственных связей. Попробуйте поставить обычному человеку серьезную музыку и заставьте его ее слышать (а не слушать), то есть чтобы она звучала не просто как фон. Вы увидите, как ему будет неудобно. Именно поэтому он нуждается в таком количестве как бы «стертой» музыки, которая создавала бы впечатление, что музыка есть, но в то же время убивала бы ее сущность. Огромным количеством такой музыки, звучащей вокруг, современный человек загораживается от тайны музыки настоящей. То есть музыка звучит, чтобы ее не слышать.

СК: Если это возможно, значит, в ней есть много чего помимо тайны.

ИК: Конечно, есть. Более того, у по-настоящему утонченной музыки всегда есть два слоя. Как у Моцарта или у «Битлз», есть внешний слой, соответствующий потребности обыкновенных слушателей в «звуке, чтобы не слышать», а в глубине — там рождаются миры и творятся кошмары. Гениальная музыка всегда с двойным дном.

СК: Наверное, прежде всего музыка воздействует не на слушателя, а на творца...

ИК: ...это тоже одно из проявлений легенды, связанной с рок-н-роллом. На самом деле джазмены были ничуть не лучше. А уж классики! Любой переход в бесплотный мир из мира плотского у чувствительного человека конкретно сносит крышу.

В свое время католическая церковь решала, какие инструменты можно использовать в духовной музыке, и решила, что

допустим лишь орган, а в остальных живут бесы. Но ведь и на органе можно сыграть такое, что мало не покажется.

СК: При вашем подходе к музыке в современном российском мейнстриме вам должно быть скучно.

ИК: Да. Там сейчас творятся просто страшные вещи. Я благодаря молодой жене общаюсь сейчас в основном с возрастом до 25. Приходит один молодой человек, что называется, wanna be, то есть явно желающий стать знаменитостью, и говорит: «Сейчас носил записи на “Реал-рекордз”, там сказали, что без гитары не пойдет, вот гитара нужна». Выработалось поколение, которое добровольно готово принимать любые требования. Я уверен, что такое оно не все, но, как мне кажется, другие стараются просто свалить из нашей страны куда подальше. Или тихо сидят дома.

СК: Продюсеры предъявляют не идеологические, а коммерческие требования, потому что они вкладываются в раскрутку.

ИК: А не есть ли деньги одна из форм идеологии? Перечитайте классиков марксизма-ленинизма — это одно из самых интересных чтений на современном этапе. Чистая экономика возможна лишь в материальной сфере. В искусстве это не работает. Две кассеты стоят одинаково; что же заставляет потребителя покупать ту или другую? Значит, действуют идеологические соображения. Я даже могу назвать, что за идеология царит у нас сейчас, поскольку она принадлежит моему поколению. Это идеология циничного прагматизма брежневских комсомольцев.

СК: В перестроечные годы вы писали: «Страна умирает, как древний ящер с новым вирусом в клетках». Что с этим вирусом?

ИК: Динозавр под воздействием вируса не умер, а мутировал. Ему дали время. Сменив экономическую систему, он сохранил свои главные внутренние идеологические черты. Ну отпали у него какие-то лапы. Это несущественно — сердце по-прежнему бьется. Вирус, оказывается, поразил не те органы. Он воздействовал на то, что ему казалось важным, но это оказалось

клыками и когтями, отпадающими и отрастающими вновь в другой форме.

СК: Может ли появиться новый вирус, или у ящера уже выработался иммунитет, и он теперь более жизнестойкий?

ИК: Хороший вопрос. Мне кажется, что пока мы вообще не можем сказать, что с ним будет, как и когда. Мы находимся лишь в начале мутации, и еще неизвестно, что и куда у него отрастет.

«Новая Газета», № 28, 20 апреля 2000 г.

Илья Кормильцев против ватных бармалеев

Илья Валерьевич Кормильцев — человек многогранный: по образованию химик, автор текстов группы «Наутилус Помпилиус», музыкант, переводчик, музыкальный и литературный критик...

Елена Калашникова

ЕК: Какой Вам видится ситуация в современной отечественной музыке?

ИК: Современная легкая отечественная музыка переживает этап, который начался после финансового кризиса 1998 года. Он кардинально отличается от предыдущего в первую очередь тем, что происходит реальное включение нашего музыкального бизнеса в мировую систему музыкального бизнеса. Этот процесс идет очень противоречиво и зигзагообразно, сопровождается как попытками стандартизироваться под принятые сейчас в массовой культуре образцы, так и попытками обособиться в сугубо национальных рамках.

ЕК: На Ваш взгляд, этот процесс случайно совпал с финансовым кризисом или нет?

ИК: Нет, это произошло не случайно. Кризис стал переломным моментом, после которого жить по-старому стало невозможно, разорились многие фирмы, не только в музыкальном бизнесе, созданные на первоначальном этапе приватизации социалистического хозяйства, на странных деньгах, со странными намерениями, функционирующие по непохожему ни на что образцу, который сочетал новые моменты с архаичными, унаследованными от советской развлекательной музыки (в смысле организации и подхода).

Кризис подействовал как инсулиновая терапия на все стороны общественной жизни. Этот процесс происходит на таком этапе существования мировой массовой культуры, когда она находится в глубоком кризисе. Россия как всегда готова интегрироваться в какие-то глобальные процессы в тот момент, когда эти процессы находятся на стадии глубокого загнивания. Когда у продукта срок годности просрочен, мы на него и наваливаемся. К тому моменту, когда советская культура была готова к интеграции с мировой, она во многом стала напоминать советскую массовую культуру. Такой парадокс. Поэтому процесс интеграции идет сравнительно легко, во всяком случае, намного легче, чем 10 лет назад. 10 лет назад Алсу не могла попасть на «Евровидение» не потому, что у нас не было Алсу или мы были не готовы, просто пропасть между творческими ментальностями была больше. Сейчас этой пропасти нет, на мой взгляд, ее преодолели путем сближения с обеих сторон.

Нам сейчас легче интегрироваться не только потому, что мы стали более цивилизованными и современными, но и потому что они, условно говоря, стали менее цивилизованными. Я не удивлюсь, если скоро кто-то типа Крутого, только посвежее и помоложе, будет играть концерты в «Madison Square Garden», и на них будет ходить не только русская эмиграция. Сейчас выясняется, что у всей мировой попсы одинаковая идеология. Бодрийяр, Фуко и жена его Фукуяма правят миром. До поры до времени.

ЕК: Что Вам нравится в отечественной музыке?

ИК: В настоящий момент в отечественной музыке мне нравится очень мало. Время от времени появляются интересные, но малоизвестные композиции и группы, которые приносят демонстрационки, записи. Из тех, кто постоянно присутствует в эфире, мне никто не нравится. Они никакие, такие ватные бармалеи, в них, условно говоря, ничего нет.

ЕК: Есть сейчас на эстраде не «ватные бармалеи»?

ИК: За последнее время появилась единственная фигура крупного масштаба — это Дельфин. Он — личность, в нем есть энергия. Личность сообщает информацию, а не ретранслирует ее.

ЕК: Какую музыку Вы слушаете в свободное время?

ИК: Мне трудно ответить на этот вопрос. Слушаю самую разнообразную, и не только ту, которая мне нравится. Потому что это, к сожалению, моя работа.

ЕК: Вас не раздражает большое количество музыки, которая тем более в основном Вам не интересна?

ИК: Нет. Для меня это естественно — слушать музыку с утра до вечера.

ЕК: Как Вы, человек с химическим образованием, попали в музыкальную среду?

ИК: В 1980-е годы молодой человек, который не интересовался рок-н-роллом, не мог называть себя продвинутым. Другой вопрос — почему я задержался. Думаю, только потому что музыка стала для меня средством заработка и общественной жизни. Я имею в виду группу «Наутилус Помпилиус». Так как музыка привела меня к реальным успехам, я в ней и задержался. В тот период много людей интриговало с музыкой: собирали пластинки, играли в группах, писали песни. Большинство из них сейчас занимаются другим, только потому что они не стали известными в музыкальной сфере, и у них не было повода превращать хобби в профессию. Не знаю, насколько случаен мой альянс с музыкой, но альянс с советским рок-н-роллом достаточно случаен, так как никогда не совпадал с основным направлением моих интересов.

ЕК: Вы считаете, что увлечение музыкой стало Вашей профессией?

ИК: Оно стало одним из моих источников дохода, одной из моих профессий только потому, что я прозанимался той же самой группой «Наутилус Помпилиус» значительно большее времени, чем стоило бы. Но это — не моя вина. 5–7 лет выпало

на переходный период и те процессы, которые уже должны были закончиться, затянулись. История на несколько лет затормозила перед тем, как сделать дальнейший рывок. Я сожалею только о том, что этот период длился слишком долго, но не о том, что он вообще был.

ЕК: Сейчас Вы занимаетесь музыкальными проектами? Я слышала Вы продюсировали какую-то молодую группу, реализовывали проект с Олегом Сакмаровым.

ИК: Я не продюсировал никаких групп — это ложные слухи. Я даже не был к этому готов профессионально, только сейчас я, может быть, готов, чтобы заняться чем-нибудь подобным.

В проект «Чужие» (которым мы занимались не только с Сакмаровым, просто Олег был первым инициатором этого проекта) участвовали много людей, например, Алеся Маньковская, Александр Маракулин, гитарист из «Мумий Тролля», гитарист из «Квартала». Как раз Сакмаров-то «чужими» сейчас не занимается. В «чужих» все занимались всем; я писал тексты, сочинял музыку, аранжировал, записывал, то есть учился заниматься музыкой. Мы не собираемся бросать этот проект, а наоборот, хотим работать дальше.

ЕК: Каковы, на Ваш взгляд, тенденции в нашей музыке? Грядет музыкальная интеграция с Западом?

ИК: Я не берусь об этом судить. Всякие предсказания будущего чреваты и делаются с малой вероятностью попадания. Рано или поздно, трудно предсказать в какой форме, постоянная потребность человека в самопознании и самовыражении справится с теми оковами, которые на эту потребность пытаются наложить, и прорвется в самой непредсказуемой форме. Может быть, пунктом музыкального расцвета будет Индия или исламские страны.

Но за мутантами будущее, нормальные люди не смогут одержать над ними победу. У нормальных людей остается единственная возможность — вымирать, что мы видим на примере американской или российской нации. Как только нормальные

люди начинают одерживать победу над мутантами, их приходится ввозить для поддержания потенциала. Иначе нация биологически вымирает. Англосаксы и русские вымирают по миллиону в год — вот ответ на все вопросы. У людей есть потребность в парадоксальном, странном, выходящем за пределы повседневного опыта.

Музыка — один из инструментов преодоления повседневного человеческого опыта, поэтому ее пытаются укротить, т. е. сделать никакой. Есть способы сделать музыку никакой, нейтрализовать ее, превратить в организованный шум.

ЕК: Можно ли сказать, что нейтрализация музыки — это мировая политика?

ИК: Тут нет никакого сговора, каждый человек реагирует на какие-то вещи определенным образом. Нормальный человек, который интегрирован в современный социум, слыша определенные вещи, говорит: «Какая гадость!» Если при нем начинают вязать того, кто эту гадость производит, он говорит: «Ну, давно пора!» Как сейчас в случае с Эдуардом Лимоновым. Когда я спрашиваю московскую так называемую интеллигенцию, что они об этом думают, они отвечают: «Ух, допрыгался». Когда я слышу «допрыгался», то понимаю, что следующим могу быть я или еще кто-нибудь. Они яростно обороняют свою импотенцию и никакость от любых, кто эту никакость разрушает. На это можно смотреть со стихийной, импульсивной или конспирологической точки зрения, предполагать, что некий идеологический центр, определяющий, в частности, музыкальную атмосферу существует или не существует, но оба эти подхода не противоречат друг другу: как многократно было доказано, идеям, помышляемым многими, свойственно реализоваться. Если сегодня, 19 апреля 2001 года в 14:51 не существует некоей организации, занимающейся подобными вопросами, это не значит, что через 5 минут она не возникнет. Идея витает в воздухе и фашизация мирового сообщества развитых стран неумолимо надвигается.

Музыка всегда очень опасна, она дестабилизирует общество. Конечно, не любая, музыку, как и Бога, можно временно приручить. Например, заставить вообще никаких духовных задач не выполнять или выполнять прямо противоположные заложенным в ней Творцом.

ЕК: Это относится и к классической музыке?

ИК: Классической музыки нет вообще. Классика — это стиль, а не жанр. Так как скорость эволюции ускоряется, то классический жанр просуществовал дольше, чем, например, jungle или drum & bass. А мировой фолк существует и того дольше. Моцарт для современников был Prodigy или Coil и точно также воспринимался некоторыми.

ЕК: Почему в последнее время реанимируются многие старые группы — «Цветы», «Самоцветы», «Сябры»? Потребность возвращения к старому?

ИК: Всегда должна быть информационная опора под названием «наше славное прошлое». В начале 1990-х пытались ее разрушить. Процесс интеграции, как я уже говорил, идет в две стороны. Одна — это выигрывающая на «Евровидении» Алсу, а вторая — это, условно говоря, наше кантри, т. е. только нам понятное и эмоционально интегрирующее культурную сущность. Так у всех народов.

Ощущение непрерывности истории всегда о двух концах. С одной стороны, подобная реанимация неприятна — это плохая, мелкая музыка, хотя в ней, конечно, есть свои светлые моменты, не бывает совсем плохой музыки. С другой стороны, реанимация этих групп — правдивый процесс, констатирующий факт, что социум не изменился, никакой революции в 1980–1990-е не было, и сейчас этот процесс в культурном смысле конституируется через восстановление преемственности. Советская власть для меня — это же не компартия, это — А. Б. Пугачева и «Ну погоди!» В этом смысле в Америке тоже советская власть.

Несмотря на кажущиеся формальные отличия, группа «Би-2» имеет больше отношения к «Голубым гитара» или «Цветам»,

чем к «Аквариуму», «Наутилусу», Науменко или Летову. Дело в той энергетике и проекции реальности, которые они пытаются навязать остальным. С точки зрения сбалансированности социокультурной ситуации, этот момент закономерен. С точки зрения моих вкусов — это дерьмо, жвачка, которая делается для того, чтобы человек не слушал музыки, думая, что он ее слушает.

Классика, даже те, кто в свое время считались революционерами, сейчас выполняют те же функции. Если классику подавать в соответствующей знаковой системе (концерт, костюм и т. д.), она выполняет консервативную функцию. Даже если человека за это произведение выгнали со двора и лишили звания капельмейстера. Любую музыку можно оживить, например, того же Моцарта можно сыграть, не искажая нот так, что москальская аристократия будет плевать и уходить с концертов. А уж если его слегка переделать, так Моцартом можно всех взбесить. На время кончено — общество быстро адаптируется ко всему, кроме свинца и динамита.

Музыка очень хитрая вещь, здесь много зависит от подачи. Это называется острашение знаково-выразительного ряда, восстанавливающее его исходное культурное значение. Современное исполнение классики в академическом смысле выполняет консервативную общественную функцию. Хотя сами по себе произведения магических композиторов типа Баха или Генделя, которые были связаны с магическими орденами, несут деструктивный потенциал по отношению к основной функции биоса — коснеть.

ЕК: Как Вы думаете, Вас когда-нибудь могут сделать классиком?

ИК: Думаю, пока нет, прошло не так много времени. Пока человек живой, его трудно повернуть в какую-то сторону без его согласия. А в принципе повернуть можно кого угодно. Поэзия Маяковского или Велимира Хлебникова в данный момент революционна? Думаю, нет. Любой бунт бывает приручен. Нет абсолютного бунта, который бы сохранял свой потенциал через

100 или 200 лет. Общество настроено на то, чтобы любой бунт скорректировать, т. е. разработать вокруг него систему культурного комментария. Любое нормальное искусство вызывает непосредственно к действию. Стандартное поведение на первых рок-н-рольных или панковских концертах — это истинная функция искусства. Функция искусства — непосредственно управлять людьми, как минимум, а в крайних и пока малоизвестных случаях, типа Иисуса Навина, управлять природными силами. Нормальный человек этого не хочет, он всю жизнь пытается забыть, что он разумное животное. Задача человека — убить в себе Бога, чем он и занимается с утра до вечера.

ЕК: Как Вы думаете, возможно ли Ваше совместное творчество с Бутусовым?

ИК: Absolutely not.

ЕК: Why?

ИК: Он в настоящий момент не представляет для меня интереса. Я прекрасно понимаю, что он может, а что нет. Я мог бы пригласить его в какой-нибудь проект спеть, если бы мне нужен был как выразительное средство его голос.

Мне предлагали рок-н-рольные группы писать для них песни. Я спрашиваю себя: «Зачем?» Для этого мне надо сильно регрессировать, это будет неестественное выражение, стилизация под самого себя. Оно вряд ли будет удачным, потому что люди легко распознают первичную энергию.

ЕК: Все это почувствуют? Даже мальчики в наушниках?

ИК: Для этого не надо быть тонким, достаточно быть молодым. Это животное чувство, когда тебя вырывает из тела. Его хорошо передают современные глаголы «торкать» и «не торкать», которые фонетически совпадают с английскими глаголами «turn out» и «turn on». Почему, если судить по цифрам продаж, до сих пор столь популярен весь советский рок-н-ролл 1980-х? Потому что он обладал подлинной энергетикой, пусть она и была технически несовершенно выражена.

ЕК: А у подлинной энергетике есть будущее?

ИК: Есть, но она не может прийти в той же форме. Это будет другой стиль, может быть, она вернется в хип-хопе, и Дельфин — это только первая ласточка. Многие, кто посетил последние хип-хоповые фестивали, рассказывают про провинциальные группы, про настоящее дно жизни. Конечно, там сплошной «fuck», отрицалово, но зато заквашено все на настоящей энергии. Настоящая энергия отличается тем, что человек чувствует принадлежность к вибрациям верхнего порядка, испытывает высвобождение духовного от телесного. Телу сообщается животная подвижность. Это можно почувствовать, но нельзя описать словами. Если бы ощущение от подлинной музыки передавалось словами, она бы была не выше слов.

Любое творчество принадлежит к области мистических дисциплин, литература в наименьшей степени. Критика симфонии — только критика симфонии, музыки, ее читая, все равно не услышишь. Слова типа «тащит», «торкает» останутся основными элементами описания наличия или отсутствия этого определенного психофизиологического переживания, которое присутствует в подлинной музыке.

Портал «Ozon.ru», май 2001 г.

В искусстве надо действовать так, как действует террорист

Недавно вышел в свет роман «И узре ослица Ангела Божия» (Иностранка — БСПресс, 2001). Его автор, Ник Кейв, рок-звезда первой величины, неожиданно продемонстрировал свой талант в жанре большой прозы. Переводчик книги тоже фигура знаковая — Илья Кормильцев до недавнего времени был известен, прежде всего, как автор текстов песен культовой рок-группы «Наутилус Помпилиус». Сегодня он пишет прозу, переводит, активно работает в рекламе. В интервью с ним речь идет не только о романе Кейва, но и о сегодняшних взглядах и занятиях Кормильцева.

*Елена Калашникова
Сергей Шаповал*

Русский журнал: Вы интересуетесь иностранной литературой маргинального толка, так называемым avant trash'ем. Как по-вашему, какое сейчас самое болезненное место в западном обществе?

ИК: С моей точки зрения, уже закончился тот период, когда мы снимали пенки с идеи человека вообще, введенной рационалистами, веком Просвещения. Теперь общество идет к деградации. Проблема в том, что господство человека вообще не позволяет существовать личности ни в каких измерениях, развиваться человеку в целом. Дух в этом человеке умирает, он превращается в самодостаточную систему, которая направлена на самовоспроизводство идентичности как потребителя, как гражданина. Сейчас гегелевская мечта воплотилась, и видны ее недостатки, а по мере ее развития все будет еще хуже.

Человек не животное и как вид не направлен на гомеостаз, в нем задача небиологического характера. Невозможно, чтобы

все были счастливы, сыты, у всех была мебель от магазина «ИКЕА». У Достоевского в «Подростке» есть разговор о том, как человек в прекрасном городе будущего, когда ему все дадут, ноги протянет и спросит: «Что мне дальше делать?» Такой момент наступил. Не везде, конечно, где-то картофельные очистки едят. По идее, любое общество можно довести до уровня Дании. Я думаю, этого не будет, раньше произойдет эволюция, идеальное равновесие недостижимо. Любая тенденция всегда опрокидывается — это типичный ход любого развития. Дании на всем свете не будет. Вроде ничего этому не мешает, только людям этого не надо. От этого счастья человек быстро дуреет, это уже сейчас видно.

РЖ: А ситуация в России отличается от западной?

ИК: Как всегда Россия живет по своим часам, отставая на век. С Россией еще будут бороться как с оплотом капитализма и потребительского мышления. Тут любая идеология, форма отношений, мировосприятие существует в историческом времени в 10 раз больше, чем того заслуживает. Запад начинает бунтовать, а Россия — готовится защищать диваны, которых раньше просто не было.

РЖ: Кто Вам близок из западной литературы?

ИК: У меня нет любимых писателей. Есть писатели, которых читаешь без влечения, в широком смысле слова, интересно то, как они пишут, или интересны эмоции, с ними связанные, интересны возникающие от них вибрации. А есть необходимые писатели. Если я начну их перечислять, это будет банально: Библия, Достоевский, Шекспир... Эта та референтная система, на которой все базируется. Мы без них не можем обойтись, даже если временами их ненавидим или не принимаем. Даже атеист не может обойтись без Библии, а для сатаниста она необходима — просто знаки меняются с плюса на минус. А все остальное — это удовольствие. Шекспир или Апостол Павел — референтные писатели, а Фолкнер или Сэлинджер — нет. Писателей можно сравнить с ящиками. Если взять ящик под названием «Шек-

спир» и ящик под названием «Фолкнер», то второй ящик не пустой, но в нем намного меньше содержимого, чем в первом.

Референтные книги характерны тем, что их форма неотделима от содержания. Если же аналитическим путем форму можно отделить от содержания, книга не референтна. С точки зрения семантической теории, первые задают систему понятий в целом, то есть единство формы и содержания, а вторые экспериментируют, отклоняя какую-то часть.

Очевидно, референтную книгу нельзя написать в любое время, даже теоретически невозможно. Нет узловых мутаций сознания.

РЖ: Как вы считаете, сейчас можно написать референтную книгу?

ИК: Это определяется ретроспективно. Сейчас этого нельзя сказать. Хотя, может, уже написана Библия 3-го тысячелетия. Но когда появляется такая книга, ее сопровождает трепет вокруг, а потом возникает и легенда. Причем трепет не обязательно связан с ней прямо. Шекспир не был властителем дум своего времени, он был одним из драматургов, актером, но вокруг него все вибрировало.

РЖ: Но ведь это взгляд из будущего.

ИК: Достаточно тонкий современник может его почувствовать. Не обязательно угадает, скажет, что такой точкой был, к примеру, граф Пемброк.

В России такой трепет был в конце 1980-х — начале 1990-х. Хотя сейчас непонятно, вокруг кого именно он был. Непонятно, кого через 50 лет назовут такой фигурой. Есть фальшивые позиции. Британский писатель Стюарт Хоум говорит, что через 100 лет для обывателя будет так же трудно понять разницу между фашизмом и коммунизмом, как нам сейчас уяснить, чем, собственно, гвельфы отличались от гиббелинов. Фальшивые позиции связаны со взглядом современника.

Есть интересная книга кембриджского историка испанского происхождения Fernandez Arnesto Felipe «Неортодоксальная

история последнего тысячелетия». Он описывает историю мира с позиций Австралии и Новой Зеландии. Как с их позиции выглядели происходящие геополитические процессы. Для них же центр — они сами, а не Западная Европа. Они предполагали, что все новое рождалось в Новой Зеландии. Или рассказывали, как Китай за 7 лет до Колумба чуть не завоевал Мексику. Помешало этому то, что придворные евнухи удавили императора и велели флоту вернуться.

РЖ: У Вас много знакомых музыкантов, а с какого-то времени литераторы, переводчики. Отличаются ли они в чем-то, например, в отношении к жизни? Или творческие люди в принципе похожи, и делить их по цеховому признаку глупо?

ИК: Конечно, творческие люди похожи, но их нельзя объединять. Литераторы самые чуждые из людей искусства всем остальным, потому что у них больше мыслей и меньше навыков. Если вспомнить историю Древней Греции, то творческих людей там делили не по жанрам, а по принципу навык (ремесло) их умение — или оно полностью в области разума и слова. Музыкант полным идиотом может быть — писатель вряд ли. Музыка — это технический навык, тонкое взаимодействие уха и руки (я имею в виду исполнителя). У композитора добавляется еще какой-то момент. Но все они пребывают в области языка тела, языка восприятия. Литература находится в области языка естественного, хотя, на самом деле, он искусственный. У поэтов слово имеет более абстрагированный характер, чем у музыкантов и танцоров. Литератор в стороне, потому что одной ногой он в разуме, а другой — в эмоции. Для меня эссеист — наиболее концентрированное выражение писателя. В прозе еще остается элемент непосредственного сенситивного переживания (мелодия, ритмика). Эссе же обращается непосредственно к мысли, его задача сделать ее прозрачной.

РЖ: Но ведь эссеистов в чистом виде очень мало...

ИК: Вот поэтому-то я и думаю, что эссеистика — высший жанр, а не эпика.

РЖ: Как по-вашему, есть ли понятие «старение перевода»?

ИК: Безусловно, есть. Не всегда старение перевода — плохо. Если перевод соотносится с современным ему языком (Пруста, например, перевели в его же время). Перевод талантливым в наше время будет восприниматься более похожим на оригинал, чем современный. Если бы «Тристана и Изольду» перевели в соответствующее время на древнерусский, сейчас бы его не воспринимали как переводной, он сам бы нуждался в адаптации. Если перевод синхронен по стилистике переводимому произведению, то старение перевода — это положительное явление, как выдержка у вина. Если же перевод не соответствует времени, то прелести исчезают и возникает дополнительная сумятица. Многие из мировой классики, переведенные в 1930-е годы, сейчас хорошо читаются еще и потому, что перевод как бы покрылся благородной патиной.

Если современный читатель берется за Гомера в переводе Жуковского, то ему кажется, что грек — современник Пушкина. Но выигрывает в таком случае Жуковский, а не Гомер, он уходит на второй план. Если говорить об устаревших переводах, то Гомер (больше «Одиссея», чем «Илиада», больше Жуковский, чем Гнедич) — задача № 1. Иначе прервется связь времен, сейчас уже прерывается. Иначе остается только имя... Переводчиков, достойных Гомера, мало. Если не найдется Пушкин, то хотя бы Жуковский. Сейчас нет такого поэта — увы и ах! Может, стоит последовать примеру французов и испанцев — перевести Гомера прозой.

РЖ: Читая книги, Вы не можете не обращать внимания на фамилию переводчика, особенно с тех пор, как сами стали переводить. Чьи фамилии для Вас знак качества?

ИК: Я больше переводящий писатель и поэт, чем переводчик в цеховом смысле слова. Из большинства имен советской школы перевода я знаю лишь самые известные, разбираюсь в этой области меньше специалистов. Конечно, я смотрю на

имена переводчиков, особенно сейчас. Я живу жизнью цеха до какой-то степени. Хотя никогда не замыкаюсь на одной области и считаю это моветоном. Надо знать ровно столько, сколько тебе надо для практической жизни, а уходить в тонкости...

Из коллег мне очень симпатичен Виктор Сергеевич Голышев — и как человек, и как переводчик. В нем отсутствует умничанье, что мне импонирует (хотя не всегда самому удается этого избежать). Он работяга, не вещает, от него веет эпохой стиляг.

РЖ: А есть талантливые молодые переводчики?

ИК: Тут, что называется, я начну хвалить свою конюшню. Недавно мы нашли очень интересного и талантливого переводчика — Дениса Борисова. Он переводит с английского. Пока ничего не опубликовал. Он екатеринбуржец. Сам хороший поэт. Даем ему очень тяжелую и почти невероятную работу, и он с ней здорово справляется.

РЖ: Он переводит современных авторов?

ИК: Джеймса Хэвока, Тони Уэрта, например. Когда напечатают его переводы, станет понятно, в чем исключительность Дениса. Я считал, что Хэвока перевести невозможно. Не с технической точки зрения; нужно адское терпение, чтобы перевести 7 листов, написанных белым стихом, каламбуром без остановки, потоком сознания. Это фактически подражание или продолжение мета-романа. Перевести клево, изобретательно, смешно, страшно и прочее — задача разрешимая, но тихо-медленно, за долгое время. А чтобы быстро и красиво...

Вообще нужен материал, чтобы переводчик себя проявил. Такого материала сейчас мало, потому что подавляющее число англоязычных авторов пишут крепкую замечательную беллетристику, но в ней нет особых трудностей.

В искусстве надо действовать, как действует террорист...

РЖ: Илья, какой мотив был главным для Вас при выборе для перевода романа Ника Кейва: текст сам по себе или же его музыкальное творчество?

ИК: Конечно, текст сам по себе был мне интересен. Но факт, что я узнал о существовании этого текста, безусловно, связан с реноме автора. В общем-то, в жизни всегда так и бывает.

РЖ: Рифмуется ли, по-вашему, роман Кейва с его песнями?

ИК: Не просто рифмуется, он является своеобразной параллелью его музыкальному творчеству. В романе иногда просто пересказываются сюжеты отдельных песен. Весь роман, по большому счету, римейк его песен. Эти два явления очень тесно переплетены — один мир, те же герои.

РЖ: Мир Кейва достаточно брутalen. Чем он Вам интересен?

ИК: Мне трудно ответить на этот вопрос... Наверное, главное, что его мир — это мир притч. Мне нравятся притчеобразные структуры. Мне нравится язык, которым Кейв рассказал свою притчу, его пластика. Люблю блюз, люблю Библию, поэтому, наверное, я и переводил этот роман.

РЖ: Когда читаешь роман, сразу приходят на ум определенные ассоциации. В какую литературную традицию Вы его помещаете?

ИК: Здесь нечего искать традиций. Конечно, это талантливая стилизация под литературу американского Юга, поэтому сразу напрашиваются и Фолкнер, и Харпер Ли. Автор этого и не скрывает, он открыто говорит, что его волновала прежде всего эта эстетика, это письмо, этот набор образов. Но в результате вышла не эпигонская вещь, Кейв — самобытный автор. В его романе есть мотивы и элементы, которых у вышеозначенных авторов не было и быть не могло. Он использовал несколько стилистических пластов южной литературы, язык блюза, стилистику протестантских проповедников и странников, но слил все это воедино. Песни Кейва тоже ведь населены бомжами, сумасшедшими бродягами, полууголовниками-полупрофитами. Он остался верен сам себе.

РЖ: Вы относите этот роман к постмодерной литературе?

ИК: Пожалуй, нет. Стилизация существовала и до постмодерна. Я думаю, что главным условием постмодерна являет-

ся прямое цитирование и парафраз известных вещей. Мне кажется, что роман Кейва по своему духу очень консервативен, он совсем не пытается быть, что называется, на переднем крае. Он, условно говоря, не уходит слишком далеко от литературы.

РЖ: Многих удивляет, что такой человек, как Кейв, сегодня обратился к неспешной блюзовой манере письма.

ИК: Это же здорово. Скучно, когда обращаются к тому, к чему сейчас положено обращаться. Так в Москве обычно пишут книжки. Поэтому в Москве никогда не напишут книгу, как, впрочем, ничего другого хорошего не сделают.

РЖ: Вам доводилось встречаться с самим Кейвом?

ИК: Я встречался с ним, когда еще не был переводчиком его книги и даже не знал, что буду им. Наша встреча состоялась перед его концертом на Горбушке. Потом я с ним поддерживал эпистолярное общение.

РЖ: Что он за человек?

ИК: Очень доступный, открытый, простой в общении, он из тех людей, что не изображают пафос, положенный рок-звезде. Скорее, он держит себя как актер (но не киношный или театральный). Он понимает, что популярен, и что при его профессии по-другому быть не может.

РЖ: Он родом из Австралии, а где он живет сейчас?

ИК: В Лондоне. До этого — в Бразилии. Интересно, что к моменту написания романа он в Штатах не бывал ни разу.

РЖ: Выходит, он совершенно умозрительно создал романый мир?

ИК: Да. В принципе, этот мир можно разместить в каком-то конкретном регионе (например, в Южных Аппалачах), но ведь понятно, что это чистая фантазия. Им описано совершенно мистическое место, такое «Макондо» или «Йокнапатофа».

РЖ: С какими трудностями Вы столкнулись при переводе? Роман ведь стилистически изощренный.

ИК: Трудности при переводе такого рода вещей всегда одни и те же. Русский язык темпорально мельче, чем английский.

В русском языке отсутствуют барокко и ренессанс, поэтому, скажем, не понятно, как переводить преднамеренную лексическую архаику. Если обращаться к церковнославянскому, возникнут совершенно неправильные ощущения. При переводе на русский всей литературы, написанной до Вольтера, приходится сталкиваться с такими фокусами.

РЖ: Как Вы выходили из этого положения?

ИК: Методом компенсации. То есть нужно добиваться аналогичного эффекта при помощи других средств.

РЖ: Известный афоризм гласит: «Переводчик в прозе — раб, переводчик в поэзии — соперник». Вы относитесь ко второму разряду?

ИК: Да, ведь на самом деле это поэма. Романом в строгом смысле слова книгу назвать трудно.

РЖ: Существует еще одна проблема — перевод сленга и мата.

ИК: Это проблема минимальная. Надо твердо помнить, что одинаковые слова в разных языках означают не одно и то же, вот и все. Например, «fucking rain» — это всего лишь «чертов дождь» (русский «е**ный дождь» — это несколько иное). Надо понимать, на каком уровне obscenity находится данное выражение в языке, и находить соответствующее русское, а не пытаться переводить все «факи». Этим часто страдают переводы, поскольку в тексте речь идет не о том.

РЖ: А с другой стороны, некоторые переводчики в порыве стыдливости начинают придумывать странные неологизмы. Мне запало в душу невероятное ругательство из перевода романа Тома Вулфа «Костры амбиций» — «хрен дери».

ИК: Понять их можно. Уровень эмоциональности мата в русском языке гораздо выше, чем в английском. Автор же просто ругался, он не хотел никого этим эпатировать, словами из четырех букв в английском языке давно уже никого эпатировать невозможно. Ничего не поделаешь — разные культуры. Потери здесь неизбежны.

РЖ: По поводу сравнения русской и английской ненормативной лексики существуют полярные точки зрения. Первая: никакой разницы между ними нет, дело в окультуренности мата. Вторая: разница принципиальная — мат в английском искусственного происхождения, он не несет и половины нагрузки русского мата. К какой Вы ближе?

ИК: Ко второй. Самыми трудными для воспроизведения являются системы с эмоциональным коннотатом, например, междометия. Система английских междометий совершенно не соответствует системе русских.

РЖ: Вы имеете в виду все эти «вау», «упс»?

ИК: Да. То, что их стали рабски копировать во всех молодежных изданиях, с одной стороны, неприятно, а с другой, четко показывает, что «вау» — это вовсе не «ого-го». Это совершенно отдельная вау-эмоция, для которой в современном русском нет аналога. Системы ненормативной лексики, конечно, разные в разных языках. Если выйти за пределы европейских языков и взять, скажем, арабский, то мы столкнемся с такой песней, которую нам и не понять. Там слова, для нас безусловно табуированные, употребляются маленькими детьми вне всякого контекста. У них нет никаких «петушков» или «краников», а сразу «х**» — с детства. Это совершенно нормально. А за то, что ты ласково назовешь ребенка «поросенок», могут убить. У нас народу хочется смелости — поматериться на печатной странице. Но тут нет никакой смелости, уже все, что можно, напечатано — и что? Небо не перевернулось. Отношение к этим словам не изменилось. Мат не литературное, а языковое явление. Мат табуирован вовсе не потому, что его запрещено печатать, а потому, что менталитет носителя русского языка устроен таким образом, что предполагает наличие неких абсолютных табу, нарушение которых дает определенный эмоциональный эффект. Русская ментальность вовсе не нуждается в том, чтобы мат был легализован, если его легализовать — придется придумывать что-то новое.

«Русский Журнал», 30 июля 2001 г.

Никакой революции не было

Владимир Преображенский беседует с Ильей Кормильцевым о свердловской рок-музыке, «Наутилусе», фильмах «Брат» и «Брат-2» и многом другом...

ВП: Почему, на ваш взгляд, в 1980-х годах был такой мощный расцвет рок-музыки именно в Свердловске, а не в Тюмени, скажем, или Архангельске?

ИК: Все очень просто: потому что Свердловск тогда искусственно поднимался до статуса региональной столицы. Поэтому в нем была необычайно большая для областного города концентрация студентов, концентрация интеллигенции. А второй фактор такой. За все годы советской власти в Екатеринбурге накопилось очень много разнообразных ссыльных, которые оседали там. Это был самый близкий к европейской части из разрешенных городов. Туда высылали тех, кто поменьше «нагрешил», всяких архитекторов-конструктивистов, которые пол-Свердловска построили и т. д.

ВП: Свердловская рок-школа оказалась явлением уникальным, хотя музыканты были изолированы и, казалось, ничем в творческом плане не подпитывались...

ИК: Потому и оказалась уникальной.

ВП: На чем же она держалась?

ИК: На провинциальной одержимости и, в общем-то, невежестве.

ВП: А сейчас эта традиция как-то развивается?

ИК: Нет. Эта традиция прервалась в начале 1990-х, и то, что сейчас делается в Свердловске, это откровенный «закос» под то, что было раньше. Там нет ни живой среды, ни музыкальной

жизни уже давно. С начала 1990-х там все умерло, загасло. А тема екатеринбургской рок-традиции сейчас активно эксплуатируется, потому что школа-то была знатная, она оставила свой след. Понятно, что в этом есть коммерческий потенциал, и поэтому есть ряд свердловских граждан на высоких постах, которых искусственно вытягивают всяких Чичериных и «Смысловые галлюцинации»...

ВП: Музыка в последнее время становится все более коммерческой, «форматы» и прочие стандарты все более подменяют живое содержание и творческую оригинальность. На ваш взгляд, способны ли эту ситуацию изменить молодые музыканты из провинции, которые меньше связаны с этой системой шоу-бизнеса?

ИК: Они не связаны меньше, они на нее уповают. И никто не может, не хочет, не пытается быть реальной альтернативой. Им говорят, что нужен такой-то формат, и музыканты реагируют на это так: «А чего вам нужно? Мы так и сделаем». Такая культурная ситуация во всей стране. Если раньше Гоголь писал о «русской Тройке», которая куда-то там мчится, то сейчас это пьяный мужик в разодранном тельнике, который куда-то бредет по разбитой улице.

ВП: Известно, что вы писали тексты для нескольких свердловских групп: «Урфин Джюс», «Настя», «Наутилус». Часто ли случались творческие разногласия?

ИК: За 20 лет бывало по-разному. С Пантыкиным, особенно с Белкиным мы спорили, ссорились намного больше, чем со Славой.

ВП: Бутусов по натуре менее конфликтный человек?

ИК: Дело в том, что мы психологически друг друга всегда хорошо понимали и всегда решали вопросы английскими методами. Если я отдаю ему стихи, какие нравятся — на те он пишет, а на те, которые не нравятся, — не пишет, и я у него не спрашиваю: почему? Если он приносит потом какие-то песни, то я ставлю, там, крестики, когда работаем над альбомам: что вот это

пойдет, а это не пойдет. Это очень хороший способ для сотрудничества на самом деле. Все равно всегда находилось достаточное количество произведений, которые устраивали обе стороны. А тратить свои духовные силы, на то, чтобы бороться за свой «гениальный опус»... Мы воспитывались в другой среде.

ВП: Насколько значим был для вас период сотрудничества с «Наутилусом»? Не ностальгируете по этому времени?

ИК: Я вообще не ностальгирую. «Наутилус» прожил несколько дольше, чем это было нужно. Но это не его вина. Был в целом в стране период такой переходный, когда многие вещи, которые должны были завершиться логично и перейти на следующий этап, жили мучительно долго. Поэтому зависала какая-то музыка на долгие годы, задавив собой последующее поколение — их младших братьев.

ВП: Какой из периодов существования «Наутилуса» был для вас наиболее интересным?

ИК: Самым интересным был последний год. Проведенный в Великобритании.

ВП: Почему?

ИК: Это трудно объяснить. Буквально за несколько недель мы выяснили, что все предыдущие 12 лет занимались полной глупостью. *(Смеется.)* Это всегда человека очень восхищает, раскрепощает как-то и поднимает по жизни — такая самокритика, тотальная. Просто кто-то выдерживает, а у кого-то сдает нервная система.

ВП: И к чему это привело?

ИК: Группа распалась. *(Смеется еще задорнее.)* В принципе, это должно было произойти гораздо раньше. Мешала неинформированность и подверженность общим иллюзиям и мифологемам.

ВП: А какие были иллюзии у «Наутилуса»?

ИК: Те же, которыми жили все. Знаете, если очень долго нюхать самого себя, то наступает период аутоэротизма, когда начинаешь от собственного запаха кончать. В общем-то, русскому

року это всегда было присуще. И особенно стало присуще, когда стали нормальные деньги получать, жить якобы по-западному: якобы пластинки, якобы релизы...

ВП: Сильно ли отличается, на ваш взгляд, нынешнее поколение тинейджеров от своих сверстников 1970-х, 1980-х годов?

ИК: Оно еще более обдуренное, чем поколение 1980-х. Идеологически. А на самом деле все то же самое.

ВП: Какая же идеология на этот раз зомбировала юные сознания?

ИК: Назовем ее идеологией капитализма, условно говоря (при всей непонятности и расплывчатости этого понятия). И сформировалась она не в «перестройку» и не потом, а гораздо раньше. Это идеология комсомольцев, которые сейчас правят страной. Никакой революции не было! Те, кто противостоял нам, когда мы начинали заниматься рок-н-роллом в 80-е годы, — они сейчас и правят страной.

ВП: Каково же поколение подрастающее?

ИК: Подрастают люди, которые считают, что что-то изменилось, что была какая-то огромная революция, после которой «жить стало лучше, жить стало веселее». В этом смысле они похожи, может быть, на сталинское поколение, которое тоже очень искренне верило, что после тех ужасов, которые были, они наконец-то хорошо живут. Это видно из песен, из фильмов той эпохи.

ВП: Поэт Евгений Кормильцев — ваш брат?

ИК: Да.

ВП: Какие-то творческие взаимовлияния существуют?

ИК: Ну, наверное. Брат для меня всегда был «поставщиком» другой музыки и другой литературы, чем та, что я читал и слушал. Мы всегда существовали на разных информационных уровнях. Он младше и принадлежит к тому поколению, которое поколение наше задавило под колесами, мимоходом, не заметив даже. Они начинали музыку очень интересную делать. И если наши рок-монстры в первый экономический кризис

(1990–1991 годов) как-то выжили, потому что были популярны и известны, то все молодые группы, которые шли за ними, в общем-то, накрылись большим медным тазом. Они еще не успели расцвести при «перестройке», а потом стало не до этого — все кинулись красной ртутью торговать.

ВП: Кстати, о братьях. Как вы оцениваете последний нашумевший фильм Алексея Балабанова?

ИК: «Брат-2» я смотрел только кусками и слушал саундтрек. На мой взгляд, это ужасно. Но то, что будет нечто в этом роде, я знал еще года два назад. Я общался с Лешей тогда последний раз и понял, о чем он думает и что у него в голове. «Брат-1» — довольно милый, не без накладок, не без неуклюжестей, фильм, но наверно, самый душевный из всех фильмов на киллерско-бандитскую тему, какие существовали.

ВП: Эта тема была еще не так ярко, в упор выражена, как в «Брате-2»?

ИК: Она там была выражена, как есть в жизни, на самом деле. А во втором фильме была сделана попытка создать американский гротеск, когда стреляют и мочат друг друга значительно больше, чем в реальной жизни. Все это сказки, конечно. Но если бы он просто сделал американский блокбастер — это ладно (хороший жанр, милый, иногда сам люблю посмотреть). Но он нагрузил это все еще совковой идеологией, неопатриотической, злобной, отвратительной... Когда я его увижу, я ему врежу по морде просто.

ВП: А как вы оцениваете будущее Вячеслава Бутусова в музыке, в кино?

ИК: Съёмки в кино — это еще публичнее, чем рок-н-ролл, еще больше нужно быть на людях. Он просто этого не вынесет. Он никогда этого не любил.

ВП: А как композитор?

ИК: Я не хочу ничего прогнозировать. Все последнее, что он делает, не то чтобы мне не нравится, а просто как Северный полюс и Южный соотносится с тем, что меня интересует.

ВП: А то, что делают другие свердловские музыканты? «Чайф», например?

ИК: «Чайф» — милейшие люди, очень хорошие мои друзья. Рок-н-ролльная группа, которая играет какую-то свою крепкую музыку такую, честную, правильную. Должны быть такие. Но на концерт, скажем, я приду к ним для того, чтобы вместе выпить пива, а не для того, чтобы слушать музыку.

ВП: А братья Самойловы?

ИК: «Агата Кристи» в последнее время находится, видимо, в каком-то сложном для себя периоде. У них какие-то свои проблемы большие внутренние, которые я не берусь комментировать. После «Опиума» все, в общем-то, напоминает нисходящую параболу. Пережевывание каких-то одних и тех же настроений, достаточно карикатурно мрачных и достаточно непрофессионально выраженных. «Майн Кайф?» последний я не слышал, но... Все это сипение Глеба, страшилки какие-то — все это детский сад. Они уже взрослые дяди. Пора бы заняться чем-то разумным.

ВП: Я слышал, что вы теперь сами музыку пишете...

ИК: Я года два-три уже занимаюсь этим. Сперва работали мы с Олегом Сакмаровым. Теперь я работаю вот с такой девушкой, которую вы видите на фотографии (*показывает*). Зовут ее Олеся Маньковская. Мы работаем над проектом, который называется «Чужие». Он не имеет никакого отношения к тем «Чужим» из Питера, которых показывают иногда по телевизору, потому что мы еще ничего не публиковали и не выпускали.

ВП: Но планируется?

ИК: Может быть, очень нескоро.

ВП: А что это за музыка? Как ее можно определить, хотя бы очень условно?

ИК: Странная электронная музыка. Совсем не танцевальная. Как называют, прог-электроника. Я затрудняюсь давать жанровые определения, потому что уже за то время, пока мы ее делаем, музыка мутировала серьезно.

ВП: А девушка поет или она тоже пишет музыку?

ИК: У нас все занимаются всем. Сразу. Если еще пара людей, которые время от времени принимают участие в этом проекте: то мой брат, то (такой еще есть гитарист) Максим Леонов. То есть это такая домашняя подпольная организация пока, вроде «красных бригад».

ВП: То есть прогнозировать трудно, как это будет развиваться?

ИК: Абсолютно. Потому что не ставится такой задачи: что мы должны выпустить какой-то альбом, подписаться, раскрутиться и прочее. Это наша студия, эксперимент. Пока это существует в «Интернете». Есть сайт, выпускаются какие-то синглы интернетовские. То есть пока так — под сурдинку.

ВП: Многие ваши стихи весьма сложны и многоплановы. Человек начитанный видит в них множество аллюзий, они рожают ассоциации. А часто вас просят прокомментировать собственные тексты?

ИК: Разъяснений типа «а что имелось в виду?» я не даю, потому что моя трактовка — это всего лишь трактовка одного из читателей. Но большинство людей почему-то считает, что автор больше знает и поэтому будет воспринимать это как серьезное заявление. А на самом деле комментарий автора к собственным произведениям — это всегда не более чем мнение одного из читателей.

ВП: Но ведь иногда авторская трактовка расширяет диапазон восприятия произведения.

ИК: Как мнение любого другого квалифицированного читателя. Поскольку тексты пишутся не авторами (в конечном итоге), а авторы — это только механизмы, только media этих слов... На самом деле, после писания самохарактеристики и автобиографии отвлечение номер два у меня — это комментарии к собственным текстам, предисловия к собственным произведениям и т. д.

ВП: Существует ли, на ваш взгляд, сейчас рок-музыка, или она трансформировалась во что-то иное, и просто никто этого не заметил?

ИК: Я думаю, что рок в старом смысле этого слова (рок-музыка как рок-н-ролл) сейчас окончен, как джаз примерно. Это не значит, что не может быть гениальных исполнителей, талантливых людей и прочее. Но эта музыка стала узка и не соответствует современной ритмике пульсаций, чтобы можно было мировоззренчески что-то выразить через нее.

ВП: На смену ей что-то пришло?

ИК: Пока нет, но ведь и рок-н-ролл не сразу пришел на смену джазу. Рок-н-ролл зародился как какая-то фигня такая для малолеток, и так было до появления «Битлз».

ВП: Что может оказаться этой новой ступенью?

ИК: Может быть, дэнсовая музыка. Неизвестно, что может произойти на каком-то моменте, когда вдруг кто-то сможет наполнить эту форму новым содержанием, вдохнуть в нее жизнь, как это получилось с «Битлз», потому что форма-то была и до них, они ничего нового не придумали: ни одной гармонии, ни одной рифмы. Первые их песни неотличимы от чужого материала, который они пели параллельно. Но они вложили новое содержание.

ВП: То есть количество должно перейти в качество и на современном этапе?

ИК: Да. Не исключено, что именно в направлении электронной музыки может сформироваться что-то, что будет «угаром» начала нового тысячелетия.

Интервью было частично опубликовано в журнале «Сельская молодежь» № 9, 2000 под заголовком «Тайный капитан "Наутилуса"».

Земля в иллюминаторе

Известный переводчик и поэт Илья Кормильцев взялся за составление новой книжной серии, которая отныне будет выходить как приложение к журналу «Иностранная литература». Серия называется «За иллюминатором», в ней уже вышла первая книга американки Тамы Яновиц «На побережье Гитче-Гюми» (о ней см. «Ex libris НГ» № 3 от 31 января с. г.), а вот о планах и принципах серии нам пока ничего не было известно. Предлагаем вашему вниманию беседу с ее застрельщиком и надеемся, что свет на наше электронное средневековье с ее помощью все же прольется. Для вас — в особенности.

Глеб Шульпяков

ГШ: Как возникла идея серии?

ИК: Идея серии возникла из необходимости, которая возникает у каждого организма на определенном этапе эволюции: необходимости специализации тканей. Если «Иллюминатор» можно уподобить чему-то вроде колонии простейших, то с увеличением потока переводной художественной литературы, круга авторов необходимо стало решить, где у нас будет печень, где мозг, а где, извините, и что-нибудь еще. Ведь бесконечный рост недифференцированной ткани — это, как известно, раковая опухоль. Поэтому появилось «Лекарство от скуки», поэтому появилась «За иллюминатором». В дальнейшем, очевидно, появятся и другие серии с более узкими функциями.

ГШ: Так чем же отличаются эти ваши «органы»?

ИК: Основное различие — хронологическое: авторы «За иллюминатором» — это в основном писатели девяностых и первого десятилетия нового века. «Иллюминатор» теперь будет в большей степени ориентироваться на писателей сложившихся, принадлежащих уже новейшей истории литературы.

«За иллюминатором» — попытка представить нашей публике совсем новые для нее имена. Но это не единственное отличие. Есть еще и стилистика самой серии, назовем это, если хотите, городским романом или фэблио электронного средневековья — термины пусть выдумывают критики, не будем отбивать у них хлеб насущный. Не хотелось бы делать за них, хотя бы для того, чтобы не связывать себе руки автодефинициями, потому что в серии будут и произведения, граничащие с детективом или фантастикой, и чисто событийно-психологическая проза.

ГШ: Итак, кто эти авторы?

ИК: Ханиф Курейши, Фредерик Бегбедер, Николас Блинкоу, Уилл Селф, Ник Хорнби, Тим Лотт. Перекос в сторону ангосаксов пока очевиден (да, увы, и неизбежен — английский есть имперская латынь наших дней), но он будет устраниваться, в перспективном списке есть уже и японские имена, и восточноевропейские.

ГШ: А с какой стороны иллюминатора ваши авторы? И что тогда считать иллюминатором?

ИК: Тут каждый выбирает свою сторону сам, и каждый считает себя наблюдателем, ведь рыбы, наверное, тоже обожают подглядывать за жизнью подводников. Главное, чтобы смотрели с интересом. Авторы — на читателей, читатели — на авторов, а издатель — на количество купленных книг.

ГШ: Кем эти авторы могут стать в русском контексте, есть ли то, чему у них поучиться?

ИК: Поучиться у авторов, бесспорно, есть чему: в нашей отечественной прозе зияет дыра между текстами, написанными «по-советски», то есть чаще всего качественно, но в эстетике ностальгической, и текстами, написанными «типа трансгрессивно», то есть чаще всего сил нет как актуально, но литературно беспомощно. Здоровой, внятной и, главное, забавной для читателя беллетристики о человеке 21 века — кот наплакал. Хватит одной руки двупалого ленивца, чтобы сосчитать авторов, и двух, чтобы сосчитать их произведения.

ГШ: Уместен ли литературоведческий анализ книг такого рода или нужен другой подход? Какой?

ИК: Не знаю. Лично я литературоведение как науку ставлю гораздо ниже френологии или церемониальной магии. Но если кому-то все еще хочется писать тексты о текстах — пусть пишут.

ГШ: Хорошо. Тогда как бы вы определили интонацию вашей серии?

ИК: Хм-м-м... Чтобы она стала очевидной даже для самого составителя, надо, чтобы вышло книг пять-шесть. Представьте себе, что это суп, и пока вашему вниманию предложили только морковку и чайную ложку соли. Скажем лишь о том, что видится в мечтах, качественная, сильная литература, которая бы читалась с легкостью читая. Парадокс очевиден и грешит претенциозностью, присущей всякому парадоксу. И тем не менее по моим представлениям, хорошая литература не может быть чрезмерно трудной.

ГШ: Серия издательства «Фантом» — ее можно считать вашим конкурентом? Если да, то почему?

ИК: Пока мы в равной стартовой ситуации, и соревнования в этом виде спорта проводятся впервые. Нельзя даже пока примерно сказать, что у них и у нас получится. В любом случае хотелось бы, чтобы победил сильнейший. Желательно, чтобы это были мы.

«Независимая Газета», 14 февраля 2002 г.

Эвакуация с «Наутилуса»

Этого человека немногие знают в лицо, хотя почти каждый без труда вспомнит несколько его строк. Илья Кормильцев писал тексты «Наутилусу» и другим свердловским группам, когда рок-музыка находилась под запретом и каждый концерт был праздником. В конце 1980-х русский рок вышел на стадионы, стал одним из главных символов времени и получил массовую популярность. Но когда песни запела вся страна, Кормильцев — задолго до окончательного погружения «Наутилуса» — резко ушел на дно и с тех пор раз за разом меняет поле своей деятельности. Он старательно выискивает области искусства, где назревает очередной революционный прорыв. Пока тщетно. Но когда в 1983 году они познакомились с Бутусовым, о дальнейшей судьбе «Наутилуса» тоже никто не догадывался...

Корр: Без Кормильцева «Наутилус» не стал бы «Наутилусом», но вы старательно держались в тени. Насколько популярность группы затронула вашу частную жизнь?

ИК: Я никогда не рассматривал себя как автора текстов группы «Наутилус Помпилиус», это было лишь одним из способов самовыражения. Чуждость современной поп-индустрии в том, что если где-то претерпел успех, то обязан разыгрывать эту карту до седых волос. Человек современной цивилизации существует не как личность, а как функция, мы живем в эпоху информационного тоталитаризма.

Это не только моя проблема — это лишь один из аспектов проблемы отчуждения в обществе. Но меня она коснулась очень сильно. Прошло больше четырех лет с последнего концерта, но до сих пор меня спрашивают, почему распался «Наутилус» и будет ли возрождаться.

Корр: Кем себя воспринимаете?

ИК: Последнее время я выступаю как переводчик, издатель, критик, культуролог, композитор. Всего понемногу.

Давно пишу прозу, но никак не могу ее толком собрать и подготовить сборник. Несмотря на то, что провожу 80% времени в обществе издателей.

К тому же я загружен как переводчик, это даже начинает меня раздражать. Как только выполню взятые обязательства, буду с этим завязывать...

Корр: Что вы думаете о современной рок-музыке?

ИК: Закономерный упадок. Всему отмерен свой срок. Рок-н-ролл и так долгое время обещал больше, чем мог дать: просто у нас эта эпоха по всем известным причинам пришлась на 1980-е вместо 1960-х. Зато теперь мы догнали и перегнали Америку не столько по объему и качеству производимого звукового мусора, сколько по тому, что эту мусорную кучку нам даже нечем сверху украсить для вида. Впрочем, боюсь, Запад скоро догонит.

Музыка, которая сейчас культивируется определенными радиостанциями, ничем, по сути, не отличается от тех ВИА, которые были столь любы комсомольскому руководству. По проценту людей невзыскательных и музыкально некультурных мы традиционно впереди планеты всей. Гребенщиков в свое время спел: «Я посол рок-н-ролла в неритмичной стране»...

Я очень надеюсь на литературу, где нет такой нивелировки под навязанный сверху «формат», хотя у нас лучшие ее представители остаются одинокими скалами. На Западе этих скал больше, когда их много — получается архипелаг. А здесь идут привычные споры: рок или попса, славянофилы или западники, Пелевин или Сорокин, «Спартак» или «Зенит». Очень раздражает извечная русская любовь к противопоставлениям, но иначе мы не можем мыслить.

Корр: Некоторое время назад вы сами занялись сочинением музыки: что это за проект?

ИК: Проект называется «Чужие», а альбом — «Подполье». Песенные композиции на мои тексты, созданные с помощью

Маньковской и Сакмарова. Диск вышел сейчас, хотя это работа 1998–1999 годов, и у нее будет продолжение. Есть и желание превратить проект из чисто студийного в концертный.

Это попытка выразить любовь и преклонение перед электронной музыкой, которая была в моем восприятии рок-н-ролом 1990-х, была жизнеспособна, энергична и осмыслена. Получилась электронная музыка не в танцевально-прикладном смысле, а со всевозможными экспериментами с формами, звуками, сэмплами.

Корр: Появись «Наутилус» теперь, он бы смог пробиться?

ИК: Конечно, нет.

Корр: Почему как переводчик вы выбирали произведения именно Клайва С. Льюиса, Ника Кейва, Чака Паланика?

ИК: Все эти книги имеют общую черту — это притчи. Именно их я считаю самым эффективным способом донесения до аудитории определенных идей... Все песни «Наутилуса» — тоже в той или иной степени притчи. Если брать комическую параллель притчи — это анекдот. Как автор сценария рекламных роликов я часто действую на уровне анекдота. Именно реклама сейчас для меня — главная замена исчезающей рок-музыки. Способ укоренить в сознании миллионов людей фразу или ударную строчку. Достаточно анонимный, но мне уже не привыкать. Самые популярные мои фразы связаны с рекламой пива: «Это — ее рука, а это — моя рука...» и т. д.; «Три медведя. Сказка для взрослых». Они не менее известны, чем строчки «Я хочу быть с тобой» или «Скованные одной цепью».

Корр: Насколько сопоставима сейчас современная русская литература с англоязычной?

ИК: Мусора там тоже чудовищное количество, но в силу мощности потока золотые самородки чаще отделяются от песка. У нас нет ни такой мощности потока публикуемых текстов, ни такого «позитивного осадка». Как и в современной музыке, наблюдается динамика, характерная для стран межеумочно-

го состояния, которые недостаточно богаты, но в то же время не так уж и бедны.

Зато в России освещение мирового литературного процесса приближается к ситуации развитых стран. Большинство актуальных романов переводится в течение двух-трех лет. Издательство «Иностранка» запустило серию «За «Иллюминатором», я — ее составитель. Выходят Ник Хорнби, Николас Блинко, Бен Элтон, Тама Яновиц. Это современные произведения с кинематографическим потенциалом, авантурные или любовные романы из современной жизни империалистического мегаполиса.

Развивается серия «Альтернатива». Недавно вышли роман Стюарта Хоума «Отсос» и роман Чака Паланика «Бойцовский клуб», вышли два романа Томпсона, и сейчас выходит роман Дугласа Копланда «Поколение «X». Надеюсь, что в этой же серии вскоре появится очередной роман Стюарта Хоума.

Как переводчик я продолжаю работать и в серии «Иллюминатор» той же «Иностранки». У меня выходит сейчас там несколько книг: сборник пьес Стоппарда, два романа Гильберта Адера.

«АСТ» приобрело права на корпус произведений Уэлша, и сейчас я могу заняться его воссозданием на подлинном русском языке. Придется наверстывать упущенное, пытаюсь показать, почему этот писатель получил в свое время такой резонанс в англоязычном мире.

Также у меня на столе уже лежит чудовищный кирпич — провидческий роман Брета Истона Эллиса «Гламорама». С ужасом смотрю на 560 страниц мелкого текста, но переводить придется, потому что роман прекрасен. Если бы он вышел у нас вовремя, события 11 сентября смотрелись бы иначе. У людей активнее работала бы мысль в поисках альтернативных вариантов объяснения происшедшего.

Корр: Получается, 11 сентября не было для вас новостью?

ИК: Когда я наблюдал события 11 сентября, испытывал ощущения человека, который ожидал происшедшее и все-таки до конца не верит, что это могло случиться.

Хотя в этот день в Америке умерло людей всего на 15% больше, чем обычно: с позиций статистики, никакой катастрофы не произошло, всего лишь небольшая демографическая флуктуация. Но мы живем в мире, где роль играет не количество жертв, а количество показов по телевидению. Дальше будет еще хуже.

Концентрация рабства, существующего в мире, превышает когда-либо наблюдавшуюся прежде, и сбываются предсказания фантастики 1950–1960-х годов о цивилизационном развитии человечества. Некоторая задержка с их реализацией произошла из-за двухполюсности мира, необходимости оглядываться на противника и тем самым создавать собственному населению определенные возможности свободного развития. Двухполюсности больше нет, и в мире «Хищных вещей века» Стругацких цивилизация находится уже сейчас. Настает очередь более современных предсказаний.

Корр: И конца этому безобразию вы не видите?

ИК: Нет. Что не отменяет необходимости бороться...

*Газета «Аргументы и факты. Москва»,
№ 4, 23 января 2002 г.; расширенное
интервью: «Новая газета», 4 марта 2002 г.*

Заккрытие газеты «Лимонка»

В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» Александр Ткаченко, генеральный директор русского ПЕН-Центра, Илья Кормильцев, литератор, Александр Орлов, независимый журналист, представители проекта «Одна семья времен В. Путина» Ольга Бер, Ольга и Федор Кузнецовы.

Эфир ведет Матвей Ганапольский.

МГ: Есть такой писатель Эдуард Лимонов, который сидит в тюрьме. Одни говорят, что он экстремист, другие писатель, и это дело политическое. Есть газета «Лимонка», 4 экземпляра этой газеты лежат у нас на столе. Эта газета отличается от обычных немного несколько революционным шрифтом 1920-х годов. Несколько слов о Лимонове: родился 22 февраля 1943 года в г. Дзержинске Горьковской области, молодые годы провел в Харькове, затем переехал в Москву. В 1973 уехал на запад, сначала в США, потом во Францию, в 1976 написал первый роман «Это я, Эдичка». В 1991, по просьбе Лимонова, ему возвращено российское гражданство. И я цитирую статью из «Аргументов и фактов»: «Долгое время партия Лимонова находилась в спячке, в 2000 году разродилась программой, изложенной в виде бюллетеней: национал-большевик обязан понимать, что государственное единство Евразии нарушено тем, что от общей массы Евразии отломан огромный кусяра Казахстан. Национал-большевизм направлен на захват этой несправедливо оторванной территории, присоединении ее к целому телу». Следующая цитата: «Задача национал-большевиков — быть героями, победить, захватить Россию, переделать ее на наш вкус». «Такие прокламации, — продолжаю дальше статью, — были распространены во всех региональных организациях

НБВ, которые находятся более чем в 20 городах России». Написали о создании нового государства под названием «Вторая Россия», цитата: «Если нельзя победить в одной из республик РФ, нужно вначале победить в одной из республик СНГ с достаточно высоким процентом русского населения. Создать вторую Россию, чтобы потом двинуть ее на первую. Разумеется, партизанскую войну нужно вынести за границы РФ, основать партизанскую базу вблизи границ РФ, но уже на территории какой-либо республики СНГ после тщательного выбора. Военные действия должны разворачиваться против правительства республики “а не против правительства РФ”». И дальше говорится, что есть одно государство, которое подходит к этому Казахстан с населением 15 млн 672 тыс. человек, из них казахов чуть больше 6 млн, и около 6 млн русских. Дальше «нашлись деньги для приобретения в Саратове 6 автоматов Калашникова, 5 магазинов к ним и 157 патронов, 960 граммов взрывчатого вещества на основе гексогена и двух электродетонаторов», то есть пошли захватывать новые земли каким-то смехотворным оружием. И еще «началось с того, что ФСБ обратило внимание на карликовую НБП, вокруг нее тусовалась молодежь, а в секретарях числился Савенко. Вот этот Савенко и был Лимонов». И статья заканчивается так: «К чему бы это привело, особенно в нынешней геополитической ситуации в центральной Азии, объяснять не приходится, власти Казахстана применили бы на законных основаниях силу, а прими агрессия Савченко широкомасштабный характер, у границ России возникла бы еще одна горячая точка». Все это писалось откровенно, как писалось в этой газете, поэтому у Лимонова нашли некое оружие, и сейчас он в тюрьме. Поводом закрытия «Лимонки» послужила какая фраза?

А. Орлов: «Рабы обязательно восстанут».

МГ: Против кого и чего восстанут, не уточнялось?

АО: Сначала говорилось, что в России теперь отсутствует политическая жизнь, и следом шла фраза «рабы обязательно восстанут» — это было основным для решения суда. Это был очень

странный суд, только представители Минпечати озвучили свою позицию, зачитав из нескольких статей газеты, причем все цитаты были из произведений Лимонова. И хочу сказать: статья в «АиФ», на мой взгляд, — это откровенный донос. Там, конечно, есть какие-то правильные вещи.

МГ: Если это ложь, это ложь. А если это пишет Савенко, так почему донос?

АО: Я могу рассказать историю этого документа, я слышал ее от адвоката Лимонова, С. Беяка. Это документы, которые подшиты к уголовному делу, которым занималось до суда ФСБ вместе с КНБ. И этот документ он секретный, т. е. что ставят Лимонову в вину? То, что он автор этого документа. Причем, как утверждает Беяк, там проводилась своеобразная экспертиза: на территории одной из воинских частей закрыли какого-то представителя ФСБ, который знаком с литературой, ему, по-моему, 25 лет, и он вынес такую формулировку: «Э. Лимонов-Савенко может быть причастен к кругу авторов, написавших этот документ».

МГ: То есть неизвестно, писал ли Лимонов этот документ?

АО: Да, неизвестно.

МГ: Илья Кормильцев и Александр Орлов — они сторонники того, чтобы Лимонов не сидел. А А.Ткаченко — оппонент. Лимонов сидит и оправдаться не может. Теперь конкретный вопрос к Александру Ткаченко: должен сидеть Лимонов, или не должен?

А. Ткаченко: Отвечу сразу — не должен. И вы, когда начали объяснять кто «за», а кто «против», вы немножко передернули. Потому что у меня позиция абсолютно иная. Я считаю, что Лимонов — талантливый писатель, один из известнейших писателей в России. Если он совершил уголовное преступление, он должен нести за это наказание. Но еще никто мне не сказал, какое преступление он совершил. Суд не сказал своего слова, я отношусь к людям, которые уважают презумпцию невиновности, и более того, считаю, что не разделяю по-

литических взглядов Лимонова, они мне совершенно чужды. Более того, почему я не принимаю его личные взгляды? Я считаю, что в настоящем демократическом обществе, цивилизованном, можно было с Лимоновым разобраться без тюрем, без клеток, без всех этих варварских штучек-дрючек, от которых меня уже в России тошнит. Из Лефортово сделали дом творчества. Оттуда пишут, там отдыхают. К сожалению, вы немного ошиблись: если я возьму алгоритм посадок и того, что произошло за последнее время разгон НТВ, ТВ-6, посадка Г. Пасько, то, что цепляются к Сорокину, я могу сюда отнести и зачистку по делу Лимонова, — это политическая зачистка. Хотя повторяю, не все мне нравится в его действиях, особенно по части большевистской партии, которая в обожженной России, которая только что выскочила из коммунистического несчастного прошлого, и бросать национал-большевистские идеи в людей, которые и так уже измучились за 75 лет. Надо помнить слова великого Маяковского:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут логи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.

МГ: Я не сказал, что вы сторонник того, чтобы он сидел. Я сказал, что у вас есть к нему какие-то вопросы. И хочу вам задать вопрос: скажите, если замечательный писатель не в художественном произведении, как Сорокин, а в политической декларации призывает к свержению существующего строя, он должен сидеть не как писатель, а как гражданин РФ?

АТ: У нас Конституция, в которой все прописано, свобода самовыражения писателя и журналиста ограничена двумя вещами: пропаганда войны, насилия и межнациональной розни. И если будет доказано, что в текстах, которые напечатаны, есть призывы к свержению существующего строя...

МГ: А то, что я прочитал на вас не подействовало никак? Или это кэзгэбэшная фальшивка?

АТ: Знаете, в чем дело, я человек искушенный. Мне нужно очень много доказывать, привести массу всяких доказательств и экспертиз для того, чтобы я поверил. А пока всем этим бумажкам я не верю. Поэтому считаю, что, возможно, Эдик и подходит под эту статью, но еще не было суда, и должен он судить или не должен — мы не судьи. Давайте говорить об этой ситуации с болью, а не осуждая. Если мы докажем, что за эти тексты нужно сажать, то так оно и будет.

МГ: В текстах, которые я прочитал, содержатся некие воинственные призывы?

АТ: Г-н Жириновский мыл ноги в океане, свергал все правительства, и что только ни делал. И он заместитель спикера Госдумы. Значит, вопрос в другом чем-то.

МГ: Значит, нет вопросов к писателю, но есть вопросы к политике. Теперь к Кормильцеву: должен ли Лимонов сидеть?

ИК: Самое удивительное, что все собравшиеся за этим столом, по обе его стороны, удивительно едины в том, что никто не является соратником Лимонова, его единомышленником. Мне случилось переходить границу Абхазии. Но дело в том, что я тоже не единомышленник Лимонова, для меня неприемлем его национализм, поскольку я анархист-интернационалист, и для меня его убеждения тоже не близки. И тем не менее я считаю, что он не должен сидеть. И в данном случае я разойдусь даже с Конституцией страны, в которой я в настоящий момент нахожусь.

МГ: Вы еще по прошлым текстам некоторых своих песен разошлись с Конституцией.

ИК: Я, поскольку анархист, буду всегда расходиться с конституцией любой страны. Ни одно вербальное заявление или символическое заявление любого взгляда, любого содержания, призывающее даже к людоедству, не является основанием для того, чтобы человек подвергался мерам принудительного лишения свободы. Только юридически доказанные действия, угрожающие жизни и здоровью, или еще другим каким-то

положительным авуарам окружающих граждан могут служить основанием для судебного процесса. И то, что в конституциях даже внешне демократических стран существует положение о запрещении пропаганды того-то, главный пропагандист насилия в этой стране — государство, которое дает свои репор-тажи о Чеченской войне.

МГ: Не ожидал, что вы отметае Конституюцию. Но я задаю вам вопрос не как анархисту-интернационалисту, а как гражданину РФ: как вы считаете...

ИК: Я не делал себя гражданином РФ, это она меня сделала.

МГ: А почему вы не откажетесь?

ИК: Потому что любое другое такое же паршивое.

МГ: То есть вы не признаете Конституцию как некий свод законов, которым надо подчиняться?

ИК: Для начала я не признаю государства как такового, которому нужно подчиняться. Но вернемся к Лимонову. Я считаю, что в данном случае закрытие «Лимонки» — полное безобразие. Претензии, предъявляемые к Лимонову, должны сводиться исключительно к фактам его действий, не к пропагандам и всякой мути. Покажите оружие, которое он покупал, сколько, и в крайнем случае, если докажете, что он покупал его лично, если он действительно юридически виновен, раз по вашим законам так полагается, всыпьте ему столько, сколько вы даете бандитам.

МГ: Но там всего 500 рублей берут.

ИК: Ну, возьмите с него 500 рублей.

МГ: Теперь я вас прерву. И обращаюсь к радиослушателям. У каждого из нас есть свое представление о Лимонове, многие читали его произведения, многие не читали, кое-кто читал газету «Лимонка», но большинство не читали. Но поскольку мы такие люди, что мы не читали, но у нас есть своя точка зрения, именно поэтому я вас спрошу: «Должен ли, на ваш взгляд, Лимонов сидеть?» Если да, набирайте телефон 995-81-21, если нет — 995-81-22. И теперь у меня вопрос к Ольге Бер: должен Лимонов сидеть в тюрьме?

О. Бер: Понятия не имею. Мои эмоциональные ощущения не должен как писатель и должен как политик.

МГ: Лимонов один, их не два.

ОБ: Если есть доказательства, то должен. Если он нарушил Конституцию РФ.

О. Кузнецова: Я считаю, что он не должен сидеть. Не согласна с вами по поводу того, что раз политик, то должен. Есть такой длинный список политиков, про который нам только что напомнили, которые могли бы больше претендовать на это место, чем Лимонов.

Ф. Кузнецов: Не должен, по моему глубокому убеждению. Ни как политик, ни как писатель. Потому что в Америке за такие вещи не сажают по определению, по первой поправке к Конституции. У нас в России Конституция немного другая, но тем не менее, несмотря на то, что там есть какие-то доказательства, грош им цена. Потому что тут я вижу тенденцию борьбы с экстремизмом так называемым, начавшуюся с Пасько.

МГ: А 157 патронов и 6 автоматов, с которыми он хотел захватить Казахстан?

ФК: И еще, наверное, 30 грамм героина подброшено.

МГ: Не знаю, в статье это не написано, наверное, подбросили позже, чем написали эту статью. Юрий Николаевич пишет: «Матвей, мы вас очень обожаем, не надо защищать этого Лимонова, так называемого писателя. Это же тот писатель, который занимался любовью с негром, и давал по этому поводу интервью, как ему было приятно». Юрий Николаевич, мы защищаем этого человека. Вопрос не в том, что он был с негром, ему же хорошо было, а не плохо, он об этом написал. Но он сейчас сидит в тюрьме, и надо выяснить, чего он там сидит. Спасибо всем. Сообщаю вам результаты голосования: проголосовало 3033 человека. «Да, должен» — 32%, «не должен» — 68%. А теперь перейдем к подробностям. Что вы знаете про то, почему так с ним поступили? Почему Лимонов оказался мальчиком для отсидки?

ИК: Мы забыли сообщить перед началом голосования очень важную информацию. Сперва я об этом пожалел, а потом понял, что мы сделали это хорошо, потому что получилось голосование без давления на общественное мнение. А информация важная.

Мы говорим, что сделал Лимонов, что нет, но многие, наверное, не знают, сколько просит лет за вышеозначенное преступление государственный обвинитель.

АО: Со слов Сергея Бея, гособвинение хочет посадить Лимонова на 29,5 лет. Этот срок ему должны дать именно за тот документ, к кругу лиц написавших который причисляют Лимонова.

МГ: Трогательно половинка года, наверное, они думают, что скостят ему именно эту половинку, чтобы не было жестоко. Но в данном случае я понимаю, что совокупность лиц переходит на одного Лимонова.

АО: Ему шьют очень тяжелые статьи — создание вооруженного бандформирования. Вы представляете, на основании какой-то бумажки, которую нашли в НБП, шьют государственный терроризм, попытку свержения существующего строя, в том числе президента, и создание вооруженного бандформирования.

МГ: Мы специально не пригласили сюда адвоката, чтобы воспринимать это эмоционально. А что вы, вы всему верите тому, что позиционирует Лимонов и его окружение? Вы считаете, что его формирования не вооруженные? Что оружие, о котором говорится — ложь? Вы можете сказать, что ребята, ходившие в форме, для того, чтобы цветочки нюхать?

АО: Я хотел бы сказать, что мне бы мечта Лимонова, которую он озвучил в своих прекрасных романах (а у него действительно удивительные романы, передо мной лежит «Дневник неудачника»), чтобы его мечта о том, что у него будет своя армия, чтобы она на самом деле сбылась.

МГ: Армия поклонников его книг. Или армия боевая?

АО: С Лимоновым ситуация не такая простая, нельзя его делить на писателя и политика. На самом деле его политическая деятельность, кстати, в журнале «ОМ» я об этом писал, многие писали, тот же А. Цветков, — его нельзя делить, это его собственный стиль, его жизнь. Он живет и одновременно пишет.

ИК: Я бы даже сказал, что для него политика — это продолжение литературы другими средствами в каком-то смысле.

МГ: Значит, получается, что абсолютно права Генпрокуратура, которая не отделяет писателя от политика? В данном случае у нас такой гомункулус вот он такой есть.

АТ: Случай с Эдиком довольно тяжелый для понимания. Сложно разделить, и были такие случаи в истории Кнут Гамсун по убеждениям был абсолютный фашист, после того, как его осудили, он не отказался от фашистских убеждений. Однако в книгах его не было ни строчки пропаганды фашизма. Точно таким же был гениальный поэт Эзра Паунд, который был другом Муссолини, который был потрясающим поэтом-модернистом, но был членом фашистской партии, хотя ни в одной своей строчке не пропагандировал фашизм.

МГ: Вы имеете в виду в произведениях. А в статьях, действиях?

АТ: Конечно, поскольку он был членом фашистской партии, наверное, он за это и пострадал. Они все были осуждены своим народом.

ИК: Паунда не осудили, а поместили в сумасшедший дом.

АТ: Поэтому я считаю, что вообще система преследования писателя, наверное, за последние лет 20, она сильно изменилась. При советской власти была статья антисоветская пропаганда, или 58. Все, ты написал, выступил — иди, Вася, под трибунал, и ты получишь. Сейчас система изменилась, почти все демократические государства используют это. Они говорят, что преследуют за это. И судят за это, а на самом деле совсем за другое. И я думаю, возвращаясь к Эдику, что его преследуют не за его книжки, а его преследуют за его политическую пар-

тию. Не Эдика бояться, а бояться политической партии. И здесь я думаю, что Россия подвергается определенному давлению со стороны международного сообщества именно стран СНГ. Потому что те акции, которые были в последнее время предприняты НБП, не самым Эдиком, повторяю, потому что он, как хороший игрок, всегда оставался в тени, а ребят он посылал в Севастополь, Казахстан, Латвию. Мы в ПЕН-Клубе получаем такие письма: «Когда будете защищать Лимонова, вспомните, как он стрелял в сторону наших детей города Сараево. В доказательство его тексты». А Эдик хвастается там в статьях: «Я воевал в трех сербских войнах, ходил в атаку на мусульман под Сараево — хоть кто-нибудь пожал мне руку за это?» Да и я не пожму ему, хотя я русский, потому что у меня среди мусульман много друзей. И я не хочу, чтобы вот это уходило в народ, который, в основном, темен. Извините, может быть, я груб. Народ воспринимает все это на веру, и в нашей стране бросаться такими вещами — это преступно. Я бы ему сказал: «Эдик, перестань дурить молодняк, забивать им башку, займись книгами, пиши, что хочешь»

МГ: Поэт в России больше, чем поэт. Писатель Лимонов оказался больше, чем писатель. Его ребята бузят в странах СНГ он имеет на это право?

АТ: Здесь я с Кормильцевым полностью согласен: пока эти действия не носили слишком агрессивного характера, которые бы вызвали насилие какое-нибудь, или они кого-нибудь избили.

МГ: Вопрос к Федору. Чудный писатель, но занимается войнушкой, своей какой-то, до ужаса пока не дошло никого пока, слава Богу, не убили. Должна прокуратура заниматься этим делом, и если он организатор этого дела под именем Савенко, его осудить и посадить? Или если это писатель, то это его воплощенная в жизнь литературная мечта?

ФК: За мечту сажать нельзя, а за организацию (по определению) можно. Если будет доказано, что он был организатором,

и послал кого-то на войну убивать, безусловно. Был случай в 2000 году, когда на съезде «Демвыбора России» они пришли и стали кричать «Сталин! Берия! ГУЛАГ!», их потом выперли и надавали по морде. Был такой случай, ну, и что?

МГ: Яйцом бросили в одного известного режиссера.

ИК: А что известный режиссер потом сделал?

МГ: По почкам.

ИК: Не по почкам, а в лицо, и ботинком.

МГ: Имеет право. А что он должен попросить яйцо? Или свое использовать?

ИК: Неравнозначно.

МГ: Я хочу, чтобы вы поняли, к чему я клоню. Как мы должны относиться к человеку творческой профессии, который сначала, предположим, пишет стихотворение о мировом господстве, об арийцах с голубыми глазами, а потом собирает ребят, и пытается это осуществлять. Что должно сделать государство? Поставить надсмотрщика, который потом позвонит и скажет: уже убили, давай мочи его, и тогда его ловят. Или, исходя из презумпции невиновности, тех, на кого направлена эта могущая быть агрессия, начинать его сажать в ГУЛАГ. Где тут мера?

ФК: Чисто по-ленински: партии запретить, но всех выпустить. Пока никого не убили. А если кого-то убили, то естественно, сажать, но не за то, что организовали партию, а за то, что убили.

ИК: Говорили о многих способах. Действительно, зрелое общество в моем понимании — это то общество, которое способно справляться с подобными проблемами, как здоровый организм убивает в себе микробов с помощью лимфоцитов, без помощи государства. Для этого, собственно говоря, и существует свобода слова. На самом деле демонизируют такие силы, как Лимонов, скинхеды сейчас, футбольных болельщиков, почему? Потому что морда в пуху у государства. Государство чудовищно.

МГ: Морда в пуху в каком смысле?

ИК: Государство само пропитано теми же желаниями, оно внутри больно, червоточит фашизмом внутренним своим, и оно видит в своих противниках свое отражение, как Каледон в зеркале, боится их, потому что видит. Что они такие же. Здоровое общество будет смеяться. Против лимоновцев будут выступать анархисты за то, что они националисты, и бить им морду спокойно на улице. Против футбольных болельщиков другие футбольные болельщики. И пока нет трупов, а есть только битые морды, значит, они сами с собой справляются. СМИ будут прикалываться, писать шутки. Здоровое общество кипит. В нем реализуется постоянно свобода, но одна свобода никогда не давит другую свободу, баланс этот поддерживает само общество.

А когда вмешивается государство, оно просто вмешивается, потому что чувствует конкуренцию с таким же дерьмом, но только со своей стороны как бы. Поэтому вот эти все методы совершенно чудовищные, как справедливо говорил Александр, они, к сожалению, становятся модны сейчас не только в России, — посадить, запретить и прочее — мир боится на самом деле свободы. Лимонова не любят, государство сажает его за то, что он портил отношения с коллегами из братских республик так сказать, на самом-то деле это всем совершенно понятно. Но рассчитывают на поддержку народа. А народу наплевать на братские республики, и даже на судьбы русских в странах зарубежья. Рассчитывают на поддержку именно благодаря письму подобному тому, что получили вы, потому что народ радостно это одобрит, общественное мнение за то, что он делал такие вещи с негром. Ну, как же можно такие вещи делать с негром? Пусть сидит. Я знаю нормальных здоровых людей, без вредных политических убеждений экстремистских, злобных, но они при слове «Лимонов» начинают дергаться именно из-за эстетического фактора. Он писатель другой, чем большинство русской литературы.

МГ: Не думаю, что Генпрокуратура имеет свой эстетический взгляд.

ИК: Но там достаточно умные люди, чтобы рассчитывать на поддержку.

МГ: И все-таки меня интересуют механизмы. Вы сейчас изложили один, он называется просто — до первой крови. Все разрешаем, но до первой крови. Скинхеды убили — разбираемся со скинхедами.

ИК: Извините, скинхеды убили, разбираемся с теми скинхедами, которые убили, а не с движением.

МГ: Представим себе: у нас есть фашистская партия, настоящие националисты, с выкидыванием руки вперед, все, как полагается, со свастикой. Кормильцев говорит: «Когда они убили негра, разбираемся только с теми, кто убил негра, их было три человека, а сама партия с ее “Майн Кампфом” пусть остается».

ИК: У этого механизма есть вторая сторона. Мы разобрали ситуацию МЧС, то есть когда Помпею нужно спасти с вертолетами. Но есть другой вариант: предложить одному из лидеров этой фашистской партии поучаствовать в выборах в парламент на равной основе. И посадить его в комитет с Жириновским, дать ему получить некоторое количество взяток от какого-нибудь лобби, а другому лидеру сказать: «Вот тот прошел, а ты не прошел. А не плохо ли тебе создать другую партию?» Это живое общество. Но этим не должны заниматься спецслужбы с их провокациями. Общество само должно создавать постоянную эту почву, в которой свобода реализуется, но никогда не выплывается до конца. А когда убили, надо судить конкретных людей, но если мы осудим всю партию, мы придадим ей героический ореол борцов за свободу, так и делается.

МГ: Так мы не должны бороться с экстремизмом, чтобы не придать ореол, или из-за общедемократических устремлений?

ИК: Экстремизма не существует, нет такого преступления — экстремизм. Более того, я где-то уверен, что нет такого преступления как фашизм на самом деле. Есть убийство, ограбление, изнасилование.

АТ: Нет, ну тут ты загнул уже чего-то.

ИК: Не погибаю.

МГ: Ольга, вас устраивает то, что сказал Кормильцев?

ОБ: Не совсем устраивает, но это его точка зрения, видно, что он этим живет.

МГ: Экстремизмом?

ОК: Отсутствием экстремизма.

ОБ: Мне механизм г-на Кормильцева не близок, мне кажется, что люди-единомышленники отвечают друг за друга, и за мысли друг друга.

ИК: Но ваша же позиция была, что за мысли никто не отвечает.

МГ: Даже товарищ Сталин говорил в некоторых работах, что сын за отца не отвечает. Если ваш друг или ваш единомышленник совершил преступление, то вы должны сидеть с ним в тюрьме?

ОБ: Нет. Может быть, я неправильно высказалась. Я считаю, что если члены какой-то партии совершили противоправные действия, нельзя судить только тех людей, которые убили, и совершенно не разбираться, почему это произошло, и имеют ли отношение люди, принадлежащие этой партии.

МГ: То есть вы говорите, что нужно судить не только действия, но и идеологию.

ОБ: Мне кажется, что с этим нужно разбираться.

ОК: Я считаю, что вообще это все лицемерие и фарс, пока у нас еще живы те, кто замучивали своих сограждан в концлагерях, пока у нас нет суда над компартией, пока эти люди получают большие пенсии, у них награды, пока они живы и ходят. Извините, осудить какого-то мальчишку, который просто швырнул яйцом, а тут сидят монстры, до сих пор ходят и бряцают медалями, хвалятся ими.

МГ: Аккуратнее, какими медалями?

ОК: Которые они получили за выслугу лет. Просто есть люди, которые получили ордена заслужено, а есть люди, которые получили за то, что замучили своих сограждан.

МГ: Понятно, давайте осудим сталинские репрессии, а потом... Вы, может быть, правы, но мы говорим о нынешней ситуации.

АТ: Вопрос Ольге Бер: давайте судить идеологию. Это очень легко, когда она организована и существует в виде партии, а вот с моей точки зрения большинство семейных убийств вызвано тем, что мужчина по своей идеологии считает, что женщина должна знать свое место. Значит, осудив мужчину, который убил свою жену, мы должны осудить вместе с ним ту идеологию, которая его привела сюда.

МГ: Кстати, очень хорошая идеология, не к столу будет сказано.

АТ: Где корни этой идеологии, и кого мы будем судить, если этой идеологией живет, к сожалению, большинство человечества? Где мы найдем границу, за что можно судить, когда и за какие убеждения? Если я говорю всем, что человечина вкусна, и ее, наверное, надо кушать, но за свою жизнь я никого пальцем не тронул, и даже не зарезал. Нужно ли меня за это судить, если где-то кто-то съел человека, и можно ли доказать связь между моими идеями, которые я изложил в художественном произведении, который называется фильм «Ганнибал», например, и тем, кто съел где-нибудь в Оймяконе своего товарища по геологической партии?

ОБ: Мне кажется, что вы абсурдистский момент затронули.

АТ: А это важно, абсурд всегда будоражит мысль.

ОБ: Но не надо доводить до абсурда, мне кажется. Я пока от своего мнения не отказываюсь, я не знаю, кого нужно судить. Если муж имеет неправильную идеологию и убивает свою жену, наверное, нужно разбираться, может у него с психологом проблемы, еще какие-то корни. Я не знаю, кого в данной ситуации нужно судить, кроме мужа, не готова ответить.

ФК: Демократический механизм существует, он давно применяется. Если есть идеология экстремизма называемого, то идеологию нужно запретить, то есть партию запретить. Но людей, членов партии, сажать нельзя.

АО: Идеологию нельзя запретить.

ОК: У нас ситуация, когда на улице гаишник останавливает машину, говорит: «Я вас должен оштрафовать. У вас ремень не пристегнут». А мимо едут по тротуару машину. Я говорю о лицемерии.

МГ: Делаю вам замечание. Я не хочу общих разговоров. В нашей стране очень много всего не так. Я говорю об очень конкретной вещи, которая мне интересна как должны работать демократические механизмы в стране, которая декларирует себя демократической. Как она, столкнувшись с радикалами, должна себя вести, что это за демократические механизмы, как они должны учитывать не только мнение большинства, которое не хочет взрывов на улицах, но и мнение меньшинства, в данном случае радикалов.

АТ: Я вот что хочу сказать. Все-таки то, о чем мы говорим, имеет определенные рамки и границы. Фашизм, он и есть фашизм, никуда от этого, Илюша, ты не денешься. Если я в Германии хочу купить книжку «Майн Кампф», я ее нигде не куплю, ни на каком развале.

ИК: И это плохо.

АТ: А на Кузнецком мосту ты ее купишь тут же.

ИК: И это хорошо.

ОБ: Это плохо.

АТ: Я считаю, что это нехорошо, отвратительно, потому что у нас абсолютно не работает Конституция, нам не нужно было никакого закона об экстремизме, если бы у нас работала Конституция, давно уже прописавшая все это. Далее я считаю, что те случаи, о которых ты говоришь, нужно доводить до крови, а потом.. Нужно предугадывать эти случаи. Нормальные демократические структуры предугадывают. Допустим, в Штатах, если китаец убил армянина, запрещено называть в печати: «китайский китаец убил армянина». Просто говорят: «гражданин такой-то убил гражданина такого-то», чтобы не разжигать...

МГ: Господин Хум Де Ван убил Маратика Карапетяна — крутой ход демократического государства.

АТ: Это пример. Они пытаются смягчить этот удар. Второе — что бы у нас было, если бы кто-то у нас сжег флаг его наверняка бы посадили. Но в нормальных странах в уголовных кодексах написано, что сожжение флага не является актом протеста, и флаги там не сжигают. А если сжигают, то за это не тягают в тюрьму. Я хочу вот о чем сказать: мы сейчас говорим о разных вещах, об ответственности, которая наступает в обществе, и как за это должен человек отвечать. Я повторяю: я против тех варварских методов, которые у нас сейчас существуют. Можно было предупредить, закрыть, оштрафовать. И Эдика можно было бы предупредить. Я вам скажу, что на одном из конгрессов писателей международном была такая идея — послать ему личное письмо с просьбой прекратить все эти вещи, инсинуации просто как писатели к писателю. Потом пришли к выводу, что это будет бесполезно.

МГ: Правильно, бесполезно. И что делать? На самом деле власть топорно и предугадывает. Ведь вы не обращаете внимания, что то, что делают с Лимоновым, это предугадывают возможное, гипотетическое преступление, которое он может совершить. Вы за это?

АО: Еще никто не доказал, что он хотел совершить преступление. Может быть, с одной точки зрения, это преступление, а с другой — абсолютное благо. Например, то, что касается Казахстана, допустим, я имею здесь свое совершенно определенное мнение. Я считаю, что Лимонов, пусть даже у них было всего 6 автоматов, и если он имел в своей голове такие мысли, что нужно пойти в Казахстан и сделать что-то, чтобы облегчить положение русских, которые там живут, я убежден, например, что он хотел сделать благо. Потому что в Казахстане жило 8 млн русских, теперь там живут 3. Куда делись 5?

АТ: Почему именно русских? А как армянские там живут?

МГ: Ну, хорошо, он хотел. Он отправляет туда ребят, чтобы они что делали с этими автоматами, порохами? Что делали?

АО: Есть люди, которые относятся хорошо к Фиделю Кастро, а есть, кто плохо. Я отношусь хорошо, за то, что он в 1953 году штурмовал казарму Монкада, их было 10–15 человек. Они совершили самоубийство фактически, но оно положило начало большой революции. Можно как угодно оценивать эти результаты, но именно действия горстки людей положили начало процессу. То есть если бы Лимонов (мы не знаем, хотел он это сделать, или нет, мы можем только предполагать, но это пишет ФСБ, что он хотел поднять восстание), даже если бы он там положил свою голову и жизни своих ребят, вооружившись шестью не стреляющими автоматами, возможно, это было бы и хорошо, и благом для тех людей, которые там живут. Потому что, по сути, он единственный человек, который за этих людей заступается второй раз.

МГ: А что вы называете странным выражением «положил свою голову»? Это значит, что он сделал что?

АО: Ну, может быть, он поднял там восстание.

МГ: Когда вы говорите про восстание, это же не просто сказать «Восстание!», и они слагают свои головы. Это значит, кто-то умрет, и они будут стрелять.

АО: То есть умер бы Лимонов и те люди, которые с ним пришли.

МГ: А другие?

АО: А другие бы воодушевились.

МГ: Это вы имеете в виду русскоязычное население?

АО: Я разговаривал с Лимоновым в 1997-м году, когда он туда приехал. Там планировалось восстание, и он с девятью товарищами приехал туда поддержать русскоязычное население. И я ему объяснил, что здесь все страдают от этого режима, всем плохо, и он сказал замечательную фразу, он сказал, что русские ответственные за то, что здесь происходит, и они должны тут навести порядок.

АТ: А кто дал право русским отвечать за все? Это что, избранная нация? А что делать с полукровками? Я не чистый русский, наполовину украинец, что со мной делать будете?

МГ: А что с казахами делать?

АТ: Вы бред абсолютный несете. Это уже называется национал-большевистский бред. Кто вам дал право?

МГ: Вы благословляете Лимонова на вмешательство в дела независимого государства. Так сложилось, что Казахстан — независимое государство, а вы говорите пусть он там делает хорошо русским. А казахи?

АО: Так и казахам от этого будет хорошо.

МГ: От чего? Что планировал Лимонов сделать так, чтобы там всем стало хорошо?

АО: Я не знаю, что он планировал, но я отталкиваюсь от той бумаги, которую вы нам зачитали, и от того, что происходит в Казахстане. Там существует нехороший очень режим, кстати, этот режим поддерживает один очень известный режиссер, которому национал-большевики залимонили яйцом в лоб. Там существует ужасный режим, этот режим изгнал из Казахстана 4 млн, проявив совершенный национал-большевизм в вашем понимании. Они изгнали оттуда журналистов, первые стали устраивать знаменитые эти конкурсы на частоту и уничтожили фактически все телекомпании.

МГ: Хорошо, плохой Назарбаев. Меня интересует другое: значит, можно перейти на территорию другого государства и устраивать там хорошо для тех, кого изгнали?

АО: Но это на уровне идеи я вам предлагаю, я же не говорю, что я пойду с автоматом. Но мне нравится, если он думал, что можно пойти, и воевать, мне нравится эта его мысль. Мне нравится, что нашелся такой радикальный человек, который готов пожертвовать собой, чтобы решить там какой-то пусть даже идеалистический вопрос.

ОК: Чтобы развязать новую войну?

АО: Хорошо, пусть это будет война.

ОК: Отлично.

ИК: Договорились. Я соглашусь с предыдущим оратором только в одном, что действительно, почему мы судим Лимонова и не судим Назарбаева? Тут я соглашусь полностью; для меня все националисты равны, всех мастей, и у власти находящиеся. Еще раз говорю, мне не близки убеждения Лимонова, но я знаю, что его демонизируют специально, что это, скорее всего, тщательно продуманная провокация. Я знаю, что в потенциале его партия могла бы представлять какую-то угрозу для общественного порядка в развитии, но только в силу полной беспотолковости государства, в котором мы живем, и его неумении руководствоваться демократическими методами и в неумении спецслужб руководствоваться демократическими методами тоже.

МГ: А что такое демократические методы спецслужб? Откройте великий секрет, я вам памятник поставлю.

ИК: То, что я рассказываю вам предложить одному месту в парламенте, другому расколоть партию надвое.

АТ: Слишком долгий путь.

ИК: Это не слишком долгий путь, для этого мозги нужны, и работать уметь, а вот это то, чего не хватает.

МГ: По господину Кормильцеву, я выхожу с парочкой лозунгов, сжигаю знамя, и говорю: «Держись», — и называю одного из лидеров СНГ, тут же по Назарбаеву ко мне должен подойти Селезнев и сказать: «Добро пожаловать в парламент моим заместителем». Это что, такая форма ублажения радикалов?

ИК: Это зависит от того, насколько большой шум вы производите. В свое время, между прочим, придти во власть господину Жириновскому удалось почти такими же методами.

МГ: Тогда что у нас будет за парламент в результате?

ИК: А какой есть, большей-то помойки все равно не придумаешь. Но это самый безопасный способ — активные элементы общества.

АТ: Вот я считаю, что сейчас мы приблизились к тому, почему все происходит с Эдиком. Я был недавно в Словении, это

маленькая страна, которая чудом избежала войны, когда была война на Балканах. Это была 10-дневная война, и там почти никто не погиб. Я спросил ребята, как вам удалось уйти от войны? Они говорят: «Потому что у нас на территории не жил ни один серб. Если бы жил хотя бы один, сербы обязательно пошли бы на нас войной, и уничтожили бы половину словенцев вместе с этим». Абсолютно та же ситуация. Но я сегодня просмотрел главу взглядов Эдика, и я у него нашел замечательное его отношение к Сталину. Я не буду его цитировать, он его считает символом, олицетворяющим могущество России. Что это Цезарь. И у него есть одна замечательная фраза: «Он всегда будет Цезарем, Иосифом Сталиным, и никакие разоблачения не помогут развенчать его образ». Я считаю, что «главное в истории сильнее деталей», это слова Эдика. Вот он сам практически здесь подписывает себе идеологический приговор, когда говорит стране, которая пострадала от Сталина в 20 млн человеческих жизней в концлагерях. А он говорит, что человек уже не нужен, что колесо через него переехало. Таким образом, он поддерживает Сталина. И он предлагает ход национал-большевистской истории. И что происходит? Он сам попадает в это колесо.

ОБ: Я согласна, что нельзя разделить писателя и политика в данном случае, потому что действительно одно подпитывает другое. Лимонов не может писать, если вокруг него не будет ажиотажа, и вот это ощущение постоянно действующего вулкана, наверное, дает ему и силы, и образы его книг и статей. И наоборот. Та политика, которую он пытается вести, подпитывается его литературой. И в этом смысле Цезарь-Сталин она меня подвела на эту мысль.

МГ: Словеса все. Мне очень хочется, чтобы в стране был порядок. Порядок каждый понимает по-своему. Но есть один критерий, когда людей не убивают на улицах, когда ты можешь нормально дойти домой. При этом хочется, чтобы была свобода в головах. Что должно делать государство?

ИК: Тут мы вступим с вами в идеологический клинч, потому что вы рассматриваете государство как силу, которая стоит над

схваткой. Но это одна из сил, участвующих в схватке, это тоже представители определенной идеологии, которые также преследуют собственные интересы, которые также не совпадают с интересами всего общества. Это такое же НБП, государство.

АО: Даже если взять «Идущих вместе», они занимают нишу НБП. Они идут под теми же самыми лозунгами, только от имени государства.

ИК: Мы должны думать не о государстве, а что делать нам самим.

АО: Газету «Лимонка» закрыли только за то, что в ней были напечатаны главы из уже опубликованных книг Лимонова и те, которые сейчас находятся в подготовке к печати. Я не понимаю, зачем это делается. Пожалуйста, закрывайте газету за то, что здесь аршинными буквами матерки написаны в каждом номере, закрывайте газету за какие-то вопли, но почему именно главы из книг Лимонова взяты, причем там зачитывали какие-то абсурдные куски, на основании которых никогда нельзя было бы подумать, что предъявить обвинение.

МГ: А может наоборот, они правильно делали, что осуждали его не как писателя, но как публициста?

АО: Но залезли они тем не менее именно в литературные произведения.

МГ: Но с Сорокиным они делают то же самое. По-вашему, они лезут прямо в произведения. Основной пафос Кормильцева заключается в следующем: что нам думать о государстве и аппарате насилия, это вечное насилие, давайте подумает о себе, бранных. Я предлагаю вам поговорить не о том, как нам убежать от пресса государства (а эта передача посвящена государству). Здесь сидит одна семья времен В. Путина, и все мы времен В. Путина. Как поступать в этой ситуации государству? Как ему быть в этой ситуации?

ИК: Вам не кажется, что фразы «атакуем самолетом Кремль» и «мочить в сортире» — одного полета? Я думаю, что государство видит свое отражение в Лимонове, конкурента, проявля-

ет глупость, зеркально отражающую наивность другой стороны, в принципе, ведет себя недостойно и незрело, и видно его единое происхождение, такое шалопайское.

ФК: Посадить людей за убеждения нельзя. Если они что-то сделали — сажать. Если вы хотите работать на опережение, чтобы они вознамерились, но не сделали — запрещайте идеологию, запрещайте носить кресты, вскидывать руки вверх, запрещайте говорить о том, что у нас не было Холокоста, но не надо лезть в мысли к людям, и тем более за это сажать. Надо просто запрещать и контролировать. Если полиция нравов, нужно придумать полицию нравов по идеологии.

МГ: Как действует полиция нравов?

ФК: У нас менты чем занимаются? Они проверяют регистрацию. Так вот вместо проверки регистрации, самой по себе незаконной, они должны проверять. А кто-нибудь что-нибудь сказал не то, или вскинул руки не так, или что-нибудь пронес не так..

ОК: Ой..

ФК: Без «ой». Но сначала надо прописать, что будут контролировать максимально конкретно, без расплывчатых формулировок за то, что ты скажешь, что не было Холокоста в присутствии троих свидетелей, ты будешь жестоко осужден общественностью. За то, что ты сказал, что пойдешь в Казахстан защищать русских, ты тоже будешь.

МГ: А если ты не назвал страну?

ИК: А если три свидетеля найдутся, а ты ничего не говорил?

МГ: Ты потом прочитаешь то, что ты сказал. А я категорически протестую, что вы сейчас смеетесь, потому что человек сейчас пытался ответить на вопрос. Пусть, на наш взгляд, неудачно, но он пытался найти выход в этой ситуации. Что обозначали его слова? Попытку какой-то систематизации.

ФК: А без этого нельзя.

МГ: Подожди, ты уже сказал. У нас осталось 5 минут. Спасибо за попытку, потому что Кормильцев, умнейший человек, начинает отгораживаться.

ОК: Попытаюсь ответить на ваш вопрос. Я считаю, что у нас сейчас очень большая проблема в государстве, просто давно назрела необходимость. Слово «национализм» себя дискредитировало, но идею русского национализма вылить нужно в какое-то нормальное русло, придать ей цивилизованное лицо. Оно не находит себе воплощение сейчас. Создаются все время какие-то экстремистские организации с идеей «я русский, значит, я пойду мочить кого-то другого, набью кому-то морду». А должно быть не так, по-другому, кто-то должен вселить в эти головы такую идею: я русский, значит, я должен помогать русским. Как делают евреи? Помогают друг другу. Посмотри на другие народы, возьми у них самое лучшее. Пожалуйста, попробуй быть лучше.

МГ: Я понял тебя. Это такая страна «Оз». Подводим итоги. Значит, господин Ткаченко говорит финал.

АТ: Коротко я хочу высказать претензии, прежде всего, к государству. Наше государство порой, зачастую сам президент Путин, становится источниками экстремизма, и некоторые слова народ воспринимает абсолютно неправильно. Во всяком случае, его знаменитые фразы «мочить в сортирах», «пойдете пыль глотать по дорогам» я воспринимаю тоже как экстремистские, разжигающие ситуацию. А народ снизу он поднимает это и несет широко, высоко и неоглядно.

МГ: То есть пускай, прежде всего, посмотрит на себя.

АО: По поводу национализма Лимонова. У них в организации есть даже негр, а треть организации еврейские мальчики из хороших московских семей. Это по поводу русского народа и национализма. Я не делаю выводов. Второе — больше всего Лимонов протестует, ищет выход из той сложной ситуации, в которой находится Россия, больше всего он протестует по поводу ренессанса так называемой русской культуры середины 19 века, он говорит. Что сейчас делается попытка на старую проржавевшую консервную банку надеть новую, и это делает Путин, и, в частности, тот известный режиссер, о котором мы говорим.

ИК: Я думаю, что это одно из самых, несмотря на то, что дело Лимонова вызывает не так много шума, как многие другие предшествующие дела, — это одно из самых серьезных испытаний сейчас нынешней политической системы в России и того, что происходит. Потому что от него зависит значительно больше, чем зависело от всех предыдущих выборов и много другого, хотя это кажется смешным ну, подумаешь, какой-то писатель. На самом деле проверяется, готовы ли мы действовать не топором и лобным местом, а действовать инструментами нейрохирурга, разбираться до конца во всем, и готовы ли мы преодолеть этот ужасный период ренессанса поднявшего голову национализма после кризиса, от которого, просто говоря, тошнит. Не потому, что он русский, меня тошнит от абсолютно любого национализма, а потому что он, к сожалению, негласно поддерживается государством, и тем самым государство становится фашистским на глазах, объективно.

МГ: Спасибо всем. Я ничего не буду говорить от себя, потому что очень, на мой взгляд, правильно сказал сейчас Илья Кормильцев. Думаю, он был прав в главном: идет испытание нашего общества на проверку, как оно существует с собственными гражданами, которые думают иначе. Пока что только топором. Надо учиться не только топором — в этом задача момента, как говорил известный политический деятель. Сегодня у нас в эфире были — Александр Ткаченко, генеральный директор русского ПЕН-Центра, Илья Кормильцев, литератор, Александр Орлов, независимый журналист, представители проекта «Одна семья времен В. Путина» Ольга Бер, Ольга и Федор Кузнецовы.

Радиостанция «Эхо Москвы», 29 июля 2002 г.

Теракты в Нью-Йорке 11 сентября прошлого года

С. Бунтман: Добрый вечер! Конечно, понятно, какая будет главная тема журнала. Сегодня 10 сентября, завтра 11 сентября, уже 2002 года. И сейчас мы с Сергеем Пархоменко, Александром Гольцем и с нашим гостем, о нем чуть позже, подробно обсудим тему обложки «Еженедельного журнала». Сережа, Саша, добрый вечер! 11 сентября год спустя, результаты, отчет за год, что случилось, во что это вылилось?

С. Пархоменко: Конечно, невозможно пройти мимо этого сюжета, этой годовщины. Вечный спор в любом журнале — должны становиться таким календарем-поминальником или нет?

СБ: Но это не такое событие.

СП: Но эта годовщина из тех событий, которое пропустить, конечно, невозможно. И здесь встает вопрос, продолжать ли нам разжевывать, обсасывать и т. д. собственно само событие, тем более, что понятно, что вся пресса США всем своим мастерством в течение года занималась исследованием каждой минуты, секунды того, что произошло утром 11 сентября. Или заняться тем, что из этого произошло дальше, тем, как изменился мир, как изменились мы, как, что изменилось после того, как случилось событие, о котором немедленно, в первые же 5 минут было сказано. Америка стала другой, кто-то эту фразу произнес. И немедленно стало через несколько минут известно, что не одна Америка стала другой.

СБ: И вот мы как раз этим займемся с самого начала.

СП: Да, по всей видимости, и вот справедлива ли эта фраза, что на самом деле за ней стоит — это и есть наша задача в этом номере, который вышел сегодня.

СБ: Я думаю, что воспоминаниями о событиях минута за минутой мы займемся ровно 11 сентября. Сейчас же у нас, и потом, у нас будет возможность как раз проанализировать вот этот год. Мы постараемся во многих его аспектах, а последние полчаса я вам предлагаю повернуть тему еще с другой стороны. Потому что у нас есть недавно переведенная и вышедшая книга

СП: Да, скажем пока, что в очень хорошем издательстве в «Екатеринбургской мануфактуре» вышла книжка.

СБ: Расследование с вопросительным знаком.

СП: Да, расследование о человеке с фамилией Муссауи, который считается единственным оставшимся в живых по некоторому стечению обстоятельств.

СБ: Не попавшим в один из самолетов.

СП: Да, участником собственно этого теракта 11 сентября.

СБ: Написал его брат, т. е. мой брат-террорист — это не фигурально, а впрямую?

СП: Ну, об этом чуть позже, чуть ближе к концу программы.

СБ: Да, об этом в 21:35. А сейчас давайте мы представим нашего гостя, это Андрей Кокошин, бывший секретарь Совета безопасности, депутат Госдумы РФ, директор института проблем международной безопасности РАН.

А. Кокошин: Добрый вечер!

СБ: Безопасность мира, потому что сегодня у нас слушатели задавали вопросы А. Черкизову в программе «Персонально ваш», слушатель извлекал из газеты «Ведомости» перепечатку из «Файненшл Таймс», он задумался над двумя терминами: «исламский фашизм» и «нанесен удар по мировому порядку». Предлагаю задуматься над этими терминами. Как-то все очень просто получается. Исламский фашизм, что это такое, и что это за терроризм такой? Чего мы добились? И как мир вроде бы объединился, такие разные страны, имевшие напряженные отношения друг с другом, не говорю уже, Россия и США, например, США и Пакистан, которые об этом очень долго говорили в разных фильмах. Решили победить терроризм, который

нанес удар по США. Кто нанес удар, зачем, как с этим бороться и как с этим борются?

А. Гольц: Прежде всего, я должен сказать, что действительно Сергей прав. Нам многим показалось, что мир стал другим. И самое главное, что произошло, — устанавливается новый мировой порядок. И он действительно, мы можем констатировать, о чем я и писал в своей статье, этот новый мировой порядок установился. Но я совсем не уверен, что это тот мировой порядок, о котором мы думали. Ну, были какие-то такие прекраснодушные мечтания, что вот, сейчас, или вспомним выступление Путина в Берлине, когда он сказал: «Мы просмотрели настоящую угрозу, увлеченные старыми спорами времен “холодной войны”», мы, руководители ведущих стран мира просмотрели эту угрозу, и теперь дружно, плечом к плечу мы обрушимся на терроризм». Увы, сейчас можно констатировать, что в результате тех событий, которые происходили в течение года, этот новый мировой порядок обретает следующую форму. Это США стали единственной мировой супердержавой. Я думаю, что это вопрос для историков и философов о том, что такое, когда демократия становится, получает абсолютное превосходство в мире.

СБ: Андрей Афанасьевич.

АГ: Я просто хочу сказать, что среди упомянутых титулов Андрея Афанасьевича мы забыли о том, что он самый правильный человек, чтобы сегодня отвечать на эти вопросы, т. к. он вместе с Дзасоховым возглавляет рабочую группу Президиума Госсовета по анализу ситуации, сложившейся после 11 сентября, не так ли?

СБ: А что такое стала действительно крупнейшая демократия в мире? Просто крупнейшим лидером? Говорили об однополярном мире, потом перестали говорить, почти совсем после 11 сентября, о том, что единственный мировой лидер США, и вот как-то с этим надо или бороться, или мириться. И что такое быть союзником США? Вот за этот год Россия стала союзником США во многом. Мы об этом зададим еще вопрос, а что такое быть союзником США?

АК: Быть союзником США, я считаю, можно так и тогда, когда есть действительно совпадающие или параллельные интересы. Причем мы стали союзником де-факто, и слава богу, не стали союзниками де-юре, т. к., к счастью, я считаю, Россия в любом союзе сегодня с более сильным государством может оказаться очень контрпродуктивным, потому что оно просто будет рассматривать тебя как младшего партнера, который автоматом всегда должен включаться в любое действие. Ну, и со слабыми тоже союз, как показал опыт той же российской истории, на сегодня нам не очень тоже выгоден. Но мы вполне можем, конечно, там, где это нам выгодно и американцам, одновременно действовать дружно, согласованно и решать какие-то задачи типа той задачи, которая была в принципе решена на первом этапе антитеррористической операции в Афганистане. Потому что то, что там произошло, крушение режима Талибан, это нужно было и США, это было собственно и в интересах национальной безопасности России. Так же и тех стран всего региона. Не даром, как говорится, здесь в решении этой задачи участвовали неожиданно и иранцы, надо вспомнить об этом, и индусы, и пакистанцы одновременно, наряду с узбеками, киргизами, которые были кровно заинтересованы в крушении этого режима, который для них все больше и больше представлял смертельную угрозу. Но я бы хотел еще сказать, что в общем сегодня действительно США, особенно после итогов 1990-х годов, выглядят как единственный неоспоримый лидер в мире, как называют, моносверхдержава. Но динамика развития мировой экономики, и вот в последний год особенно, когда мы, может быть, более рельефно можем оценить последствия 11 сентября прошлого года, показывает, что есть две крупных очень державы, которые существенно сократили свой разрыв в 1990-е годы, а сейчас тем более продолжают сокращать свой разрыв с США и экономикой — это Китай и Индия. В то время, как, скажем, разрыв между США и Евросоюзом или США и Японией в 1990-е годы увеличился. Ну, про нас я не говорю, у нас вообще произошло падение ВВП почти

на 40%, и мы откатились очень по экономическому развитию существенно вниз. Хотя последние несколько лет у нас наблюдаются все-таки достаточно высокие темпы роста, но недостаточно высокие для того, чтобы нам выйти на такую же траекторию развития, которую демонстрирует сегодня Индия и Китай. И вообще в этом году, как вы знаете, США вступили неожиданно для многих, не выбравшись из рецессии предыдущей, им грозит следующая рецессия. Обвалы за обвалами идут на финансовых рынках, прежде всего, на Нью-Йоркской фондовой бирже. И это многие связывают, и обоснованно, я считаю, прежде всего с политико-психологическими последствиями 11 сентября. Недавно по ряду данных только Саудовская Аравия вывела с рынка США более 200 млрд долларов и перевела в евро. Это все тоже очень крупные, такие тектонические сдвиги в мировой политике и мировой экономике, т. к. до недавних пор именно арабские деньги во многом обеспечивали стабильность доллара и стабильность финансовых рынков США.

СБ: Вы сказали, что общая цель была, и вот на том этапе плотно можно было существовать как союзникам, США и России. Первая цель — это уничтожение талибского режима в Афганистане. Но разве выполнена основная цель? Ведь говорили о корнях терроризма, о денежных потоках, в прерывании которых заинтересованы как США, так и Россия. Что, не осталось сейчас союзнического поля для России и США?

АК: Осталось, и очень значительное. Я считаю, Россия и США только-только как бы приступают к формированию настоящей структуры сотрудничества. Это касается и того, о чем вы сказали. И надо сказать, что первая задача, скажем, выполнена в Афганистане, а вторая полностью не выполнена. Пока никого из руководителей «Аль Каиды» американские спецназовцы с помощью своих союзников не только не поймали, но и не идентифицировали их нахождение. И вообще операция в Афганистане выглядит все более и более проблематично для США. Что касается более тонкого сотрудничества в отношении всяких денежных потоков, в отношении организаций, я думаю,

что в принципе то, о чем сообщают официальные американские органы, о том, что инфраструктура в известной степени нарушена, да, возможно, это и так. Но мы пока до сих пор не знаем, до сих пор не знают этого американские спецслужбы, как был организован предыдущий теракт. И нельзя не предполагать, что готовится следующий, еще более чудовищный теракт. Так что поле для сотрудничества колоссальное. И вопросы нераспространения ядерного оружия. Здесь, я считаю, пока сотрудничество находится еще реально на очень низком уровне. И настоящего политического сотрудничества, тесного взаимодействия, как это требует реальная угроза появления новых ядерных держав между Россией и США... Надо не забывать, что мы не можем эту проблему решить без Китая или Евросоюза. Такая система взаимодействий еще не налажена.

СБ: Каково России быть союзником США, и каково быть союзником США сейчас? Нужно ли это?

АГ: У меня создается вполне впечатление, да не обвинят меня в антиамериканизме, я думаю, в том, что Америка живет в ощущении или, некоторая часть американской администрации по крайней мере наверняка, что не нужны вовсе никакие союзники. Более-менее из-за кулис известно, что в НАТО идут бурные и довольно обидные для европейских членов НАТО дискуссии, когда НАТО вдруг осознало, что в общем-то американцы не нуждаются в НАТО для проведения операции. Некоторые американские военные аналитики говорят вот, операция в Афганистане, военная ее часть, так блестяще проведена и показала, что не нужны уже постоянные базы, что можно проецировать силу без военных баз. Не знаю, согласитесь ли вы со мной, но у меня создалось впечатление от чтения американских военных документов: это и на выпускаемый раз в 4 года военный анализ, и анализ ядерных сил США, и то, что называют доктриной Буша, что в общем-то американцы сделали ставку на то, чтобы жить без союзников. И в этом смысле, конечно, ситуация для России... Понимаете, штука в том, что противодействовать этому довольно глупо.

СБ: Вот этому стремлению американцев как-то так.

АГ: Да, не проблема России, это некая общемировая проблема. А вот радоваться этому тоже нет причин.

АК: Я думаю, что это не совсем так. Во-первых, идет очень сложная борьба в американской администрации между теми, кто считает, что нужно обязательно опираться на союзников и бороться за то, чтобы максимальное количество стран поддерживало США, и не начинать крупных действий без такого политико-дипломатического обеспечения. Это группировка Пауэлла и те, которые делают ставку на т. н. односторонность. Борьба эта пока еще с неясным исходом, и многое будет определяться, кстати, какой будет Конгресс США после выборов в ноябре этого года. Весьма возможно, что там будет большинство уже у демократов не только в Сенате, но и в палате представителей. Эти изменения могут иметь колоссальное значение. И второй вопрос относительно роли России. Вы знаете, у России другая роль в данной ситуации, нежели у американских союзников по НАТО. Дело в том, пусть это не обидно будет для членов НАТО, но они практически все квазисуверенные государства, не обладающие ни собственной военной инфраструктурой, ни собственной системой боевого управления, ни собственной системой стратегической разведки. И вот отсутствие этих элементов реального суверенитета в военно-политической сфере сказалось в той критической ситуации, когда США потребовался союзник, у которого все это есть. У России, слава богу, это пока еще есть. Поэтому мы оказались ценным союзником для США именно потому, что мы обладаем в значительной степени тем реальным суверенитетом, которого нет у западноевропейских государств.

СБ: То есть получается, что Россия, несмотря на свое такое достаточно ограниченное участие во всех действиях, это союзник США.

АК: Вы знаете, масштабы реального вклада России, я думаю, ни чуть не меньше, чем масштабы вклада, скажем, Великобритании, если говорить о ситуации в Афганистане. Через Север-

ный альянс, через предоставление уникальных разведанных, которых у США не было и которые не могли бы получить в течение ближайших, наверное, 10–15 лет, через политическую поддержку, через привлечение к этой ситуации тех же иранцев и индусов. Так что я думаю, в этой конкретной ситуации по Афганистану одна Россия, ослабленная, с очень слабым уровнем развития экономики, несопоставимым со всем ЕС, даже во много раз меньшим размером ВВП, чем Великобритания, или Франция, или Германия, оказалась более могущественным, влиятельным и значимым для США государством, чем все европейские страны вместе взятые. Я уже не говорю про мелких членов НАТО, которые наслаждались одно время своим членством, а теперь поняли, что они там никто.

СП: Я рискую внести некий диссонанс в эту высокую беседу специалистов по военно-стратегическим и геополитическим проблемам. Замечу, что мне, честно говоря, кажется, что наш разговор в такой микроскопической миниатюре напоминает, точнее, его эволюция, напоминает эволюцию вообще всего восприятия этой проблемы на протяжении последнего года. Все начиналось с такой высокой ноты: мы едины, мы то, се, — и вдруг все превратилось в изучение каких-то тонких механизмов внутри американской администрации. Прошу на этом месте зафиксировать внимание, может, потом вернемся.

СБ: Хорошо. Давайте зададим вопрос. Вот сейчас, год спустя, завтра исполняется ровно год после терактов 11 сентября, США и Россия союзники? Вот в вашем восприятии, наших слушателей. Если вы считаете, что Россия и США союзники — 995-81-21, если вы считаете, что нет, у вас есть сомнения в этом — 995-81-22. Что-то у нас не срабатывает машина, но думаю, сейчас пойдут звонки. Если что, повторите свой звонок. Голосуйте, сейчас все у нас будет зарегистрировано. Да, Сережа.

СП: Да, я хотел продолжить. Действительно ощущения, расхившееся по тому, что называется цивилизованным миром, в первые дни или недели после тех ужасных событий, они были, я бы сказал, почти религиозного характера. Вот, прине-

сена огромная жертва, насколько, тогда еще никто в точности не знал, сколько тысяч жизней, но понимали, что очень много. И вот, они положены на алтарь. На алтарь чего? На алтарь всеобщего согласия, понимания, всеобщего единения, всеобщего совместного, плечом к плечу, шествия сначала на общего врага, а потом, когда этот общий враг, всем очевидный и всем совершенно ясный, будет как-то несомненно повержен, дальше вот к какому-то общему счастью и удовольствию. Очень быстро выяснилось, что все на самом деле не просто немножко сложнее, а все это бесконечно более сложно. И в самом регионе, на котором сконцентрировалось всеобщее внимание, на регионе, где развивается исламская цивилизация, Средний, Ближний Восток, и далеко от него. Потому что немедленно выяснилось, что никакому невероятному единению между Европой и Америкой это все не служит, а наоборот, создает лишь почву для обострения их соперничества и для попыток, например, Европы сыграть на ослаблении США. С Россией тоже все довольно сложно, потому что, с одной стороны, вроде бы появился повод отбросить какие-то давние недопонимания, взаимные претензии. И множество народа тоже попыталось каким-то образом этим воспользоваться, кто добросовестно, а кто и не очень. Достаточно вспомнить, что люди, которые как-то были здесь, что называется, партией войны, я имею в виду, чеченской войны, они в какой-то момент теперь бога за бороду схватили. Все в порядке, кто же теперь их в чем упрекнет?

СБ: То есть можно доводить дело до конца.

СП: Достаточно только правильно как-то повернуть разговор, правильно расставить акценты. И тогда было сказано, между прочим.

АГ: Но они во многом преуспели, не правда ли?

СП: Они во многом преуспели, но их преуспевание, как выяснилось, имеет свой, по меньшей мере, временной предел. Сегодня и Европа, и Америка, и вообще мир даже по этому поводу несколько вздрогнул и заинтересовался что-то мы забыли про это про все.

СБ: Напомню вопрос: считаете ли вы США союзником России сейчас, год спустя? Если да 995-81-21, если нет 995-81-22. 2 минуты не работало голосование, поэтому прошу тех, кто отстрелялся в начале, позвонить еще раз, ваш голос будет учтен. Мы продолжим после новостей.

(Новости.)

АК: Год — это достаточный срок для того, чтобы сделать основательные выводы для того, чтобы произошло. И в рамках этого года, как исследовала наша рабочая группа Президиума Госсовета, мы обнаружили несколько импульсов, которые действовали в разных направлениях. Первый — это действительно мощная эмоциональная волна поддержки, сочувствия, сопереживания с американцами, желание объединиться против этой страшной угрозы, помочь, и конечно, под это многое было сделано. Но потом природа человеческая такая, природа международной политики такая, что все решают собственные задачи и собственные проблемы в соответствии с собственными интересами. Пакистан решает свою задачу, Индия свою. Они, например, решили тихо, многие не заметили, они, например, полностью легитимизировали свое ядерное оружие, и теперь их ядерный статус признан и США, и всем международным сообществом. Индия под это дело сняла все санкции на поставки вооружения военной техники с Запада в Индию, что, кстати, представляет потенциальную проблему для России. Правда, сейчас помогает то, что Пакистан, видимо, первым получит оружие от американцев, а индусы категорически против этого. Вообще восстанавливается роль атомного фактора, причем, я считаю, в очень угрожающем виде, даже не в том, как это было в 1970-е годы, или даже при реанимации холодной войны в начале 1980-х годов, а примерно в том виде, как это было в 1950-е годы. И не только в индо-пакистанском конфликте, где две страны были уже два-три раза на грани применения ядерного оружия недавно, но теперь встает вопрос о применении ядерного оружия в антитеррористической операции.

Когда Тора-Бора штурмовали американцы, крепость, построенную не без нашего и не без их участия в свое время, то прошел слух из Пентагона, что могут применить и сверхмалые ядерные боеприпасы. Сейчас опять ставится вопрос.

СБ: Некоторые аналитики говорят, что обязательно будет.

АК: Да, и по «оси зла» могут быть применены ядерные боеприпасы. Соответственно, можно предугадать, что никто этого не будет ждать, а заранее рассредоточат, если у них даже есть оружие массового поражения и члены «оси зла», и террористы. Есть всякого рода разработки и у наших ученых, и у американцев, которые говорят, что если вы угрожаете базовому существованию какого-нибудь конкретного режима, скажем, Ирака, то это прямое приглашение для иракского руководителя заранее, если у него есть оружие массового поражения, вывести его из-под удара, и разместить на территории той страны, которая тебе угрожает, и тем самым использовать его как средство сдерживания. Либо это бактериологическое оружие, либо радиологическое, либо ядерное. И мы можем себе представить такую ситуацию, когда США уже собираются, по всем разведпризнакам, начать операцию, а иракское руководство заявляет: «Извините, если вы начнете операцию, то в центре Манхэттена, или в Лос-Анджелесе, будет использовано бактериологическое оружие». И никто не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть. И вообще, ситуация с тех пор изменилась радикально. Мы вступили в новую полосу новой гигантской стратегической неопределенности, сопоставимую с той, которая была в конце 1940-х начале 1950-х годов. Причем, она накладывается теперь на все большую неопределенность в мировой экономике, где ясно.

СБ: Что извлекла Россия из этого, об этом мы еще поговорим. Пока же констатируем, что по мнению наших радиослушателей, а нам позвонили 1280 человек, из которых всего 30% считают США союзниками, а 70% не считают таковыми Америку. И давайте мы разберемся с Россией: что она получила от этого союзничества и участия в коалиции?

АГ: Я бы сказал, что мы все-таки кое-что получили. С одной стороны, произошел важный поворот был создан этот комитет 20. Мы сколь угодно можем говорить, в каком кризисе находится НАТО, но Россия долго и упорно требовала допустить себя до принятия решений в НАТО. Этот комитет создает там некую возможность. Создание этого нового комитета это важное достижение России, и свидетельство того, что к нам относятся как к союзнику. «Восьмерка» принимает решение о 20 млрд долларов помощи России в ликвидации наших выведенных из строя наших атомных подводных лодок, их около 200, и мы до сих пор не знаем, что с ними делать, равно как и для ликвидации химического оружия. Другой вопрос, что для того, чтобы где-то участвовать, надо затратить немалые усилия и справиться со многими нашими предубеждениями к такому сотрудничеству, изменить систему принятия решений в России, направить большее количество экспертов, которые обладали бы определенными полномочиями, и много чего еще. Чтобы воспользоваться этими 20 млрд, надо согласиться с условиями их предоставления, которые, кстати говоря, почти откровенно связываются с проблемами нераспространения и, если уж говорить совсем прямо, с нашими не поставками, и прекращением любого ядерного сотрудничества с Ираном и другими странами, которые американцы относят к «оси зла».

СП: А что это за «ось зла»?

АГ: В известном выступлении президента Буша, обращении к нации в начале года, он назвал Иран, Ирак и Северную Корею.

АК: А потом зам. секретаря Болтон еще добавил три страны, но потом одну убрали так что это подвижная такая категория. Куба после поездки туда бывшего президента Картера из списка выпала, потому что Картер, как порядочный человек, проверил все там, а ему верят в Америке. И он сказал, что на Кубе нет оружия бактериологического, Кубу и вычеркнули.

СБ: Вообще вот этот выбор, кто заслуживает внимания — может быть, с одной стороны, это единственное спасение той

формы цивилизации, к которой, я надеюсь, и Россия принадлежит. Но с другой стороны здесь масса тревожных вещей — так ли мы знаем, кто такие террористы, и эти назначения главных врагов и основных виновных — хорошее оправдание любому действию..

АК: Я согласен, это очень опасная вещь, она действительно может вызвать возрождение роли ядерного оружия. Я глубоко убежден, что под воздействием этой этикетки Иран ускорит создание своего ядерного оружия я бы на их месте то же самое делал. Ракету они уже практически сделали — которая достает, кстати, и до нашей территории, и при всех наших хороших отношениях с Ираном я бы очень не хотел иметь Иран под боком в качестве ядерной державы и это, кстати, та сфера, где нам нужно серьезно сотрудничать с США, ЕС и Китаем Китаю тоже Иран не нужен, в силу целого ряда геополитических причин.

АГ: Получается, что американцы не так уж не правы в своих призывах к нам прекратить ядерное сотрудничество с Ираном?

АК: Я считаю, что мы с Ираном никогда не сотрудничали, и не собираемся сотрудничать, в чем я глубоко убежден, что касается возможности предоставления Ирану технологий, которые вели бы к созданию ядерного оружия. И я, как человек, который занимался этим делом, когда я был секретарем Совета Безопасности, могу вас заверить, что подавляющая часть технологий, необходимая для создания и ракетного оружия, и ядерного, — ядерная программа в Иране была начата на основе западных технологий, при шахе Ирана все получено с Запада, в лучших американских технических вузах прошли обучение десятки, если не сотни специалистов по ядерной энергетике американской еще до того, как иранцы начали посылать в аналогичные вузы людей в Россию. Совсем не об этом идет речь. Речь идет о том, чтобы создать политический механизм и систему гарантий безопасности Ирану, которая бы стимулировала его отказ от приобретения собственного ядерного оружия.

СБ: То есть с одной стороны надо быть на определенных позициях, а с другой стороны надо создавать условия для того, чтобы эти страны не представляли угрозу. Мне кажется, что во взаимоотношениях с Кубой конечно очень здорово, что приехал Картер и понял, что там ничего нет.

АК: Это я пошутил. Просто они поняли, что с Кубой немножко перебор.

СБ: Правильно, но достаточно долго с Кубой ведется серьезная подспудная работа.

АК: Тут надо вспомнить, что многократно пытались ликвидировать и Фиделя Кастро, и его режим. И я бы хотел поспорить с Александром насчет того, что мы получили. Это очень важный вопрос, потому что Россия не сверхбогатая страна, и нам в такой ситуации всегда важно что-то иметь в сухом остатке для приращения своего национального богатства, национальной мощи, политических позиций. Еще раз повторю то, что мы оказались партнерами американцев (союзниками, наверное, это будет слишком сильное слово) в этой коалиции, позволило нам вместе быстро покончить с режимом Талибан. И на ближайшие 8–10 лет снять угрозу, которая уже реально существовала и для Узбекистана, и для Киргизии, и для Таджикистана, а через них и для наших определенных регионов. Второе. Я не совсем согласен, что результатом этого стал документ по «Двадцатке». Этот документ определенное значение имеет, но особо его значение я бы не преувеличивал, мы к нему все равно шли, и изначальная идея «Двадцатки» — это идея генсекретаря лорда Робертсона и англичан состояла в том, чтобы как бы компенсировать предстоящее расширение НАТО на восток для нас. Которое все равно, к сожалению, идет, и что выглядит, конечно, крайне неоправданным и противоречащим и нашим интересам, и интересам международной безопасности думаю, потом еще об этом горько пожалеют те, кто рвется туда сейчас вступить, потому что НАТО действительно организация, находящаяся в очень сложном положении. Но что мы получили, чему явно способство-

вал и новый уровень отношений между двумя нашими лидерами и двумя нашими странами мы получили не идеальное, но все-таки соглашение по стратегическим наступательным потенциалам. Я считаю, что в принципе это максимум того, что можно было в таких условиях получить, которое, конечно, не совсем равноправное, так скажем, но в то же время это лучше, чем отсутствие такого соглашения. И более того, это соглашение — фактически единственный сейчас международный договор, который заключила эта администрация потому что она, действительно, отказывается даже от тех соглашений, которые уже подписаны были, но не ратифицированы американским Конгрессом предыдущей администрацией. То есть на фоне ее односторонности и выхода из всевозможных соглашений это, конечно, выглядит очень рельефно, и можно сказать, даже уникально. Это опять же является следствием особого уникального положения России, мы сами часто недооцениваем и недоучитываем роль России в этом глобальном геополитическом пространстве.

СБ: Есть еще проблема и ядерного шантажа, и появление новых ядерных держав, применение оружия, где угодно — это следствие той же самой холодной войны. В Афганистане поработал как Советский Союз, так и те же США, устанавливая массу всевозможных организаций, заведений, вроде Тора-Боры, и лагерей подготовки в Пакистане. То есть сами все годами делали, и пришли к тому, что нам нечего делить с США, а все, что наделали выплескивается как на США, так и на Россию, и в конце концов на весь мир.

АК: Я от своих французских коллег слышал прямое обвинение в адрес американцев, что примерно 800 боевиков, подготовленных в свое время в арабских лагерях в Афганистане, когда они стали не востребованы после вывода наших войск, были переброшены американцами в Алжир, потому что их больше некуда было девать, и сейчас Алжир находится тоже в исключительно тяжелом положении. Более сложном, чем Пакистан.

СБ: То есть они подпитывают в Алжире вот эти исламские структуры?

АК: Они там стали боевым ядром.

СП: По-моему, это правильный поворот сюжета кто, что купил во время ощущения единения и братства, которое родилось в первый момент. Потому что уже во второй момент стало ясно, что это можно обменять на что-то полезное. Индия обменяла на легализацию своего ядерного оружия, кто-то в Восточной Европе на ускоренную процедуру вступления в ЕС или НАТО. Что купили мы? Мы действительно купили прощение, или, во всяком случае, временное забвение чеченской войны. Мы купили, или сейчас покупаем, и легче нам будет закончить операцию купли-продажи — право быть региональным жандармом, если брать Штаты как мирового жандарма. Значит, мы можем, например, купить свободу рук на Кавказе, с Грузией, и т. д. Причем об этом говорят достаточно много если США начнут операцию в Ираке, то нам очень просто будет чувствовать себя совершенно свободными на Кавказе, никто особенно не посмеет нас ни в чем упрекнуть. Со Средней Азии там тоже есть масса всяких покупок и покупочек. Но все-таки я предложил бы задуматься вот над чем: а не разменяли ли мы эту возможность на множество каких-то маленьких? Радикального ведь прорыва, радикального изменения нашего положения в мире, нашего статуса того, который казался таким близким и естественным еще 12 сентября прошлого года, этого не произошло.

АК: Мне, например, никогда так не казалось. Так же, как в 1991–1992 выглядела для меня очень странно некая эйфория наших парламентариев, которые говорили тогда о безъядерном мире, универсальной системе безопасности от Ванкувера до Владивостока — это для того, кто занимается практической политикой и одновременно серьезно изучает мировую историю, это настолько наивно. К сожалению, определенная наивность свойственна российскому общественному сознанию. Надо быть предельно трезвыми, и руководствоваться здоровым нацио-

нальным эгоизмом в такой ситуации. У нас его, кстати, в России не хватает. Я считаю, что мы маловато получили от этой ситуации. Могли вполне, если бы лучше была скоординирована у нас политика силового блока и экономического, мы могли бы добиться, например, может быть даже и прощения советского долга, что для нашего экономического развития принципиально важно. Поэтому каждый в этой ситуации должен был брать то, что мог брать, но это отнюдь не противоречит тому, что надо сотрудничать и развивать сотрудничество. Я глубоко убежден в том, что серьезное сотрудничество в борьбе с радикалами — не с терроризмом и террористами (это неправильное понятие), а с радикальными организациями, которые используют чудовищные террористические методы в этом сотрудничестве сделаны только первые шаги. Реальная политическая структура, договорно-правовая структура еще не существует. Мы находимся примерно в том же состоянии, как, скажем, были в начале 1960-х годов, применительно к проблеме стратегической стабильности, когда не было еще договора по ПРО, ни первого договора по стратегическим наступательным вооружениям, и еще был такой почти первозданный хаос и ситуация свободной игры, которая в любой момент могла привести к термоядерной катастрофе, как это было, например, в 1962 году, когда мы были на грани. Кстати, мы и потом несколько раз подходили к этой грани, и сейчас не надо полностью строить иллюзии, что даже сейчас, при наших хороших отношениях с США, не может произойти какой-то инцидент, который скачкообразно нас может вывести на ненужный уровень конфронтации. Поэтому еще раз говорю: мы должны руководствоваться национальным эгоизмом, должны следовать курсу обеспечения реального нашего национального суверенитета, который существенно отличается от формального. И история последних 10–15 лет, особенно последнего года показывает, что наибольшие шансы в мире и в экономике, и в политике, и в обеспечении обороноспособности своей страны имеют именно те страны, которые обладают таким суверенитетом. Посмотрите, кто добился

наибольших успехов? Индия — гигантская страна, но там уже 250 млн человек среднего класса. Это значительно больше, чем численность всей РФ. В Китае примерно та же ситуация, он вышел на второе место по ВВП, по душевому он, конечно, отстает с паритетом покупательной способности, конечно. А другие страны, которые оказались полностью инкорпорированными в американскую систему, они не показывают таких крупных результатов, и в такой решающий момент истории они казались обиженными. Я сам слышал, например, от одного английского лорда, который говорил: «Ну что же, теперь великий английский флот может выступать только вроде поставщика свежей пресной воды для американского военного флота, а больше мы ни для чего не нужны?»

СБ: И это на фоне того, что Тони Блэр — самый преданный и нежный союзник Америки.

АК: Но у Тони Блэра нарастают проблемы не только внутри собственной партии, но и внутри его кабинета.

АГ: Мне кажется очень важным, что сказал Сергей, не упустили ли мы шансов. По-моему, одна из самых острых проблем заключается в том, что вот этот коренной поворот к разумным отношениям с США, этот коренной поворот в нашей политике был совершен одним человеком, В. Путиным, отдадим ему должное, и никоим образом не институционализирован. За день до того, как этот поворот был сделан, наш министр обороны утверждал, что он даже теоретически не может представить себе ничего подобного.

СБ: Сейчас мы говорили о таких жутких вещах, как решение своих проблем на фоне антитеррористической коалиции — это все замечательные политические рассуждения. А что представляет из себя наш мир, где можно произвести на какой-то идеологической основе теракт, с одной стороны, с другой стороны, назначить виновных и гоняться за бородатыми людьми по всему миру, по каким-то внешним национальным и религиозным признакам зачислять во враги, что человечеству присущи. Вот

здесь проблема серьезнее мне кажется, она раскалывает современный мир гораздо сильнее, чем военное противостояние. Саша, что ты считаешь на эту тему, если удалиться от военных и специальных проблем?

АГ: На самом деле, появилась одна действительно острая проблема безопасности. Процесс глобализации, создание вот этого цивилизованного мира, и вообще стремительное развитие человечества привело к маргинализации больших групп населения, целых народов. В частности, значительной части того, что мы называем мусульманским миром. Не случайно арабская улица так радовалась и продолжает радоваться этим террористическим актам. Вторая острая проблема заключается в том, что развитие цивилизации обернулось тем, что ее достижения оказались доступны огромному количеству людей. Вот мы говорим бактериологическое оружие — надо добыть штамм и еще несколько автоклавов, и все, в любом бараке можно начать производство бактериологического оружия.

СП: А автоклавы отлично получают из домашних кастрюлек.

АК: Ну, это упрощение, это очень опасно, и надо заранее уже быть камикадзе, готовым умереть.

АГ: Но мы уже имеем этих камикадзе.

АК: Нет, они идут во имя Аллаха в самолет, и знают, что все будут знать, что они герои, а тут умрешь тихо в страшных муках и корчах — пока, я думаю, это очень важный фактор сдерживания.

АГ: Хорошо, пассажирский самолет может стать крылатой ракетой. Как решать эту проблему, как быть с этими народами? Думаю, не случайно вся антитеррористическая операция свелась к возможности войны с Ираком, мы обсуждаем теперь уже возможность войны с Ираком. Потому что дико сложная задача — как бороться, как окультуривать, как вовлекать огромную массу людей в эту новую глобальную цивилизацию, по-моему, никто не может ответить.

СБ: У нас в студии появились еще два гостя — это редактор отдела спецпроектов издательства «У-Фактория» Владимир Харитонов и редактор отдела литературы «нон-фикшн» того же издательства «У-Фактория» Илья Кормильцев. Вот сейчас я бы и обратился к вновь прибывшим: вы издали книжку Абд-Саада Муссауи, брата Закарии Муссауи, человека, который был арестован до терактов, и который, вполне возможно, тот самый 20-й террорист, который не попал на самолеты. Но я сейчас полистал эту книжку, которую вместе с Флоранс Букия вы написали, журналисткой второго французского канала. Книжка, на самом деле, очень серьезная — о положении человека из другой цивилизации в цивилизации европейской. Что вас привлекло к тому, чтобы опубликовать эту книгу, и как вы ее сами прочитали? И особенно французской, потому что он жил во Франции, которая любит в себя впитывать различную культуру, а с другой стороны, социально и по какому-то гражданскому поведению всех считать едиными гражданами Франции, и с положительными, и с отрицательными.

ИК: Было много различных соображений, были соображения чисто издательские, поскольку эта тема очень остро волнует читателей, а личностных документов по ней пока что не так уж много, в основном, это общие рассуждения о теории терроризма, как бы психология террора, какие-то политические вещи.

СП: Была американская знаменитая книжка «Что не так в исламе», которая вышла буквально за несколько дней до 11 сентября, и после 11 сентября имела огромный успех в связи с этим.

ИК: Очень мало человеческих документов. И тот, кто ищет в этой книжке рассуждения на тему, что было на самом деле, виноват ли Закария Муссауи и 19 человек, которые погибли в самолетах, те ли самые эти 19 человек, верна ли версия ФБР — этого ничего в книжке нет. Потому что брат разлучился со своим младшим братом, Закарией, Абд-Самад разлучился еще в 1995 году, у них прекратились всякие контакты. Это просто

мемуары о человеке, который, возможно, был из этих людей, как он дошел до жизни такой.

СБ: Но книжка ведь не только об этом, она еще и о тончайших каких-то взаимоотношениях, которые могут быть.

ИК: Да, может быть именно вот эти мемуары, в каком-то смысле более поучительные, чем чисто аналитические, политические и следственные документы. Потому что, допустим, все это правда, что Закария Муссауи действительно 20-й террорист, или если нет, все равно, совершенно очевидно, что даже если он не участвовал в конкретных действиях, он состоял в ваххабитских организациях, был приверженцем этой ветви ислама, посещал мечеть в Финсбери, которая принадлежит остро агрессивным ваххабитским организациям, он один из них. Участвовал или не участвовал в этой конкретной операции — это дело десятое. Важен портрет человека. И эта книга очень поучительна. Гуманитарный смысл ее очень велик. Дело в том, что она учит нас тому, как мы сами... возможно, как сегодня какой-нибудь Ваня на Арбате набьет по морде какому-нибудь Мухаммеду, который вернется через 20 лет разрушить его города, условно говоря, — эта книга все-таки об очень острой проблеме расизма. А почему эта книга именно о Франции, и что нас с ней роднит Володя расскажет.

В. Харитонов: Книга действительно не только об этом человеке, о его жизненном пути, но и о ситуации, которая была во Франции на протяжении 1970–1980–1990 годов, действительно очень похожа на нас. Дело в том, что этот человек, он марокканец по происхождению, но он даже арабского языка не знает, плохо знаком со своими арабскими корнями.

СБ: Он во Франции родился?

ВХ: Он француз, родился в Эльзасе, он говорит по-французски с рязанским акцентом, над ним смеялись в школе: черный, а говорит как немец по-французски. Играл в гандбол, регби и теннис — обычный француз. За одним маленьким исключением: у него немножко другой цвет кожи. Он черный, немножко черный.

СБ: Но при этом он еще и мусульманин?

ВХ: Он к мусульманству пришел в 20 с лишним лет. Их воспитывали вне мусульманства, вне ислама. Их мать хотела, чтобы они были французами, запрещала им контакты с родственниками. Но они все равно чувствовали себя не такими, из них всячески делали французов, а на любой улице за углом говорили «ну-ка ты, черный». Их били в школе, Абд-Саммад рассказывает, что был, предположим, один учитель, который когда сталкивался с ними, он их просто бил. Об этом все знали.

ИК: Сторожил, и следил за ними, когда они зайдут в туалет, для того, чтобы зайти за ними следом и напинать тихонечко.

ВХ: Да, даже учитель. Это ситуация бытового расизма, который поддерживается при этом еще и государственными структурами отчасти — во всяком случае, представителями госструктур.

ИК: Низовыми, на уровне конкретного полицейского.

АК: У меня есть другой пример из собственной практики. Где-то два года назад я ехал в Чикаго с таксистом в аэропорт. Мы попали в пробку, и немного поговорили. Он араб, выходец из Алжира, который уже лет 10–12 живет в Америке, довольно молодой. Женился на американке, у нее какое-то небольшое дело, он с удовольствием бросил Алжир. Но такой ненависти к Америке я ни от кого не слышал. Он был человек такого лево-мусульманского толка, со своим видением Америки. Цвет кожи, кстати, у него был таким же, как у меня, хотя было видно, конечно, что он араб. И уже задним умом, сейчас я думаю, что это был кандидат если не в камикадзе, то в инфраструктуру, которая обеспечивала это дело.

ИК: Вы не знаете деталей жизни этого араба, но то, что вытекает из этой книжки, действительно, почти большая часть людей, и вся германская группировка Аль-Каиды, между прочим, и другие — это были люди или родившиеся в европейских странах, в семьях арабского происхождения, или учившиеся, приехавшие туда, и столкнувшиеся с отношением людей

к себе. Скажем так, там очень мало людей, которые жили где-то на рынке, на базаре, стояли где-то в Эль-Рийяде или в Тегеране, его оттуда выдернули, и послали. Это люди, которые имели опыт ненависти и противостояния. И, как правило, неофиты, которые очень поздно пришли в ислам, не с детства.

СБ: Это тоже очень важное обстоятельство. Я бы, при всем интересе к книге, судьбе людей и очень непростым взаимоотношениям, что у нас в стране, что в других странах — в Германии к туркам, во Франции к арабам, — я бы, все-таки, не проводил прямой линии между этим. Потому что все, что вы сказали, имеет еще один нюанс, и под конец нашей передачи это очень важно. Идеологизированность самой религии, обычаев — это тоже, между прочим, следствие нашей с вами цивилизации. То, что это превращается в политическую партию, превращается это в повод для «раскольниковщины». Как нам говорили в школе нормальные учителя: «Только не пишите, что он убил старушку, потому что плохо жил». Идеология — это очень серьезная вещь, и она проецируется и на традиционные религии тоже. Мне кажется, что в этом, а не в обеднении многих стран, и не в расизме, а в том, что дали религиозно окрашенным организациям боевитость очень сильную, и убежденность в своей правоте, которую мы, может быть ложно, считаем традиционной дикостью и чем-то еще.

ИК: Это очень точное замечание. Недаром, одна из очень хороших французских работ про 11 сентября «Достоевский на Манхэттене» Глюксманна — это очень точное название. Нет ничего нового в ваххабизме, того, чтобы мы не знали, специфически-арабского или специфически-мусульманского в сущности. Сам идеал личностного, индивидуалистического тотального сопротивления существующему вокруг тебя, кочует по культурам из эпохи в эпоху в новой истории человечества. Эта кочующая идея обретает разное религиозное и философское представление, но наследует друг от друга. При чем не только на уровне подсознательном, но и на уровне вполне сознательном.

СБ: То есть, скажем, Нечаев ближе арабскому террористу, предположим, чем арабский террорист дальше отстоит от своего, предположим, вполне благообразного, без всяких кавычек, муллы или исламского проповедника. То есть он ближе к Нечаеву, человеку другой культуры.

АК: Мы, кстати, не должны забыть о том случае с сибирской язвой в Америке: человек не найден, но поначалу, к сожалению, американцы пальчиком на нас показывали, потом, слава богу, американские ученые, порядочные люди, быстро сказали, что эта сибирская язва чисто американского происхождения, очень высокого качества, и явно выведена в биологических институтах, и ясно, что это как бы американец, и скорее всего, я уж не знаю, какой он там американец, но весьма возможно, что это чисто англосакс, тоже как бы явление типа Раскольникова, весьма возможно.

ИК: За 1990-е годы, по официальным данным самих американцев, они по-разному оценивают, но говорят, что от 58 до 69% общих терактов по Америке это «домашний терроризм».

АК: Да, и взрывы в Оклахоме можно вспомнить.

ВХ: Есть большая опасность, когда мы говорим об 11 сентября, большая опасность вдруг стать поклонниками Хантингтона, который в начале 1990-х писал о войне цивилизаций: всемирный ислам против всемирной христианской религии. На самом деле, как вы совершенно правильно сказали, в Америке существует огромное количество вполне белых, вполне считающих себя христианами людей те, кто называет себя милицией, которые обладают абсолютно неадекватным восприятием действительности. Они считают, что ООН руководит Америкой, что еврейские олигархи руководят Америкой, что надо взрывать и бороться с этим, бегать с ружьями и тому подобное. Вот главная опасность — это не только «нечаевщина», а то, что мир слишком быстро развивается, и я вернусь к мысли, которая для меня ценна, что значительное количество людей, и их у нас в стране можно найти.

АК: Все большее, причем, количество людей, и в относительном, и в абсолютном выражении.

ВХ: Дают совершенно неправильные ответы, неадекватно воспринимают действительность. И неадекватно воспринимая действительность, они все больше тяготеют к «нечаевщине».

АК: Но они не могут найти себе места в этой цивилизации, у них совершенно нет шанса с одной стороны, колоссальные соблазны. Как символ, телевизор пришел в глухую мусульманскую деревню, они все видят, но в то же время понимают, что никогда им этого при жизни первого, второго и третьего поколения не получить. И это создает колоссальный внутренний такой перегрев, стресс, порождает ненависть, отчаяние, и это источник.

СБ: Мы в нашем с вами отечестве это хорошо знаем — даже на таком мягком уровне по отношению к реформам и тому, что произошло в нашей стране за последние 10 лет. «Этого нет, потому что это все вредно, нам это не нужно, и при моей жизни я никогда этого не смогу достигнуть».

ИК: Касаясь нашей страны, хочу немножко похвастаться. Скажем, судьба этой книжки «Мой брат террорист» на русском языке интересна тем, что она вышла на русском языке первой.

ВХ: Дело в том, что это книга издательство «Динаэль», это международный проект, книжка будет опубликована одновременно в США, Великобритании, Германии, Корее и Японии. Но так получилось, что русское издание опередило другие издания. У них она выходит 17 сентября.

СБ: Мне кажется, что нужно больше таких вещей, и мы должны серьезно задуматься. Посмотрите ход от 11 сентября до 11 сентября мы начали с фактов геополитического, военного расклада, для чего мы пригласили Андрея Кокошина и Александра Гольца, но мы пришли сейчас к очень серьезному кризису цивилизаций, причем не западной, восточной или средневропейской, а цивилизации человеческой вообще, к очень серьезному кризису. Мы пришли к осозна-

нию его, потому что не на пустом месте все это происходит сейчас.

СП: Надо сказать, что все-таки именно так вопрос был поставлен сразу. И не потребовался год, чтобы таким образом его поставить. Сразу была сказана знаменательная фраза, что это не война цивилизаций, а война с цивилизацией, война дикости с цивилизацией, это было довольно быстро сказано. Но другое дело, что выводы из этого были сделаны тогда довольно примитивные — по этой части мы тоже не можем похвастаться тем, грубо говоря, что мы тоже много чего купили за те жертвы, которые произошли. В первый момент были совсем примитивные реакции будут ли в Америке бить мусульман на улице? Побили двух индусов, и, слава Богу, кажется, дальше это не пошло. Как-то Америка в этом смысле проявила себя достаточно цивилизованно, ура. Но, на самом деле, это даже не верхушка айсберга, а корочка этой верхушки, а дальше все-таки выясняется, что цивилизованный мир, над которым многие смеются, с его знаменитой политкорректностью и всеми этими перегибами, уже даже почти ритуальными приседаниями на межнациональной, межэтнической, межрелигиозной почве тем не менее оказывается очень удобной и благоприятной средой для развития самой разнообразной дикости и самого разнообразного экстремизма. Потому что слишком много простых, поверхностных решений и ходов в этой ситуации нет ничего проще, чем объявить, что в каждом университете должно быть 5% таких-то. Нет, 7%, нет, хватит им 6%, и по ходу этой содержательной дискуссии сам вопрос, само реальное отношение к этим людям, оно благополучно растаяло.

СБ: Боюсь, что язва огромная, внутренняя. А мы только йодом сверху мажем.

АК: Мы никуда не уйдем от того, что действительно та ситуация, которая возникла после краха «холодной войны», она высвободила в гораздо большей степени силы развития рыночной экономики, как мы говорим, и действительно, совре-

менного капитализма. И разрыв между теми, кто успел сесть в этот поезд, и теми, кто не успел, он за 1990-е годы радикально увеличился. Думаю, что не случайно случилось то, что случилось 11 сентября. Это следствие этого гигантского разрыва, который действительно увеличился, это следствие того, что в мусульманском мире, как сейчас признают все, нет ни одной успешной экономики по современным стандартам, и все-таки при всем при том, мы отметили, что и в самих США есть, может быть, вполне классические стопроцентные американцы, источники террора, но все-таки самый страшный феномен терроризма связывается именно с радикальным исламом, и потенциальное, видимо, использование оружия массового поражения, прежде всего, грозит именно с этой стороны, и это связано, прежде всего, действительно с тем, что люди не нашли место в современной цивилизации. И это вообще такая проблема, сверхзадача для тех, кто, как говорится, несет ответственность за мир, стабильность и безопасность и берет сегодня еще большую ответственность на себя.

СБ: Ответственность надо брать, и это очень долгая задача, и, к сожалению, в любой момент все может взорваться на самом начальном пути решения этой задачи. Итак, читайте «Еженедельный журнал». Мы вели эту передачу с Сергеем Пархоменко, у нас в гостях были Александр Гольц, обозреватель «Еженедельного журнала», Андрей Кокошин, депутат Государственной думы, директор Института проблем международной безопасности РАН, и два наших новых знакомых — это издатели из «У-Фактории» Владимир Харитонов и Илья Кормильцев, которые подарили нам книжку, наводящую нас на размышления А. Муссауи и Ф. Букия «Мой брат-террорист», думаю, это одна из самых важных форм чтения сейчас, после годовщины 11 сентября. Спасибо большое, это была «Обложка».

Радиостанция «Эхо Москвы», 10 сентября 2002 г.

«Быть другим»

«Неизвестный, но знакомый всем», так называлась статья конца восьмидесятых, посвященная фигуре Илье Кормильцева, человека, оказавшего значительное влияние на развитие отечественного рок-движения в период его максимального подъема и в то же время остававшегося для широкой публики за кадром. Кормильцев был автором большинства текстов песен золотого периода «Наутилуса Помпилиуса», среди которых «Я хочу быть с тобой», «Скованные одной цепью». А до «Нау» был несколько подзабытый сейчас «Урфин Джюс» — основатели свердловской рок-школы.

По праву заслуживший звание легендарного поэта русского рока, последние годы Кормильцев отошел от рок-поэзии и активно занялся переводом современной зарубежной литературы. Особенно той, про которую говорят «антибуржуазная». Недавно организовал издательство «Ультра.Культура», выпустившее тюремный дневник Эдуарда Лимонова «В плену у мертвецов».

Андрей Смирнов

АС: Как человек, непосредственно причастный в свое время к рок-движению в нашей стране, как бы вы могли определить сам феномен русского рока? Вообще существовал ли он, или это фантом, выдуманный критиками. Каковы его параметры. Где, скажем так, заканчивается граница русского рока и начинается что-то иное?

ИК: На мой взгляд, однозначно только одно: понятие русского рока — не фантом. Слишком большой вес имел этот термин в критике и в общественном сознании. Другой вопрос — о его сути и о его границе. Честно говоря, с уверенностью могу сказать, что знаю про этот феномен только одно: он исторически закончен. Еще будут, возможно, какие-то отблески,

но русский рок закончился в том смысле, с которым ассоциировался, в 1998 году. Начался новый этап какой-то истории. И в этом пространстве русскому року в его старом формате назначения и места нет. Сегодня мы имеем дело с феноменом историческим, относящемся к прошедшему времени.

Попытка выпатить «слово», текст на передний план для определения специфики русского рока была связана с определенной, давно уже известной, ставшей притчей во языцех либератуоцентричностью русского национального сознания. На мой взгляд, это неточно — почему тогда не барды. Они тоже сыграли свою роль на значительно более раннем этапе. И для незначительной части публики продолжают играть. Рассматривать наш рок так, как пытались многие исследователи, например, Илья Смирнов, весь круг «Урлайта», как продолжение традиции авторской песни не совсем правильно. Доля истины есть: отдельные фигуры — Высоцкий, Северный — безусловно, оказали влияние на становление рока. Но сводить все к этому неправильно. Та же самая авторская песня, не сопровождавшаяся соответствующим музицированием, не имела такого резонанса, как в 1980-е годы имел русский рок. Думаю, что здесь речь идет об определенном органическом синтезе между словом, музыкой и социальной ситуацией. Когда составляющие сошлись, возникло явление со своей семантикой и семиотикой, легендами и формами выражения. Исторически оно завершилось, поскольку всем подобного рода явлениям свойственно когда-нибудь, рано или поздно, завершаться — они отражают определенную общественную ситуацию. Русского рока больше нет, как нет панка в подлинном смысле этого смысле, как нет хиппи. Самые умные из тех, кто играет, условно говоря, ритмическую электрическую музыку, прекрасно понимают, что они никакой не русский рок. Когда Илья Лагутенко сказал про рокапопс, он все это осознал. И первый осмелился сказать это вслух. Русский рок закончился в тот момент, когда закончилось «русское» как таковое, не на уровне оппозиционной, а на уровне мейнстримовой идеи. Я это датирую 1998 годом.

Это точка, когда долгие метания определили социально-политическую реальность России, как двадцать девятого придатка западного лагеря. Конечно, кто-то мечется, дергается, есть попытки себя осознать по-своему, трясти кулаками. Но если говорить резко и объективно: бежит левретка в хвосте мощной колонны, время от времени подтягивая, чтобы на нее обращали внимание. На этом кончилась всякая самобытность. Из разряда смыслового она перешла в разряд декоративного. Имею в виду, повторяю, уровень мейнстрима. Незадолго до этого у нас был свой русский, рок, своя гласность, мы были какие-то необычные, какие-то не такие, как все, сами для себя в первую очередь. Конечно, для остального мира мы по-прежнему остались *другими*, ибо это неизбежно: один народ для любого другого всегда несколько непонятен. Даже в случае очень близких народов. Когда русские потеряли идентичность, тогда и музыка у нас стала такая же, как «у всех». Пошло клонирование, приспособливание. Сейчас журналы радостно кричат об успехах группы «Тату». Я бы постыдился это делать. Было понятно, что если бы сделаем так же, как «у всех» (имею в виду «золотой миллиард»), тогда это будет продаваться. Вот есть конкурс «Евровидение», где представлены три десятка стран. Вроде бы все с национальным колоритом, но фактически поют одну и ту же песню. Что Литва, что Израиль. Вся разница — один в кипе, а у другого кафтанчик расписной. И группа «Тату» поет такую же песню со своими национальными прикидами.

Меня восторг по поводу того, что мы можем «как все», потрясает. За кого же вы себя держали раньше? За инопланетян что ли? Десять лет назад тоже можно было изготовить «Тату». Из группы «Парк Горького» пытались. Почти получилось. Помешало еще существовавшее желание быть *другими*, быть особенными. Желание быть *другими* — и держало на себе русский рок. Пока он был другим, он и был русским. Когда Россия грезила иллюзиями своего пути на мейнстримовом уровне, сохранялось влияние советского наследия, была и особая музыка. Когда эта особенность разрушилась в общественном сознании,

когда захотели стать, как так называемый цивилизованный мир, исчез и русский рок. Умер от внутреннего разочарования в самом себе.

АС: Сегодня активно пропагандируется новый русский рок. Я читал несколько ваших текстов, в которых вы выступали с довольно резкой критикой этого явления.

ИК: Вся эта компания эксплуатирует идею в коммерческом плане. Естественно, что когда общественно и эстетически значимая вещь исчезает, на ее место встают суррогат или эрзац. Музыка от Михаила Козырева, «Нашего радио» и есть подделка под то, что было. Называется так же, воспроизводит какие-то детали, элементы слова, элементы музыки, элементы позиции. Но это только элементы, суть потеряна. Душа мертва, потому что она не сводима к элементам. Она определяется историей и атмосферой вокруг, даже в большей степени, чем волей людей, которые представляют это. Можно плясать сколько угодно и вызывать дождь в этой резервации — дождь не пойдет. Потому что тогда, когда плясали и вызывали дождь какие-нибудь индейцы навахо, они вызывали его всерьез. А сегодняшние пляшут за деньги.

Собственно рок-н-ролльная форма ни в чем не виновата. Возможно, что в ней есть свой потенциал, который через некоторое время раскроется у каких-то людей. Когда умирает какая-нибудь идея, новая всегда проходит в другой форме. Чтобы определить себя как *иное*, она должно не только содержательно отчуждаться от этого, она должна и формально это сделать. Поэтому я думаю, что вся энергия, которая будет прогрессивна в историческом плане, то есть соответствовать моменту, нести его энергию, она будет воплощаться в других формах. Пока не ясно, что это будет. На эту роль претендуют хип-хоперы. Могу сказать, что у них больше энергии, чем у псевдорусского рока. Но чтобы они захватили общество своим вкусом и своей энергией, пока не видно. Они все равно живут в каком-то своем гетто. Электронная музыка у нас умерла, не родившись. Нешла в себе никакой социальной опоры. В той же Англии элек-

троника вовсе не была музыкой богатых бездельников — это была массовая музыка.

Прошлое не вернется — это очевидно. Этому противоречит историческая практика. А все эти попытки наших новых «рокеров» изобразить из себя что-то грозное меня смешат. Все эти группы делаются по корпоративному принципу. Начинают с бюджета, с позиционирования, с пиара. То есть сразу с симулякра. Сущностный момент не принимается во внимание вообще. Потому что в идеальном продукте он должен отсутствовать. Внутренний закон капитала — в идеальном продукте сущности не должно быть, потому что любая сущность вытесняет саму сущность денег. Главную и единственную сущность, имеющую значение для капитала.

АС: Все-таки на сегодняшней рок-сцене по-прежнему много героев 1980-х. В свое время ваших соратников. Как вам состояние, скажем так, ветеранов?

ИК: Многое из того, что они делают, не вызывает никакого отторжения. Они продолжают ту же традицию, которую когда-то воплощали. Другое дело, что воздух изменился. Они как выжившие мамонты. К ним у меня никаких претензий нет, кроме тех из них, кто активно пытается модничать и стать такими же, «как все». Большинство, к счастью, пытаются более или менее выдержать какую-то дистанцию от всего этого безобразия. Но они ничего уже не решают. Ребята свое спели, свое сказали. Они могут сделать дальнейший шаг, только перестав быть самими собой. Сформировав Иное внутри себя самого. Гребенщиков, допустим, напишет роман. Это даст ему возможность шагнуть дальше. А пение под гитару такой возможности больше не предоставит. Даже то новое, что он пытается сказать, пожирается его старым, потому что не дает ему быть Иным внутри себя. Восприятие в этом случае моментально нивелируется. Надо стать Другим, чтобы иметь право сказать что-то новое и быть услышанным.

АС: Неизбежный вопрос, который я задаю всем людям, в той или иной степени связанным с художественной практикой.

Осталась ли сегодня, на ваш взгляд, у художника возможность социального жеста? Или искусство имеет чисто декоративные функции?

ИК: Это вопрос очень большого размаха. Надеюсь, что есть. Судить иначе, значит полностью признать поражение. Тогда нет смысла вообще. Возгласить за концом истории конец сознания. Я считаю, что это не так, иначе я не стал бы разговаривать с «Завтра» вообще. Я был бы уже на другой стороне баррикад. Среди тех, которые считают, что смысл бессилён и сущность бессущностна. Я надеюсь, что это не так. Но правда познаётся в борьбе.

АС: Вы всегда могли делать карьеру вне рамок рок-движения. Однако в свое время подались в него. Почему?

ИК: Ответов много. Я думаю, что был к этому подготовлен. Меня не интересует особенно сильно сам по себе рок-н-ролл как таковой. Конечно, я люблю рок-музыку. Но идолопоклонства по отношению к року у меня нет. Это была подходящая форма выражения в тот момент энергии, назовем по-простому, протеста. Эта форма износилась. Сегодня должны быть иные. Главное — это протест, это восстание. А формы, в которых все выражается, исторически обусловлены. Держаться за старую форму смешно.

АС: Вы, видимо, свою нашли в переводческой и издательской деятельности. Что означает название серии вашего издательства «Жизнь запрещенных людей», и как получилось, что вы издали Лимонова?

ИК: Лимонов — это удачное течение обстоятельств. Первоначально Лимонов не планировался. Получилось так, что я по образованию, карьере «иностранщик», а не русист. Лимонов просто не пришел мне в голову. Но провиденциальные силы помогли, познакомился с Сергеем Беляком и Анатолием Тишиным, и стало ясно, что «В плену у мертвецов» должно выйти у нас. Я очень счастлив, что так произошло, что именно Лимонов открыл эту серию. Что касается запрещенности. У нас в планах Чарльз Мэнсон, Луи-Фердинанд Селин. Это не те люди,

которые под запретом в какую-то конкретную историческую эпоху. У нас нет Гитлера. Наши «запрещенные» запрещены в той или иной степени всегда. Общество не принимает подобных людей, хотя, возможно, большинство знает о них по слухам, и никто не читал ни строчки из того же Лимонова.

АС: Дело в том, что как пронизательно заметил Хабермас: «Новалис — пострашнее Гитлера». Те, кто контролирует общество, это прекрасно осознают.

ИК: В определенном смысле я согласен. В Гитлере та часть его, которая продолжает оставаться вирулентной, как и в Ленине, — это их внутренний Новалис, а не их конкретно политическое воплощение. Например, победы сейчас кто-то, кто скажет: я буду делать все четко по Ленину. И начнет реализовывать. И мы увидим, что у Ленина, строго говоря, таких идей не было. Конкретно политическое становится все более ничтожным, менее значимым, а не просто не применимым к нынешнему моменту. Это другой мир. А вот этот импульс опять-таки протеста сохраняется. Естественно, что у художника он больше, потому что у Новалиса он выражен в более суггестивной форме. Он выражен образами, которые живут долго, упорно передаются из сознания в сознание, генерирует новые цветы. Время идет вперед, и за это ему большое спасибо. Нужно все время воплощать в новых формах. Старые формы присваиваются временем, остаются без движения, становятся смертью. Тотальной смертью. Не романтической смертью, которая не есть смерть, а есть сакрализованное умирание, а смерть как небытие.

Газета «Завтра», 24 декабря 2002 г.

Жизнь запрещенных людей

Илья Кормильцев (р. 1959) — поэт и переводчик. Более всего известен как автор слов к песням свердловской группы «Наутилус Помпилиус». Много занимается издательской деятельностью. В частности, в издательстве «Иностранка» является составителем стильной серии «За иллюминатором». Кстати, именно в этой серии только что вышел роман Уэльбека «Платформа». Последний по времени его проект — издательство «Ультра.Культура». С разговора о нем мы и начали нашу беседу.

Сергей Шаповал

СШ: Илья, как бы вы описали своеобразие вашего издательства?

ИК: Хотя мы и предполагаем публикацию художественных книжек, главный акцент будет на литературе non-fiction. Первая выпущенная нами книга — тюремные дневники Эдуарда Лимонова. Специфика нашего издательства описана его названием — «Ультра.Культура». Мы будем издавать книги, затрагивающие не те темы культуры, которые находятся в центре внимания общественности, а рискованные, пограничные сферы, легитимность существования которых вызывает много вопросов. Все, что экстремально, маргинально, противоречиво, по нашему мнению, и представляет антропологическую проблему. К примеру, торговля хлебом критической проблемой не является, а торговля героином считается именно таковой. При этом торговля героином имеет гораздо более крупное значение в мировой торговле, чем торговля хлебом. Если говорить о легальном рынке, то по стоимости мирового урожая хлеб находится на пятом месте, а на первом месте стоит кофе — продукт, совершенно бессмысленный с точки зрения выживания, к тому же обычный легальный наркотик.

Я упомянул слово «маргинальный», оно мне очень не нравится. Ведь оно переводится как «находящийся на краю, на дне», то есть малозначимый. Маргинализация возникает в результате процессов знакового плана и в результате реальной весомости проблемы. Проблема может быть очень важной, но неприличной, отторгаемой, потому что в данном социуме она создает неразрешимое противоречие, поэтому ее стремятся вывести за пределы поля обсуждения. Понятием «маргинальный» у нас зачастую обозначаются некоторые явления, в которых заинтересовано гораздо большее количество людей, чем в тех вещах, которые гордо именуются мейнстримом.

Например, сколько человек читает книги, отмеченные премией Букер? Если реально оценить вес явлений, то настоящий мейнстрим — это водка, а Букеровская премия — явление маргинальное. У нас есть внутриредакционная шутка: название издательства превращается в аббревиатуру «УК». Наша специфика в значительной мере определяется именно этим сокращением.

СШ: Почему вы сориентированы в первую очередь на non-fiction? Что вас не устраивает в художественной литературе?

ИК: Если говорить о переводной литературе, то процесс сейчас уже вовсю запущен и развивается по своим законам. В отечественной литературе я плохо разбираюсь, ею нужно специально интересоваться, листать толстые журналы, общаться с писателями. Я «иностранщик», я понимаю, как устроен процесс книгоиздания на Западе, как приобретаются права, как работают агентства и издательства. Как все это делается в России, мне не очень ясно.

СШ: Но вы ведь не только издатель, вы, наверное, и читатель?

ИК: И даже рецензент. Могу сказать, что ничего сногшибательного за последнее время я не обнаружил. Умеренный интерес у меня вызвал Стогофф в момент его появления, больше, пожалуй, ничего.

СШ: Ваше издательство некоммерческое, как вы собираетесь решать финансовую проблему?

ИК: Ну что значит некоммерческое? При правильно организованной деятельности окупаемость можно обеспечить, работая и на узкую, но благодарную аудиторию. Рынок для подобного рода книжек существует, он не слишком велик, но имеет явную тенденцию к расширению. Существуют люди, постоянно обращающиеся к такой продукции, тут и элемент моды, но их количество прирастает. Об этом, к примеру, свидетельствует успех книжного магазина при «О. Г. И.».

СШ: Для возникновения издательства нужны были инвестиции, откуда они?

ИК: Наши инвесторы — из области большого издательского бизнеса, которые понимают, что этот сектор рынка нужно захватить и держать. Но удержать его силами крупного издательства невозможно, потому что он очень специализирован. Как показывает успех издательства «Ad Marginem», на этом сегменте лучше работать маленькому коллективу со специфическими интересами, вкусами и представлениями о мире. Мы реально смотрим на жизнь и не собираемся зарабатывать дикие деньги, пытаюсь стать примером коммерческого успеха.

СШ: У вас есть конкуренты?

ИК: Мы начали игру на этом поле синхронно с несколькими проектами. Время покажет, кто лучше. Но этот сектор устроен таким образом, что на нем, как ни странно, достаточно легко организовать сотрудничество между издательствами и проектами. Здесь господствует другая энергия.

СШ: Какое сотрудничество вы имеете в виду?

ИК: Самое разное: взаимная раскрутка, общие акции, взаимная реклама, копродукционное сотрудничество и т. д. Это не тот рынок, на котором нужно друг друга давить.

СШ: Насколько я понимаю, у вас будет превалировать переводная литература?

ИК: Так получается потому, что глупо переделывать уже хорошо сделанное. Это относится в первую очередь к справочникам. Например, мы приобрели серию американских энциклопедий, которые, естественно, будем модифицировать и адаптировать к действующему здесь информационному полю. Странно было бы переделывать добротные справочники «100 запрещенных фильмов» и «100 запрещенных книг». Сейчас мы готовим интересный сборник. По материалу он переводной, по составлению и комментариям — это авторская работа. Это 800-страничная антология под названием «Анархия. Антология анархизма и левого радикализма второй половины 20 века». С книжки Лимонова мы начали серию «ЖЗЛ» — «Жизнь запрещенных людей», в которой в течение года выйдут биографии Тимоти Лири, Хью Ньютона, Чарлза Мэнсона, Луи-Фердинанда Селина и т. д. Мы откровенно пародируем знаменитую серию «ЖЗЛ»: если они представляли биографии мальчишей-плохишей, то мы обращаемся к жизнеописаниям настоящих Мальчишей-Кибальчишей.

«Независимая газета», 23 января 2003 г.

Ультра. Кормильцев

Илья Кормильцев — заметная персона на разных поприщах: в конце 1980-х он был известным рок-поэтом, потом стал переводчиком и составителем серии «За иллюминатором», выпускаемой издательством «Иностранка», занимался рекламой, недавно он создал свое издательство «Ультра.Культура». Мы попытались выяснить, что стоит за всеми этими начинаниями.

Сергей Шаповал

СШ: Илья, у вас довольно много занятий, какова ваша самоидентификация?

ИК: Честно говоря, я не вижу никакой необходимости в самоидентификации. Мне не очень понятно, зачем она может пригодиться в этой жизни.

СШ: Наверное, если вы где-нибудь встретите сообщение, что «Кормильцев — поэт-песенник», то вряд ли останетесь довольным им.

ИК: Большая часть того, что напечатано типографской краской, — глупость. Лозунг нашего издательства «Ультра.Культура» — «Все, что ты знаешь, — ложь» — выражает отношение ко всем видам информации, в том числе и к той, которую распространяем мы. Я ничего о себе не знаю, кроме того, что «cogito, ergo sum». Меня больше интересует, кем я буду, чем кто я сейчас.

СШ: Хорошо, а кем вы будете?

ИК: Это покажет время. Но мне хотелось бы верить, что я существую не зря, и что у меня будет продолжение. Желательно бесконечное.

СШ: Какое из своих нынешних занятий вы считаете самым актуальным?

ИК: В настоящий момент это запуск издательства, в котором я являюсь главным редактором. Этому приходится уделять больше всего времени. Я не думаю, что так будет всегда: когда машина заработает на полную мощь, у меня появятся другие приоритеты.

СШ: Ваше приобщение к рекламному делу было вызвано интересом или заботой о хлебе насущном?

ИК: Это был эпизод, я не собирался заниматься рекламой серьезно. Мой знакомый предложил написать несколько сценариев, мне это показалось забавным. Дело было после кризиса 1998 года, тогда еще можно было реализовать смешную идею. Сейчас в рекламе работают только кадровые работники, иронический концепт пропихнуть просто невозможно, потому что реклама стала откровенно тупой и ориентированной на кретинов. Реклама могла бы быть интересным видом художественного творчества. Сейчас это возможно в сфере политической рекламы и пиара.

СШ: Какой работой вы остались довольны?

ИК: Роликом о пиве «Доктор Дизель», его крутили полтора года.

СШ: Вы могли бы принять участие в чьей-нибудь политической пиар-кампании?

ИК: Если бы был интересный персонаж, да. Я не верю, что только за деньги можно раскрутить кого угодно. Я не циник, мое убеждение основано не на вере, а на знании. Я знаю, как устроен этот мир.

СШ: Для вас существует нравственный рубеж, дальше которого в своей работе вы не пойдете?

ИК: Надеюсь, существует. Другое дело, что обозначить его очень трудно. Проблема состоит не в том, чтобы понимать, чего ты не сделаешь, а в том, что, сделав нечто, сможешь понять, в чем ты не прав. От греха никто не застрахован. Проблема нашего времени не в том, что люди стали делать больше гадостей, чем когда-либо, а в том, что многие разучились отличать гадость от негадости.

СШ: Хочу коснуться феномена русского рока. Вы можете назвать это явление Роком с большой буквы?

ИК: Предпочту остаться в этом вопросе на уровне подросткового сленга: есть вещи настоященские, а есть ненастоященские. В нашем роке есть достаточно много того, что с известной натяжкой можно назвать настоященским. Натяжка связана с технически-внешними обстоятельствами.

СШ: Можете привести примеры настоященского?

ИК: Все знают набор групп, которые в конце 1980-х — начале 1990-х, собственно, и создали русский рок. 80% из них, по-моему, сделали серьезные вещи, которые останутся в истории. Конечно, у них можно найти кучу всяких недостатков, но на Западе, особенно сегодня, тоже полно дряни. Вы хотите спросить, есть ли среди наших коллективов такие, кто достоин включения не в местечковую энциклопедию, а в мировой контекст? С моей точки зрения, русскому року не повезло. Он родился в ту пору, когда за пределами России его не могли воспринять адекватно, сейчас это могло бы произойти, но русского рока уже не существует. Сегодня распространилась мода на этно-панк, но русский рок конца 1980-х был его разновидностью. Это музыка, которую играют на электрических инструментах, в ней присутствуют элементы рока, завязанные на национальную традицию, исполняются песни на национальном языке. В эту концепцию некоторые наши группы вписываются идеально, например, «Аукцыон» или «Звуки Му». В конце 1980-х такая музыка не вошла в моду, на Западе ее не восприняли, оценив это явление как часть феномена под названием «perestroika». Русский рок у нас сыграл достаточно глобальную роль, точно не известно, когда выветрится его влияние. Что касается западного отношения к нему, то Запад в принципе с трудом понимает наши культурные процессы. И происходит это в силу его упадочной тупости.

СШ: Получается затянувшийся закат Европы?

ИК: Скорее, закат Европы вручную.

СШ: Судя по вашей редакторской деятельности и планам вашего издательства, вас интересуют экстремальные явления, находящиеся на границе общепринятого, а часто и выходящие за ее пределы?

ИК: На самом деле нас интересует то, что реально движет этим миром. Сейчас мы переживаем момент большого антропологического кризиса, когда реальные движущие силы истории постоянно маргинализируются и скрываются, подменяя манифестируемое ирреальным. Отсюда безумные теории вроде «Конца истории» Фукуямы. В них провозглашается то, чего определенные люди хотели бы добиться, создавая систему мировой дезинформации. Этому нужно противостоять, потому что людям, чтобы принимать участие в решениях, необходима реальная информация о движущих силах мировых процессов. Эти силы сейчас стали предметом глобальной мистификации, что таит в себе чудовищные последствия. Возникающее искажение оптики очень опасно. Например, известно, каким было первое внешнеполитическое решение конгресса США по Афганистану после замены талибов коалиционным правительством: Афганистан был исключен из черного списка стран, являющихся потенциальными наркоторговцами. Там что уничтожили весь мак или в стране изменился климат? Дело шито белыми нитками, но на это не обращают внимания.

СШ: Вы сторонник теории заговоров?

ИК: Обратите внимание, что в словосочетании «теория заговоров» уже практически заложен ответ. Никто не говорит «гипотеза заговоров», таким образом, речь идет о работающей модели, а не о модели, требующей экспериментальной проверки. О теории заговоров принято говорить с презрением, а, например, о теории всемирного тяготения — нет. На самом деле все просто: со времен Древнего Рима работает формула «*cuī prodest?*» — «кому выгодно?» Все, что происходит в мире, кому-то выгодно, надо постараться понять — кому. Всегда наряду с явными действовали и тайные силы. Говорить, что они ответственны за все, что происходит, нелепо. Иногда они сами

до конца не просчитывают последствий, поэтому их действия наносят вред им самим. Я не сторонник теории некоего всеохватного и непобедимого заговора тайных сил, но совершенно отчетливо вижу, что в мире действуют группы людей, интересы которых направлены против большинства населения земного шара. У них достаточно власти и денег, чтобы из-за кулис воздействовать на развитие событий. Кто, находясь в здравом уме, может это отрицать?

СШ: Как с этими группами можно бороться?

ИК: На силу можно отвечать только силой. Не обязательно физической, это может быть сила знания. Я не берусь предсказать, как она сработает, но я добился неплохих результатов именно там, где руководствовался знанием, а не шел напролом.

СШ: В ваших речах сквозит неподдельный оптимизм: много планов, все впереди, как будто нет уходящих лет?

ИК: Без этой веры жизнь превращается в неуклонное движение под гору. Если ты этого движения не видишь, то его и нет. Телу не прикажешь, оно изменяется, но в этом можно найти свое удовольствие. Телесное старение спасает от большой суеты, которой человек страдает в молодости.

«Независимая газета», 14 февраля 2003 г.

Веб-интервью

Вопрос: Интересно было бы узнать Ваше личное мнение о романе Ника Кейва «И узре ослица ангела Божьего», который Вы переводили. *(Автор: Светка; город: Ебург.)*

Ответ: Мне очень нравится эта книга, иначе бы я за нее не взялся. Я считаю, что в странах английского языка этот роман остался несколько недооцененным, поскольку не лежит в русле ни одной модной школы.

Вопрос: Илья, видишь ли ты перспективу нового левого культурного (литература, музыка, публицистика) прорыва в нашей стране? Есть ли шанс для левой интеллигенции обрести существенное влияние на общественное мнение? *(Автор: ?)*

Ответ: Я думаю, что шанс для прорыва всегда есть, хотя само слово «левое» сейчас известный анахронизм. Скорее можно говорить о «постгуманистическом» прорыве, поскольку речь идет о союзе сил, не разделяющих либерально-гуманистический проект. Этот прорыв неизбежен, потому что противник считает себя всесильным и, соответственно, обречен совершать грубейшие ошибки.

Вопрос: Вспоминая тебя в бытность пребывания в ИЭХ, ИХ УНЦ, убеждаюсь, что постарел ты только внешне. Это радует. *(Бобров Максим, Екатеринбург.)*

Ответ: Спасибо.

Вопрос: Почему поэты в России так плохо кончают? *(Максим, 29 лет.)*

Ответ: Люди вообще все плохо кончают, не только поэты. Поэты просто успевают об этом спеть.

Вопрос: Когда Вы переводите с русского на другой язык, что для Вас более важнее: ритм, рифма, суть (мысль) того, что заложено в стихотворении? Может ли перевод быть белым стихом?

Что бы Вы ответили человеку, который сказал бы Вам, что «твои стихи слишком откровенные, так нельзя...»?

Когда Вы переводите кого-то, спрашиваете ли Вы разрешения у автора? А если его уже давно нет в живых? О легальности переводов, пожалуйста, поподробнее... (Автор: «Что в тебе моем?»)

Ответ: 1) Я не умею переводить стихи вообще и почти никогда за это не берусь. 2) А что ему можно ответить? 3) Естественно. Без этого перевод просто не удастся опубликовать. У покойников, разумеется, спросить не удастся, но у покойников есть литагенты...

Вопрос: Мне кажется трэш это все и муть — вся эта макулатура для тинейджеров «Аллах любит Америку» или не любит. Для меня это пахнет обычным маркетингом — издание таких книг. В этом нет ничего плохого, но тут больше зарабатывания денег, чем культуры: книжный рынок гораздо динамичнее и интереснее, чем рынок звукозаписи и «форматы» в нем не менее жесткие, чем на музыкальных радиостанциях. Вы решили зарабатывать «формат» молодежной радикальной прозы: это такое модное чтиво для студентов и маргиналов. Там тоже есть свои «часовые» брэнды: Сорокин, Мураками, Коэльо — тиражи от продажи их книг больше тиражей продажи альбомов «Танцев минус» (итить их богу душу), а по качеству — такая же пена.

То есть я хочу сказать, что лично для меня лучше перечитать еще раз какой-нибудь рассказ Довлатова, чем читать новую книгу Харуки Мураками с идиотской картинкой на обложке. Что характерно, оформляются книги этого «формата» примерно как упаковки чипсов или сухариков для пива, так же уродливо и броско. Конечно, когда ты молод то на тебя могут произвести впечатление определенные вещи, Trainspotting или «Это я, Эдичка» производят впечатление, но по прошествии некоторого

количества времени ты начинаешь понимать, что это была просто фигня и не более того.

В общем с возрастом тяготеешь к каким-то более настоящим вещам, а то, что сейчас происходит в мире книг, напоминает нынешний пивной бум: огромное количество марок и сортов, постоянно меняются этикетки и появляются новые названия: батареи пыльных бутылок и банок стоят в теплых киосках, а хороших сортов как был темный «гиннес», так он и остался, то же самое и с книгами. (Юрий.)

Ответ: Ну почему именно Довлатов? Мне вот, например, Гомер очень нравится. На хрена все остальные книги после Гомера?

Вопрос: Как сочетаются «Скованные одной целью» и «Любомуудрие в будуаре»? Согласны ли вы с Дм. Волчеком, что главное — оскорбить читателя, чтобы он даже не понял как это сделано? Как вам книга «Нестоличная литература» издательства «Новое литературное обозрение»? Успехов!!! (Садыков, Ташкент.)

Ответ: Не знаю, как сочетаются. А зачем сочетать? Второе произведение ко мне не имеет никакого отношения. Хотя маркиз мне глубоко симпатичен. В философском смысле на определенном уровне, наверное, сочетаются: и то и другое — о природе власти. С Волчеком не согласен. Книги не читал.

Вопрос: Скажите пожалуйста, где в Екатеринбурге можно приобрести книгу издательства «Ультра.Культура» «Аллах не любит Америку»? (Зуев Сергей, Екатеринбург.)

Ответ: В магазине «100 000 книг». Или «10 000»?

Вопрос: Хотелось бы, если это возможно, подробнее узнать обо всем, что связано с группой «Урфин Джюс». «Урфина» я услышал в армии (служил я в «смешном» полку — 32-й военный городок). Нам замполит приносил их слушать. И с тех пор его полюбил. Про тюбик на нуле, лопнувший арбуз, деревню (имхо шедевр). А про аэробику у нас на новый год был номер худо-

жественной самодеятельности. Там же в армии :) Это, я понял, все Ваши стихи, не так ли? *(Анатолий Андюкин, Нефтеюганск.)*

Ответ: Это не «Урфин Джюс», а «Ассоциация», а стихи не мои, а Леши Могилевского.

Вопрос: Дядя Кормильцев, скажи: когда война будет? *(Keks.)*

Ответ: Она уже идет.

Вопрос: Илья, как вы относитесь к виртуальной литературе и интересуетесь ли вы «самиздатом»? *(Лев Вишня, Екатеринбург.)*

Ответ: Нет времени следить. Думаю, что это не лучший и не худший вид бытования слова. Просто еще один.

Вопрос: Чтобы переводить художественные произведения, нужно тонко чувствовать язык. Откуда у вас интерес к языкам, где их изучали? Спасибо. *(Светлана.)*

Ответ: Интерес к языкам может быть оттого, что читать я учился по этикеткам импортных винных бутылок на даче у бабушки. За исключением десяти лет учебы в спецшколе № 70 (английский язык) я самоучка.

Вопрос: Илья! хотелось бы узнать, как рождались те самые нетленные шедевры? при каких обстоятельствах писалось «Зови меня так! Мне нравится слово...»? Откладывается ли у поэта в памяти сам творческий процесс? *(Роман, Екатеринбург.)*

Ответ: Мне бы самому было интересно это знать. Запомнится мало что — это процесс, относящийся к глубоко измененным состояниям сознания.

Вопрос: А часто ли случались такие случаи, когда удачное ваше творение игнорировалось Бутусовым? И были ли попытки с вашей стороны надавить на Вячеслава, «пролоббировать» тот или иной свой текст? *(Рома, Екатеринбург.)*

Ответ: Конечно, случалось. Естественно, я настаивал. Но кто знает, был ли я прав?

Вопрос: Уважаемый Илья! Нам бы очень хотелось заказать вам текст (стихи) песни о нашем предприятии. Возможно ли это и сколько это будет стоить. Будем признательны за ответ с указанием контактного телефона. *(Брыкин Иммануил, Екатеринбург.)*

Ответ: Заказать то, конечно, можно, но вот справлюсь ли? Все мои попытки писать стихи на заранее заданные темы до сих пор кончались неудачно. Иначе я тоже был бы Илья, но Резник.

Вопрос: Илья, а какой вопрос вы хотели бы задать от себя, сегодняшнего, себе, только что написавшему текст «Гуд бай, Америка...»? И какой ответ очень бы не захотели услышать? *(Владимир Гаврильченко, Екатеринбург.)*

Ответ: «Что же ты, сволочь, написал текст, который на самом деле написали Бутусов и Умецкий?»

Вопрос: Илья Кормильцев, Вы достигли всего, чего хотели от жизни? Что Вам в этом способствовало? Как Вы относитесь к творчеству В. Пелевина? *(ботсвана, Екатеринбург.)*

Ответ: 1) Еще нет. Вот умру — тогда достигну. 2) Врожденная тупость. 3) Я очень уважаю Виктора Олеговича и считаю его гением. Жаль, что мы его затравили. Ну, хоть в тюрьму не посадили, как Лимонова.

Вопрос: Илья, здравствуйте. Скажите, пожалуйста, какие отношения вас связывают с Юрием Цалером? Поддерживаете ли вы с ним связь на данный момент? Спасибо. *(eyelash.)*

Ответ: Юра — очень хороший человек и музыкант. К тому же он — добрый самаритянин и Мать Тереза в одном лице, потому что взялся как-то учить меня играть на гитаре, чего достаточно для причисления его к лику святых. Иногда он мне звонит, но, к сожалению, мы никак не находим времени встретиться.

Вопрос: Илья, скажите, что для вас интересней: писать тексты для рок-групп или переводить книги? (Юки)

Ответ: Мне все интересно.

Вопрос: Илья, как вы считаете, можно ли сейчас на нашей рок-сцене найти достойную рок-группу? (eyelash.)

Ответ: Можно, но только за сценой.

Вопрос: Как Вы, Илья, относитесь к нынешнему творчеству группы «Мумий Тролль»? Считаете ли Вы, что альбом «Меамуры» попсовый? Спасибо большое. (uralgirl.)

Ответ: Я хорошо отношусь к определенной части творчества «Мумий Тролль» и не считаю ее попсовой. Судя по тому, что альбома «Мемуары» я не слышал, он к этой части не относится.

Вопрос: А арабы вообще, кроме размножения и террора, еще могут чем-нибудь заниматься? (Максим, 29 лет, еврей; Екатеринбург.)

Ответ: А евреи?

Вопрос: Уважаемый Илья! Судя по интервью-резюме, Вы предвидите падение культуры в глобальном масштабе, гибель старых цивилизаций и воцарение новых.

Не считаете ли Вы что «Наутилус» своими песнями помог «пробудиться» сознанию людей? Не чувствуете ли вины за косвенное участие в гибели одной из культур, советской сверхцивилизации? (Устинов Виктор, Екатеринбург.)

Ответ: Не чувствую. Эта цивилизация погибла задолго до наших песен: песни только констатировали этот факт.

Вопрос: Как по-вашему, насколько Вам удалось при переводе Н. Кейва «И узрела ослица ангела» передать дух и сохранить энергетику оригинала? Вам близко его творчество в целом, особенно последние работы? Собираетесь ли переводить его последний роман «King Ink»? (Семенова Ольга, Екатеринбург.)

Ответ: Переводчик всегда недоволен. Он же знаком с оригиналом. Творчество Кейва мне близко и я очень его ценю. «King Ink» — это не роман, а сборник стихов, пьес, миниатюр и статей. Определенное участие в его переводе я принимать буду.

Вопрос: Что интереснее было переводить — Уэлша или Кейва? Смог бы перевести эти романы человек, который никогда не слышал музыки Кейва и The Velvet Underground? А если слышал, но не знал, о чем все это? (Маша Кряква, Сургут.)

Ответ: 1) Каждого переводить было интересно по-своему. 2) Смочь бы смог, но вряд ли это было бы хорошо.

Вопрос: Спасибо огромное, за ваше творчество, спасибо за ваши бессмертные песни, они мне просто помогают жить! Вы — гений своего дела. Мне приятно осознать, что такой легендарный человек родился именно в городе Екатеринбурге (точнее, в Свердловске). Спасибо! (Алеся.)

Ответ: От человека с таким именем, мне особенно приятно услышать такое.

Вопрос: Не считаете ли Вы, что перевод никогда не будет отражать действительное содержание произведения? Мне кажется, что переводчик берет на себя очень большую ответственность, берясь за перевод.

Отсюда вопрос: откуда можно взять оригиналы книг. В Интернете, к сожалению, их очень мало. (Неразбоев, Екатеринбург.)

Ответ: Конечно, не будет. Но ответственность будет гораздо больше, если он за перевод не возьмется. Сравним его, к примеру (несмотря на всю пафосность сравнения) с хирургом, делающим ампутацию.

Оригиналы книг надо брать в магазине. В Интернете охраняемые копирайтом тексты редко встречаются.

Вопрос: Что определяет ваш выбор иностранной литературы для перевода на русский язык: сложность текста, новая

интересная тематика, провокационные идеи или что-то еще? *(Грачева Лидия, Лос-Анджелес.)*

Ответ: И первое, и второе, и третье, а четвертое — в особенности.

Вопрос: Здравствуйте, Илья! Вы закончили химический факультет. Приходилось ли Вам работать когда-нибудь по специальности? *(Лена, Екатеринбург.)*

Ответ: Да, в УНЦ АН СССР около трех лет.

Вопрос: Здравствуйте!

Если я не ошибаюсь, в Екатеринбурге под лозунгом «Все что вы знаете — неправда» проходила акция по продвижению продукции «морально руководимого» Вами издательства «Ультра.Культура». Отнесете ли Вы это утверждение к информации, содержащейся в продукции «Ультра.Культуры»? *(Андрей, Екатеринбург.)*

Ответ: В первую очередь!

Вопрос: Про Е-бург. Ценю Ваш дар формулировать. Скажите как Вам новый Екатеринбург? Как на Ваш поэтический взгляд лысый центр без зелени, перекраивание каждой щели мегаполиса? (Можно без перевода :)). Здорово, что приехали! Чего ругаете «Танцы»? Вас тоже раньше тушили... *(Таня.)*

Ответ: Города всегда перестраиваются. Которые не перестраиваются, те относятся к категории мертвых. Конечно, мне не все нравится. Но я стараюсь бороться с ностальгией по мере возможности. Беда не в том, что перестраивают, беда в том *кто* и *для чего*. А «Танцы» мне не нравятся, вот и ругаю.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, где можно приобрести книжку «Скованные одной цепью» с рисунками Бутусова? *(Хаснули-на Дарья, Екатеринбург.)*

Ответ: Увы, я сам не могу ее приобрести. Прошло 12 лет с момента, когда она была напечатана, теперь это библиографическая редкость.

Вопрос: Здравствуйте, Илья Валерьевич, во-первых, давно ищу случая выразить Вам свою благодарность за перевод книги Ника Кейва «И узре ослица ангела божия» (And the ass saw the angel), а так же за «Ультра.Культуру», чей формат издаваемой литературы по-видимому соответствует Вашей жизненной позиции продвигать альтернативные направления в литературе и музыке. Немногие в наше время берутся за это «гибкое дело». Касательно вопроса... то меня больше всего интересует Ваше увлечение творчеством Ника Кейва... Есть ли у Вас в планах перевод и издание других книг Кейва, уже в «Ультра.Культуре»? И можно ли надеяться на то, что в г. Екатеринбурге пройдут «Nick Cave party», аналогичные московским в клубе «Б2»? Вообще есть большая потребность, наверняка у многих кто проживает в Екатеринбурге в Ваших ультракультурных проектах. Кругом один мусор который удовлетворяет массы, а встретиться и пообщаться с людьми, которые этого не приемлют очень трудно. Спасибо Вам. *(Хороших Сергей, Екатеринбург.)*

Ответ: Мы будем издавать «King Ink». О «Nick Cave party» в Екатеринбурге обязательно подумаем.

Вопрос: Вы много путешествуете? Куда Вам нравится ездить больше всего? Где еще хотелось бы побывать? Все ли из Ваших 5 языков востребованы в поездках за границу? *(Таня, Екатеринбург.)*

Ответ: Путешествую я не так уж и много. По-своему мне нравятся почти все страны, в которых я бывал, и я затрудняюсь выделить среди них какие-либо, каждая хороша по своему, в свое время года и при определенном настроении (как и языки). Из тех, где я не бывал, больше всего хотелось бы побывать в Латинской Америке.

Вопрос: Вы когда-нибудь видели скульптуру из горного хрусталя «Трансформация массового сознания» нашего земляка Вячеслава Оболенского? Пока Вы в городе, найдите, пожалуйста, возможность увидеть ее! Я несколько раз имела возможность слышать Ваши взгляды в интервью на «Эхе Москвы»,

и всегда хотелось узнать Ваши соображения по поводу этой работы. И вообще вы оба для меня — гении в своих областях, мне хочется знать, как воспринимают друг друга гении, живущие со мной в одном времени. *(Хроленок, Екатеринбург.)*

Ответ: Обязательно воспользуюсь Вашим предложением.

Вопрос: Я считаю уникальным Ваше отношение к женщине на фоне побеждающего потребительства. Для меня загадка, из чего могло появиться такое решение быть не только пользователем? Если мое восприятие меня не подвело, скажите, что может убедить мужчину тратиться (интеллектуально и творчески) в отношениях не только с человеком другого пола, особенно если это не сексуальная партнерша, особенно если это ребенок? *(Таня.)*

Ответ: Не знаю, я лично не очень доволен своим отношением к женщинам, мне кажется, что я далеко не всегда бываю на высоте. Но чтобы только пользователем на все 100% — это у меня тоже никогда не получалось. Может быть, потому что я сам в какой-то степени женщина? Мне кажется, что относится к ребенку бескорыстно как раз гораздо легче, чем к сексуальной партнерше. Там, где исходно нет симметричности обмена, невозможна и попытка выигрыша в меновой стоимости.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, как писалась «Я хочу быть с тобой». Просто, это была сессия или каникулы, зима или лето, можно было сосредоточиться или было много других дел? Самое простое расскажите, а то есть ощущение, а сверить с происходившим не удастся. *(Таня, Екатеринбург.)*

Ответ: Весна, я уже пять лет как забыл, что такое сессии, после работы, в городе Ревда Свердловской области.

Вопрос: Здравствуйте, Илья. Хотелось бы узнать Ваше отношение к творчеству таких писателей, как Селин, Мисима, Буковски. Как Вы считаете, существуют ли в современной литературе авторы, чьи имена можно было бы поставить в один ряд с вышеперечисленными? *(Петр, Екатеринбург.)*

Ответ: Истоки популярности Селина я понимаю, меня завораживает его искусство жизневоссоздания, но в целом он на мой вкус слишком однообразен. Буковски хорош как поэт, проза же его тоже слегка занудна, хотя и на иной манер, чем у Селина. Мисиму бы очень хотелось прочитать в оригинале: судя по его переводам на английский, русский Мисима в известной степени фальсифицирован. Сопоставимые писатели, конечно же, существуют, тем более, что с моей точки зрения ни один из этих трех авторов не входит в первую десятку писателей прошлого века.

Вопрос: Что Вы думаете о подавлении в отношении людей старшего возраста? О намеренном выдавливании их из активной жизни, навязывании им барьеров и возрастных стереотипов? Видите ли Вы эффективный способ поведения в таких условиях сейчас? Что можно сделать другим, чтобы сломать эту систему? (у меня есть свое мнение, но хотелось бы узнать Вашу точку зрения) *(Таня.)*

Ответ: Это неизбежный продукт развития производственных отношений при капитализме (как и навязывание стереотипов поведения молодежи). Уничтожить и то и другое можно только вместе с этими отношениями. Освободить определенную социально-возрастную группу в отрыве от освобождения всех трудящихся — затея, обреченная на провал.

Вопрос: Вы будете наблюдать за Марсом? Это для Вас — событие? Он сегодня такой огромный, низкий! Удивительно, на сколько тысячелетий пришлось такое стояние! Я не верю в его агрессивность. Я думаю, для чего спустился так близко? Я хочу, чтобы он передал мой привет Хлебникову, но мне кажется, что у Вас это получится лучше :))).

Ответ: Нет, у Марса лучше получится, он к Хлебникову ближе. А следить за ним трудно: в Москве такая атмосфера, что и Луну редко видно бывает. Буду в деревне, обязательно посмотрю, чего это он там затевает.

Портал «Е1.ги», 5 августа 2003 г.

«О прошлом никогда не грущу...»

О нем говорят: самое знаменитое, что Илья пока сочинил, — это стихи для песен группы «Наутилус Помпилиус». «Ален Делон говорит по-французски...», «Казанова, Казанова...» Словом, весь «Нау» конца 1980-х годов. Это были песни, на которых выросло целое поколение. Они мощно заслоняли собой незатейливые тру-ля-ля советской эстрады и заставляли вслушиваться в смысл. Фамилия Кормильцев была также знаменита, как и Бутусов. И если последний сейчас то исчезает, то всплывает на музыкальных просторах, то Илья вообще ушел из этого мельтешения. Занимая должность главного редактора издательства «Ультра.Культура», Кормильцев остался большим философом. С ним встретился Михаил Шабашов.

МШ: Как это вас жизнь крутанула?

ИК: Жизнь всех крутит вне зависимости от наличия успеха. Я человек очень скептический и настроен обычно весьма пессимистически, поэтому успех и слава на меня не действуют. Я преодолеваю головокружение от успехов при помощи скепсиса. Поэтому даже в момент успеха «Наутилуса» я старался относиться прохладно к происходящему. Критерием оценок для меня всегда был круг близких мне людей, а не публика. И если жизнь меня как-то крутила, то не в силу контраста между успехом и не успехом, а совсем по другим причинам. У меня вообще дефицит ностальгии. О прошлом никогда не грущу. Оно для меня — это нечто несуществующее в природе, не имеющее ко мне никакого отношения. Для меня важен настоящий момент и то, что надо сделать в будущем.

МШ: Тогда «вчера» вычеркиваем, оставляем «сегодня» и «завтра». Чем они у вас наполнены?

ИК: В настоящий момент я увлечен идеями издательства «Ультра.Культура». Меня заинтересовало это дело не в силу того, что я люблю книги или привязан к книгоиздательскому процессу. На самом деле, книги для меня были очень важным и самым достоверным источником информации в окружающем мире. Все остальное значило меньше. Мне самому тоже хотелось бы писать книжки, но самый эффективный способ в наступившую эпоху — это передавать свои мысли при помощи чужих текстов. Я печатаю тексты других людей, высказывая свое отношение к происходящему через них. Таким образом, я создаю метакнигу из этих книг, которая говорит очень много о моем внутреннем мире. Использую такой косвенный способ творчества в качестве главного редактора.

МШ: Что влияет на выбор того или иного автора?

ИК: Меня интересуют произведения, которые строятся на неприятии существующей действительности. То есть тексты, призывающие людей изменять окружающую действительность, включая свой внутренний мир. Я не отдаю какого-то предпочтения политике перед художественным творчеством. Это различные виды одного и того же процесса. Главное — наличие этого эволюционного фактора, идущего в противоположность с тем, что я называю колыбельным творчеством. Есть произведения, которые приучают человека к мысли, что нужно находится в состоянии не бодрствования, а сна мыслительного. То есть он должен пассивно относиться к происходящему вокруг и боготворить действительность, как последнюю инстанцию, которая дана свыше и существует на данный момент. То есть ложиться в ямку и крайне агрессивно воспринимать любые попытки вытолкнуть сознание из занятой ниши...

МШ: Из этого исходит ваша симпатия к агрессивности?

ИК: Она не является персональной, а скорее — метафизической. Любой продукт активного отношения к действительности всегда раздражает людей пассивных. Если ты в этой жизни

активно себя проявляешь, то неизбежно, рано или поздно, ты сталкиваешься с неприятием того, что делаешь. Собственно, это я и хотел сказать, когда в свое время написал строчку: «Если есть те, кто приходят к тебе, найдутся и те, кто придет за тобой». Любое активное действие в обществе вызывает всегда консервативную реакцию. В основном, это, как правило, раздражение на самих себя. На бытовом уровне все это сводится к фразам: «Зачем все это надо? Нам и так хорошо», чем и выражаются убеждения пассивных во вредоносной деятельности активных. В любом случае, эти два течения все время сталкиваются на протяжении человеческой жизни.

Поэтому мы ищем тех авторов, которые отображают конфликт с данной нам в ощущение действительностью и тем самым пытаются заглянуть под поверхность вещей.

МШ: Можно себе представить, сколько вы читаете...

ИК: Да. Читаю гораздо больше, чем хотелось бы... Из удовольствия чтение превращается в труд. Но это оборотная сторона любой редакторской работы.

МШ: А что в удовольствие?

ИК: Для меня всю жизнь такими книгами являются энциклопедии и справочники. Совершенно разные. Даже дело не в том, что расширяются знания, для меня — это легкое чтение. По ходу дела что-то узнаешь, что-то подмечаешь. Телевизор я не смотрю с 1994 года. Хотя при этом я в курсе всех событий, передач, рекламы. Когда ты живешь в обществе, которое управляется телевидением, то все, что достойно внимания, ты в законспектированном виде узнаешь от других людей, которые телевизор смотрят. При этом ты не теряешь свое время, а во-вторых, не попадаешь под гипнотическое специфическое воздействие ТВ. Ты получаешь как бы резюме, а не пустышку для глаз, в которые вставлены соски... В театры хожу достаточно часто. У меня много знакомых режиссеров, жена — актриса. Но на первом месте у меня — литература и музыка. Потом идет театр, кинематограф, живопись.

МШ: А как вы теперь относитесь к року, как музыкальному течению?

ИК: Российский рок в его современном существовании производит крайне убогое впечатление. Жанр этот сейчас в упадке. Почему — об этом можно долго разговаривать. Если вкратце, — то он не сумел использовать свой эволюционный потенциал и оказался апроприирован существующим обществом, в результате чего погиб. Когда свой протест он не смог перенести на более высокую ступень, то всякий будоражащий интерес к нему был утрачен. Он стал скучен, формален, бессодержателен, заиклен на внешних проявлениях. Это в целом о роке. Есть его отдельные представители, которые и сейчас делают что-то стоящее.

МШ: С сегодняшним днем разобрались. Что для вас заготовлено в завтрашнем дне?

ИК: Планы у меня связаны с издательством. Я хочу его превратить из книжного в книжно-журнальное. У нас давно не было литературного альманаха, который бы сочетал в себе элементы литературы и культуры, и был бы обращен к большоймышленой публике. Сейчас колеблемся между двумя названиями — «Городской партизан» и «Нигилист». Достаточно провокативно, но по сути своей, это будет антимаргинальным изданием. Авангард сам себя отпугивает тем, что соглашается на роль гетто. Если же ты хочешь сделать идею доступной, то не надо возводить забор между собой и публикой. Проблема большей части искусства в том, что есть очень много претензий, которые не подкреплены никаким содержанием. И в итоге выходит шаманское размахивание руками, не более...

МШ: Что из изданного в вашем издательстве вы могли бы посоветовать прочесть?

ИК: Мне по-своему дороги все книги, которые уже вышли в свет. Я хотел бы обратить внимание на тех авторов, которых знают меньше. Например, на книгу Олега Шишкина «Красный Франкенштейн». Это очень интересное историческое исследо-

вание о малоизвестных моментах в советской истории, когда совершенно серьезно была поставлена задача о гибридизации человека и человекообразной обезьяны, для чего, собственно, и создавался Сухумский обезьяний питомник. Шли работы по созданию человека для работы в шахтах, рудниках, для испытаний лекарств и т. п. (Как позже выяснилось, для всего этого гораздо проще было обеспечить достаточное количество зеков...) Книга спорная, но это не фантазия. В ней использованы засекреченные документы. Заслуживает внимания «Революционное убийство» Хьюи Ньютона. Она хорошо написана, читается, как биография, как исповедь. У нас люди не представляют, откуда пошло негритянское движение. Никто не знает, что в раздувании черного самосознания в Америке огромную роль сыграл Китай! Автор написал эту книгу в тюрьме...

Из книг, которые выйдут в ближайшее время, очень забавной могу назвать биографию и жизнеописание Антона Шандора ЛаВея, создателя всемирной церкви Сатаны, единственной в мире зарегистрированной и признанной официально сатанистской организацией, которая существует в Америке. В Лос-Анджелесе — главный храм. Эта религия основана на том, что сатана учит тебя заботиться только о самом себе. Но это возможно, если люди вокруг будут тебя любить, с готовностью выполнять все твои желания. И не ты им будешь служить, а они тебе... Основной паствой этой церкви были и остаются звезды Голливуда. А история ЛаВея интересна сама по себе. Он не был магом или убежденным сатанистом. Скорее, ловким фокусником, который хорошо понял, что нужно американскому общественному сознанию. Чем-то он напоминает такого духовного Остапа Бендера. Автор — американская исследовательница ЛаВея Бланш Бартон.

МШ: А я хотел вас спросить, что вас в этой жизни удивляет! После услышанного вроде бы и неловко такое спрашивать...

ИК: Удивляет? Сам факт этой жизни...

«Независимое обозрение», 1 октября 2003 г.

«Я считаю, что будущее имеется»

Илья Кормильцев хорошо известен большинству наших левых читателей как поэт, автор прекрасных текстов раннего «Наутилуса». Как автор переводов наиболее интересных образцов современной зарубежной книги — в частности, отлично сделанного перевода «На игле» Ирвина Уэлша. Как основатель издательства «Ультра.Культура», лидирующего в публикации прогрессивной литературы. Степень его культурного влияния на формирование нового поколения российской левой весьма велика. В интервью communist.ru Илья Кормильцев говорит о недавнем контрреволюционном прошлом погибшего советского рока и перспективе новой культуры социального протеста.

Андрей Манчук

Дмитрий Якушев

Корр: Илья, музыка и стихи «Наутилуса» конца 1980-х годов — были ли они революционными, носили ли революционный характер?

ИК: Стоя на материалистических позициях, — на историко-материалистических позициях, — скажем, что революционное — это ведь функция момента и функция восприятия. А не объективная функция данного произведения. Сейчас, когда мы смотрим пьесу Ордонье (такая ветхая фигня), очень трудно понять, почему она когда-то поднимала массы Франции на революцию. То есть, все определяется в контексте. Вообще, не существует какой-то безразмерной революционности, которая присуща тексту, музыке, художественному произведению «во все времена», навсегда. И не может быть, естественно, она всегда конкретно историческая. Вот можно сказать, что в конкретно-исторический момент эти произведения были отчасти революционные, поскольку содержали в себе некий критиче-

ский социальный потенциал, хотя он не был их главным содержанием. Это было художественное творчество, решались художественные задачи, но преломившись в определенном историческом, политическом моменте оно могло иметь и имело революционный потенциал.

Другое дело, что этот революционный потенциал был скорее эмоциональный, чем осмысленный или осознанный. В силу этого, его интерпретация, как и все настроения того времени, получилась не очень точной в социально-политическом смысле, в результате чего и произошло все то, что мы имеем сейчас на настоящий момент. Мысль моя сводится к тому, что существует искусство ангажированное — осознанно ангажированное искусство, в котором высказаны конкретные призывы социального характера, и искусство настроения, которое передает дух эпохи. «Музыка революции», как называл это Блок. И если со вторым — с музыкой революции — было все в порядке, то с первым, так сказать, руководящими и направляющими идеями, было скудно. В тот момент удалось взять верх демоберальной «интертрепации», которая была выпестована диссидентской средой 1960–1970-х годов. Эта идея оказалась доминирующей, и она интерпретировала нашу «музыку революции» в своей тональности. Хотя мне кажется, что исходно, контекст раннего российского, советского рока был скорее левым, чем правым, по объектам критики.

Корр: Мы удачно вошли в плоскость следующего вопроса. Музыкальный протест против советской «системы» — имел ли он левые «нотки»? Сочетались ли они с общим правым курсом социально-политических изменений?

ИК: Я давно хочу сам написать по этой теме. У меня есть идея написать статью. Я бы назвал ее как знаменитый маклареновский фильм про панк — «Великое рок-н-рольное надувательство», часть вторая, потому что я знаю конкретно некоторые детали механики. Как (какими именно журналистскими и идеологическими кругами) рок-н-ролл интерпретировался в качестве молодежного протеста против «командно-админи-

стративной системы» и поворачивался, выворачивался в правую сторону. Кто занимался этой интерпретацией конкретно — у меня собрана целая библиография статей, как зарождалась идея, что нужно интерпретировать — это в рамках общего перестроечного вектора, как это все разворачивали... Мы были молоды и наивны. Наша позиция левой критики была во многом стихийной и не базировалась на каких-то особых знаниях. Поэтому эта интерпретация, честно скажу, — я хорошо знаю музыкальные круги, в которых вращался, — всем очень не нравилась. Все ехидно отшучивались по поводу журналистских попыток истолковать рок-н-ролл так, как он истолковывался. По этому поводу есть достаточно много комментариев и интервью известных представителей рок-движения, комментариев в самих песнях. Все это прекрасно понимали, но у артиста крайне ограниченная возможность воздействия, потому что государственная идеологическая монополия на СМИ элегантно сменилась на другую монополию.

Корр: Музыканты тех лет осознавали перспективу коммерциализации музыки, как неизбежное следствие падения социализма, со всеми ее результатами? Что ждали они от капитализма, и насколько оправдались их ожидания?

ИК: Там было несколько периодов отношения к этому вопросу. К тому же, люди разные, и все интерпретировали его с разных позиций. С позиции полной солидаризации с происходящими процессами почти никто не выступал из даровитых людей. Может быть, какие-то конъюнктурные бездарности пытались играть в эту игру, но их имена смыло дождем с облаков, никто их больше не знает. Все относились очень настороженно к свалившейся популярности, в этом чувствовалось некоторое лукавство. До конца же никто не мог понять эту перспективу за отсутствием конкретно-исторического опыта, никто не жил в этих условиях. Но паника была, чувствовалось, что времена естественности, истины уходят. Правда, в силу противоречивости всех процессов, эти времена растянулись. Я думаю что период рок-н-рольной агонии продолжался с 1988 по 1996 годы.

Было много разных моментов. Я сам от яростной критики происходящего, но с позиций не столько левых, а крайне-традиционалистских — не русско-традиционалистских, а европейских, а ля Ортега-и-Гассет, — восходил к пониманию всего этого.

Думаю, это что не противоречило, в какой-то степени, левым позициям, поскольку надо различать между народом сознательным и толпой. Происходящее я расценивал, как выпускание на свободу слепой, ведомой демагогами и идиотами, толпы, и в конце восьмидесятых годов выступал с антидемократических позиций, но, скорее, традиционалистских, выдержанных в духе консерватизма, не левых. Я понимал, кто придет. У меня в то время были очень странные антигуманистические проекты, о которых я пытался рассказать журналистам, но это вылетало из интервью. Я предлагал воспользоваться моментом, пока все можно, чтобы очень жестко поступить со всеми находящимися в заключении ворами в законе и лицами, осужденными за экономические преступления. Я предлагал убрать их физически, и лишь затем преступать к ослаблению государственных рамок. На меня смотрели как на сумасшедшего еще и потому, что я никогда не был стихийным демократом. Так получилось, что я всегда был сторонником определенного элитаризма, что сочеталось при этом с левыми понятиями о свободе и самоорганизации. На самом деле, понятия очень даже сочетаемые, но лишь в определенной исторической перспективе. Нельзя идентифицировать социального человека, который прошел определенную школу, у которого мозги замутнены определенными концепциями с представителем «народа», как у нас все время говорят. Я всю жизнь не любил быдло. И никогда не считал, что это противоречит демократии и симпатии к безгосударственным концепциям развития.

Корр: Илья, в чем разница между маем 1968 года и августом 1991-го?

ИК: Разница колоссальная, конечно. Май 1968 года был движением, которое было структурированным, несмотря на всю его внешнюю вольницу, за которым стояла деятельная школа

левых, маоистских и троцкистских организаций, действовавших в университетах Нанта, Парижа, Страсбурга, за которым стояли рабочие организации, развитое рабочее движение. Это было восстание авангарда — авангарда общества. 1991-й — это был бег толпы. Все поняли, что они не хотят жить так, как раньше, и этот единственный порыв двигал всеми. И у всех были очень разные представления о том, как надо жить дальше. В то время, как, несмотря на кажущийся абсурдизм некоторых требований 1968 года, особенно у студенческих организаций — это все-таки была осознанная философская школа, за которой стояли первые головы Европы. Здесь же было стихийное бегство к Белому дому, чтобы не дай бог не было того, что было. Причем, под «было» ведь имелись в виду последние десять лет, с 1981 по 1991 годы. Вряд ли кто-то хотел, чтобы никогда не было так, как в 1965-м, условно говоря, или в 1929 году. Все ассоциировали это с последними годами, со всей этой сумятицей — то, против чего они восставали. Это было восстание против смутного времени. А в общем у народа было такое чувство, что сейчас все получают п**ды, кто успел наговориться.

Корр: Чем обуславливалось огромное общественное значение, влияние рок-музыки конца 1980-х и отчего оно оказалось напрочь утраченным сегодня?

ИК: Ответу парадоксом: наверное, потому, что оно имело такое влияние в предыдущее десятилетие. Вообще, там слилось несколько внутренних музыкальных и социальных процессов. Внутренние процессы состояли в том, что в период с 1991 по 1993 годы младшее поколение рок-групп, которые не успели начать самостоятельно зарабатывать деньги, встроиться в новую систему, которые не были в обойме исполнителей шоу-бизнеса, — они вымерли. То есть самое интересное поколение, следующая генерация... Куча всего. «Инструкция по выживанию», «Апрельские марши» — разное, от элитных до панковских групп. Они все исчезли. Их люди начали выживать, зарабатывать себе деньги. Остался десяток, два десятка толковых коллективов, которые встроились в эстрадный шоу-бизнес,

и которые поэтому могли продолжать заниматься профессиональной музыкой. И новое воспроизводство началось буквально вот недавно, несколько лет назад. Потому что даже все, внешне кажущиеся новыми коллективы, типа «Мумми Троля» или «Сплин» — это на самом деле старые перцы. Немножко, на одну четверть генерации помоложе, которые всплыли позднее. Наследования не получилось, потому что была резкая коммерциализация всего этого. Люди, которые раньше могли где-то работать и потом заниматься музыкой, они все сразу стали только где-то работать. Я знаю сотни забросивших музыку интересных музыкантов из той эпохи. Они были не как мы, 1959, 1962, 1964 годов рождения, а 1968–1971 — вот это поколение. Они, в общем-то, все сгинули с этой сцены. Они остались только в истории: были такие группы, очень интересные. Много кто уехал... В общем, социальные процессы. Экономический кризис схлестнул и подрезал основание пирамиды — остались только монстры.

Это первая часть. Вторая — то, что рок-н-ролл связали с этой идеологией, с перестройкой, тоже оказало ему медвежью услугу. То есть, он начал уходить в прошлое вместе с социально-культурной эпохой, с которой его связали, которой он как бы принадлежал. Вторая попытка — то, что Лагутенко потом обозвал «роко-попсом», — попытка построить идеологичный рок-н-ролл, который занимается чисто развлечением, по линиям западного шоу-бизнеса — это было попыткой выйти из этой ситуации. Отвязаться от навязчивой идеи, что это должно быть постоянно связано с протестом, причем совершенно определенного типа. Наконец, я думаю, внутренний потенциал развития какого-то жанра всегда исчерпывается. Поэтому мы и говорим, что нет революционных видов искусства. Есть только социально-исторический момент, контекст.

Корр: Если говорить об этом «утонувшем поколении». Вис из «Sixtynine» этих же годов рождения, он как раз был одним из тех, кому невозможно было всплыть. Мы слышали громадный пласт очень хороших текстов и роковой музыки старой

группы «Vis Vitalis». Это все не вышло, их всех законопатили, как в подлодку и всплыли они только сегодня. Уже в другом, адекватном моменту стиле, с социальной злостью...

ИК: Утонуло множество. Множество интересных журналов, возникших в перестройку... Это не только музыки касалось. Был экономический удар, который оставил только то, что было обречено на безусловное выживание, то есть, снабжение и шоу-бизнес самого массового пошиба. Тогда же, в начале 1990-х, все заполонило второе поколение ресторанной эстрады, очень мощной. Будущий «русский шансон», блатняк. Спирт «Рояль», импортная колбаса из непонятного мяса. Пошла колониальная экономика и колониальная культура.

Корр: Вы оказывали поддержку проекту «Sixtynine». Что вы видите в текстах этой группы?

ИК: Я вижу то, что мне нравится. Вижу энергию, вижу мышление, критическое, критико-аналитическое мышление, сильную лирическую эмоцию. Ясный взгляд на происходящее вокруг. То есть то, что меня всегда интересует — искусство, которое дает оценку реальности. Я не люблю и никогда не любил игры в слова ради самих слов.

Корр: Культура социального протеста имеет будущее в России? Возможен ли ее союз с политическими движениями левого, антиглобалистского толка?

ИК: Я считаю, что возможен. Я считаю, что будущее имеется. Потому что мировой социальный кризис назревает, и не только в России. Кризис более глобализированного характера — думаю, он будет более глобальным, чем кризис 1929 года. Он будет более системным, связанным в том числе с нехваткой ресурсов. Кризис далеко ушедшей в спекулятивную сторону мировой экономики. Будут страшные потрясения. Невиданные мятежи. Естественно, это все будет сопровождаться неким искусством. Россия в данном случае может опять оказаться на переднем фланге, хотя есть и противоположный вариант, что она наоборот превратится в заповедник и один из столпов мирового порядка. Такой потенциал тоже есть. Сейчас мы сто-

им на перепутье. Очень много зависит от различных факторов, осуществление которых пока трудно предсказать.

Корр: Вы ощущаете себя участником некоей культурной борьбы? Каковы могут быть ее конечные цели?

ИК: Я убрал бы отсюда слово «культурная». Я всю жизнь ощущаю себя участником борьбы. Я бы не сказал, что она культурная, поскольку это слово имеет для меня отрицательное значение.

Корр: Некультурная борьба.

ИК: Да, некультурная борьба. Культура, по своему определению, есть нечто общепринятое. Ничто. В моей терминологии культура противопоставлена искусству. Некое отправление, воспроизведение, с общественным статус-кво, консолидирующее это общество. Скорее, борьба с культурой... Я думаю, всякий человек, обладающий базисным уровнем сознания, не может не ощущать себя участником борьбы — не обманывая себя, не впадая в состояние духовной смерти. Конечная цель борьбы — это свобода, которая в данном случае есть познанная необходимость. А познанная необходимость для человека, в моей философии — это преодоление человеческого в человеке. Преодоление не в деструктивном смысле уничтожения человека, а в смысле выхода на новый этап диалектического развития.

Портал «Communist.ru», 2003

«Мы станем богами, а зло развоплотится в ничто...»

Кормильцев более всего известен почтеннейшей публике, как поэт, сочинивший тексты практически ко всем композициям «Наутилуса Помпилиуса».

Но сам Илья отнюдь не считает это своим основным «свершением», наоборот, чуть ли не в каждом интервью он с ударением говорит о том, что писание текстов для «Нау» было «лишь одним из способов самовыражения». Спектр его занятий и увлечений гораздо шире.

О том, чем Илья Кормильцев занимается и увлекается сегодня, его расспросили редактор рубрики «Персона» Вадим Михайлов и посетители портала KM.ru.

ВМ: Фактически все продукты твоего творчества — тексты к песням, сценарии для рекламных роликов, переводы... Лишь фрагменты целого. У тебя судьба такая — соучаствовать? Есть что-нибудь, что ты сотворил сам, в одиночку — от начала и до конца?

ИК: По-моему, такое понятие, как «самостоятельное творчество», вообще является логической нелепицей: ведь все, в каком-то смысле, несамоулично. Даже толстый роман, написанный писателем «в одиночку», не совсем его «от начала до конца». Наша эпоха вообще придает несоразмерно большое значение понятию авторства — это связано, в первую очередь, с буржуазной природой эпохи и восприятием любого продукта человеческой деятельности как товара.

Для меня же наличие-отсутствие соавторов/соучастников вообще есть проблема с нулевым смыслом — интересен результат.

ВМ: Прекрасно помню трепетный шок, испытанный, кажется, в 1987 году, когда впервые услышал по радио «Я хочу быть

с тобой» и «Шар цвета хаки». Скажи, есть ли среди сегодняшнего рокопоса группа или солист, для которого ты захотел бы «выложиться», как ...надцать лет назад? То есть писать тексты именно «целевым назначением» для полностью адекватных тебе вокалистов и музыкантов?

ИК: Сейчас я такой группы не вижу, однако дело не только в группе, но и во мне самом. Мне было бы просто неинтересно во второй раз наступать на те же грабли (выходить на тот же виток, входить в ту же реку etc). Человек должен менять точки приложения, чтобы не превратиться в обосранный голубя-ми памятник самому себе. Той доле lyricist [в переводе с англ. «поэт-песенник». — *Ред.*], что еще обитает во мне, вполне хватает проекта «Чужие».

ВМ: А чем в данный момент ты занимаешься наиболее сосредоточенно? То есть, что считаешь именно своей «основной работой»? Проще говоря, на что живешь и семью кормишь?

ИК: Живу на заработок. Подсобного хозяйства и нетрудовых доходов не имею :)). Если подходить к вопросу с анкетно-бюрократических позиций, то основное место работы — издательство «Ультра.Культура», должность — главный редактор.

ВМ: А у «ультракультуристов» есть время отслеживать текущие события, в том числе и политические. Или вы настолько «чужие», что все это вам, грубо говоря, пофиг? Вы уже не с нами? Вы в своем «ультракультурном» светлом будущем?

ИК: Наоборот, как издательство с идеологическими претензиями, мы внимательно следим за всеми актуальными политическими событиями. Просто оцениваем их со своих, так сказать, «ультракультурных» позиций. Когда идет борьба за власть между Агентами Смерти, нужно использовать эти противоречия в своих интересах. Например, пока они ловят т. н. «террористов», — напечатать много-много хороших книг про наркотики :-))

ВМ: А есть у тебя, к примеру, политические убеждения?

ИК: По убеждениям я — анархист-трансгуманист. Говоря русским языком, считаю, что этот мир вопиюще несправедлив

и должен быть изменен. Тот, кто так не считает, — объективно агент власти/смерти (танатократии), из каких бы убеждений он ни исходил.

ВМ: А по жизни ты кто — оптимист, пессимист или «нейтрал»? :))

ИК: Это зависит от ситуации. В философском плане, конечно, оптимист.

Мы будем жить вечно.

Мы станем богами.

Зло развоплотится в ничто...

2003

Политинформация с Ильей Кормильцевым...

...поэтом, переводчиком, директором издательства
«Ультра.Культура».

Корр: Какие события последнего времени произвели на вас наибольшее впечатление?

ИК: Если я от чего и страдаю в последнее время, то это как раз от отсутствия событий, которые бы произвели на меня сногсшибательное впечатление. Письмо Ходорковского? Да это не событие вообще. Для меня это совершенно предсказуемое письмо. Ну что он мог еще написать. Психологически тут все понятно.

А вот в прошлом году на меня произвел действительно большое впечатление полет первого китайского космонавта. Даже не сам по себе, а безразличная реакция на это в России. Десять дней спустя я встречал вполне интеллигентных людей, которые даже не слышали об этом. Но ведь это действительно событие геополитического масштаба. На наших глазах создается совсем другая картина мира. Ведь в начале уже этого года в странах, входящих в так называемую Тихоокеанскую экономическую зону, количество людей, изучающих китайский, не китайцев, естественно, впервые превысило количество изучающих английский. Вот это действительно большое событие, которое происходит буквально на глазах. А Ходорковский — это мелкие деревенские радости, так сказать, тутошние. Хотя, наверное, они тоже для кого-то важны, скажем, для самого Ходорковского.

Корр: А какие тутошние радости важны сейчас для вас?

ИК: Если говорить совсем о личном, то на днях у меня как раз произошло одно событие. Видите ли, мой дедушка, несмотря

на то, что он был вторым секретарем Свердловского горкома партии, был большим англофилом. Конечно, ему приходилось скрывать эту свою приверженность. Один раз он что-то не то сболтнул, и его чуть за это не арестовали — как английского шпиона. Кто-то на него настучал, и он ждал, что к нему придут. Держал пистолет заряженный под подушкой, чтобы успеть застрелиться. Но тут как раз пятого марта генералиссимус помер, и дело замяли.

Поскольку дедушка был страшный англофил, у него имелся украденный из какого-то спецхрана номер «Таймс». Иногда он его доставал и поглаживал. Вообще, у него было два любимых объекта. Настоящий английский каталог Гиббонса — он был еще и страстным филателистом — и газета «Таймс». Гладил он ее и приговаривал: вот это газета, а вот это все (тут он мог показать на что угодно) совсем не газета...

Так вот, на прошлой неделе я в первый раз в жизни попал в редакцию лондонской газеты «Таймс». Жаль, что дедушки уже нет на этом свете, он бы порадовался. А произошло это знаменательное событие благодаря Госнаркоконтролю.

Корр: Объясните, при чем тут Госнаркоконтроль и почему «бежали» в Лондон.

ИК: В Лондон я вовсе не бежал, а поехал на книжную ярмарку, на которую, кстати, езжу ежегодно как руководитель издательства. Там происходили важные для «Ультра.Культуры» переговоры, в частности с американским издательством «Disinformation Company». У них есть очень интересное издание, «Все рейтинги лгут». Это типа Книги рекордов Гиннесса, но о рейтингах. Причем не всякая там мелочь вроде предвыборных опросов, а настоящие — глобальные. Вот например, знаете, какое музыкальное произведение заработало больше всего денег на авторских правах? Думаете, что-нибудь из «Битлз»? Ничего подобного — «Jingle Bells»! Или оказывается, что СССР никогда не был одной шестой частью суши. Одной седьмой, и то с натяжкой. Просто когда в 1946 году велся расчет площади, в качестве будущих союзных республик имелась в виду и вся

Восточная Европа. Этого не произошло, а заблуждение осталось. Конечно, нужно будет приблизить книгу к нашим реалиям, ведь многие приведенные там факты представляют интерес лишь для американских читателей.

Что же касается газеты «Таймс», то там было напечатано интервью со мной по поводу запрещения и изъятия Госнарконтролем книг нашего издательства. Напомню, по постановлению Ульяновского суда у ООО «Топ-книга» была изъята книга «Марихуана: запретное лекарство». А ряд других передан на экспертизу. Мы считаем эти действия незаконными. Кроме того, был создан очень опасный прецедент. В книгах, которые у нас изъяты, нет пропаганды или рекламы наркотиков. В частности у Дж.Стивенса в книге об ЛСД «Штурмья небеса» ни слова о том, как получать или употреблять этот наркотик, зато рассказывается, какое влияние он оказал на искусство. Мне это интересно как человеку, многие годы связанному с рок-н-роллом. «Марихуана» — вообще медицинская книга, которая в принципе обходит вопрос ее бытового использования. Сейчас уже история вышла за пределы «Ультра.Культуры». У издательства «Симпозиум» теперь уже Липецкий суд, но по той же системе — видно, схема продумана кем-то из их юристов, — конфисковал «Рассказики под экстази» Фредерика Бегбедера. А недавно из Госнарконтроля звонили в АСТ и выясняли у них выходные данные на Ирвина Уэлша. Но и мы не собираемся сидеть и ждать — будем тоже подавать судебные иски. В частности, Ульяновским судом были допущены грубейшие нарушения законодательства. И это им с рук не сойдет.

Портал «Большой город» (bg.ru), 3 апреля 2004 г.

Субботнее интервью

45-летний Илья Кормильцев родился в Свердловске и стал самым знаменитым из непоющих рокеров. Он автор песен «Урфин Джус» и «Наутилус Помпилиус», ему принадлежит текст, ставший гимном предперестроечного поколения «Скованные одной цепью». После распада группы «Наутилус Помпилиус» Кормильцев переводит современную прозу и становится идейным руководителем издательства «Ультра.Культура», печатающего самые спорные книги: это и роман о скинхедах, тюремные дневники Эдуарда Лимонова, и нашумевшая книга «Аллах не любит Америку». О том, зачем он все это делает, с Ильей Кормильцевым беседует корреспондент «Радио Свобода» Ольга Беклемищева.

Виктор Нехезин

ОБ: Илья, вы большинству сорокалетних известны как автор лучших песен «Наутилуса». Скажите пожалуйста, как вам кажется, что именно у вас осталось от того человека, который писал эти тексты?

ИК: Вопрос, конечно, интересный, как говорят в таких случаях. Но если не входить в глубокую философию, скажем, что мне принадлежат отдельные, наиболее яркие воспоминания этой личности, можно сравнить их с фотоальбомом. Память — это фотоальбом, причем фотоальбом всегда в какой-то степени чужой, а больше ничего не остается. Я в данном случае стою на буддистских позициях: личности как таковой не существует, кроме данного момента. То есть этот человек давно мертв. И как бы вообще каждый из нас умирает в каждое мгновение времени, которое соответствует времени продолжительности вспышки молнии, как считают буддисты. Я думаю, что говорить о какой-то связи между собой прошлым и собой настоящим совершенно нелепо, эта связь существует фиктивно, только в ощу-

щениях окружающих и своих собственных и является некоторой иллюзией.

ОБ: Я почему задала этот вопрос? Потому что, вспоминая себя прошлую, я могу сказать, что где-то лет пять еще хорошо помнится, а дальше действительно это было не со мной и неправда. Может быть, это для всех характерно? Может быть, мы действительно, умираем и рождаемся с каждой своей новой профессиональной переменой или житейской. А все-таки можно у самого себя выделить такую грань, что с этого момента я стал сегодняшним? Это может быть с чем-то связано. Например, ваше решение заняться издательской деятельностью, насколько вы сейчас ассоциируете себя с издателем?

ИК: Честно говоря, для меня эта терминология является чужеродной. Ассоциировать себя... Конечно, я не могу полностью отрешиться от понятия «Я», потому что все мы люди, всем нам присущи какие-то человеческие эгоистические свойства, какие-то неприятные привычки. По крайней мере, в области творчества я стараюсь максимально возможно отстоять от такого понятия как «Я» вообще. Я просто стараюсь, когда выбираю для себя область деятельности, чтобы этому не предшествовал долгий анализ или какие-то логические соображения. Я больше пытаюсь чувствовать поток, больше на интуитивном уровне. Я не анализирую свои поступки. Мне хочется делать это, уместнее даже пассивный залог — мною хотят делать, я это и делаю.

ОБ: Это не вызывает никакого протеста?

ИК: Мне кажется, протест против судьбы — самое бессмысленное занятие, которому может посвятить свое время человек.

ОБ: В одном из ваших интервью в Интернете я видела такую фразу, что «все должно быть взорвано». Разве это не протест?

ИК: Это протест не против судьбы. Как бы для меня за этим «взорвано» стоят совершенно конкретные личности, совершенно конкретные люди с совершенно конкретными поступками, которые, с моей точки зрения, тоже находятся в руках некоей силы, рассматриваю эту силу как враждебную по отноше-

нию к себе. Это моя функция относиться так к этим людям, это входит в задачу тех сил, которые мной руководят, скажем так. Это социальная позиция, а не философская позиция. К сожалению, очень мало кто, особенно в России, понимают глубокую разницу между этими двумя понятиями. Между тем, что можно быть смирным человеком внутри, можно быть, например, активным или агрессивным социально. В русской культуре, кажется, что человек должен быть целен насквозь с самых своих внешних проявлений до самых своих сокровенных. Попытка следовать этому идеалу, она, как правило, приводит к некоторой шизофрени и бездействию в конечном итоге. Я просто стараюсь жить в соответствии с какими-то своими внутренними принципами, которые, в сущности, как я считаю, даже не являются моими.

ОБ: К вопросу о принципах. Насколько я понимаю, вы являетесь идейно, социально участником левого интеллектуального движения. Как же быть с той фразой, которая говорит о том, что человек до 20 лет обязан быть революционером, а к сорока уже консерватором, иначе у него нет разума?

ИК: Видите, вы говорите «должен».

ОБ: Это не я. По-моему, автор или Черчилль, или еще кто-то из великих англичан.

ИК: Пусть Черчилль собой и занимается на том свете, своими проблемами. Нет никаких правил, что человек должен. Обычно так бывает, что человек просто устает в определенном возрасте. Вернее, его покидают те силы, если он с ними не пытается активно устанавливать контакт, те силы, которые его поддерживали в молодости, они исчезают. Потому что, например, по некоторым эзотерическим преданиям раннехристианской церкви, почему Христа в 33 года распяли, вы знаете? Потому что это так называемый возраст ветхого Адама. К 33 годам животная энергия полностью кончается, в этот момент ветхий человек в человеке умирает. Если в него за это время не поселяется новый человек, то есть человек духовный, то после 33 лет он еще может жить физически лет 40–50, но это уже ходячее

тело, в котором нет ничего, кроме рефлекторных каких-то взаимоотношений с миром, социальных обязанностей, обязанностей по отношению к близким и детям. Поэтому Христос умер, Адам ветхий, родился новый человек, поэтому 33 года. Удивительно, что эта гипотеза, достигнутая путем откровения через исследования текстов, у нее есть научное подтверждение, которое говорит, что 33 года — средняя продолжительность жизни человека раннего палеолита, то есть человека-обезьяны, это его биологический возраст, все остальное завоевано при помощи культуры, медицины.

ОБ: Средний возраст — это сумма. Умер в младенчестве кто-то, а в 60 другого мамонт затоптал.

ИК: Тем не менее в этой идее что-то есть. Большинство людей по молодости имеют некий переизбыток энергии. И зло, и добро, и отрицательная энергия, и позитивная, и негативная, конструктивная, и деструктивная, они даются ему животной душой. Какая-то батарейка садится, если человек до этого не выработал в себе другого материала, уже не животного происхождения, он дальше после этого и становится, как вы сказали, к сорока годам, это те же 33 года по-другому сказанные, какой-то средний возраст, к этому возрасту человек выдыхается и переходит от жизни аффективной к жизни рефлексивной. Поэтому, я думаю, что это правило является некоей эмпирической закономерностью, которую в человеческих силах преодолеть. Человек может и в 60 лет быть революционером. Посмотрите на Лимонова — человек в 60 лет мальчик, это видно даже внешне. Если человек поселяет в себе духовное существо, которое имеет возраст подростка, он будет подростком до самой физической смерти.

ОБ: А духовное существо бывает только в возрасте подростка?

ИК: Как пример привожу, потому что это наиболее наглядный пример. Есть некое вопиющее противоречие между физическим возрастом и поведением и внешним видом человека. Поэтому, я думаю, что эти все правила от лукавого. Я смотрел недавно потрясающий фильм, когда был в Англии, докумен-

тальный, который назывался «Мужчины в колготках». Это очень интересно. Какой-то парень молодой, хореограф из Национального Королевского балета, он получил грант, приехал на верфь судостроительную, построил перед собой мужиков, сварщиков, шлифовщиков и прочее, сказал: кто из вас смелый, отбираю 40 человек, из них восемь через четыре месяца будут танцевать балет. Он занимался с этими мужиками четыре месяца, оплатив отпуск, из них отобрал восемь, причем это были мужчины, самому старшему было 52 года, передел этих здоровых парней, привыкших просиживать все выходные в пабе за футболом, и таки заставил их танцевать. Может, это не совсем балет, но что-то нечто пристойное, не являющееся пародией. Они оттанцевали спектакль у себя на верфи, на палубе корабля. Тем самым показали, что человек удивительно пластичное существо. Проблема его: я не могу, в наши-то годы... Это все от лукавого. Это идет не от объективных предпосылок — годов, тела, чего-то еще, это изнутри идет.

ОБ: Ищешь легких путей, и сам на себя накладываешь запрет?

ИК: Парадокс в том, что легкие пути, они, как правило, не легкие. Потому что жизнь человека, который социализирован типично, нормально, она довольно тяжелая. Он вынужден отказываться от многочисленных желаний и порывов, он страдает многочисленными неврозами, связанными с постоянной необходимостью соблюдать свою социальную страту, не вылететь с рабочего места. Жизнь какого-нибудь человека богемы, бунтаря, революционера, сумасшедшего исследователя, который ловит какую-нибудь гигантскую мышь в тропических джунглях, намного легче, если иметь в виду эмоциональное существование человека, это намного более цельно. Люди, которые переживают жизнь гораздо полнее.

То, что мы называем «искать легких путей», чаще всего означает искать путей социально приемлемых. А авантюрист живет очень социально неприемлемой жизнью, но многие называют легкой жизнью именно это. Есть противоречия в терминах.

Люди называют легкой жизнью совершенно взаимоисключающие вещи, как бы потому, что слова вообще обманчивы. На самом деле человек... просто в нем две потребности расходящиеся, социальное существо, с другой стороны, наделен сознанием, сознанием по своей природе индивидуалистично. В большинстве случаев социальное побеждает индивидуальное по той простой причине, что индивидуальное питается именно духовным существом. А если оно не породилось, то животная душа изнашивается к 33 годам, и сил, чтобы плыть против течения не остается в социальном смысле. Дальше живут легкой жизнью, которая, с моей точки зрения, чудовищно тяжела.

По поводу левых убеждений. Я не считаю, что я когда-либо придерживался левых убеждений в каком-нибудь каноническом смысле. Если иметь в виду чисто политические убеждения, то менялись несколько раз за жизнь, причем довольно на противоположные векторы. Политические убеждения — это всегда не более, чем функция момента, относиться к ним надо цинично. У тебя есть некая задача, твоя задача, политические убеждения, если ты занимаешься активной социальной жизнью, они могут тебе эту задачу решить, если ты примкнешь то к той, то к другой стороне. Совершенно все равно, правые, левые, синие, меня интересует тот, кто в настоящий момент работает на мою задачу.

ОБ: А можно пример? Вот вы издали тюремные дневники Лимонова, как, на ваш взгляд, это работает на вашу задачу?

ИК: Мне очень нравится Лимонов. Мы с ним дружим, он очень хороший человек, очень интересный человек, очень замечательный человек, очень талантливый писатель. У меня нет никакого пиетета перед его политическими убеждениями, для меня совершенно неприемлем национализм ни в какой форме, потому что я не интернационалист, а антинационалист. Я считаю, что сама идея наций — это одно из мощных оружий дьявола на земле. Национализм для меня его неприемлем. Опять-таки, это его личная беда. У меня много друзей-гомосексуалистов, я гетеросексуал. Ну и что? Это их личная проблема. Это всегда

брак по расчету, брак с любым автором, особенно в области нехудожественной литературы, где выражаются определенные идеи.

ОБ: То есть вы так Лимонову и говорите: твой национализм я не люблю.

ИК: Безусловно.

ОБ: А что любите?

ИК: Факел преемственности, который он несет — близко и понятного по духу либертарианства начала века и даже века прошлого. Ту великую романтическую эстафету, которую он выхватывает, это в нем мне нравится, это его начало, я понимаю даже прекрасно, как из него рождается политическая активность. Национал-большевистскую партию как партийно-молодежный клуб по концентрации всех молодых людей талантливых, которые противостоят господствующей социальности, я ценю очень высоко. Национал-большевистскую партию как конкретную политическую практическую единицу я не оцениваю никак. Слово «партия» в данном случае не более, чем эстетический прием.

ОБ: Хорошо, личностей не существует, политические убеждения — условность. Может быть, есть то, зачем вы издаете такую политическую литературу?

ИК: Есть послыл. Я могу озвучить какие-то свои мечты и чаяния, естественно. Но я всегда озвучиваю и осознаю, что это всего лишь образ. Если это образ подменит собой реальность, то я попаду в плен этому образу и сразу на меня поставят какой-то ярлык — «правый», «левый». Поэтому как-то опасно озвучивать. Для этого способ хороший существует. Я считаю, что есть какая-то польза в постмодернистской иронии. Польза в том, что она дала очень хороший способ уходить от окончательного ответа. Почему нужно уходить от окончательного ответа? Не только потому, что он невозможен, он всегда будет ложным, но еще и потому, что окончательный ответ всегда берет в плен того, кто его произнес. Жизнь — это не окончательный ответ.

«Радио Свобода», 3 апреля 2004 г.

К радикальному абсолюту

Беседа Вадима Штепы с главным редактором издательства «Ультра. Культура» Ильей Кормильцевым.

ВШ: Илья, Ваше имя у большинства публики продолжает ассоциироваться скорее с рок-музыкой, чем с литературными переводами и книгоизданием. Что же все-таки сподвигло Вас так круто изменить сферу приложения Ваших творческих сил? Литература Вам кажется актуальнее музыки?

ИК: Публика — это скопище идиотов, которой важнее всего чего-нибудь с чем-нибудь ассоциировать, чтобы не думать мозгами, которых, впрочем, в большинстве случаев просто не имеется. Если я завтра захочу танцевать, то буду танцевать. Другой вопрос — плохо или хорошо. Занимаюсь я всегда одним и тем же отрицанием реальности. Да, в последнее время музыка — плохой инструмент отрицания реальности. Впрочем, она выполняла эту функцию слишком долго и слишком плохо, на не вполне заслуженных основаниях. В последнее время я склоняюсь к мысли, что все это (с музыкой) было подстроено специально.

ВШ: То есть музыка просто на новом витке привела в ту же реальность, от которой раньше пыталась людей освободить? Здесь проблема в том, что шоу-бизнес с потрохами съел музыку, или у самих «рок-революционеров» не хватило драйва тотально изменить эту реальность?

ИК: Да нет, музыка вообще не в состоянии изменить реальность (кроме того, по большому счету, для философской точности скажем, речь идет не столько об изменении, сколько об отмене реальности). На нее перенесли акцент, чтобы использовать ее как клапан — через рок-культуру было сдуто

очень много метафизического напора 1960-х. Я думаю, что с определенной стороны пар направлялся в этот клапан вполне сознательно. Музыка стала символом революции, пожравшим революцию, но вера в этот символ была столь сильна, что по инерции продолжалась еще три десятилетия, пока с музыкой происходили те же изменения, что и с Элвисом в свое время — росло брюхо, тупел и мутнел взгляд и т. п.

ВШ: «Ультра.Культура» выпускает самые разнообразные книги — от художественной литературы до философских трактатов и радикальной публицистики. Как бы Вы все же сформулировали основное творческое кредо, если угодно, миссию издательства?

ИК: Радикальное просвещение. Воспитание людей, способных ставить реальность под сомнение.

ВШ: Вы, как все настоящие нонконформисты, отрицаете реальность, но какую предлагаете позитивную альтернативу?

ИК: Преодоление реальности и есть позитивная альтернатива. Это кризис, а не стагнация, процесс, а не результат, становление, а не ставшее. Поскольку реальное независимо от своего содержания обладает свойствами абсолюта. Ну, если хотите парадоксов, так вот: позитивная альтернатива — это установление безальтернативного абсолюта.

ВШ: Судя по запрету некоторых ваших книг и проблемам с офисом, вы явно впали в немилость у московских властей. Лужков сейчас, как известно, пытается прихлопнуть кепкой и интернет. Это, по Вашему, глупость именно нынешней власти или продолжается историческая традиция московского самодержавия?

ИК: Конечно, историческая традиция!

ВШ: В одном из Ваших интервью в интернете Вы говорили об «ордынско-византийской архаичности» нынешней России. Какие пути освобождения от нее Вы видите?

ИК: Увы, крайне радикальные. В духе пресловутого плана Бжезинского. Великороссы за свои мерзости заслуживают

гораздо большей оккупации и перевоспитания, чем несчастные немцы.

ВШ: Хорошо бы оные мерзости несколько расшифровать...

ИК: Да за одну чеченскую историю судить надо. И не политиков, а тупое, скотское стадо самовлюбленных москалей. За то, что ни одной повестки не было сожжено во времена Афгана. За то, что они сделали с марксизмом, наконец. Впрочем, я за уничтожение всех наций.

ВШ: Большевики уже пытались построить мир «без России, без Латвий» — получился, увы, совок. У Вас нет опасений, что «Империя» Негри и Хардта приведет к тому же в глобальном масштабе?

ИК: Ошибочный силлогизм: совок получился в силу отказа от интернационализма, а не наоборот. В силу того, что совок был Московским ханством в ином исполнении. В этом смысле историческая преемственность прерывалась (и то относительно) только в период 1917–1922 и 1991–1993. Остальное я воспринимаю как различные фазы одного и того же режима.

Журнал «ИНАЧЕ», июнь 2004 г.

Интервью «Радио Пилот»

Ведущие: Ну что ж, продолжаем нашу программу, и наконец-то у нас в гостях автор большинства текстов группы «Наутилус Помпилиус», ныне главный редактор издательства «Ультра.Культура», поэт, писатель переводчик и просто отличный собеседник — Илья Кормильцев. Встречайте! Здравствуйте, Илья!

ИК: Здравствуйте.

В: Немножко про вашу жизнь: каким вы были в школе?

ИК: Такая странная смесь ботаника и хулигана... Посередине такой — тихий омут, в котором черти водятся. То школу мы травили слезоточивым газом, то взрывы устраивали...

В: Успешно?

ИК: Победила дружеская ничья в конечном счете, потому что и школа стоит, и я жив.

В: Когда и кого вы ударили в последний раз и почему?

ИК: Последний раз в жизни мне пришлось драться с Михаилом Козыревым по поводу расхождения во взглядах на структуру медиа- и шоу-бизнеса в рамках постсоветской России.

В: Такой вопрос еще по поводу кухни. Что получается на кухне готовить лучше всего?

ИК: Дело в том, что я увлекаюсь кулинарией на протяжении 15 лет...

В: Самое любимое блюдо какое тогда?

ИК: Я люблю две такие противоположности: с одной стороны экзотические пряные кухни типа бенгальской или южноиндийской, с другой, я люблю такие простые сочетания типа водка-капуста. Могу сказать только одно: я очень люблю кухню,

считаю, что я в ней довольно неплохо разбираюсь и в общем думаю, что могу работать ресторанным обозревателем вполне приличного журнала, хотя мне в силу загруженности все реже и реже удается развлекаться подобными вещами. Дохожу даже до такого унижения, что заказываю take-away или пищу с доставкой, но в принципе для меня это бездонная пропасть морального и нравственного падения, как для человека, который умеет готовить сам...

В: Последний каверзный вопрос. Что бы вы хотели услышать у себя на похоронах, какую песню?

ИК: Я бы честно говоря, хотел бы как-нибудь обойтись всем без похорон. Я недавно прочитал у Берроуза, что большинство людей избегает мысли о своей смерти, да?

В: Естественно...

ИК: Как раз неестественно. Потому что зачем избегать мысли о том, что неотвратно? И поэтому для них она почти всегда оказывается неожиданностью. Берроуз пишет, что для того, чтобы победить смерть в этом отношении, надо самому себе придумать ее. Я понял, что должен в 78 лет, катаясь на яхте, исчезнуть во время шторма. То есть тело не будет найдено.

В: Ладно, давайте вернемся к группе «Наутилус Помпилиус». Все-таки по прошествии лет можно что-нибудь досказать по этому поводу. Почему все-таки расстались с Бутусовым?

ИК: Честно скажем, что это по большей части его инициатива. Поэтому, наверное, и вопросы надо задавать ему.

/ Можно говорить, да? Я — Вячеслав Бутусов. Ну и что я должен ему ответить на это заявление? /

ИК: Очевидно, он просто устал. То есть ему просто надоело в очередной раз с собственной жизнью, он пытался уйти от себя... По большому счету ничего у него из этого не получилось. Потому что одна группа, другая группа — какая разница? Не стал же он художником-аниматором в результате этого, или виноделом, или чем-нибудь другим. Я считаю, что он больше потерял, чем приобрел, я ему всегда в лицо говорил, что зачем

стоило дрова ломать? Тексты у Славы какие были в «Наутилусе», такие в принципе и остались, он всегда пытался быть таким слегка ироничным романтиком...

В: «Гибралтар, Лабрадор...»

ИК: «Гибралтар, Лабрадор» — это не его текст, это из кавер-альбома на стихи Гуницкого, который сотрудничал с «Аквариумом» в «Треугольнике» и прочее...

В: Когда-нибудь возможно возобновление отношений на этом уровне?

ИК: Мы как бы обсуждаем этот вопрос раза три-четыре в год, но ни разу это еще не пересекло черты, отделяющей трюндеж от реальных действий. Я думаю, каждый из нас достаточно неплохо себя чувствует в той деятельности, которой он занимается сейчас. Нужно сделать над собой некое сверхусилие, чтобы снова этим заняться, да и территориально...

В: А многие бы хотели, чтобы сверхусилие свершилось... Но мы тем не менее через несколько минут поговорим о том, чем сейчас занимается Илья Кормильцев, насколько он успешен в своем деле.

Мы продолжаем наш разговор с Ильей Кормильцевым, автором большинства текстов группы «Наутилус Помпилиус», ну а ныне — главным редактором издательства «Ультра.Культура». Вот собственно про это издательство и хотелось бы поговорить... Насколько я понимаю, Илья, издательство, видимо, скандальное. Так ли это на ваш взгляд?

ИК: На мой взгляд это совершенно не так...

В: С чего все начиналось?

ИК: Оооо..! Начиналось с того, что после окончания музыкальных приключений я очень долго думал, чем заниматься. Стихийно сложилось так, что я начал заниматься переводом. Естественно, у меня были свои специфические интересы, которые формировались еще в «Наутилусе» в какой-то степени. В результате этого я начал заниматься, ознакомившись с Алексом Керви, такой специфической литературой... Сейчас вот опре-

делились с этим, начали называть на Западе это underground literature, это в плане восприятия человеком мира...

В: То есть, насколько я понимаю, литература далеко не для каждого.

ИК: Литература вообще не для каждого по определению. Следует провести разницу между литературой и текстом для чтения.

В: А откуда начинается литература?

ИК: Я вообще убежден, что искусство никогда не бывает адресовано «всем людям» и даже большинству людей. Искусство это определенная среда, которая излучается мутацией сознания, поэтому и интересует тоже мутантов, то есть тех, кто хотел бы изменить свою модель поведения в обществе. Детектив, сериал — это все мантры, которые нужны среднему человеку, чтобы глушить сомнения в том, что этот мир таков, каким он ему кажется. Потому что для среднего человека перестать в это верить — это деструкция, потеря вообще всего.

В: Вернемся к вашему издательству. Какие имена вы издаете и критерии выбора этих имен?

ИК: У нас есть творческое ядро (при желании можем назвать его редколлекцией), в которое входят 5–6 человек. У нас есть друзья, к мнению которых мы прислушиваемся. Их гораздо больше. Но главное — это принцип резонанса. То есть мы берем книжку, текст, подносим к себе, как камертон. Если начинаешь «звенеть» вместе с ней, значит, это хорошее, значит, это мы должны делать. Если все из этого партизанского объединения «прозвенели», значит, мы это начинаем делать.

В: Но ведь литературы очень много, чтобы выбрать все и прочитать все. Все равно изначальный какой-то критерий существует.

ИК: Ориентируемся на автора, на тему, а вообще читать приходится очень много.

В: Фамилии, имена, которые вы издаете. Что искать в магазинах?

ИК: Те, кто называют нас политическим издательством, глубоко ошибаются. Политика для нас — слишком мелко. Мы метим гораздо выше. Как говорил Адольф Гитлер, «глубоко ошибаются те, кто считает, что мы просто еще одни обыкновенные политики». И не особо симпатизируя его делу, в данном случае я примыкаю к этой его идее. Потому что обычный политик это человек, который, в сущности, ничего не меняет в мире. Он осуществляет оперативное управление обычно в своих интересах или интересах какой-то группы людей, которая за ним стоит. Но в частности поэтому мы делаем биографии подобных людей. У нас есть серия «Жизнь запрещенных людей». И нас спрашивают: «Что объединяет этих людей?» Как могут быть в одной серии Тимоти Лири и Джохар Дудаев. Их объединяет одно и то же — они плыли против течения. Для нас этот принцип («плавание против течения») гораздо важнее, чем конкретный повод. Другое дело, что заниматься людьми, которые широко известны в этой роли как основоположники метафизического сопротивления, не очень интересно. Мы пытаемся пролить свет на малоизвестные, на менее известные фигуры, показать непрерывную традицию этого сопротивления, показать, что она не прерывалась ни на миг. Она и сейчас продолжается. В лице того же Бен Ладена. Я ставлю trademark, потому что я не верю в существование реального человека Усамы Бен Ладена, я верю в существование концепции. Но в любом случае это некий коллективный собирательный образ врага. Сразу после взрывов 1999 года мой брат приехал в Москву, и появились тогда в метро плакаты террористов, которых надо ловить. Там были такие рожи! Такие люди бывают в голливудских фильмах категории Б. И мой брат посмотрел так хитро на эти фотографии и сказал: «По-моему это портрет коллективного бессознательного москаля». Ужас!

В: С этих рож перейдем на ваши. Хотелось бы поговорить про вас как про переводчика. Насколько я понимаю, существуют байки как во время пребывания здесь, в Екатеринбурге, вам пришлось за две недели выучить португальский. Сколько языков вы знаете на самом деле, и правда ли про португальский?

ИК: Есть один язык, на котором я могу говорить очень хорошо, пара языков, на которых я могу говорить достаточно прилично, и языков шесть, с которых я могу переводить.

В: То есть вы как Папа Римский?

ИК: Папа Римский больше языков знает, чем я.

В: Я понимаю что больше, я в том смысле, что надо выучить язык — вы его выучиваете?

ИК: В принципе да. Про португальский — это правда. Я его, конечно, не выучил, но для того, чтобы отвечать девушкам из волейбольной команды (в чем и состояла задача) на вопросы типа «во сколько будем кушать», «куда едет автобус» и пр.

В: То есть португальский в Свердловске не знал никто, кроме вас?

ИК: Да. Была еще пара тетенек-геологов, которые работали в Анголе...

В: Но они только камни могли перечислять...

ИК: ...но они были в возрасте, им не хотелось этим заниматься.

В: А насколько сложно адаптировать сознание португальское, итальянское, выраженное на этом языке, на русский?

ИК: Мне все-таки больше всего приходится работать с английским. Это связано с тем, что большая часть современной продвинутой культуры создается в англосаксонском мире, хотя я думаю, что это ненадолго — ситуация уже начинает переламываться...

В: Хорошо. Когда я покупаю книжку, на которой стоит переводчик Ильи Кормильцев, я могу...

ИК: Есть разные мнения в отношении меня как переводчика. Существует очень активная и большая группировка, которая поставила перед собой задачу сравнять меня с землей. Но я думаю, что за этим стоят больше политические соображения. Это во-первых, а во-вторых, цеховые. Широко известно мое мнение по поводу Харуки Мураками. Я называю его книги «способ за сто рублей казаться умным».

В: Я читал и более лояльную вашу рецензию...

ИК: У меня как всегда большие неприятности с интеллигентами. Интеллигентов с детства ненавижу, а русских интеллигентов — особенно. Хотя интеллигенты по существу только в России и существуют. Может, конечно, еще существуют в Индии, в африканских странах. Это вообще признак Третьего мира — наличие интеллигенции.

В: За что не любите?

ИК: За трусость. За отсутствие корпоративного мышления. За отсутствие желания защищать свои интересы. Когда задевают твои интересы, в Лондоне выходят полтора миллиона человек, как, например, на демонстрацию против войны в Ираке. Даже если среди них есть профессора, преподаватели колледжа — это не интеллигенты. Интеллигенты — это те, кто сидят на кухне и говорят: «А знаете ребята, а наверное, нас всех в следующем году снова садить начнут. А, вы слышали про это? А, паспорта снова будут менять — зачем менять? Ой, какая ужасная страна, в которой мы живем. А когда были в Амстердаме, знаешь, как клево было, зашли в клуб...» Я их ненавижу! Это из-за них в России все проблемы, а не из-за быдла, быдло везде одинаково. Смею заверить, что в Великобритании быдло в пабе рядом со стадионом с футбольным клубом, оно еще хуже, чем местное, еще агрессивнее.

В: Политические взгляды...

ИК: Это не политические взгляды, бросьте! Это не политика.

В: Хорошо, эти взгляды мы поняли у Ильи Кормильцева. С Ильей Кормильцевым, как с поэтом, поговорим буквально через две минуты.

Продолжаем наш разговор с Ильей Кормильцевым — поэтом, писателем, переводчиком, а ныне главным редактором издательства «Ультра.Культура». Про поэзию хотелось бы поговорить немножко, в частности про рифмы. Насколько я понимаю, хороший поэт может найти любую рифму. Так ли это?

ИК: Честно говоря, я никогда не был особенным поклонником рифмованной поэзии. Воспитавшись на англоязычной поэзии, на Шекспире, на Элиоте, мне всегда казалось, что не любовь в русской поэзии к верлибру связана не столько с особенностями русского языка как такового, сколько с некоторыми особенностями русской ментальности. Рифма мне кажется некоторым признаком монархического или тоталитарного склада мышления, то есть для того, чтобы стихи запоминались...

В: Чтоб читатель...

ИК: Да... А рифма, как правило, душит мысль. Я небольшой поклонник рифм и всегда предпочитал пользоваться их крайне ограниченным ассортиментом.

В: То есть то, что вы делали для «Наутилуса», типа «доказывать что сильный жрет слабых, доказывать, что сажа бела»...

ИК: Да... Вся поэзия во всех языках мира начиналась как нерифмованная — это абсолютно установленный факт. И рифма появилась знаете когда? Когда перестали петь стихи (а они всегда декламировались, все эти баллады и былины), когда размера одного не хватало, для того, что все это было запоминаемо, появилась рифма как дополнительный элемент сцепления для мнемоники, чтобы запоминать было легче.

В: Тогда вообще про поэзию, пускай свободную. Тяжело ли быть поэтом? Часто ли приходится сублимировать? Я имею в виду создавать такие ситуации в жизни, когда приходится вгонять себя в стресс, дабы лучше придумывалось...

ИК: Условно говоря, поэт — это бездельник по большому счету. Это давно известный фактор и даже всеми классиками, начиная с Александра Сергеевича Пушкина, везде упомянуто, что это «плод свободного досуга», поэтому легко ответить на этот вопрос: учитывая, какова современная жизнь и как мы все живем сейчас, можно сказать, что поэтом быть очень трудно, потому что для этого находится очень мало времени. Если человек хочет заниматься только поэзией, то он не должен делать больше ничего вообще. И еще поэт, как правило, — чело-

век, который больше ничего и не умеет делать. Очень трудно быть поэтом, если ты умеешь делать что-нибудь еще...

В: То есть вы — не поэт?

ИК: В классическом смысле слова, как человек, который все свои силы вкладывает в поэзию, я, конечно, не поэт. Особенно в последнее время... Если мне в год удастся написать 3-4-5-6 стихотворений, это уже очень много.

В: Про нашу местную культуру... Все-таки... У нас когда-нибудь сознание граждан изменится в плане того, чтобы читать лучше, слушали лучше? Или это утопия?

ИК: Сознание граждан уже изменилось. Нынешняя молодежь в принципе гораздо лучше, чем наше поколение в их возрасте. Оно гораздо более продвинутое. Не хотелось бы в это верить, но в принципе у меня самые пессимистические оценки и воозрения касательно России и ее будущего.

В: Последний вопрос. Ваш совет для того, кто хочет услышать от вас на предмет «что почитать в ближайшее время». Именно погрузиться полностью в книгу — реально ли такое? Чтобы изменить что-то в своем сознании?

ИК: Во-первых, одной книгой тут не обойдешься... ни для того, чтобы изменить сознание, ни для того, чтобы перестроить его. Я как всегда буду рекомендовать наши собственные книги. Мы начали одновременно издавать две серии авторов, пишущих по-русски. Эти серии называются «Русский Drive» и «Новояз». Мы начинаем печатать русских авторов, которые нам нравятся, и рекомендую, во-первых, Александра Уварова (первая книга его вышла в серии «Русский Drive» и называется «Ужин в раю»). Я очень советую прочитать вышедший роман Андрея Бычкова «Дипендра». Это такой редкий образец литературы, которой не очень много у нас в России и которая в традиции Грэм Грина — «русские в экзотических странах». Действие там разворачивается в Непале, что само по себе уже интересно в смысле антуража и количества включенной в текст индийской мифологии и прочее. Замечательный совершенно Тарасенко —

«Черный крест». Это трешевый антиутопический, бойкий роман, местами отдающий то «Бравым солдатом Швейком», то Оруэллом. Это роман об оккупации Европы российской армией после того, как сбылись мечты ультрапатриотов о великой империи. Но если у Крусанова все это с воздыханием и с прелестью — «да вот Константинополь, да вот Проливы, да вот Кесарь», то там это очень иронично, он показывает, что выйдет из торжества новой Российской Империи над цивилизованным миром и как это будет выглядеть.

В: Спасибо большое, Илья. Думаю, что еще не единожды встретимся, в том числе и на улицах Екатеринбурга.

*Радио «Пилот», Екатеринбург, 24 ноября 2004 г.
Беседовали Алексей Кузнецов и Ольга Невская*

Дебилизация населения посредством искусства

А. Черкизов: Добрый вечер. Сегодня суббота. Стало быть «Кухня». Кто в гостях — писательница Полина Дашкова, Виктор Лошак, журналист. Как мне недавно он сам рассказал — безработный. Илья Кормильцев, поэт, переводчик, глава издательства «Ультра.Культура», Евгений Бунимович, депутат Мосгордумы, координатор деятельности Мосгордумы по вопросам культуры, искусства и образования, председатель комиссии по образованию Мосгордумы. А говорить мы будем вот на какую тему. В минувший четверг состоялось первое, на моей, может быть не очень осведомленной, памяти за 11 лет заседание правительства РФ, посвященное вопросу культуры. И там разгорелся некий спор, переходящий плавно то в скандал, то в полускандал, в ходе этого спора министр обороны Сергей Иванов, вспомнив недавних двух дезертиров, которые убили двух милиционеров, сказал: «Вот вы проверили, что они читали, они читали книжку взахлеб “Убить мента”». Заговорила дебилизация населения посредством искусства. Вот это тема нашего сегодняшнего разговора. А первый мой вопрос таков. Сидят в Белом доме на Красной Пресне политики, члены правительства, вот они разговаривают про культуру, что для вас этот факт. Виктор Лошак.

В. Лошак: Я хотел бы вас немножко поправить, все-таки за 11 лет правительство не раз обращалось к вопросам культуры, в разных аспектах слушало министров. Это было знаковое скорее заседание, потому что на нем должна была рассматриваться программа развития культуры и средств массовой коммуникации в России на ближайшие годы. И все, что получилось из этого заседания правительства — это и грустно, и смешно,

и очень тревожно. Потому что в результате заседание пришло ни к чему, отчет министра перенесен на полгода вперед, он будет зачитываться летом и рассказывать, как должны развиваться средства массовой коммуникации и культуры. На самом деле главный итог то, что правительство само продемонстрировало собственный уровень культуры, понимание некоторых норм демократии. Ведь речь шла о цензуре на этом заседании и возможности корректировать телевидение, газеты. И на самом деле этот разговор о собственном профессионализме и уровне культуры власти, видимо, его вызывает прошедшее заседание правительства.

АЧ: Женя Бунимович.

Е. Бунимович: Поскольку для меня обе стороны вопроса — и культура, и власть — сегодня имеют какое-то личное мое отношение, то могу сказать, что я считаю, что Андрей прав, потому что, может быть, и были какие-то заседания в области культуры, но, честно говоря, никто на это никогда не обращал внимание. Я даже не очень помню, были ли они.

АЧ: Были. Сам принимал участие летом 1993 года.

ЕБ: Мне кажется, что был один реальный шаг. Вообще вопрос в том, что такое власть по отношению к культуре, — серьезный вопрос. И один реальный позитивный шаг наша власть лет 10–15 сделала и очень сильный. Она перестала мешать в какой-то момент. В районе 1990-х годов власть перестала мешать искусству делать то, что оно считало нужным, конечно, в рамках Уголовного кодекса. И это был очень позитивный шаг, который невероятные дал результаты. Потому что в Москве за это время одних театров появилось втрое больше, чем их было. До этого был один «Современник», «Таганка». И я не буду перечислять «Центр Мейерхольда» и «Театр Фоменко», очень много чего появилось. И самое главное, сама возможность появилась. Хотя театр это все равно сложно, это помещение, труппа, зарплата. В области книгоиздания мы за несколько лет прочли все то, что читала вся Европа.

АЧ: Я прошу прощения, но книгоиздание стало первой еще в советские годы рыночной экономикой, еще в Советском Союзе.

ЕБ: Вот об этом речь. То есть власть перестала мешать. И это был большой позитивный шаг, несомненно. Возник другой вопрос. Наверное, кроме мешать, по идее, надо помогать. Собственно помогать это второй шаг политики власти в области культуры. Но как и кому, кстати, только что перед нашей передачей я услышал, когда Женя Кириченко говорил о войне, — вот это и есть форма поддержки. Было сказано: «При поддержке комитета...» — вот это нормально. Если мы говорим о 60-летию Победы, то какую-то осмысленную передачу, наверное, это и есть политика в области культуры, можно поддерживать. Хотя в каких рамках это, наверное, тоже вопрос. Наверное, в каком-то конкурсе, через какие-то гранты, это действительно политика в области культуры. То, что происходило на Правительстве, не имело к этому никакого отношения. Они просто говорили о другом, как обыватели нормальные, не хуже, не лучше, кстати, вот так реагируют. Начался бесконечный разговор про «Аншлаг», который я уже слышал, вот как пришел у нас новый министр культуры, как он сказал сразу, что его главная задача в этой жизни закрыть «Аншлаг». Так я понял, что «Аншлаг» он не закрое, а бед будет много. Вот так всегда происходит. Потому что всегда, как только начинается разговор о том, что помогать, вместо этого начинается идея цензурирования.

АЧ: Я бы даже сказал так, что когда они задаются вопросом, а не помочь ли, они сразу говорят следующую фразу: «Это мы решаем, кому помогать, кому нет, это мы решаем, что есть искусство, что не есть искусство». Вот такая позиция. Полина Дашкова, вы человек пишущий, поэтому вам проще определить роль власти и искусства.

П. Дашкова: Да нет, пишущему человеку не проще, и как только власть начинает рассуждать об искусстве так, как она рассуждала, сразу пишущему человеку становится немножко не по себе.

АЧ: От чего вам больше всего не по себе по поводу этого со-
вещания?

ПД: Прежде всего, мне не по себе оттого, что министр обо-
роны человек, по статусу ему положено быть человеком обра-
зованным, искусством считает книжку «Убить мента». Потом
мне стало не по себе, что, на мой взгляд, существует очень кон-
кретный показатель, вот каковы на сегодня отношения между
властью и культурой. Это состояние провинциальных музеев
и библиотек. Это деньги, которые на это выделяются, уровень
жизни людей, которые занимаются этим. И когда начинают
говорить о высоком, об искусстве, видя книжки «Убить мента»
или передачи «Аншлаг», мне становится не по себе еще не по-
тому, наверное, что я боюсь возвращения цензурных моментов,
а просто от действительно какой-то беспомощности и обыва-
тельского тона, который сразу берется правительством. У нас
сменился министр культуры, и были надежды на то, что как-то
все-таки та реальная культура, которая находится в совершен-
но запущенном состоянии, хоть немножко поднимется. А вот
это заседание оно надежду эту убило.

АЧ: Илья Кормильцев. Пожалуйста.

ИК: Честно говоря, для меня как человека, который стал-
кивается с этим вопросом, работая в области книгоиздания, да
и конкретно сталкивается непосредственно с политикой прави-
тельства в области культуры, в лице прокуратуры, Госнарконт-
роля и других интересных организаций, у меня удивления ни-
какого все, что прозвучало на этом заседании, не вызвало. И не
удивило, потому что у меня давно есть вполне определенное
мнение о культурном и прочих уровнях развития правитель-
ства, которое действует в настоящий момент. Что меня боль-
ше всего удивило и больше всего вызвало размышлений и за-
ставило задаться определенными вопросами, прекрасно было
понятно, что это будут показывать, освещать в СМИ, то бес-
стыдство и уверенность в том, что так и надо, с которым чле-
ны правительства демонстрировали свой культурный уровень,

свое понимание проблемы. Было понятно, что это же и пока-
жут, и об этом расскажут СМИ. Такая уверенность, она быва-
ет только в двух случаях. Или в том случае, что он уверен, что
бы он ни сказал, ему все равно никто ничего не скажет и ни-
чего ему не будет. И второе, хотя в принципе это одно и то же,
что основной посыл того, что он говорит, обращен к абсолютно
индифферентной аудитории, которая думает примерно также,
которая поддержит, скажет, да, конечно, сколько же это может
продолжаться. То есть это глубокая уверенность, что мнение
большинства совпадает, и отношение большинства как совер-
шенно справедливо было замечено, что это был разговор сред-
них обывателей, направленный очевидно на поддержку и на
энтузиазм тех же самых средних обывателей, которым он был
адресован. И что меня заволновало, что действительно являет-
ся проблемой, насколько адекватна такая оценка собственно-
го народа правительством. Насколько она соответствует исти-
не или может быть, все-таки эти люди немного заблуждаются,
и люди в среднем более умны, более тонки, менее однознач-
ны в своих оценках того, что происходит в стране в отноше-
нии культуры или искусства. Вот это для меня действительно
вопрос. А то, что мы слышим от правительства, мы это мог-
ли услышать всегда и везде на заседании любого райкома.
И по уровню это заседание райкома 1982-го года напомина-
ло. По уровню лексики, всего происходящего. Для меня это
не удивительно, поскольку я знаю творческий трудовой путь
этих людей. Никем другим они быть и не могут. Меня другое
беспокоит, насколько вот это отношение желание цензуриро-
вать, руководить, запрещать, оно является их личным или на-
сколько они твердо уверены в том, что они знают душу народа,
которым руководят.

АЧ: Я хочу сказать от себя, что когда я смотрел в тот день,
специально смотрел все новостные программы, это заседание
правительства, что меня поразило, прежде всего, абсолютная
невоспитанность и бескультурье слушающих министра культу-
ры. Я хочу напомнить, как среагировал Сергей Шойгу. Не про-

шло и 5–10 минут, как он прервал выступающего министра и стал его поправлять с точки зрения русского языка, что он это не понимает, что написано, что это не понимает. Камера работает, хочется показать, какие мы приближенные к господину Фрадкову, а какой ты новичок, пришедший в правительство и первый раз выступающий с большим докладом. Но мне это показалось, не скажу странным, скажу — хамским. И второе, это выступление Сергея Иванова, когда он вдруг спустился до очень странного уровня оценки культуры, когда название 50-го романа и 145-го этажа детективной прозы определил, будто бы это название позволило себе определить поведение двух дезертиров. Что на самом деле смешно. И вот какой у меня второй вопрос. Почему вы думаете именно сейчас эти министры, а это скажем честно оба министра-силовика: и Иванов, и Шойгу. Почему они решили вдруг так себя повести? Почему они решили пойти в такую атаку, по сути дела, вызывая из памяти цензуру. Виктор Лошак.

ВЛ: Я хотел сказать, что радиослушатели не должны понять, что мы представляем правительство как одного человека с одной головой...

АЧ: Это коллективный орган.

ВЛ: На этом заседании были очень разумные и точные выступления Германа Грефа, Олега Добродеева, Михаила Швыдкого. Это не так, что все сказали, что солдаты читают книжки, после них убивают милиционеров. Почему так произошло? На мой взгляд, власть находится вне зоны критики, она потеряла вот это необходимое в демократическом обществе некое чувство того, что каждое твое слово общество взвешивает. Что ты находишься на зарплате у людей, которые тебя слушают, видят. Кроме того, я бы не ставил на одну чашу весов то, что говорил Сергей Шойгу и то, о чем говорил министр обороны Иванов. Потому что Шойгу просто говорил, что он не мог понять, перед ним лежал доклад, и то, что он слышал и читал в докладе, были абсолютно разные вещи, поэтому он начал задавать вопросы. Вы говорите, что все так плохо, а ведь увеличива-

ется это, улучшается это. Ведь мы можем быть негативно настроены к строительству культуры в стране, но увеличиваются расходы на культуру или увеличивались. И это подтвердят и провинциальные музеи, кстати, и театры. И то, что происходит с нашими большими театрами в Москве, все-таки расходы растут. Люди, которые находятся, с одной стороны, вне зоны критики, а с другой стороны, многие последние годы идет карикатурный подбор кадров. Непонятно, откуда берутся люди в правительство, почему они назначаются, почему этот оставляется, а этот назначается. В любом цивилизованном обществе отставке и назначению власть должна давать объяснения. Почему у нас отставили министра Швыдкого и назначили министра Соколова. Хотя один человек объяснил это стране. У нас был не самый плохой министр культуры в стране, вошедший, кстати, в десятку самых крупных деятелей культуры Европы. То же самое можно сказать о целом ряде других людей власти. Вот это, с одной стороны, бесконтрольность общества за властью, с другой стороны, много очень случайных, мало подготовленных людей во власти и дают такие карикатурные заседания правительства.

АЧ: Евгений Бунимович.

ЕБ: Во-первых, я хотел бы разделить два выступления. Выступление Иванова абсолютно карикатурное и, кроме совершенно хрестоматийного при слове «культура», он схватился за то, за что и должен был схватиться, это настолько пародийная стилистика... Гораздо интереснее то, что говорил С. Шойгу, к которому я отношусь с уважением по отношению к его эмчээсовской, не знаю как сегодня, но в какой-то период деятельности. Сергей Кужугетович жаловался на то, что он не понимал что-то про постмодернизм, про который там было написано. И это зря, хочу сказать. Потому что все, что происходит в правительстве сегодня — это чистой воды постмодернизм, и это оценка не отрицательная. Просто такая эпоха. Постмодернизм умер в искусстве, но он перешел на политический уровень. И то, что делал Путин, точнее, что делал сам Сергей Кужугето-

вич, когда он летел такой герой, как Илья Муромец на коврейсамолете, и вез батареи от центрального отопления на Дальний Восток — спасать от замерзания, — это абсолютно постмодернистский жест. Президент, который его посылал. И таких вещей очень много. Да и то, что делает наш президент в третий раз, когда он берет один и тот же гимн, и третий раз пишутся другие слова, чем это отличается от работы Дмитрия Александровича Пригова, который, когда был юбилей Пушкина, пел первую строфу «Онегина» в качестве буддистского, православного, индуистского песнопения. Абсолютно та же стилистика. Более того, Путин в этом смысле сильнее, потому что он еще сделал так, что это подписал один и тот же автор, сначала про Сталина, потом про Господа Бога, по дороге про коммунизм. Это абсолютно постмодернистский ход, кстати, как и взять советский гимн, при этом великодержавный двухголовый герб и республиканский трехцветный флаг. Это абсолютно постмодернистские ходы.

АЧ: Почему? Триколор республиканский.

ЕБ: Демократический. Его ввели при...

АЧ: Государе императоре.

ЕБ: Он был как торговый флаг. У монархов был свой. А вот после Февральской революции его действительно ввели как государственный флаг. То есть вот это совмещение несовместимого или с чего начинал Путин, и дальше чем он продолжает, когда он разговаривает с Фиделем, на следующий день с Солженицыным — это абсолютно постмодернистские ходы. Или такой амбивалентный ход: что случилось с подводной лодкой? — она утонула. Это абсолютно постмодернистские ходы. И вот, кстати говоря, вот это без объяснения причин игры, когда в качестве премьер-министра ставится человек, которого никто никогда не видел, не слышал, не знает, что это такое, это все отсюда. Поэтому я советую дальше изучать эти вещи. Это серьезно. Мы живем в эпоху политического постмодернизма. Я советую даже силовым министрам быть в курсе...

АЧ: То есть вы считаете, что это заседание правительства дало нам, публике еще некий сигнал к размышлению.

ЕБ: Безусловно.

АЧ: Полина.

ПД: Вообще это действительно яркая иллюстрация того, как искусство мощно воздействует на жизнь, как в свое время Чернышевский перелопатил Ленина, так постмодернизм, видимо, перелопатил наши органы власти. Но что касается министра обороны, я бы не стала глобально подходить к этому. Потому что психологически все очень понятно. Дезертирство в армии приобрело такие масштабы, что министру обороны надо срочно придумать какое-то объяснение, кроме того, что в армии дело плохо. Для министра обороны это очень удобный ход, потому что количество дезертирств в армии и климат нравственный, который царит в армии, и очень сложно найти кого-то виноватого, кроме самого министра. А тут, пожалуйста, некая книжка. Перед тем, как сбежать и убить, они это читали запоем. Во-первых, откуда он знает, что запоем, а во-вторых, оттого, что они это брали в библиотеке, тоже неизвестно, читали они или нет. Я не думаю, что люди, которые убегают и убивают, серьезные читатели.

ИК: Да не надо такие книжки закупать.

ПД: Совершенно верно. А потом может быть, что библиотека очень бедная, и туда сваливается то, что не востребовано в магазинах, такого рода книжки, их обычно еще в качестве довесков в магазинах дают. Как раньше давали что-то несъедобное в качестве довеска, сейчас довольно часто такого рода книжки выдают. Видимо, библиотека очень бедная и там такого рода литература лежит. Ну что им читать, любовные романы? Нет, им ближе это. А другого ничего нет.

АЧ: Скажите мне, пожалуйста, такой немножко странный вопрос. А вообще искусство, культура способны воздействовать на человека? Она воздействует на человека, или человек отдельно, культура отдельно. Что-то когда-то пересечется, пой-

дет параллельными линиями, где-то пересекутся во вселенском масштабе. Вот здесь есть прямая связь, если брать за точку отсчета слова Иванова, вот есть библиотеки, что читаем — так себя и вести будем в армии. Или нет этого вообще в принципе. Илья Кормильцев.

ИК: Знаете, как ни парадоксально, устами министров обороны иногда глаголет истина. Другое дело, что происходит в карикатурной и фарсовой форме зачастую. Я думаю, что конечно потребляемая культура, произведения, царящий культурный климат скорее, отношение к культуре — оно как образование, как многие другие компоненты духовной жизни, общества образует, конечно, определенным образом менталитет нации, отдельных ее социальных страт. Другое дело, что воздействие это является более сложным, комплексным, не прямым и очень непростым, по сравнению с тем, как это показалось Иванову: взял книжку «Убить мента» — убил мента, взял «Преступление и наказание» — убил старушку.

АЧ: Потом пошел раскаиваться.

ИК: Взял «Лолиту». Но удивительно, что в определенном смысле, слова Иванова для меня прозвучали позитивно, как для человека, который и сам пишет и знает других авторов. Это значит, что среди даже людей, которые сами показывают достаточно невысокий уровень культуры, как выступление министра, существует, несмотря на весь постмодернизм, вполне модернистское предшествующей эпохи, унаследованное от советской культуры воспитания отношение к искусству и культуре как к реальной формирующей силе сознания. Как к чему-то тому, что при помощи, например, книжки можно взять и воздействовать на общество таким образом, что произойдет какое-то политическое событие, революция, или восстание, или другое событие подобного масштаба. Вот эта вера в силу печатного слова, сохранение определенной литературо-центричности сознания, о которой так много говорили большевики и после большевиков антибольшевики, она до сих пор действует.

АЧ: Простите, я вас перебую. А это не пережиток? Должно ли слово, картина, кинокартина так напрямую воздействовать на человека?

ИК: У многих возникают сомнения, когда обсуждают картину, почему-то ни у кого не возникает сомнений, когда обсуждают телевидение.

АЧ: Кстати, я сказал бы и телевидение ровно то же самое. Для меня, например, нет никакой прямой связи. Скажите мне на милость, какое произведение искусства вас сформировало как личность? Виктор Лошак.

ВЛ: Никто из нас об одном произведении не скажет. Каждого человека формируют книги, родители, общая культура в семье.

АЧ: Совершенно верно.

ВЛ: Можно говорить об очень многом. Вот меня как журналиста больше волнует не сам факт такого прямого соотнесения книжки и убийства милиционеров (хорошо, прочел бы «Преступление и наказание», пошел бы старушек рубать), сколько понимание людей власти, что они вправе вмешиваться в культурную политику, цензурировать. Этот говорит, что не нравится «Аншлаг», — закрыть. Этот говорит, ему не нравятся книжки, — прекратить печатать книжки этого автора.

АЧ: Как Греф сказал: «А мне футбол не нравится, что футбол будем закрывать?»

ВЛ: Кстати, он их в шок вогнал в страшный. Потому что как футбол. Как без футбола, без книжек можно, а без футбола никак. И вот найдено властью слабое звено общества, культура и СМИ. СМИ виноваты в терроризме, понятно, потому что после терактов у нас увольняют журналистов, руководителей телеканалов, но никогда не увольняют руководителей спецслужб, которые за это отвечают. В последнее время такая тяга к цензуре, вмешательству в выбор человека. Мы знаем, сейчас обсуждается закон о терроризме, где жесточайшие ограничения на СМИ накладываются, и тот разговор, который шел на пра-

вительстве, связанный с телевидением и книгами, и на самом деле это не смешно и не карикатурно. А очень тревожно.

АЧ: Женя Бунимович, скажи мне, пожалуйста, так как мы с Женей давно знакомы, то я на «ты» к Жене. А вот на тебя какое произведение искусства, культуры произвело фундамент-образующее значение?

ЕБ: С фундаментом сложно. Но я могу сказать, что есть, я тоже, наверное, человек в чем-то предыдущей эпохи, потому что я, конечно, литературо-центричен. Кстати, я вспомнил, что Мандельштам говорил, что поэзия — это власть, а раз за стихи убивают, значит, это власть. То есть Россия странное было государство, Советский Союз в этом смысле. Где еще за слово могли убивать. Но если говорить совсем серьезно, можно раз в жизни сказать что-то и всерьез. Если говорить о культуре, то, что произошло совсем недавно, 1 сентября, именно то, что убивали безвинных детей, младенцев, говорит о том, что вся тысячелетняя история мировой культуры никуда не сдвинула человека. Вот я могу говорить об этом совершенно серьезно. Это какой-то момент, может быть, потому что образование — моя жизнь, но я могу сказать, что если это возможно в 21 веке и еще с передачей почти в прямом эфире телевидения, если можно убивать детей, то я считаю, говорить о влиянии культуры просто бессмысленно. Об этом говорили после Освенцима, вся мировая культура.

АЧ: Руанда, вспомним историю.

ЕБ: То, что сейчас произошло у нас здесь, мне кажется, ставит радикальный вопрос. Правда, не на правительстве, а для тех людей, которые все еще занимаются этим безумным и безнадёжным делом. Потому что действительно так. У русской культуры всегда был мессианский замах. Когда Иванов писал «Явление Христа народу», он не только хотел написать большую красивую картину, он хотел изменить нравы в России. Вот повесили картину в Третьяковке. А нравы не изменились. После этого стали писать очень маленькие, «Сватовство майора» и так

далее. Совершенно понятно всем стало, что действительно титаническая работа. И не получилось. То есть вот этот замах был всегда. Вот поэт в России — больше, чем поэт. Как справедливо сказал Лев Рубинштейн уже дальше: «Поэт в России больше чем Россия, поскольку Россия сократилась». То есть этот замах был всегда. Сегодня поэт в России не больше и не менее, чем поэт, как мне кажется. Он занимается словом, он действительно что-то делает такое, но думать о том, что это какое-то влияние на кого-то мне кажется, сегодня нет такой интенции у литературы. Или она ложная интенция. Когда говорят, давайте сделаем позитивный образ, вместо того чтобы действительно сделать армию позитивной, нам говорят: «Сделайте позитивный образ армии на телевидении». Кстати, это чистой воды политехнологии, это откуда, вот откуда эта виртуальность — артефакт сделать вместо факта. Нет реально позитивной армии, давайте ее сделаем на телевидении. Вот чего хотим. А так и получается. Партии делают на телевидении, правительство делается.

ИК: Сами же интеллигенты научили этому. Глеб Олегович прочитал французских философов, потом рассказал кому нужно в правительстве...

АЧ: Полина.

ПД: Кстати, я вспомнила, как в 1998 году министр по налогам и сборам собрал самых известных писателей, которые пишут в детективном жанре, и высказал им очень настойчивое пожелание создать позитивный образ налогового полицейского, инспектора. И там присутствовало, наверное, писателей 10–12, не больше. Кто-то откликнулся. Я хочу вернуться к этому вопросу о воздействии или не воздействии искусства. Немножко, мне кажется, смешиваем два понятия. Искусство в чистом смысле этого слова, оно способно воздействовать, но не на толпу, не на массу, а на личность. А то, что воздействует на личность, абсолютно индифферентно для толпы. Мы ждем от русской литературы, ждали и продолжаем ждать даже, когда человек отрицает это, он все равно предполагает ожидание,

что что-то изменится, что искусство победит, красота спасет мир, хотя сейчас это выражение истаскано по конкурсам красоты. Но на самом деле искусство если и способно воздействовать, то оно всегда воздействует помимо задач, которые ставит перед собой художник. То есть чем более он хочет воздействовать, тем менее его произведение воздействует, закон такой. Не знаю почему. И второе, что то, что способно внутри личности каждого отдельного живого человека изменить что-то, во все не обязано менять психологию масс, толпы. Потому что это совсем другое, психология толпы — это психология совершенно подверженная другого рода влияниям.

АЧ: Илья Кормильцев.

ИК: Я позволю себе диалектически попробовать синтезировать то, что сказал уважаемый Евгений и уважаемая Полина. Вот эта точка зрения, что стихи невозможны после Освенцима, Хиросимы, Беслана и так далее. Она, к сожалению, с моей позиции точка зрения, присущая классическому гуманистическому восприятию человека.

ЕБ: Не стихи невозможны, идея воздействия невозможна.

ИК: Литература как средство воспитания или формирования. Я, как антигуманисты, не разделяю эту позицию. Я стою скорее на той позиции, что речь идет о личности, и действительно очень много моментов истории современного человечества для меня свидетельствуют о том, что изменения произошли чудовищные за 5–7 тысяч лет истории. То, что при этом сохранились десятки тысяч людей, которые могут совершать события подобные бесланским или хиросимским, свидетельствует о том, что человечество не эволюционирует массой, что человек не одно существо, а есть люди разные. Я, стоя на этих гуманистических позициях, говорю, что речь не может идти только о личности, личности не равны между собой в духовном смысле очень сильно. И их попытка уравнивать, когда говорят о демократии и правах человека — это попытка всего лишь уравнивать юридическое к ним отношение, а не уравнивать человека вообще. К сожалению, об этом забывают многие гуманисты

и либералы и признают юридическое равенство как свидетельство равенства людей между собой. Люди, конечно, не равны и те, кто из них воспринимают искусство и культуру и растут под ее влиянием, они составляют тот самый фон, в котором...

АЧ: Я вас перебую, а вас какое произведение перелопатило?

ИК: Я не могу назвать одно.

АЧ: Хорошо, два назовите.

ИК: Количество их приближается, наверное, к дюжине.

АЧ: Два назовите.

ИК: Первое столкновение, которое было потрясающее из детских воспоминаний, я могу сказать, что это был Шекспир, я скажу банальные истины, было «Евангелие от Иоанна», и в самом раннем детстве сильнейшее впечатление на меня, и до сих пор очень много значит сказка Зальтена «Бемби». Многие видели мультфильм, редко кто перечитывал во взрослом состоянии книжку. Книжка очень сильно отличается.

ЕБ: Я могу точно сказать, вот я вспомнил очень интересный для меня момент. Когда я был школьником, мой старший брат, у него девушка не смогла с ним пойти в театр, он ее взял за шиворот и повел в театр, это была премьера Эфроса «Три сестры». Я потом это узнал через много лет, что Эфроса выгнали из комсомола, что это революционная радикальная постановка «Трех сестер», совершенно не классическая. Я не читал «Трех сестер». Я вообще был честный интеллигентный московский школьник, который ходил во МХАТ на «Синюю птицу», вообще знал, что в театр надо ходить. Но на этом спектакле...

АЧ: Вот я хочу обратить внимание наших слушателей на эту фразу Евгения Бунимовича: в театр надо ходить.

ЕБ: И вот тут на этом спектакле, который был поставлен не для меня, на который пришли, потому что это какой-то скандал был, вообще гнобили Эфроса и так далее. Для меня это было откровение, потому что я увидел людей, я не подозревал, что то, что происходит на сцене, может иметь ко мне какое-то отношение. Когда я до этого честно ходил в московские театры, и я думал, что это такой милый интеллигентный ритуал с буфетом

посередине. И вот тут на меня это действительно каким-то образом воздействовало. Вот этот момент, который всегда уникален, штучен и действительно личностен. Потому что, наверное, мой старший брат гораздо более культурный в этом возрасте, переживая, что с ним не пошла девушка, может, вообще не заметил, что там происходило на сцене. Вот этот момент всегда личностный. Но кроме этого, я считаю, что для этого нужно усилие, я хочу сказать об этом как учитель. Потому что когда недавно показывали по телевизору «Возвращение», которое мне очень нравится, прославило наше кино в последнее время, это замечательная работа, я думал, ну вот смотрят ее сейчас или нет. Потому что для того, чтобы ее смотреть, требуется усилие. Усилие не потому, что она сложная...

АЧ: Действия нет особого.

ЕБ: Оно напряженно, трудно, требует внутреннего усилия, и я в этом смысле думал о людях, которые пришли домой, они хотят отдыхать спокойно, они хотят есть уже один раз переваренную кашу, уже кем-то съеденную, прожеванную. Это трудно очень, это нельзя требовать от всех. Кстати, у Слуцкого очень точно сказано: самые лучшие люди из тех, что я знал, не хотели, самые лучшие книги из тех, что я знал открывать, не разбирались в гуаши, а что до постели — думали, это кровать. Поэтому не надо думать, что те, кто много читал, они нравственнее. Это неправда.

ПД: Я хочу еще одну вещь сказать достаточно существенную. Я слышала от людей, сидевших в лагерях как в сталинских, так и в нацистских людей этого поколения, что их спасали стихи. Человек, попав в каменный мешок в карцер, должен был подписать, на Колыме сидючи, что он японский шпион, английский шпион, он знал, что если он выйдет, его накормят, в баню отведут, он подпишет, и после этого его расстреляют. Ему нужно было выдержать неделю там. Может чуть больше. И когда я его спросила, благодаря чему, он сказал, что молитва и «Евгений Онегин». Он вспоминал, стоя там, он не мог даже сесть, «Евгения Онегина» всего про себя. И это его спасло. Та-

ких историй много. Но это обратное воздействие. То есть человек уже был сформирован к этому моменту таким образом, что искусство его спасло.

АЧ: Я хочу сказать вот что, я попросил на эту мысль Е. Бунимовича обратить внимание наших слушателей, единственное, что с моей точки зрения культура, искусство в силах сделать по отношению к нам, потребителям — это приучить нас читать, ходить в кинотеатры, в картинные галереи, в театры, в музеи и то, что нам предлагается, пытаться воспринять. Вот единственное, на что, по-моему, может рассчитывать искусство. Даже книжка, которая допустим, написана для электрички, два часа ехать на дачу, почему книжку не почитать. Она тоже рассчитана, прежде всего, на то, что ее захочется взять в руки и прочесть. Собственно в этом смысл работы издателей: найти и так упаковать, чтобы захотелось человеку купить, взять в руки, даже если это карманная книжка. И второе, что меня еще очень ссорит с властью по отношению к культуре — это нынешняя политика власти, которая вбивает клин между церковью и хранилищем искусства, музеями, библиотеками. Вот история, которая происходит сейчас на наших глазах голодовка сотрудников Ипатьевского музея в Ипатьевском монастыре, которых просто вышвыривают с их фондами на улицу, потому что церкви отдано это здание, и хочу напомнить, Женя, тебе историю с музеем Андрея Рублева. Я не знаю, как он сейчас существует, я знаю, что его выгоняли. Выгнали, кстати, не выгнали?

ЕБ: Это федеральный музей, поэтому я тоже не очень точно знаю. Но, по-моему, да, я могу сказать, что у меня такие же проблемы со школами. Если рядом монастырь, то это угроза для школы.

АЧ: Бывшая 16-я спецшкола на Сретенке, в которой я учился.

ЕБ: Она жива, она работает, но я не уверен, что она в перспективе выдержит. Это очень странно, почему надо обороняться...

АЧ: Там вообще церковь когда-то была, скульптурный отдел реставрационного центра Грабаря, сейчас это вернули, и там сейчас настоятель духовник нашего всего. И там отбирают здание, которое школа себе построила. Но самое главное, бред полный, там было кладбище солдат, погибших во время войны с Наполеоном, и кощунственно на этом месте ставить школу, где преподают французский язык. Это серьезно, цитата из писем, направленных на закрытие этой школы, которые посылают настоятель и актив этого храма. А это просто один двор, мы знали, что это и наш двор, мы бегали в школьном дворе и в этом. Даже заходили, смотрели на эти скульптуры. Реставраторы нам рассказывали. Кстати, включение низко бегающего человечка в культуру низко, — потому что еще маленький ростом, сейчас ведь из этих хранилищ культуры очень часто людей изгоняют просто, потому что они закрыты. Вот Ипатьевский музей закрыт, туда нельзя войти, посмотреть на все это.

АК: Спасибо. Мы обсуждали тему: дебилизация населения посредством искусства. И вот вывод главный, к которому я пришел и думаю, что мои собеседники со мной согласятся, что главное, чтобы у человека была возможность пользоваться всем тем миром искусства, который ему дан. А уж что он возьмет себе на вычку, от чего он потом откажется, к чему он будет прибегать, перечитывать и пересматривать, что больше ни разу не тронет, это уже совершенно другой вопрос. Это вопрос времени, жизни. Вкуса, в конце концов, что тоже имеет немалое отношение к вопросам искусства. На этом я заканчиваю, до следующей субботы.

Радиостанция «Эхо Москвы», 18 декабря 2004 г.

Аргентум. Илья Кормильцев

*Александр Плющев,
Дмитрий Борисов*

ДБ: В Москве 23 часа и 10 минут, добрый вечер.

АП: Добрый вечер, вы слушаете программу «Аргентум» на радио «Эхо Москвы», с вами Дмитрий Борисов и я, Александр Плющев.

ДБ: Да, хочется сказать вам «Добридень», скоро на радио «Эхо Москвы» будут новости, точнее даже, «Новини», я бы сказал, в 23:30, наверное, вам расскажут последние... последнюю информацию с избирательных участков, избирательных комиссий, которые на Украине обрабатывают разные голоса.

АП: Третий и, я надеюсь, последний раз подряд в этом году... ну, в этом году точно «Аргентум» выходит во время украинских выборов, надеюсь, все хорошо там закончится. У нас сегодня в гостях до 12 — до полуночи — Илья Кормильцев, известный поэт и, собственно, автор текстов легендарного «Наутилуса Помпилиуса», Илья, добрый вечер!

ИК: Добрый вечер.

АП: Ну, мы сегодня поговорим, наверное, не только о музыке, поскольку Илья такой... очень разносторонний человек. Но начнем, поскольку программа у нас музыкальная, все-таки именно с этого. В последнее время приходится много слышать о том, что рок-музыка сильно потеряла то значение, которое имела в конце 1980-х — начале 1990-х, как раз, когда пришлось... на тот период пришлось Ваше сотрудничество с группой «Наутилус Помпилиус». Многие тексты ее до сих пор

помнят те, кто слушали рок или росли на музыке рок в конце 1980-х — начале 1990-х. С другой стороны, некоторые говорят, что вот-вот, все идет к тому, что рок-музыка возродится и вернет свое былое значение. Что Вы можете сказать по этому поводу, как Вы оцениваете состояние дел в нынешней отечественной, так называемой «рок-музыке»?

ИК: Ну, начнем с того, что, честно говоря, мне глубоко наплевать на рок-музыку. Это будет такая... камертон, который будет задавать тональность нашего разговора. Сама по себе рок-музыка — это конечно, замечательно; я вырос на рок-музыке с детства, с ацетатных голубых пластинок фирмы «Мелодия», которые продавались в бумажных конвертах, такие гибкие, которые делали так в воздухе «шух-шух-шух!» (*изображает*), если их катать...

АП: Они еще в журнале «Кругозор» были.

ИК: В том числе в журнале «Кругозор». Рок-музыка — это замечательно, у меня нет никакого возражения против музыки вообще, рока в частности, но понимаете, история (история, да?) человеческого существа, человеческого рода — это такой процесс, который, в общем, можно уподобить воде, разрывающей плотину во время половодья. Когда вода пытается разрушить плотину, она выбирает не там, где... ну, допустим, не знаю... земля красивее в этой плотине или там лежат красивые камушки, она выбирает там, где промывать легче, да? В какой-то момент это может оказаться авангардная живопись, в какой-то момент это может оказаться рок-музыка, в какой-то момент это может оказаться, я не знаю, там, граффити на стенах домов — для меня всегда имела значение сама вода, а не то место, в которое она прорывается. В тот период, в котором я начинал свою деятельность в этой жизни, в данном воплощении, это была рок-музыка. Так пришлось исторически, но это не значит, что я вот буду теперь тупо там... ну будет сейчас мне 45, 46-й год, мне будет, там, 66, я буду говорить: «Рок-музыка это... рок-музыка, Вы понимаете...» — я не буду так говорить...

ДБ: Из ваших слов можно сделать вывод, будто вы сейчас ходите и по заборам граффити расписываете.

ИК: Да мне пофиг. Я издаю книги — это примерно то же самое. Да, меня интересует только то... у меня есть общее представление об истории, о цели, которая существует, — куда мы идем и зачем мы идем. Для меня существует путь вот к этой точке, которая является этой целью, как он прокладывается — это может быть очень хитрый путь, точно так же, как вода размывает плотину. Сегодня это музыка, завтра это издательское дело, послезавтра это театр, после-послезавтра это, я не знаю, хореография — сойду совсем с ума, да? Хореограф нашелся... Ну не важно. Для меня главное — этот путь, а конкретные его модификации; мне кажется, что это вот немножечко от 19 века. В 19 веке считалось: вот это — поэт, вот это — художник, очень было такое мышление профессиональное, да? Профессиональное мышление — это неплохо, потому что если человек занимается серьезно каким-то делом, у него оно отлично получается; но в принципе, как философская система, профессиональное мышление — это ложь.

ДБ: А цель какая?

ИК: Цель?

ДБ: Конечный результат.

ИК: Конец света. Конец света, разумеется, какая еще может быть у нас цель... Мы же так устали от этой жизни, мы хотим дойти до того места, когда начнется другая жизнь, да? Мы все там выбираем, за кого-то голосуем, хватаемся за политические, за религиозные системы, все они нас прокалывают, потому что мы не получаем от них того кайфа, того результат, который мы хотели получить. Все время получается хуже, слабее, то — не то, этот оказался козел, да не за того выбирали, там — это было неправильно, там — Сталин был плохой, Горбачев был плохой, Ельцин был плохой, Путин был плохой... В результате получается то, что мы все время мечемся, так сказать, и пытаемся поставить себе конечную цель, да, очень близкую, а близкой цели нету. Есть только дальняя цель. Все челове-

ство живет с какой-то целью, это игрушка Господа Бога, которая запущена в интерактивном режиме, он ей рулит и пытается вывести на какой-то результат, когда загорится там «Game over. You win!» в результате. А мы можем только пытаться угадывать, где наша функция как конкретного бота, который кого-то мочит в темных коридорах.

ДБ: Ну ведь каждая игра, бывает, зависит на каком-то конкретном месте, и можно отрезок времени зациклить и остаться в нем навсегда.

АП: Зафиксировать...

ДБ: Зафиксировать, да.

ИК: Да, это происходит, к сожалению, с людьми, которые...

ДБ: К сожалению? Может быть, какой-то счастливый момент оставить, зависнуть в нем...

ИК: Нет-нет-нет, они же сами себя... оглянешь свою жизнь, у них остается молодость, а потом они эту молодость тиражируют. Там молодость «шестидесятников» тиражировалась, потом молодость хиппи тиражировалась, сейчас молодость рокеров тиражируется, там, приходит какой-нибудь крутой герой типа Бориса Борисовича, да, выходит там в Дворец Съездов, принимает медальку, которую дают чиновнику второго ранга за успехи в освоении инвестиций в ирригацию Брянской области. Вот, и берет он, гордится, ему кажется, что он вместе с властью, что-то, чего-то добился — да ни хрена он не добился, пройдет буквально 6 лет, и эти медальки будут продавать на Арбате. И говорить: «Вот такую же точно получил Борис Борисович Гребенщиков, the greatest Russian rock-singer. What do you want, sir? Oh, 20 dollars, no, 20 dollars, 20...» — и что это будет, понимаете? Вот и все, вся цена всем медалькам, которые мы получаем в этой жизни.

АП: Шикарно, мне кажется, замечательная у нас предновогодняя беседа, очень философская такая, но на это, мне кажется, и настраивает все течение нашей жизни. Ты что-то хотел спросить, Дима, извини?

ДБ: Ну, я хотел сказать нашим слушателям, что они могут присоединиться к нашей беседе...

АП: Конечно...

ДБ: ...столь философской по телефону. Может быть, даже мы нашего гостя отдадим на растерзание...

АП: Да точно отдадим, больше, чем уверен!

ДБ: ...По телефону 203-19-22. Скоро он вам может понадобиться.

ИК: Да я хоть до утра.

АП: Тем не менее вы же ведь довольно долго просотрудились с группой «Наутилус Помпилиус», и как я тут услышал по радио, более того, даже пытались быть ее директором. Это из-за чего, из-за личных взаимоотношений с участниками группы, вот, ну, так, долго, там, сдружились, я не знаю, или это по призванию?

ИК: Нет... я думаю, что мы все попали в эту ловушку, на самом деле. На самом деле у нас 1990-е годы в России продолжились на 5 лет больше, чем нужно. Все зависло лет на пять, у нас было вот это странное время, когда мы чего-то там внутри себя устаканивали, ну, определенно где-то с 1994 по 1998 год было совершенно такое бесполезное время, где мы зависли в каком-то временном континууме, как в научно-фантастическом фильме, из тех, которые показывают после часа ночи по телевизору, там: «О, мы попали во временную петлю, Джон, что ты думаешь по этому поводу?» — «Мы должны форсировать наши плазменные двигатели!» — вот что-то такое было, мы занимались ерундой, потому что это время затянулось на пять лет. Все это должно было кончиться на пять лет раньше. Но история — она не имеет сослагательного наклонения...

АП: А где же тот переломный момент, где все кончилось?

ИК: 1994 год... после 1994 года, если бы не было спекуляций с этими самыми, с облигациями, то должен был сразу наступить 1998-й. Но там, при помощи хитрых механизмов макроэконо-

мики еще на пять лет удалось все это завесить при помощи чеченской войны, еще кучи всяких вещей.

ДБ: И только дефолт привел... вернул на обратный путь...

ИК: Дефолт — да, дефолт вернул всех к 1994 году, когда страна поиграла во всякую фигню, значит, и нужно было решить вообще, чего дальше-то делать. Пять лет, значит, все радостно осознавали себя людьми на непонятно какие деньги, и думали, что в Москве существует клубная культура, тыры-пыры, вообще думали, что в Москве что-то существует, потом в 1998 году поняли, что... узнали про виртуальность, прочитали Бодрийяра и начали думать, что делать дальше. Придумали, конечно, полное дерьмо, как всегда, но сейчас есть время исправиться.

АП: Хорошо. У нас естественно, как обычно, в музыкальной нашей программе будет сегодня и музыка, Илья принес с собой, вот я вижу, первый альбом, который лежит — это «Ябло-китай» «Наутилуса Помпилиуса», все тексты — Илья Кормильцев, разумеется.

ИК: Да, это последний альбом, как вы догадываетесь, потому что я хочу закончить эту тему, сразу закрыть ее первым же треком, и продолжить говорить на более интересные темы.

АП: Давайте.

АП: Добрый вечер, друзья, вы слушаете программу «Аргентум», у нас в гостях Илья Кормильцев, можете присоединиться к нам через пейджер... Людмила отлично прокладывает мостик от того, о чем мы разговаривали, до того, о чем разговаривать будем. «Скажите, пожалуйста, — пишет она, — пишете ли Вы сейчас тексты для каких-нибудь групп или эстрадных исполнителей, и чем Вы сейчас занимаетесь?»

ИК: Так, ну, для тех, кто... Для Людмилы, которая до сих пор не знает, чем я занимаюсь, скажу, что в основном занимаюсь тем, что являюсь главным редактором издательства «Ультра. Культура», которое пытается сеять разумное, доброе вечное... и бесчеловечное, да...

ДБ: «Ультра.Культура»?

ИК: Да.

ДБ: Хорошее название.

ИК: Ну, спасибо.

АП: «Ультра — точка — культура»?

ИК: Да, вот в этой самой среде, в которой мы живем. Вот это как бы основное занятие, да. Ни для какого конкретного коллектива я не пишу в настоящее время, уже довольно давно, но время от времени я выступаю с различными проектами, часть из которых имеет отношение к кино, часть из которых имеет отношение к театру, часть из которых имеет отношение вообще непонятно к чему, и я думаю, что к этому вопросу мы еще вернемся, когда будем ставить следующие треки.

АП: Отлично. Ну вот, что касается «Ультра.Культуры»...

ДБ: Так это игра букв такая? Неспроста «Ультра... кУльту-ра»... немая историческая поэтика.

ИК: Это... вербальная магия.

АП: Опа. Вот так.

ДБ: О как...

АП: Значит, я помню, что была история с изъятием части книг этого издательства из книжных магазинов, и буквально запрета, исходившего от Наркоконтроля на продажу этих книг. Там, насколько... степень гласности этого запрета все время обсуждалась, и насколько он был гласным и неформальным, неизвестно...

ДБ: Кетамин нашли?

АП: ...Смысл, смысл в том, что...

ИК: В редакции нашли кошку, накачанную кетаминном.

АП: Смысл в том, что, да, многие книги исчезли из продажи, как раз это были книги издательства «Ультра.Культура». Причем не только они относились к наркотикам, я вот помню, еще была одна книга про чеченских вдов, Юлии Юзик, например. Вот, ну, и так далее. На какой стадии сейчас взаимоотношения с чиновниками Госнаркоконтроля у «Ультра.Культуры»?

ИК: Да ни на какой, они чего-то пошумели и исчезли...

ДБ: Ну, потому что издательство пережило ведь эту организацию, ее теперь устранили?

ИК: Да, она теперь называется по-другому, а издательство называется по-прежнему. Ну, я просто думаю, в том... любой, который собирается заниматься культурой, любой, какой угодно — ультра, не ультра, с любой приставкой — в этой стране, он обречен сталкиваться с идиотами, да? Значит, когда мы создавали свое издательство, мы заранее знали, что мы будем сталкиваться с идиотами очень часто, и когда они, наконец, появились, мы сказали радостно: «Здравствуй, идиоты, мы вас ждали, вы пришли!», да? Ну вот, вот они пришли и ушли, собственно говоря, потому что у нас же сейчас власть — что она? У нас власть — она вроде как телевизионная передача такая, потому что в основном по телевизору мы ее и видим, да? Может быть журналисты, они, конечно, высокопоставленные с пропусками, они, наверное, видят ее не только по телевизору, а вот я лично ее только по телевизору, эту власть, и вижу. И в принципе, воспринимаю ее как еще одно, значит, ток-шоу, одно из многих, которое, по непонятным причинам, имеет более высокий рейтинг. Вот. Я не знаю, тут вообще вопроса ни о чем, собственно говоря, с моей точки зрения, нету. К нам предъявляли какие-то претензии, причем не лично. А через опосредованную цепочку в 5–6, элементов, да? Говорили, что мы делаем что-то не то, издаем не то, но если ты, как говорят среди пацанов, если базар несешь, то за базар-то отвечай. За базар никто отвечать не захотел, все это так же растворилось в пространстве: кто-то там чего-то запрещал, кто-то чего-то изымал, потом все в результате оказалось — точно также, без всякого нашего воздействия — оно оказалось в свободной продаже...

АП: Книжки продаются то есть?

ИК: Ну, я думаю, что да, я вижу, захожу иногда, они продаются... Это зависит больше от пугливости продавцов, что они продают, и что они не продают.

АП: То, что вы сейчас занимаетесь издательской деятельностью, означает ли это, что книги — они большее воздействие на мозг человека имеют, чем музыка, или, скажем, что они — более перспективное направление, чем музыка?

ИК: Ну, по крайней мере, они имеют гораздо большее воздействие на мозг человека, чем то, что предается по единственному выжившему рок-н-рольному радио — «Наше радио» — в настоящий момент, это уж однозначно, потому что... потому что... ну, в книжках хоть какие-то мысли содержатся, а в передачах вышеозначенного радио вообще никаких мыслей и идей не содержится.

ДБ: Так может, нужно заменить просто стиль, для которого писать? И писать для какого-нибудь «Радио Попса»? Зачем же какое-то непонятное радио, которое одно осталось?

ИК: Ну, нельзя же исходить только из рейтинга. То есть, как бы есть еще форма, да? Есть форма, которая в себя не может вместить органически то содержание, которое тебя интересует. Ну, не влезит, там, я не знаю, ананас в банку для горчицы — ну, просто не влезит и все.

ДБ: А может, просто мысли теперь формулируются, не кратко, а как-то размашисто? А раньше...

АП: Или наоборот, в трех словах, или в четырех...

ИК: Да я, честно говоря, вообще тут не понимаю, о чем разговор, я думаю, что на этой музыке все с ума посходили, по большому счету...

АП: Да нет, просто у нас передача музыкальная, не более того.

ИК: А, в этом вот все... Мне кажется, что музыка — это прекрасное, красивое искусство, это мощное средство воздействия на сознание человека, и все такое, но оно не первично, да, надо сперва иметь то сознание, которое может воспринимать адекватную музыку, а потом уже делать адекватную музыку. А если сознание способно воспринимать только «Фабрику звезд», так нехай оно его и воспринимает, собственно говоря, нам-то что?

Всегда найдется достаточное количество людей, которые будут относиться к этому иначе.

ДБ: Это Илья Кормильцев, программа «Аргентум», мы продолжим сразу после короткого выпуска новостей.

АП: В последней программе «Аргентум» уходящего года — не пугайтесь!

ДБ: 2004-го.

АП: Да. Илья Кормильцев у нас в гостях, и мы сегодня говорим не только о рок-музыке, но и о... да, обо всем, практически. Насколько я помню, Илья упомянул о неких проектах, о которых еще, возможно, зайдет речь, когда будем слушать следующий трек. Давайте как будто бы о них зашла речь уже.

ИК: То есть вы хотите нашипиговать, вот это у вас задача — музыкальную программу как можно больше нашипиговать музыкой. Ну, я понимаю...

АП: Нет, а мы можем сейчас послушать и это будет последняя композиция.

ИК: Полностью с ней солидарен. Ну, я вообще, честно говоря, сейчас по отношению к музыке... я не хотел сейчас заниматься там, не знаю, какой-то там рок-группой — смешно как-то даже где-то. Но я очень люблю музыку все равно. Действительно, для меня музыка — это половина моей жизни, хотя я сам не... ну, не музыкант в полноценном смысле этого слова. Значит, я... как бы, называется, я тут около, да? Примус починяю. Тем не менее очень люблю музыку, и поэтому в последнее время я просто передал бразды правления, потому что у меня музыкант жена, и я считаю, что пусть каждый... пироги должен тачать сапожник, а сапоги — пирожник. Пусть каждый своим делом занимается, да? Я просто ей помогаю по возможности в ее карьере, она увлекается тем, что в настоящее время называется cross-over'ом — это классическая музыка в обработках электронных, easy-listening и прочее. И мы с ней тихонечко кропаем какие-то скромные малобюджетные проекты, где слова давно не мои, их написал монах в веке одиннадцатом, соответственно...

АП: Мне нравится в этом монологе слово давно: «слова давно не мои...»

ИК: Да, да, да, то есть это прекрасная музыка, и мне как-то интереснее вот сейчас выражаться в музыке, мне больше интересно заниматься литературой, а в музыке выражаться путем...

ДБ: Но это же не просто музыка, насколько я понимаю, речь идет о произведениях, которые звучат из телевизора тоже из того самого...

ИК: Нет-нет, вот то, что мы сейчас поставим, очень редко звучит из телевизора; первый трек с этой пластинки, который вы поставили — это наши семейные проекты.

АП: Да, давайте я напомним телефон — 203-19-22, тогда вы сможете задать Илье Кормильцеву свои вопросы

ИК: Да, а сейчас звучит «Ave Maria» Каччини в обработке нашего семейного проекта «Чужие».

АП: Есть у нас телефонные звонки к Илье Кормильцеву, но это будет через секунду-другую, просто Илья забыл представить супругу свою.

ИК: Нет, я не забыл, я нарочно, так сказать, сперва...

АП: А! Нарочно забыл!

ИК: Нарочно забыл.

ДБ: Решил всю славу себе, как сказали бы наши слушатели некоторые.

ИК: Да, слово «семья», так как оно очень популярно в нашей стране, имеет специфическое значение в политологической терминологии. В данном случае речь идет о моей жене Алесе Маньковской, с которой мы в последнее время вместе пишем песни какие-то... создаем произведения. Она очень талантливая исполнительница, композитор и вообще очень талантливый человек. «Я плохих жен не беру», — сказал Синяя Борода. Итак, вот я представил ее: Алесю Маньковскую.

АП: Отлично! 203-19-22 — наш телефон, и есть у нас звонки. Алло! Алло!

Слушатель: Добрый вечер!

АП: Здрасьте!

Слушатель: Меня зовут Игорь, у меня вопрос к Илье Кормильцеву.

ДБ: Давайте.

Слушатель: Мне хотелось узнать, как Вы относитесь к такому мнению: о том, что злые дядьки закабаляют радиоэфир, и поэтому талантливым музыкантам нельзя пробиться и т. д., и вот только из-за этого везде побеждает попса. Мне лично кажется, что если человек не хочет слушать украинского трансвестита, то он его и не будет слушать.

ИК: Да, но для этого надо дать ему возможность послушать кого-нибудь другого, кроме украинского трансвестита. Если у него этой возможности нет, он может его, конечно, и не слушает, но не может никаким образом выразить это свое мнение публично. В принципе, на самом деле, не так уж много людей слушает украинского трансвестита, это для меня — ну, по крайней мере, среди людей воспитанных и образованных — большим индикатором явилось появление сейчас в подписке «НТВ+» Music Box, и результаты голосования по Music Box'у, которые идут через Интернет, из которого я выяснил с большим удовлетворением для себя, потому что я предполагал это и раньше, но у меня не было доказательств, что люди хотят слушать совсем другую музыку, чем им предлагают. В общем, я в этом был уверен с самого начала, в принципе, что это так. Дело в том, что тут возникла такая, знаете, интересная история: мне кажется, что музыка, в частности, рок-музыка стала жертвой неоправданно возложенных на нее ожиданий, причем и в том, и в другом смысле. То есть потому, что ей придавали такое большое значение в предыдущие десятилетия, люди, которые пытаются сейчас, так сказать, мять и проминать, создавать менталитет современного человека, они тоже ей придавали, будучи воспитаны там же, тоже очень такое большое значение — какие-нибудь там, вроде Михаила Козырева — придавали чересчур большое значение и рок-н-роллу и направили на него весь идеологический удар, хотя это полная чушь, потому что

кроме рок-н-ролла, в общем, существует много других способов воздействовать на сознание. Но в результате этого на него все обрушилось, его замяли, настала сплошная попса и сплошная «Фабрика звезд», что приводит к тому, что тот, кто любит слушать рок-н-ролл, слушает его на пластинках, а кто не любил его слушать никогда, находит другие способы для того, чтобы не соглашаться с царством украинских трансвеститов, а также политиков на нашем эфире в течение месяца.

АП: Просто поясните один момент: если я правильно понял, то как раз то, что было сделано «Наше радио», и там противопоставлена какая-то общность рок-музыки попсе — вот мы эту реакцию сейчас и наблюдаем?

ИК: Ну да, это такой типичный, типичный политехнологический пережим. Значит, вот тут рок-музыка подвигала людей на протест — 15 лет назад, они забыли добавить к этому: «Мы сейчас ее замочим быстро для того, чтобы...» — ну, люди же будут подвигаться на протест каким-то другим способом. Что, свет клином сошелся на этой рок-музыке? Еще раз подчеркиваю: я очень люблю рок-музыку, но объявлять ее единственным носителем прогрессивных идей в этом мире — это прямо скажем, перебор.

ДБ: А как Вам появление таких песен, вроде «Попса, розовая пасть голодного пса», в написании которой... в исполнении, то есть...

ИК: Вы знаете, при помощи современной компьютерной программы можно за 5 минут создать сколько угодно дурацких песен. Но что из этого, так сказать, исходит? Ну, вот знаете, самый простой способ справиться с любой не нравящейся вам радиостанцией: не слушайте ее в течение трех месяцев — она разорится, ну что ж вы прямо все так! Ну, дело в том, что...

ДБ: Некоторые, вот, уже закрываются, переименовываются.

ИК: Это что имеется в виду?

ДБ: Некоторые радиостанции.

АП: Радиостанция «Ultra» имеется в виду, прежде всего.

ИК: Ну, радиостанция «Ultra» как раз была не самая плохая радиостанция, а чуть ли не самая лучшая из тех, которые были...

ДБ: Ну, особенно, если учесть ее созвучие с названием Вашего издательства.

ИК: Да нет, дело не в этом, дело в том, что просто, действительно, там была иногда музыка такая, немножко отличающаяся от среднестатистического эфира. Но опять-таки... но опять-таки — ну не в этом дело все, народ! Не в этом дело!

АП: А в чем? Расскажите, в чем! Откройте правду! Откройте глаза, дайте правду!

ИК: А дело в том, что... ну давайте, дайте достаточное количество — я уверен, что где-то существуют эти исполнители, которые играют музыку, которая не соответствует тому, что в среднем транслирует эфир, я в этом на 100% уверен. Но я не могу их найти, и вы их не можете найти в таком достаточном количестве для того, чтобы создать целое культурное явление, какую-то радиостанцию, которая передает вот такую музыку. Давайте их найдем, давайте их соберем, давайте, в конце концов, черт подери, инвестируйте в это какие-то средства. Но дело в том, что у нас же все так вот: то в одну сторону, то в другую. Страна живет по принципу маятника. У нас никак не могут остановиться на середине и развивать сразу все эти... чтоб цвели все цветы, процветали все течения...

АП: Я прошу прощения у слушателя, который у нас, по-моему, на линии на второй находится, давайте его послушаем.

ИК: Давайте послушаем.

Слушатель: Алло! Здравствуйте, Илья, это Антон!

ИК: Здравсьте, Антон!

Слушатель: Выражаю Вам огромный респект за Вашу деятельность, я поклонник Вашего издательства, в принципе, много книг читаю. И у меня вот такой вопрос: что остается при переводе от книги? Вот, допустим, Бреда Истон Эллиса я читал: там много слэнга, много таких выражений, — вот что от них

остается, от оригинала? Это первый, и второй маленький такой вопрос: пять писателей, которых обязательно нужно прочитать, которые сильнее всего влияют на культуру в последнее время, на Ваш взгляд.

ДБ: Тор-5 Кормильцева.

ИК: Хорошо, на первый вопрос я отвечаю: в переводе остается писатель. Если перевод нормально исполнен, от него остается основная мысль, основной энергетический посыл. Конечно, неизбежно определенное количество тонкостей его, штук, которые он придумал и старательно старался, они неизбежно уходят в стружку. Это, увы, так сказать, пока люди... пока проклятье Вавилонской башни не преодолено, это будет неизбежно оставаться судьбой человечества, потому что в переводе всегда что-то теряется. Но я смею заверить сам, как профессиональный переводчик, что остается достаточно много для того, чтобы иметь 95%-ное представление о тексте, который ты читал, о писателе, которого ты читал, и, в принципе, вот, он хотел сказать... на 95% он хотел сказать то, что вы прочитали по-русски потом, по сравнению с тем, что он написал на своем родном языке. То есть стружка составляет несколько процентов, есть принципиально непере译имые намеки, иронии, каламбуры, шутки, что-то все равно идет в стружку, но не так много, чтобы говорить об этом: «Ну, это вот по-русски совсем не то, а там...» — нет, это все чушь, основная мысль всегда ясна. Тор-5. Очень просто. Вот, вы знаете, в последнее время, если считать последним временем 2000 лет последних, то одни и те же писатели оказывают самое большое влияние на культурную жизнь человечества. Именно с них я и советую начинать читать литературу юноше, выбирающему, делать жизнь с кого. Это должна быть Библия, это должен быть...

ДБ: А кто автор? Вот Вы говорите, что авторы делают.

ИК: Коллектив. Значит, это...

АП: Группа товарищей.

ИК: Группа товарищей, да. Группа... группа... гаонимов. Значит, это должна быть Библия, это, значит... «Фауст» Гёте, это Гомер, «Илиада» и в особенности «Одиссея»...

ДБ: Это уже 4.

ИК: Да, я знаю.

ДБ: Да, да, да.

ИК: Данте. Трилогия. Все.

ДБ: Такой вот Тор-5.

АП: Я тут поймал себя на мысли, что кроме первого...

ИК: Нет, это был Тор-4, между прочим. Это была Библия...

АП: Так.

ИК: Это был Данте, это был Гомер...

ДБ: «Фауст» Гёте...

ИК: «Фауст» Гёте...

ДБ: ...и два Гомера.

ИК: Ну, два Гомера — это я за одну книжку считаю.

АП: В одном переплете.

ИК: И последнее: Уильям наш Шекспир. Все, закончили на этом.

ДБ: Кроме этого, нормальных писателей уже не было.

ИК: Да, и по поводу этого я думаю, что пора давно поставить музыку...

ДБ: А Ваше издательство издает Библию? Мне просто интересно...

АП: Вот, интересный человек Илья Кормильцев — то упрекал нас, что мы стараемся наспиговать, теперь он говорит, что пора поставить музыку.

ИК: Нет, я проявляю к вам симпатию, сочувствие к тяжелому труду журналистов ночного эфира...

АП: Толерантность.

ИК: Да нет, просто...

ДБ: Сейчас послушаем.

ИК: Значит, был там такой очень, на мой взгляд, не самый противный сериал «Тайный знак», выходил на экраны, и мы как раз вот с моей женой Алесей Маньковской... значит, она писала музыку, она писала слова — там заглавная песня «Тайный знак» — она такая, конечно, всего лишь навсего песня для сериала, по большому счету, но я очень люблю слова и музыку этой песни. Мне кажется, что она продолжает лучшие традиции классических песен группы «Наутилус Помпилиус» в том смысле, что она задевает такие очень метафизические вопросы выбора, и с кем ты. Вот мы ее поставим, она вторая на сериале.

ДБ: Да. Мы сейчас ее послушаем, я, единственно, напомним нашим слушателям: есть еще один способ прислать нам сообщение в студию, по sms-эфиру нашему.

АП: Илья Кормильцев у нас в гостях, слушаете вы программу «Аргентум», есть еще у вас возможность — небольшая, правда, — задать вопрос по 974-22-22 или 755-87-05 для абонента «Эхо Москвы». Ну, вот на сайт к нам пришел вопрос, который я и предугадал, и хотел задать. В общем, солидаризируясь с Андреем из Саратова, правда, не столько с формой, сколько с сутью. Итак он пишет: «Конечно, я выражаю только свое собственное мнение, без претензий на объективность, но мне кажется, что современное творчество Бутусова («Ю-Питер» и тому подобное) глумление над памятью «Наутилуса». Не считаете ли Вы, что из-за того, что Бутусов начал писать тексты самостоятельно, а это страшно»... Что это — «из-за того, что Бутусов начал писать тексты самостоятельно»?

ИК: Ну, во-первых, я хотел бы еще раз повторить, что мы только что прослушали песню «Тайный знак» на стихи Ильи Кормильцева, музыку Алеси Маньковской, а исполнять помогала ее челябинская группа «Томас».

АП: Она у нас была тут раза 3.

ИК: Я хочу немножко ди-джем побывать — мне давно вот это очень хочется, только, говорят, зарплата маленькая, а работать много приходится.

ДБ: А женский голос — сама Алеся?

ИК: Да, женский голос — сама Алеся, а, значит, мужской голос — это Саша Самойленко, лидер группы «Томас». А теперь отвечаю на вопрос. Значит...

ДБ: — Повторить?

ИК: Да нет, я прекрасно его помню, этот вопрос задавали столько раз, что уже страшно становится. Я думаю, что Слава, как всякий взрослый человек, талантливый музыкант, творец, имеет право все делать, как ему самому больше хочется. Честно говоря, ему, нравится самому писать музыку, самому писать тексты, заниматься с группой «Ю-Питер» — ради Бога, пусть этим занимается, никакого глумления в этом я не усматриваю. Это в результате того, значит, сейчас у нас имеет место 150 миллионов человек, которые глумятся так, если вашей логике следовать, над памятью СССР, нося у себя в кармане паспорт с надписью «Российская Федерация» с двуглавым орлом. То есть прошлое есть прошлое, до свидания, спасибо, все свободно, все хорошо, закончили, группа «Наутилус» распалась в 1997 году, что ему теперь все время жить мечтами о славном прошлом? Он пишет свои песни, к ним можно по-разному относиться (как к музыке, так и к словам), у него есть на это полное право, и я бы даже не знаю, до какой наглости мне следовало бы дойти, чтобы оспаривать его право этим заниматься.

АП: Ну, вот Вы лично как относитесь, нравится Вам, не нравится?

ИК: Я отношусь к этому в основном равнодушно. Мне очень... последний проект Славы, который мне нравился — это его проект с группой «Дэдушки», который состоялся, дай Бог памяти, в 2001 или 2002 году. То, что после этого было с группой «Ю-Питер», мне не нравится, но я не драматизирую это и не говорю ни о каком глумлении или кощунстве, просто у каждого человека есть свои творческие этапы, значит, у каждого есть свои ошибки, что-то... свои слабину, свои сильные моменты. Я думаю, что сейчас у Славы очередной момент пере-

группировки творческих сил, переосмысления жизни. Мне кажется, на мой вкус, группа «Ю-Питер» — не самая сильная из его проектов, которые существуют в настоящий момент, но и не самый слабый...

АП: Но тем не менее очень коммерчески успешный.

ИК: Вы знаете, сейчас все, более или менее похожее на музыку, является по определению коммерчески успешным в условиях того дефицита свежих эмоций, творческих проектов, которые вообще у нас наличествуют, поэтому, я еще раз подчеркиваю, что Слава — один из самых талантливых музыкантов в этой стране в своем жанре, и поэтому почему бы его проекту не быть успешным. Я просто думаю, что на фоне других его проектов это не самый пик его карьеры.

ДБ: Вот из Красноярска нам Влад прислал вопрос: «Какие у Вас сейчас отношения с ним?»

ИК: Очень дружеские. Буквально позавчера вместе были. У нас дружеские, но мы пытаемся сейчас искать точки пересечения не непосредственно в этой сложной области совместного писания песен, а в каких-то более побочных каких-то таких вещах, проектах, которые...

ДБ: Есть какие-нибудь уже наметки...

ИК: Да, да, есть какие-то идеи, даже, вот, например, у нас такое что-то светит, вот тут Владимир Яковлевич Шаинский предлагал написать какие-то песни вместе, такие вот странные проекты. Никто не хочет повторения того, что уже было — это, в конце концов, скучно, это вроде как четвертый раз жениться на той же самой женщине. То есть как бы, очень интересно вместе общаться, может быть, что-то сделать, но хотелось бы, чтобы это не было, там, какой-нибудь очередной группой «Наутилус Помпилиус» в 18-м издании.

АП: У меня еще, по меньшей мере, два вопроса, мимо которых нельзя пройти никак, а времени совсем мало. Вот один из них: недавно у Вас в дневнике я прочитал — в он-лайнном, в «Livejournal»'е прочитал, как мне кажется, очень интересную

философскую мысль о том, что Вы патологически не можете ни подчинять, ни подчиняться, и в то же время существуют люди, которым это доставляет удовольствие. Я правильно изложил суть?

ИК: Да, да, да. Это стихотворение, правда, было, но достаточно близкая передача прозой.

АП: Я прошу прощения, не могли бы Вы процитировать?

ИК: Нет, я плохо помню, если Вы мне откроете страницу, я, конечно, прочитаю его вслух, но мысль сводилась к тому, что, действительно, не всем людям дано вопреки, как многие считают, что это универсально, это врождено в гены, но далеко не все люди могут получать удовольствие от того, чтобы быть начальником или быть подчиненным. Некоторые себя одинаково неловко чувствуют и в той, и в другой роли. Я себя отношу к этим самым некоторым, которые себя неловко чувствуют и в той, и в другой роли. Мне кажется, что генетически человек, как новое существо по сравнению с обезьяной, запрограммирован на свободу. Это является чисто человеческим качеством. А свобода подразумевает свободное сотрудничество, а не отношения подчиненности и подчинения. Может быть, это с моей стороны некоторая самонадеянность, но я считаю, что моя позиция является более человеческой и менее обезьяньей, по сравнению с позицией тех, которым нравится обязательно выступать в роли начальника и подчиненного.

ДБ: Вы авторитарный человек?

ИК: Я по своим политическим убеждениям анархист, последовательный анархист, и моя мечта об обществе, о человеческом состоянии, в котором окончательно разрушатся всякие отношения власти и рабства полностью, на 100%, в котором каждый человек будет представлять собой полностью независимое существо. Я верю, что такое состояние может наступить, только вряд ли люди в этот момент будут выглядеть так, как они выглядят в настоящий момент. Возможно, это будут просто другие существа.

АП: Илья, ну и последний вопрос: очень коротко, что для Вас «Live Journal», «Живой журнал»? Сейчас все больше и больше там известных людей.

ИК: Это крайне анархическая, и именно поэтому пользующаяся популярностью форма общения, в которой разрушена всякая вертикальная иерархия, и в которой можно обратиться к какой-нибудь девушке, значит, из глухого...

АП: ...заполярного поселка.

ИК: ...шотландского села точно так же, как можно обратиться к Глебу Олеговичу Павловскому. И в этом смысле это вот разрушение этой вертикали... Я надеюсь, что у нас когда-нибудь будет мозг как какой-нибудь процессор, который руководит крупной мобильной компанией, вот маршрутизатор, который перемешивает все эти номера, который сможет одновременно устанавливать горизонтальные связи с тысячами людей.

ДБ: А этот мозг, он сам по себе не будет вершиной вертикали, управлять всем?

ИК: Нет, потому что он будет общаться с тысячей таких же мозгов, которые будут одновременно держать тысячу контактов, т. е. человеческий мозг уподобится интернету и сможет одновременно вести беседу с тысячами оппонентов. То мнение, которое будет возникать, оно и будет, наконец, походить на эту чертову демократию, о которой только с утра до вечера радио «Эхо Москвы» и говорит.

ДБ: Большое спасибо.

АП: Отлично, мне кажется.

ДБ: Илья Кормильцев был у нас в гостях сегодня. Вам большое спасибо, и приходите к нам еще. Пока.

Радиостанция «Эхо Москвы», 24 декабря 2004 г.

Жизнеутверждающий пессимист

Кто такой Илья Кормильцев, понять непросто. Для кого-то он культовая фигура русского рока, неформал, оппозиционер, в общем, не такой, как все. Для людей склонных к более академичным формулировкам — автор текстов песен, писатель, поэт, переводчик, библиофил, знаток, интеллектуал, аналитик... Человек, много знающий и много думающий, находящийся в постоянном духовном поиске. Поиске того, что сегодня многими забыто, отброшено якобы за ненужностью в реальной жизни. Сегодня Кормильцев утверждает себя в новом качестве, что, вероятно, помогает ему глубже погрузиться в такой увлекательный процесс как самоидентификация личности.

Корр: Кто Вы сейчас в профессиональном отношении?

ИК: Я – издатель, что хуже всего. Это сплошное самопожертвование и никаких удовольствий. Уже два года я являюсь главным редактором издательства «Ультра.Культура». Если бы я заранее знал, что будет такой кошмар, десять раз бы подумал, приниматься за это дело или нет.

Корр: Вы имеете в виду последние события, связанные с интересом, проявленным органами наркоконтроля к некоторым книгам, выпущенным издательством «Ультра.Культура»?

ИК: Последние события меня развлекают, не больше того. Повседневная работа издателя страшнее любых органов.

Корр: Кого издает «Ультра.Культура»?

ИК: В основном мы специализируемся на темах, которые вызывают повышенный общественный интерес. Мы выпускаем шесть книг в месяц, продолжаем уже известные серии «Overdrive», «Жизнь Запрещенных Людей», книги нонфикшн, посвященные острым проблемам современности, то, что мы

называем «цветной корешок». В этой серии скоро выйдет «Черная книга брендов» (это предварительное название), где будет дан список западных транснациональных корпораций, обозначены финансовые связи между ними, а также приведен перечень совершенных ими противозаконных действий в самых разных сферах — от политики до экологии. Автор книги немец Клаус Вернер собрал только «открытую» информацию, то, что стало известно из фактов судебных разбирательств и из прессы.

Корр: Считается, что ваше издательство интересуют маргинальные авторы?

ИК: Приставку «маргинальный» считаю глупой и унижительной. Каждый человек существует в единственном экземпляре, и соответственно является маргиналом.

Корр: Вы полагаете, что издаваемые вами книги предназначены для широкого читателя?

ИК: Нет, мы работаем на совершенно специфическую среду: гуманитарную молодежь, студенчество, на креативных людей, которые изучают актуальные общественные вопросы, хотят ориентироваться в политическом и мировоззренческом плане. Две трети наших книг — переводные. Наверное, только художественная литература адресована к широкой публике, остальное мы считаем достаточно специализированной литературой. Серия «Жизнь Запрещенных Людей» предназначена для людей, интересующихся новейшей историей, в частности темами, вопросами и персонажами, о которых по каким-то причинам мало написано. О Гитлере или Сталине можно найти порядка пятисот книг, а о Пол Поте на русском языке не было ни одной. Буквально на днях «Ультра.Культура» выпускает такую книгу.

Корр: Где можно купить ваши книжки?

ИК: Рекомендую магазин «Фаланстер» в Большом Гнездиновском переулке, 10. Это очень интересное место, помимо того, что в нем есть все книги издательства «Ультра.Культура».

Корр: Наша страна по-прежнему самая читающая страна в мире?

ИК: Меня всегда волновал вопрос, не сколько читают, а что читают. Мне интересны люди, читающие книги, которые являются топливом для мысли.

Корр: Кого из русских писателей вы выделяете?

ИК: Есть фамилии известные всем, и, называя их, я буду не оригинален. С одной стороны есть совершенно новые авторы — молодые (по возрасту) и не очень, чьи имена никому ничего не скажут, но они обладают значительным творческим потенциалом, и наверняка будут интересны читателям. У нас долгое время была своеобразная «дырка», разрыв между писательскими поколениями. С другой стороны, были писатели «старшего» поколения: Мамлеев, Лимонов, Виктор Ерофеев, Сорокин, Пелевина можно отнести туда же, потому что идеологически он сформировался в 1980-е годы. И на протяжении примерно десяти лет им не было смены, альтернативы. В ближайшие два-три года появится много новых авторов, и литературный пейзаж очень сильно поменяется. Ведь сейчас очень много пишут. В основном это ерунда, но на сотню все равно приходится один-два достойных человека. Я полагаю, что у Александра Уварова очень большое будущее, интересны Тарасов, Борисов. Надеюсь, что они заявят о себе после того, как мы их напечатаем.

Корр: Как можно соотнести литературную ситуацию в России и на Западе?

ИК: В каждой стране своя ситуация. Я полагаю, сейчас идет оживление европейской континентальной литературы (восточная Европа, Германия, Франция). Определенный застой наблюдается в англо-американской литературе. Любой процесс, в том числе литературный, подчиняется каким-то ритмам, циклам, вроде времен года. Есть подъемы и спады. У нас в России в 1990-е годы был застой, несмотря на большое количество издаваемых тогда книг. Многие произведения не были самостоятельным явлением, во многом оставаясь продолжением 1980-х годов. В конце 1980-х был быстро реализован потенциал, неизрасходованный в советское время, много печаталось «полоч-

ной» литературы, эмигрантов, шестидесятников. А потом образовалась та самая «дырка». Если говорить о специфике России вообще, то по-прежнему русская литература будет оставаться очень особой. Потому что мы, как и раньше, принадлежим одновременно к двум разным мирам. Расставив «ноги» над «пропастью», мы одной ногой стоим в западной среде, другой — в колониальном мире. Русской литературе свойственна некая химеричность — хвост от одного животного, голова от другого.

Корр: «Голова» европейская, «хвост» азиатский?

ИК: С какой стороны посмотреть. Вы знаете, с какой полски начитается зебра?

Корр: Вы продолжаете писать и переводить?

ИК: В последнее время этот мой вид деятельности находится в крайне подавленном состоянии, к моему огромному сожалению. Правда, за последние три года я столько напереводил, что можно и отдохнуть. Пока издательская работа находится на первом плане.

Корр: Вам хватает времени, чтобы читать?

ИК: За пределами профессии издателя практически нет. Это обедняет жизнь и создает дискомфорт. Я, конечно, буду продолжать писать и переводить, только пока не знаю когда. Мы издаем книги чуть больше года, и еще очень многое находится в процессе становления, некоторые проблемы принимают преувеличенные формы из-за нехватки опыта, кадров. Но рано или поздно любое предприятие приходит к стабильности.

Корр: Сколькими языками вы владеете?

ИК: Для того, чтобы переводить, тремя: английским, французским и итальянским.

Корр: Правда ли, что некоторые книги «Ультра.Культуры», в которых якобы пропагандируются наркотики, изымаются из продажи?

ИК: Нет, конечно. Применяются другие методы — запугиваются продавцы. Это такое классическое ментовское пугалово. Приходят и говорят: «Если будете продавать, у вас будут про-

блемы». Все эти действия не имеют под собой никакой законной основы, они вне рамок чисто юридической практики. Это кампания политического характера.

Корр: Лично на себе вы испытываете давление?

ИК: Нет, они умные стали, и понимают, что если затрагивать публичные фигуры, проблем и шума будет гораздо больше, чем пугать продавцов и владельцев магазинов, которые просто зарабатывают свои деньги.

Корр: В России существует цензура?

ИК: Конечно, она есть в любом государстве в той или иной степени.

Корр: Но ведь органа цензуры нет...

ИК: Два раза на одни и те же грабли не наступают. Методы давления и влияния американского типа тоже могут быть эффективными, и они не требуют подключения государственного аппарата, законов, критики со стороны международных организаций и тому подобного. А цензура как система может существовать только в том случае, если она опирается на определенную идеологическую систему. Поскольку она у нас отсутствует, идет борьба с отдельными авторами и наименованиями, нежелательными по каким-то политическим причинам. Понятно, что не любят наши власти книжки про Чечню. В последнее время пошла антинаркотическая кампания. Но единой системы оценок нет, и не может быть, потому что у государства нет идеологии. И это государство идет по пути решения частных проблем полицейскими методами. Для этого цензура не нужна, нужен полицейский аппарат, который будет оперативно вмешиваться в ту или иную проблему. Система цензуры носит целевой характер в государстве, которое имеет определенную цель. А у бандитов не может быть цензуры. Кто-то помешал, на него «наехали», для этого не надо проверять всех бандитов.

Корр: Складывается впечатление, что ваше издательство довольно политизированная организация...

ИК: Издательство «Ультра.Культура» политизировано настолько, насколько политизирована сама жизнь. Наша политизированность воспринимается как повышенная на фоне чрезмерной деполитизированности основных мейнстримовых российских издательств. В условиях другой страны это бы не так смотрелось. Абсолютное большинство издательств отказывается печатать книги на актуальные современные темы. Это внутренняя самоцензура не идеологического плана. Просто владельцы издательств — это, как правило, бизнесмены постсоветской генерации с определенными сложившимися вкусами. В лучшем случае они эстетизировано обращены в прошлое — классическую, иногда советскую литературу. Поколение, которое сейчас занимается культурным производством, то есть мое поколение, довольно цинично. Но оно недооценивает социальную активность различных слоев общества и ко многим важным вещам относится презрительно, кроме рыбалки, автомобилей и...

Корр: И коммерческого успеха... Получать огромные прибыли от издания Марининой ведь так приятно!

ИК: Не надо все сводить к деньгам. Если кто-то из писателей им не нравится, но может принести солидный доход, они еще сильно подумают, издавать или нет. Маринину может и будут издавать, но без восторгов.

Корр: Как вы относитесь к женской литературе?

ИК: Литература, которую пишут женщины, может быть очень неплохой. Если книга хорошая, я предпочитаю не обращать внимания на пол писателя. В то же время женская литература существует как жанр, наряду скажем, с жанром детектива, ужасиков и так далее. К женской литературе как к жанру я, если честно, не питаю пристрастий. Треш-литература мне гораздо интереснее.

Корр: Как человеку разобраться в огромном море книг, «бушующем» в современных книжных магазинах?

ИК: Также, как и всегда, — верить собственным глазам и тому, что говорят друзья. Книга как вид искусства наиболее

подвержена неформальным оценкам. Сарафанное радио в жизни книги играет огромную роль, это же относится и к музыке. Реклама книг — вещь достаточно сложная, она используется, прежде всего, для раскрутки каких-то брендов. Подлинный, серьезный интерес книги вызывают не благодаря рекламе. Самих тиражных сейчас западных писателей, скажем, Мураками или Коэльо, никто активно в России не рекламировал, и никто из издателей изначально не поддерживал, даже наоборот, к какому-то японцу Мураками относились с большим скепсисом. Но книги оказались востребованы читателем. И имена «выстрелили» сами собой, их успех развивался не по законам шоу-бизнеса. Более того, сам Мураками оказывал сопротивление тому, что у нас его так много.

Корр: Говорят, Москва сейчас — самый главный город мира...

ИК: Нигде, кроме Москвы, я об этом не слышал, честное слово. Это очередной миф, произрастающий из комплекса национальной неполноценности, продолжение романа под названием «Россия — родина слонов».

Корр: Куда с культурной точки зрения движется наше общество?

ИК: Эх, куда вы метнули! Пока прогнозы неудовлетворительные, хотя, смотря о ком говорить. Молодежь — это одно, среднее поколение совсем другое. В целом идет деградация культуры, а точнее формирование культуры типично колониальной страны. Это наиболее очевидная тенденция, лежащая на поверхности. У нас очень активная молодежь, которая попала сейчас в сложную социальную ситуацию, и эта ситуация будет усугубляться еще ближайшую пару-тройку лет. Среднее поколение оскотинилось, это совершенно очевидно. Но ничто не вечно, все развивается. Хотя пик деградации еще не настал.

Корр: Что является признаками деградации?

ИК: Скучная палитра интересов общества, бессодержательная пустота культурной жизни и культурного производства.

Бесконфликтность, беспроblemность, безликость, подверженность сиюминутной политической конъюнктуре, причем конъюнктуре не массово-политической, а идущей от госзаказа, периодических чиновничьих кампаний. Интересна в этом смысле смена тематики телесериалов. Сейчас на ОРТ закрывают 51 сериал, все про ментов и бандитов. Бандитов теперь не будет, потому что последняя установка — позитивный образ простого человека. По механизмам создания это все не советское, но по формам, безусловно, как в эпоху соцреализма. Наше ТВ сильно монополизировано, все средства распределяются из одной-двух кормушек, оттуда поступает и заказ на форму и содержание. Два жанра сейчас находятся в самом худшем положении — популярная музыка и телевидение. Что же касается поколений, то в лучшем положении, конечно, молодежь. Прежде всего, потому, что она пока не раскрылась с точки зрения собственного содержания, это дело будущего.

Корр: Как вы относитесь к светской жизни, и участвуете ли в ней?

ИК: Никак не участвую и не уверен, что она существует у нас в полноценном значении этого слова. Есть мистификация, а точнее симуляция светской жизни. Светская жизнь предполагает наличие элиты, которая по собственной воле сама создает места для социального общения. У нас функцию элиты выполняют кучки людей, объединенные по цеховому принципу. Возьмите журналы. Реальные тиражи гляцевых журналов не превышают 5 тысяч экземпляров, к тому же все вместе эти издания продаются в одних и тех же местах. Наш так называемый «свет» — замкнутая система, которая занимается самолюбованием и самовоспроизводством, — и все это называется светской жизнью. Настоящая же элита состоит из разных компонентов — кто-то богат, кто-то очень талантлив, и они встречаются в одном месте, испытывают потребность во взаимовлиянии. Эта система открытая, в которой кто-то появляется, кто-то исчезает. У нас это кучка людей, которая сама себя раскручивает. Элита, построенная по принципу бандформирования,

«семьи», очень типична для российского шоу-бизнеса и искусства. Возьмите клан Пугачевой, Михалкова.

Корр: Вы отрицаете существование у нас клубной культуры?

ИК: Это как на балах Петра Первого — с наспех сбритыми бородами и в париках. Американских негров освободили и отправили обратно в Африку, причем на деньги плантаторов. Негры приехали в Либерию, первым делом построили Капитолий, надели цилиндры и черные сюртуки, как их бывшие хозяева, стали ходить в этих сюртуках под палящим солнцем в Капитолий, обратили в рабов своих же братьев, коренных негров, создали плантации. В наших клубах то же самое, имитируется чужая форма, внешняя, ритуальная оболочка, а не социальное и культурно-историческое содержание. А потом говорят, что у нас есть светская и клубная жизнь. Какая может быть светская жизнь у человека, который позавчера с кичи откинулся. Светская жизнь — это когда вы ходили в эту школу, в этот колледж и в этот университет на протяжении, как минимум, четырех поколений. Нельзя светскую жизнь подменить джентльменами удачи, это относится и к бизнесу, и к культурной жизни.

Корр: Но ведь именно в петровское время все и началось — с нуля, а потом постепенно развивалось и...

ИК: Да, и только к царствованию Александра Первого, не раньше, приобрело характер некой органики, содержание и форма слились в единое целое. Ведь еще екатерининский двор был помещью деревни с декорациями, которые специально выстраивались для Вольтера. Что ждет нас в будущем? Глубокое планирование истории — занятие безнадежное в любой стране.

Корр: А как же быть с молодежной субкультурой, как ее называют?

ИК: Молодежная культура не заорганизована, она не выполняет социально-командных функций, поэтому ее формы бывают очень своеобразны. Культура может начинаться с под-

ражания, вспомните наших хиппи или панков. Но, подражая, молодежная культура сразу привносит какие-то свои черты в воспринятое извне, благодаря самодеятельности масс, которая развивается стихийно и приводит к непредсказуемым результатам. Молодежная культура вообще и наша в частности не является абсолютной калькой с чего-то. У нее народно-стихийный характер, оригинальные формы и самобытное содержание.

2004

Идеальный оппортунист

Его имя знают если не все, то очень многие. При этом он сам до сих пор загадка, остающаяся в некоторой тени. Когда-то прочно ассоциировался со знаменитой рок-группой, название которой — «Наутилус Помпилиус» — тоже принадлежит его фантазии. Но времена рок-музыки отошли в очень давнее прошлое. Сейчас Илья Кормильцев живет в несколько ином знаковом качестве, оставаясь по-прежнему поэтом, музыкантом, философом, переводчиком и издателем.

Елена Иванова

ЕИ: В настоящее время ты больше известен как переводчик новой для современного русскоязычного контекста прозы, при этом являешься главным редактором скандального издательства, пишешь стихи. Круг твоих занятий определить стороннему наблюдателю очень сложно. Расставляешь ли ты какие-то приоритеты, выделяешь ли для себя что-то главное?

ИК: Между тремя вышеназванными ипостасями (переводчик, издатель, поэт) я не провожу никаких границ для себя. Главное определение в этом смысле — я сам. Всю жизнь я пытаюсь позиционировать себя как некую личность, которая выражается в окружающем пространстве различными способами. Это могут быть стихи, песни, переводы, политическая деятельность, публицистика. В окружающей меня реальности я выбираю точки наименьшего сопротивления и устремляюсь туда, как газ. В разную эпоху и в разное время эти точки совершенно разные, и я выбираю их, исходя из возможностей этой реальности. Например, сейчас люди активнее слушают музыку, а сейчас люди активнее читают публицистику, а сейчас люди больше интересуются еще чем-то. В этом смысле меня можно назвать идеальным оппортунистом, идеальным конъюнктур-

щиком, если исходить из содержания того, что я делаю, а не из формы. Содержание — это я сам, а форма — она всегда зависит от тех возможностей, которые предоставляет время. Я не вижу принципиальной разницы между формами моего присутствия в реальности.

То, что я сейчас достаточно активно занимаюсь переводами, как раз связано с некоторыми обстоятельствами времени. Находясь на этом этапе своей жизни, я понял, что если мне хочется вырваться из предназначения, отведенного мне обществом в прошлый этап, где я себя достаточно заметно проявил, как человек, который писал какие-то там песни, я не могу сразу взять и начать писать романы, или заниматься политической деятельностью. Вначале мне нужно найти какую-то промежуточную ступень, которая дистанцирует меня от прошлого. А перевод — это такое хорошее место, где можно отсидеться, чтоб переждать период трансформации от одной фазы развития к другой.

ЕИ: Как профессионал, постоянно имеющий дело с иностранной переводной литературой, можешь ли ты согласиться с мнением, что для автора переводчик стихов — конкурент, а переводчик прозы — соавтор?

ИК: Я бы сказал, что переводчик стихов — это скорее экспроприатор, а переводчик прозы — посредник. Ведь посредник ничего, кроме морального и материального процента, за свою деятельность не получит. Экспроприатор же требует, чтоб его имя было внесено в копирайт, наряду с самим автором. Я сейчас имею в виду не юридическую сторону проблемы, а именно творческую. Это зависит от того, что в область непереводаемого переводчик все равно вносит свой образный ряд, свои сравнения. В прозе это присутствует в более скрытой форме, и это значительно труднее вычислить. Чем она более повествовательна, нейтральна, тем личность переводчика легче скрыть. Но чем более поэтична проза, тем ее труднее переводить, тем более видна личность самого переводчика.

ЕИ: Да, это особенно заметно в твоих переводах того же самого Кейва или Алена Гинзберга. «...Как падали на колени

в безнадежных соборах, молясь за спасенье души друг друга, за свет и за груди, пока над поросшей шерстью душой не вспыхивал на мгновение нимб»... Поросшие шерстью души очень похожи на парней с прыщавой совестью.

ИК: Гинзберг здесь, наверное, не очень удачный пример. Именно поэтому я уклонялся от перевода стихов. Потому что они, даже написанные верлибром, оставляют для переводчика гораздо меньше возможностей спрятаться, чем проза. И если читатель знаком с личным творчеством переводчика, вот как ты процитировала, вполне естественно, что он сразу замечает и образный ряд, и какие-то другие литературные приемы. Поэтому я всю жизнь не любил и не горел желанием переводить стихи. Зачем, если я могу писать их сам. Более того, чужие стихи создают для меня конкретное неудобство. В стихах в результате неизбежно возникающего сотворчества переводчик засвечивается. В прозе этого не происходит. Проза — гораздо более конспиративное и надежное убежище, чем стихи.

ЕИ: А каким образом ты проводишь отбор текстов для перевода?

ИК: А мотивов множество. Главный из них, наверное, не кто предложил, а почему я взялся за тот или иной текст. Общий знаменатель этих текстов вряд ли филологический. Я не могу сказать, что люблю переводить прозу с определенным ритмом или определенными особенностями языка. Момент выбора текстов для меня носит скорее идеологический характер. Мне интересен автор, с которым у меня близко похожее восприятие реальности. При этом он может пользоваться совершенно другими лексическими средствами, которые для меня всегда играют второстепенную роль. Восприятие художественной литературы у меня носит скорее культурологический, философский аспект, нежели филологический. Мне гораздо менее интересно *как* написано произведение, чем *что* написано. Например, тот же Фаулз. Его произведения мне кажутся какими-то бессильными филологическими упражнениями английского интеллектуала,

британской вырожденной культуры. Я не знаком с Фаулзом лично, но очень хорошо представляю себе этот типаж, потому что достаточно много времени провел в Англии.

Есть авторы, за перевод которых я бы не взялся. Это те, чье *что* не неинтересно. Хороший пример этому — Энтони Берджес. Я люблю у него один-единственный роман «Заводной апельсин». Все же остальные его романы для меня не представляют никакого интереса, хотя с точки зрения филологической тонкости, изощренности владения языком написаны одинаково. Но лишь в одном этом романе есть интересное для меня *что*, во всех же остальных книгах этого нет. Поэтому при той же изысканности языка они производят впечатление надуманности, мелкотравчатости.

ЕИ: На чем строится в таком случае вся мировая литература? Ведь складывается такое впечатление, что за много веков существования человечества все основные сюжеты в литературе обыграны: страсти человеческие, вражда, непримиримость, подлоги, заговоры, убийства, практически все давно сказано. Что же делает литературу — *что* или *как*?

ИК: На самом деле эта тема очень важна. *что* и *как* всегда находятся в диалектическом единстве. Ведь если книга написана бездарно, в ней нет этого *как*, то автор не может донести до читателя свою мысль, не может вызвать ни интеллектуального интереса, ни наслаждения процессом чтения. Но читать чистое *как*, очень красивую прозу, полную каких-то филологических и лингвистических изысков, невыносимо скучно. Неизбежно возникает вопрос, а что же автор хотел всем этим сказать.

Что касается исчерпаемости сюжетов в мировой литературе, можно сказать, что за этим стоит тот же вопрос единства *что* и *как* в литературе. Люди умирают и рождаются. Каждое новое поколение не может всерьез заинтересоваться текстами про то же самое, написанными 200 лет назад. Существуют метафизические проблемы, которые интересуют человека всегда, которые должны быть раскрыты наиболее

доступными этому поколению лексическими средствами. Таким образом, есть основное *что* и постоянно меняющиеся *как*. Функция литературы в том и состоит, чтобы обеспечить возможность исполнения поставленных человечеством метафизических задач.

ЕИ: Допускаешь ли ты возможность литературы как коммерческого явления?

ИК: Мне кажется, что здесь кроется заведомая ошибка на уровне силлогизма. Коммерческий и духовный — это не антонимы, и вообще явления не одного плана. Духовное — это метафизическая категория, а коммерческое — социальное. Вполне может существовать духовное явление, имеющее коммерческий успех и наоборот.

Например, коммерчески успешные в России Ричард Бах или Коэльо. Я не могу назвать их произведения совсем бездуховными. Но эта духовность обращена к тому возрасту, когда ни одна другая духовность еще не будет ценна или понятна. Эта литература обращена к подросткам в первую очередь. Ведь у каждого поколения должны быть свои «Алые паруса», «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», это момент подросткового романтизма и поиска духовности, который свойственен человеку в его онтогенезе.

Я не имею ничего против функциональной литературы: жанровой, возрастной, гендерной. У меня есть претензии, когда эта литература пересекает свои сферы существования, сферы влияния. Когда, к примеру, пальпового Акунина, которого, я даю 100% гарантии, через пять лет не будет помнить никто, делают чуть ли не основным представителем современной русской прозы.

ЕИ: Расскажи, пожалуйста, что произошло с твоей серией в издательстве «Иностранка», на обложках вместо твоего имени стоит что-то малопонятное «Лучшая современная проза».

ИК: В представлении определенных людей, руководителей издательства и их круга общения, серия была ориентирована на интеллектуальную буржуазию. Ключевым моментом нашей

размолвки была публикация издательством «Ультра.Культура» книги Нестерова «Скины». Эти вышеназванные люди восприняли ее как неприемлемую для себя. Им показалось, что теперь мое имя у читателя будет ассоциироваться с какими-то радикальными вещами, с тем же Нестеровым, с Лимоновым, книги которого мы тоже издаем. И именно это скомпрометирует серию, которая популярна у людей с либеральными политическими взглядами, или стоящих вне политики вообще. Но серия все же составлена мной. Несмотря на то, что имя с обложки убрал, книги будут выходить еще некоторое время.

ЕИ: Издательство «Ультра.Культура» можно назвать поистине революционным. Вы публикуете книги и авторов, которых стороной обошли бы другие наши издатели, побоялись бы допустить встречу читателей с этой информацией. Чем вы руководствуетесь, издавая такие книги, и вообще, есть ли у издательства какая-то сверхзадача?

ИК: У издательства есть не столько сверхзадача, сколько сверхповод. Благодаря стечению обстоятельств, собралась группа совершенно разных людей, которые обнаружили в некий момент темы, дискурсы, позиции, покрытые зоной умолчания, обнаружили, что в издательской практике отсутствует целая сфера определенных текстов. Мы подумали, почему бы не начать раскрывать для читателей эти темы. Чем в результате эта затея кончится, очередным пшиком или мировой революцией, никому не дано знать. Изначально мы хотели создать жизнеспособную творческую организацию, которая бы занималась текстами и темами, интересными в первую очередь нам самим. Пока нам доставляет это удовольствие, мы видим некий экономический и творческий потенциал в издании подобного рода продукции, издательство существует. Если мы однажды поймем, что темы исчерпаны, что нельзя больше издать ничего такого, чего не издал кто-либо другой, когда нам станет скучно, мы пойдем дальше заниматься другими делами.

А вообще, я считаю, что сейчас удивительная ситуация. Мы живем в современном индустриально-капиталистическом со-

циуме, которое в истории человечества одно из самых бесцельных. У него нет ни программы, ни задекларированной финальной цели, никакой метафизики вообще. И тем не менее это общество придает фетишистское значение понятию цели: «Зачем вы это делаете? Что вы хотите получить в конце?» Это удивительно. Обычно люди, которые не имеют никакой метафизической цели, постоянно обращаются к другим с этим вопросом. Видимо, в надежде услышать ответ.

Газета «Уральский рабочий», 2004

Круглый стол «Искусство. Революция. Контрреволюция»

ИК: Я, с вашего позволения, об Украине говорить вообще не буду. (*Аплодисменты в зале.*) Я Украину плохо знаю. Был там пару раз по нескольку дней в Киеве, один раз — неделю в Ровно. Вот и весь мой опыт. Я родился на Урале, жил на Урале, вырос на Урале. У нас в Крым не так много ездили, как в Москве — Крым назывался тогда «Приморский район города Москвы», а не Приморский район города Екатеринбурга или Новосибирска, скажем. Я вообще думаю, что если бы Никита в свое время не присоединил Крым к Украине, то москалям бы до Украины вообще бы никакого дела не было, несмотря на весь Донбасс. Это обида символическая — отобрали свой приусадебный участок. Я думаю, что это проблема сложных взаимоотношений москалей с Украиной. У уральцев с Украиной взаимоотношения точно такие же, как, скажем, с Польшей, Югославией, Грецией, с чем угодно. Такого специфического восприятия нет. Я буду говорить о России, о том, возможна ли здесь «оранжевая революция». Или вообще какая-то революция на настоящий момент. По-моему, ключ к ответу лежит в вопросе «А была ли революция в 1991 году?» Я всегда считал, что не было никакой революции в 1991 году, не было даже никакой смены режима, если не называть революцией. Меня очень часто спрашивали, почему я так считаю. Но я — поэт, я не обязан давать умные правильные по политологии, социологии какие-то связи, чтобы все было по-академически правильно. Я отвечал: «Потому что Пугачеву не расстреляли, революции не было». Меня спрашивают: «Ты что, с ума сошел, Пугачева — это же наше все!» Но в России «наше

все» традиционно начинается на «Пу» по непонятным фонетическим причинам: Пушкин, Путин, Пугачева... В чем дело?

Мне кажется, наследие социологии 19 века — мысль о том, что меняются режимы и формации — это очень важно. Была у нас коммунистическая страна, теперь капиталистическая якобы, как, впрочем, была раньше якобы коммунистическая. Так вот, это не важно на самом деле. Важен процесс смены или сохранения элит. А процесс смены или сохранения элит обеспечивается не политическими, а культурными формациями, непрерывностью культурного процесса. Никакого культурного процесса прервано в России в 1991 или в 1993 году не было, к сожалению. Продолжается тот же режим, в принципе, который существовал в культурном смысле, и правят те же элиты, которые правили на протяжении длительного периода предыдущей истории. Не буду вдаваться в академические штудии по поводу того, насколько он длительный. Начался он в 1917 году, или при Петре, или при царе Иване Васильевиче — не важно. Важно то, что никакого срыва, смены контингента не было. А в таких республиках, как Украина и Белоруссия, он был. С чем это связано? Дело в том, что программа национальной школы (я плохо знаю Украину, зато хорошо знаю Белоруссию, знаю то поколение, которое там выросло уже после Советского Союза) — это совсем другие учебники, это совсем другая ориентация в мире. Это совсем другая картина культуры, литературы. Свою дочь я спрашивал шесть лет назад, когда она закончила школу: «Что ты читаешь там такое?» — «Да вот, Чернышевского «Что делать?» изучаю»... Так вот это явление, этот культурный пласт, который обеспечивает нынешнюю элиту, он очень метко был Эдуардом Лимоновым охарактеризован как «вечный 19 век», который в России до сих продолжается. Этот «вечный 19 век» — он и следствие того, что не меняется элита, и она его сохраняет специально, чтобы не меняться и сохранить свою преходящую власть. Не знаю, на Урале ее называют всегда так же, как и на Украине называют — «москальская элита». Речь идет не о биологическом

определении элиты. Разумеется, приезжали люди из провинции, их брали в ЦК, или назначали в Администрацию Президента, они пробивались куда-то еще. Речь идет о некой ложе, в которой ты должен придерживаться определенных культурных, эстетических, мировоззренческих принципов. И которые постоянно пополняются. В России слома не было. И, соответственно, у нас неизбежно что-то скоро будет. Но оно будет не такое красивое, как «оранжевая революция», а совсем другое, как всегда дикое и безобразное. И кончится кошмарно.

(Смех. Аплодисменты.)

Москва, Информационно-исследовательский центр «Панорама» совместно с Крымским клубом, 26 января 2005 г.

«Играть на конюшню»

Илья Кормильцев об издательском бизнесе

Корр: Возможно ли сейчас выживание независимых культурных проектов, не связанных с господствующими экономическими или политическими структурами?

ИК: Культурный проект включает две кажущиеся относительно независимыми составляющие. Как и всякое производство, он сводится к собственно производству и дистрибуции. Наиболее высокотехнологические виды культурных проектов во многом зависят от уровня инвестиций в культурный процесс. Есть очень эффективные виды культурного производства, не требующие высоких затрат. Поэту, например, нужны только карандаш и бумага. Но для всех жанров культурных проектов наиболее уязвимой оказывается дистрибуционная система. При всяком сворачивании в системе степеней свободы именно на нее обрушивается основной удар. Не в производство символа, а возможность донести его до конечного потребителя — это и есть самая слабая точка, тот самый Фермопильский проход, который легко заткнуть одним легко вооруженным воином. Такая ситуация повторяется при самых разных социально-экономических условиях. В позднесоветской действительности проблемой было вынесение чего-либо за пределы кухни. В кухне можно было говорить практически что угодно, пока это не превосходило некоего порогового значения и не начинало пахнуть чистой политикой. Но возможность вынести все эти слова из кухонь и разнести их в более широком пространстве, было именно тем горлышком, которое до какого-то момента более или менее успешно защища-

лось господствующим дискурсом. Способы контроля изменились, но точка их приложения осталась та же самая, — начало дистрибуции символа. Чисто силовые способы контроля над дистрибуцией символов заменились сейчас комбинированными, сочетающими силовые и экономические методы. Но здесь и начинается основная проблема нынешней властной системы, представляющей собой непоследовательный, незакрепленный, незаконченный авторитаризм. Авторитаризм, апеллирующий к сохранению базовых буржуазных свобод, внутренне противоречив. При сохранении этих базовых свобод неизбежно сохраняется и основной механизм интереса капитала, — интерес прибыли. Если дискурс, конкурентный господствующему, интересен обществу, а, следовательно, приносит некую норму прибыли (хотя бы минимальную), то без включения чисто силовых приемов остановить его распространение невозможно. Всегда появится продавец, которому будет выгодно участвовать в его распространении. Когда мы начинали нашу деятельность, то были уверены, что при наличии спроса даже силовое давление в нынешних условиях может только изменить каналы дистрибуции, а не перекрыть их совсем.

На первых порах у нашего издательства были серьезные проблемы с крупными дистрибьютерами, — оптовыми торговыми сетями, большими магазинами, — которые шарахались от нас как черт от ладана. В той атмосфере, которая сложилась к 2002 году, предлагаемые нами книги и тексты казались им опасными. Трудно даже вычленить в их поведении соотношение между реальным страхом перед вмешательством сил закона и порядка и внутренней цензурой, естественной в конформном и консенсусном обществе, особенно в его буржуазной среде. Некоторые говорили: «Мы не будем торговать вашей продукцией, потому что у нас неприятности будут». У других включалась внутренняя цензура, и они отказывались с нами сотрудничать, заявляя, что им противно торговать такими книжками. Возможно, и за первым, и за вторым высказываниями стоят в действительности одни и те же представления, которые

просто по-разному пытались рационализировать, — одни валили на Фому, а другие — на Ерему.

Нам было очень сложно на первом этапе пробиться со своей продукцией. Но поскольку распространяемая нами информация пользовалась спросом, она потекла на рынок другими путями. Она смогла обойти поставленные преграды, поскольку они по своей природе не являются тотальными. Мы начали работать с маленькими магазинами (типа «Фаланстера» и «Системы О. Г. И.»), начали сотрудничать с Интернет-магазинами, не крупными, типа «Озона», а альтернативными, типа «Кайи», или конкурирующих с «Озоном», поднимающихся структур, вроде «Болеро». В результате мы добились того, что, несмотря на оппозицию крупных магазинов и ряда торговых сетей, книги все равно стали доходить до потребителя, пусть не с теми скоростями и не в тех объемах, как нам бы хотелось. Может быть, это не приносило такую прибыль, которая была бы чрезмерно соблазнительна, но она позволяла нашему издательству развиваться.

Система распространения культурной продукции как вода, которая, если течет под воздействием силы тяжести, проточит себе путь в любой плотине. Особенно, если плотины поставлены без всякого плана, от случая к случаю, так сляк. В конце концов в этом году начался обратный процесс. Все, что мы делаем, вся наша продукция начала поступать в крупные магазины. Они увидели, что все ожидаемые репрессии, в том числе и наши реальные столкновения с прокуратурой и ГНК, — это все «бумажные тигры». Интерес к торговле нашими книгами быстро стал сильнее страха, что кто-то придет и за это накажет. Отсюда следует очень важный урок: такой вещи, как ограниченный авторитаризм, как целостная система, в принципе не существует. Он является некоей переходящей фазой, состоянием неустойчивого равновесия. Ситуация обязательно должна скатиться из этого состояния в ту или другую сторону. Либо господствующий дискурс должен перейти от партизанских вылазок, страшилок, пугалок к жестким методам действия, выстроив под-

линно авторитарную идеологически центрированную систему, которая держалась бы на отчетливом понимании собственных интересов. Если пользоваться современной политической терминологией, то построить эту самую вертикаль. Либо господствующий дискурс вынужден будет расслабиться, допустить все то, что ему не нравится, мутировав в противоположную сторону. Отчасти беременной быть нельзя. Эта комедия частичных партизанских репрессий и ограничений никогда не кончается в пользу тех, кто проводит такую частично ограниченную политику. Силы, которые недовольны своим положением в рамках монодискурса, начинают чувствовать ограниченность его господства и создают альтернативные каналы для собственного распространения и воспроизводства. Чем больше тебя щиплют и щекочут, тем больше начинаешь дергаться. Здесь надо или всерьез душить, или отпускать. Получается, что чем дольше затягивается авторитарный спектакль, тем меньше у него возможностей превратиться в реально действующую систему.

Гайки надо было закручивать года полтора назад. Теперь этот момент неукротимо проходит, и сейчас начинается инверсия ситуации, — медленный, слабый и осторожный (пока) переход в контратаку способов интерпретации действительности, как символической, так и экономической, альтернативных господствующему дискурсу. Что дальше будет, Бог весть. Но мы надеемся, что дело наше будет крепнуть и развиваться. У меня есть предположение, что это не сиюминутная конъюнктура, покачнувшая, как этой осенью, ситуацию в информационном поле, а тенденция, которая носит долговременный характер.

Корр: Не кажется ли Вам, что нынешний общественный консенсус связан с растерянностью элит вследствие отсутствия единого идеологического центра, формулировавшего этические и эстетические нормы?

ИК: Мы просто привыкли рассматривать консенсус как нечто квази-идеологическое. Он не обязательно образуется вокруг господствующей религии или социально-экономического учения. Для общества рассредоточенного спектакля характе-

рен рассредоточенный консенсус, который базируется не на центральной точке («Бог един» или «коммунизм победит»), а складывается вокруг неопределимых, существующих только в эмоциях или ощущениях неотрефлексированных моментах, на удовлетворенности статусом-кво. Такая ситуация хорошо выражается народным выражением «лишь бы не стало хуже». Консенсус такого типа тоже возможен. Более того, в большинстве человеческих обществ именно он и определяет позицию консервативной и конформистской части социума. Мы просто слишком заиклены на образе идеократического государства, которое существовало у нас на протяжении 20 века, забывая, что это далеко не самая распространенная форма общественного консенсуса. Обычно, особенно в средних слоях общества, он базируется на неоформленных и неотрефлексированных желаниях данной социальной страты или класса (на это в свое время указывал Маркс).

Эти желания господствующий режим, очевидно, в какой-то степени отражал, не имея никакой программы в идеократическом понимании этого слова. Дискурс власти (если у нее есть осознанный и организованный дискурс) явно полицентричен. У него есть либеральная компонента, есть компонента квази-патриотическая, которые тянут дискурс в разные стороны. Но ни одна из них не является центром консенсуса. В этом качестве выступает утверждение «ничего не надо менять, все будет лучше и лучше и так». Соответственно, тот, кто будет менять, сделает не лучше, а хуже. В такой ситуации не нужно никакого учения, на которое можно было бы сослаться, определяя, что можно делать, а что нельзя. Преодоление такого консенсуса может даваться обществу даже с большим трудом, чем преодоление консенсуса, базирующегося на учении, на некоем объединенном кредо. На таком консенсусе базировались, например, все латиноамериканские режимы, в которых было смешано что-то от католической церкви, что-то популистских призывов. Нынешняя российская власть действительно перестала в явном виде формулировать этические и эстетические нормы. Их опре-

деление перенесено от идеологов на само общество. В связанной с этим подсознательно выстроенной интенции (а не только в желании власти спрятаться за чужими спинами) и состоит, например, основная причина того, что против писателя Сорокина выступали «Идущие вместе» и другие якобы гражданские организации.

В США эта система давно действует. Там всевозможной цензурой и ограничениями занимаются разного рода христианские и родительские комитеты. Неолибералистская программа предусматривает перенос функций власти как таковой на элементы определенной гражданской самоорганизации. Она понимается в очень специфическом смысле: ограничения на ее формирование вроде бы есть, но они закладываются на ином уровне, отличающемся от того, к которому мы привыкли. В СССР никто не мог организовать еще один комсомол, какими бы мотивами он ни руководствовался. Сейчас их можно создать и два, и три, и четыре, и пять. Действуя в определенных, достаточно подвижных рамках, ты можешь заниматься этим, сколько хочешь. Если ты следуешь определенным правилам, твоя деятельность будет только одобряться. Не следует по старой привычке видеть одну сквозную манипуляцию. Современные приемы манипуляции, уже освоенные властью, разнообразны и носят, как правило, локальный характер. Сейчас совершенно не обязательно усиливать полицию, достаточно увеличивать производство сериалов, направленных в определенную сторону. Произошла определенная модернизация власти, но она носила исключительно технологический характер. Были освоены определенные приемы, но не были усвоены мета-приемы, предыстория существующих ныне технологий. Поэтому система манипуляций имеет довольно рыхлый вид и работает со сбоями.

Корр: Возможно, такая ситуация позволяет обществу формировать собственные центры этических и эстетических запросов? Успех Вашего проекта, как представляется, связан именно с тем, что его удалось превратить в такой центр.

ИК: Правильно. Общественный энтузиазм разнонаправлен. Если энтузиазм «братьев-акробатов» был направлен на организацию «Идущих вместе», то наш энтузиазм способствовал возникновению иной структуры. Пока власть жестко не скажет, что мы плохие, а они хорошие, со всеми вытекающими отсюда юридическими и силовыми выводами, пока сохраняется возможность игры на более или менее открытом поле, остается неизвестно, кто, в конечном итоге, выиграет. Я не верю в возможность эффективной чисто символической манипуляции в современном обществе при современном уровне развития технологий, не дополненной воздействием физического твердого кулака. Возможно, вся постмодернистская шатия-братия, пойдя к власти в учителя, сослужила хорошую службу, внедрив в голову власти преувеличенное доверие к рекламе и символическим манипуляциям. Власть по своей природе, даже после того разрыхления, которому она подверглась в первой половине 1990-х годов, имела внутреннюю интенцию действовать попроще: хватать, давить, откручивать головы. И то, что власть слегка развернули в сторону медийных игр, позволит людям, сейчас ее обслуживающим, изображать из себя впоследствии «пятую колонну», которая только и делала, что тайно власти вредила.

Корр: Получается, что очень многое сейчас зависит от наличия независимых каналов коммуникаций. Вы рассказали, как удалось создать канал распространения готовой продукции. А какими каналами Вы пользовались для того, чтобы сформировать на нее спрос?

ИК: Спрос не столько создают (подобное утверждение и есть та самая технологическая ересь), сколько пробуждают. Всегда существуют люди, которые по тем или иным причинам недовольны той реальностью, — общественной, политической, социальной, экономической, эстетической, — которая им предъявлена. Но пока у них нет инструмента высказывания, они не могут адекватно выразить собственные потребности. Когда мы начинали «Ультра.Культуру», наша основная идея была

не в том, чтобы создать людей с соответствующими запросами. Мы предполагали, что они, как данность есть. А в том, чтобы дать им средство и аппарат для выражения собственных мыслей через публикацию книг, которые можно обсуждать, которые дают понятийные категории и информацию для развития уже существующих взглядов. Это гораздо более важно, чем создавать то, что ты все равно создать не сможешь. Потому что течения, пристрастия, субкультуры возникают в обществе стихийно. Разрыхление общества, которое шло с середины 1980-х по середину 1990-х, породило множество конкурирующих дискурсов, множество субстратов в том, что ранее было единым монолитом советского народа. За это время народилось все, что хочешь, «всякой твари по паре», правда в незначительных количествах. Главная заслуга этого периода заключалась в создании диверсифицированной социальной структуры. Эта диверсификация просто не была закреплена традиционными историческими и юридическими контекстами, как скажем, в западноевропейском обществе. В 1970 году нельзя даже было представить себе существование готов или сатанистов. Теперь можно найти все, что угодно. Пусть это маргинально с точки зрения численности и наличия средств распространения соответствующих взглядов и позиций, но явно присутствует в обществе, и эти позиции можно наполнить жизнью. Когда ты начинаешь их питать, связанный с ними дискурс начинает кристаллизироваться, их понятийный аппарат начинает конкретизироваться. Численность их носителей в ряде случаев начинает возрастать, потому что индивиды, не вовлеченные ранее в политический, культурный или иной символический процесс, активизируются. Издательство, таким образом, оказывается не «только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором».

Корр: Эта фраза предполагает наличие проектов, выходящих за рамки собственно издательской деятельности.

ИК: Безусловно. Но в новых реалиях, в новой ситуации издательство не обязательно должно быть хозяином этих проектов.

Для нас идея, к которой мы стремимся, и от реализации которой мы еще очень далеки (мы только начинаем разворачиваться в этом направлении), состоит в формировании целой сети проектов, связанных друг с другом только на уровне пересечения участников. Собственно говоря, наше участие в «России-2» является проявлением той же тенденции. Для присоединения к этому проекту нам было совершенно необязательно сливаться в административном или экономическом смысле с галереей Гельмана. Для участия в разного рода проектах нам важно наличие общего понимания с их другими субъектами. В результате происходит не просто объединение, но и взаимная подпитка проектов на организационном и символическом уровне. Мы начали проводить поэтические чтения, возить наших поэтов. Это может служить примером такого обогащения проекта. Всем понятно, что речь в данном случае не идет просто о чтении стихов как таковых, хотя стихи сами по себе хорошие. Когда в одном месте якобы с целью чтения стихов собираются Гейдар Джемаль и Эдуард Лимонов, это вводит контекст идейного пересечения. В результате получается нечто иное, чем просто поэтический вечер, даже если никаких речей политического содержания не звучит и не произносится. Такие проекты и позволяют нам выйти за пределы производственной сферы. Кроме того, мы уже давно проектируем и хотим, наконец, перейти к изданию альманаха. Все наши авторы, все люди, которые с нами сотрудничают, все наши производители идей располагают материалом, который не выражается непосредственно в их монографиях или художественных произведениях, — статьями, какими-то работами, более актуально реагирующими на нынешнюю ситуацию. И в эту сторону мы хотим развиваться. Правда, это вещь затратная.

Корр: Как же Вам удастся находить средства для реализации проектов, требующих предварительных финансовых вложений?

ИК: С самого начала мы поняли, что в атмосфере подавленности и паники, царившей в 2001–2002 годов, ког-

да создавалось наше издательство, бессмысленно просить деньги в Москве. Чем ближе к центру, тем сильнее чувствуется воздействие господствующего дискурса. Это напоминает землетрясение. Независимо от собственных человеческих качеств люди, находящиеся ближе к его эпицентру, получают от каждого сейсмического толчка больший шок, чем те, кто от него вдали (эти могут вообще никаких толчков не чувствовать). Достаточно отойти в сторону, чтобы убедиться, что землетрясение, кажущееся катастрофой находящимся в эпицентре, носит локальный характер, уже на расстоянии ста километров ни одна черепица с крыши не упала. Поэтому мы сразу стали искать средства на нашу деятельность в регионах. Там меньше не страх, а потребность следовать консенсусу. Потому что люди в регионах, располагающие средствами, которые они могут инвестировать, не настолько сильно включены в существующую систему игры. В регионах происходит все значительно медленнее, осуществляется более традиционными способами. Желание сделать ставку на то, что может их вывести из замкнутости локальных процессов, оказывается сильнее опасений сделать что-то рискованное. «Вас будут знать в Москве» оказывается более сильной приманкой, чем страх перед возможными издержками, связанными с окриками, наездами и всем прочим.

Мне хорошо было известно всегда, еще по временам рок-н-ролла, Свердловского рок-клуба, что начальственный крик, пролетев полторы тысячи километров, очень теряет в своей силе. В результате то, что в Центральном административном округе, заканчивается битьем дубинками и постановкой к стенке, в провинции может закончиться от силы вызовом «на ковер» и отеческим внушением. Страна всегда была низко управляемой, а сейчас — в особенности. Правильный ход в нынешней ситуации — не сводить все к Москве, в первую очередь, в поиске средств, необходимых для инвестиций в информационные или культурные процессы. Я говорю, прежде всего, о культурных проектах. Но и со СМИ могла бы быть схожая картина,

если бы люди, которые работают в этой области, не были бы заиклены на централистском видении мира, мало отличающемся от представлений тех, кто сидит в Кремле. В центре выбор стоит между реализацией проектов, правильных с точки зрения власти, и риском преследований. В провинции существует выбор между тем, чтобы сидеть тихо, не мечтая даже получить больше, чем уже есть, или рисковать для того, чтобы выйти на новый уровень. В центре больше вовлеченность в контекст консенсусного восприятия власти, заключающегося в боязни сделать то, что может быть ею воспринято как противодействие. Именно вследствие господства такого типа восприятия власти оказался столь чудовищно раздут ее образ. Это был стихийный процесс, когда люди сами себе придумывали спасителя, способного прекратить череду кризисов. В центре человек, принимавший в этом процессе участие, мог это делать с тяжелой душой, уговаривая себя тем, что по-другому нельзя, иначе не будет нормальной власти, не удастся сохранить государство, простроить нормальную экономику, воспользоваться благоприятной конъюнктурой. На Урале и в Сибири таких рассуждений не было, потому что у человека, расположенного далеко от Центра, возникает понимание, что в консенсусе, созданном не им, а спущенном сверху, отведено довольно скромное место. Изменить свое положение можно, только совершив что-нибудь рискованное. А резерв потенциальных бузотеров, людей, обладающих достаточной степенью пассионарности, в провинции всегда в наличии. Речь, конечно, не идет о том, что в провинции можно получить миллионные инвестиции, но там легче найти деньги, необходимые для культурных проектов, подобных нашему.

Корр: Получается, что для успеха культурного проекта, не связанного с господствующим дискурсом, необходимо, во-первых, пробудить запросы, которые его сделают выгодным, во-вторых, отказаться от централистского видения мира и попытаться привлечь к сотрудничеству провинциальных инвесторов, в меньшей степени включенных в существу-

ющей консенсус. Можно ли ожидать, что по мере того, как данная технология будет становиться более понятной, будет увеличиваться число успешных культурных проектов, подобных Вашему?

ИК: Я думаю, что да. Более того, любой процесс социального или политического реформирования сейчас может быть успешен, только если он обратится к децентрализованному ресурсу. Иначе придется вновь толочь в ступе воду. Любой победивший централистский дискурс будет вынужден обратиться к старым, сугубо вертикальным механизмам консолидации территории. Есть определенная инерция, которая заложена во всем понятийном и идеологическом аппарате, которая не позволит от них отказаться. Такой неожиданный человек, как Шнуров, написал в таком неожиданном месте, как «Rolling stones», лучшее, что может быть сказано о центральной власти. У него была колонка про Кремль как про замок чародея, в котором хранится магический кристалл, дающий чародею жизненную силу, но одновременно вынуждающий чародея служить ему и действовать только теми способами, которые этот кристалл подсказывает. Мы уже столько раз наблюдали за нашу историю воспроизведение этого цикла, что пора, наконец, задуматься. Может лучше хряпнуть по кристаллу и разнести его на куски?

Корр: Скорее всего, общественное сознание действительно постепенно движется к идее децентрализации. А возможна ли децентрализация эстетических запросов общества?

ИК: Можно говорить о децентрализации эстетики, поскольку выяснилось (особенно это хорошо видно из Москвы), что существовавшая централизация не была сформулирована на все 100%. Когда из-под нее в позднесоветский период вышибли идеологическую платформу (точнее, когда она сама изнасилась и обратилась в труху), выяснилось, что единообразие вкусов и эстетики не то, чтобы на ней базировалось, но только благодаря ей объясняло и утверждало свое существование. Это объяснение убрали, но сама интенция к единообразию

сохранилась. Не обязательно в жутких проявлениях, когда что-то не разрешается, но во внутреннем нежелании определенных слоев от нее отказываться. Мы сейчас занимаемся «Русской серией». Мы очень долго почти ничего не печатали, а то, что печатали только косвенно попадало в художественный дискурс, вроде эссе Лимонова. Понятно, что это — политическая эссеистика, которая только в силу исторически сложившегося образа автора связана с художественной литературой. Теперь мы начали печатать романы и повести, просто художественную литературу, не обязательно содержащую в себе элемент политизации или социализации. Мы убедились благодаря этому, что не печатают множество людей, которые пишут хорошо, не особо экспериментально, но интересно и читабельно. Существует внутренний гипноз, определяющий, что из русской литературы может печататься: или массовый жанр, или толстые романы в духе шестидесятников, которые никто не читает. Но печатать их необходимо, потому что их все время выдвигают на премию «Букер». Издательства идут на это, потому что основной профит в этом случае они получают не от интереса читателей и не от прибыли, а оттого, что они участвуют в некоей культурной игре. В результате происходит насыщенный процесс, о котором много пишут, по поводу которого делают доклады, внутри которого раздаются премии, живущий совершенно обособленно от реального рынка, но оказывающий на него громадное влияние. Благодаря этому, существует слой «серьезной литературы», не имеющий массового читателя, слой массового жанра, а в середине почти ничего нет.

Некоторое исключение составляют Сорокин и Пелевин, вырвавшиеся за рамки этого процесса и, помимо него, самостоятельно воздействующие на массового читателя. Наряду с этим печатается большое число переводных книг, из которых далеко не все являются новым словом в литературе, эстетическим прорывом или содержат экспериментальные элементы. Но так может жить только переводная литература. Если наш писатель напишет роман, вроде тех, что пишет, например, Абель Поссе,

он будет очень тяжело найти издателя, поскольку он будет выключен из двух основных игр, задающих рамки современной русской литературы. Попытки вырваться за эти рамки всерьез почти не предпринимались, если не считать Бориса Кузьминского, предлагавшего разным издательствам свои «русские серии». Они были очень непоследовательными. А главное, они строились вокруг имен или репутаций, вместо того, чтобы использовать простейший критерий: интересен текст или нет заурядному, обыкновенному читателю. Казалось бы, это неконфликтная проблема, но, как оказалось, в таком ключе никто из издателей работать не хочет. Себестоимость российской прозы ниже, чем у переводной, при этом в среднем продаются большие тиражи. Тем не менее заигнотизированность дискурсом оказалась сильнее экономической выгоды. Издатели уверены, что, пока они будут пользоваться наработанными схемами, все у них будет получаться. Но стоит только уйти в какое-то другое поле, непроверенное ими, сразу же наступишь на мину или провалишься в болото.

Самоограничения, связанные с заигнотизированностью дискурсом, вообще очень характерны для России. Люди, принимающие решения в нашей стране, запуганные и заигнотизированные предыдущей историей, желают ставить только на фаворита и ездить только на призовой лошади. Но ведь можно играть на конюшню: кто-то придет вторым, кто-то двадцатым, а в итоге все равно это будет прибыльно. Так у нас не мыслят. У нас, что в поп-музыке, что в литературе, что в политике, все хотят держаться за фаворита, даже сели это большой выгоды не приносит. В этом как раз и проявляется гипноз централизма, вынесенного из советского времени (а на самом деле, из еще более ранней эпохи). Даже теперь, в отсутствии идеологии, на которой он основывался, централизм продолжает определять социальное поведение, в том числе и поведение субъектов рынка. Любой предприниматель, любой инвестор является продуктом определенной культуры и цивилизации и действует в соответствии со сформированными ей представлениями.

Во-первых, надо получить все, как можно быстрее, потому что скоро все кончится. Во-вторых, нужно держаться за того, кто выигрывает сейчас, потому что, какая мне разница, что получится из этого через пять лет. Время от времени этот процесс ломается под влиянием непреодолимых экономических обстоятельств.

Именно так в этом году получилось с кинематографом. Деньги начали вкладывать в кино не потому, что понадеялись или рассчитали, что кино будет приносить деньги, а потому что уже не могли больше вкладывать в сериалы. Кончились слоты вещания, отведенные на основных каналах под сериалы, — столько их сделали. От безвыходного положения инвестиции начали переливаться в кино. В результате в этом году сняли то ли восемь, то ли десять (не помню точно) экранных фильмов, которые принесли значительную прибыль. Получается, что было возможно и год-полтора назад вкладывать деньги в кино, но никто этим не занимался, потому что все делали сериалы. Недавно я разговаривал по поводу одного сериала с продюсерами, и мне говорят: «Не надо делать сериал, ты смотри, что творится, надо теперь снимать кино». Не исключено, что в следующем году все будут делать кино, а сериалы будут не в чести. Такие вот метания очень характерны для провинциального, в мировом смысле, российского бизнеса, который находится под постоянным влиянием внецивилизационного контекста, имеющего неэкономическое происхождение. В российском бизнесе нет осторожности и взвешенности, которая дается только многовековой культурой умения распределять ресурсы. Это касается не только предпринимательства в сфере культуры. Очевидно, что-то подобное происходит в большем масштабе в областях большой экономики, про которую я просто ничего не знаю. Такие культуры, как наша, такие государства с несложившейся системой больше всего подвержены разного рода бумам. Это особенность растущей среды. В бедных странах не может быть бумов и пирамид, там брать нечего, в странах первого эшелона цивилизации все слишком струк-

турировано. А вот у нас, например, могут появиться приманки в самых разных сферах. Поэтому нас постоянно кидает и швыряет из стороны в сторону.

Одним из средств спасения от этого, способом перехода к минимальной сбалансированности может стать создание децентрализованной многообразной культурной среды с самыми разными тактиками поведения, с самыми разными взглядами, с разными социальными и эстетическими предпочтениями. Такая среда и образует реальное поле свободы, которое защищено изнутри, а не снаружи. Защищено не посредством каких-то законов и внешних гарантий, а благодаря своему собственному механизму. В общем-то это, строго говоря, азы классического либерального дискурса, а не нынешней его интерпретации. Поэтому как издательство мы не проповедуем какую-то определенную идею, мы создаем, пытаемся защитить сам механизм формирования свободы высказываний. Люди, которые рассматривают свободу высказываний, как свободу высказываться только определенным образом, находятся в рамках централизованной структуры, которая может быть как правительственной, так и противостоящей власти (как, например, у наших либеральных демократов). Таких людей наше понимание свободы высказывания очень удивляет, и они нас неоднократно называли желто-коричневым издательством, фашистами и прочим подобным. Но для меня очевидно, что существует большая разница между тем, чтобы исповедовать крайне правую идею и давать возможность человеку издавать связанные с ней тексты. Если это талантливые тексты, то они имеют право на появление, поскольку это право предусмотрено самим принципом свободы высказывания. Наше общественное восприятие не чувствует разницы между позицией издателя и правом автора текста на высказывание. Соответственно, если мы печатаем романы «про скинов», значит, мы сами должны им почувствовать. Вот эту традицию восприятия мира, очень бы хотелось преодолеть. Создать людей, культурный слой, который так не мыслит.

Корр: Такая децентрализация эстетического запроса, вероятно, может привести к новому возникновению какого-то «большого стиля» в литературе, вроде «деревенской прозы» или «новой городской прозы». Сейчас такой стиль не возникает, потому что высказывания слишком централизованы, и трудно угадать реальные общественные запросы. А вот децентрализация высказываний может позволить дать ответ на реальные общественные запросы. Каким он будет, по Вашему мнению?

ИК: Я не берусь предсказать, не только потому, что это сложно вследствие того, что общество слишком многообразно. Я не берусь предсказать, потому что реальный ответ оказывается всегда сложнее прогноза по одной простой причине — прогноз оперирует всего двумя-тремя параметрами. Например, у нас появилась молодежь, которая воспитана рядом с компьютером, в игровой среде, и поэтому в ответ на ее запросы появится то-то и то-то. Или у нас сейчас появились люди с определенным социальным опытом, которые предъявляют такие вот запросы. А реальный результат всегда оказывается сложнее, потому что он никогда не апеллирует к какой-то определенной социальной группе. «Деревенская» или «новая городская проза», которые были упомянуты, не обращались к одному социальному слою или к людям одного возраста. Поэтому такой социологический анализ всегда страдает упрощенностью, он представляет себе общество разбитым на некий пазл, расчерченным как шахматное поле, разлагающимся на отдельные куски. Для меня одной самых презираемых наук является классическая маркетинговая, она мне по-настоящему смешна, я даже сейчас пишу пьеску про маркетинговиков. Это люди, которые очень четко верят в то, что человеческие предпочтения можно установить из анкеты. Но человек одновременно принадлежит нескольким полям. Положение человека в социуме постоянно меняется, у него есть социальная мобильность, сегодня он здесь, а завтра там. Определенное социальное поле может полностью распасться в результате каких-нибудь экономических процессов, буквально за несколько лет у нас какая-нибудь категория может исчезнуть

полностью или превратиться в другую. Нет больше специальности «научный» коммунизм, но его преподаватели не исчезли, а разбрелись кто куда. Причем большая их часть оказалась в рядах Православной церкви. По своим взглядам они уже, естественно, не совсем те, что были. Но они генетически связаны стартом, отличаясь от тех, кто пришел в Церковь другим путем. Дьякон Кураев — это не тот Кураев, который не был дьяконом, но связь между ними видна и понятна.

Надо постоянно учитывать эту мобильность, понимать, что все суетится и ворошится. Поэтому предсказывать — это вести себя, как классический маркетолог, сформулировать запрос, придуманный тобой, и дать на него ответ, придуманный тоже тобой, а потом находиться под гипнозом построенной причинно-следственной связи, существующей исключительно в твоей голове. Я не знаю, что будет. Я не знаю даже, прошли мы или нет кризисные состояния в политическом смысле, в экономическом, в смысле социальных отношений. Возможно, нас ждут еще страшнейшие потрясения. Но я уверен, что некий мини-застой, продолжавшийся с 1998 по 2002–2003 годы, мы явно миновали. В жизни вновь появляется потенциал интересов, в особенности в области культуры, что-то начинает происходить. Долго ли продлятся эти процессы оживления, насколько длительными будут их последствия, я не знаю. Задаваться таким вопросом, на мой взгляд, бессмысленно. Нужно использовать этот момент, делать как можно больше нужного, интересного, впечатляющего, яркого.

*Журнал-каталог «Россия-2» выставки
галереи Марата Гельмана, 6 февраля 2005 г.*

Апокалипсис сегодня

Нина Сосна

НС: Вы известны прежде всего как переводчик художественных текстов и поэт. Как бы Вы определили проект, связанный с созданным Вами издательством «Ультра.Культура»? Входит ли для Вас в понятие литературы то, что там издается? Кому адресованы Ваши книги?

ИК: Дальше обычно начинаются вопросы типа: «Как Вы себя позиционируете?» В первую очередь, это говорит об извращенности сознания. В этом и проявляется отчуждение человека от труда. 85% вопросов, которые мне задают журналисты, приводят меня в бешенство. Эти вопросы могут придумать только люди, которые давно и тяжело болеют.

Вопросы дистрибуции и прочего не являются определяющими. Это вторично. Я никогда не думал, и мне совершенно не интересно, кому все это адресовано. Ни один нормальный человек, делая что-то, не думает о том, кому это надо. Конечно, не безразлично, читают книги или нет. Читают нас разные люди, я думаю, больше люди младшего возраста, потому что молодые более активны. Но вообще не могу сказать, что меня это очень интересует. Интенция исходит совсем из другого: какие тексты ты считаешь необходимыми сам, то есть из их существования, а не из того, интересны ли они кому-нибудь. Речь о публике — всего лишь способ обеспечить существование процесса в нынешних условиях. Вообще, что такое литература?

НС: Это вопрос.

ИК: А я не только не знаю, что такое литература, но и никогда не задавался этим вопросом. Он мне безразличен. Он дол-

жен волновать только тех людей, которые делают на этом свое культурологическое, литературоведческое, творческое состояние. Я считаю, что процесс, если иметь в виду издательское дело, очень прост: ты считаешь какие-то книги по каким-то причинам нужными и интересными, вот ты их и делаешь. Философемы за этим, конечно, какие-то есть. Если имеются у нас некие общеидеологические установки, то они, скорее, не литературного свойства, а социологического, культурологического. Есть четкое понимание того, что мы живем в эпоху сужающегося дискурса и попытки этому сужению противостоять.

НС: Поясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду под сужающимся дискурсом.

ИК: Сужающийся дискурс — это выработка некоего единомыслия в рамках культуры, того, что считают базовой цивилизацией. Это сокращение дискурса, потому что вырабатывается общая идеология, о чем, собственно, последние двести лет различные прозорливцы неоднократно нас предупреждали.

НС: Тогда то, что Вы издаете, имеет культурологическую сверхзадачу, задачу просвещения?

ИК: «Культурологическая задача» звучит слишком сухо и занудно. Скорее, это поиск единомышленников путем засылки программных вирусов.

НС: Но в связи с этим неизбежно возникает вопрос об ответственности за то, что вы делаете. Видите ли вы контекст, в который вписывается ваша продукция?

ИК: Контекст, конечно, существует: мы в своей озабоченности не одни на белом свете. Я все-таки думаю, что многие люди замечают, что что-то не так. Этот контекст можно называть всякими умными словами. Назовем это «метафизическим сопротивлением». Мир имеет начало и конец, движется по определенной исторической траектории, и эта траектория есть поле борьбы между определенными силами. Мир устроен неправильно, и нынешнее его состояние — состояние падения. Мета-

физическое сопротивление к этому и сводится, а не когда под сомнение ставится бюджет на 2005 год.

НС: Вы используете термины «история», «конец», «начало», «мир». Они тоже входят в понятие метафизики?

ИК: Безусловно. Сопротивление потому и метафизическое, что относится к существующему положению вещей как к тюрьме, и кто-то занимается ремонтом тюремной камеры, а кто-то ставит вопрос о том, что он находится в тюрьме. Есть разница между социально-политическим и метафизическим протестом. Здесь и проходит граница. Хотя к вопросу нужно подходить диалектически: социально-политическое недовольство может быть поводом, первым шагом в развитии дальнейшего. Так же как и метафизический протест, доведенный до абсурда, без учета реальных, имеющихся в распоряжении человечества на данной исторической стадии средств, превращается в абсурдный анархизм, дешевую Достоевщину. Потому что интенция сама по себе не содержит возможности реализации. Здесь можно двигаться с разных сторон. Кто-то от недовольства тем, как покрашены стены его камеры, может прийти к пониманию того, что он находится в тюрьме. А кто-то от общего откровения о том, что он находится в тюрьме, приходит к тому, чтобы добиться хотя бы, например, увеличения времени прогулки. То есть люди идут разными путями.

НС: Значит, Вас интересует действие?

ИК: Да, интересует. Наш рабочий слоган на 2004–2005 годы «Книга — это оружие». Этим практически все сказано.

НС: И кто же держит это оружие? Ваша последняя книга «Культура времен Апокалипсиса», вышедшая в конце января, и выводит на сцену новых героев?

ИК: Авторы этой книги? Там собраны отрывки из текстов. Скажем так: это коктейль из представлений, некоторые из которых имеют протестный потенциал, некоторые, наоборот, представляют собой свидетельство о падшем состоянии мира. Тут все очень сложно. Граница между осознанием отчуждения

и преодолением отчуждения очень сложна, потому что некоторые протесты, о чем мы сейчас говорили, могут быть абсурдны по последствиям, как, например, подростковый суицид. Это абсурдное решение с точки зрения взаимодействия личности с реальностью, за которым опять-таки стоит объективная интенция. Точно так же все эти странные, безумные люди свидетельствуют об определенном состоянии, когда возможен следующий шаг — перейти к сознательному протесту. Нам же что пытаются внушить? Что мы офигенно неплохо живем. Хотя есть отдельные недостатки. Требуется больше расходов, скажем, на социальную сферу, требуется что-то улучшать: такой сплошной улучшайзинг. А за этим улучшайзингом скрывается то, что ничего хорошего-то и нет. То есть духовный мир современного человека, городского, цивилизованного, — это поле сплошного непрерывающегося кошмара, которое тщательно скрывается при помощи механизмов вытеснения. Иногда это вырывается: благополучный человек вдруг возьмет и зарежет кого-нибудь. Или бросится под трамвай. Непонятно, зачем он это сделал, если улучшайзинг царит во всем.

Собственно говоря, задача хозяев дискурса — скрыть моменты, которые свидетельствовали бы о тотальной лжи, которые могли бы прорвать эту поверхность нарисованного горшка с кипящей похлебкой картину, висевшую у Папы Карло. Проблема не в том, хороши или плохи какие-нибудь каннибалы. Проблема в другом: имеем ли мы право знать, что они есть или нет, и почему это происходит. На самом деле, с моей точки зрения, которую можно оспаривать, сейчас некоторые из тех, кто пытается по возможности вытеснить подполье сознания на периферию отрефлексированного информационного поля вообще, имеют в планах гораздо более страшные перспективы, чем какой-нибудь ритуальный каннибализм. Так мне кажется.

НС: Можете ли Вы как-то намекнуть, что это за перспективы?

ИК: А что на них намекать? Ну почитайте, подумайте над любыми визионерами в общем, поймете, какие это перспективы. Зачем это уточнять?.. И так все понятно: создается

тотальный контроль в интересах некоей внематеринской сущности. Точнее определить трудно. Более точное определение сразу подвергает в узы устоявшихся идеологем: вот я скажу сейчас что-то, а Вы на это: «А-а! Религиозный фундаменталист», скажу что-нибудь другое...

НС: Этаким ярлык, жупел...

ИК: Да. Способ списать реальность, объявив ее тотально понятной. Хотя если я Вас сейчас спрошу о том, что такое «религиозный фундаменталист», рождаются ли религиозными фундаменталистами или ими становятся, культурное это или генетическое, Вы засыплете на каждом из этих вопросов. Это работает и на бытовом уровне: мы говорим про человека, который ведет себя не нравящимся нам образом, «голубой», «козел» и все, можем больше не анализировать его поступки, ответ уже не нужен. Тоже своеобразный способ вытеснения. Поэтому я не хочу давать никаких конкретных ответов на этот вопрос.

Но общее ощущение движения в определенную сторону некоего исторического процесса у любого, не совсем слепого и размышляющего человека неизбежно возникает. Ответы могут быть разными. Возможно, они все и правильные, просто представляют собой частные случаи отображения проблемы. Мне нравится один пример из дискуссий по поводу НЛО. Одни говорят: «Это инопланетяне», другие: «Это демоны». А я говорю: какая разница? Это все одно и то же. Дистинкция ложна изначально. Можно ли договориться с теми или с другими? Их интересы параллельны человечеству или перпендикулярны? Ведь во многом это вопрос выбора слов. Вопрос кодирования.

НС: Речь идет об эффекте сил?

ИК: Речь идет о том, кто контролирует язык. Тот, кто контролирует язык (переходя в лакановскую терминологию), контролирует не Реальное, но реальность. Реальное недоступно его контролю, потому что внеположно ему. Но реальность-то описывается в языке. Тут можно вспомнить Оруэлла, но это и так слишком хорошо известно, не буду повторять. Реальность,

которая создана нашим сознанием, полностью контролируется лингвистическими средствами. Кто придумал слово, навязал его, тот и контролирует эту часть реальности.

НС: Можно ли сказать, что в этих текстах осуществляется попытка указать на силы, действующие до языка?

ИК: Нет, это, скорее, попытка взорвать язык. Поскольку языковые нормы потом все равно костенеют, их нужно взрывать постоянно — это перманентный процесс. «Перманентная революция» — очень точный в свое время был термин. Потому что любая революция по определению является перманентной. А словесное кодирование позволяет революционеров, одержавших победу, продолжать называть революционерами, хотя на самом деле в этот момент они делают контрреволюционерами. Настоящая революция уходит куда-то в другое место, ее участников называют бунтовщиками, отщепенцами, мятежниками. Любая революция перманентна, тем более литературная. Точнее революция в области символических ценностей, в области образов, хоть художественная, хоть лингвистическая должна происходить все время.

Все дистинкции, которые навязаны формальной логикой («вы печатаете профашистские книжки, вы печатаете коммунистические книжки»), — это чушь, потому что от меня требуют, чтобы я и сверлил дырку, и мыл пол дрелью. Нет, я буду сверлить дрелью, а пол мыть тряпкой и т. д. и т. п. То есть для подрыва какой-нибудь существующей твердыни я возьму тот ключ, который больше подходит: фундаменталистский, материалистический, интернационалистический, анархистский.

Вот это всем руководящее преклонение перед идеологемами как вещами в себе, которые ценны сами по себе, типичный пример гипноза словами. Все наоборот. Не коммунизм определял действия коммунистов, а люди, которые называли себя коммунистами, формировали понятие того, что они считали коммунизмом. В 1848 году это было одно понятие, в 1917-м уже другое, а в 1953-м совершенно третье. Все это всегда забывается, потому что для господствующей власти неприятна

необходимость постоянного разрушения. Это для нее неконструктивно. Считается, что если так действовать, все развалится, перестанут собираться налоги, удваиваться ВВП и т. д. и т. п. При этом никто не может объяснить, зачем это нужно. Иначе говоря, это жизнь в придуманном мире, который принимается за Реальное. Не факт, что если я буду жить натуральным хозяйством на каком-нибудь острове, мое счастье будет меньшим. Не факт, что существующие глобальные экономические и прочие проблемы являются причиной существующего ныне положения вещей, а не его последствиями. Идет постоянная игра, и игра эта упирается и разрешается на уровне осознания определенной специфики и проблематики устройства человеческой психики. Пока мы не разрушим в порошок крепость человеческого сознания, эти проблемы будут генерироваться. Насилие, угнетение и страдание будут воспроизводиться бесконечно.

Будем в настоящий момент рассуждать как буддисты. Это в данном случае удобная парадигма, потому что то, что является устройством вербально мыслящего человеческого сознания, работой коры мозга, Будда принял за устройство Вселенной. И цикл человеческого сознания это, действительно, бесконечное воспроизведение страдания. Понимаете, вот политического человека спрашивают: «Ты коммунист или фашист? Ты либерал или консерватор, скажи мне?» А ученого никто не припирает к стенке: «Ты за Эйнштейна или за Ньютона?» Потому что ученый сразу разведет руками и скажет: «Все зависит от систем, от типа системы скорости и энергии, которую мы исследуем». В гуманитарной области подобный релятивистский подход успехом не пользуется. Потому что для власти сам естественнонаучный дискурс, в отличие от оружия или энергии, необходимым не является. Какая разница, по Ньютону или по Эйнштейну движется тело.

А гуманитарный дискурс является фундаментом власти, и релятивизм ставит под сомнение саму необходимость существования власти как таковой, внеположной по отношению к личности. Поэтому, конечно, сопротивление на этом направ-

лении гораздо более чудовищное. Когда власть становится чересчур тотальной, ее начинают интересовать вопросы генетики, кибернетики — это когда власть распирает от стремления подчинить любой дискурс, даже тот, который не является непосредственно нужным в настоящий момент. Разбухающая власть всегда начинает приобретать квазирелигиозные параметры. Сейчас не та эпоха, сейчас к естественным наукам существует некое абсолютное доверие в современном так называемом либеральном мире. Между прочим, зря. Они ведь тоже занимаются не только освоением, но и процессом трактовки. Там тоже все не так просто, только сложно найти авторов, которые могли бы интересно об этом написать.

НС: Но есть и другое мнение: власть интересуется только естественными науками, а на то, что делается в гуманитарных, вообще не обращает внимания.

ИК: Это на 100% не так. Иначе политический, политологический процесс формировался бы физиками и математиками, а не выпускниками философских и социологических факультетов.

НС: То есть «власть предрержащие» — это философы и политологи?

ИК: Я имею в виду состав экспертного совета. Плюс юристы, хотя они и проблематичные гуманитарии: это же не исследовательская, техническая дисциплина, техническая в смысле «технэ» как набора инструкций. Хотя у нас, возможно, институты образованы костяком гуманитарного аппарата в меньшей мере, чем на Западе. Ученых не спрашивают, как нам справиться, к примеру, с проблемами сепаратизма. Естественникам предъявляются конкретные задачи. Хотя это очень тонкая система, она может в любой момент сломаться, потому что естественники способны изобретать инструменты, взрывающие устройство сознания. Они создают внеязыковые вещи, перед вызовом которых язык вынужден переструктурироваться и создавать новые инструменты описания. Внутри себя язык может

подготовить взрыв с большим трудом, потому что он есть бесконечное вращение кубика Рубика. Ученый своим открытием на секунду срывает покрывало реальности с Реального и в лоб ставит нас перед ужасом мира.

НС: Имеют ли отношение к инструментам, о которых Вы говорите, новые технологии?

ИК: Да, конечно. Человек живет в мире, где поверхности всех вещей, их фактуры смоделированы человеческим сознанием. То есть мы живем в мире, в котором Реальное холодильника можно узнать, только стукнувшись о его реальность головой, тогда понимаешь, что это мертвая, враждебная вещь. А так мир, созданный руками человека, подогнан под картину реальности, мы живем среди сплошных декораций. Причем в городе точно так же, как и в деревне. То, что там существует какая-то природа, — это большая иллюзия. Все подвергнуто дизайну.

НС: Мой вопрос относился, скорее, к так называемым дигитальным технологиям, производящим некоторый образ без необходимой связи с тем, от чего он, так сказать, исходит.

ИК: Это следующий этап. Да, об холодильник можно хотя бы головой стукнуться. А об оцифрованный холодильник уже нельзя стукнуться даже головой. Процесс сам по себе на самом деле правильный. Виртуализация и обозначает направление выхода из Реального вообще в область полностью контролируемой реальности. Это и есть тот самый теозис, о котором так много и долго говорили теологи, только они не хотят признавать его за родного. Понятно, почему. А это и есть движение к парусии, к прекращению бытия в реальном мире. Мы его и наблюдаем. Другой вопрос, что черт-то тоже не дремлет. Все это обременено всякими парадоксами, искажениями, извращениями. Поэтому нужна постоянная рефлексия, столкновение мнений, иначе мы окажемся не в раю, а в аду. О том, что именно туда, к чистой энтропии, мы и движемся, говорит теория вероятности. Если бы воля и разум это не одухотворяли, человечество неизбежно свалилось бы в ад сразу, как только был разожжен

первый костер. То, что оно до сих пор живо, — это чудо из чудес. Если вам нужно реальное и явственное чудо, то это оно и есть: то, что мы все еще существуем вопреки собственному стремлению уничтожить все окружающее.

НС: Пишете ли вы стихи?

ИК: Немножко пишу, но, вообще, почти ничем, кроме изданий, не занимаюсь, что очень печально. Хорошо, что сейчас иногда возникают самые неожиданные союзы людей, которым надоела ситуация...

Журнал «Синий диван», № 6, 2005

Агрессивные зверушки-националисты — явление интернациональное

В интересах Украины стать федеральным государством, «оранжевая революция» — продукт медиа-манипуляций, а проблему русского языка придумали политики. Об этом сказал в интервью «Новому Региону» в прошлом автор песен группы «Наутилус Помпилиус», а ныне поэт и издатель, работающий в области контркультуры, Илья Кормильцев.

Корреспондент «Нового Региона» связался с Кормильцевым по телефону, когда он сошел со сцены, установленной на проспекте Свободы во Львове, где читал уличной публике свои стихи и «чесал» хип-хоп. Выступления десанта российских литераторов проходили в рамках Фестиваля российской книги и Форума книгоиздателей.

Алексей Неживой

АН: Как львовская улица восприняла выступление русских поэтов?

ИК: Атмосфера здесь своеобразная. Разные были варианты. Ко мне подходили какие-то агрессивные зверушки, но это нормально. Если бы у нас на площади выступали украинские поэты, тоже нашлись бы такие же дедушки. Это интернациональное явление.

АН: Украина второй год живет в предвыборной ситуации, а в эти моменты проблема русского языка становится особо актуальной. Как она вам видится из Львова?

ИК: Языковая проблема, что в России, что в Украине, что в Израиле или Америке, везде надумана. За ней везде стоят политические шашни. Особенно, если речь идет о двух родственных языках. Русский, который говорит, что не понимает укра-

инскую речь, либо идиот, либо издевается. Не знаю, должно ли быть в Украине два государственных языка, это пусть украинцы сами решают, но никто ж не может запретить думать по-русски.

АН: Вопрос в том, на каком языке будет думать следующее поколение, если, например, окажется, что русских школ больше нет, или на всех желающих не хватает.

ИК: Я предлагаю Украине федеральный вариант устройства. Это решит многие проблемы.

АН: Контрреволюционные вещи говорите...

ИК: А я думаю, это только помогло бы укрепить украинское государство. Регионы получают послабление, в том числе, и в языковом вопросе, а Россия им и нафиг не нужна. Элиты, те вообще и так все уже имеют...

АН: «Оранжевую революцию» и то, что за ней последовало, в России не комментировал, наверное, только ленивый. А вот ваших комментариев я что-то не встречал.

ИК: А это потому, что меня никто не спрашивал.

АН: Вот теперь спрашивают...

ИК: На это нет простого и однозначного ответа, любое явление имеет очень много граней. То, что произошло в Украине, можно рассматривать с разных сторон. С политической, с эстетической... Во всем мире представительная демократия находится в глубоком кризисе. Произошло абсолютное отделение элит от электоральной массы. Элиты решили, что им проще управлять процессом с помощью медиа-манипуляций, чем через демократические институты. Это и, так называемых, «старых» демократий касается, и «новых». Везде виден один и тот же процесс.

АН: Вы и Украину имеете в виду?

ИК: Безусловно. Настоящая революция была бы, если бы пришел кто-то третий и сбросил во время выборов с трибуны Януковича и Ющенко. А так одна часть властной элиты сменила другую.

АН: Не рок-н-ролл какой-то получается. Кстати, вы принципиально от рок-музыки отошли?

ИК: Почему же? Это она от меня отошла. Она теперь деньги зарабатывает и объединилась с эстрадой.

АН: А что в поэзии? Кто с вами во Львов приехал?

ИК: Сегодня выступал Андрей Родионов. Это один из лучших российских поэтов, на мой взгляд. Он работает на стыке мелодекламации и письменной поэзии. Его, конечно, лучше слушать, чем читать. Бесполезно рассказывать о его выступлении. Совершенно уникальная энергетика. Вот это куда ближе к рок-н-роллу, чем современная музыка...

*Информационное агентство
«Новый регион»: ndnews.ru,
Львов, 19 сентября 2005 г.*

Эй вы там, на другой стороне холма

Алекс Федосеев

АФ: В то далекое-далекое время... Почему Вы выбрали химию как специальность, и как это отразилось на дальнейшей жизни?

ИК: Бесспорно, из всех бэкониианских наук химия в наибольшей степени может претендовать на то, чтобы считать себя прямой наследницей магии. Это касается не только внешних ее проявлений (огня, метаморфоз, зелий и т. п.), но и метода — во многом интуитивного и основанного на опыте адепта. На подсознательном уровне связь между поэзией, магией и химией всегда ощущалась мной очень сильно. Фауст же (явный прото-химик) был любимым героем лет с тринадцати.

АФ: Как Вы оказались вовлечены в столь значительное явление русской культуры, как «свердловский рок»?

ИК: Мне случилось оказаться в нужное время в нужном месте.

АФ: В книге, описывающей создание легендарного альбома «15» группы «Урфин Джюс», трио музыкантов «Пантыкин — Белкин — Назимов» сравнивается с крыловскими лебедем, раком и щукой, а рок-поэт Илья Кормильцев предстает стоическим автором, не желающим отдавать тексты для «недоработанных» песен. Интересно было бы услышать Ваши воспоминания об этом проекте.

ИК: Я противник мемуаристики, о чем неоднократно говорил и писал. В любом деле меня всегда интересует «сухой остаток», а не то, что кто-то кому-то когда-то сказал или сделал. Мы были молоды, очень глупы, но очень энергетичны. Время было

странное и нелепое. Но кое-чему удалось научиться, в первую очередь, тому, что творить надо, не оглядываясь на недостатки имеющихся в распоряжении технических средств. Первые свердловские магнитоальбомы («Трека» и «УД») можно сравнить с атомным реактором, собранным в лесу из дерева при отсутствии гвоздей, — настолько противозаконным был процесс.

АФ: По поводу Ваших комментариев, что талантов в рок-музыке и сейчас много, но они не могут пробиться. Не могли бы Вы привести примеры? И не является ли информационное пространство Интернета, mp3 и прочие современные средства способом «заявить о себе»?

ИК: Степень монополизированности медийного пространства в России является беспрецедентной. Кто будет, а кто не будет в него включен в популярной музыке, решается десятком довольно мерзких типов. Разумеется, новые технологии, как и везде, могут помочь преодолеть корпоративный диктат. Однако нужен и социальный спрос. Основания для него пока не особенно заметны. Россия в настоящий момент — это мечта неоконсерватора: тотально управляемое население находится в плену разнузданного примитивного консюмеризма, не ограниченного никакими общественными или нравственными традициями/институтами. Переход к иному состоянию возможен только через определенного рода национальную трагедию, которая, судя по всему, исторически близка.

АФ: Чем был обусловлен Ваш отход от рок-музыки и рок-поэзии?

ИК: Исторической исчерпанностью первого и второго.

АФ: С кем из бывших коллег-рокеров Вы продолжаете поддерживать отношения?

ИК: Ни с кем.

АФ: Издательство «Ультра.Культура» — в чем его идеология, что и почему вы печатаете, каким видите будущее своего издательства?

ИК: Классическая либеральная идеология, не имеющая ничего общего с современным либерализмом, стоящая на принципах признания способности индивида к самопознанию и самоорганизации. Свобода распространения любой информации как основа для формирования общества сознательных личностей, принимающих сознательные решения. Вера в полную самодостаточность разума, освобожденного от манипуляции и зависимостей. «Every Man and Woman is a Star» (A. Crowley). Мы будем и дальше стараться публиковать тексты, вторгающиеся так или иначе в социально табуированные пространства.

АФ: Ваша серия книг «ЖЗЛ» («Жизнь Запрещенных Людей») — во зло она или во благо? Нужно ли знать подробности жизни «запрещенных» людей? Сейчас ведется много дебатов на тему — насилие в жизни рождает насилие на экранах или наоборот. Вы как-то сказали, что террорист рецепт изготовления бомбы найдет в любом случае, а нормальные люди, прочитав подобный рецепт, знают, как воспринимать подобную информацию и не будут ей пользоваться во вред себе и другим. Но сомнения, знаете, все-таки остаются..

ИК: Знать нужно все. Насилие — всегда продукт определенного невежества, даже если это насилие, направленное на позитивные перемены. Увы, иногда без него невозможно обойтись, так как история протекает во времени, и наши противники не всегда оставляют нам время на то, чтобы уничтожить их власть ненасильственным путем. Кстати, террористы — тоже чаще всего нормальные люди, а не выродки с заячьей губой и волчьей пастью.

АФ: Насчет «террористы — тоже чаще всего нормальные люди». Рискую погрузиться в определение «нормальности», но тем не менее звучит это не вполне понятно... Не могли бы Вы разъяснить это утверждение?

ИК: Изначально идея уничтожения большого количества людей с целью напугать и привлечь внимание еще большего количества людей ужасна, но объяснение этого зла не менее драматично. Безразличие, слепота большинства, эгоизм обы-

вателей есть причина, и взрыв является реакцией видящих, ненавидящих, страдающих... но очень ограниченных людей. Попытка демонизировать терроризм связана не с заботой о безопасности своих граждан, а с тем, что террор, особенно осуществляемый самоубийцами, покушается на две основные религиозные ценности современной западной цивилизации: самоценность биологической жизни как таковой и атеизм, маскируемый под религиозную толерантность. Человек, приносящий себя и других в жертву, считая, что таким образом выполняет волю Бога, в которого верит, гораздо более нормален, чем тот, который сохраняет свою жизнь любой ценой ради смерти, поскольку в загробную жизнь не верит. Психологическая нормальность терроризма вовсе не означает его политической целесообразности, особенно в его современной версии, направленной не против правящих классов, а против статистических единиц мегаполиса. В силу неверной нацеленности современного террора он не может преодолеть стену непонимания, отгораживающую каждого гражданина от реального — услышав хлопок с криками и плачем, обыватели укрепляют стену еще больше, так возникает еще большее безразличие, переходящее в агрессивное непонимание. Не говоря уже о том, что манипулируемый террор, который фактически полностью контролируется из Ленгли, Воксхолл-красса, Герцлии и Лубянки, достигает строго противоположной цели — укрепления жуткого контрольного аппарата с далеко идущими задачами.

АФ: Нонконформизм: не опасное ли это явление? Практически любое отрицание устоявшегося, пускай даже негативно-го, может привести к последствиями совершенно нежелательным и даже обратным замыслу.

ИК: Любое отрицание устоявшегося есть рождение нового и всегда приводит к последствиям, совершенно нежелательным и даже обратным замыслу. Об этом знает любой, кто пытался воспитывать своего ребенка. Но только очень психически неуравновешенные люди решаются на основании этого убивать своих детей, и очень трусливые — не заводить их вообще.

АФ: Возьмем как пример публикующуюся у Вас Алину Витухновскую и сходных с ней современных экзальтированных авторов. Не наблюдаем ли мы зарождение тенденции, сходной с декадансом начала 20 века? Есть ли в этом течении реальное содержание или это все игра с формами и оболочками?

ИК: Декаданс существовал и будет существовать всегда. Граница же между так называемой «реальностью» и «игрой с формами и оболочками» после психоаналитической практики двадцатого века существует только в банальном сознании. Декадентское восприятие — один из архетипов культурного сознания, связанный с неизбежным отмиранием когнитивных штампов. Декаданс — это бульдозер или, если хотите, ассенизационная машина, расчищающая выгребные ямы культуры.

АФ: Ваш комментарий про нынешнюю приверженность к консерватизму — как может это сочетаться с нонконформистским рокерским прошлым и радикальным подходом к литературе, исповедуемым Вашим издательством? Видите ли Вы подлинный консерватизм где-нибудь в современной культуре?

ИК: Не вижу никакого противоречия. Любая революция есть диалектическое отрицание отрицания и, следовательно, в некоторой степени апелляция к исторически предшествовавшей системе отношений. В этом смысле, что бы там ни думал Эвола, «неконсервативных» революций не бывает в принципе. Любая революция есть конфуцианское «восстановление смыслов», утраченных в процессе семантического размывания дискурса. В белом венчике из роз впереди (а не позади, как известно) Иисус Христос.

АФ: Насчет Вашей статьи о Поколении X в «Иностранной Литературе» — а можно ли вообще ставить поколение в рамки формулы? Люди находятся на разных полюсах и в любой точке между ними в любом поколении. То, что описал Коупленд, избразил на сцене Билли Айдол, и довели до самопародии многие режиссеры, — на самом-то деле небольшое и размытое подмножество, не очень даже заметное за десятками других.

Не является ли это более фразой или мифологемой, чем реальным явлением?

ИК: Этот спор был завершен где-то в тринадцатом веке реалистами и универсалистами. Обобщения настолько же сущностны, как и частности. Наличие собак-предателей не мешает нам говорить о «собачьей преданности», также как и называть предателя — собакой. Мифологема — это «реальное» явление, даже более «реальное», чем Реальное, так как реальность есть именно совокупность языковых мифологем.

АФ: Насчет Ваших комментариев о романе Ника Кейва и концепции вселенской провинциальности. На мой взгляд, провинциальность — это внутреннее состояние человека, а не то, как он смотрится в определенной среде. Можно находиться в Надыме и ощущать его центром вселенной, поглядывая с сочувствием на Москву, Лондон и Сан-Франциско. Но идея Ваша все равно очень интересная. Вопрос к теме — принимает ли «большая» литературная тусовка выходца из «чуждой» рок-среды, или таких понятий уже нет больше в природе?

ИК: Любая тусовка неохотно принимает выходца из чуждой среды, иначе, в чем же ее идентичность как тусовки? Проблема в том, что любая коллективная идентичность — это ограниченность. Там, где двое соберутся во имя третьего, третий с ними — Сатана. Из всех тусовок самые противные и ограниченные — это нации. Национализм — отличный пример того, что ни одна коллективная идентичность не обладает имманентной «благодатью»: основываясь на признаваемом банальным сознанием «натурально позитивном» принципе биологического альтруизма, она приводит к намного более жутким последствиям, чем самые разнузданные формы «эгоизма-индивидуализма».

АФ: Извечная проблема творческого человека — это удержание баланса между «чистым искусством» и политикой, злободневными вопросами жизни. Судя по материалам сайта «Ультра.Культуры», избежать политизации не удастся, не так ли?

Не могли бы Вы дать свою оценку того, что происходит сейчас в России?

ИК: То же, что и во всем мире, — наступление «человека по Протагору», который в пределе своем есть даддаль, антихрист.

АФ: В продолжение темы «другой стороны холма», традиционный вопрос «Terra Nova»: что Вы думаете о русской диаспоре за границей, и какую роль она играет и будет играть в развитии национальной культуры?

ИК: Удивительно, но не вижу за ней никакой особой роли, именно опираясь на опыт советского периода, который, по мнению многих, свидетельствовал как раз об обратном. Диаспора советского периода была зеркальным отражением метрополии со своими парткомами, генеральными линиями, терминологией, зеркально отражавшей терминологию «совдепии». То же самое и с постсоветской диаспорой — чтобы убедиться в этом, достаточно зайти на любые русскоязычные блоги. В определенном смысле дискурс любой нации — это инвариант, похожий на дискурс какой-нибудь наркотической субкультуры, ибо национальность — такая же аддикция, как, скажем, героинизм или алкоголизм. Со своим сленгом и своими навязчивыми темами. Человечество двигают вперед только личности, сумевшие в той или иной степени восстать против своих быдло-наций, выйти за пределы своих душевных тусовок. Хотелось бы дожить до такого времени, когда «русский» (француз, американец, индус, эскимос) станет бранным словом, обозначающим интеллектуальную ограниченность того, кому оно адресовано.

АФ: Я согласен и не согласен с Вашей оценкой русской диаспоры за границей. Конечно, это не претензия на некую «Роль», Боже упаси, и люди, безусловно, очень разные и по эту сторону холма. Просто, по моим наблюдениям, весьма значительный процент «уехавших» обладает жизненной энергией, самостоятельностью суждений, разнообразием интересов (например, к литературе, музыке, истории, технологиям и т. п.). И, самое главное, равнодушием, которое не всегда характерно для зна-

чительной части людей «оставшихся»... Это и явилось одной из причин создания «Terra Nova» — некоего объединяющего community для людей, которые имеют интерес в жизни, видят русскую культуру как часть мировой и, по большому счету, попросту не избегают мыслить. А «душные тусовки» с «навязчивыми темами» — это да, не в бровь, а в глаз!

ИК: Тут не знаю, что и ответить. Вы, по-моему, сами все сказали. Хочу только добавить, что я все-таки враг всяческих «человеческих агрегатов», даже имею наглость постоянно перефразировать слова Христа следующим образом: «Там, где больше чем двое или трое соберутся во имя кого угодно, один из них будет сатана». Я и нации-то считаю инструментами дьявола, вавилонской карой, принадлежностью к которым надо не гордиться, а стыдиться. Не верю я в диаспоры, нации, расы, церкви, партии, вообще в любые объединения типа тех, что Воннегут называл «вампитерами». Не верю в человечество — верю в людей.

АФ: Ваш любимый город — Екатеринбург, Москва, Питер, Прага, Лондон, None of the above?

ИК: Мой любимый город однажды видел блаженный Августин.

АФ: Чем еще увлекается в жизни Илья Кормильцев, помимо дел издательства и переводов?

ИК: Приготовлением вкусной еды, когда есть время.

АФ: Пожелания поклонникам Вашего таланта, живущим за рубежом и, в частности, в Калифорнии.

ИК: Be real: never trust reality.

АФ: Большое спасибо за интервью, желаем всяческих успехов в личном творчестве и издательству «Ультра.Культура»!

ИК: Может, получилось слегка академично, как для философского журнала, но такое было настроение. А про рок-н-ролл я отвечать не люблю, для меня это дело, списанное в архив. Только разве если с аналитических позиций, а не с позиций мемуариста.

Журнал нашего времени «Terra Nova», сентябрь 2005 г.

Культура бухгалтеров-некрофилов

В восьмидесятых несчастные влюбленные сладострастно резали вены, насвистывая «Я брал острую бритву и правил себя». В девяностые и нулевые оставшиеся в живых и поумневшие фэны «Нау» читали Ника Кейва, Чака Паланика, выучили слово «потреб**дство» и узнали, что Аллах не в восторге от Америки. А организатор и вдохновитель всех этих безобразий Илья Кормильцев безмятежно сидит передо мной у себя на кухне, жалуется на перманентную небритость и объясняет, почему людям необходимо постоянно действовать на нервы.

Николай Коршунов

НК: Илья Валерьевич, Вы ведь только что из путешествия? Что хорошего видели в поездке и что больше всего бросилось в глаза по возвращении?

ИК: Человек ездит по миру зачем? Чтобы увидеть одновременно, и какая Земля большая, и какая Земля маленькая, какие люди разные, и какие люди одинаковые везде. Через путешествия человек познает единство противоположностей. Я с удовольствием выбрал бы для себя такой стиль жизни, чтобы путешествовать каждый год по полгода, жить в нескольких местах мира. Я по природе цыган и кочевник! Что больше всего поражает, когда возвращаешься домой? Я называю это «чувство глаз». Типа, Мордор приближается, и ты это чувствуешь. Есть какое-то зло, которое здесь до сих пор не уничтожено. Хотя уже и лица пограничников стали улыбочивыми. Все равно ты чувствуешь, что пересекаешь не просто границы, которые сейчас везде в мире такие, что ты их проходишь и не замечаешь. Что-то тревожное и стремное.

НК: «В искусстве надо действовать так, как действует террорист». Что именно надо взрывать и кого захватывать в заложники?

ИК: Мозги надо взрывать и их же захватывать. Единственное, что отличает арт-терроризм от настоящего — то, что жертв не бывает. Человек по своей природе враг искусства. Дегradировать всегда легче, чем эволюционировать, вернуться к обезьяне всегда проще, чем двигаться к космонавту. А искусство если и хочется оставить, то такое, которое не мешает трахаться и жрать. Настоящее искусство должно выбить человека из животного состояния и запустить в космос, а человеку это не очень нравится! Он же испытывает дискомфорт, он понимает, что в нем есть что-то еще, помимо обезьяны, что налагает на него ответственность — жертвовать собой или совершать еще какие-то нехарактерные для обезьяны поступки. Поэтому искусство должно иметь боеголовку на конце, бронированный кулак. Стержень его должен быть шокирующим, оно должно быть наступательным, оно должно говорить: «А ну, сука, б***ь, проснись!»

НК: А лично Ваша террористическая деятельность в чем заключается?

ИК: Мы стараемся выпускать скандальные книги, которые заставляют людей думать над проблемами. Ведь самое интересное в жизни — это табуированная тема. Как нас учил старик Фрейд, почему табу на наркотики? Потому что всем очень хочется их употреблять, включая наркологов, ментов и президента России. Пока люди для себя эту тему не проговорят, она так и будет оставаться подавленным комплексом, и как всякий подавленный комплекс будет вызывать неврозы. То же самое касается религиозного фундаментализма, сексуальных извращений. Вот бухгалтерша сидит, и ее очень волнует некрофилия...

(Радостный гогот всех присутствующих. По ходу еще много кого волнует некрофилия.)

Но поскольку она подумать даже не может о таких страшных вещах, она вместо этого пилит мужа, портит жизнь детям. А так сходила бы, труп обняла один раз, может, все бы и прошло *(смеется)*. Будущее счастье человечества зависит от того, насколько оно переведет неврозы и табу в разряд учебника для первого

класса общеобразовательной школы под названием «Познай самого себя». Ты сам должен познать возможность и решить, почему она тебе нужна или не нужна. Свободный выбор.

НК: Ваше издательство называется «Ультра.Культура». Почему нам нужна еще какая-то культура, кроме той, что уже есть в наличии?

ИК: Культура — это империя, а искусство — террор, направленный на расшатывание ее оснований. Культура — это Волочкова, «Лебединое Озеро», Большой театр — именно Большой, а не Мариинка, когда то, что было когда-то искусством, превращено в объект потребления. Вот, например, слово «ерзать» пятьсот лет назад значило «е**ться». Может, и слово «е**ться» через пятьсот лет в русском языке не будет значить «трахаться», а будет значить, допустим, «работать». Его будут все меньше табуировать, когда-то оно первый раз попадет в газету без звездочек, диктор его скажет... Все снимается, все поглощается культурой. И искусство должно все время эволюционировать, чтобы сопротивляться процессу омертвления. А «Ультра.Культура» — как раз то, что за пределами культуры, что не может быть воспринято спокойно, без раздражения, без мобилизации психики и эмоций.

НК: То есть нам еще есть куда эволюционировать?

ИК: Само собой. Если человека из неолита сейчас сюда поставить, он вряд ли решит, что мы люди, ему придется распознать, что это на нас одежда, а не шкура такая и прочее. Он решит, что попал или к демонам, или к инопланетянам, или вообще х** знает куда!

НК: Третий вариант практически очевиден.

ИК: А сейчас появляется новый этап — технологическая инволюция, человек начинает перестраивать себя. Постчеловек — это не только новый софт, но и новое железо тоже. Мы в такой же ситуации находимся, как во времена воздушных шаров. Было понятно, что это еще не тот полет, о котором мечталось, но от земли с подскоками уже отрываются. Ну, а как постчеловек будет выглядеть — а хрен его знает. Может, человек пред-

почтет выглядеть так же, как он был, только все заменить более прочными тканями. Популярными станут уродства, потому что будет считаться, что это свидетельство трушности. Все перестанут обращать внимание на таких баб и мужиков, а какой-нибудь перекошенный весь, кошмарик без одного уха, будет просто номер один, будут все в очередь к нему выстраиваться.

НК: Как Вы начали заниматься переводом книг? Какой из проектов был для Вас самым необычным?

ИК: Я стараюсь подбирать книги под себя, и вряд ли что-нибудь необычное возьмусь делать, то, что совсем мне никак. Я один тип книг перевожу — динамичный, экшн. перевожу всю жизнь: сперва в школе тексты песен, потом статьи из музыкальных журналов. А в какой-то момент мне пришлось заниматься этим более интенсивно, чтобы деньги зарабатывать. Труд неблагодарный и плохо оплачиваемый — на Западе это техническая работа, подработка для университетских преподавателей. А у нас переводчик — как чувак, вернувшийся в советские времена из загранпоездки, чтобы рассказать, «как там у них». Но зато это вернуло меня в литературу после того, как с музыкой все лопнуло.

НК: Насколько Вам близки персонажи переведенных Вами книг? Американские бойцы, шотландские торчки, кровосмешение, яблочный самогон?

ИК: Близки эмоционально. Я люблю библейский стиль, готический пафос. Когда ставится вопрос, на х** ты здесь, как ты живешь, что будет, когда ты помрешь. Конечно, я никогда не был шотландским нарком, не был белым сектантом на американском Юге, так ведь Пушкин тоже никогда не был ни в Италии, ни на Балканах! Я всегда на стороне тех, кто против всех, кто в этом мире чувствует себя оскорбленным, кто восстает против мирового порядка.

НК: Почему в английском оригинале у всех героев через слово «fuck», «shit», «cunt», «mazafaka», а в русском переводе на этом же месте, как правило, «уходи, я тебя больше не люблю»?

ИК: Можно материться как профессор, а можно как гоп-стоп из Ново-е**ново — важно с этим не перебрать. В некоторых книгах нецензурная лексика звучит неуместно. Английское отношение ко всем этим four-letter words совсем другое — есть разница, если написать «положил на стол», «бросил на стол» или «е**ул об стол»? Люди, которые настаивают, чтобы вместо каждого английского «fuck» стоял русский «х**», неправы в принципе. Английское «What the fuck?» — это по уровню эмоции не «какого х**?», а «извините, но какого черта?» И расставляя везде «х**», ты рискуешь попасть. Конечно, если персонаж по социальной позиции ауткаст, тогда сплошной мат нормален. А у Ника Кейва «факи» встречаются два раза за весь роман. И если среди библейских красот написать вместо «хрен» «х**», это будет по-русски очень смешно.

НК: Откуда в литературе столько грязи, крови порнухи и патологии? Общество потребления забыло, как выглядит смерть?

ИК: Современный человек живет в нереальном объеме насилия. Деревенский чел десять лет обсуждал, как Семен Петра топором по пьяни зарубил. А сейчас в любой деревне можно видеть, как падают башни-близнецы. На нас сваливается все насилие мира. Ценность жизни возросла, тем более стало интересным все, что связано с ее потерей, потерей человеческого облика. Человечество сейчас находится в пубертате, когда интересно все, связанное с е**ей, разбитыми носами и отрыжкой. Оно вышло из младшего школьного возраста...

НК: ...и вошло в возраст Баттхеда! Круто, Бивис, круто, телки любят девственников!

ИК: Еще и коллективно при этом! И пытается понять, как с этим всем жить.

НК: Аллах когда-нибудь полюбит Америку и тех, кто ей тупо подражает?

ИК: В названии этой книжки речь идет о столкновении двух фундаментализмов — исламского и американско-постхристиан-

ского, где один другого еще к тому же и выкормил. Даже обложка была знаменитая, где Буш с бородой Усамы и в тюрбане, а Бин Ладен бритый и в костюме — просто близнецы-братья, индийское кино можно снимать! Если Америка — это госаппарат и соответствующие властные структуры, то не полюбит никогда. А если под Америкой подразумевать людей-леса-поля-города, думаю, что Аллах не имеет ничего против того, чтобы любить Америку не меньше, чем все другие страны.

НК: «Наутилус Помпилиус» многие считают отцами готик-рока в России. Как Вы себя чувствуете в роли гота?

ИК: Никогда не слышал это от живого гота, правда, я их вижу в основном на улице и издалека. Но приятно. Готика — это положительная психотерапия, особенно в определенном возрасте. Вот Мэрилин Мэнсон для меня совершенно позитивный персонаж! Настоящие сатанисты собираются в ООН и носят костюмы и галстуки. А такой профилактический сатанизм заставляет понять, что миром правят силы, и тебе уже решать, на чью сторону встать.

НК: После «Нау» Вы продолжаете писать тексты для групп?

НК: Не пишу, хотя меня никто особо и не просит. Пришел я как-то диски авторские забирать, а на выдаче сидел молодой человек лет двадцати. Я начал расписываться, а он увидел и говорит: «Вы тот самый Кормильцев? А я думал, Вы уже умерли!» Видно, все думают так же. А мне нравится разная музыка, лишь бы была сделана хорошо. Я душевно отношусь к хип-хопу, хотя понимаю, что писать тексты и не читать самому нелепо. И из русской музыки, кроме хип-хопа, ничего и не слушаю.

НК: А что за хип-хоп?

ИК: «Кровосток», «Гуф». Это следующий логический этап после русского рока, просто состояться он никак не может. Нет «Машины Времени» в рэпе пока, не говоря уж об «Аквариуме».

НК: Правда ли, что Вы были родоначальником цветомузыки и дымопыханья в СССР, а также показали комсомольцам надувной член?

ИК: Надувной член был, дым был, цветомузыка была. Насколько мы были первыми, сказать не могу, информация распространялась медленно. Люди чудили кто как мог. Вот насчет надувных фигур на сцене нас, похоже, никто не обогнал. Слямзили мы эту идею из привозных фотографий. Надували член пылесосом, поскольку других компрессоров не было.

НК: Кто такие «ватные бармалеи» и с чем их едят?

ИК: Термин придумал барабанщик «Урфин Джюса» Зема. Это некие силы, которые пытаются выглядеть грозно, а на самом деле дутые, как тот член. В журналистике, в музыке, везде, где появляются люди, которые начинают судить: «Вот мы знаем, как все должно быть, как надо». Беда в том, что большинство людей боятся их фантомов и доверяют им рулить процессом, составлять плей-листы, законы писать.

НК: Типа «Нашего Говнорадио»?

ИК: Миша Козырев, в отличие от большинства ватных бармалеев, был трудолюбив. И как менеджер он сделал много, кое-кто вообще не делает ни фига.

НК: С одной стороны, Вы публикуете книги про скинхедов и тексты левых патриотов. С другой, известны ваши высказывания о том, что «Россия — это кусок говна, который нужно пустиль под нож бульдозера». Не боитесь, что в случае чего Вам достанется и от наших, и от ваших?

ИК: Получить от наших и от ваших я не боюсь, потому что никуда я от этого не денусь. Ни фундаментализм, ни национализм мне сами по себе не симпатичны. Но они задают правильные вопросы, только ответы дают неправильные. Мы не поддерживаем этих людей, но даем им возможность высказаться. Процесс отмены наций — это еще более опасный процесс, чем любой фашизм. Вот у тебя есть друг, который не очень воспитан и от него разит. Но при этом тебе с ним интересно. А в один прекрасный день ты приходишь и на его месте находишь пластмассового андроида, который с тобой не спорит, а говорит: «Да, конечно, извините, пожа-

луйста». Потому что он робот и его ничего не интересует, кроме батареек.

НК: Некие евразийцы заочно приговорили Вас к расстрелу за работу над романом Хоума «Отсос». Насколько это для Вас серьезно?

ИК: Ха, насколько это серьезно для них! За базар вообще положено отвечать. Александра Дугина я все время встречаю и жду, когда же он сам эту тему поднимет — ни разу не поднял. У нас очень любят бросаться такими словами, а потом удивляются, откуда что берется.

НК: Существует ли грань, которая отделяет хулиганство художественное от уголовно наказуемого?

ИК: Да, если не имело место физических действий, не получивших одобрения со стороны иного лица. За символическую деятельность не может быть никакого уголовного преследования. Детям, конечно, до определенного возраста, лучше чего-то не видеть. Хотя чем раньше прививается человеку знание обо всех элементах реальности, тем потом ему проще жить. В деревнях раньше к семи годам все уже знали, и откуда дети берутся, и что с телом после смерти бывает — и что, хуже люди были, чем сейчас? Думаю, что лучше.

НК: Говорят, что маленький Ленин разбил в гостях вазу и не только не побоялся признаться, но и хозяйку обматерил, и ее дочке фингал поставил. А какой поступок из Вашей жизни Вы могли бы рекомендовать как пример для подражания?

ИК: Когда разгоняли с милицией пластиночную толкучку в Е-бурге, я схватил булыжник и обезвредил громкоговоритель милицейского «газика» прямым попаданием. Первый мой сознательный антисоциальный акт. К сожалению, не могу рекомендовать в качестве примера, потому что время было другим. Тогда могли только догнать и дать п**ды, а сейчас за это можно и пулю получить. В общем, надо было камни чаще кидать!

Журнал «Хулиган», сентябрь 2005 г.

Поэт постчеловечества

Легендарный поэт-текстовик «Наутилуса», а ныне главный редактор радикально-экстравагантного российского издательства «Ультра. Культура» Илья Кормильцев похож на растение. Такое умозаключение «Проза» сделала во время интервью, взятого у Ильи на XII Форуме Издателей во Львове. И все потому, что во время этого интервью стало понятно, что Кормильцев отвечает на вопросы весьма специфическим образом. Вопросы под метафизическим давлением Ильи утрачивали свой конкретный смысл и скорее служили отправными точками, из которых Кормильцев-растение разрастался в актуальную философию. Несмотря на то, что это абсолютно обесценивало в данном контексте роль журналиста, «Прозе» удалось получить от Ильи невероятно концентрированный сгусток философской энергии, представляющий весьма нетрадиционное мировоззрение.

Анатолий Ульянов

Корр: Как вы относитесь к доктрине копирайта?

ИК: Отношусь сложно и двойственно. С одной стороны, я всю жизнь от этой доктрины завишу и должен ее поддерживать, а с другой стороны, отношусь к ней негативно. Я считаю, что информация не является товаром, поскольку она не материальна, и, соответственно, поддается бесконечному копированию без ухудшения качества и изменения количества. Традиционное право собственности основано на уникальности объекта, который находится в собственности собственника. Уникальности файла не существует.

Когда я начал интересоваться современным искусством и узнавать, каким образом решается проблема уникальности и оригинала у дигитальных художников, то выяснилось, что решается она весьма фальшивыми путями, попытками

применить сегодня старые технологии, переписав само определение оригинала. Оригинала нет. Проблема состоит в том, что художник должен выживать. Выживать не в утопическом обществе, которого не существует, а в той данности, которая есть. На большинстве территорий нашей планеты эта данность сейчас тотально капиталистична. Соответственно, считается, что результатом труда художника является товар, который должен продаваться. Это никак не соответствует моему представлению того, как должно быть устроено общество и, в частности, искусство. Но поскольку я завишу от этой плохой системы, то за 15 лет работы потерял от ее плохого функционирования от миллиона до 2,5 млн \$, что может раздосадовать каждого, учитывая, что получил я всего 10–15% от этой суммы.

Буржуазная часть моего сознания хотела бы, чтобы мне платили за каждую цитату, а креативная говорит, что все нужно менять. Решение, как всегда, должно быть диалектическим. Пока мы живем в этом обществе, мы должны требовать исполнения принятых им же законов. Потому что нам нужно жить и кушать, чтобы потом провести революцию, которая отменит копирайт.

Если говорить о предельном решении этого вопроса, то тут все укладывается в мою постгуманистическую философию и теорию. Я убежден, что человек, прошедший материальную эволюцию, не может создать организменные объединения или общества, которые могли бы решить эти проблемы. Чтобы такие общества стали реальными, их должны строить другие люди.

Наивные коммунисты в конце 19 века в силу того, что были еще плохо знакомы с психологией и подсознанием, считали, что другого человека можно воспитать посредством педагогики. Оказалось, что это не так. Есть базисные психологические механизмы, образовавшиеся еще в доразумной природе, которые не могут быть преодолены воспитанием. Воспитание отвечает лишь за 10–15% поведения человека. Поэтому коммунизм потерпел поражение. Нельзя требовать от эгоистичной обезьяны, которая заинтересована лишь в продолжении рода,

работы в качестве коллективного организма. До определенной степени она может симулировать это в своих интересах, а отдельные индивиды со специфическим сознанием могут даже так жить, но общество в целом начинает создавать симулякр того, что от него требуют. Когда симулякр становится всеобъемлющим, такое общество гибнет за счет фальшивости своего явленного и скрытого. Скорость, с которой это стало происходить, постоянно увеличивается... это, кстати, по поводу оранжевой революции. Если раньше между событием и разочарованием пролегли десятилетия, то сейчас хватает нескольких лет или месяцев, а в Эквадоре, к примеру, недавно хватило всего нескольких дней. Население Эквадора искренне и всенародно 70% голосованием избрало нового президента, а на четвертый день им показали видеоленту, где он берет взятку, вспыхнула революция, и его свергли.

Корр: Назовите и другие признаки скоростной кончины социума в контексте вопроса об обществе всеобъемлющего симулякра.

ИК: Очевидно, что эта кончина лежит в пределах исторического будущего. Разочарование в интеллектуальных механизмах становится всеобъемлющим и выходит за пределы интеллектуальной элиты общества. Представительная демократия полностью дезавуирована на всей без исключения территории земного шара. Конечно, ее механизм может действовать, даже если 100% населения будут уверены, что выборы фальсифицированы, потому что все выборы фальсифицированы.

Кстати, в пример можно привести оранжевую революцию, она была ответом «фальсификацией на фальсификацию», клин вышибли клином. Один симулякр заменили другим симулякром.

Истина невозможна в такой ситуации. Она отменяется уже самими исходными условиями этой ситуации. Истина — это некий абстрактный человек времен модернизма, который существовал. Он не смотрит телевизор и не ведется на агитацию, а делает персональные выводы о качестве того или иного кан-

дидата. Ситуация выборов была недостаточно чиста уже и в те современные времена, а во времена постмодерна является полностью симулированной. Что мы знаем о том или ином кандидате? Как убедительно доказал Пелевин в своих произведениях, мы даже не уверены в их существовании — существовании персонажей, которых нам показывают: Буш, Берлускони, Путин, Ющенко. Существуют ли эти люди? Кто-то подойдет ко мне и скажет: «Я видел их и общался с ними», — а я скажу: «Тебе денег заплатили, чтобы ты мне это рассказывал».

Неверифицируемость политики перестала быть верифицируемой. По идее, она не была такой никогда. Любой социальный механизм управления есть отчуждение. Такой механизм начинается, собственно, с отчуждения, то есть невозможности человека принимать решения самому за всех. То есть должно быть государство, которое принимает эти решения. В традиционных обществах эта неверифицируемость подменялась верой в божественный порядок, в который входило государство и его управление. Как только вера была разрушена и начались попытки объективно понять государство, то в процессе познания стало ясно: государство — это симуляция.

Корр: Возможно ли преодолеть общество симуляции и смутного сознания, породить человека сознания чистого, который мыслит индивидуальными, а не символическими категориями?

ИК: Это возможно лишь с преодолением общества. Преодоление общества лежит не на пути философских рассуждений, но на пути технологических инноваций. Технологические инновации ломают традиционное устройство общества сильнее любой идеологии. Так оно было и всегда, но раньше был больший период рефлексий, отпущенный обществу на освоение. В отчужденной форме это воспринималось как изменение идеологической базы. Иными словами, совокупности философов, которыми пользуются при принятии решений управители общества. Но всегда, и это пытался доказать марксизм, философия лишь отражала свершившиеся изменения в производственной базе. Раньше это было неочевидно. Проходил большой оборот

времени. Сейчас философия даже не успевает освоить происходящие изменения в хозяйственной базе. Они воздействуют на общества непосредственно. Любое появление какого угодно религиозного пророка не способно произвести такое впечатление на общество, как, например, возможности нанобиотехнологий и изменения реальных параметров физического тела. Технология становится обнаженным механизмом общественных отношений.

Корр: И механизмом преодоления общества?

ИК: Да. Современное общество находится в шизоидном состоянии, потому что руководствуется представлением об информации как основной ценности, о мире как движении нематериальных потоков, того, что мы раньше называли духом или эфиром. При этом никакое количество телеканалов не спасет любое современное государство от отсутствия муки, хлеба и мяса. Существует шизофреническая расчлененность между тем слоем человеческой жизни, который образуется деятельностью разума, и тем слоем, который образуется деятельностью тела. Оно никогда не было столь глубоко. До 19 века любая философия была по своей природе натурфилософией. Она все равно обсуждала нечто наличное, что полагалось неизменным от сотворения. Она рефлексировала о наличности. Сейчас под сомнением находится сама наличность. При этом она, естественно, не изжита. Как бы мы не рассуждали про символы, симулякры и лингвистические коды, мы понимаем, что пока мы имеем дело с существами из плоти и крови, которых можно убить при помощи быстролетающих предметов, получается шизофрения. Все общество поглощено смакованием информационного насилия, в то время как объем брутального дошел до максимума.

Корр: В таком случае необходимо уничтожить современного человека, дабы родился пост-человек. Каким образом мы должны уничтожить нынешнего человека?

ИК: Речь не идет о том, что мы должны уничтожить человека, мы говорим, что человек, в традиционном понимании, будет уничтожен. Он уже уничтожается. Это и есть содержание

нынешней переходной эпохи, содержание этого момента. Проблема состоит в том, чтобы взять этот процесс под контроль, потому что он может совершаться в разных интересах. От того, какой интерес господствует, будет зависеть каким предстанет общество будущего, образующееся в результате революции, которая будет похожа не столько на социальные революции, сколько на революцию неолитическую. Это не будет событием одного дня.

Корр: Каким образом можно взять этот процесс под контроль?

ИК: Только при помощи религиозной философии и религиозных отношений. Необходима новая телеологическая религия целепоставления «зачем существует человечество?»

Мое братство и моя вражда с традиционалистами заключается в следующем. Они правильно ставят задачу: человек уничтожен (таким, каким его знала традиционная религия) или почти уничтожен. Но дальше они говорят, что по этому поводу стоит вернуться назад. В этом точка нашего расхождения. Нужно идти вперед. Консервативная революция не может победить. Она не может победить тенденцию отчуждения от природы, ибо эта тенденция лежит в основе человека как вида. Это его первое отличие, за которым следует речь, прямохождение, когнитивные способности. Все вырастает из этого. Отчуждение — это раздор с природой. Залечить его они не могут. Это невозможно, потому что информация уже осознается по-другому. Если произойдет современный катаклизм, вроде атомной войны или падения метеорита, но уцелеет достаточное количество человеческой биомы, которая может продолжать действовать, иными словами, если не произойдет гибель вида, то человечество не будет стартовать из каменного века. Эйнштейн пошутил, когда сказал, что четвертая мировая война будет вестись исключительно камнями и палками. Будут воевать еще более совершенным оружием. Технологии не исчезнут. «Жесткие диски» выносливей людей. Даже если после катастрофы на земле останется два миллиона человек, у них все равно уже

будут компьютеры, они будут знать, как делать электричество, они построят электростанцию через три недели. Процесс этот невозможно обратить.

Нужно ответить на вопрос, во имя чего в космическом плане такой процесс осуществляется? Нужно ответить на вызов. К примеру, если предположить, что дьявол может использовать технологии и прогресс против человека, то почему бог не может обратить их во благо? Традиция отрицает диалектику, присущую любому знанию, любой технологической инновации. В этом ошибка. Нельзя обратить время вспять и вернуть прошлое, воюя за традиционную цивилизацию и пользуясь при этом спутниковыми телефонами, как это делают талибы.

Корр: Давайте поговорим о вашем издательстве. Вокруг «Ультра.Культуры» сложилась определенная мифология, образ, гласящий: «Ультра.Культура» — издательство запрещенное, радикальное, опасное. Образ порождает спектакль, спектакль порождает симулякр. Не становится ли издательство заложником своего образа? Не становится ли образ — летающей фикцией? Происходит ли внутренняя борьба за преодоление симулякра?

ИК: Да, потому что образ ограничивает, и это при том, что любое успешное дело требует соблюдение имиджа. Как мне кажется, нас это не сильно связывает. Мы сталкиваемся с этой проблемой лишь в контексте журналистов и их восприятия, а не в среде издательства, его авторов и продавцов. Внутри издательства иные страхи. Мы начали бояться, что становимся слишком официальными...

Корр: Расскажите о внутренних форматах издательства.

ИК: Внутренние форматы во многом определяются нашими финансовыми возможностями. Расширение этих форматов, зачастую, останавливает отсутствие сил или денег. Поэтому пока мы ограничиваемся профильной для нашего издательства литературой, да и занятую нишу нужно беречь. Что интересно, чем дальше от Москвы, тем больше «Ультра.Культура» воспринимается так, как она себя задумывала. В Москве же хорошим тоном считается не замечать нас. Впрочем, сейчас уже есть

государственная тенденция дружить со всей оппозицией, кроме исламистов.

Корр: Это еще раз доказывает, что тоталитаризм, демократия или анархия являются частью одного целого, единой идеологии, единой системы, которая по своей сути тоталитарна. Пляска симулякров получается.

ИК: Но это же интересно! В Обществе спектакля всегда интересно находить моменты, еще не освоенные спектаклем. Это стимулирует творчество и культурную жизнь. В классическом модернистском обществе, где ретроградам противостояли прогрессивные, становилось скучно жить. Большинство идеологически заряженных писателей 19 века попросту скучно читать, потому, что каждый из них считает свою истину истинной и уныло ее талдычит.

Сейчас ситуация изменилась — ни один твой протест не является абсолютным. Он всегда может быть подвергнут присвоению.

Корр: То есть, пропагандируется антистабильность форм, постоянное изменение...

ИК: Конечно.

Портал «Proza.com.ua», 9 октября 2005 г.

Интервью в поезде «Львов — Москва»

В свое время, когда все сходили с ума от песен «Наутилуса Помпилиуса», я представляла автора стихов таким мрачным тощим меланхоликом с суицидальными задатками. А он оказался крепким сангвиником со здоровым цветом лица. Каким образом человек такой наружности может писать тексты типа: «Я пытался уйти от любви,/ Я брал острую бритву и правил себя,/ Я укрылся в подвале, я резал/ Кожанные ремни, стянувшие слабую грудь...» и так далее? Об этом и о многом другом мы беседовали с поэтом, переводчиком и издателем Ильей Кормильцевым, с которым оказались в одном купе по пути не только во Львов, на книжный форум, но и обратно.

Юлия Рахаева

ИК: Всеми перечисленными вами признаками Белого Пьеро в полной мере обладает автор музыки Вячеслав Бутусов. Клоуны — самые грустные люди на Земле. И наоборот. Нет прямой параллели между творчеством и творцом.

ЮР: Вы поэт, переводчик, модный издатель. А по профессии?

ИК: Химик. Точнее, биохимик.

ЮР: А переводчик с английского вы тогда с какого боку?

ИК: Так сложилось. Вообще-то, я окончил английскую школу.

ЮР: Чтобы было понятно читателям: не в Англии, а в Свердловске. И что же, она была так хороша, что давала язык на профессиональном уровне?

ИК: Тогда я об этом, конечно же, не думал. Но мы росли, читая английские книжки, слушая рок-н-ролл. Наша школа на 80% была полностью укомплектована преподавателями

английского языка — «шанхайцами». Один из них был выпускником Кембриджа, еще несколько окончили другие английские колледжи.

ЮР: Вы имеете в виду волну послевоенной реэмиграции из Шанхая?

ИК: Свердловск был одним из десяти городов, где позволялось селиться «шанхайцам», притом самым близким к центру. Эти люди оказали огромное влияние на культурное развитие — не Свердловска, а вот именно Екатеринбурга. Они преподавали и в УрГУ, и в УПИ, и в архитектурном, и много где еще. Кстати, заведующий кафедрой иностранных языков УрГУ был в свое время одним из организаторов Новозеландской компартии. Думаю, многим значительным Екатеринбург обязан «шанхайцам». Хотя и не им одним. Город был интернациональным, ссыльным. Москва выкидывала туда, как на помойку, все, что считала непригодным для себя.

ЮР: А Свердловск жил по принципу: доброму вору все в пору?

ИК: Да мы и не могли выбирать.

ЮР: А почему все-таки химия?

ИК: Это самая волшебная из всех наук. В ней происходит реальная трансмутация веществ и субстанций. Фактически химия и поэзия неразрывны. Они связаны между собой тайными отношениями — через алхимию. С помощью химии можно убить человека, взорвать здание. И мы этим занимались.

ЮР: Человеков убивали?!

ИК: Нет, конечно, но активно занимались взрывным делом.

ЮР: Так все мальчишки занимаются!

ИК: Мы занимались в серьезных масштабах. Когда я прочитал описание взрывов в лондонском метро, то понял: это те бомбы, которые мы делали в середине 1970-х.

ЮР: Недоиграли в детстве, потому и стали заниматься химией?

ИК: Это оказалось проще всего: я к тому времени был победителем Всесоюзной олимпиады по химии, и не нужно было сдавать экзамены. Я поступил в Ленинградский университет — уж очень любил Питер, часто туда ездил. Проучившись два года, я приехал на лето домой и познакомился со своей первой женой. Она училась в Свердловской консерватории и не хотела никуда переводиться. Пришлось перевестись мне, и закончил я уже УрГУ.

ЮР: По специальности хоть сколько-то работали?

ИК: Три года, в Институте электрохимии Уральского научного центра.

ЮР: А для души писали стихи?

ИК: Я их писал еще со школы.

ЮР: Когда и как поэзия стала рок-поэзией?

ИК: Это произошло достаточно случайно. Была компактная среда, и там все этим увлекались. Существовало четкое представление о том, как должно выглядеть искусство. Мы высказывали себя доступными способами. Это было круто, подпольно, хаотично. Привлекало девушек в конце-то концов.

ЮР: Уже тогда вы писали для каких-то определенных групп?

ИК: Была тусовка, в которой все работали со всеми. Все происходило ситуативно: сегодня случайно собрались эти, а завтра — те. Была нормальная органическая жизнь, как в любой творческой коммуне, где никогда нельзя сказать наверняка, кто у кого чего взял и кто кому чего дал. Сейчас не так: ходишь на работу, там творишь, а потом приходишь домой, ешь макароны и смотришь телевизор. А тогда все было слито.

ЮР: То есть в одном и том же месте жили, творили и ели макароны?

ИК: Если вообще ели. Иногда было не до этого.

ЮР: Вы оказались готовы к той славе, которая на вас свалилась?

ИК: Вся наша беда была в том, что мы были провинциалами, выросшими в замкнутой среде, и оказались абсолютно не готовы к такому объему манипуляций. Вырвавшись наружу, я полностью переменял свои взгляды. Приехав в Москву, я быстро начал все понимать, разбираться в противостоянии советского и, условно, антисоветского.

ЮР: Но ведь то, что вы писали будучи в Свердловске, вроде бы тоже находилось вне советского контекста?

ИК: Напротив, это те, кто нас критиковали, были вне советского контекста. А мы были очень советскими. Боролись с буржуазностью, со спекулянтами, с бездуховностью, с ничтожеством... Мы обличали пороки и считали себя нужными нашему государству. Мы и не заметили, когда все рухнуло, потому что одновременно пришли деньги, успех. А рок-н-ролл, левый по своим интенциям, был использован в целях буржуазной революции. Кто поумнее, забеспокоились с самого начала, но мы не успели сказать: «Ребята, вас обманули!»

ЮР: То есть готовили перемены вы, а воспользовались другие?

ИК: Да никаких перемен мы не готовили! Нас слышали 200 человек, и этого было достаточно. Мы думали так всю жизнь и провести младшими научными сотрудниками. Жили в империи и бряцали себе на арфе. На наше поколение свалилась непосильная ноша, но мы еще сумеем отомстить.

ЮР: Отомстить — слово страшное! Есть за кого?

ИК: Очень многие сдались, предали, сукснулись. Некоторые вот на кремлевские приемы ходят...

ЮР: В начале 1990-х вы оказались в Москве. Каким образом?

ИК: Как всегда, в результате личных обстоятельств. Приехал в Москву на Новый 1993 год. Свердловск к тому времени стали уничтожать. Был милейший город, где никто никогда не ездил друг к другу в гости, все ходили пешком. Там, где заправляли уралмашевские боксеры с расплюснутыми носами, нам делать было нечего, да и они к нам не совались. А тут они вдруг ста-

ли хозяевами жизни, и из Новых Афин Свердловск превратился в город бандитов. Начались стрелки-перестрелки, терки-разборки. И делать там стало нечего, все стали уезжать.

ЮР: Чем зарабатывали?

ИК: Десять лет, с 1988 по 1998, мне вообще не нужно было зарабатывать. Кормили песни. И я жил, как хотел. Год в Англии, год в Чехии... Можно было не задумываться, сколько ты тратишь на еду, питье, дорогу и так далее. А потом все поехало. Началось с распада коллектива и закончилось дефолтом. Кстати, распад изнутри был спровоцирован снаружи.

ЮР: Трудно представить, как можно развалить дееспособный коллектив, тем более с такой громкой славой, как у «Наутилуса Помпилиуса»...

ИК: В частности, через оккультизм. Это делали те же самые люди, которые интриговали с Сергеем Курехиным, по среде пересекались с Александром Дутиным и с Пелевиным. Сатанисты в погонах, которые искали механизмы, с помощью которых можно управлять молодежью. Все это происходило в Питере, куда как раз переехала вся группа, кроме меня.

ЮР: Так вы верите в заговоры?

ИК: Это не заговор. Я могу предъявить доказательства. Был такой Рокамболь, питерский художник-авангардист. У него была секта «Ключи дракона», куда он затягивал самых разных людей, начиная с Каспаряна и Цоя, заканчивая Славой Бутусовым. Я думаю, он и сейчас пользуется спросом...

ЮР: И вы поняли, что период «Наутилуса» закончился, и решили заняться переводами?

ИК: Да нет, я всем занимался параллельно. А вот то, что период «Наутилуса» закончился, понял по-настоящему только сейчас.

ЮР: Как вышло, что вас позвали возглавить серию в издательство «Иностранка»?

ИК: Ко мне очень хорошо относились некоторые люди, в частности, Леша Михеев (теперь он новый главный редак-

тор журнала «Иностранная литература»). Без них я бы пропал. Вот и позвали.

ЮР: Существовали ли какие-то принципы при отборе произведений — или же вы руководствовались личными симпатиями?

ИК: На сегодня нет, по-моему, ни одного составителя серии, который бы выдерживал какие-то принципы. Ни Акунин в «Лекарстве от скуки», ни Керви в «Контркультуре», ни я в «За иллюминатором». Издатели все время пытаются что-то вставить, пристроить.

ЮР: Теперь вы главный редактор (или ментальный химик) издательства «Ультра.Культура». Это значит «сверхкультура»?

ИК: Нет, по ту сторону культуры. Точный перевод с латыни. Для меня культура — абсолютно отрицательное понятие. Это набор символических действий, возбуждающих чувства, но не призывающих к актам, такой эмоциональный онанизм. В момент, когда из искусства вынимают жало, оно превращается в развлечение, то есть становится культурой. А смысл настоящего искусства в том, что, восприняв его, ты не можешь завтра жить так, как вчера. Тотальная анархия, доведенная до предела, — это и есть подлинное содержание любого настоящего искусства. Полная ответственность личности за свои поступки, ее самодостаточность.

ЮР: Очевидно, это и есть программа вашего издательства?

ИК: Вроде того. Но издательство — это не творческая единица, скорее, портал, осуществляющий публикацию чужих идей. Мы, может быть, и хотели бы выполнять определенную программу, но авторы не выдерживают. У нас сложилась та редкая ситуация, когда издатели авангарднее подавляющего большинства авторов.

ЮР: А есть книги, которые вам кажутся удачей издательства?

ИК: Этого в принципе быть не может. Едва рукопись стала книгой, она уже мысль изреченная [цитата из Тютчева «Мысль

изреченная есть ложь». — Ю. Р.]. Только процесс бывает живым. А результат — это всегда гроб.

ЮР: Как вам показался Львов?

ИК: Я люблю ездить в Восточную Европу. Может быть, потому что мои предки приехали на Урал горными мастерами из Верхней Саксонии, еще при Екатерине Второй, учить Россию уму-разуму — наивные люди! Я, кстати, ездил в их родную деревню в Судетах, там тоже все лежит в разрухе, как и во Львове. А Львов — красивый город. Вот только население его совершенно не достойно!

ЮР: А книжный форум?

ИК: Было очень интересно. Давно наблюдаю за тем, как в постсоветском пространстве развиваются различные литературные процессы. Я не был на Украине лет десять, было интересно оказаться здесь после «оранжевой революции». У меня взяли девять интервью, и в каждом я говорил: не было у вас никакой революции! Просто шило на мыло поменяли — и все. Вот если бы Майдан не только Януковичу, но и Ющенко с Тимошенко сказал: «Геть!» — и выбрал в президенты кого-то из народа, то это была бы революция. А так это была постмодернистская инсценировка — такая «симуляция».

ЮР: Ну а новая украинская литература — она есть, или это тоже симулякр?

ИК: Конечно, есть. Всегда и везде люди рождаются, страдают, думают и пишут.

(Купе поезда «Львов — Москва»)

Газета «Вечерняя Москва», 3 октября 2005 г.

Книга как оружие

Александр Панов встретился с главным редактором издательства «Ультра.Культура» Ильей Кормильцевым.

На прошлой неделе в Москве, в Центральном доме художника, прошла VII Международная ярмарка интеллектуальной литературы «pop/fiction» — смотр книгоиздателей, которые обходятся без Донцовой, Устиновой и даже Б. Акунина. Александр Панов встретился с хозяином самого радикального и скандального стенда ярмарки — главным редактором издательства «Ультра.Культура» Ильей Кормильцевым. Его издательство специализируется на текстах, противостоящих так называемому «мейнстриму». Девизы издательства говорят сами за себя: «Все, что ты знаешь, — ложь», «Книга как оружие», «Культура времен Апокалипсиса». Здесь печатаются культурные изгои: нацбол Лимонов, «красно-коричневый» Проханов и исламский гуру Гейдар Джемаль. Тут выходят переводы западных исследований о медицинской пользе марихуаны и скрываемой американским Госдепом подноготной событий 11 сентября. «Ультра.Культура» издает манифесты анархистов и скинхедов, антологию поэзии битников (американских революционеров от литературы 1950-х) и инструкцию по самообороне в случае столкновения с милицией. Прокуратура и Госнарконтроль постоянно требуют возбуждения уголовных дел против главного редактора и его команды. Но при этом «альтернативщик» и провокатор Кормильцев — интеллект, эрудит, талантливейший переводчик (в частности, читающая публика до сих пор благодарна ему за перевод романа легенды американской рок-музыки Ника Кейва «И узре ослища Ангела Божия») и блистательный поэт. Он вообще не нуждается в представлении. Помните: «Скованные одной цепью», «Я хочу быть с тобой», «Гуд бай, Америка»? Кормильцев был автором текстов большинства песен группы «Наутилус Помпилиус» времен ее триумфа, и эти песни пела вся страна. С этого и начался разговор.

АП: Илья, что заставило всенародно любимого поэта-песенника стать радикальным издателем и даже политическим оппонентом?

ИК: Жизнь заставила. Все произошло под давлением обстоятельств. Другое дело, что я никогда не позиционировал себя как «поэта-песенника» или рок-музыканта. Моя деятельность — следствие идей, возникающих в голове, а средства для их реализации уже предопределяются этими самыми обстоятельствами. Я всегда себя воспринимал как культуртехнолога, в противовес модной нынче профессии политехнолога. То есть я ставил перед собой некоторую конкретную задачу: «Почему бы не сделать вот это?!» И когда в Свердловске в конце 1970-х мы только начинали свою музыкальную деятельность, моей задачей была попытка-эксперимент написать рок-тексты на русском языке (надо учитывать, что про «Аквариум» мы вообще не знали, а «Машина времени» не очень нравилась). А теперь я решил издавать вот такие, как бы запрещенные, книги. И это тоже своего рода эксперимент, культуртехнология. Для меня важен не результат, а сам процесс воплощения моих идей, организация движения. И когда музыкальный проект реализовался и стал коммерчески успешным, я сменил амплуа.

АП: Зато теперь тот же бывший «подпольщик» Гребенщиков в Кремль вхож, а ваш друг и коллега Бутусов выступает во Дворце съездов...

ИК: Мало ли кто куда вхож и кто где выступает. На том свете всех будут судить по другим показателям. И спецпропуска мало помогут. Мне всегда интереснее работать с вызывающими идеями, чем с теми, что поддерживают статус-кво. Это связано с моим личным убеждением, что культура — это мертвое искусство. Культура всегда пытается защититься от искусства, обзывая его самодетельностью и экстремизмом. Это корпорация, защищающая собственные экономические интересы и заинтересованная в том, чтобы ничего не менялось. А искусство — поток откровения. Культура принадлежит жрецам,

искусство принадлежит пророкам. Пророки очень часто переходят в категорию жрецов и получают пропуск в Кремль или в Белый дом. Впрочем, я не хочу осуждать своих успешных друзей. Просто я уверен, что самые интересные войны — это те, в которых ты обречен на поражение. А победители оказываются проигравшими при прошествии многих лет.

АП: Но тем не менее вы сами долго были победителем. Прежнее бремя славы не тяготит?

ИК: В 1997 году наши пути с Бутусовым разошлись, его бремя меня уже не давит. Нет, оно мешает, естественно. Пытается опрокинуть, перетащить в стан жрецов. Приходится себя постоянно репозиционировать, говорить: «Я этим больше не занимаюсь, про музыку больше не говорю». Бремя славы — это ловушка, которая пытается вернуть тебя в прошлое. А жить надо будущим.

АП: Будущее за «Ультра.Культурой»?

ИК: По крайней мере, это еще не до конца оформленный проект, и потому им интересно заниматься. Появилась общественная востребованность радикальной литературы, и власть, которая постоянно пытается наехать на издательство, ничего не может с этим поделать. Впрочем, сегодняшняя власть вообще беспомощна. По своей структуре она антиидеологична. Она решает тактические, а не стратегические задачи, и у нее нет никакой святой святых, кроме банковского счета. Всякую идеологию она старается купить и поставить себе на службу. Она отовсюду хватается идеи, получается дьявольская смесь, но не «коктейль Молотова». Она может разрабатывать либеральный дискурс, может левацкий, может империалистический. У власти нет учения, а значит, нет и области абсолютно недопустимого. Потому наша радикальная деятельность пока совершенно безопасна. Более того, когда прокуратура пыталась возбудить против издательства дело о разжигании национальной розни по поводу публикации книжки о скинхедах, к нам в офис пришел следователь. Спросил редакторов: «Вы сами книгу читали?» Перепуган-

ные девочки ответили, что нет. «Зря, хорошая книжка», — вздохнул он. И эти люди запрещают нам ковыряться в носу!

АП: То есть, пользуясь вашей терминологией, они даже не жрецы, а жалкие временщики?

ИК: Вот поэтому нынешняя власть и обречена на падение. Общество ждет какой-то жесткой идеи — левой, правой, националистической, но одной. А нынешняя власть не в состоянии ее предложить. Они говорят о вертикали? Попробуйте что-то удержать на вертикали — куске проволоки или стальной спице. Попробуйте удержать страну на чистой идее административной власти без собирающей идеологии. Все рухнет, и очень быстро рухнет.

АП: Тогда зачем бороться с властью?

ИК: А «Ультра.Культура» борется не с властью (черт с ней), а с культурной ситуацией, в которой пока есть какие-то зоны невозможного. Мы делаем невозможное возможным, работаем с запрещенными темами, вроде наркотиков, террора, радикальных культурных практик, которые не то чтобы запрещены, но о которых не принято говорить публично. Или попытка говорить о них именно в таком ключе воспринимается как юродство или идиотия. Но кто это решает? А государственные секреты мы не продаем — власть их сама продаст, если найдется покупатель. Она слишком озабочена личным гешефтом. А вообще-то у властей не должно быть ничего личного. Так что наши враги — не власти, а общество. Когда некоторые книгопродавцы отказываются брать на распространение наши книжки, им никто не присылает инструкции сверху. Это простая советская трусость и личная косность. Вот с этим-то мы и боремся. В качестве оружия используя книги.

Газета «Объединенный гражданский фронт», 5 декабря 2005 г.

Вопросы для офф-лайн интервью

Вопрос: Ваша жизнь удалась? Или еще все впереди?

Ответ: Она еще даже не начиналась.

Вопрос: В настоящее время вы еще слушаете какую-либо музыку? Если да, то ваши предпочтения на данный текущий момент.

Ответ: В настоящее время я слушаю альбомы моего друга Гилады Атцмона «Musik» и «Exile».

Вопрос: Как вы выбираете произведения, достойные быть напечатанными под маркой «Ультра.Культура»? Есть ли четкие критерии?

Ответ: Очень помогает представить приходилось бы или нет прятать подобную книгу в молодости от родителей.

Вопрос: Как стать вашим автором? Если у кого-то появилось такое желание...

Ответ: Прислать полный текст произведения. Если вы пойдете — вам ответят. Если не ответили — значит, не подошли. Рецензии и обоснования отказов не предоставляются. Посланные файлы не возвращаются.

Вопрос: «Ультра.Культура» — это очередной стиль жизни. Этакий андеграунд рок-н-ролл 21 века?

Ответ: Это просто издательство. В нормальной стране таких должно быть три-четыре десятка.

Вопрос: Дайте ваше определение: кто такой «классический писатель»? И что надо сделать, чтобы им стать.

Ответ: Классическими писателями не становятся, ими вас делают другие. Обычно после вашей смерти. Иногда при жизни, если вам особенно не повезло.

Вопрос: Пользуетесь ли вы в своей работе Интернетом? Что он для вас — свобода выражения своих мыслей, рабочий инструмент, место отдыха?

Ответ: Пользуюсь, конечно. В первую очередь это вредная привычка.

Вопрос: Миновала ли вас чаша любви к компьютерным играм? Играли ли вы когда-то в них? Играете ли сейчас?

Ответ: Бросил в 1992 году, после трех бессонных ночей подряд. Это был «Prince of Persia». Больше не прикасался.

Вопрос: Как вы относитесь к ужесточению законов и к началу репрессий на онлайн-библиотеки? Что стоит за этим? Заговор издателей, не желающих терять свои деньги?

Ответ: Желание контролировать — это врожденное заболевание, которым страдают определенные люди. Прежде всего, те, которые больше ничего не умеют.

Вопрос: Скачиваете ли вы музыку с Интернета? Пользуетесь ли форматом mp3?

Ответ: Да, разумеется.

Вопрос: Я знаю, вы ранее занимались как переводами интересных книг, так и сами писали. В настоящее время есть ли у нас шансы познакомиться с вашими книгами?

Ответ: Надеюсь выпустить в этом году сборник в издательстве «София».

Вопрос: Издательский бизнес в России — это выгодно, или это скорее возможность самовыражения?

Ответ: Это способ духовного выживания.

Вопрос: Посещаете ли вы Екатеринбург? Если да, то с какой целью?

Ответ: Посещаю. С целью захвата власти и свержения законно избранной городской администрации:).

Вопрос: Поддерживаете ли контакты с рок-тусовкой? Бываете ли на рок-концертах?

Ответ: Очень мало, очень редко. Дружу с отдельными представителями, выделяющимися как люди на фоне обычно приходящей этому кругу интеллектуальной серости.

Вопрос: Назовите фильм, который произвел на вас самое сильное впечатление за последний год? А книга? Музыкальный альбом?

Ответ: «Пыль» Сергея Лобана, «Эвакуация» Дмитрия Быкова, «Триллер» «Агаты Кристи».

Вопрос: Что бы вы пожелали нашим читателям?

Ответ: Никому ничего не желай, и тебе ничего не пожелают.

Молодежный портал «Purga.ru», 2005

Логика метафизического протеста

Философ, построивший «Наутилус»

Большинству Ильи Кормильцев известен как поэт, создавший лучшие хиты группы «Наутилус Помпилиус». Предание гласит, что именно он предложил свердловским музыкантам преобразить подводную лодку из романа Жюль Верна в латинское название глубоководного моллюска, когда в Москве обнаружилась группа с идентичным названием — «Наутилус». Слава образованного с приставкой «помпилиус» коллектива в последующие годы, как мы знаем, стала феноменальной. Уже тогда Илья заслужил славу полиглота, философа, человека энциклопедических знаний. При этом музыка была лишь одной из граней его жизни. А в центре всегда стояла книга. Самобытный поэт, блистательный переводчик, музыкант, активный участник культурной жизни столицы, ныне Илья Кормильцев возглавляет издательство «Ультра.Культура», на сайте которого красуется провокационный лозунг «Все, что ты знаешь, — ложь». Наш разговор о литературе мгновенно увел к мирам высшим и темам масштабным. Но по-другому в беседе с этим человеком, мне кажется, и быть не могло.

Владимир Преображенский

ВП: Если посмотреть, какие книги выходят сегодня в различных сериях вашего издательства — «Маньяк или миссия Рон Хаббард», «Невесты Аллаха», «Измененное состояние», «Скины: Русь пробуждается», — то само собой складывается впечатление, что вы не просто издаете книги, но взяли на себя задачу более глобальную задачу, я бы сказал, анархо-революционную. Расскажите, каков ваш основной идейный посыл, и кому адресованы эти книги?

ИК: За два года, пока существует издательство, наша позиция видоизменяется, корректируется, уточняется. В последнее

время в наших разговорах все чаще звучит такое словосочетание, как «метафизическое сопротивление». Что это означает? У критического сознания человека есть различные уровни функционирования. Допустим, я могу быть недоволен тем, что у нас в подъезде кто-то постоянно мочится на лестнице. Я жалуюсь в ЖКО или в милицию, поставлю на дверь домофон и т. д. Это протест, но он метафизическим не является. Потому что я ставлю под вопрос не некие неизменные константы, то, что называется мироустройством, а пытаюсь корректировать Вселенную в локальной точке. Когда ставится вопрос более глобального порядка, скажем, что на следующих выборах Путина не должны избрать, к примеру, а должны избрать Хакамаду или Немцова, это тоже не метафизический протест. Потому что эти вопросы не ставят под сомнение саму организацию, устройство Вселенной, они принимают реальность такой, какая она есть.

ВП: А вы нет?

ИК: Метафизический протест начинается там, где то, что называется повседневным опытом реальности, ставится под сомнение. В этом он родственен религии.

ВП: Против чего и кого этот протест направлен?

ИК: Он всегда направлен против того опыта, который называют банальным опытом реальности. Если пользоваться терминологией Лакана, его психоанализа, проводится различие между терминами «реальность» и «реальное». Реальное — это то, что истинно существует, реальность же — это некая конвенция, представление об этом реально существующем, господствующая в данном человеческом обществе в настоящий момент. Например, считают, что город делится на дома, а не на какие-то другие блоки. Хотя это вопрос того, как договориться. Например, в Америке дома делятся на блоки, адреса идут по блокам. И это деление тоже работает. А можно предположить, что дома вообще строятся не случайно на определенном месте, обращаясь к китайской геомантии. Можно сказать, что это джинны заставляют строить людей дома в том, а не ином месте, там, где

им нужно поселиться. То есть реальности можно всегда задать вопросы, поставить под сомнение: истинно ли то, что мы видим? И вообще: видим ли мы то, что мы видим, или мы видим некую социальную конвенцию, которую нас с детства приучили видеть за вещами. И мистика, психоделические опыты — это постановка под сомнение реальности.

ВП: Хорошо, а если спустить этот конфликт из высших сфер в конкретный социокультурный контекст, в то время, в котором мы живем, против чего он будет направлен?

ИК: Речь, собственно, идет о том, что сейчас создается некая мировая система, глобальная, которая, в принципе, не является чисто экономической, хотя за таковую выдается, стремящаяся свести на нет любую альтернативность. Сущность этой системы не экономическая, а, конечно же, идеологическая.

ВП: Вы имеете в виду глобализм?

ИК: Глобализм — это экономико-силовой аспект этого процесса. А у проблемы есть аспект и культурологический, и духовный, который тщательно камуфлируется теми или иными силами. Наша задача — создать поле для альтернативных точек зрения. В этом смысле нас можно назвать сейчас единственными последовательными либералами, если иметь в виду классический либеральный дискурс, как он задумывался в эпоху просвещения во Франции. Последовательный либерализм не накладывает запрета на бытование ни одной из точек зрения.

ВП: Вы говорили, что в издательстве у вас появляются и скинхеды, и муллы, и ученые из Израиля. И конфликтов при этом не возникает...

ИК: Мы создаем для них некое пространство, в котором они могут сосуществовать, по крайней мере, в коридорах нашего издательства.

ВП: У вас в издательстве вышла замечательная книга «Медиавирус: как поп-культура тайно влияет на ваше сознание». Действительно ли, на ваш взгляд, масс-медиа так сильны

в сегодняшнем мире, что могут в корне изменить сознание людей, зомбировать его и таким образом манипулировать обществом? Ведь существует даже такое мнение, что в России сейчас существует и разрабатывается единая государственная политика, нацеленная на то, чтобы отучить людей самостоятельно думать, свести их потребности к простейшим инстинктам...

ИК: Политика, безусловно, существует, хотя вряд ли те, кто ее реализует, мыслят ее в тех терминах, которые употребили вы. Это мыслится скорее как забота о коммерческой эффективности медийных систем, например. Такая политика существует. И я считаю, что она мировая. Но с этим можно бороться, иначе наша деятельность была бы бессмысленной. Посредством знакомства с различными взглядами на происходящее вокруг.

ВП: Тут можно вспомнить один из лозунгов вашего издательства — «Книга как оружие»...

ИК: Если убрать тупой вариант (в смысле если долбануть кого-нибудь по голове словом Вебстера), книга — это идеальное оружие, потому что оно не ставит своей задачей никого уничтожить. Но она меняет того, кто ее читает. Она сражается не на внешнем поле боя с противником, а на внутреннем. Листовка, подброшенная в окоп, перетягивает солдат из одного лагеря в другой, а чаще даже не солдат, а равнодушное гражданское население оккупированных территорий. Книга должна пробуждать. Она должна самого человека обращать на сопротивление манипуляциям. И в этом смысле она является оружием. Оружием в самом прямом смысле этого слова, гораздо более уместным, чем автомат, хотя ситуации, когда одной только книгой не обойдешься, тоже имеют место быть. Но чем больше людей завоюет книга, тем меньше вероятность того, что понадобится автомат, тем меньше выстрелов придется произвести.

ВП: Как, на ваш взгляд, информационные технологии (сопоставляя, Интернет), их бурное развитие влияют на человеческие отношения, образ мысли, способны ли они в корне поменять представление о мире?

ИК: Они уже меняют. У любой системы, которая мыслит себя централизованно, есть своя энтропия. То, что Интернет был создан в рамках оборонных программ США, это очень символическая закономерность. Каждый инструмент, который Система создает для контроля на определенном этапе в силу энтропийных процессов выходит из-под контроля... Но не надо преувеличивать значение Интернета. У него есть один большой недостаток. Пользователь каждого сообщения всегда определяется парой, это ситуация «я» и «он». Если телевизор выдает тотальное изображение одно на всех, то в Интернете я восстанавливаю для себя эти связи каждый раз произвольно. Одни ищут одно, другие — другое, один что-то вносит, другой выносит. Он дает реальную свободу, но это же и его недостаток, потому что Интернет создает такую мощную информационную шуму, что становится на каком-то этапе уже недоступно содержание. Я думаю, именно поэтому пик попыток установить контроль над Интернетом в развитых частях мира уже прошел.

ВП: Там поняли, что это невозможно?

ИК: Они поняли, что это не нужно, что Интернет не настолько опасен. Что он ненамного опаснее телефона, по которому тоже можно договориться о террористическом акте, о восстании и т. д.

ВП: Интернет воплощает в себе две важнейшие черты нашего времени, его символа — виртуальность и скорость. Как они влияют на взаимодействие людей?

ИК: Любое качество диалектично. Берем виртуальность — возможность создания новой альтернативной реальности. Реальность можно творить. Творить нельзя реальное. Реальное не создано человеком, реальность же создается именно им, это то, что люди договорились воспринимать. Виртуальность дает возможность творить реальность, не имеющую материального адекват, которая живет по законам, предписанным фантазией и желанием ее творца, и не ограничена законами, присущими реальному. Потому что то, что создается из материальных

элементов, как минимум, подчиняется законам физики. Если посмотреть, как летает все и перемещается в компьютерной графике — оно же никаким законам физики не подчиняется! Оно подчиняется только законам воображения. Это минус, потому что это открывает новый фронт манипуляции, про который еще в 1960-е годы замечательный какой-то итальянский фантаст (имени сейчас не помню) написал рассказ «Онейрофильм», о людях, которые сидят в коробках и смотрят фильм, который воспринимают как реально проживаемое сновидение. Такой прототип «Матрицы». И весь смысл жизни для них — заработать, чтобы из этой коробки вообще никогда не выбираться, чтобы достаточно денег было на счету, чтобы человек постоянно пребывал в этой иллюзии.

То есть это новый инструмент могущественных манипуляций. Потому что вот взять, к примеру, крестьянина, который живет в традиционном обществе. Ему нельзя сказать, что репа это не репа, морковь — это не морковь, что сеять надо зимой, а отдыхать летом. Законы сотворенного мира, законы реального, для него проступают постоянно. Он их, конечно, превращает в законы реальности, на этом построена мифология, появляются предания, заветы и т. д. Но то, что человек при этом близок к реальному, создает для манипуляций довольно четкий предел. У манипуляции образной, в виртуальном пространстве, пределов манипуляции гораздо меньше. Однако плюс виртуальности в том, что человек может создавать свою собственную реальность. Сидит перед компьютером девятиклассник и в флэш-графике создает свою новую реальность, в которой он корректирует то, что ему не нравится в этом мире, где побеждает какой-то герой правильный, допустим. Это новая ступень творчества. Люди понимают, что они могут создать мир, хотя бы в виртуальности, таким, каким им хочется, а не таким, каким его кто-то навязывает или предписывает.

ВП: Есть и другая проблема — разорванность многочисленных реальностей, созданных людьми. Ведь вот мы говорим,

погружаемся в какую-то тему, а вдруг звонит мобильный телефон и «выхватывает» нас в совершенно иную реальность. Это колоссальный стресс. А если все это происходит еще и с бешеной скоростью, присущей мегаполису...

ИК: Но человек ведь тоже меняется. Более того, когда скорости человека станет недостаточно для соприкосновения с созданной им реальностью, очевидно, придется менять и человека, и в этом направлении уже идут работы. На самом деле человек мутирует. Моя жена очень любит рассказывать одну историю. Существуют мнение ученых-музыковедов, что произведения Баха сейчас играют в два с половиной раза быстрее, чем они исполнялись при его жизни. Дело в том, что в то время не обозначали темпов в таких параметрах, как «бит в секунду», а писали устоявшиеся итальянские обозначения: «tempo», «allegro» и т. д. Но! Что было в представлении людей «быстро»? Самое быстрое известное человеку движение — это была скачущая лошадь. Поэтому самый быстрый темп соответствовал конскому галопу. И сыгранные в прежнем темпе мелодии Баха сейчас окажутся для нас не совсем доступными, теряются какие-то связи между гармоническими и мелодическими линиями. Потому что мы мыслим гораздо быстрее. И темп исполнения этих произведений невольно все время повышался. Так считают музыковеды на основании кое-где оставшихся указаний, воспоминаний, сколько по времени исполнялось то или иное произведение. А есть и дедуктивное соображение. Музыка всегда носит имитационный характер. Она не могла имитировать того, чего не было, например, мчащуюся машину. Меняются окружающие реалии — меняется их отображение в искусстве. И это процесс необратимый.

Можно и убить. Можно и сразиться. На определенном этапе, но мысль, что все можно изменить какой-то революцией, восстанием, — это глупость. Потому что поле боя в конечном счете — сам человек. Должен быть изменен сам человек.

ВП: Но уже сейчас возникает несоответствие серьезный диссонанс: развитие технологий обрушивает на человека такой

поток разнородной информации, с которым мозг уже не в состоянии справиться...

ИК: Во-первых, есть резервы собственной пластичности организма, сейчас люди совершают, конечно, фантастические вещи, Когда это вступит в тяжелое противоречие с биологией, придется менять биологию.

ВП: А не лучше ли «притормозить» этот безумный технологический и информационный поток, или даже вернуться немного назад? Такие теории сейчас есть...

ИК: Возвратиться назад невозможно. Это не позволят те силы, которыми контролируется Космос. У Космоса есть история, она идет из точки «а» в точку «б», и, значит, путь этот предписан изначально. И линейное время как раз создано и существует для того, чтобы эта история могла осуществляться. Поэтому попытки повернуть назад (даже с самыми благими побуждениями) приводят к тому, что если ты притормозил во имя добра, то побуждает идущее вперед зло. Я не то чтобы не верю во всякие консервативные и архаизирующие учения. Я просто убежден, что они бессильны, что они не являются решением проблем. По большому счету. И в этом смысле метафизический протест, о котором мы говорили вначале, всегда связан с модернизмом, то есть именно с изменениями, с модернизацией реальности. В этом смысле проблема не в том, что мир идет туда или не туда, и надо его остановить. Нет, идея не в том, чтобы остановить движение, а чтобы не дать ему осуществиться не в тех целях.

ВП: Каким примером можно это иллюстрировать?

ИК: Скажем, проблема не в том, чтобы противостоять генной инженерии, а в том, чтобы противостоять тем, кто пытается использовать генную инженерию для своих губительных целей.

ВП: Не опасно ли в принципе это постоянное увеличение скорости?

ИК: Конечно, опасно. И в то же время спасительно. Полет на самолете опасен? Есть, конечно, законченные невротики,

которые даже в Англию пытаются ездить на поезде, я лично таких знаю, но это исключения. А большинство людей летают самолетами. Несмотря на то, что в тот момент, когда они садятся в салон, они принимают на себя потенциальный повышенный риск.

ВП: Как и придя на рок-концерт, в принципе...

ИК: Да, то же самое.

ВП: То есть дело не в темпах?

ИК: Нет, наоборот, эти процессы все ближе подводят человека к той черте, когда он вынужден будет реформировать самого себя. А это очень важный аспект. Я думаю, в эволюции он непосредственно связан с осуществлением метафизических задач истории Космоса. В этом смысле я придерживаюсь космоистских предположений о том, что в рамках человека, как он есть, глобальные противоречия и глобальные конфликты, проблема бытия не будут разрешены. То есть человек — только определенный этап в эволюции некоего процесса, который мы называем духом, сознанием, как угодно. А что такого, собственно, ценного в человеке? С возрастом все чаще задумываешься: а так ли совершенно твоё тело? *(Смеется.)* Человек как форма существования не обладает никакой идеальностью. Идеальностью обладает человеческий дух. Потому что тело, если так посмотреть, весьма несовершенно, костяк очень слабый, устойчивость очень низкая, чувства, даже в сравнении с окружающей природой, очень слабо развиты.

ВП: То есть совсем не венец создания?

ИК: Абсолютно не венец. Современные биологические теории традиционные не признают человека высшей точкой эволюции в рамках именно биологии. В биологии пока высшая ступень развития — это травоядные жвачные животные. То есть корова гораздо совершеннее человека. У нее, например, гораздо лучше развита печень, корову поэтому очень трудно отравить, на самом деле. Она питается возобновляемым ресурсом и потребляет, на самом деле, мало, по сравнению со своей

скоростью роста. Так что человек как животное — не венец творения, он венец творения именно потому, что он не совсем животное. Поэтому, кстати, я очень не согласен с писателем Иваном Ефремовым, который в «Лезвии бритвы», по-моему, развивает теорию о том, что красота биологически целесообразна, что красивый человек — это биологически целесообразный человек. Ближе к истине, на мой взгляд, авраамические религии, которые говорят, что человек создан по образу и подобию Божию. Только не надо это понимать так, что Бог — это некий дядя, очень красивый собой. (*Смеется.*) С которого все скопировано. Очевидно, в том, что считают человеческой красотой, есть некие моменты (их трудно описать при нынешнем уровне знаний и нашей способности понимать), которые действительно сопоставимы с чем-то высшим. Возможно, чисто в метафорическом плане. Например, большие глаза. Биологизаторы говорят, что большие глаза лучше видят. Хотя это не факт. А я могу выступить с других позиций, так сказать, с идеалистических. И сказать, что большие глаза — это символ сознания. Не случайно ангелов всегда рисуют с большими глазами, инопланетян, то есть в этих образах реализуется представление о более высоком знании.

Такой человек может обрабатывать большие потоки информации. Можно ведь и так рассуждать. И докажете мне, что одно верно, а другое неверно! Мне кажется, что человеческая красота имеет какие-то минимальные корни биологической целесообразности, но в целом она на шаг выше, по сравнению с биологической целесообразностью, она содержит в себе и нечто иное. Например, давно замечено, что извращенное состояние духа сопровождается извращенным пониманием красоты. Это наводит на мысль, что, наверное, красота есть проекция некоего ментального образа высшего существа. Суть в том, что мы имеем интуитивное представление о том, как оно все должно быть, но это представление несовершенно. Ограниченно и фрагментарно. Тем не менее оно позволяет нам какие-то предметы, какие-то образы и вещи предпочитать другим.

ВП: Ну что ж, от разговора о красоте постараемся перейти к искусству, точнее одно из видов искусств — литературе, поскольку вы поэт и переводчик. Кого в современной российской литературе вы считаете наиболее актуальными и интересными писателями?

ИК: Ну, если речь шла о середине девяностых, я, безусловно бы, сказал, что Пелевина. После него пока никто на этот трон (по степени влияния, обращенности и к интеллектуальной части общества, и к более широким массам), на мой взгляд, не поднялся. Много интересных писателей, но, так сказать, короля писателей не видно. После того, как Виктор Олегович занялся писанием метких, едких, колких, местами интересных, но все же политических фельетонов, место свободно...

ВП: В самом деле, Пелевин стал эдаким Салтыковым-Щедрым российской современности...

ИК: Да. Он стал таким, начиная с романа «Generation П», но он таким не был. Но проблема Пелевина, что он вообще рассказчик по преимуществу. Ему случайно дался один роман — «Чапаев и пустота». Его рассказы оказываются значительно сильнее.

ВП: А ваша инициатива по открытию новых имен в литературе, целый проект — «Потерянное поколение русской литературы» в какой стадии реализации находится?

ИК: Издается литературная серия. Хотя мне нравятся все писатели, включенные в эту серию, но есть безусловные лидеры, на мой взгляд. Мне кажется, что Александр Уваров — это очень интересный человек, и те его произведения, которые мы издали, — это очень хорошая литература, словесность. Он хорошо подхватывает такую старую традицию, которую я бы назвал голевско-сологубовско-мамлеевской.

ВП: В вашем издательстве вышла книга, из-за которой разразился целый скандал, называлась она «Аллах не любит Америку». Чем закончился этот скандал, и была ли это с вашей стороны сознательная провокация общественного мнения?

ИК: Ну нет. Мы вообще не занимаемся провокациями. Потому что, во-первых, никогда не угадаешь. У нас очень странная власть: вещи, за которые давно уже по теоретическим каким-то соображениям должны были бы отвинчивать голову, скажем, публикация мемуаров Аллы Дудаевой, не вызывают ни малейшего интереса со стороны властей, полное равнодушие. Или «Невесты Аллаха» — более свежее событие, биографии смертниц-взрывниц. А вот «Аллах не любит Америку» оказалась книгой экстремистской. Мы уже поняли, что самый хороший способ создать скандал вокруг книги — это не ее содержание, содержание может быть любым. Ну разве что там будет что-то с цифрами, фотографиями, номерами счетов и т. д., когда документ начинает носить уже юридический характер. Самый верный способ вызвать недовольство властей — это дать соответствующее название и сделать соответствующую обложку. А в книге просто приводятся комментированные документы, отрывки из манифестов, статей, биографий. Антология экстремистских движений. Причем не только исламских, что самое смешное. Там представлены (хотя, конечно, и в меньшей степени) и еврейские фундаменталисты, и христианские фундаменталисты.

ВП: С какой целью вы решили все это опубликовать?

ИК: С той же целью, с какой мы публикуем все прочее. Человек получает возможность почитать весь этот комплекс идей и представлений, понять, что все это не с бухты-барахты, понять, что у этого есть своя история, уходящая корнями глубже, чем двадцатый век, ко временам крестовых походов, а то и раньше; что есть определенные доказательства и аргументы противной стороны; что есть определенные сомнения в том, что противная сторона является автором определенных действий. Там есть потрясающие документы. Ну все же знают, например, что нашли какое-то письмо-инструкцию на арабском языке в багажнике автомобиля, в газетах после 11 сентября об этом писали. А что это за инструкция, ее кто-нибудь читал? В этой книге она приводится. Или вот говорят: «Бен Ладен,

Бен Ладен...» Вот выступил он по каналу «Аль Джазире» с речью. Но сама речь, по крайней мере у нас, нигде не публикуется. Там есть, например, радиоперехват разговора Бен Ладена с муллой Омаром по мобильному телефону. Что они обсуждают? Очередной теракт? Нет, они обсуждают сон, который видел Бен Ладен. А Омар помогает Бен Ладену истолковать этот сон, понять его мистическое значение. И так на четырех страницах. И ты погружаешься в атмосферу просто «Тысячи и одной ночи», какая-то суфийская притча-сказка сплошная. А это реальные факты, из материалов ЦРУ, которые были опубликованы. Зачем мы это публикуем? Расширение взгляда на вещи, знание всегда спасает от манипуляций. Чем больше у тебя информации, чем больше ты понимаешь, тем труднее твоим мнением манипулировать. Мы, допустим, хотим издать биографию М. Кахана на русском языке. Это очень интересная история для понимания того, что называют конспирологией. В теории манипуляции часто создание концепта является фактически созданием организации или структуры. Движение «Ках» — это партия. Официально запрещенная в Израиле как нацистская. Самого Кахана убили в Нью-Йорке во время террористического акта, покушения. В 1960–1970 годы эта партия сильно на шумела. Люди Кахана еще устраивали провокации на всех гастролях советских артистов, потому что евреям не разрешали из СССР уезжать в Израиль. Но суть не в этом. В свое время были созданы «Протоколы сионских мудрецов». Допустим, что это провокация царской охраны, да? Я тоже считаю, что это провокация охраны. Но проходит буквально пятьдесят лет, и появляется Кахане. И партия, которую он возглавляет, в точности соответствует «Протоколу сионских мудрецов».

ВП: Как в романе Умберто Эко, получается...

ИК: Именно. Умберто Эко очень убедительно показал этот механизм в «Маятнике Фуко». В мире образов очень интересные вещи происходят. Если я скажу «Я построил дом», а ты по этому адресу придешь и не увидишь дома, то или ты решишь, что я сумасшедший, или ты решишь, что сам сошел с ума. Тут

уже все зависит от крепости психики и силы убеждения каждого из нас. В любом случае, ты будешь считать, что дома нет, а кто-то сошел с ума. В мире образов все совсем не так. Если я сказал, что есть тамплиеры, они скоро появятся. Как и показано в «Маятнике Фуко». (*Смеется.*) И вполне понятно, почему. Виртуальность не знает границ сопротивления физических законов. На уровне социальном, если выбрасывается некая идея, кто-то ее обязательно подхватывает. Причем, я не уверен, что Кахана читал эти «Протоколы сионских мудрецов». А вся его логика была такая: «Нас, евреев, обвиняют в том, что мы такие-сякие. Да, мы такие». И организация «Ках» официально проповедовала о превосходстве еврейской нации над всеми остальными, о необходимости того, чтобы она правила всем миром, а все остальные были бы у нее в подчинении вплоть до рабовладения и т. д. Очень показательная история, которая не сводится к простому сионизму или антисемитизму, а которая просто говорит о том, что ни одна идея не запретна ни для кого.

Символическая манипуляция приводит к тому, что и евреи могут быть нацистами. Феминистки могут быть мазохистками и т. д. У нас пытаются все поделить на черное и белое. А на самом деле все находится в постоянном диалектическом процессе, вещи перетекают одна в другую. Что такое стереотипы в западном понимании (потому что у нас слово приобрело несколько иное значение)? Это постепенное вырождение каждого слова и образа до самого примитивного: «у негра большой х** и он хорошо играет в баскетбол, а, так он почти животное, и в принципе, я ничего против них не имею, но лучше бы их не жило в нашем квартале». Это характерный пример. Уже давно замечен психологами кажущийся парадокс: чем глубже у человека интерпретация любого образа, тем легче ему подменить один образ другим. Чем ближе он к этому стереотипу, тем легче его самого можно убедить, что это не негры, допустим, такие, а... молдаване. Человека, который знает довольно много про негров (кроме этого стереотипа), никогда не убедишь ни

в чем подобном, не заменить в нем образ негра образом молдаванина. И, конечно, в интересах манипуляции — создание стереотипов одномерных, одноклеточно мыслящих людей, которыми удобно манипулировать. Человеку не дают задуматься. И само мышление абстрактное спекулятивно объявляют пустой тратой времени.

ВП: В каких отношениях находится издательство с политическими силами? Насколько я знаю, вы симпатизируете национал-большевикам?

ИК: Дружба имеет место, но это не означает партийной принадлежности. Мы не ассоциируемся ни с одной из политических сил. Потому что наша платформа значительно шире, чем любой партии. И мы не занимаемся непосредственно организационной работой с массами. Примкнув к кому-то, мы автоматически потеряем возможность работать с другими силами, стоящими на других позициях, которые нам близки и интересны. А вообще, я бы с удовольствием напечатал любую книгу представителей, ну скажем, либерального, правого крыла, которая бы убедительно показывала ситуацию с либерализмом в современном мире и в России. Ведь либерализм хоть и по-прежнему на знамени, и им трясут и перед нашим носом, и в «большой семерке», реально он везде не является господствующим дискурсом.

ВП: Вопрос про ваше собственное поэтическое творчество. Помню, как ксерил в Ленинской библиотеке ваш поэтический сборник, вышедший в начале 1990-х весьма ограниченным тиражом с иллюстрациями Вячеслава Бутусова. Тогда эту книжку невозможно было достать, а теперь и подавно.

ИК: Могу сказать, что у меня самого его тоже нет.

ВП: Почему она не была переиздана, и не планируете ли вы издать какой-то новый сборник, тем более что есть теперь свое издательство?

ИК: Ну нет. Я вот против этого. Нехорошо это — пользоваться служебным положением.

ВП: То есть если бы предложило другое издательство, вы бы согласились? Тем более что наверняка есть что издать.

ИК: (*В задумчивости.*) Ну да, есть..., Меньше, конечно, чем хотелось бы, объем не так велик. Я очень мало пишу, на самом деле. Было предложение издать, от «Азбуки» оно исходило, года четыре назад, но что-то заглохло, потеряли с ними контакт. Потом разговаривало со мной «АСТ». Но все как-то не заходят достаточно далеко в этом процессе.

ВП: Насколько я знаю, в свое время у вас был довольно серьезный конфликт с Михаилом Козыревым, гендиректором «Нашего радио». И те не менее, прошлым летом на «Нашествии» вы приняли участие в проекте возрождения «Наутилуса Помпилиуса». Как он вас уговорил?

ИК: Конфликт с Козыревым был лично мой, а не группы «Наутилус». Там ведь еще много людей, помимо меня, в группе. Я не хотел подводить музыкантов. Ну и что, что Козырев был организатором фестиваля? Мы с ним там даже и не встретились. Более того, увидев, что я буду выходить на сцену, объявлять «Наутилус», Козырев уехал с фестиваля. Он же поссорился и с Гройсманом. Гройсман сказал, что я должен обязательно выйти, Козырев сказал: «Только через мой труп».

ВП: То есть на этом фестивале конфликт не исчерпался, а, наоборот, усугубился?

ИК: Да, отношения с Козыревым остаются точно такие же. Мы так и не виделись с того времени, когда случился этот конфликт.

ВП: Как это случилось и как это выглядело?

ИК: История конфликта на самом деле, не красит ни одну из сторон. Но я считаю Козырева достаточно мерзким типом, на человеческом уровне. А на уровне идейном, политическом, я просто считаю его одним из тех самых гадов, которые строят нынешнее «прелестное» общество, в котором мы живем. Я не жалею о конфликте, я жалею о форме, в которой он произошел. Потому что пьяная драка — это не самая красивая форма джихада из возможных. (*Смеется.*)

ВП: Как это все случилось?

ИК: Ну, я просто сказал Козыреву то, что я о нем думаю, потому что я был пьян и потому что он хамил мне. И этот спор перерос в драку. Причем в массовую, там было много участников. Это случилось на фестивале «Старый новый рок», который проходил в 2003 году в Екатеринбурге.

ВП: Как вы отнеслись к идее возрождения «Наутилуса» на единственный концерт?

ИК: Без энтузиазма, но и без осуждения. Людям иногда хочется собраться вместе, вспомнить старое время, Слава пошел им навстречу.

ВП: Результат-то был просто фантастическим!

ИК: (*Морщится.*) Да ну! Результат лишний раз доказал мне, что все это прошло давно. Я смотрел на это и думал, что все это уже смешно. Усталые взрослые дядьки надели эти сапоги, френчи.

ВП: На ваш взгляд, рок-музыка сейчас реально может что-то менять в умах слушателей, или она превратилась в консервативную форму, как джаз?

ИК: Все съедено. Форма должна постоянно меняться. Я помню, когда появилась электронная музыка и говорили «Ой, это ужас, молодежь дергается под это “дум-дум-дум”», — я говорил, что все дураки, и что «Продиджи» — это «Дип Перпл» сегодня. Я сразу изменил ориентацию музыкального вкуса в начале 1990-х. Точно так же я считаю, что сейчас эта движущая функция переходит в чему-то еще, к литературе, к медиа.

ВП: Почему, скажем, наши рокеры, которые в 1980-е очень чутко реагировали на все происходящее вокруг, сейчас, например, не поют о Чечне?

ИК: Проблема в том, что о Чечне не поют, но ведь о ней и не пишут. Я имею в виду не сугубо политический аспект и не сугубо массовую мифологию (какой-нибудь «Бешеный в Чечне»), а вот таких серьезных художественных произведений почти нет. И потом любой, кто даже пытается что-то такое делать,

вытесняется нынешней монополизированной системой музыкального рынка. Сейчас это стал один конгломерат. А мифология о том, что музыку нужно играть, чтобы хорошо деньги зарабатывать, еще не разрушена. В России же был уже такой момент — когда до появления Ленинградского рок-клуба, прочих независимых объединений, профессиональные музыканты, группы становились филармоническими и ездили, как какой-нибудь «Аракс» или «Машина времени», с компромиссным материалом на гастроли.

ВП: Их легализовывали таким образом, подчинив в какой-то степени себе..

ИК: Да, сейчас происходит то же самое. Просто процесс еще на ранней стадии. Рано или поздно наберется достаточное количество талантливых людей, которые не заходят находиться в этой системе.

ВП: Такой процесс уже происходит.

ИК: Происходит. Но пока слабоватенько. Я ведь слежу за тем, что происходит в Сети со всеми независимыми проектами. Тут две причины. Во-первых, изменилась сама ситуация. И люди еще не готовы к тому, что снова нужно жить по подпольным законам.

ВП: Но все же новый андеграунд возможен.

ИК: Да, но его формы, очевидно, будут другими. То, что я считаю самым большим достижением нового андеграунда пока, — это проект «Политтехно» Алексея Вишни. Вот это новое веяние, потому что изменились средства, форма. Конечно, теперь все другое. Сейчас если кто-то выйдет с гитарой, запоет что-нибудь типа «сказочный остров скрылся в тумане», то, независимо от содержания, — пусть это будет тысячу раз про Чечню, — это не будет протестом, потому что сама эта форма архаична. Ведь любое послание, любой «мессидж» искусства не состоит из галимого сюжета и содержания. Если форма «съедена», если она ассоциируется уже с чем-то устаревшим, то она не будет работать на восприятие.

ВП: Новый андеграунд может сейчас сформироваться из каких-то альтернативных сайт-проектов, из независимых студий звукозаписи?

ИК: Может-может! Он может развиваться даже из деятельности известных, раскрученных людей. Как вытеснили, допустим, сейчас Ваню Шаповалова в андеграунд. Так что альтернатива идет не только из двора, из подвала. Возможна и обратная ситуация...

ВП: Но он же сам себя дискредитировал.

ИК: Чем?

ВП: Последовательной деградацией и цинизмом своих проектов.

ИК: А мне его последний проект «НАТО» очень нравится. Что в этом циничного? Русская девочка (что самое смешное, а вовсе не таджикская), поет таджикскую народную песню в традиционном мусульманской наряде. Это правильно как провокация. И даже грубость того, как это сделано можно простить. Этим проектом он лишь показал обществу: «Вот ваш страх, вот такой монстр, который напрямую связан с шахидками-смертницами. Вы его создали в своем сознании, я его вам лишь показал».

2005

Нормальный оппортунизм

«Все, что ты знаешь — ложь!» Это лозунг издательства «Ультра. Культура», выпускающего литературу, которую можно назвать нон-конформистской — прозу и поэзию, социологические трактаты, биографии и даже энциклопедии. При этом его основатель и главный редактор Илья Кормильцев не отвергает правил, по которым живет общество потребления, он сам раскручивает свой бренд.

Автор текстов лучших песен «Наутилуса Помпилиуса», одной из самых кассовых рок-групп 1990-х, до сих пор не имеет автомобиля, пользуется старой моделью Sony Ericsson и принципиально не участвует в проектах, нацеленных на получение прибыли. «Я никогда не был и не хочу быть совладельцем какого-либо бизнеса, потому что мне дорога участь составляющих меня психических элементов», — поясняет Илья Кормильцев.

Сейчас «Ультра.Культура» выпускает второе издание «Потреблятельства» Джона Де Граафа — книги о синдроме изобилия (в оригинале — «Affluenza»). Если убрать слова «Америка» и «американцы», то ее отдельные фрагменты очень похожи на описание ситуации в современной России: «В период экономического взлета мощный вирус поразил наше общество, угрожая нашим кошелькам, дружеским отношениям, нашим семьям и нашему окружению. При отсутствии лечения болезнь вызывает состояние постоянной неудовлетворенности, которое является результатом упрямой погони за новыми приобретениями. В ущерб другим ценностям, мы делали это, начиная с 1980-х годов, подобно голодным детям, оказавшимся у шведского стола...» По словам Кормильцева, уже разошлось 5000 экземпляров «Потреблятельства»: «Это, конечно, еще не бестселлер, но весьма неплохо продающаяся книга».

Иван Пересветов

ИП: Илья, многие люди, заработавшие миллионы на вовлечении других в потребительские игры, сами на определенном

этапе становятся равнодушны к вещам. Это что, осознание бессмысленности потребительства?

ИК: Скорее, свидетельство того, что они перешли в другой разряд потребителей — начали потреблять чистый капитал. Им становится все равно, потому что они уже находят удовлетворение не в вещах, а в цифрах — в количестве нулей на бумаге. Это уже область высоких соблазнов, которая пропускает к себе немногих.

ИП: А вы сами считаете себя потребителем? И случалось ли вам попадаться на те приманки, которые расставляются для потребителей? Например, пользуетесь ли вы дисконтными картами?

ИК: Пользуюсь, если мне их дают. Почему нет? Само по себе потребление — совершенно естественное человеческое свойство. Разумеется, я потребитель, и на меня тоже могут подействовать какие-то маркетинговые уловки. Консюмеризм — это не потребление как таковое, а его социальный аспект, когда благополучие общества измеряется исключительно через уровень потребительского спроса и объем потребляемых материальных благ. Не задаваясь вопросом, являются ли они на самом деле благами. Есть большая разница между потреблением и «потреблятельством», когда ты покупаешь, подчиняясь неким бессмысленным импульсам, а не реальным потребностям, физиологическим или психическим.

ИП: Большая часть ваших книг — это литература, оспаривающая стандарты и правила общества потребления. Но, с другой стороны, вы сами, как руководитель издательства, следуете этим правилам — ведь магазины не будут работать с тем, кто не гарантирует регулярное обновление ассортимента и устойчивость спроса. А для этого нужен поиск авторов, реклама, презентации и так далее...

ИК: Противоречие здесь кажущееся. Живя внутри определенного социального формата, ты не можешь воздействовать на него никаким другим образом, кроме как используя те под-

ходы и приемы, которые этот формат предлагает. Нормальная ситуация: есть некая задача — она в будущем, и некий инструментарий — он в настоящем. Вполне естественно, что ты им пользуешься. Это нормальный оппортунизм, который является залогом успеха любой деятельности, как конформистской, так и неконформистской.

ИП: У вас неплохие для молодого издательства темпы — две-три новых книги в месяц. Это по причине приличного стартового капитала или достаточной текущей прибыли?

ИК: К счастью, для запуска издательства нужны не такие уж большие деньги по сравнению с другими СМИ. При успешном вложении сроки оборота капитала довольно высоки, хотя норма прибыли достаточно низка. Мы уже вышли на самокупаемость (первую книгу «Ультра.Культура» выпустила в ноябре 2002 года. — *Прим. «Ко»*). Наши книги расходятся тиражами от 3000 до 20 000 экземпляров, хотя они недорогие.

ИП: У ваших книг привлекательный дизайн...

ИК: Мы с самого начала рассматривали книгу не как текст, а как продукт, и думали о брендинге. За счет острой тематики, вероятных конфликтов и соответствующего резонанса в медиа мы хотели создать бренд, который позволил бы представлять как радикальные даже те тексты, которые, объективно говоря, радикальными не являются. Если брать переводную часть нашего каталога, то все эти книги успешно продаются на Западе и не вызывают там ни малейших скандалов.

ИП: То есть конфликт с Федеральной службой наркоконтроля — это был маркетинг?

ИК: Нет, ни одна из тех акций, которые предпринимались властями против нас, нами не планировались. Но их возможность предполагалась. [В прошлом году ФСНК заставила «Ультра.Культура» отозвать из продажи книгу «Марихуана: запретное лекарство», заподозрив в ней пропаганду наркотических средств. — *Прим. «Ко»*.] Мы нарочно выбрали темы, которые находятся у нас — в обществе, провозглашающем себя,

по крайней мере, устами правительства, либеральным — под негласным запретом. А также некие болезненные точки, существование которых позволяет считать российское общество в целом архаичным, несмотря на все изменения, произошедшие с 1991 года. Мы движемся к постиндустриальной цивилизации, но итог этого движения совершенно непредсказуем. Представьте себе ученика, которого перевели из первого сразу в десятый класс: кем он станет — непонятно. Но можно помочь ему осознать, что происходит вокруг, и подготовиться к экзаменам. Если говорить о просветительской стороне нашей деятельности, то к этому она и сводится.

ИП: Но ведь то же потребление — один из стимулов экономического роста и, соответственно, развития общества?

ИК: На самом деле внутреннее потребление сильно связано с разнообразием внутренней культуры. Когда нет диверсификации личных интересов, нет и нормального товарного рынка. Почему у нас до сих пор недоразвит рынок модной одежды? Потому что слишком мало людей, способных оценить реально стильную вещь, не обращая внимания на ее стоимость. У того поколения, которое стояло за сменой политического фона в начале 1990-х, была убежденность, что «нам нужно только дефицит устранить». Оказалось, что дефицит, перефразируя профессора Преображенского, он не на полках, а в головах. И вот этот мозговой дефицит сейчас очень ярко проявляется. При всех своих огромных экспортных доходах страна-то выглядит убого. Поиск объединяющей идеи сводится к переписыванию гимна и размахиванию иконами. Политический истеблишмент даже не пытается предложить футуристический облик России. У людей начинается определенный спад ожиданий, в том числе и в потребительской области, в отличие от эйфории, которая была еще пару лет назад. Они начинают жаловаться: «Нам скучно, на самом деле у нас еще многого нет...» О каком развитии можно говорить, когда телевизионный эфир полностью монополизирован, а радиальный поделен между несколькими холдингами? Схожая ситуация и в издательском бизнесе. Что с музы-

кой творится — вообще грустная история. Подбор продуктов, как на оптовом рынке. А ведь культурное потребление — это великая вещь. Можно убедить обычного человека купить пять пар ботинок, потому что они модные и подходят для разных случаев, но купить 50 способен только одержимый. У потребления материальных благ всегда есть некий упор. Культурные же запросы теоретически неограниченны.

ИП: Получается, что диверсификация интересов, которой вы по-своему способствуете, выгодна тем же товаропроизводителям? Подозреваю, у вашего инвестора есть неплохой бизнес, достаточно прибыльный, чтобы вложить деньги в «Ультра.Культуру». Но вряд ли он стал бы учредителем издательства, если бы не разделял ваших взглядов...

ИК: Ну, я не вправе рассуждать о мотивах нашего инвестора. Могу сказать, что он занимается полиграфическим бизнесом. Ему скучно и неинтересно в той деловой и чиновничьей среде, где он работает, он хочет быть причастным к рождению чего-то нового. Подобные духовные запросы, я думаю, есть еще у многих бизнесменов. Люди, устроившие свою жизнь, начинают понимать, что атмосфера вокруг становится какой-то пустой. Дело не в политическом режиме и не в правах человека. Нынешний режим явно менее тираничен, чем многие из существовавших в этой стране. Дело в том, что скучно, серо. Даже за кремлевской стеной, похоже, почуяли, что этот тотальный вакуум, скука, отсутствие каких-либо идейных порывов угрожает им самим. Говорят, будто недавно Вячеслав Сурков вызвал к себе крупнейших музыкальных промоутеров и озадачил их вопросом: нельзя ли сделать так, чтобы молодежь развлекалась в наших интересах?

ИП: Так молодежь уже развлекается, одна «Фабрика звезд» чего стоит...

ИК: Наоборот, наверху начинают понимать, что такой подход не работает, в первую очередь не создает электоральный ресурс. Потому что те, кто все эти «Фабрики» смотрит, и так

проголосуют, как надо. Проблема в тех, кто не смотрит телевизора и не слушает никакого радио, — их становится все больше.

ИП: Вероятно, они-то и читают ваши книги? Вы пытались изучить свою аудиторию?

ИК: Нет, это довольно сложно и дорого. Нормальное исследование стоит бюджета пары книг. Вообще, это классический маркетинговый подход — вообразить сначала целевую группу, а потом подумать, что бы ей предложить. Такой подход развился из-за страха, воплощенного в крупном корпоративном капитале, — вдруг денежки не вернутся? Я считаю, что начинать нужно с продукта. Качественно новый продукт сам по себе формирует целевую группу. Мы предлагаем некую информацию, которая, как мы считаем, должна быть на медийном рынке. Ее покупают, и покупают неплохо. Значит, она кому-то нужна.

Журнал «Компания», 2005

Девальвация скандала

ИК: Нет, я не затеял этой истории! Просто я считаю, что под влиянием скандала, как формы PR, и скандала, как формы художественной деятельности, девальвировался и традиционный скандал. Вот, например, я понял, что наши силовые ведомства уже тоже усвоили эту политику (а не только художники), что они действуют, руководствуясь постмодернистскими принципами: они конструируют скандалы с целью продемонстрировать свою работу. Форма этого акта и является его содержанием, «media is the message», т. е. за ним ничего не стоит...

Интересно, что пропаганда секса и насилия всегда идет в одном предложении. То есть авторы этой нормы подразумевают, что добровольный секс — дело невозможное. Им, очевидно, никто не дает добровольно, вот у них и подсознательная проекция: обязательно секс, насилие, иногда присоединяются наркотики, формируя триаду, но обычно наркотики выделяют в отдельное производство. Итак, пропаганда секса и насилия, удивительно, да? Политика — это продолжение искусства другими средствами. В результате получилось, что никакого скандала вроде бы как и не было. То есть такое ощущение (если следовать каким-то шизофреническим, параноидальным версиям теории заговора), что они нас сперва вот так всех дезавуируют, крича «волки, волки!», хотя волков никаких нету, создавая фиктивные скандалы, чтобы народ ходил вокруг и говорил: «Ну это понятно, это у них PR такой, это они себя так раскручивают». А потом возьмут и как всех в один день прихлопнут, и все закричат «волки!», а никто не поверит.

Но я не думаю, что на самом деле так устроено. Все устроено гораздо проще. Все люди в этом мире, включая работников

таких примитивно-интеллектуальных профессий, как правоохранительные органы, усвоили главную истину современного существования: главное не что происходит, а что говорят. И они вот эту мысль, несмотря на то, что они вроде бы философов французской школы не читают, не ходят на перформансы, на вернисажи, где-то успели ухватить... Схема проста: «раз и». Таким образом, очевидно, что художникам в нынешней сложившейся ситуации надо действовать серьезно, чтобы от их деятельности были реальные последствия: крушить так крушить, взрывать так взрывать. Потому что после того, как методы виртуального PR полностью профанированы и приватизированы властью, можно сказать, что для художников это уже второй сорт, что это становится дешевым эпигонством. То есть надо поменяться местами. Например, собраться как-нибудь большой группой художников, прийти в отделение милиции и свинтить их всех по-настоящему. Вот это будет смешно!

*Фрагмент аудиопроекта
«Диалоги на Пресне», 2005*

Культурный андеграунд или андеграундная культура. История одного издания

Илья Кормильцев — поэт и переводчик, мастер кратких и очень выразительных поэтических образов, участник различных музыкальных проектов. Больше известен широкой публике как автор текстов известной свердловской рок-группы «Наутилус Помпилиус» и один из активных создателей советской рок-культуры.

Несмотря на то, что «рок-н-ролл мертв», протест против определенных устоев общества по-прежнему живет, но выражается этот протест уже в других сферах, например, в деятельности скандального «контркультурного» издательства, отличающегося своей экстравагантностью в выборе тем и авторов. «Ультра.Культура» — что-то вроде скальпеля в руках хирурга, предлагающего вскрыть язвы на теле общества, которое в России потеряло четкие общественные ориентиры и в политике, и в экономике, да и вообще во всей жизни. Но ведь даже у первоклассного хирурга может дрогнуть рука, иногда от усталости, а иногда и от отчаяния...

Илья Кормильцев рассказывает о деятельности скандального московского издательства «Ультра.Культура».

Любовь Мейнерт

ЛМ: Ты работаешь как переводчик, редактор, общественный деятель. Сколько на твоём счету переводов?

ИК: Переводов большой формы (романов) — 27, в основном с английского языка, также с французского, итальянского.

ЛМ: Кроме того, ты пишешь стихи, прозу и постоянно участвуешь в каких-то дискуссиях...

ИК: И еще помогаю своей жене в ее музыкальных проектах. Я и сам бы с удовольствием работал в каких-то музыкальных проектах, но в этой сфере сейчас ситуация очень плохая, гораздо хуже, чем в литературе. Там силы сопротивления исчерпаны гораздо в большей степени.

Сейчас активно участвую в становлении мусульманской художественной литературы на территории России.

От контркультуры к ультра-культуре

ЛМ: Как ты оказался в издательском бизнесе?

ИК: Нас было три человека, и мы в 1999 году затеяли проект «Классика контркультуры» с издательством «АСТ», с которым совместно выпускали «оранжевую серию».

Она до сих пор популярна, хотя в настоящее время мы не имеем к ней никакого отношения. В этой серии вышли все основные романы Ирвина Уэлша, Дугласа Коупленда, начиная с «Поколения икс» и последующие, Чака Паланика «Бойцовский клуб» и другие его романы. Было издано очень большое количество известной альтернативной контркультурной литературы, например, Хантера Томпсона «Царство страха», «Страх и отвращение в Лас-Вегасе», «Ромовый дневник» — словом, вся классика англо-американской литературы андеграундного направления.

ЛМ: По какому принципу вы отбирали произведения?

ИК: По вкусовому принципу, чтобы произвести определенное впечатление, которое как раз термином «андеграунд» и характеризуется. В англо-саксонской культуре «андеграунд-фикшен» — это традиция, которая начинается задолго до 20 века, и, как правило, начинается с Достоевского. Потому что у них такие писатели, как Достоевский, Кафка, лежат в той же самой плоскости.

ЛМ: В плоскости андеграунда?

ИК: Да. Это не только послевоенная англо-американская литература, которая обычно связана с понятием битничества

и контркультурной революцией 1960-х. Это тенденция, корни которой уходят к ранним романтикам и к началу 19 века, тенденция, которая была порождена как духовная оппозиция, вызванная к жизни Великой французской революцией.

ЛМ: Вы издаете книги, в которых показываете весьма неприглядные сферы жизни?..

ИК: Нет, книги очень разные. Некоторые из них совсем даже не шокируют по нынешним временам... Тут все зависит от исходной философской позиции. Для меня вся человеческая жизнь неприглядна. Чем эти стороны жизни более неприглядны, чем всякие другие? Например, бизнес гораздо более непригляден, чем даже сексуальная жизнь человека, с моей точки зрения. Все зависит от точки зрения!

В андеграунде очень много есть и лирико-сентиментального начала. Можно ли назвать шокирующим в наше время того же Керуака? Они просто говорят об определенном отношении к миру. И не потому, что там коммунизм или фашизм, капитализм или социализм. Ставится под сомнение вообще человеческая цивилизация как таковая, ее метафизические ценности, ее обоснованность. Критике подвергается само понятие человека по Протагору как мерила всех вещей.

Этим книгам присущ антигуманистический посыл, если гуманизм понимать не как признание за человеком права на существование, а как попытку выставить человека в качестве основного оправдания, источника социальных ценностей.

И в этом смысле меня всегда удивляет, каким образом традиционно считающийся полем деятельности богборцев андеграунд, литературный и культурный (или его еще можно назвать постромантизмом в каком-то смысле), который считался всегда окрашенным в inferнальные или сатанинские тона, как он смыкается с фундаменталистскими течениями в религиях в общей оценке ситуации?

А также меня всегда привлекала игра правого и левого, которые сближаются в определенной точке критики. И место этой встречи — вопрос о предназначении человека.

Политический демарш в блестящей упаковке

ЛМ: От «Классики контркультуры» всего один шаг до «Ультра.Культуры».

ИК: В какой-то определенный момент мы увидели, что проект «ККК» слишком тесен. Главное — не определенные книги, а отсутствие посвященной той же тематике крайней критики гуманитарного дискурса, исследования человека в его самых крайних и радикальных проявлениях на «сломе гуманного». По этой теме исследовательской, социологической, политологической, психологической литературы очень мало. Недостаточно информации, и она разрознена. Мы поняли, что художественная литература — это еще не все. Главная задача — давать подобную информацию именно в научно-популярной форме.

Но эту задачу уже никак ни одно из существующих издательств, с которыми мы сотрудничали в то время, не могло выполнить. Потому что на тот момент это никого не интересовало.

Да и книжки наши самим им, конечно, не нравились, потому что это русские буржуа. А русский буржуа чудовищно консервативен, даже по сравнению с европейским. На самом деле, никакой он не русский буржуа, он — советский буржуа! Его идеал, который путинский строй сейчас воплощает в жизнь, чтобы товаров было как на Западе, а отношения между людьми были как при совке.

Скрипя зубами, издавали эти книжки, потому что они приносили большую прибыль, очень хорошо продавались. Более того, многие из современных английских авторов, не буду делать из этого большой тайны, имеют в России намного большие тиражи, чем в Великобритании (про классиков так не скажу).

Эта литература хорошо пошла. Она легла на определенную прослойку читателей — интеллектуально-социальную и далеко не подростковую. Скорее, речь идет о молодых рассерженных интеллектуалах — поколении, которое пришло в мир постсоветский, думая, что они попали в мир свободы. И когда они поняли, что попали не туда, куда им обещали и рекламирова-

ли, они оказались в состоянии постоянной и долговременной фрустрации как в плане своих социальных, так и экономических амбиций. Вот этой категорией молодых людей в возрасте от 20 до 35 лет в постсоветском пространстве такая литература и стала востребована. Конечно, в основном в ее наиболее популярных попсовых формах переводных писателей (типа Фредерика Бегбедера), которые о том же самом пишут без больших философских выводов, воплощая офисную фрустрацию или офисную злобу молодого человека, которому приходится удовлетворяться тем, что он может только мечтать убить босса. Вряд ли он когда-нибудь он осуществит это в действительности. Выход ему и дает эта литература, в которой описывается, как такой же молодой человек босса убивает на самом деле.

Но мы решили пойти дальше, определив, что «фикшен» — это только фикшен в сторону серьезного политического, культурологического знания и просвещения.

Эту задачу уже не могло решить ни одно издательство, никто не давал на это денег. И тут нашелся сумасшедший независимый издатель Александр Бисеров, который не входит ни в какие крупные объединения, медийные или олигархические. Несмотря на все усилия последних шести лет, такие отдельные независимые средние капиталисты все равно существуют. Пока... Особенно в провинции. И могут позволить себе определенную степень свободы.

Человек сам по себе интересный и экстравагантный, насколько это возможно для владельца консорциума и директора одной из крупнейших типографий, по натуре тоже бунтарь, оппозиционер, он страстно захотел этим заниматься. Сказал, что это ужасно интересно. И его не смутили книжки, которые мы собираемся издавать. Это, наоборот, здорово! И если из-за них кого-то будут арестовывать, привлекать — тем лучше...

В общем, согласился инвестировать это предприятие. Так летом 2002 года было создано издательство «Ультра.Культура». И вышла первая книга, Лимонова, тюремные дневники (он тогда сидел).

Они хотят быть услышанными

ЛМ: Ваше издательство периодически выбрасывает на российский рынок весьма скандальную литературу на «злобу дня». Есть ли у вас какая-нибудь любимая тематика?

ИК: Мы все время в движении, мы все время покидаем зоны, которые нас перестают интересовать.

Как Лимонов, которого мы печатали, пока он сидел в тюрьме. Как только он освободился из заключения, мое отношение к нему ничуть не изменилось (и уважение, и прочее), но как лидер партии, не угнетаемый и на свободе, он нас мало интересует, потому что он включен в существующую социальную систему. Он уже не есть «за пределами», мученик, и он вправе выбирать. А пока он сидел, ведь никто другой, кроме нас, не соглашался его напечатать, ни одно издательство, в ужасе, в страхе, что к ним придут, скрутят. Совки — очень трусливые люди...

Мы напечатали, пока Лимонов был в тюрьме, его пять книг, продали их общим тиражом около 100 тысяч экземпляров. И все живы, никто не арестован.

ЛМ: Несколько слов о «Скинах».

ИК: Пришел молодой человек характерной наружности, мрачный, неразговорчивый, коротко стриженный. В черных ботинках с белыми шнурками. Сказал: «Я вот книжку написал». Хлобыстнул грязной папкой с пачкой листов, распечатанных на разных компьютерах разными шрифтами, и удалился.

Мы начали читать, поняли, что это очень интересно, потому что написано человеком «изнутри». Практически, не отрефлексировано, и, в общем, достаточно талантливо. Книга, конечно, претерпела большие изменения, потому что у автора не было опыта. Просто сокращена в четыре раза, то есть исключены однотипные эпизоды — однотипно выбитые зубы. Но ни одного слова не дописано, и ничего не изменено. Автор писал, как он думал. И это реальный собственный нестеровский текст. Редактор работал только для того, чтобы текст не был бесконеч-

но огромным, как Илиада такая скиновская, чтобы оставить только самый сок и самую суть того, что автор хотел сказать.

Нам эта книга очень понравилась, несмотря на то, что наше издательство все-таки интернациональное и космополитическое, а не националистическое. И хотя мы — люди разных политических убеждений, но правых националистов как-то в издательстве не наблюдается. Но мы поняли, что книга очень нужная.

Ну, ходят там какие-то скины, но кто это, какая социальная среда, какое внутреннее самосознание, менталитет, какие традиции — об этом можно прочитать только в желтой прессе. Причем все журналистами переврано. А роман — физиологический документ, из которого сразу понятно, как туда попадают, чья вина (или наоборот, чья заслуга), если вы — скин. Тогда мы еще не знали Емелина, он гораздо короче все это в своих стихах излагает, чем Нестеров в романе, в 10–12 строчках, но мы понимали, что речь идет о мести, реальной мести. О ткани, которую безумный русский беспощадный и бестолковый неолиберализм вырастил сам в себе.

Жадность и беспардонность наших либералов-скоробогатеев, естественно, не могла не вызвать этот националистический откат. Они сами себе соорудили убийц за спиной, при поддержке которых официальный режим, смягчив не совсем приемлемые для международного рынка какие-то формулировки, может опереться на серьезную националистическую базу. Что и произошло, потому что народ, конкретно, беспардонно и очень пошло обворованный, обижен. И как это преломляется в сознании подростков из спальных районов?

В романе есть и очень смешные страницы. Книга не столько трагична, а, на самом деле, трагикомична. Парни сидят и обсуждают: куда идти бить азеров понятно, всем известно, где они собираются, вьетнамцы — тоже известно, надо только с ментами на рынке договориться. Но вот еще есть евреи и педерасты, а где же они собираются? Как можно отыскать эти две категории врагов, сидя в московском спальном районе Бутово? Вот узнать бы, где они группируются, эти главные враги?

Книга, по-своему, очень честная. Нестеров сейчас для нас подготовил новую книгу, где он уже не автор, а составитель. Новое издание, я думаю, вызовет еще больший скандал и очень сложные отношения многих из нас со многими из наших знакомых. Оно называется «Правый марш» и представляет антологию правой националистической русской поэзии с начала 20 века до фашистского зарубежного русского подполья и современных скинов-ультра-националистов.

ЛМ: Тема не слишком традиционная в России в течение последних лет семидесяти. Вас не смущает отрицательный общественный резонанс?

ИК: Мы эту тему будем развивать до тех пор, пока существуют правые националисты, потому что дискурс должен быть услышан в чистой форме, не отрефлексированной и не отменированной властью через медиа. Люди их должны видеть такими, какие они есть, во всей наготе и неприглядности. И самостоятельно думать, что с этим делать, понимая, что при всем заблуждении этих молодых людей идеологические и метафизические корни их боли совершенно натуральные. И почувствовать ответственность за то, что они существуют среди нас, и за то, что они угрожают многим из нас, например, приехавшим в Россию людям другой расовой принадлежности. Что они реально убивают людей, что угроза, исходящая от них — это угроза, исходящая от тех же хозяев мира, не оппозиция им, а их творение, другая их рука. Вот одна рука там, в Страсбурге, балаболит со сцены, а другая рука железной заточкой каких-нибудь азербайджанцев бьет на окраине. А кукловод один и тот же, и там, и здесь...

Связанные одной целью

ЛМ: Какое место отводится исламской тематике в «Ультра. Культуре»?

ИК: Исламская тема неизбежна. В силу событий в современном мире она попала в разряд тем, которые выбрасываются

за пределы цивилизованного дискурса, по крайней мере, в определенных своих формах. Такой ислам, который соответствует формулировке: «нужны такие гоголи, чтобы нас не трогали, и такие щедрины, чтобы были нам верны», — такой культурный евроислам допустим, а какой-то другой ислам не допустим. Часть исламской мысли оказалась в полузапретном положении в настоящий момент.

ЛМ: Ваша нашумевшая книга «Невесты Аллаха» сейчас издается в других странах и на других языках?

ИК: Да, вышла в Италии, в Австрии для стран немецкого языка, есть уже голландское издание. Книга хорошо конвертируется на европейском рынке. Эта книга не совсем обычна для нас, потому что автор придерживается достаточно традиционных либеральных взглядов. Но, как честная журналистка, Юлия Юзик рассказала очень много вещей, которые было интересно опубликовать. Хотя общий тон автора не совсем характерен для нашего издательства, нас интересовало донесение определенной информации.

ЛМ: Издательство продолжает эту тему?

ИК: Да. Мы издали роман «Исламский прорыв» Дмитрия Ахтыря. В исламе он принял имя Муслима и сейчас воюет в Ираке на стороне повстанцев. С ним нет никакой связи уже около 9 месяцев, и неизвестно даже, жив он или нет.

Роман «Исламский прорыв» в России, наверное, является единственным художественным и, более того, детективным экшен-текстом, триллером, написанным с четких идеологических и пропагандистских позиций салафизма — такой Джеймс Бонд по-вахабитски.

Но есть и другая литература, где отражена веселая сторона исламского вопроса. Издательством опубликован иронический детектив с замечательным следователем Невского шариатского суда города Санкт-Петербурга Абдуллой Быхиным, который ведет следствие в полном соответствии с суфийскими притчами, шариатом, Кораном и сказками о Ходже Насреддине. Автор,

мусульманин, востоковед и юрист, знакомит читателя с исламским судопроизводством.

Очень интересен и автор рассказов и повестей Герман Сабдулаев, книга которого «Я — чеченец» должна выйти этой весной. Пишет очень болезненную военную прозу, очень страшную. Его позиция не прочеченская, не прорусская, она просоветская: «Зачем вы разрушили этот хрупкий мир, который был?» — Сабдулаев пишет от лица поруганной, растоптанной нации, которая никогда уже не будет прежней. Было взорвано братство между самими чеченцами, народ раскрыт изнутри, как русский народ после революции и гражданской войны. Автор не занимает ни чьей стороны, кроме стороны правды.

Да, мы будем продолжать исламскую тему. Она для нас очень важна. Я сам сейчас активно участвую в становлении светской исламской литературы в России, как председатель жюри конкурса художественной исламской литературы «Исламский прорыв», который состоится в феврале-марте этого года.

Прибалтика — центр эмигрантской культуры

ЛМ: В Эстонии ты бывал не один раз. Как ты оцениваешь ситуацию в Прибалтике?

ИК: Мне кажется, что вся Восточная Европа находится в очень сложной полосе своего существования. Ей, правда, не привыкать — это в каком-то смысле ее участь на протяжении веков. И Эстония тоже всегда между разными силами, разными ветрами.

Для меня самый главный смысл существования Прибалтики сейчас выражается в том, что Прибалтика стала для русской культуры и для русского языка «островом Крымом» нынешней эпохи. То есть в ней возникла какая-то другая русская литература, другой русский язык, другая русская культура, как во всех странах, где есть русская диаспора за пределами России, из чего может родиться очень интересная и очень позитивная вещь.

Без войны, без революции возникла новая эмигрантская культура, и Прибалтика — один из ее центров. Это очень важный дестабилизирующий в положительном смысле фактор, который будет постоянно разъедать попытку создать некую новую универсальную русскую идеологию, русскую национальную идею.

Зарубежная русская диаспора — важный сдерживающий балансирующий фактор, который может сыграть важную роль в дальнейшем развитии политической и культурной ситуации в самой России. И Прибалтика, безусловно, один из элементов этого противовеса, который ограничивает реставрационные имперские потуги Кремля.

ЛМ: Каковы дальнейшие планы издательства?

ИК: В такой бурной стране, как наша, никто не может предсказать, что будет даже через неделю. Но пока мы продолжаем деятельность в издательстве и надеемся, что нам удастся в ближайшее время запустить журнал левой направленности, который, я уверен, определенной группой людей будет востребован, и очень ожидаем.

* * *

Этим планам не суждено было сбыться. Испытывая внешнее официальное давление, издательство не смогло продолжать свою деятельность. Финансовые резервы были израсходованы, реализация продукции прекращена, издатель оказался в сложных отношениях с властью, сотрудники разбрелись по другим «проектам». А через полгода после этого интервью уже совсем больной Кормильцев уехал из Москвы в Лондон. Он не верил в смертельный исход, хотя уже тогда близким было понятно, что Илья обречен.

После его смерти наконец-то пришло официальное признание. В новостных шоу российских СМИ эту смерть определили в список «смертей года», наряду с известными и уважаемыми именами почивших в 2006 году деятелей науки и культуры,

написали кучу статей о талантливом поэте и официально провозгласили достоянием российской культуры. Вот уж поистине, нет пророка в своем отечестве, пока он жив.

Хельсинки, январь 2006 г.

Разные фрагменты интервью были опубликованы в периодических изданиях: «Молодежь Эстонии» (Таллин, февраль — март 2006), «Телеграф» (Рига, до смерти Ильи), «Лондонский курьер» (Лондон, февраль 2008 г.)

Никто не застрахован от столкновений с властью

Автор бессмертной строки «Ален Делон не пьет одеколон», Илья Кормильцев сегодня вроде бы занят тихим делом — издает книги. Однако, как и в 1980–1990-е, когда песни на его стихи пели культовые группы «Урфин Джюс» и «Наутилус Помпилиус», он на острие идеологической борьбы. К книгам, выходящим в его издательстве, имелись претензии и у спецслужб, и у прокуратуры. С корреспондентом «НИ» он поделился своим видением политической ситуации, а также дал ответы на традиционные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?»

Дмитрий Тараторин

ДТ: Илья Валерьевич, сейчас поднимался к вам в издательство на лифте в компании одного брателлообразного персонажа. Он, услышав на охране, что я иду к вам, начал вслух размышлять: «На чем люди деньги зарабатывают, не понимаю. Книжки какие-то непонятные печатают. Сатанисты к ним ходят». И внезапно его осенило: «А их Сорос, наверное, финансирует». В связи с недавним шпионским скандалом подобные умозаключения не кажутся вам угрожающими?

ИК: Да, если бы Сорос нас спонсировал... Нет, никакие неправительственные организации нам денег не дают. Шпионы тоже. Как говорится, скажите, где завербоваться, и мы сходим туда. Очевидно, ваш собеседник из лифта просто не понимает, что у людей могут быть иные, принципиально отличные от его, взгляды на жизнь. Отсюда и подозрения. А вообще шпионomanия — это проявление психической патологии. Как и любая, впрочем, мания. Люди, ею страдающие, убеждены: то, что им не нравится, не может происходить стихийно. Непременно

за всем за этим скрываются злокозненные силы. Строго говоря, и эта параноидальная точка зрения не является полностью ложной. Мир — сложное сочетание сознательных поступков и стихийных процессов. Беда наступает тогда, когда шпионomanия становится главным, а порой единственным фактором, определяющим видение реальности. Как бы подразумевается: «Все, что у нас есть плохого, придумали враги». Россия не раз проходила через такие формы массового психоза. Казалось бы, пора задуматься, заняться изживанием этого комплекса. Однако, как говорят психиатры, бред — это картина реальности, не поддающаяся коррекции при помощи логики. Поэтому воспоминание о том, что официальная параноидальная истерия не приносит ничего хорошего, не помогает избавиться от новых приступов этой болезни.

ДТ: Ну а как вашему издательству с его действительно, мягко говоря, необычным репертуаром — от черного мага Алистера Кроули до кумира леваков Субкоманданте Марко-са — живется в нашем подверженном указанной патологии обществе?

ИК: К счастью, пока далеко не все наше общество охвачено этим недугом. Есть немало людей, которым интересно знакомиться с отличными от общепринятых взглядами, которым интересны всякие странности, маргинальные, эзотерические вещи. И они имеют законное право получать подобную информацию, как и любую другую. Нельзя сказать, что мы подвергаемся каким-то целенаправленным гонениям. Конечно, столкновения с властью у нас были: и судебные дела, и прокурорские проверки на предмет экстремизма издаваемых нами книг. Но вряд ли проблем у нас существенно больше, чем у какого-нибудь ларечника, который пирогами торгует. Просто поводы разные. В обществе, в котором мы с вами живем, вообще никто не застрахован от столкновений с властью. Она у нас никак не может войти в отведенное ей русло. Государство Российское имеет склонность вмешиваться в то, что его вообще никоим образом не каса-

ется. Но наша основная проблема в том, что в самом обществе чрезвычайно распространено тоталитарное сознание, которое отторгает любую информацию, которая опровергает примитивизированную, самооправдательную картину мира. У нас очень многие люди просто не хотят знать...

Поэтому порой не то, чтобы власть запрещает нам что-то издавать, нет, торговцы сами отказываются распространять некоторые книги. Хотя ничего в них нет ужасного даже по самым пристрастным стандартам демократического общества. Мы, конечно, иногда этим восприятием пользуемся в провокативных целях. Но возможно это только у нас. В Европе ничего из ряда вон выходящего в нашей продукции не обнаружили бы. Кстати, у венерологов термин «провокация» применяется в ситуации, когда больному впрыскивают некое вещество, на которое организм отреагирует, только если болезнь не до конца вылечена. Вот и наша функция примерно такая. И если говорить возвышенно, то, когда наши книги не будут вызывать ни у кого вопросов, это будет означать, что общество избавилось от своих психопатологий. Пока, правда, на мой взгляд, как раз наблюдается обострение.

ДТ: Вы даете слово маргиналам всех направлений и окрасок. А сами вы кто по политическим воззрениям?

ИК: А у нас сейчас любой человек, исповедующий хоть какую-то идеологию, — маргинал. В стране господствует абсолютно безыдейный тоталитаризм. До сих пор с такой системой можно было столкнуться только в футурологических романах. А мои взгляды можно охарактеризовать как анархо-либерализм. В духе наиболее либерального крыла отцов-основателей Соединенных Штатов. Мои идеалы — Джефферсон, Торо. При этом моих убеждений не разделяет никто из членов нашего редакционного совета. У нас есть и левые, и эдакие футурологические киберлибералы, и правые радикалы. Все мы оказались на одном плоту в обществе торжествующего животного сознания.

ДТ: Это ваше мировоззрение сформировалось еще в период «Наутилуса»?

ИК: Да, а может быть, даже и раньше.

ДТ: И, к примеру, текст песни «Скованные одной цепью» тоже появился под влиянием этой идеологии?

ИК: Ну, если можно говорить об идеологической заряженности поэтических текстов... Они ведь не результат рациональной рефлексии, а плод откровения. Но если говорить о настроении, в котором они возникли, то да.

ДТ: А как бы вы прокомментировали полную безыдейность сегодняшней рок-среды?

ИК: Рокеры, кумиры прошлого исчерпали свое историческое предназначение. Просто доживают свой век...

ДТ: Но они тем не менее иной раз продолжают играть в околополитические игры. В Кремль вот не так давно ходили...

ИК: Ну, у них был чисто финансовый интерес. Раньше они так же ходили в какую-нибудь корпорацию за деньгами. Это идеологический шаг скорее со стороны администрации президента, а уж никак не рокеров. Заметьте, что людей, которые исповедуют какую-никакую идеологию (тех же Кинчева и Шевчука), там не было. В Кремль пришли просто артисты в расчете на очередную халяву. Они и в прежнюю администрацию ходили, но тогда это возмущения не вызывало. Возможно, потому что раньше на идеологическом поле было несколько игроков. А то, что сейчас этот жест рассматривается иначе, говорит о радикальном изменении социально-политической ситуации.

ДТ: А почему, на ваш взгляд, сегодня среди молодых групп нет ни одной по-настоящему культовой, нет среди них, что называется, властителей дум?

ИК: Потому что форма, которой они пользуются, уже устарева. Ну, допустим, я намерен вести борьбу против действующей власти. Беру манифест эсеров начала прошлого века, перепечатаваю его слово в слово и начинаю распространять. Этот жест будет забавен, но не более того. Резонанса он не вызовет. Нужен принципиально иной язык, иные аргументы. Так же обстоит дело и с рок-н-роллом. В 1980-е он играл протест-

ную роль в совершенно конкретном социально-политическом поле позднего Советского Союза. Хотя, замечу, импульсы, питавшие этот протест, были направлены вовсе не против того, для разрушения чего в итоге он был использован. Но так или иначе этот протестный заряд был отстрелян. А в Писании сказано: «Не наливают новое вино в старые мехи». Молодые люди, которые берут сейчас в руки электрогитары, занимаются именно этим. Но протест в каждую новую эпоху должен выражаться своими специфическими средствами.

ДТ: То есть рок-н-ролл сегодня принципиально ничем не отличается от эстрады, от попсы?

ИК: Абсолютно не отличается. Поэтому критики и не могут определить, в какой разряд вписывать многие ныне популярные группы. Тех же «Зверей», например. Да потом и в плане выразительных средств все, что было специфической принадлежностью рока, давным-давно используется эстрадой.

ДТ: А кто из отечественных политиков или идеологов вам близок?

ИК: Единственный из протестных мыслителей, кто, на мой взгляд, сейчас порой адекватно формулирует проблемы, — это Лимонов. Но эти формулировки присутствуют главным образом в его литературных и философских трудах, на конкретную деятельность нацболов они почему-то не влияют. Они ведь взяли на себя миссию защищать обездоленных. Но понимают этот термин не адекватно сегодняшней ситуации. Сейчас на первый план выходит духовная, а не материальная обездоленность. Ужасно, когда у стариков отнимают деньги. Но, на мой взгляд, страшнее, когда у молодежи отнимают будущее. Ведь человечество идет к космическому дефолту — к неспособности отвечать на все новые угрозы, которые будут возникать по мере развития технологий. Общество, не имеющее в себе никакого сверхбиологического потенциала, не способно им противостоять.

Сегодня вообще ведущей идеологией всех развитых стран становится не достижение чего-то, а выживание. Но мы знаем из классики военной науки, чем заканчивается переход в глу-

хую оборону для любой армии. А сейчас лидеры государств открыто говорят: раньше мы гнались за фантомами, а теперь будем просто заботиться о том, чтобы был хлеб насущный. Первое следствие такой установки — автоматическая активизация националистических настроений. Ведь для того, чтобы нам хватило, надо отобрать у других. Биологизация общества ведет к воскрешению самых архаичных инстинктов — национализм, расизм. А в России последствия тотальной деидеологизации и вовсе могут быть самыми плачевными, поскольку у нас не существует исторически сформированного гражданского общества. На пустом поле, где все снесено, храм золотого тельца строить всего удобнее.

ДТ: В 2008 году вы не ожидаете никаких перемен?

ИК: Нет, но при этом я убежден, что будет расти количество тлеющих социальных и межнациональных конфликтов, разрастаться внутренняя гражданская война. Но питать ее будут не идеологические противоречия, а этнорелигиозные. Преодолеть их можно только созданием проекта будущего, привлекательного для достаточно широких слоев общества. Но это потребует от нынешней правящей элиты внутренней мобилизации и отказа от биологической идеологии. С тем, чтобы она стала жить не чем-то, а ради чего-то. Но нынешняя элита на это категорически не способна.

Даже если она заигрывает с какими-то идеями, например националистическими, то делает это абсолютно цинично, из сугубо прагматических соображений. Процессы, идущие в националистической среде, власть стремится использовать в своих корыстных целях. Вопрос: сможет ли она удержать их в рамках? В какой-то момент может ведь появиться лидер, который в отличие от того же Рогозина, не будет, в свою очередь, цинично пользоваться этой ситуацией, а скажет своим соратникам: «Ребята, нас разводят. Нас никто к рычагам управления не пустит. Мы нужны власти, чтобы пугать нами Запад, подтверждая в его глазах легитимность, как единственная сила, способная справиться с этими страшными фашистами». То есть, если не-

кто начнет апеллировать непосредственно к националистической массе, а не сделает такую возможность предметом торга, это будет по-настоящему опасно.

Сама концепция управляемой демократии, которой руководствуется Кремль, строится на неверном допущении, что люди, имеющие реальные проблемы, могут бесконечно долго удовлетворяться символическим замещением. Способность любой системы к контролируемой стабильности, как не раз доказывала история, весьма ограничена. Рано или поздно куклы, которых дергали за нитки, с ниток срываются, а Буратино находит «золотой ключик».

Газета «Новые известия», 10 февраля 2006 г.

«Личность — это присутствие Аллаха в человеке»

Илья Кормильцев — поэт, литературный критик, переводчик с английского, итальянского и французского языков. Родился 26 сентября 1959 в Екатеринбурге (Свердловске). В 1981 году закончил химический факультет Уральского госуниверситета. В 1980-х писал тексты для песен многих уральских рок-групп. Особенную известность приобрел как автор большинства текстов песен группы «Наутилус Помпилиус». В 1991 году переехал в Москву. В 1997 году после распада «Наутилуса» занялся издательской и переводческой деятельностью. В 2002 создал собственное издательство «Ультра.Культура», главным редактором которого остается до сих пор. Переводил Дж. Р. Р. Толкиена, К. С. Льюиса, Н. Кейва, Ч. Паланика, Ф. Бегбедера, И. Уэлша, А. Кроули, У. Берроуза и многих других. И. К. в 1980-х оказывал на общественно-политическую ситуацию в стране большое влияние (песни «Наутилуса Помпилиуса», одной из самых заметных групп времен Перестройки, сыграли действительно значительную роль в случившихся тогда переменах). Влияние на общественно-политическую жизнь И. К. оказывает и до сих пор. Вокруг его издательской деятельности постоянно происходят какие-то скандалы, да и сам он остается фигурой заметной.

Встретились на Большой Бронной. По пути в кафе я рассказываю Илье о своей затее открыть на «Переменах» книжный интернет-магазин. Он в ответ советует мне найти четкую и понятную нишу, выбрать для магазина какое-то конкретное позиционирование. «Рассуждает, как опытный бизнесмен», — думаю я. Приходим в кафе. Начинаем.

Глеб Давыдов

ГД: Илья, у вас есть много ипостасей: поэт, издатель, переводчик, литературный критик, публицист и так далее. Довольно много. И я, в общем, не понимаю до конца, с кем сейчас общаюсь. А кем вы себя ощущаете сейчас?

ИК: Честно говоря, меня этот вопрос вообще не волновал никогда — «кем я себя ощущаю». Думаю, что в первую очередь я ощущаю себя личностью, которая может заниматься и тем, и другим, и третьим, в зависимости от своих желаний, страстей, необходимости, способности. Мне кажется, что современный мир вообще помешан на дефинициях. И чем менее определенным становится положение человека в мире (например, в сословном обществе оно гораздо было более однозначным), тем более человек заморачивается на том, кто он, то есть на самоидентификации. Отсюда и возникновение сотен и тысяч различных субкультур, организаций по интересам, сект, интернет-сообществ. То есть в распадающемся, расплывающемся мире требуется самоидентификация. И поскольку самоидентификация, исходящая от человека, всегда будет неполноценной, поскольку человек не может посмотреть на себя со стороны, то неизбежно попытки такой самоидентификации оказываются иллюзорными и заводят человека в еще большее болото непонимания своего места, своей роли в мире... Человек напоминает муравья, попавшего в водоворот в луже талой воды, который хватается за горелые спички, хвойные иголки, бычки сигарет, какие-то огрызки, и все это вертится, а он хватается за них, пытаясь найти в них твердую землю. Поэтому он всех мучает: а кем вы себя считаете в первую очередь: мужчиной или женщиной, поэтом или прозаиком, верующим или неверующим? На самом деле, для меня принципиально важно некое чувство в человеке собственной ценности и цельности, ценноцельности, протянутое через него, за которое он держится и которому он не изменяет. Поэтому то, что человек может быть внутренне противоречив и в одной ситуации может идентифицировать себя с одними идеями, а в другой ситуации идентифицировать себя с другими идеями, для меня это нормально, это в порядке вещей. Для меня протivoестественна, наоборот, догматическая приверженность какой-то одной системе ценностей. Поэтому меня ничуть не смущает, когда меня не могут определить как в поле профессиональном, так и в поле полити-

ческом. Меня это радует. Это значит, что я ускользаю от попыток посадить меня в клетку, поставить на полку. Я действительно и то, и другое, и третье в одном лице. А ты, тот, кто пытается поймать меня в ловушку этих слов, ты сам никто, и звать тебя никак, потому что ты не можешь оценить своего противника как такового, тебе нужно его сперва наклейкой припечатать, приклеить словом, и только когда он будет обездвижен, ты сможешь его доест, экспроприировать, победить, а так ты неспособен с ним справиться, когда ты с ним один на один, как с человеческой личностью.

ГД: Да, но вот только что, до начала интервью, вы говорили мне о том, что нужна четкая ниша и конкретное позиционирование для того, чтобы люди поняли, о чем вообще идет речь. Допустим, вам это не столь важно, как личности, а людям — это нужно. Скажем, если вы издатель и издаете книги, вам же нужно позиционироваться определенным образом, чтобы добиться успеха. Также и в жизни, разве нет?

ИК: Мы говорим о разных вещах! Естественно, от машины вам нужно, чтобы она ездила, от диктофона — чтобы он записывал. Я возражаю против того, чтобы точно также относились к человеку. К вещам и можно, и следует таким образом относиться. Я просто сказал: соберите книги, посвященные узкой, но в то же время нетривиальной тематике, то есть создайте место, куда люди будут приходить и понимать, что они имеют. Это книги. Но не люди. Это торговля, но не общественная жизнь.

ГД: То есть вы считаете, что общественная жизнь исключает торговлю?

ИК: Я ничего не считаю, я просто не признаю прагматизм в отношении к человеку. Прагматизм и эмпирическую метафизику в отношении к человеку я не признаю. И наоборот, во всех остальных областях жизни я предпочитаю именно прагматизм. То есть человек не вещь. Попытки превратить человека в вещь должны пресекаться на корню. Попытки сказать «ты коммунист, и с тобой все ясно» или «ты поэт, и поэтому с тобой все ясно» — это те попытки, с которых начинается вся структура

современного мира, который все дальше и дальше уходит от любого обязательства, от любой картезианской честности, от любого обязательства следовать своей собственной внутренней логике, быть вообще логичным и последовательным. Человек сейчас мыслит как? Я часто сейчас полемизирую в Интернете, и вижу, как мыслит, например, мой оппонент: он берет блоки, составленные из заранее скрепленные из слов, и он настраивает их один на другой, то есть у него лего такой конструктор. И он совершенно не заботится о том, что эти блоки находятся во внутреннем неразрешимом противоречии между собой. Вообще, такая наука, как формальная логика, правила построения силлогизма напрочь вычеркнуты из современного сознания. А это очень опасно. И даже я не говорю сейчас про человека с улицы, я говорю про гуманитариев (хрен с ним, с человеком с улицы). Так и создаются все мифоконструкты в современной психике. Поэтому я человек, который поставил своей задачей заранее ускользать от дефиниций.

ГД: Это прекрасно. Но вы же сами признали сейчас, что современное общество развивается именно в этом направлении. Пусть это и губительно, но не кажется ли вам, что вы просто полностью выпадаете из контекста, руководствуясь такими принципами, пусть даже они и честные?

ИК: Совершенно не кажется. Потому что я нахожусь в положении муравья, который вместо того, чтобы хвататься за щепки, пытается научиться плавать, например. И тем самым резко выйти из парадигмы окружающего.

ГД: Но вы же утоните.

ИК: Почему?

ГД: Потому что муравьи не умеют плавать...

ИК: Не знаю, я не муравей, я не пробовал. Но мне кажется, что люди умеют плавать.

ГД: Люди да. Но это опять же, это смотря в чем плавать. В говне, например, плавать, я думаю, трудно. И если не самоопределишься, находясь в говне, то можно в нем просто раствориться.

ИК: Извините меня, но если продолжать всю эту метафору, развивать всю эту притчу, то ведь плавать в говне, уцепившись за какой-то окурок, и плавать в говне самостоятельно — это тоже выбор в конечном итоге. Откуда я выпадаю? Один из прекрасных примеров того, насколько наше общество избыточно и фальшиво: я не смотрю телевизор с июня 1994 года. Я знаю всех ведущих, что они ведут, название всех talk- и реалити-шоу, их содержание, всю рекламу...

ГД: Не смотря при этом телевизор? Каким образом?

ИК: Об этом говорят люди все время и пишут. Иногда в гостях... я же не буду требовать, чтобы выключили телевизор... в целом я смотрю телевизор в месяц, наверное, часа три — в гостях, в общественных местах и прочее. За эти три часа я узнаю о нем все. И потом никаких неожиданностей, когда я читаю газеты, мне все понятно. Вот одна из иллюзий современного мира. С большинством других иллюзий можно справиться точно также легко. Мы живем в мире, где многим вещам присвоен статус сверхценностей. Но эта сверхценность никаким образом не мотивирована их необходимостью. Эта сверхценность дается через педагогический процесс, через социальное кондиционирование, то есть эта сверхценность навязывается. Но совершенно неочевидно, что человек не может обходиться без всего этого. Что регулярно и происходит, когда кто-то оказывается в деревне без мобильного телефона и говорит: «Боже мой!» Да, мы живем в мире, который пресыщен сверхценностями. Парадокс в том, что таким оказалось истинное лицо того, что марксисты называли коммунистическим уровнем производства. Выясняется, что когда мир настолько обеспечен материально, что может вообще жить без проблем, он становится без этих проблем управляемым. И тогда эти проблемы начинают создаваться искусственно. Мы знаем, что каждую минуту умирает от голода столько-то миллионов детей в Африке. При этом мы прекрасно знаем, что всех их можно накормить! Еда-то есть! Это совсем не то, что они умирали от голода тысячу лет назад. Еды полно, еды сейчас больше, чем нужно человечеству для здорового баланса.

Поскольку сознание человека не изменено, наступила проблема, которая освещена была в свое время гениально у Федора Михайловича Достоевского в романе «Подросток». Когда Версиков спрашивает: «Хорошо, ну вот человека будущего накормить, он сядет, рыгнет, протянет ноги, и что он будет делать дальше?» Вот это «что он будет делать дальше», поскольку оно не придумано... ну не то что вообще не придумано, но оно не стало господствующим человеческим дискурсом, господствующей идеологией, есть много вариантов: пытаться завоевывать космос, преобразовывать природу, достигать совершенства в личной жизни, — но эти идеалистические дискурсы не победили, а победил материалистический дискурс. В результате, чтобы предложить занятие человеку, который наелся, рыгнул, протянул ноги и так далее, надо создавать иллюзию, что как бы проблемы продолжают существовать. Что у тебя есть возможность умереть с голоду, вылететь на улицу, погибнуть в военном конфликте... То есть мир надо напрягать, иначе он теряет управляемость, интересность и ценность для хозяев и в рамках того мирового господства, в котором мы живем. К чему я это все веду?

ГД: Да?

ИК: Мы начали с необходимости самоопределения, дефиниций и всего прочего.

ГД: Скорее даже с позиционирования...

ИК: С позиционирования, с избыточности и преувеличенности мира, в котором мы живем... Так вот, многие ведущие ценности этого мира, которым якобы надо следовать, на поверку оказываются всего лишь тем самым двигателем торговли, той самой рекламой, которая заставляет человечество дальше жить в той парадигме, в которой оно живет сейчас, не пытаясь ее пересмотреть. И, соответственно, получается, что освобождение от них — это способ спасения в каком-то смысле.

ГД: Но на самом деле самоопределение и позиционирование это ведь вещи совершенно разные. И все то, что вы сейчас мне рассказали, относится как раз к позиционированию, а не

к самоопределению, которое и есть то самое чувство внутренней цельности, чувство внутреннего стержня, да?

ИК: Я думаю, что внутренняя цельность и внутренний стержень не могут оставаться скрытыми, если личность имеет их. Они в любом случае будут заметны снаружи. И соответственно, это будет определять поведение личности. И, как это ни парадоксально, единственным стержнем, который в современном мире работает, стал индивидуализм (я не говорю про исламский мир, я про наш мир, про мир «белого человека»). Мы привыкли рассматривать этот наш мир как раз как мир индивидуализма, мир индивидуалистических ценностей. Парадокс состоит в том, что единственной защитой и единственным спасением от этих ценностей стал именно индивидуализм, причем в крайних формах. Потому что на поверку оказывается, что этот мир, в котором мы сейчас живем, антииндивидуалистичен. Что его степень тотальной интегрированности выше даже, чем даже у коммунизма в его периоды силы и зрелости. Мы все вроде совершаем разные произвольно выбранные поступки, но все эти поступки укладываются в очень узкий ассортимент выбора, речь идет о том, какой пиджак купить — Prada или Cavalli, в более остром смысле — купить пиджак Prada или ходить в одежде из этнического шопы из волокон конопли, но речь не идет о том, чтобы снять одежду вообще и пересадить себе чешую от рыбы...

ГД: Ну, просто потому что это неудобно!

ИК: Нет, это не неудобно. Это может кому-то очень понравиться, если он ихтиандром хочет быть, например. Все зависит от того, какая цель. В любом случае, нам предлагают выбирать из тысячи вариантов одного и того же. Причем этот выбор становится все уже и уже!

ГД: Предлагают? А кто предлагает?

ИК: Есть такая грамматическая форма — безличный оборот «нам предлагают». Естественно, предлагаем мы же сами себе. Одни предлагают другим, это понятно. У этого процесса есть и руководство определенное... Но я сейчас не об этом.

Я сейчас не о теории заговора, а о том, насколько мы сами участвуем в этом процессе.

ГД: А, я понимаю...

ИК: Это отказ от самоидентификации. Личность — это личность. Личность может по одному вопросу иметь вот такое мнение, а по другому вопросу иметь вот такое мнение, и совершенно не заботиться о том, чтобы они сходились в рамках ценностей и символов иерархий во внешнем мире, а заботиться только о том, чтобы они были внутренне непротиворечивы по отношению к логике собственной личности.

ГД: Обратите внимание на то, что когда человек становится брендом, он... Ну, вы знаете, есть много примеров людей, ставших брендами...

ИК: Ну, Ксения Собчак, например.

ГД: Да, например. Так вот, человек, который становится брендом, он изначально сам по себе личность. Все бренды в поп-культуре построены на личностях. Пэрис Хилтон, Мик Джаггер, Квентин Тарантино — ведь все эти бренды были вначале личностями, а потом уже стали брендами. Но они цельные личности сами по себе и, в частности, именно это позволило им стать брендами, спозиционироваться.

ИК: Да, но мы имеем огромное количество людей, которые становятся брендами, не будучи личностями.

ГД: Так не бывает, мне кажется. Где эти бренды? Дайте пример?

ИК: Ксения Собчак.

ГД: Ну почему, она личность.

ИК: Евгений Петросян.

ГД: Петросян? На него я не обращал никогда внимания, но раз он стал брендом, то, наверняка, он личность.

ИК: Тогда у нас разные понятия о личности. Для меня это не только не личности, но даже и не человеческие существа.

ГД: Ну, они, безусловно, не человеческие существа. Но личности.

ИК: Нет, личность — это понятие сугубо антропное, оно не может быть реализовано в других формах, пока нам известных. Может быть, есть мир невидимых или мир инопланетян, но мы его не знаем. Поэтому пока это антропное понятие. И мы можем сказать, что если ты не личность, значит ты не человек.

ГД: Но если человек надевает чешую и становится ихтиандром, разве он не перестает быть человеком?

ИК: Если у него сохраняется человеческий тип сознания, то он остается человеком. То есть антропность — это же не внешний вид. Мы тоже пока еще не встречались с антропностью, проявленной в других формах материальных. Но гипотетически мы стоим на пороге этого. Тут дело в другом. Личность создается не изнутри человека. Это было бы неким скатыванием к солипсизму. И не извне она создается, не обществом, не социумом. Личность — это присутствие Аллаха в человеке, если совсем просто говорить.

ГД: Бога то есть?

ИК: Бога, Аллаха, какая разница? То есть истоки личности трансцендентны. Она задана извне. И если она существует в человеке, и он выстраивает себя и свои внутренние поступки перед этим внутренним Оком, то ему никакое другое самоопределение не нужно. Зачем оно ему? Это всегда поклонение другому кому-то, кроме внутреннего Ока. Это всегда служба на двух господ, война на два фронта, погоны двух армий. Нет ничего, кроме твоего внутреннего стержня.

ГД: Согласен, личность имеет божественное происхождение. Но мне кажется, что одно другому не мешает. Вы можете выстраивать свою жизнь перед внутренним Оком, но для облегчения жизни людям, может, не стоит так уж противиться тому, чтобы как-то позиционироваться во внешнем мире. Если людям так легче вас понять, к примеру...

ИК: А кто сказал, что мы должны облегчать себе жизнь? Перед ними не стоит такой задачи. Более того, мы все видим, что с ними происходит, когда они себе ее облегчают. До беспредела.

Они не становятся более счастливыми, это уж точно. Невротиками — да.

ГД: Ну, тут мы опять подкатываемся к Достоевскому с его «Легендой о Великом Инквизиторе»...

ИК: Достоевский был умница. Я просто пытаюсь объяснить, что для меня принципиально неважно самоопределение — профессиональное, конфессиональное... Потому что конфессиональные самоопределения это тоже ловушка. Они тоже подчиняют человека чему-то вне его, но чему-то, что в то же время не есть Единый, не есть Творец. А мы все знаем, кто такой вне человека и кто не Единый одновременно.

ГД: То есть дьявол?

ИК: Ну... *(Илья делает отстраняющий жест рукой и что-то неразборчиво и тихо произносит.)* Да. То есть он.

ГД: А что это вы сказали перед этим жестом?

ИК: Неважно. В общем, не нужно называть его по имени.

ГД: И все же... Боюсь, диктофон не зафиксировал.

ИК: Это обычная формула, когда говорят: «побиваемый камнями», то есть шайтан. Я не мусульманин в прямом смысле этого слова, но у меня есть какой-то набор уже подцепленных из постоянного общения формул ритуальных. *(Смеется.)*

ГД: То есть суеверий?

ИК: Нет, это не суеверия, это мы маркируем то, что этого не нужно делать.

ГД: Знаки?

ИК: Знаки, да. Мне очень нравится эта система, потому что это как бы магия в рамках не-магии. То есть магия ставит себе самостоятельные какие-то цели... Ну, это долгий разговор, об этом не будем...

ГД: Почему же? Это очень интересно! И к тому же непосредственно связано с тем, о чем мы говорим.

ИК: Просто я уже три часа сегодня с утра на эти темы говорил на разных пресс-конференциях...

ГД: А что это за были пресс-конференции? Я на самом деле вообще очень далек от общественно-политической деятельности и, соответственно, за вашей общественной деятельностью я тоже никогда не следил...

ИК: А зачем вы следили тогда? Ну, чтобы просто понять, с какого угла вы мной заинтересовались.

ГД: Я знаю вас с самого детства, конечно, как человека, который был автором большинства текстов песен «Наутилуса Помпилиуса». Ну и читал некоторые ваши переводы таких книг, как «Гламорама» и «Бойцовский клуб».

ИК: Ну, вот на первый ваш вопрос я уже ответил. Кратко резюмируя, сам этот вопрос является уже подозрительным в каком-то смысле, попытки самоопределения я считаю вредными. Более того, я иногда часто совершенно сознательно в своей деятельности сталкиваю несовместимое по нормам этого общества. Например, либерализм и национал-социализм в рамках одного дискурса. Это для меня нормальный... не прием (хотя и прием, и хитрость, лукавство какое-то в этом тоже есть)...

ГД: Ну, то есть это провокация?

ИК: Это провокация, но это провокация такого же типа, как в суфийских практиках или в дзенских. Чтобы человек отвлекся от этих всех блоков мыслей о том, как надо относиться к предметам. Повернул их наоборот. Например, что Гитлер был либерал, а воюющая против него Антанта это были настоящие национал-социалисты, фашисты, которые свой проект и осуществили, поменяв дискурс на противоположный. Допустим!

ГД: Ну да, такая перемена угла зрения.

ИК: Да. Парадокс позволяет человека вышибить немножко, играет роль определенного идеологического коана. То есть, как учил Стюарт Хоум, Христос, Маркс, Сатана и Ярило объединяются в общей борьбе. Речь идет именно об этом.

ГД: Ну, например, Дугин тем же самым занимается.

ИК: Безусловно. Хотя мне не близки его цели и задачи. Дугин, между прочим, при этом не может выйти за рамки тех

ограничений, которые сам себе поставил, потому что он человек идеологически самоопределившийся. В отличие от меня. Я думаю, он один из важнейших моих идеологических оппонентов, хотя мы редко вступаем в прямую дискуссию. Обычно через кого-то.

ГД: Ну вот как сейчас...

ИК: Да, через прокси какие-то. При этом я очень часто хвалю его книги в рецензиях. У меня нет свойства очернять противника и закидывать его навозом. Методика Дугина мне понятна. Методика Дугина близка к современному сокровенному, скажем так, мышлению. Но просто он служит другому хозяину... Но он там такой магический человек.

ГД: А... Ну то есть он служит тому хозяину, а вы служите другому хозяину...

ИК: Я предполагаю все-таки, что Дугин служит все-таки врагу.

ГД: Рода человеческого?

ИК: Ну, мы же понимаем, о чем речь идет. Короче, скажем так: Дугин человек темный в моих глазах.

ГД: В своих интервью вы много раз говорили о том, что всячески отказываетесь комментировать свое творчество, потому что считаете его «плодом божественного откровения». Я так понял, вы и свою жизнь чувствуете так...

ИК: Ну, скажем так, «откровение» — это слишком сильно сказано, назовем это точнее — трансляцией. Когда приемник настраивается на определенную волну. Например, с позиции исламской теологии об откровении мы можем говорить, только когда человек относится к категории рассулалла или наби, то есть одного из типов пророков. Тогда его откровения получают подтверждения и божественную санкцию в ходе истории человеческой. Но люди, не являющиеся пророками ни одной из двух категории, могут получать сообщения из трансцендентного мира, из непроявленного, попав на эту волну. То есть это не откровения, а как бы скорее восхищение божественной

истиной, когда тебе проблеснуло. Это не откровение в том смысле, что оно не было адресовано тебе со словами «иди и пророчествуй!». Это просто ты увидел, подсмотрел, поймал какую-то волну из запредельности.

ГД: Случайно?

ИК: Да, слово «откровение» здесь неудачно, потому что оно ведет к какому-то самообольщению. Я всегда подчеркивал, что роль моя совершенно пассивная. Я не знаю, какого хрена и за что на меня такая благодать свалилась...

ГД: Так у вас был этот момент: «Иди и пророчествуй!» Точка инициации такая была?

ИК: Как пророчество — нет. Потому что пророчество всегда сопровождается одним посылом. Пророчество это там, где возвещают: «Иди и говори!» А пока ты пишешь просто, видишь сны, мечтаешь, догадываешься о чем-то, создаешь стихи — это не пророчество. В этом нет того «иди и говори».

ГД: То есть вы считаете, что вы случайно настроены на эту частоту?

ИК: Да, это скорее ближе к понятию трансляции.

ГД: Но разве случайности в мире духа бывают?

ИК: Случайно в том смысле, что мне неизвестны причины. И я не чувствую за собой миссии. Просто так случилось, что я с этим живу и не могу это в себе ни сдержать, ни замалчивать. Я постоянно должен высказываться, постоянно должен лезть на рожон, если я вижу иначе и считаю иначе. Даже если это мне не очень полезно, скажем так, и ведет к каким-то нежелательным последствиям. Я не могу не свидетельствовать того, что я вижу, того, что я слышу, и того, что внутри меня происходит. Вот и все. А откровение это, конечно, слишком сильное слово, потому что оно накладывает очень большие обязательства.

ГД: Да, вы все время создаете такие клубы перемен, всей своей жизнью, это очевидно. И в то же время вы в одном из интервью говорили, что в начале 1990-х никакой революции не было. Что все осталось по-прежнему, что люди просто обмануты.

ИК: Да, я помню эти свои слова. Это немножко преувеличение полемическое. Безусловно, что-то изменилось, и мир, в котором мы сейчас живем, это не мир 1991 года, но впрочем, мир, в котором мы живем, это всегда не совсем то, что раньше. Я хотел этим сказать, что нету разницы между тем, что называют «советским» и «постсоветским» периодами. Советский период не закончился, он продолжается. У меня есть еще одно полемическое высказывание на эту тему: поскольку куклу Чебурашки и Аллу Пугачеву не расстреляли, то революции не было. Потому что вот Петросян...

ГД: Да почему вас так беспокоят эти Собчак и Петросян?

ИК: Для меня это символы проявленности совка. Именно проявленности нечеловеческого в человеке. Или то, что можно назвать хтонью. Когда лезет хтоническое из людей, когда люди озверяются, оживотновляются у тебя на глазах. Когда едешь в машине, и слушаешь какой-нибудь утренний эфир типа Бачинского и Стиллавина, и понимаешь, что это уже вообще не люди. Они лежат вне категорий гуманности, они лежат вне категорий гуманного анализа, они врут каждые пять минут. Ни одна их эмоция не честная. Хорошо, если ты их слушаешь в неизменном состоянии. Потому что если ты их слушаешь в измененном состоянии, просто можно из машины выпрыгнуть через крышу, я думаю. То есть это уже все. Это уже оболочки пустые, через которых лают и хихикают и завывают демоны.

ГД: Хм, а по-моему, они просто обычные жалкие задроты...

ИК: А никакого противоречия здесь нету. Задроты, из которых глумятся, лают и воют демоны.

ГД: Ну разве что какие-то неопасные и очень мелкие бесы.

ИК: Вирус тоже очень маленький. Не надо судить по размерам, а также по стилистике. Это человеческое заблуждение. Об этом, кстати, много Льюис писал, любимый мною, что человеку как носителю божественного духа, хочется облагородить даже Сатану. И у него как раз выведено, что самая страшная

сила — это, оказывается, какой-то мелкий, глумливый слизняк, какой-то горлум, который чего-то урочит, рекочит, хихикает, как мелкий шкодливый мальчишка. И вдруг мы понимаем, что вот оно настоящее средоточие врага, а не вот это с крыльями у Врубеля на картине. Хотя человек вообще не может постичь незримых даже на уровне низших духов. Но это метафоры.

ГД: Вот и я о том же: как вы можете этих бедняг Бачинского и Стиллавина обвинять в том, что они Сатана...

ИК: Я знаю, что когда человек возносится гордыней и видит себя великим магом, великим властителем, когда он наполняется бесовской гордыней, в этот момент он ближе к Богу, чем глумящийся, хихикающий, сальный, скользкий... Парадокс состоит в том, что самое страшное — именно на этом низком уровне полное разрушение человека. И в споре Толкиена с Льюисом я на стороне Льюиса. Толкиен рисовал всех своих Моргов, Сауранов и прочее по классическим апокалиптическим канонам... А Льюис говорил: да не, ну что ты, это ж недотыкомки на самом деле... И я согласен, что вот это хихиканье, глум, ложь, которая вертится на языке каждую минуту, они гораздо разрушительнее в целом для человеческого мира, чем романтический демонизм, который сохраняет в себе, по крайней мере, внутреннюю видимость принципа, веры...

ГД: Но это только внутренняя видимость. Фаустианство...

ИК: Безусловно, но это значит, что душа еще не разрушена, и поэтому Фауст спасен, когда его Дева Мария подхватывает. А когда уже ничего не остается, кроме колышущегося эякулирующего сала, которое хихикает и колеблется, вот он — конец, распад. Я знаю, что из человека, который чистосердечно является искренним, одержимым, убежденным, недекоративным, например, сатанистом, из него в конечном итоге может стать хороший иеромонах. А из Бачинского и Стиллавина — никогда. (Смеется.) Как это у Булгакова: «и бесы веруют и трепещут». Пока ты еще остаешься на этом уровне, где еще есть личность, пусть даже и заблудшая (это о том, с чего мы начали), есть еще

надежда эту личность вернуть на путь света. А там, где уже этот распад, вот эта пыль... Как говорит Мамонов в фильме Лобана: «Это же пыль, которую уже не собрать». Это как остатки сознания, как привидение в квартире умершего. Эти люди, толстые, здоровые, которые пьют пиво, играют в бильярд и могут дать тебе по морде, они — привидения!

ГД: В конце романа «Гламорама», который вы перевели на русский язык, главный герой, Виктор Вард, очень неясно так растворяется, пропадает, сходит с ума... Он тоже превращается в пыль?

ИК: Тут очень сложный момент. Понятно, что это рассказ символический. Потому что если бы он показал, как его убивают, то стало бы слишком нравоучительно. Я думаю, что это маленькая писательская хитрость, в которой не надо усматривать большого символического значения. Но понятно, что ему конец. Такое насекомое, как Виктор Вард, оно уже не сможет выпутаться из этой ситуации никогда, тем более что в соседней комнате уже накручивают глушитель. Все, приговор будет приведен в исполнение. И автор ему дает последний шанс на спасение, какой-то призрачный: что, может быть, есть какой-то тот свет, какая-то гора, где все не так. И он его отправляет в такое инициатическое путешествие. Но это такой, скорее, от писателя аванс, знак...

ГД: Знак того, что и Бачинский и Стиллавин могут спастись.

ИК: Могут. Могут. Но не тем путем. Я ни у кого не отнимаю шанса на спасение.

ГД: Ну может тогда не стоит их так...

ИК: Стоит. Потому что если их не сдерживать, то хтонь может пожрать человечество вообще. Вся цивилизация стоит на сдерживании этого импульса регрессии. Это же эволюционная регрессия тоже. Они все говорят: мы нормальные законопослушные граждане, мы мейнстрим. Но это тоже фокус. Парадокс в том, что оставаясь мейнстримом в целом, человечество должно все время идти вперед и вверх. То есть мещане

хороши только до тех пор, пока у них есть свои мюнхгаузенy. Когда мюнхгаузенy нет, то они могут идти только вниз, и они превращаются в зверей моментально. Речь не идет о том, что их всех надо убить, а о том, что если им полностью отдать командование дискурсом, то все... Поэтому они основные противники. Потому что те, кто реально играет с левой стороной, это люди, которые, может и враги, но остаются личностями и осознают, что делают, и даже если они воюют с тобой, то ты можешь с ними воевать как самурай, условно говоря. А вот это все болото очень страшно. В этом смысле мне часто говорят: «Вы сноб, вы элитист», пытаюсь опять же на меня надеть вот эти ярлычки, наклейки, этикеточки. Натянуть их на меня, как презерватив, чтобы я никого не осеменил своими мыслями. Я, безусловно, считаю, что люди не равны. В определенном смысле. Не перед Богом. А между собой. Перед Богом все равны. Люди не равны между собой, и не только в силу социального устройства (в силу этого они тоже не равны, но это как раз то, что является объектом преодоления). Они неравны между собой именно по естеству. По человеческому естеству, а не по духовному. То есть по проявленности в своем мире. Речь не идет об их душе. Речь не идет о том, что я — ценнее Богу, чем Петросян. Речь идет о том, что человечеству я ценнее, чем Петросян. С моей точки зрения. И она в данном случае является единственной определяющей, и больше никакой другой мне не нужно. Я это знаю, а что думают по этому поводу Петросян и все остальные, мне глубоко насрать.

В этом смысле я, безусловно, не гуманист, потому что я не считаю равенство прав чем-то исходно данным. При этом я стою за всяческое равенство, и это тоже кажется парадоксом. Но на самом деле это парадоксом не является. Потому что есть не только разные типы прав, но и разные типы равенств. И сосна, и клевер — это растения. И в этом смысле они равны. Но если мы начнем поливать сосну, как клевер, а клевер, как сосну, п**дец и тому, и другому. И то и другое надо поливать. Вопрос в том, как. К сожалению, в условиях производственной

скудности, энергетической ненасыщенности антропосферы вопрос равенства сводился к материальной иллюзии «накормить», о которой писал Достоевский. Весь разговор, начиная с 16 века, шел о царстве изобилия, которое приравнялось к царству благодати.

ГД: Это и сейчас продолжается.

ИК: Да, но сейчас это уже дожевываемый дискурс. Сейчас наиболее передовым, именно для петросянов, является понимание, что не в деньгах счастье, а во власти, которая понимается как безнаказанность. Поэтому все эти мещанские круги чреваты всякими педофилиями и другими перверсиями. Это попытка повысить свой статус до владения тем, что не покупается напрямую за деньги.

ГД: То есть, что «все позволено».

ИК: Это не совсем вседозволенность как таковая. Вседозволенность мещанину не нужна, иначе бы он был личностью сатанической первого типа, о которой мы разговаривали, — романтик, бунтарь. А ему нужен призрак этой вседозволенности. Шанс, который позволяет ему ощутить себя существом метафизическим и сакральным. То есть не просто рабом, не просто пылью, а говорить себе: «Ну... я могу». И иногда где-то тайком в маске, в BDM-клубе почувствовать себя... Интересно, что в определенном смысле он таким образом проявляет свою тягу к сакральности. И это его причастный ритуал, просто направленный не туда, вытесненный, фрейдистский. То есть, в принципе, для него это церковь. Все эти свинг-клубы...

ГД: То есть Майкл Джексон — это монах.

ИК: Условно говоря — да! Это церковь, в которой они воссоставляют свою божественную субстанцию. Их последние остатки еще недоразложившейся душонки во всем этом болоте булькающего жира хотят... хотят! Но не могут уже! Потому что там мало что осталось, и все это в такие эксцессы выливается вместо нормальной практики.

ГД: Все это довольно грустная и болезненная картина!

ИК: Ну, ребят! Мы живем в последние времена!

ГД: Как вы живете с этим?!

ИК: Мне кажется, что лучше жить с этим, осознавая, чем жить с этим, не думая об этом. Все живут так. Только одни пытаются этого не замечать, а другие — замечают.

ГД: В той же «Гламораме» были люди, которые все взрывали...

ИК: Они все там были манипулируемы от и до. «Гламорама» — гениальная книга. Просто она у нас в стране недооценена, потому что у нас все-таки общество неспособно к саморефлексии. Наверняка, интеллектуальный европейский и американский слои понимают эту книгу глубже, чем мы. У нас до сих пор мещанин в ужасе от того, что правительство может само организовывать теракты. А, например, западный обыватель это прекрасно осознает... И про Twin Towers, и про все остальное... Именно на уровне обывателя они там прекрасно понимают, кем это устроено! Но от того, что они это осознают, не становится не только лучше, от этого становится еще хуже! Потому что они говорят: «Ну и нормально. Если бы у меня была власть и были бы деньги, я бы тоже поступил таким же образом». Я не сильно верю в силу разоблачения, которая в России так популярна. Народ очень часто морально находится на том же уровне или даже еще ниже, чем разоблачаемые власти. Он, конечно, развлекается, он, конечно, вслух говорит: «Вот сволочи!» Но при этом внутренне у него морального катарсиса, морального излома не происходит ни в малейшей мере. Будь он на месте Путина, Буша, он вел бы себя точно также: «А как иначе?! Это же бабблloo!!!»

ГД: А как возникла вообще эта ситуация, когда такое стало возможным?

ИК: Это долгая история, связанная с систематическим и методичным убийством Бога, которое совершил, конечно же, не Ницше. Он его только констатировал.

ГД: А разве можно убить Бога?

ИК: Бог — это трансцендентное существо. И в этом смысле его убить невозможно. А бога как осознанность, его отражение

в сознании человека убить вполне можно. Превратив его в Петросяна. Очень запросто. И этим занималась цивилизация на протяжении последних трехсот лет систематически. Но были виноваты не только те, кто бога убивали, но и те, кто бога защищали. Потому что они защищали не того бога и не так. Мне очень близка идея Проханова о том, что Христос был с комсомольцами, когда они рубили иконы, мочились на них и сжигали церкви. Я понимаю эту мысль, и она правильная. Это продолжение блоковской идеи, выраженной в поэме «12». (*Илья замечает подмигивает*). И она правильная, потому что такая церковь на фиг никому не была нужна, в такой церкви никакого бога не было. Другой вопрос, что после революции его еще меньше стало. Но это уже другая песня.

ГД: Грустное интервью получилось...

ИК: Чего ж грустного?

ГД: Безысходность вырисовывается из ваших слов.

ИК: Какая же безысходность? Все будет хорошо! Будет конец света!

ГД: Неужели вы считаете, что злые силы победят, и мир разрушится?

ИК: Конечно! Победят добрые силы. Злые силы разрушат мир, он погибнет вместе со злыми силами. А добрые силы восстановят его. Это называется в разных культурах по-разному, Паруссия, например. Будет новое небо и новая земля. Вы хотите жить в этом мире? Мне кажется, что самое грустное и пессимистичное, что можно придумать — это вечно жить в этом мире. Ничего страшнее я вообразить не могу. Может быть ад страшнее? Не знаю, я там не был.

Колонки «Перемен», 22 марта 2006 г.

Комплекс проигравших войну

Четвертого апреля в Москве прошла презентация общественно-го союза «Интернационал», созданного для борьбы с экстремизмом и ксенофобией в политике. Наряду с депутатом Госдумы Олегом Шениным и галеристом Маратом Гельманом одним из его учредителей стал главный редактор издательства «Ультра.Культура», поэт и переводчик Илья Кормильцев. Парадокс в том, что именно «Ультра.Культура» в 2003 году опубликовала значительным тиражом роман «Скины. Русь пробуждается», написанный участником движения «бритоголовых» Дмитрием Нестеровыми и номинированный на премию «Национальный бестселлер». В интервью «МН» г-н Кормильцев назвал этот роман «наиболее выдающимся произведением, появившимся из ультраправого лагеря».

Дмитрий Старостин

ДС: Сегодня вы не сожалеете, что опубликовали роман?

ИК: Не сожалею. Нет доказательств, что литературный текст может быть реальным мотивом для совершения преступления. В редких случаях это можно утверждать в отношении визуальных образов. Литературное произведение — это повод задуматься. В романе «Скины» описывается, что это за люди, откуда они пришли и какова их психология. Для меня из книги Нестерова стало очевидным, что глубинная мотивация скинхедов — не этническая. Мы знаем из истории, что граждане всех рухнувших империй склонны к поискам врагов, которые привели их страны к поражению. У нас это комплекс нации, проигравшей холодную войну.

ДС: Но движение скинхедов стало массовым при Путине, когда положение страны вроде бы улучшилось.

ИК: Безусловно, многое улучшилось, но это практически не коснулось нижних социальных слоев. Самое главное, что социум — это не просто уровень доходов. Проблемы наркомании, преступности, отсутствия гражданского общества, общей деградации культуры — совсем не те проблемы, которые можно решить увеличением ВВП. Последствия социального кризиса 1990-х не исчезнут без целенаправленных усилий по их ликвидации, а их нет. К сожалению, величие России сейчас воспринимается как число купленных путевок на Куршавель.

ДС: На момент выхода книги «Скины» автору было едва за двадцать. Как сложилась его судьба?

ИК: Нестеров пока больше не пишет, состоит в одной из националистических организаций. Он образованный человек, который прекрасно понимает, какие он исповедует убеждения, и готов за это отвечать. Не нужно недооценивать ультраправое движение — в нем много вполне мыслящих людей. Если мы не разделяем их убеждений, это не значит, что все они имбецилы со справкой.

Интервью для KM.ru

Корр: Илья Валерьевич, в первую очередь хочется попросить Вас прокомментировать недавние события с выборами в Белоруссии, точнее тот факт, что россияне склонны горячо поддерживать режим Лукашенко.

ИК: Я думаю, в нашей стране к Лукашенко хорошо относятся по той же причине, по которой в Белоруссии относятся положительно к Путину, — по неведенью. Несмотря на то, что в Белоруссии идут практически все российские федеральные каналы, у белорусов сложилось, на мой взгляд, странное и далекое от реальности представление о России. Сходное представление о Белоруссии сложилось и у русских, тем более что у нас белорусские каналы не идут, и общественное мнение формируется из смеси слухов и того, что передают российские СМИ. Можно сказать, что у обеих сторон представления друг о друге носят мифологический характер.

Тем не менее, с моей точки зрения, режим Лукашенко для Белоруссии оказался неким прагматическим компромиссом. Это напоминает то, как на заре 20 века, когда еще не было антибиотиков, сифилис лечили малярией. Человека специально заражали малярией, у него поднималась температура, от которой возбудители сифилиса погибали. Лукашенко в этом смысле можно рассматривать как своего рода «малярию».

Корр: Что же тогда можно назвать «сифилисом»?

ИК: А «сифилисом», я думаю, в этом случае является скупка Белоруссии (белорусской промышленности и белорусской недвижимости) российским капиталом, который самом деле имеет не российские, а транснациональные корни. В этом смысле для Белоруссии — территории, которая зажата между Сцил-

лой и Харибдой, — Лукашенко оказывается очень неудобным, но лекарством.

У меня нет никаких особых симпатий к Александру Григорьевичу, хотя бы потому, что я не очень люблю малообразованных и малокультурных людей. Но, во-первых, совершенно очевидно, что в настоящий момент он единственное спасение для национального суверенитета Белоруссии, и поэтому, несмотря ни на что, его приходится поддерживать. Фидель ведь тоже не сахар, однако ничего другого не остается, как любить его.

Одобрение Лукашенко 70% белорусского населения, действительно имеющее место, кардинально отличается от одобрения Путина теми же 70% российского населения. Лукашенко — это именно тот, за кого он себя выдает. Вернее, он ни за кого себя выдавать не умеет: у него на это не хватает ума, да и потребности такой он не чувствует. А Путин — это симулякр, созданный из ожиданий и конъюнктурного и политического консенсуса. Реальное значение этой фигуры не соответствует тому, что о нем думают. В этом принципиальная разница между этими двумя лидерами. По мнению некоторых государственных патриотов, ситуация в Белоруссии и России одна и та же: вроде бы обе стороны противостоят однополярному «рах Америка»... Только Белоруссия на самом деле противостоит, а Россия только делает вид.

Это нехорошая ситуация, потому что хотелось бы видеть других оппозиционных лидеров, людей более ярких, более современно мыслящих, хотя бы кого-нибудь типа Чавеса (который, кстати, тоже не подарок). Одним словом, хотелось бы видеть лидеров, которые бы соответствовали задачам 21 века. Лукашенко им не соответствует: это директор колхоза. Однако поскольку Белоруссия состоит в основном из колхозников, Лукашенко в социополитической системе страны оказывается вполне на своем месте. Попытки же нагло и беспардонно его убрать тоже печальны, потому что они сильно компрометируют западный либеральный дискурс, причем компрометируют настолько топорно, что начинаешь думать, не делали ли это под

видом американцев и за американские деньги кремлевские политехнологи... В общем, неприятная ситуация вокруг Белоруссии, как и большинство политических ситуаций в современном мире, не дает возможности для однозначного pro или contra.

Корр: Чего, в свете всего вышесказанного, можно ожидать на ближайших президентских выборах в России?

ИК: В настоящий момент об этом еще очень трудно говорить. Я думаю, что ближайшие два года будут гораздо более конфликтными, чем любой политический сезон начиная с 1999–2000 годов. Оппозиции как таковой нет, но есть сильный раскол в элитах, который в преддверии передела власти должен оформиться в некое противостояние.

Корр: Давайте поговорим о книгах. Что интересного сейчас происходит в издательстве «Ультра.Культура»?

ИК: Книжек мало выходит — зима выдалась тяжелой. Было холодно, а это серьезно сказывается в работе типографии: бумага промерзает, и для того, чтобы ее отогреть, нужно около месяца. Все планы по печати оказались сорваны.

Тем не менее вышло несколько интересных новинок, в частности, сборник замечательного молодого чеченского писателя Германа Садулаева — очень хорошая книга художественной прозы, которую мы выдвинули на премию «Национальный бестселлер». Кроме того, в течение апреля должны появиться те книги, которые были задержаны за зиму: это и новый роман А. А. Проханова, и несколько весьма существенных книг из разряда pop-fiction — «Антикопирайт», «Черная книга корпораций», «Поваренная книга медиа-активиста», новая книга Дмитрия Гайдуга и несколько книг из серии «Klassenkampf». Также выйдет несколько переводных художественных книг: романы Леонарда Коэна, которые, правда, уже выходили в бумажной обложке в издательстве «РИПОЛ классик», но прошли незаметно, и роман «Глобалия» французского писателя Жана-Кристофа Рюфэна — очень интересная антиутопия.

Корр: Когда мы с Вам беседовали в прошлый раз, зашел разговор о том, что Вам хотелось бы больше издавать научно-популярных книг. Насколько это удастся?

ИК: Частично удастся, но дело в том, что мы готовим не только книги «Ультра.Культуры», но и книги «У-Фактории», в частности, серию «Маскульт». Это типичная научно-популярная литература, и я бы даже не сказал, что особенно «ультракультурная». Новая книга Гайдюка, энциклопедия «Психоактивные вещества в мировой литературе», тоже научно-популярное издание. Это прокомментированная антология произведений мировой литературы, начиная от мифологии и заканчивая первой половиной 20 века, которая рассматривает процесс изменения социального и литературного, философского статуса психоактивных веществ в истории человечества.

Корр: А нет опасности, что ее, как одну из предыдущих книг Дмитрия Гайдюка, попытаются запретить по цензурным соображениям?

ИК: В нашей стране, конечно, можно себе представить все, что угодно. Но это литературоведческая книжка, и я не знаю, могут ли всерьез возникнуть проблемы с текстами, уже опубликованными тысячу раз: Конан-Дойлем, Дюма, «Бхагават-Гитой»... Конечно, при большом желании ее можно закошмарить как пропаганду наркотиков, но в ней рассматриваются только произведения классической литературы, самые «современные» из которых относятся к эпохе Второй мировой. Поэтому если с ней будут проблемы, значит, мы живем в сумасшедшем мире.

Корр: Замышляются ли в издательстве «Ультра.Культура» какие-нибудь проекты, связанные с предстоящими выборами президента России?

ИК: Да, замышляются. Планируется несколько книг, пока трудно сказать сколько, в новой серии под названием «Проект “Россия”». В них будет рассматриваться актуальная политико-социальная ситуация. Первой в этой серии выйдет книга

Станислава Белковского и Владимира Голышева «Бизнес Владимира Путина», а за ней, возможно, последует и ряд других.

Корр: Чем Вы сейчас занимаетесь?

ИК: Я только что закончил редактировать последний роман Александра Андреевича Проханова «Теплоход “Иосиф Бродский”», который в апреле должен быть опубликован. Эту книгу мы тоже выдвинули на «Национальный бестселлер», и хочется выпустить ее как можно быстрее, до начала летнего сезона.

Корр: Я заметила, что Вы достаточно активно участвуете в «Живом журнале». Как Вы оцениваете этот сравнительно новый вид общественной коммуникации?

ИК: Как потенциально интересный, хотя пока в нем слишком много «кухонного». Это, конечно, неизбежность любого открытого форума, но хотелось бы, чтобы было меньше этого «кухонного» и больше понимания, как можно эффективно пользоваться этим инструментом. «Живой журнал» — это индивидуальное средство массовой информации, которое до сих пор не оценено по-настоящему.

Зачатки такого понимания можно заметить уже сейчас: активные, имеющие свою позицию пользователи уже давно не воспринимают его как личный дневник. Но все в немалой степени зависит от социальной структуры каждого конкретного «комьюнити».

Портал «КМ.ру», 13 апреля 2006 г.

Кто именно скурвился

«Я не неконформист», — утверждает Илья Кормильцев. После чего добавляет: «Моя задача — разрушить этот мир».

Написать «Скованные одной цепью» и «Шар цвета хаки», издавать книги, моментально обретающие скандально-политическую славу (от сборника околоисламской публицистики «Аллах не любит Америку») до творчества российских скинхедов, просто активно не любить всякую государственную власть и при каждом удобном случае свою нелюбовь выражать публично — кажется, это и есть путь современного неконформиста в современной же России. Однако Илья Кормильцев, поэт, глава издательства «Ультра.Культура» и просто один из самых ярких политических вольнодумцев нынешней России, не любит, когда его называют этим заморским словом:

Юрий Васильев

ИК: Мне кажется, что термин «неконформист» используется сегодня в немного искаженном понимании: им обозначают любого человека, не согласного со сложившимся статус-кво. В этом случае неконформист выпадает из политического поля и из области интеллектуальной деятельности вообще куда-то в область социальной психологии. Закоренелый уголовник-социопат, который ловит девочек, а лучше мальчиков, чтобы их скушать, при таком понимании термина есть неконформист, хотя никакой мыслительной деятельности он не ведет. «Неконформизм» — одно из удобных политических ругательств, созданных 20 веком и уже ничего не означающих, кроме буквосочетания «нехороший человек». Как слово «фашист», например, или «педераст», ими ведь давно уже называют по большей части отнюдь не национал-социалистов и не представителей секс-меньшинств...

Илья как неконформист, не уважающий это слово, ведет войну на всех фронтах. Воюет он одновременно с депутатом-патриотом Адександром Чуевым и с правозащитниками всуе (по мнению Кормильцева) «использующими прилагательные “фашистский” и “нацистский” для демонизации политических противников». С либерализмом по Чубайсу и коммунизмом по Ленину. С единороссами и с «новыми правыми» Каспарова и Касьянова. За что Кормильцев, понятно, периодически огребают от всех. О чем иногда даже жалеет:

ИК: Ругнешь человека неконформистом, и всем ясно, что консенсуса с ним не достигнешь: маргинал, что взять. В этом смысле я ни конформистом, ни неконформистом не являюсь: я совершенно отчетливо осознаю свои политические задачи и вижу своих союзников.

ЮВ: И каковы задачи?

ИК: Разрушить этот мир. *(Илья подмигивает и, не сдержавшись, неприлично хохочет.)*

Для исполнения своей задачи Кормильцев не ищет легких путей, в том числе и терминологических:

ИК: Конформист, если угодно, — последователь учения Лейбница: он считает, что мы находимся в лучшем из возможных миров. Отнюдь не в том смысле, что в нем проблем нет, — просто, дескать, другого не завезли и не завезут, и надо жить в том, что есть. Чирикать против можно, но строго в рамках законов, навязанных этим миром. Вся правая оппозиция, даже самая яркая — вплоть до Каспарова — из таких лейбницианцев и состоит. Они сражаются с Путиным и некими политическими силами, стоящими за ним, вместо того, чтобы поставить под вопрос саму разумность устройства окружающего их мира. Убрать одного политического властного субъекта, поставить на его место другого — это вполне конформный путь. Если определить неконформизм как антилейбницианство, то да, в таком случае я неконформист.

Я тут под давлением кваканья с разных сторон (но с одного болота), обвиняющих меня то в «нацизме», то в «жыдо-либерализме», задумался — а может я сам чего-то не замечаю? Может, мои воззрения претерпели существенные изменения с 1990-х? ...И я понял, что не изменилось ничего — просто болоту рассуждения типа «вот в молодости я тоже слушал “Наутилус”, а теперь эта сволочь скурвилась» гораздо удобнее, чтобы не задумываться над тем, *кто именно* скурвился. [Здесь и далее — выдержки из «Живого Журнала» Ильи Кормильцева karmakom.livejournal.com. Стилистика оригинала сохранена. — *Ред.*]

Это было проявление прежде всего поэтического импульса, — говорит Илья сегодня о своих 20-ней давности текстах для группы «Наутилус Помпилиус». — Плюс проявление реакции на то, что делала система со мной и теми, кто думал так же, как я. То есть, вполне себе конформизм в известной степени. Советский строй обуржуазился, охранительная функция застоя выталкивала за пределы системы любые символы — как в прямом, так и переносном смысле, — которые были ей чем-то не по душе, шли вразрез с официальной линией. В этом смысле, допустим, Куба куда гибче: из искусства система инкорпорировала все, вплоть до самого продвинутого сюрреализма...

Сейчас, считает Кормильцев, идет вторая попытка сделать то, что не смог сделать застой: обеспечить сохранность элиты за счет подавления всего остального:

ИК: Нынче это, конечно, сложнее сделать. Идеологии внятной у элиты нет: нельзя быть одной ногой в Куршевеле, а другой во Псковском монастыре, эфемерность возникает.

ЮВ: Илья, это правда, что вы ненавидите русских?

ИК: Надо сперва определиться, что мы имеем в виду под словом «русские». Если пятидесятипроцентный едросский [«ЕР». — *Ред.*] электорат, то да, да и еще раз да. У быдла нет национальности.

«Чушь какая! — кривится Кормильцев, услышав о том, что разрушитель системы вольно либо невольно в эту систему впи-

сан — начиная от языка общения и заканчивая презренным металлом. — Это больших денег, независимых от режима, здесь нет, а маленьких сколько угодно. Что до языка, то даже во вполне вменяемых антилейбнищанцев вбили: разрушить конформистский дискурс можно только путем господства над этим дискурсом — как Горбачев, Яковлев и так далее. Но освоить систему, чтобы использовать ее в своих целях — это тоже конформизм. А речь на самом деле должна идти о создании новых систем, чтобы их количество было настолько велико, что ни одна из них не сможет претендовать на господство».

В политике Илья более всего уважает анархизм — естественно, ненасильственного толка:

ИК: Патлатый чувак, бутылка портвейна в одном кармане и самопальная бомба в другом — когда-то такая историческая карикатура действительно имела место, но не сейчас, если разговор идет о современной анархии. Возьмем классических политических конформистов — Ленина и ленинистов. Они скинули с горы царя-бояр-помещиков-капиталистов и взяли гору себе, чуть-чуть по-иному обустроив ее вертикальную структуру. Нонконформизм и анархизм же прорывают эту гору изнутри, протачивают ее ходами так, чтобы в один прекрасный момент выяснилось, что никакой горы-то, собственно, и нет, она изрыта. И тот, кто сидит на вершине горы, вдруг понимает, что на самом деле он венчает собой некий холмик. Как хозяин холмика он, конечно, наделен определенными правами — но они не тотальны, не парализуют тех, кто живет в ходах.

ЮВ: Например?

ИК: Право командовать армией, если есть внешняя агрессия. Но в мирное время ты не можешь приказывать владельцам своих ходов ничего. Можно конечно, говорить «если ты такой умный, где твои деньги?» и обзывать меня лузером, неудачником. Но надо понимать, что любая элита всегда самоназначена. И критерии ее самоназначенности легко подвергаются проверке — моралью, Уголовным кодексом, гражданским об-

ществом... Как вы думаете, многие ли владельцы рублевских особняков после тупой проверки буквой УК сохранят свое элитарное положение?

...я все же мечтаю дожить до дня, когда *реальное* ворвется в жизнь всей этой москальской мрази, спалит их джипы, прокатится по их успенско-рублевским дачкам, ворвется в их квартиры и убьет их детей: когда они доиграются наконец с манипуляциями, провокациями, символическими замещениями.

На контакт с действующей властной вертикалью Кормильцев не идет. Она, по его словам, тоже к диалогу не рвется:

ИК: Он просто нам не нужен, такой диалог: наши дискурсы не смыкаются. Вертикаль прежде всего реагирует на подобное себе. Почему так жестко обошлись с Лимоновым? Потому что он конформист-оппозиционер, который так и пишет: злой царь, не любящий свой народ — это Владимир Владимирович Путин, добрый царь, любящий свой народ — Эдуард Вениаминович Лимонov. А мне-то на х** никакой царь не сдался — ни хороший, ни плохой. Очень, конечно, красивая идея — пойти, скрыть до основания Кремль вместе с обитателями. Но на практике, даже если предположить такое, это окончится массовым кровопролитием и надстройкой стен Кремля еще на полметра. Мне интересно создать такой момент, когда люди в Кремле поймут, что ничем, кроме Кремля, они не управляют. Пусть сидят, проголодаются — выйдут.

ЮВ: Когда создадите?

ИК: Все это рассчитано на очень долгое время. Возможно, мы не увидим крушение вертикали как идеи власти, а может и увидим, сейчас все быстро. Максимум, кто мне нужен из власти — это шериф моего двора. Пусть он гоняет дворников, но только в том случае, если они листья или снег плохо убирают. Не надо пытаться управлять. Надо создавать как можно большее количество людей, которые управляют сами собой. Тогда у любой власти, у любой вертикали останется меньше

того, чем она может управлять. Чем больше альтернативы, тем лучше альтернативные формы хозяйствования, искусства, половых отношений.

ЮВ: А если в последнем пункте неохота искать альтернативу?

ИК: Окей, не ищи. Будь в своем сообществе, но дай и тому сообществу быть. А еще лучше поучаствуй в нем на игровых началах. Самую интересную переписку в своей жизни я вел в лесбийских чатах. К сожалению, в последний момент всегда приходилось отказываться от переноса отношений в реальность. Ты можешь даже собрать свое сообщество и пойти бить, условно говоря, пидоров, но при этом ты не должен отнимать у условных пидоров возможности собраться, прийти и побить тебя с соратниками. А вертикаль — отнимает...

В последнее время целый ряд моих знакомых, которые давно уже забыли, откуда у Путина растет харизма, внезапно вновь ее обнаружили.

Гуляя с одним из таких знакомых, известным израильским диссидентом Ш., я долго объяснял ему, почему в путинской России не может быть никакого достойного будущего ни у меня, ни у моей жены, ни у моих детей.

— Да-да, — озабоченно покивал головой Ш. — Но ведь зато он продает ракеты Ирану...

Обалдев от столь искрометной логики, я выпалил:

— Изя, мне абсолютно по х**, кому он продает ракеты!

Диссидент укоризненно посмотрел на меня как на дитя неразумное.

Недавно Кормильцев завел себе несколько анонимных «счетов» на ЖЖ — кроме, понятно, основного, на главной странице которого написано «Ilia Kormiltsev's journal».

ИК: Мне скучно, когда мне пишут, точно зная, кто я есть. ЖЖ как большая альтернативная игра в анонимность, в виртуальный мир, выхолащивается из-за персонализации участников. Если угодно, она тоже стала конформистским образованием. Надо переходить обратно к анонимности и не колоться.

Значит, надо вскоре покидать ЖЖ. Это принцип: как только какой-либо дискурс становится достоянием вертикали, надо сдавать эту территорию. Допустим, альтернативная литература (алкогольная, матерная) усвоена вертикалью? Усвоена: за нее дают официальные премии, ее изучают в вузах. Значит, надо искать другую альтернативу. На сегодняшний день в литературе это, на мой взгляд, религиозный фундаментализм, рефлексии на эту тему. Надо постоянно уходить от себя, иначе вертикаль тебя найдет...

«Цель — ничто, движение — все», — тот самый Эдуард Бернштейн, которого недобрым словом поминали почти на каждом занятии по истории КПСС. Кормильцев кротко признает, что да, Бернштейн. И еще немного Ленин образца «Государства и революции» — там, где про мир, в котором не будет границ.

ИК: Кто говорит о России? Меня, например, более всего интересует то, что творится в эмиграции, какие там сейчас идут тенденции, что создается. По одной простой причине: бытие в диаспоре избавляет от озабоченности судьбой территории. Евреи сильно потеряли после создания собственной властной вертикали — Государства Израиль: появилась точка на карте, в которую можно целенаправленно бить... Я е**л в рот любую страну в этом мире, так и запишите. Государство для меня — лишь комплект удобств, сервиса, которое оно предоставляет гражданам и приезжим. Смена гражданства — все равно что перезаключение контракта с провайдером. Чистый конвенционализм. Если я не могу выбрать что-либо иное, нежели аппарат угнетения, я выберу тот аппарат, который меня угнетает менее всего.

* * *

Когда этот номер «БП» готовился к выпуску, стало известно, что в издательство «Ультра.Культура» начали приходить прокурорские: депутат-патриот Чуев инициировал следствие по нескольким книгам, выпущенным Ильей Кормильцевым. Верти-

каль в очередной раз нашла одного из своих последовательных противников. Наверное, при такой позиции все же следует заботиться не только о грядущем мире, но и о нынешней судьбе территории. Иначе те, кто ей управляют, обязательно озаботятся твоей собственной судьбой. Впрочем, сам Кормильцев это знает наверняка. Иначе не написал бы 20 лет назад: «Если есть те, кто приходят к тебе, найдутся и те, кто придут за тобой».

Журнал «Большая политика», апрель 2006 г.

Интервью Дмитрия Румянцева

Часть 1

Москва, офис издательства «Ультра.Культура», апрель 2006 г.

Дмитрий Румянцев: Первый вопрос, быть может, несколько неожиданный: если бы у Вас была возможность уничтожить эту цивилизацию, воспользовались бы Вы такой возможностью?

ИК: Давайте сперва определимся с термином «цивилизация». Что это такое? Это биологические существа или система отношений, которая между ними существует?

ДР: Ну для Вас «цивилизация» — это что?

ИК: Для меня цивилизация — это все-таки система отношений. Я не думаю, что человеческий род в целом составляет собой единую цивилизацию. Цивилизация — это последовательность сменяющих друг друга крупных взаимоотношений между людьми, которые существуют на более длительном отрезке времени, чем то, что мы называем какими-то политическими или социальными формациями. Потом слово «цивилизация» имеет двоякое применение. Говорят о цивилизации в отношении какой-то нации или группы наций, или расы — это система их отношений. Например, говорят: Китайская цивилизация, Индийская цивилизация. Но также говорят о цивилизации как эпохе, например, «цивилизация Средних веков». Поэтому термин очень многозначный. Поэтому термин «цивилизация» нуждается, конечно, в конкретизации.

ДР: Ну хорошо. Допустим, мы говорим о либеральной западной цивилизации.

ИК: Если говорить о том, что сейчас называют либеральной западной цивилизацией, то лично у меня главная к ней

претензия — это то, что она не либеральная, в том смысле, как это понимали классические либералы. В этом смысле мне бы очень хотелось, чтобы всем стала ясна ложь, заложенная в ее названии. Для начала. Это, между прочим, уже шаг к ее уничтожению, для чего не нужно располагать никакими фантастическими силами.

Безусловно, сложившаяся система отношений, которая навязывается как универсальная и которая имеет совершенно четкие и понятные центры навязывания, четко обозначенную политику навязывания и четко обозначенные собственные задачи — это опасное явление. И я бы его, наверное, уничтожил. Если допустить, что я располагаю неким демиургическим всемогуществом, то я бы уничтожал ее, как уничтожает врач-онколог раковую опухоль, метастазы. Я бы очень тщательно выбирал, где бы провести линию разреза, чтобы не задеть здоровые ткани. Для меня современное развитие так называемого «либерального западного проекта» подобно злокачественному заболеванию.

То есть некоторая совокупность внутренне здоровых идей, которые формулировались в 17–18 веках, и которые парадоксальным образом породили как эту так называемую либеральную цивилизацию, так и ее самых яростных противников, как справа, так и слева. Все они выросли из одного корня. Из корня постановки вопроса по отношению к той традиции в контексте средневековой северной европейской культуры. Там, безусловно, было много здоровых идей, которые нужно четко отделить от их практического воплощения, от их интерпретации и их манипуляции, произошедшей в более позднее время. Но сам этот напор в виде современного либерализма я бы, конечно, уничтожил без малейшего сожаления и совершенно беспощадно. При этом, если мы говорим, что цивилизация — это есть отношения, то есть и носители этих отношений. Есть люди, которые практически неисправимы, с ними разговаривать практически бесполезно. Следовательно, при подобной хирургической операции мне пришлось бы пожертвовать ими. Это бесспорно.

ДР: На Ваш взгляд, Третий рейх был апофеозом западной цивилизации или же это был проект, направленный на ее уничтожение?

ИК: Сам по себе Третий рейх был сложным проектом, внутри которого было несколько течений. Мы помним, что ранние истоки носили ярко выраженный традиционалистский характер, и они развились в то, что в современной Европе называют новыми правыми — их традиционалистскую линию, которая идет через Генона, Эволу и т. д. В нем был и очень сильный момент, связанный с национал-социалистическим дискурсом, связанный с определенными версиями левых традиций. То есть это было комплексное явление. Когда говорят об идеологии Третьего Рейха, то забывают вот о чем. Хотя сам Третий рейх существовал всего 12 лет, но был длительный период подготовки к нему, который начался фактически в 1970-е — 1980-е годы при консолидации германской нации на почве Пруссии.

Если рассмотреть Третий рейх как глобальную систему, не ограничиваясь временем политического существования, то она испытывала также очень сложную и разнообразную эволюцию. Это примерно так же, как когда говорят об СССР, не замечают, что не было одного СССР, а было как минимум три СССР. Слово «советское» ничего не значит. Какое советское? Советское левых коммунистов или авангарда 1920-х годов? Или советская брежневская эпоха 1970-х — начала 1980-х? Это разные «советские».

Также и Третий рейх, в нем были заложены очень различные потенциалы, многие из которых продолжают достаточно активное существование в тех или иных дискурсах. Я считаю, что, конечно же, была реакция на первое проявление финансового неолиберализма, на первое проявление международного интернационального империализма, такого космополитического. Конечно, это была одна из первых ответных реакций, защитных по отношению к традиционной европейской северной культуре. И, безусловно, было очень много попыток спасти и отстоять от этой эрозии традиционные ценности. Но, как

это всегда бывает с активным проектом, в нем начинает что-то отбрасываться ради чего-то. В результате, мне кажется, трагедия Третьего Рейха заключается в том, что он позволил манипулировать собой. И в итоге сыграл на игру противопоставления двух мегапроектов: советского проекта и нацистского проекта. Проигрыш оказался в конечном итоге на руку самому мировому ростовщичеству, против которого первоначально германский национал-социализм и позиционировался. То есть в какой-то момент интенция была потеряна.

Я думаю, что ловушка состояла в чересчур узкой и чересчур пристрастной интерпретации расовой гипотезы. То есть тогда, когда Третий рейх потерял свое значение универсального проекта и начал восприниматься, как традиционный проект германского империализма, то в этот момент он потерял ту более широкую поддержку, на которую мог бы рассчитывать. Точно также СССР, отказавшись от концепции интернационализма и обрушив свой удар по Коминтерну и по его работникам, подорвал свою репутацию, как международного интернационального проекта, проекта планетарного значения. В этот момент СССР оказался в позиции изолированного полюса силы. Хотя в 1960-е и 1970-е годы предпринимались попытки восстановить интернационалистическое значение.

В результате, замкнувшись на ценностях традиционнo-национальных вопреки ценностям более универсальным, оба проекта стали жертвами манипуляторов, которые смогли столкнуть оба проекта лбом. Выигрыш от этого получила формально Америка на традиционнo национально-геополитическом уровне анализа, а реально — тот самый неолиберальный проект, который получил вместо двух противников, бывших в начале, только одного противника, т. е. упростил для себя ситуацию. А затем уже начал подрывать оставшегося противника всеми своими силами. Мне кажется, вот здесь была беда и здесь закончился универсализм, который, безусловно, присутствовал у национал-социалистического проекта при его рождении.

Но, безусловно, Третий рейх — это одна из самых ранних защитных реакций на то, с чем мы имеем дело сейчас в лице монополярного мира.

ДР: Сейчас, судя по некоторым вашим интервью и публичным высказываниям, ситуация в России Вам активно не нравится. А был ли такой момент, после того как рухнул «Совок», когда Вы испытывали определенную радость по этому поводу?

ИК: Активного торжества в стиле: «Ох, замечательно, мы победили!» — я никогда не испытывал. В принципе, еще в середине Перестройки мы испытали большой шок, столкнувшись с политическим дискурсом, что начал формироваться в качестве одного из эксплуатантов символов рок-движения, которое начало активно эксплуатироваться именно в духе либерального контекста. Для нас это было, честно говоря, некоторой человеческой неожиданностью. Когда мы вырвались в столицу и вдруг поняли, что нас рисуют совсем не те люди, с которыми хотелось бы, условно говоря, дружить. То есть, конечно, никакого такого торжества не было. Конечно была радость по поводу падения наиболее противных элементов позднего брежневизма, которые были откровенно фальшивы, прогнили изнутри, которые уже никуда не годились, в которые никто не верил, в том числе и те, кто работал на защиту этой части позднесоветского ханжества. Но какого-то особого торжества, еще раз скажу, никогда я не испытывал.

ДР: Считали ли Вы себя в 1980-х революционером и считаете ли сейчас?

ИК: Слово-то какое... Я считаю себя человеком, у которого есть активная позиция. При определенных стечениях исторических обстоятельств эта позиция может стать революционной. Но, конечно, профессиональным революционером я себя не считаю. Я все-таки художник по преимуществу, издатель, поэт, публицист. Но какую точно я позицию никогда не разделял — это позицию, так сказать, «революциофобов», которые говорят, что при любой ситуации лучше спокойствие... Существует огромное количество ситуаций, при

которых компромисс — это плохо, компромисс — это невозможно, компромисс — это поражение. И тогда революция остается единственным выходом. И мне кажется, что любой интеллектуально активный человек, у которого своя метафизическая позиция, свои жесткие требования, свое черное и белое, свое добро и зло, свой бог и дьявол, он не может сказать вслух, что революция в любом случае, это плохо и он на нее не согласен. Мне кажется, что боязнь революции присуща тем людям, у которых нет четкой метафизической позиции, которые заботятся прежде всего о своей собственной биосохранности. Ну то есть то, что называется мещанин, обыватель.

ДР: Есть такое понятие «система», которое многие используют, правда подчас вкладывая разный смысл. Но общее у всех: система — это некоторое зло, которое всех «гнобит», с которым надо бороться. Система плоха, потому что она система. Вы используете этот термин? Если «да», то что для вас система?

ИК: Для меня система — это, в первую очередь, некоторое отчуждение человека от политического процесса. Система — это некий механизм отчуждения от принятия решений всех тех людей, которые хотели бы принимать в этом участие. Все эти разговоры о демократии фальшивы уже потому, что демократия не может принадлежать всем. Уже с момента зарождения в античном мире демократия опиралась на определенный ценз допуска. Этим цензом очень часто злоупотребляли определенные касты или властные группы, которые делали, например, принадлежность по праву рождения единственным основанием.

Ротация элит необходима — противное вредно для самих элит. Но в любом случае, есть активные участники, которые хотят решать — они должны быть допущены. А есть, грубо говоря, быдло, которому все равно, и вовлекать его не надо, потому что у него нет собственного мнения. При демократии этот процесс становится объектом манипуляции. Сегодня мы видим болезнь всех демократий, полный крах современной электоральной

системы. Система — это нечто, на основании формальных критериев, не обоснованных философски или религиозно, присваивающее себе эксклюзивное право на отчуждение всех прочих субъектов от политического процесса. В этом смысле самые совершенные системы — это системы конспиративного толка, закрытые системы, которые настолько не заинтересованы в участии посторонних, что даже никак не оформляют себя во внешнем плане.

Например, одно дело, скажем, в феодальной системе класс аристократов, который себя активно наглядно манифестирует: «именно потому, что мы благородное по рождению, мы будем все решать». В этой ситуации имеется возможность полемики, когда, например, появляется какое-то третье сословие, задающее вопрос: «Почему это вы будете все решать? Вы ничего не умеете, кроме как на балу плясать да на лошадях скакать. А мы строим фабрики и заводы, накапливаем капиталы, открываем другие страны. Почему мы не должны участвовать в решении вопросов?»

Сейчас, что страшно, все больше и больше усиливается процесс, когда элиты прибегают к способам власти скрытой — крипторитма. То, что мы видим на примере нынешнего либерального мира — это давно не государственное правительство и даже не международные организации. Сейчас подчас все решают люди, которых никто не избирал, никто не назначал, да чаще всего и даже просто никто не знает. Ну например, со дня учреждения в 1927 году ни разу не публиковался состав акционеров Федерального резервного банка США, который является частным предприятием. А ведь эти люди решают, сколько будет еще напечатано долларов, то есть активно влияют на мировую политику. И эта схема становится все более используемой в рамках либерального проекта. Этот термин вообще насквозь фальшив, поскольку реально направлен не на максимальный, а наоборот, минимальный допуск извне участников принятия решений, вопреки всем традиционно существовавшим интерпретациям слова «либерализм». И, кстати, как сказано в одной

книжке, которую мы скоро выпустим, совершенно не важно, являются ли «Протоколы Сионских мудрецов» подлинным документом или это фальшивка, сфабрикованная царской охранкой, подлинность «Протоколов» уже неважна потому, что мировые элиты действуют в точном соответствии с этими «протоколами». (Смеется.)

Система — это в той или иной степени заговор, если мы понимаем под заговором соглашение о недопущении в этот закрытый круг лиц.

ДР: Вы себя к какому лагерю относите: либерал, левый, традиционалист?

ИК: Самыми притягательными для меня идеями организации (хотя я понимаю их малую реализуемость в современном мире) являются идеи раннего американского индивидуалистического либерализма, предшествующего непосредственно американской революции. Это идея о том, что группа свободных граждан, свободно собравшаяся на свободной территории, полномочна сама вырабатывать законы, по которым им надлежит жить. Другое дело, что я считаю эти идеи нежизнеспособными в современных условиях — экономических, социальных. После краха идеи о легком и быстром завоевании Космоса, эта идея о возможности самоорганизации групп на свободных территориях, выглядит утопичной в силу отсутствия свободных территорий. Поэтому для меня это утопическая мечта. Утопия о том, что могут существовать какие-то общины, которые решают все сами при минимальном вмешательстве манипулятивного отчуждающего постороннего к их нуждам потенциально конспирологического государства, которое находится во власти какой-то узурпирующей группировки, хорошо, если явной, а еще хуже, если криптоэлиты.

У меня всегда было тяготение к этому дискурсу, хотя у меня сложная этическая философия, на формирование которой влияло и радикальное христианство, а частично и левый дискурс — марксистский. Я затрудняюсь с точным самопозиционированием. Я предпочитаю жить в ожидании появления идеологии,

которая меня полностью удовлетворит. Но я считаю, что традиционные политические дискурсы в определенной степени исчерпаны. Требуется их радикальное переосмысление, чтобы мы смогли заговорить на языке нового времени. Требуется синтез всего положительного, что было в этих дискурсах, чтобы дать новый источник сопротивления внутри человечества в целом и внутри отдельных его частей.

Сейчас мы живем в эпоху кризиса глобальных задач. Нынешние традиционалистские задачи оборачиваются формой, что мы видим постоянно. Если мы берем религиозный традиционализм и фундаментализм, если мы берем политический фундаментализм левый или правый — они все немного грешат пороком возвращения в прошлое в таком стиле: когда-то было «зашибись хорошо», и туда надо вернуться, чтобы вернуть это «зашибись хорошо», стереть все то историческое время, которое прошло между «сейчас» и «золотым веком» и т. п. Все они очень часто грешат ретроспекцией. Мне кажется, что когда человечество заходит в кризисную ситуацию, то вектор прорыва должен быть направлен вперед — не ретроспективный, а футурологический исход. Это должен быть модернизирующий проект, даже если он отчасти использует исторические прецеденты и элементы «золотого века», но все равно должен понимать, что эти модели «золотого века» в новых условиях должны быть отстроены по новому.

Хорошо Лимонов, кстати, когда-то в одной из ранних «Лимонок» написал про Васильева, кажется, который где-то, отвечая на вопрос «что его сделало националистом» ностальгически вспоминал, как когда-то в деревне у своей бабушки кушал мурцовку, которую та делала.

ДР: Мурцовка? А что это такое?

ИК: Видимо, разновидность толокна или чего-то в этом роде. Так вот, Лимонов писал, что революцию можно по-разному делать: можно на баррикадах драться, а можно мурцовку хрпать. К сожалению, подавляющее большинство русских

национал-патриотических движений, на мой взгляд, сегодня сильно страдают «мурцовкой». С православными национал-патриотами вообще все понятно: батюшку-царя им подавай с хоругвями и всем соответствующим комплектом попов, который к этим хоругвям полагается. С патриотами коммунистическими тоже все понятно.

В этом смысле мне симпатична яркая лимоновская линия «другой России» и других русских, которая, конечно, весьма путанная и политически частично бредовая и нереализуемая, но нравится сама интонация, что нужно все зачистить и построить на этом месте новое, что старые попытки самоидентификации никуда не годятся, потому что их уже пробовали, и они кончились известно чем. Сама интонация на построение чего-то нового, а не реставрацию какого-то былинного Китеж-града — очень правильная.

В моем сознании огромное количество национальных движений, составляющих национального процесса вызывает резкое отторжение, вплоть до неосторожных фраз, которые были интерпретированы, как русофобские. Все цитируют эту фразу, но никто не приводит бородинскую фразу, на которую я, собственно говоря, и ответил. А фраза была такая: «В начале должна идти идентификация — русский, а уж потом все остальное — либерал, коммунист и прочее». На это я ответил, что термин «русский» вообще не имеет право на политическое бытование, потому что это попытка манипуляции популярным среди многих людей термином. «Эти русские» связаны со всем комплексом русофобских представлений — вся та «Россия, которую мы потеряли», якобы, к сожалению, мы ее еще не потеряли, она по-прежнему с нами. Все хорошее из нее убрали, а все плохое осталось с нами. И никто его пока не терял, к сожалению.

Вот эта постоянная направленность куда-то в прошлое и, самое главное, непонимание того, что любой реальный успешный проект сегодня, в эпоху глобализации, должен, даже если он национально сформулирован в своей основе, носить глобалистический вектор. Он не должен быть изоляционистским.

Любой изоляционистский проект в этом смысле — это сразу превращение из субъекта истории в объект истории. То же самое, кстати, не понимают наши исламофилы, когда начинают кричать: «Вот аятоллы, они молодцы, они против Соединенных Штатов». И что? Соединенные Штаты рады, что есть аятоллы, а аятоллы рады, что есть Соединенные Штаты. Как они дружно действовали в процессе о карикатурах? Фактически на один голос. Всем было удобно. И когда эти исламские проекты изоляционистские защищают свой изоляционизм, то они, конечно, правильно делают, они владеют нефтью и неслабо с нее имеют.

ДР: Да, но суть рассуждений некоторых патриотов у нас тоже, собственно, сводится к этому: мы имеем нефть и надо просто сделать так, чтобы каждому гражданину России от добычи этой нефти что-то капало. И тогда все будет хорошо.

ИК: Давайте определимся. Есть такие патриоты-державники, которые державу трактуют не как-то абстрактно, а конкретно имеют в виду нынешнее государство. Я что-то ни разу не слышал, чтобы из их рядов раздавались голоса о том, чтобы сюда что-то «закапало». Наоборот. Я думаю, они выполняют некий заказ.

ДР: Кого Вы к этим патриотам относите?

ИК: Если говорить про популярных интернетовских персонажей, то это всякие Кашины, Паркеры. Причем они, кажется, искренне считают, что все люди живут хорошо, не только они. Их как не считаешь — кругом именины сердца.

Но на самом деле мы имеем дело не с каким-то патриотическим и национальным правительством. Мы имеем дело с шайкой-лейкой, которая изображает из себя все что угодно — «хрюкает мурцовку» и готова креститься или там поднимать черно-бело-золотистый триколор или красное знамя с серпом и молотом. Главное для них — что хозяин скажет, его интересы всегда первые. А хозяин не здесь — это совершенно очевидно. Все остальное для отвода глаз.

ДР: В начале апреля состоялась презентация очередного антифашистского проекта «Интернационал». Я не совсем понял, Вы подписали его?

ИК: Нет, я ничего не подписывал в этом проекте. Я пришел туда, потому что мне было интересно посмотреть на этот зверинец. Кроме того, я распространил там свой параллельный документ, который никто из журналистов не опубликовал. В документе я вынес следующее предложение: давайте будем рассматривать этот «Интернационал» как некую согласительную комиссию, которая будет определять политическое поле. Я привел список организаций, которые злоупотребляют словами «фашизм», «ксенофобия», чтобы мочить своих политических противников. Я вывесил этот список в Интернете, а через неделю включил в этот список и сам «Интернационал».

ДР: На Ваш взгляд, откуда берется антифашизм в том ключе, как его позиционирует тот же «Интернационал»? То есть постоянные стенания о росте русских якобы экстремистских организаций и полное закрытие глаз на то, что еще быстрее идет рост этнических мафий и притеснение русских потому, что они русские?

ИК: Я считаю, что это одно из продолжений и воплощений сурковской доктрины об управляемой демократии. То есть в определенной степени по этой концепции необходимо следить и за теми, и за другими. В одном случае используется традиционный дискурс либеральных неправительственных некоммерческих общественных еврейских правозащитных организаций, которые пользуются такой речевкой с самого начала своего существования, всюду видя фашистов, нацистов, ксенофобов, антисемитов. Этот дискурс используется для провоцирования антифашистской составляющей. С другой стороны используется богатое национал-патриотическое поле, среди которого всегда есть манипулируемые люди, а то и провокаторы, которые находятся на полном содержании. И растравливание этого противоречия, по мнению манипуляторов, долж-

но отвлечь внимание от самого Центра, от самих кремлевцев и готовящегося «Проекта — 2007». То есть погрузить общество в этот конфликт, который не является естественным. Но под ним лежат реальные проблемы массовой миграции, изменения национального состава, разрушения социальных структур, особенно в провинции. Идея состоит в том, чтобы сделать этот дискурс самым важным и убрать из него все экономические и властные коннотации, свести его исключительно к конфликту «дремучих национализмов». Построить всех таким образом, потом отодрать, возможно и до крови, до большой крови, а в этой воде ловить свою рыбку. И на волне растущего страха эскалации этого конфликта себя еще раз продать, как власть порядка.

ДР: Согласно всем соцопросам, не менее 70% граждан России поддерживают лозунг «Россия — для русских», который — давайте не будем ханжами — является упрощенным фашистским лозунгом.

ИК: За тем, что власть называет фашизмом, стоит некая биомасса — огромное количество людей, которые именно так интерпретируют ситуацию, именно так ее видят. Именно так же власть позиционирует антифашизм, за которым стоит гораздо меньше людей, но гораздо больше денег. В результате у власти возникает представление, что это можно уравновесить.

ДР: Некий паритет?

ИК: Да, некий паритет. С одной стороны, немного людей, но большой приток денег, как иностранных, так и внутренних ресурсов. С другой стороны, мало денег, но большое количество людей, которым даются простые и всем понятные лозунги. И надежда, стало быть, на то, что пока между ними идет драка, то есть этот паритет сохраняется, власть будет в относительной безопасности. Если же кто-то в этой ситуации излишне вылезет, то «мы как надули, так и сдуем». Случай с Рогозиным очень показателен — это такой примерный урок для всех.

Но власть постоянно переоценивает свои силы и возможности, считая, что может безнаказанно кататься на тигре. Напри-

мер, некоторое время назад власть создала фантом «оранжевой угрозы», чтобы бороться с ней и отпиливать кусками бюджет. Никакой «оранжевой угрозы» не было, но в результате действия власти по борьбе с ней, в результате эскалации «борьбы», эта угроза появилась, теперь она есть.

Такие манипуляции смертельно опасны для любого серьезного политика. Но дело в том, что наши политики не являются серьезными политиками — они дельцы, а не политики. Все их проекты рассчитаны на очень малый временной промежуток, потому что все они нацелены на то, чтобы хапнуть денег и спрятаться. Никто не думает, что будет со страной даже через 20 лет. Им это вообще не интересно. Им интересно, что будет с ними через три года. Где они окажутся? Какие у них будут политические и юридические гарантии, гарантии их капиталам? Только в такой плоскости они и рассуждают. Поэтому у них игры такие, которые для серьезного политика были бы фатальными. То есть, с одной стороны, делаются громкие заявления о Великой России, а с другой открываются нараспашку двери для дешевой рабочей силы и становится понятно, какие слова для кухонь, а какие слова для улиц, если выражаться моими собственными стихами. (*Смеется.*) Только в обратном уже понимании. То есть кухни здесь оказываются — это не кухни интеллигентов 1980-х, а кремлевская кухня на Рублевке. Два дискурса: один настоящий, за который они готовы головы отрывать и убивать, а другой символический, который ими рассматривается, как способ управления народонаселением.

Другой вопрос: может ли эта веревочка виться бесконечно? Это большой вопрос. Сколько эта система сдержек, противовесов и манипуляций еще может работать? Мне кажется, конец уже виден. Почему? Интересный момент, что ответ на него лежит не в России. Может быть и в России она не будет виться бесконечно, но факт, что Россия настолько сильно включена в глобальную систему отношений, что... Ведь эти люди, которые правят Россией — это же молодняк эпохи Перестройки. Для них все просто: вот есть Россия — мерзкая и убогая, где можно

делать хорошие деньги, а вот Запад, который «нам поможет». Но ведь на самом деле этой системы уже нет. Мир начинает расшатываться, несмотря на все усилия неолиберальных моголов и бонз. И очень скоро им будет очень трудно найти на планете Земля безопасный уголок.

Правда, тут уже вступает в действие крупнокалиберная версия теории заговоров о том, что может быть они и жить-то не собираются на этой планете. Но так далеко мы заходить не будем. (*Дружный смех Кормильцева и Румянцева.*)

ДР: В этой связи любопытна появляющаяся информация о проектах создания полностью автономных океанских суперлайнеров — таких плавающих островов, как в романе Жюль Верна.

ИК: И океанских суперлайнеров... И, судя по всему, мировая криптоэлита будет сейчас все больше вкладываться в создание так называемого бессмертного оружия, в разработки новых способов контроля за сознанием и прочее. Они будут искать спасения. Спасения они будут искать для себя и территории защиты. Причем наши-то пока еще находятся на периферии этого процесса, потому что пока верят в традиционные ценности — украл и убежал в Швейцарию, или в Уругвай, или не знаю куда. А на Западе уже понимают, что это не совсем так и ищут каких-то альтернативных способов контроля за ситуацией, потому что традиционные методы геополитики перестают действовать. Потому что, знаете, я в одной статье довольно цинично написал паравраз на известное «Можно ли после Освенцима писать стихи?» Я написал: «Можно ли после Беслана захватывать детей в заложники? Нельзя! Потому что надо придумать что-то покруче». Вот и здесь примерно такая логика. Самая большая опасность для человечества сегодня исходит от поиска новых попыток контролировать, создавая все более и более могущественного врага.

Часть 2

Москва, офис издательства «Ультра.Культура», апрель 2006

ИК: Традиционная логика биоманипуляции до сих пор строилась на том, что должен быть могущественный враг, который для всех однозначно хуже, чем тот status quo, который уже существует. Так на Западе всю эпоху Холодной войны разрабатывался образ советского коммунистического лагеря. После того, как он исчез, такой же образ стал срочно лепиться из мирового Ислама. Мировой Ислам радостно, в лице определенных своих властных структур, подыграл этому, решив, что Совку ведь неплохо в общем-то жилось, пока он противопоставлял себя Америке, так может им тоже будет неплохо постоянно противостоять Америке. Но опасность в том — вот как в примере про Беслан — враг должен быть каждый раз все круче. Если у Совка была атомная бомба, то неизбежно у Ислама она должна быть, иначе что же это за враг, которого можно убить щелчком пальца. А следующий враг должен быть еще круче. Таким образом, вся эта манипуляция напоминает игру в покер, когда при блефе ставки все время увеличиваются и увеличиваются.

Наиболее умные из мировых хозяев начинают понимать, что игру можно разогреть до такой степени, что и сам не уцелеешь, поэтому активно ищут новые способы контроля. Я думаю, что большая доля тех безумных денег, которая выкачивается через мировую спекулятивную систему быстрого движения капитала, она на самом деле направляет именно на эти цели.

ДР: Давайте от политики перейдем к культуре. Вернее, к «Ультра.Культуре». Почему «ультра-культура»? На мой взгляд, большинство из того, что издается в вашем издательстве, скорее относится к тому, что называют «субкультура».

ИК: Меня, как большого любителя античности и древних языков, интересует первичное значение слов. Первичное значение слова «ультра» — это не «чрезмерно», а «за границей». Для меня «культура» — это отрицательное, в принципе, понятие.

Культура — это пыльные музеи, дети, скучающие на абонементе в филармонии; культура — это некое замещение реального процесса познания мира и сознания индивидуума, позиционирующего себя по отношению к этому миру, неким культурным ритуалом, который человек должен пройти, чтобы сказать: «ну вот, теперь я культурный человек; вот это я знаю, вот это видел, это прочел, то посмотрел, туда ходил» и т. п. Но на самом деле грош цена той культуре, которая не заставляет человека переоценивать себя, ставить метафизические задачи и действовать.

Любые проекты радикального характера: проект красный, или проект коричневый, проект зеленый, словом, любой, — это все выкидывается либеральным обществом за пределы культуры. Ультра — это то, что по ту сторону; это не то, что есть область нашего политкорректного консенсуса, в котором все, что ставит серьезные вопросы и апеллирует к серьезному действию — к изменению, не важно в какую сторону, этого не должно существовать, потому что мы должны жить в мире тайного компромисса. То, что подпитывает этот компромисс, называют культурой. То, что не подписывается под этот компромисс, называется как угодно: маргиналами, фашистами, безумцами, диссидентами... Слов может быть, опять-таки, тысяча, но определяют они все то, что позиционирует точку зрения, с которой пока невозможно найти компромисс.

Поэтому мы и отказываем всему, что называется культурой, и выходим за ее пределы. Вот примерно такие основания скрываются за названием «Ультра.Культура».

ДР: То есть редакционная политика издательства заключается в том, чтобы публиковать тексты, которые лежат за пределами того, что сейчас носит название «культура»?

ИК: Да, безусловно. Причем эта концепция, несмотря на всю глобализованность нашего мира, национально ориентирована. Потому что то, что называли бы ультра-культурой в США, не совсем совпало бы с тем, что мы называем ультра-культурой в России. Например, те же православные патриоты у нас — это не ультра-культура, это — культура. А вот «Скины: Русь про-

буждается» — это ультра-культура, поскольку лежит за рамками допустимого консенсуса, в котором говорится: «У нас этого не должно быть». А, скажем, для Китая, даже либеральные тексты в новом смысле этого слова, какие-нибудь Фукуяма или Хантингтон, будут являться ультра-культурой, потому что там другой консенсус действует.

ДР: А «Урфин Джюс» был ультра-культурой?

ИК: По интендам вряд ли. Мы вообще тогда не понимали, за что нас запрещали. Мы на полном серьезе были уверены, что боремся с «негативными явлениями», как тогда говорилось. Мы пели про бездуховность, про фарцовщиков, про потребительство.

Возвращаясь к издательству. Нас все пытаются заклеить — «левое издательство», «желтое издательство», «коричневое издательство» и т. д., заклеить, чтобы затем манипулировать, как объектом. Но проблема в том, что старая идентичность разрушена и основным стимулом становится желание сохранить хоть какую-то идентичность вообще. Все из-за этого катка универсальной культуры, универсального подхода, универсальных ценностей. Поэтому мы в той или иной степени солидарны со всеми, кто восстает против этого процесса. Главной опасностью является этот неолиберальный проект, нивелирующий, космополитический, античеловеческий проект. Это потом уже можно будет разбираться в этом спектре недовольных, а пока ведь бессмысленно: «Фа ловят антифа — антифа ловят фа». Самое-то интересное, кто из них вдоль Рублево-Успенского шоссе рискнет пройти с факелами. Вот на этих я хотел бы посмотреть. А те, кто бьют морды друг другу... Если мы с вами говорили о системе, то они как раз системе и служат.

ДР: Возникает тогда следующий вопрос. Культура в вашем понимании, да, наверное, и в моем — это сейчас фактически уже шоу-бизнес. Шоу-бизнес — это деньги. Соответственно у всего, что «за пределами» с деньгами туга. Издательство не слишком коммерчески успешное?

ИК: Ну как сказать? Мы самовоспроизводящиеся. У нас задача заключается в том, чтобы иметь деньги на то, чтобы печатать новые книги и платить гонорары авторам. Мы не ставим задачи создания некоего капитала, который можно пустить в оборот. Мы ведь не собственники, мы все работники в этом издательстве. А у собственника какие-то свои комплексы, какое-то свое недовольство ситуацией, некий потенциал в нем, который заставляет давать его деньги.

ДР: Можете назвать наиболее успешные книги издательства «Ультра.Культура»?

ИК: Наиболее успешная наша книга (мы это, правда, не афишируем) — это «Черная медицина», которая уже приближается к стотысячному тиражу.

ДР: Что в ней такого захватывающего?

ИК: «Черная медицина» — это американский учебник о том, как выжить в городе, как правильно «розочку» сделать, как драться на улице, не владея специальными приемами, что делать, когда тебя связанного загрузили в багажник и т. д. Это пользуется бешеным спросом. И, кстати, спрос этот показывает, насколько насилие аккумулировано и на самом деле никуда с 1990-х годов не ушло. Путинская эпоха его просто замуфлировала какими-то внешними брызгами золотого дождя. Какое-то количество людей отвлекли временно в консенсус частной жизни, но при этом мера их недовольства ситуацией осталась высока.

Если в 1990-х годах общество напоминало бомбу, то сейчас оно подобно мине, которую турецкие строители задекорировали с помощью евроремонта (ресторанов понастроили, торговых центров, а внутри осталось тоже самое) тикающий часовой механизм.

После «Черной медицины» очень популярны тексты Лимонова, тексты Проханова, несколько переводных книг, «Скины...» Это я говорю о тех, которые пересекли десяти тысячную границу, что считается по меркам нашей книготорговли уже успеш-

ной книгой. Большинство же книг у нас тиражами от трех до пяти тысяч расходятся.

ДР: Чем вы руководствовались, когда приняли решение издать сборник «Правый Марш», в котором собраны уже совершенно конкретные радикальные фашистские стихи?

ИК: Это реальный поток реальной поэтической рефлексии, за которой стоит реальное отношение людей, некий дискурс, в котором очень много здравого, который имеет право на существование. Как бы он не был неудобен для определенных категорий общества — это не то, что можно скрывать. Мы против всякого сокрытия в рамках вышеозначенного компромисса. Прекрасные талантливые стихи, очень многие из них. Начиная от старых стихов еще времен Гражданской войны и вплоть до новых авторов, это все очень интересно. И если есть там конкретные призывы к насилию, то они в рамках этой поэтики. Потому что это поэтика непримиримости, поэтика конкретной политической, национальной и культурной позиции, она не может обходиться без этого.

Еще раз повторю: государство имеет право классифицировать, как призывы к насилию, только если я стою, скажем, на углу Тверской и Камергерского и призываю. Но в рамках определенного дискурса, даже если я говорю, что каких-то людей необходимо убить, я имею право на эту позицию. В противном случае человек превращается в кастрированное существо, дрессированную обезьянку, которой отрезали яйца. Ему вбили в голову: «так говорить нельзя, так поступать нельзя» и т. д. Я буду до конца отстаивать право человека выражать свое мнение, вплоть до выражения мнения, сводящегося к насильственному противостоянию идеям или каким-то группам лиц.

ДР: Хорошо, право на призыв... Если рассмотреть процессы конца 1980-х, которые в конечном итоге и разнесли государство на куски, то звукоряд этих процессов во многом состоял из двух групп: «Кино» и «Наутилус». То есть Вы, фактически, вооружили массы простыми и всем понятными лозунгами-пес-

нями. Как поэт, Вы не ощущаете свою ответственность за это? Ответственность за то, что некие несформулированные толпой идеи Вы перевели в разряд вполне понятных и вполне красивых текстов, и эти тексты спровоцировали дальнейшее действие. Или Вы считаете, что поэт стоит вообще вне какой-либо политической ответственности?

ИК: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» — давно было сказано, и Тютчев был в этом прав. Я не жалею обо всех этих стихах, потому что то, что я в них вкладывал, остается для меня до сих пор актуально. Протест — против того ханжества, в котором пребывал поздний Совок, против людей, которые жили исключительно животными интересами, против всей этой массы будущих хозяев страны, комсомольцев, фарцовщиков, против всей лжи, против всей скованности, он никуда не делся, я о нем ничуть не жалею, он был совершенно справедливым. Если в силу каких-то исторических процессов кто-то использовал данные художественные тексты, как аргументы против имперской идеи или коммунистической идеи, то я с этим ничего не могу поделать.

Стихи живут очень долго, если это неплохие стихи, то дольше самого поэта. Интерпретации меняются. Люди снова возвращаются к ним и находят в них иные смыслы. Если это так было воспринято, то я считаю, что это было преднамеренно организовано определенными кругами журналистского сообщества — именно такое восприятие русского рока, как право-либеральную протестную речь. С этим ничего нельзя поделать. Можно пожалеть, что мои высказывания были приватизированы для чуждой мне цели, но бегать по улицам и кричать «я не это имел в виду» достаточно глупо. Главное — продолжать писать, писать другие стихи, писать другие тексты, жить дальше, строить свою жизнь и как частного лица, и как политического человека, так чтобы в конце времен стало ясно, что на самом деле ты имел в виду.

Тут я не склонен к самобичеванию. Что получилось, то получилось. Мы были маленькими и наивными, мы были слабо информированы, как и большинство молодых людей нашего

поколения в эпоху этого позднего советского строя. Если и есть какая-то в этом доля нашей вины, то по сравнению с теми, кто с бодуна подписывал бумажки в Беловежской пуще, то она примерно как вина комара, укусившего Христа, по сравнению с виной тех, кто вбивал в него гвозди.

ДР: А как Вам сентенция о том, что поэт в России больше, чем поэт?

ИК: Эти сентенции, знаете, примерно из той области, как в 8-м классе мальчишки меряются, у кого писька длиннее. Я считаю, что эти сентенции — дурновкусие определенное, оттого что наша культура очень любит пользоваться штампами. Все культуры этим грешат, но у нас, русских, какое-то болезненное пристрастие к пословицам, к разным издревле устоявшимся журналистским метафорам и штампам, которые повторяются совершенно бездумно.

Я думаю, что поэт, все-таки, это не существо номер один в обществе. Художникам надо быть поскромнее и понимать, что они лишь зеркало или фотоаппарат, который снимает только то, что уже существует. И фразы, которые через них идут очень часто идут откуда-то свыше, а не из них самих. Когда художники присваивают себе какие-то особые полномочия и права в связи с этим, то мне кажется, что это дурновкусие.

Меня, например, начинает «ломать» вот от чего. Один депутат сейчас предъявляет мне претензии и в Живом Журнале у него появляются сообщения: «Да как ты смеешь наезжать на гениального поэта». Меня от этого коробит и съезживает. Я как раз в данном случае против Чуева ничего не имею. Он имеет право наезжать на меня; я имею право наезжать на него. Причем здесь какие-то стихи, которые я когда-то писал? Мне кажется, что это очень неприятная история. Всех надо судить одной меркой, если уж на то пошло. Не думаю, что мои стихи дают мне какую-то автономию или специальную защиту.

Также, кстати, как не думаю, что на меня это роняет и какую-то особую вину. В конце концов, если прислушаться, если

вспомнить, что мы писали... Ну возьмем такое, считающееся самым политическим произведение — «Скованные одной цепью»... Ну и что? Неправда, да? Где в этом тексте содержатся слова, что давайте мы будем отнимать у людей квартиры под ипотеки, заставлять всех работать за гроши на международные корпорации, которые будут выкачивать нефть? Там описывается реальная ситуация, в которую вошел позднережневский и постбрежневский режим, который сам уже заврался и жил капиталистическими ценностями, изображая из себя что-то коммунистическое. В песне содержится описание определенной безысходности, которая тогда была и выход из этой безысходности — «правый, левый...»

Так что я не чувствую угрызений совести. Угрызения совести могут быть за свое поведение политическое, за то, что я был недостаточно активен, недостаточно работал на поле публицистики, пытаюсь объяснить свои мысли в каком-то другом формате, менее абстрактном, чем поэтический. Я потерял много лет на рок-н-ролл в тот момент, когда он умер, как действующая сила сопротивления. Вот за это, возможно, испытываю угрызения совести, да. А за то, что писал? Почти ни за что.

ДР: В конце 1980-х миллионы, десятки миллионов людей, ненавидящих Совок — это сейчас они вдруг стали говорить, как хорошо было при Совке, а ведь тогда все его ненавидели — и я его ненавидел, и Вы его, наверное, ненавидели — находили для себя олицетворение своих смутных мыслей в основном в Ваших текстах и в текстах Цоя из группы «Кино».

ИК: В отличие от многих представителей моего поколения, когда мне говорят о том, как хорошо там было, я говорю: «не хочу туда обратно». Я потерял среди своих друзей, наверное, 80% своего поколения и предпочитаю дружить либо с людьми много старше, либо много моложе, именно в силу этой мерзкой ностальгии по портвейну, подъезду и колбасе. Мое отношение к тому режиму не изменилось ничуть. Да, из-за его гибели возникли какие-то огромные человеческие страдания, исторические издержки... Ну а как он — режим — мог жить?

То есть никакой ностальгии по тем временам у меня нет. Если я испытываю ностальгию, то очень часто жалею, что не жил в 1920-е годы. Для меня Советская власть в большей степени была в рассказах деда, старого коммуниста, чем в том, что я видел в школе и вокруг себя. Нет поэтому прощения... Даже такой яростный националист, как Проханов, в частных беседах на мой вопрос: «Будет здесь еще что-нибудь», — отвечает: «Я очень сомневаюсь». Я спрашиваю: «Почему?» «Это кара, кара за предательство великого проекта, все равно мы должны нести кару и сколько она продлится неизвестно». Все это растление, распад... Проханов любит говорить о мести красных привидений. Он, например рассказывает: «У меня есть разные знакомые, кому за 50, которые стали успешными бизнесменами, банкирами, миллионерами. Все у них хорошо, все идет как надо, и вдруг начинает разрушаться, разваливаться, с ними происходят страшные истории, у них отнимают деньги, в семье заболевают страшными болезнями, раком, и человек не понимает, что же с ним происходит». Я у него спрашиваю: а дедушка у тебя кем был. Человек начинает рассказывать про своего дедушку и все выясняется. И я говорю — это тебе призрак красного дедушки и мстит. (Смеется.)

Коммунистический проект — это очень сложный проект, в нем было очень много противоречивого, много потенциально опасного, о чем критики его уже много раз говорили. Традиционалистские правые критики говорили, что в коммунистическом проекте было некое неуважение к человеку, как к национальному, культурному, биологическому существу. Некий прыжок через голову был, который обычно связывают с сильным присутствием еврейского элемента в коммунистическом и красном движении, там было их мессианство и склонность оторваться от чего-то... Было. Но были и по настоящему великие моменты. То есть проект, конечно, великий. И то, как он бездарно продавался и предавался в 1970-е — это, конечно, огромная вина вот этого Совка, в котором мы реально

родились и выросли. И эту вину, на самом деле, простить трудно. Говорить: «Ой, зачем мы это все натворили, лучше бы туда назад вернуться»... Да не было там уже никакого «назад».

ДР: А ведь на самом деле это вина больше товарища Проханова, который и был певцом этого Совка.

ИК: Ну да, он постарше, он успел уже на этом засветиться. Я-то по малолетству присутствовал только при начале деградации и развала. Да, он тоже это понимает. И хорошо, что понимает. Потому что, как я говорю, ретро-проекты меня мало волнуют. И по своей структуре, и психологически, и по убеждениям, я никогда не вижу в ретро-проектах ничего... Вот почему Хозяева — с большой буквы — так любят ретро-проекты? Да понятно, почему. Ретро-проекты никогда не угрожают ничему в этом мире, никакому будущему, которое пытаются для себя приватизировать «Хозяева». Все ретро-проекты идут в ту-пик. Поэтому им не мешают. Хочешь истово молиться по афонским монашеским правилам? Да иди, молись, главное — к газгольдеру не подходи. (*Смеется.*) Все эти анклавов, они всего очень-очень-очень-очень (*неразборчиво*) с позиции компромисса и допускаются в этом поле. Вот есть у нас сумасшедшие люди, монахи — они в монастыре живут; сумасшедшие, да, но они никого не трогают. Поэтому им позволяют быть.

ДР: На Ваш взгляд, есть сейчас какие-то проекты, может быть и не музыкальные, по энергетике хоть в чем-то сходные с «Наутилусом»? Например, «Правый марш», который готовится к выходу, есть ли в ней что-то, способное завести не только приверженцев НС-идеи, которым она, собственно и предназначена в первую очередь, а более широкие общественные слои?

ИК: Не знаю. Трудно сказать. Дело-то не в самих текстах — прозаических, поэтических, каких угодно, а дело в их симфонии с ситуацией. Востребованность любого слова всегда двоякая. Талант никогда не является какой-то внутренне абстрактной величиной; важно, где и когда он применяется. Скажем, электрический ток... Можно посадить преступника на электрический стул, можно корову забить на бойне, условно говоря. Причем

и там, и там сила тока будет одной и той же. То же самое и поэтический талант. В другой ситуации при той же самой интенсивности, при том же самом таланте не сработает. Поэтому мне кажется, может быть, это довольно парадоксальное для поэта высказывание, но мне кажется, что от самих стихов мало что зависит. Семя, упавшее на камень, не всходит, а семя, упавшее в чернозем, сразу же прорастает и начинает буйно расти. Должна быть взаимная готовность. Поэтому так говорить — глядя просто на текст, на музыку, будет ли это иметь мощный резонанс, нельзя. Что-то можно сказать, только глядя на текст, когда он уже действует в людях.

К тому же в вашем вопросе есть некоторое противоречие — подействует ли «Правый марш» только на людей, «которые в теме», или еще и на других? А если людей, которые «в теме», больше в несколько раз, чем остальных? Вот вам и «подействовало».

Всякий текст начинает работать только в контексте соответствующей социополитической ситуации. Если он не адресован какой-то социальной или классовой структуре, то его талантливость... даже нельзя сказать, о чем, собственно, речь тогда идет. Что такое талант — это правильное сочетание рифм? Нет, никакой текст не имеет никакой самоценности вне реципиента, вне того, кто его воспринимает. При этом не имеет значение, условно говоря, определенная идеология.

Вот пример с точки зрения энергетике текста. Сейчас у нас выходит интересная книга, которая называется «Не стреляйте в пианиста». Это доклад одной датской организации, которая собирает всю информацию о музыкантах во всем мире, которых в разных странах преследовали, сажали в тюрьму, казнили непосредственно за их музыкальные произведения. Есть совершенно парадоксальные моменты использования материала для решения творческо-политических задач. Например, оказывается, что вся бирманская музыка, которая с позиции обычно такого крайне левого маоистского типа протестует против существующего режима военной хунты — это все музыка из западных хитов («Led Zeppelin», «Beatles», Боб Марли),

на которую написаны свои бирманские слова. Они вообще не придумывают музыку, а кладут тексты на готовую, причем иногда на одну и ту же мелодию бывает несколько текстов. Причем понятно, что те люди, которые писали в 1960-е и 1970-е свою музыку, ничего не думали ни про маоизм, ни про бирманскую хунту. Это показывает некую автономию формы от социального посыла и конкретных его последствий. Так что предсказать ничего нельзя.

Например, я знаю из писем в редакцию, что нестеровский роман пользуется огромной популярностью не только среди людей, описанных в романе, но и, например, среди НБПэшников, хотя вроде бы многое им там должно претить. Пишут письма люди, которые имеют свою энергетику противостояния, энергетику боя, но они закрывают глаза на какие-то неприемлемые для них положения и видят там что-то свое. Нельзя ни один текст, даже очень сильно идеологизированный, сводить исключительно к идеологеме. Там есть еще свое видение жизни, свое видение людей, того, что правильно, того, что неправильно на чисто этическом уровне, на уровне образа героя. Поэтому не будем вульгарны, как пролеткультовцы, рассуждающие, что если текст агитирует за какие-то политические ценности, то он будет востребован исключительно людьми, исповедующими эти ценности.

Все складывается очень неожиданно порой. Но то, что в музыке сейчас наметился определенный застой — это факт.

ДР: Если взять 1984 года, когда обрушились черненковские репрессии — рок был в загоне, повсюду гуляли эти «запретные списки», а потом вдруг рок стал рупором тех самых масс, отражением их коллективного бессознательного, в том числе и Ваши тексты. Но сейчас есть пресловутый «Oil!», то есть музыка скинов, которая, в принципе, под точно таким же запретом, как рок в 1984. Мелкие концертики скиновских групп на 100–200 человек, которые лично мне напоминают полуподпольные концерты 1980-х годов без всякой рекламы, когда только «знающие люди» проинформированы, куда приехать, убогая

аппаратура... Даже есть прецедент посадки Дениса Герасимова именно за его песни, а не за что-то еще. То есть фактически создается среда запрещенности, причем она базируется в основном на запрете музыки и поэтики. Концерты НС-музыки постоянно прессыются, музыканты прессыются, те, кто ходят на концерты, вполне допускают, что могут быть задержаны милицией — словом, все в точности, как в 1980-е. Ни одна политическая сила не может этим «похвастаться». Ну кто из силовиков станет разгонять концерт, организованный каким-нибудь «Яблоком» или КПРФ? Не кажется ли Вам, что именно за нами, упрощенно говоря, правда жизни?

ИК: Это очень может быть. Ведь тогда, когда рок был в загоне, нельзя сказать, что его слушали все. Это сейчас появилось много преувеличений благодаря либеральной публицистике. Большинство-то народа «Песняров» слушала и попсу, начинавшую подниматься, ВИА разные и прочее. На рок-концерты тоже ходило очень маленькое, ограниченное и очень, так назовем, не придавая эмоциональной окраски этому слову — сектантская группа людей. Речь тоже шла не о толпах народа. Потом изменилась ситуация и появились стадионы. Так что вполне возможна ситуация, когда прессыемые нынче скин-группы будут собирать стадионы. Вполне возможная ситуация. То есть всегда все новые, цементирующие культурные явления по началу выглядят, как развлечения небольшой маргинальной группы людей. Так всегда бывает...

2006

В шатающемся мире

Главный редактор издательства «Ультра.Культура» отвечает на вопросы «Завтра».

*Андрей Смирнов
Андрей Фефелов*

Корр: В свое время вы были известны как рок-поэт, автор большинства текстов песен «Наутилуса Помпилиуса», да и вообще как человек, значительно повлиявший на развитие отечественного рок-движения. В середине 1990-х появляется Кормильцев — переводчик и критик. Ныне вы глава радикального издательства «Ультра.Культура». Как проходил ваш генезис? Или же изменилась эпоха и своим изгибом затронула другую сторону личности?

ИК: Думаю, никаких разных кормильцевых не было. Современная жизнь так устроена, что незнакомого человека мы воспринимаем через преломление в СМИ. А имидж человека может не иметь никакого отношения к его личности. Поэтому противоречия тут можно искать в имидже, который создается в силу каких-то наших социальных информационных предрасудков, а не внутри человека.

Кончилось рок-движение, началась издательская практика. Фактически речь идет о попытке самореализации, о попытке мышления вслух, которым является любое творчество в широком смысле этого слова, включая общественную и политическую деятельность. Сначала использовался один канал для самовыражения, как он перестал быть уместен, появился иной, более уместный или эффективный. Может быть, просто я дорос до него. Не хочу сказать, что двадцать лет назад я был

таким же — безусловно, я эволюционирую, развиваюсь как личность, но тотального противоречия нет.

Я избегаю четкого позиционирования — литератор, поэт или издатель. Мне кажется, что эти определения имеют обратную силу, как в пословице «Назвался груздем — полезай в кузов». Нынешнее общество устроено так, что человек становится рабом своей самоидентификации. Мне это хорошо известно как человеку, который был достаточно популярен в той же рок-среде. И, говоря на языке корпораций, совершить ребрендинг — требует огромных усилий. В обществе существует огромная инерция по отношению к публичной фигуре. Вам как сотрудникам газеты «Завтра», думаю, прекрасно известно, как работают ярлыки. На человека приклеивается ярлык, после чего информационная среда избавляется от необходимости как-то его объяснять — это либерал, это красно-коричневый, это художник, а это ответственный политический деятель. Все эти наклейки грузом ложатся на плечи человека, разумеется, за исключением тех случаев, когда он сам с радостью готов самоидентифицироваться. Есть люди, готовые воплощать определенные публичные персоны, или у которых есть призвание играть, ибо таково жизненное призвание.

Для большинства же творческих людей подобные ярлыки носят характер угнетения. Всю жизнь я стараюсь избежать любых политических, социальных, культурных определений. Это все орудия разделения, которые превращают нас из субъектов в объекты и даже начинают нами манипулировать. Безусловно, что полностью застраховать себя от этого невозможно в публичном виде деятельности. Но, по крайней мере, надо стараться самому не способствовать наклеиванию ярлыков.

Корр: «Ультра.Культура» как явление общественной жизни, безусловно, состоялось. Выполняет ли издательство те задачи, которые намечались при основании?

ИК: Если проводить параллели с грибами, то обычное издательство — это невидимая глазу ризома, которая находится под грибницей, а книги — грибы. Мы пытались это взаимоот-

ношение вывернуть шиворот-навыворот и до некоторой степени самим быть грибами. Мы пробуем создавать некое общественное лицо, которое бы и в издаваемых книгах выражало самостоятельную идею. Здесь и подбор авторов, и контекст, возникающий вокруг наших книг. Но надо отдавать себе отчет, что издательство вне текстов мало кому нужно. Если бы у нас не издавались интересные авторы, безусловно, сколько мы бы ни впихивали свое содержание, сколько бы ни раскручивали себя как некую марку, ничего бы не вышло.

Что касается идеологической ориентации. Еще три десятилетия назад был поставлен вопрос, не являются ли некоторые оппозиции, как-то: правое-левое, материализм-идеализм, — иллюзиями семантической системы описания; всегда ли столь различны и противоположны между собой категории, которые мы традиционно помещаем в черное или белое. Сейчас очевидно, что данная система устарела, перестала отражать реальные противоречия. Реальная суть отношений между социально-политическими идеями гораздо сложнее, чем классические традиции правого и левого, красного и белого. В умах мыслителей уже в том же двадцатом веке, особенно ближе к концу, это понимание появилось. Эти кажущиеся противоречия нам захотелось в каком-то смысле снимать. Более того, этому стала способствовать мировая ситуация. В мире начала воцаряться идея униполярного мира и связанного с ней единственного дискурса, универсальных правил.

А вместо многообразия ярлыков, которые представители разных идеологий навешивают друг на друга, должна была создаться одна общая официально утвержденная система ярлыков для всех.

Этот дискурс после падения Советского Союза получил новый толчок для роста, начал укреплять свои позиции в мире. В этой ситуации все остальные дискурсы оказались в ситуации против единого врага. В политической атмосфере это было прекрасно отражено в близких вашему изданию кругах, когда складывались идеи право-левой оппозиции, то, что противники на-

звали красно-коричневыми. Оппозиции начали стремительно сниматься, когда возникла угроза для идеологического разнообразия вообще. Нависла тень нового диктата, в котором будет функционировать единомыслие некоего образца.

Наше издательство начало развиваться в понимании того, что виды, приговоренные господствующим дискурсом к истреблению, должны защищать сами себя. Территорию свободы следует отстаивать. В этом смысле надо вернуться к самым ранним истокам либерального мышления, которые заложены были в 17–18 веке, и посмотреть, является ли современное понятие свобод и вообще либерализма тождественным своим истокам, не мутировало ли оно, изменив полностью свое содержание. Анализ показывает, что сильно мутировало, и в настоящее время мы имеем дело с некоей тоталитарной системой мысли, которая, говоря о каких-то свободах, подразумевает совсем другое. Мы понимаем, что снова встает необходимость защищать право на свободу мысли для всех, включая твоих непримиримых оппонентов, перед угрозой запрета этой свободы вообще. Из этих идей и родилось наше издательство, включившее в себя людей очень разных политических убеждений, разных идеологических предпочтений, которые почувствовали одинаковую перспективу оказаться чужими в том мире, который пытаются нам навязать.

Корр: Почему стратегия издательства заведомо направлена на этакый общественный шум вокруг ваших проектов? Начиная от выбираемых для издания текстов и заканчивая собственной презентацией вроде лозунга «Все, что ты знаешь, — ложь» или самолета в качестве павильона издательства на Московской международной книжной ярмарке?

ИК: Лучшая стратегия в нашем случае — не изоляционизм, не исключение себя из господствующего дискурса, а использование его механизма. Когда ты находишься в некотором определенном обществе, ты не можешь быть свободным от него. В этом, может, и состоит финальная задача — чтобы построить такое общество, в котором ты мог бы жить и быть свободным от этого общества.

Однако до этого далеко, и нужно обязательно использовать имеющиеся социальные механизмы, в том числе информационной манипуляции. Позиция сектантства, изоляционизма никуда не ведет, она диалектически не приемлема. Тем более для такой организации, как издательство, вся суть которой состоит в опубликовании текстов, в донесении текстов до широкого круга людей. Позиция уклонения навроде — будем печатать только нам понятные книжки, 200 штучек, раздавать их среди своих, непонятна. Зачем это нужно?

Единственный способ защищаться — это переходить в нападение, единственный способ быть заметными — это обращать на себя внимание как можно большего числа людей. Поэтому только такая, подчеркнута попсовая, рыночная позиция может привести к тому, что закрепшишь за собой эту территорию. Безусловно, тогда возникают опасности манипуляции, опасности включения. Для этого ты должен постоянно свой репертуар обновлять. Как поступают грамотные переговорщики — постоянно повышают планку требований. Нельзя, потребовав сначала президента, потом соглашаться на районного прокурора. Наоборот, надо, потребовав районного прокурора, после его прихода потребовать президента. Иначе хана.

«Ультра.Культура» сейчас отказалась от выпуска альтернативной, переводной художественной литературы, потому что весь потенциал внесения каких-то новых идей в социум она исчерпала, стала фактом буржуазной реальности. Тот уровень протеста, который в ней содержится, обществом более-менее переварен.

Суть состоит в том, что ты должен постоянно менять направления. То, что становится приемлемым, становится неинтересным. Не потому, что внутри заложена идея «войны всех против всех». Если ты хочешь подать некое философское отношение, продать свой гриб, ты должен менять окраску, разрабатывать новые ходы.

Современное информационное общество стирает оппозиции новым методом. Раньше идеологическое общество стро-

ило свою идентификацию через прямые запреты. Сейчас общество действует затиранием через кажущееся многообразие информации.

Мы имеем не один иллюстрированный журнал «Огонек», в котором написано то, что проверено, а миллион глянцевого, в которых пишется одно и то же. Хотя уже нет никакой контролирующей инстанции.

Общество сначала ежится, когда кто-то издает какие-то не очень правильные книжки, а потом создает пятьсот подобных издательств, но с выхолощенной сутью. Издается пятьсот различных стенаний клерков, о том, как жесток мир, как хочется убить своего начальника — и клерки-читатели с восторгом потребляют подобные тексты, выпускают пар, а затем идут на работу.

Это «Общество спектакля», которое очень легко интегрирует в себя, переваривает любую новую информацию. Проблема для него начинается там, где начинается действие. Вот действие это общество способно переварить не любое. Но мы не политическая партия или некая боевая единица, нам остается постоянно расширять поле, подрывая его изнутри. Ибо то самое «многообразие» имеет одну слабость, которая срывает в длинной исторической перспективе.

Когда человек понимает, что многообразие, которое ему предлагают, мнимо, он уходит в отказ. Это связано с ростом личности. Поэтому надо постоянно давать эту возможность выбора. Если ее не будет вообще, то не будет того, кто способен отказаться. Поэтому нужно постоянно поддерживать интенсивность, расширять поле. Но это не в силах одного издательства.

Не исключаю варианта, что издательство рано или поздно придется закрыть как выполнившее свои функции и отчасти уже приевшееся обществу. И начать что-то новое. В этом смысле я никогда не идеализировал ни одного вида своей деятельности как окончательного решения. Для меня важнее процесс, а не результат.

Корр: Власть и общество, в самом деле, без восторга воспринимает вашу деятельность. Книги попадают под запрет, инициируются различные прокурорские проверки. А ваши высказывания об обществе — что называется, на грани фола — только подливают масла в огонь.

ИК: На самом деле, я не являюсь сторонником вседозволенности, и во многом понимаю чувства людей, требующих преследования некоторых наших книг. Я последовательно на всех общественных обсуждениях выступаю за введение возрастных ограничений. Методов существует множество: ставится соответствующая надпечатка, предупреждение, есть целлофанирование. Если уж книга, допустим, с названием «Как сделать бомбу в домашних условиях», будучи купленной родителями, попадает к ребенку, — это уже их непосредственная ответственность.

Вообще, ограничение по развитости и дееспособности — это единственное ограничение, которое должно на информацию в обществе формулироваться. Нужно идти к ответственному человеку. Если он безответственен по малолетству, ограничения вполне разумны. Однако большую часть информации ребенок сегодня получает из телевизора, на котором не стоит никакой наклейки, из желтой прессы, которая за пять копеек продается на каждом углу. Книга хотя бы предполагает, что человек умеет читать.

Так что мы вовсе не боремся за вседозволенность. Однако все наши критики не предъявляют каких-то внятных требований, все идет на уровне обвинений, истерик, поэтому в наших глазах эти акции приобретают характер политической манипуляции.

Очевидно, что запрещать будет кто-то, а не общество в целом. Стандартный метод — апеллировать к моральному большинству, хотя проблема за этим стоит совсем другая. Так что, если «Дневник хищницы» Лидии Ланч чем-то и опасен, то не радикальным описанием жизни нью-йоркских подворотен, а буржуазно-моралистическим финалом.

Корр: Изменилось ли отношение к советскому опыту? Ведь столкновение с советским было связано с противостоянием.

ИК: Переосмысление, конечно, было. Появился новый опыт. Тогда многие вещи представлялись проще, чем понимаешь это сейчас. Хотя диаметральное разделение между «совком» и «коммунизмом» по-прежнему остается очень важным для меня. И за прошедшие годы оно усугубилась.

В одном флаконе советского общества сосуществовали два этих типа мировосприятия... Коммунизм был отчасти реализован, он существовал не только как условные формы мышления, он существовал и в практике общества. Но эта практика постоянно пожиралась изнутри этим «совком», процессом обуржуазивания коммунизма, который был во многом (увы, классики были в значительной степени правы) следствием того, что революция произошла именно в России. В обществе со специфическими атавизмами, где не был изжит этап товарно-информационного разнообразия. И соответственно, какими транспарантами ни размахивал бы деревенский комсомолец, придя в город, прежде всего он мечтал об отдельной квартире, а потом впоследствии о машине. Была заложена мина в самом социальном характере общества Российской Империи, которое претерпело революцию.

«Совок» для меня остался до сих пор негативным понятием. Это то, что Лимонов гениально назвал «русским адатом». Со времен Николая I это одна и та же система отношений — вязких, консервативных, антиреволюционных, неподвижных, которые в России всегда играли противоречивую роль. С одной стороны, они обеспечивали воспроизводство нации, ее духовной культуры. С другой, они ломали все необходимости приспособить эту духовную культуру к общей эволюции человечества. В русской культуре всегда сосуществовали, условно говоря, космизм и «кишкизм». Одно влекло в сторону полного самопожертвования, в сторону «расчеловечивания» (если брать человека по Протагору, то есть просто разумного животного,

которое самодостаточно и которому мы должны угодить). Второе — тянуло в сторону почвы.

В итоге был очень странный сплав, который обеспечивал само существование России, но в то же время, все время ввергал страну и ее духовную культуру в многочисленные трагедии исторического масштаба.

Уход в полную вселенскую миссию приводит к моментальной потере любой национальной самоидентичности, к распаду государства как такового. Но держание за «кишкизм» приводит к таким отвратительным явлениям русской жизни, как косность, медлительность, молодежененавистничество. И «совок» есть порождение этой странной химерной культуры. Здесь надо говорить не об избитом «стыке Европы и Азии», а о стыке стихийного, глубинного, языческого материализма и сильной прививки эсхатологического единобожия, полученного через Крещение Руси. Они диалектически существовали в русской культуре. И все попытки снять противоречие приводили вместо синтеза к поляризации между двумя тенденциями. В результате за каждой революцией следовала контрреволюция. В принципе, подобное есть во всех духовных культурах, но у нас эта поляризация очень обострена, она выражена в каких-то формах нечеловеческого размаха, за что весь мир нас, скажем так, боится и ценит.

Получалось так, что на это я смотрел немножко со стороны, за что меня часто критикуют, даже порой именуют русофобом. У меня была другая практика воспитания.

Я воспитывался у бабушки-немки, лютеранки, поэтому мог сопоставлять отношение к жизни. Например, в моей семье сохранился такой уникальный объект, который мало в какой русской семье есть, семейный grossбух расходов с 1907 года по 1996, год смерти бабушки. Это просто материал для докторской диссертации по экономике.

Вот эта практика дает возможность иногда зайти в сторону и посмотреть на все происходящее со стороны Штольца. Не могу себя назвать Штольцем в полной мере, меня раздра-

ют корни, отчасти кубанско-казацкие, отчасти сибирские и мощная немецкая прививка, которую я получил в детстве. Поэтому я на действительность смотрю с очень разных сторон. И мое отношение к российскому и русскому очень хорошо описывается понятием внутренней шизофрении, связанной с воспитанием и происхождением.

Корр: Вы были непосредственно связаны с рок-средой. В 1980-е годы это был очень значительный социальный фактор. Как трансформировались ее элементы?

ИК: Думаю, что ситуация такая. Наше поколение, та его часть, что вылилась в тот же самый русский рок, интуитивно чувствовали очень много и очень правильно. Но на уровне сознания, идеологии, философии мы были полными дикарями. В результате весь наш запал, творческий и социальный, был умело канализирован на определенном этапе в ту сторону, в которую никто из нас в принципе идти не собирался. Я давно мечтаю об этом написать мемуарный текст, у меня даже есть название «Великое рок-н-рольное надувательство № 2», о том, как московские либеральные журналисты интерпретировали всю молодежную субкультуру, которая сама себя не могла еще определить, в нужную им сторону. Хотя, за исключением некоторых маргинальных явлений в Москве и Питере, рок-движение не имело ничего общего с «диссидой». Более того, было конкретно враждебно по отношению к ней, если брать идейную сторону. Рок-движение было, скорее, левым по своим корням, насколько это можно вообще говорить о художественном, а не о политическом движении. Движение начинало свою деятельность, по крайней мере, в Сибири, Екатеринбурге под лозунгами восстановления подлинно коммунистического — против стяжательства. Кто были главные враги — фарцовщик и жирный комсомолец, который приходил и начинал «лечить» — «за Родину и Партию», но при этом все прекрасно понимали, что ему это все до лампочки, он там в очереди на «Жигули», карьере делает. Достаточно проанализировать тексты доперестроечных и раннеперестроечных коллективов. Это был сти-

хийный протест против лжи, апелляция к каким-то идеалам дедов. Никакие антисоветские концепции не имели большого хождения, диссидентская литература мало кого интересовала. Дальше уровня анекдотов и общего представления, что «что-то не так», дело не шло.

А какие-то опасливые, неподходящие под либеральную концепцию наши высказывания в интервью затирались. Мы обижались, но разбираться было некогда, все были заняты концертами, записями.

В итоге наш дискурс, как часто бывает, был экспроприрован господствующим дискурсом и развернут в противоположную сторону. Понятно, что перемен ждали все, и справа, и слева, и по центру. Утомление от застоя было не материальным. Молодежь все равно свои радости имела: пластинки доставала, портвейн пила. Оно было не социальным, а метафизическим, и состояло в том, что мы живем в государстве, которое рождено с великими целями и которое само от этих целей отказалось. Первый мой опыт вхождения в политику был, когда нас всех вытаскили в райком комсомола, в десятом классе, в 1975 году. Наша группа на первомайской демонстрации начала кричать совершенно не утвержденный лозунг, развернула плакаты: «Поддержим ангольский народ, отправимся добровольцами в Анголу». В райкоме был разговор на тему «кто позволил?» Сделали внушение — забыть и впредь таких вещей не позволять. А мы же были переполнены эмоциями — дайте нам дело. Родители-то в основном живут кишкитскими ценностями; единственный источник другой энергетики — деды.

Корр: Есть ли какие-то близкие, соприкасающиеся с вами «космистские» среды, видны ли они? Где искать ресурсы для развития?

ИК: Я очень люблю свободных открытых людей, и уважение к их внутренней свободе, как правило, превосходит во мне рационально-умствованное отношение к их идеологии, мировоззрению. Большое количество ярких самобытных, независимых личностей — лучший продукт конфликта космизма и «кишкиз-

ма». В России сегодня таких людей около процента, в идеале должно быть пять-шесть. Больше себе не может позволить ни одна нация, иначе ее разнесут изнутри.

Нам нужно, чтобы таких ярких людей стало раз в пять больше. У нас часто была кажимость их появления. В позднюю перестройку каждый ведущий колонки в журнале воспринимался как пророк. Но когда все это кончилось, истинные масштабы персонажей оказались весьма незначительны. Кто знает, где сейчас Черниченко или где Бурбулис. В большинстве своем это оказались вши, которых перегрев ситуации раздул в общественном сознании до невообразимых размеров.

Сейчас постепенно накапливается массив сознательности, образованности. Как ни странно, пресловутая путинская стабильность начинает сейчас работать на то, что постепенно создается большой слой людей, которым все это надоело, которые начинают об этом говорить, писать. В условиях относительной свободы это делать можно.

Тогда может вырваться другая среда. В том числе и политическая, с переосмыслением прошлого опыта, с новыми проектами и с новыми лидерами. Но у меня есть большое опасение, что мы до того времени можем не дотянуть. Потому что мир в целом начинает сильно расшатываться. А кризисные ситуации, несмотря на обилие денег, которые, правда, все равно не здесь, несмотря на якобы единомышленники общества, из Кремля вообще не управляются. И для России любой кризис при этой правящей элите приведет к реакционным решениям. Это будет не возвращение к России, «которую мы потеряли», а полное схлопывание общества. Произойдет отрезание всего, что покажется лишним, приведение к минимальному общему знаменателю.

Корр: Такой парадокс — власть должна поработать на стабильность, дабы вырастить своих могильщиков.

ИК: Да. Иначе это будет очередное, что мы видели в 1991-м, перекрашивание элиты, которая закопала партбилеты и достала кредитные карточки.

Люди, стоящие у власти, с легкостью превратятся из либералов, стоящих за вхождение в мировое сообщество в вешатели. И все это может быть на внешне правильных патриотических лозунгах.

Самое позитивное впечатление последних лет — впечатление того, что человечество может жить по-другому, того, что есть еще нерастраченные запасы энергии, не подвергнутые постмодернистскому тлению, я получил в прошлогодней латиноамериканской эпопее, в Венесуэле, Перу.

Этот мир стоит немножко в стороне и может быть резервной площадкой для очень многих модернистских идей, которые были дискредитированы. Впечатление не от конкретных политических событий, а от самого духа. Люди совершенно не задеты ситуацией распада ценностей. Молодое, живущее, активное, энергичное, смотрящее в будущее общество. Там в глазах у людей есть абсолютно искреннее желание, которого, к сожалению, у нас не видно, строить новый лучший мир.

Газета «Завтра», 16 мая 2006 г.

«Наутилус» доплыл до Лимонова

Илья Кормильцев, автор текстов многих песен «Наутилуса Помпилиуса», выступил в Киеве на международном фестивале поэзии «Киевские Лавры — 2006». Сегодня скандальную славу «радикального» литератора приносит ему пост главного редактора российского издательства «Ультра.Культура».

Имя Ильи Кормильцева у поклонников русского рока вызывает стойкую ассоциацию с легендарным «Наутилусом Пампилиусом». Запоминающиеся тексты: мы вместе, «скованные одной цепью», и готовы на все во имя мистической свободы во главе со Славой Бутусовым. С Бутусовым автор большинства песен «Наутилуса» давно не сотрудничает. Впрочем, «глаголом жечь сердца людей» Илья Кормильцев не перестал. Кроме того, известен своими переводами книг Ирвина Уэлша, Чака Паланика, Уильяма Берроуза, Мишеля Уэльбека, Умберто Эко, Ника Кейва и др. А поиск свободы привел его на пост главного редактора российского издательства «Ультра.Культура». Издательство называют наиболее радикальным и не прекращают преследовать православные функционеры, Госнаркоконтроль и российские патристические фанатики. В жизни Илья Кормильцев оказался вовсе не ожидаемым волосатым стареющим пост-рокером, а седеющим, круглолицым улыбчивым топ-менеджером.

Анастасия Ковыришина

О скуке «голой» поэзии

АК: Илья, в литературной жизни украинской столицы фестиваль «Киевские лавры» — это беспрецедентное событие: выступления более чем пятидесяти поэтов из Украины и России, такие мощные участники, как Алексей Парщиков, Иван Жданов и Бахыт Кенжеев и проч. Почему согласились приехать в Киев вы, и о чем думали, когда ехали к нам?

ИК: Думал, как глупо, что ради того, чтобы два раза показать паспорт, меня поднимут в четыре часа ночи. *(Смеется.)* Я очень давно не был в Киеве, с 1997 года. Хотелось съездить, посмотреть. Тем более что Киев — город приятный во всех отношениях. У меня остались еще с 1990-х годов приятные воспоминания.

АК: Вы не готовили специальную программу для вашего выступления в книжной кофейне «Бабуин». Почему? Ведь довольно скучно слушать, как просто читают стихи со сцены. Согласны?

ИК: Я читал не один, также были представлены двое поэтов — Андрей Родионов и Алина Витухновская, которые печатаются в издательстве «Ультра.Культура». Я как раз не издаюсь там. Но так как я — его главный редактор, нас объединили в одну контркультурную афишу. Поскольку я выступал не один, это были просто стихи. Обычно я предпочитаю другой формат: чтобы не голое слово, а что-то такое, как модно сейчас говорить, мультимедийное. Получается такой спектакль-неспектакль — только, с сочетанием изображения, музыки и чтения. Я вообще испытываю сдержанное отношение к чистым жанрам. Мне всегда интересно, чтобы было столкновение чего-то с чем-то. Слова с музыкой, музыки с изображением. Поэтическое чтение вообще, с моей точки зрения, довольно скучный жанр, поэтическое чтение верлибров — тем более скучный жанр. Поэтому нужно чем-то оживлять тексты.

О скандалах и академизме

АК: По какому принципу «Ультра.Культура» выбирает произведения для публикации?

ИК: Ну, это чистой воды вкусовщина, конечно. Как и любое малое издательство, которое держится на мировоззрении нескольких людей. Объединяющий же принцип — идея метафизического протеста. То есть не протест против каких-то частных вещей, вроде — не хочу Януковича, хочу Ющенко, не хочу

Ющенко, хочу Тимошенко, а вот если найдется человек, который скажет: «Хочу, чтобы был царь в Украине»! Уровень метафизического вызова должен предполагать некий радикально иной подход к вопросу. Хотя, конечно, следовать этому принципу удастся далеко не всегда. Иногда мы издаем вещи, которые достаточно тривиальны, но тут завязаны отношения, это модно.

АК: И часто приходится «наступать на горло» собственным желаниям, если с коммерческой точки зрения проект кажется невыгодным?

ИК: Бывает. В основном это относится к прозе молодых авторов. К сожалению, наши мощности не позволяют издать все хорошие тексты. И потом, в целом издательство задумывалось над тем, чтобы печатать политологические и культурологические монографии. Исходя из комплекса пристрастий СМИ, политической конъюнктуры создан не очень правильный образ «скандальности» нашего издательства. На самом деле у нас книг, которые можно назвать скандальными в буквальном смысле этого слова, мало. Они просто становятся самыми заметными. У нас есть серии совершенно академические, как «Cybertime», посвященный современным компьютерным технологиям, их влиянию на социум. Много монографий культурологических, которые хорошо продаются. Скандальные же вещи про наркотики или что-то такое просто ложатся в нашу общую копилку исследования потайной культуры современного общества. У нас достаточно много наукоёмкой литературы. Редакторский штат в основном с философским образованием, со степенями. Много книг издается под брендом «Factory», который вообще не вызывает скандалов, прекрасно продаются «Библиотека “Мифология”», серия «Масс-культура».

АК: Какие проекты считаете своей наибольшей удачей?

ИК: Таким проектом я считаю энциклопедию «Сакральная география» — это такой эпохальный труд, который, когда вся эта пыль осядет скандальная, останется как один из пер-

лов такого рода. Тысячестраничная энциклопедия, которая рассматривает все сакральные места земного шара, с историей, археологией, литературной подоплекой. Важный труд, совершенно академический — огромная тысячестраничная книга «Beat-Generation», поэзия бит-поколения. Такого объема битников не переводилось никогда в истории русской литературы. Есть авторские проекты, которые пытаются проблематику демонизированную, наркотическую, существующую в современном обществе, вывести за ее обычный контекст. Как, например, энциклопедия под названием «ИСС» — «Измененное состояние сознания». Она рассматривает все, не только наркотические, но и медитативные, трансовые, традиционные технологии изменения состояния сознания, пророчества, прорицательства, их связь с современной физиологией мозга, с историей культуры. Как видите, авторские проекты носят академический характер.

О черной медицине и езде без правил

АК: Что приносит самый большой доход?

ИК: Мы пользуемся самыми разными вещами, от известных имен литературных — типа Проханова и Лимонова, которых мы издаем, — до совершенно незаметных и не особо рекламируемых бытовых проектов, потребительских. Типа книги «Черная медицина», которая у нас уже приближается к стотысячному тиражу, или «Техника атаки и обороны уличной и бытовой, без применения специальных приемов и умения». Такой учебник по правилам выживания: владение ножом, бутылкой, сломанными бытовыми предметами, если тебя, например, связанным загрузили в багажник автомобиля. Книжка отлично продается. В России очень насильственное общество, думаю, что огромное количество людей покупают ее просто так, на всякий случай, не собираясь никого ни убивать, ни спастись, просто эта тема всех тревожит. Подобного типа скоро выйдет у нас книга «Езда без правил». Вот такие странные вещи прино-

сят, может быть, наибольший доход. Но главная цель — все же издание гуманитарных монографий, энциклопедий по тем темам, которые обычно не мейнстримовые, но очень интересные и важные. Они остаются на периферии сознания, но нуждаются тоже в своем энциклопедическом увековечивании.

Газета «Дело», № 139, 24 мая 2006 г.

Ультра от культуры

Известный российский поэт считает, что одна из главных задач современного искусства — противостоять узурпации интеллектуального пространства культурным мейнстримом.

Илья Кормильцев известен и в своей известности многолик. Для одних он прежде всего — автор текстов, написанных для суперпопулярной в конце прошлого века рок-группы «Наутилус Помпилиус». Для других — переводчик таких альтернативных общепринятым общественным вкусам западных авторов, как Ирвин Уэлш, Чак Паланик, Уильям Берроуз, Мишель Уэльбек. Для третьих — один из самых известных современных российских поэтов, далеко ушедший в своих сегодняшних стихах от «наутилусовских» текстов. Именно в этой ипостаси он недавно приезжал вместе с российскими поэтами Андреем Родионовым и Алиной Витухновской на поэтический фестиваль «Киевские Лавры — 2006». Книжная кофейня «Бабуин», где проходил поэтический вечер этих авторов, была забита до отказа. Андрей Родионов, которого часто называют поэтом-панком, брал публику сумасшедшим эмоциональным напором. Алина Витухновская — ненормативной поэтической лексикой. Илья Кормильцев, как и следовало ожидать, оказался самым серьезным из этой поэтической троицы. Ведь он не только свободный художник, но и главный редактор самого радикального российского издательства «Ультра.Культура». Иначе говоря, человек, для которого противостояние современному культурному мейнстриму в поэзии и искусстве в целом является не просто личной позицией, а продуманной стратегией. Об этом, о месте и роли поэзии в современном мире, беседовал с Ильей Кормильцевым корреспондент «Эксперта».

Сергей Семёнов

СС: Я хотел бы начать с самого простого вопроса: что такое современная поэзия? Не так давно все было ясно. Стихотворение, чтобы считаться таковым, должно было иметь некие

вполне определенные признаки: сюжет (например, рассказ о событии или переживании), ритм, может быть, рифму. Очевидно, что эти критерии устарели. Что пришло им на смену?

ИК: Повозка, карета, автомобиль отличаются друг от друга, но сущность у них одна — это транспорт. Сущность поэзии остается одной и той же, независимо от того, насколько меняются ее технологии и формы. Поэзия — это способ трансляции. И в таком смысле она сильно отличается от художественной прозы, которая, так или иначе, является результатом наблюдений и размышлений. Проза обобщает опыт жизни, переживания, знание времени, истории, культуры, психологии, людских отношений, философии. Она более рассудочна и рациональна. Поэзия в самых лучших своих проявлениях — это чистая трансляция чего-то, относящегося к области сверхсознания, говорение. Нам всем известны древние истоки поэзии, ее тесная связь с шаманизмом, пророческим даром. Поэзия возникает в тот момент, когда произносятся слова, которые являются открытием для того, кто их написал. Проза очень тесно связана с личностью. Прозаик обычно может объяснить, на основании какого опыта или переживания он придумал те или иные образы или сюжеты. Поэзия в подавляющем большинстве случаев необъяснима для самого поэта. Читателей поэзия заставляет воспринимать вещи иначе, чем они воспринимались до того, как произошло соприкосновение с этой поэзией.

СС: Во времена существования СССР социальная значимость поэзии была четко выражена известной формулой Евгения Евтушенко «поэт в России больше, чем поэт». А на какую толику общественного внимания может, по-вашему, рассчитывать поэт сегодня?

ИК: В дописьменную мифологическую эпоху в поэзии содержалось 80% образов внешнего мира, картины мироустройства. Потом появились другие формы описания мира, и поэзия заняла более скромное место. Однако и по сей день образно-эмоциональный слой человеческой психики во многом формируется поэтическим словом. Поэзия, особенно усваиваемая в раннем

возрасте, — детские стихи, стихотворные сказки и прочее — становится серьезной частью национального сознания. Мы все сформированы поэзией. Даже те, кто соприкасался с ней только в школе. Очень много предметов и образов, с которыми мы встречаемся на протяжении своей жизни, сразу отзываются в голове поэтической цитатой. Например, из песен, усвоенных с детства. У каждого поколения есть некий обязательный слой песенной поэзии, которую знают поголовно все. И отношение этого поколения ко всему, происходящему в его жизни, во многом определяется содержанием данного песенного слоя. Даже когда оно и не осознается на рациональном уровне.

Чтобы отстоять свою культурную самостоятельность, художник должен все время обращаться к новым образам, метафорам, символам, способам выражения.

Другое дело, что в культуре существует мода. Она циклична. Бывает эпоха музыки, эпоха литературы, эпоха кинематографа. Очень многие посещают поэтические чтения, концерты, киносеансы просто потому, что это модно или престижно. А количество людей, реально разбирающихся в той или иной области искусства, мне кажется, всегда одинаково. Социальная функция поэзии сейчас, на мой взгляд, полностью восстановилась, судя хотя бы по количеству людей, которые посещают поэтические чтения, например, у вас в Киеве, или в Москве. Когда нынешней весной в Москве состоялась встреча с Мишелем Уэльбеком, зал в Политехническом был заполнен до отказа. Так же, как и в 1960-е годы, когда в нем проходили поэтические вечера Евтушенко и Вознесенского.

СС: Вы только что дали совершенно разные определения поэзии и прозы. Но тот же Мишель Уэльбек в своих поэтической и прозаической ипостасях довольно сходен.

ИК: Конечно, Уэльбек-поэт и Уэльбек-прозаик — это один и тот же человек с одним и тем же жизненным, историческим, социальным опытом. Естественно, что он пишет об одних и тех же вещах. Но я говорил не о наборе тем, а о способе выражения. В прозе ты должен придумать и изложить. В поэзии — про-

рваться и выплеснуть. Это разные вещи, даже если речь идет об одних и тех же темах.

СС: Когда вы сказали, что отношение к происходящему у каждого поколения во многом определяется неким обязательным слоем песенной поэзии, которую знают поголовно все, я тут же вспомнил Высоцкого и Окуджаву. Поэтические сборники и того, и другого расхватывались, как горячие пирожки. Но напечатанные на бумаге тексты производили гораздо меньшее эмоциональное впечатление, чем те же тексты, спетые под музыку...

ИК: Поэты пишут песни не так, как пишут стихи. Я сказал бы так: когда пишешь текст будущей песни, ты его про себя поешь. Перестав писать песни, я намеренно стараюсь, чтобы мои стихи были как можно больше не похожи на песни. Хочется обозначить наиболее длинную дистанцию. Говорить о том, что тексты песен могут существовать так же, как обычные, напечатанные на бумаге стихи, равнозначно утверждению, что автомобильное кресло могло бы существовать и без автомобиля. Наверное, могло бы. Однако если бы кресло конструировали не для автомобиля, его сделали бы по-другому.

СС: Осталась ли поэзия сегодня лабораторией языка, которой она часто была в прошлом веке?

ИК: Мне кажется, что функция поэзии как лаборатории языка сильно преувеличена. Были в истории поэзии периоды, когда некоторые поэты придумывали новые слова, меняли грамматическую структуру, вносили что-то свое в ритмику. На мой взгляд, не это главное. Бывали, напротив, длительные и очень весомые периоды, когда поэты концентрировались на философии, изложении в своих стихах этических, моральных, исторических максим. И никто не думал о языковых экспериментах. Все-таки главное в поэзии то, что я назвал бы светским откровением, — это некие проникновения поэта в сущность мира, которые недостаточно системны, объемны и упорядочены для того, чтобы восприниматься как философия или религия.

СС: Видите ли вы разницу между современными российскими и украинскими поэтами?

ИК: Да, безусловно. Украинская современная поэзия более локальна, чем современная русская. Она пытается извлечь какую-то метафизику из конкретной фактуры: стола, дерева, веревки. Я думаю, что в основе этого лежит (даже у самых «городских» украинских поэтов) некая ментальность крепкого крестьянина, независимого хозяина на своем участке земли. В этом украинская современная поэзия очень похожа на всю восточноевропейскую поэзию. Русская поэзия часто пытается оторваться от локального. В ней есть некий имперский размах, претензии на говорение не вовнутрь, а вовне.

СС: Давайте перейдем от Кормильцева-поэта к Кормильцеву-главному редактору самого радикального российского издательства. «Ультра.Культура» — это российский аналог западной контркультуры?

ИК: Начнем с того, что «Ультра.Культура» — неологизм, который мы сами придумали. Это то, что лежит за пределами культурного мейнстрима. «Ультра.Культура» шире контркультуры. Так, например, можно ли назвать традиционалистскую философию контркультурой? Ни в коем случае. Однако в современном мире она находится за пределами мейнстрима и, значит, становится частью ультракультуры. Какое-то явление контркультуры вполне может быть адаптировано мейнстримом, что сейчас происходит сплошь и рядом. А «Ультра.Культура» — это то, что мейнстримная культура пытается отвергнуть, табуировать, объявить вне закона. Контркультура — социоэстетический термин, «Ультра.Культура» — политический.

СС: В таком случае ставите ли вы перед «Ультра.Культурой» задачу изменить сегодняшний мир? Как это сделала контркультура 1960-х годов, которая воспитала новое молодое поколение, взорвавшее сытое, благополучное, самодовольное западное общество той эпохи.

ИК: Нет, речь идет не об этом. Если уж совсем просто объяснять, в современном мире есть дискурсы, которые хотят господствовать, и те, которые сопротивляются этому. Политический контекст ультракультуры состоит в том, чтобы поддерживать

идеи, протестующие против узурпации интеллектуального пространства. Это культурная аналогия геополитической борьбы против однополярного мира.

Однако контркультура 1960-х, действительно изменив западный мир, кое-где поджала свои собственные корни, а то и, как змея, укусила сама себя за хвост. Так, политкорректность, выросшая из совершенно здравых предпосылок контркультуры, направленных на борьбу с кастовым расистским миром классической капиталистической культуры, в результате выродилась в основное оружие этого самого мира, против которого контркультура боролась.

Поэзия в подавляющем большинстве случаев необъяснима для самого поэта.

Такая диалектика в культуре встречается постоянно. Потому что любой культурный символ полисемантичен. А значит, его всегда можно присвоить, экспроприировать. Поэтому в культуре все время идет война за значение символов. И в этой войне даже символы, которые в какой-то период кажутся оппозиционными господствующему дискурсу, буквально через несколько лет становятся его основными символами.

Поэтому культура — это всегда процесс. Художник, чтобы отстоять свою культурную самостоятельность, должен все время обращаться к новым образам, метафорам, символам, способам выражения. Нельзя один раз что-то написать, нарисовать, пропеть, удовлетвориться этим и сказать: ну вот и все, я заявил о себе. Всепожирающая коса времени вскоре или уничтожит высказывание или, что еще печальнее, вывернет его на сто восемьдесят градусов и превратит в собственную противоположность.

СС: Какова же в этой ситуации роль культурной традиции?

ИК: Я часто говорю не культура и ультра.культура, а культура и искусство. Культура для меня — это проговаривание текстов, утративших действенный смысл. Представьте себе, что священник строит свою сегодняшнюю проповедь на отрывке из Евангелия, где Христос говорит юноше: пойдя и раздай все свое добро. Можно сразу, без всякого социологического опроса

сказать, сколько людей из тех, кто слушал эту проповедь, выйдя из церкви, выполняют завет Христа. Точно так же люди ходят в театр, отсиживают оперное представление, просто потому, что так принято.

Искусство обычно содержит в себе новые смыслы, которые невыносимы для обыденного человеческого сознания. И тогда культура выступает в роли организма, который снимает непосильные для человека смыслы искусства, переваривает их и превращает в нечто удобное и потребляемое. Иначе говоря, вырабатывает социальный иммунитет к искусству. В результате этого так называемого процесса культурного усвоения даже самое бунтарское безумное высказывание становится фактом изучения на уроках литературы или истории искусств и теряет всю свою действенность. Поэтому действующее начало в художнике должно постоянно атаковать инерцию с новых позиций, изобретать новые формы, зная, что любая революция, любой самый гениальный прорыв будет разжеван культурой зачастую уже при жизни творца. Пример — рок-н-ролл, который сегодня стал потребительской областью музыки, рассчитанной на определенную возрастную категорию, отрабатывающей инструменты социализации и дающей легализованный выход подростковой агрессивности. Это уже не бунтарская музыка, а карманная революция от корпорации MTV. То же самое часто происходит и с поэзией.

Культура делает с искусством то же, что микробиолог делает со штаммом болезнетворных бактерий, превращая их в лечебную вакцину. Однако нельзя забывать, что в вакцине все равно остается вирулентная возможность. То есть, предположим, из двухсот детей, привитых от кори, сто девяносто девять отреагируют легким повышением температуры, а двухсотый заболевает. Точно так же в полностью, казалось бы, обезвреженном классическом искусстве все время сохраняется тайная возможность бунта.

Портал «Эксперт-Online», 30 мая 2006 г.

Шоу-бизнес и контркультура

On-line конференция

*Умка (Анна Герасимова),
Илья Кормильцев*

Ольга Иванская, Манихино: Как вам кажется, что вам больше удастся: поэтическое творчество или переводы? Что вам доставляет большее удовольствие?

ИК: В целом творить от собственного лица гораздо интереснее и метафизически правильнее. Но бывают ситуации, когда полезно умалиться и попробовать поговорить с чужого голоса. Многому учишься, мобилизуешь какие-то совсем другие энергии, отчасти это как опыт жизни сразу в нескольких оболочках. Перевоплощаться вообще полезно, если это не превращать в профессию, как актеры. Возможно, что душа должна прожить все возможные для себя формы существования, прежде чем завершить свой путь. Так что переводы полезны не только творчески, но и на спиритуальном уровне...

Алина: Современные деятели «андеграунда» свободно выступают на «академических» концертных площадках (ЦДХ, ЦДЖ, например), пачками издают компакт-диски и книжки. В чем же тогда их «андеграундность»? Или это теперь только ярлычок для обозначения?

ИК: С самого начала мне не нравится термин «андеграунд», поскольку он предполагает некую степень подавления, как правило, политического. Это не всегда так, битников, например, политически никто не подавлял, но они были вполне себе андеграундом. Равнодушие или невосприимчивость общества может быть вполне точно таким же фактором отвержения, как

и прямое силовое давление. Зачастую даже гораздо больше. Я вообще не люблю всяких этих слов — контркультура, субкультура, андерграунд, для меня, условно говоря, есть искусство — и культура. Культура — это обезжиренное и обезвреженное, без холестерина, искусство, пригодное для употребления обывателю, чтобы выступать для него заменителем смысла жизни, не давать ему помнить о том, что он сдохнет, как собака, и от него даже души не останется. Так что для меня слово «андеграунд» является каким-то не столь удачным заменителем слова «культура».

Ольга Зотова, Одесса: Вам не обидно, что в основном Вас знают как человека, который является автором текстов песен «Наутилуса», а про нынешнюю деятельность упоминается вскользь? Вы сами как считаете, что в Вашей жизни было самым удачным проектом?

ИК: Судя по статистике запросов в Яндекс.ру и Гугл.ру, это уже не так, по крайней мере в Интернете. Но главное даже не это, а мнение важных для меня и близких людей. Они, к счастью, про «Наутилус» уже и забыли. Я не знаю, что было самым удачным проектом в моей жизни, будем надеяться, что он еще впереди, в конце концов, самое страшное — это когда человек говорит сам себе: «Ну все, все, что я хотел, я в своей жизни сделал». Мне таких людей очень жалко. К сожалению, к этой категории относится большинство моих знакомых сверстников.

Василь, Киев: Слушаете ли вы, общаетесь ли с теми, кто работает в таком же ключе, что и вы, из представителей бывших союзных республик? В какой из этих стран есть наиболее продвинутые деятели «контркультуры»?

ИК: По возможности да, хотя такая возможность выпадает не часто. Ведь мы, несмотря на современные средства коммуникации, зачастую живем в осколочном, раздробленном пространстве, где нелегко узнать о том, что чувствуют люди в Туле, не говоря уже о другой стране. Недавно я побывал с большим насыщенным визитом в Киеве, где не был семь лет. Я в восторге

от киевской творческой среды. Наверное, если бы у меня была возможность побывать в других местах, я бы нашел там тоже много для себя интересного.

Олег Миляев, Калуга: В советское время перед творческой личностью, желающей самореализоваться, стояли барьеры идеологические, теперь стоят барьеры финансовые. Надо денег на хорошую студию, желательно иметь богатого продюсера, чтобы проплачивать радиоротации и т. д. Эта ситуация ущемления творческой личности в угоду попсовикам-затейникам — она навсегда?

ИК: Собственно говоря, это и пытался объяснить нам всем детский писатель Носов в книжке «Незнайка на луне». Это капитализм как он есть, и единственная возможность с этим справиться — уничтожить капитализм. Кстати, я не вижу особенной разницы между идеологическими и финансовыми барьерами. Деньги — это тоже идея, инструмент, изобретенный человеком, а не созданный природой. Вы удивитесь, но деньги, так как их понимают сейчас, существуют немногим более трехсот лет.

Виктор, Санкт-Петербург: Судя по идеологическому разногласью авторов вашего издательства «Ультра.Культура», любимым крылатым выражением И. Кормильцева должно быть вольтеровское: «Я готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели возможность высказаться». Это действительно так?

ИК: Не знаю, готов ли я за это отдать жизнь, но считаю, что без этой возможности мы все рискуем отдать жизнь гораздо быстрее.

Виктор, Москва: Как решаются проблемы с противодействием структур типа Наркоконтроля публикации и распространению книг прогрессивной тематики, в том числе посвященных проблеме наркотиков?

ИК: Стараемся водить их за нос. В структурах этих, как правило, работают люди не шибко мощных умственных способностей, к тому же их больше всего интересуют деньги, а деньги

проще взять в ближайшем таджикском поселке, чем в издательстве «Ультра.Культура».

Винни П.: А вы сейчас пишете песни?

ИК: Да, иногда пишу. Но, как это ни смешно, за все эти годы, если не считать собственных проектов, я так и не смог найти себе заинтересованного соавтора.

Паша, Москва: Почему в так называемой контркультуре так много наркоманов и гомосексуалистов?

ИК: Знали бы вы, сколько тех и других в политической элите. Просто в контркультуре люди не столь лицемерны, как в других социальных слоях.

Дэн, Москва: Уважаемый Илья! Вы участвуете в «Произвольной космонавтике»? Вы будете там петь или читать стихи?

ИК: Читать стихи под музыку.

Почитатель творчества, Владивосток: Где первое всего назревает протест, создающий новые направления в культуре: в литературе, живописи, музыке? Всегда ли эти протестные настроения исходят от молодежи?

ИК: В разные эпохи протест выбирает для себя разные направления. Это как магма в жерле вулкана — не всегда понятно, в какую сторону она потечет. Большое значение имеет и случайность, и мода, и появление новых технологий. Что касается молодежи, то ее особая протестная роль в определенную эпоху была несколько преувеличена. Мне кажется, заострять внимание на возрасте так же опасно, как на цвете кожи или половой принадлежности. «Не верь никому после 30-ти» — звучит красиво, но самому непримиримому человеку в нашей стране в настоящий момент — Эдуарду Лимонову — 63 года.

Валера, Москва: Свобода — это абсолютная ценность или все-таки средство, которое должно быть оправдано какой-то целью? Если второе, то какой?

ИК: Нет, свобода — не абсолютная ценность, свобода — это средство для достижения абсолютных ценностей. Един-

ственное оправдание — это соответствие целей, с которой используется свобода, намерениям Бога в отношении судьбы человечества.

К.: Вот мне кажется, что чтобы начать противостоять поп-культуре, надо сначала плотно с ней столкнуться и вариться в ней какое-то время; у вас есть какой-нибудь такой опыт?

ИК: Я думаю, что это, разумеется, так, но для того, чтобы столкнуться в настоящее время с поп-культурой, достаточно сделать 10 шагов до телевизора или до радиоприемника, поэтому такой опыт есть практически у всех.

Светлана: Нет ли у вас ностальгии по советским временам?

ИК: Нет, у меня нет ностальгии вообще ни по чему, а по советским временам в особенности. Мне кажется, что ностальгия по советским временам — это в основном свойство некоторой прослойки молодых людей, примерно так 1970–1975 года рождения. У них случайно понятие «советское» совпало с понятием детство. У них не было опыта социализации советского общества, и поэтому они с ним знакомы только в форме Кремлевской елки и конфет «Дюшес». Мне кажется, что люди постарше такой ностальгией не страдают, а те, кто говорят, что страдают, делают это из своих корыстных интересов.

Всеволод Киприянов, Москва: Расскажите, пожалуйста, о связи между контркультурой и антиглобализмом.

ИК: Непосредственно такой связи нет. Так называемая контркультура существует уже три столетия, антиглобализм, или точнее — альтерглобализм — это новейшее политическое течение, безусловно, они пересекаются, в смысле присущего обоим антибуржуазного дискурса. Но мне кажется, что все-таки контркультура намного шире заложенной в ней претензии человеческому обществу, намного глубже и не сводится к борьбе с ТНК или против войны в Ираке.

Леонид, Москва: Как вам победитель нынешнего Евровидения? Это что? Это как?

ИК: В конце концов, если смотреть правде в глаза, Евровидение — это конкурс шутов. Поэтому, когда вместо шутов лицемерных, шутов-ханжей, шутов глянцевых побеждают шуты смешные, шуты честные — это безусловно положительное явление.

Серж, Москва: Как вы оцениваете творчество Вячеслава Бутусова после того, как ваш творческий тандем распался?

ИК: По-разному. Начало его сольной деятельности обещало гораздо больше, чем последняя работа. В настоящий момент не нахожу в музыке «Ю-Питера» ничего особенно интересного.

Артем, Москва: А нравится ли вам сам термин «контркультура»? Насколько полно он отражает то содержание, которым, в частности вы, его наполняете? Вы же, как мне кажется, противостое не всей культуре вообще, а только отдельному, не столь большому, ее сегменту.

ИК: Мне вообще не нравятся никакие термины. Выражение «контркультура» уместно только в том смысле, что речь идет о противостоянии культуре как системе ценностей, акцептированных в буржуазном обществе. Хотелось бы обходиться без этих терминов, но увы, нынешняя ситуация их нам навязывает, поскольку в современном мире в супермаркете положен на полку может быть только товар, который снабжен ценником и штрих-кодом.

Варлея, Москва: Вы согласны с тем, что «Успех — одна из главных ценностей современного общества»? Разве моральное здоровье, внутреннее счастье, удовлетворение своим трудом — это не больший успех?

ИК: Для начала надо разобраться с тем, что такое успех. Успех ведь может быть и внутренней самооценкой человеком своего состояния. В этом смысле нет никакого противоречия между первым определением и вторым. Но вы имеете в виду, скорее всего, совсем другое. Говоря о современном обществе и успехе, надо помнить, что за успех признаются только вполне определенные вещи. В основном это деньги и в меньшей сте-

пени публичная известность. Такое определение успеха, безусловно, однобоко и внутренне ущербно.

Вил, Владивосток: Добрый день. Не кажется ли вам, что сегодняшняя страсть как официального, прибыльного, коммерческого шоу-биза, так и пресловутого «андерграунда», подполья к перепевкам, каверам, римейкам, revival и прочему переливанию старых песен из пустого в порожнее говорит, прежде всего, о том, что и шоу-бизнес, и контркультура сегодня объединены и поставлены перед фактом: говорить больше не о чем, остается повторять то, что проходило на ура лет этак двадцать назад? Спасибо.

ИК: Безусловно, некоторое пристрастие к вторичной утилизации уже бывшего присуще всему современному искусству. Именно это обычно и называют постмодернизмом. Но я думаю, что дело здесь не столько в отсутствии новых идей, сколько в необходимости освоить, утрясти и уразуметь огромный культурный багаж, созданный второй половиной двадцатого века. Такие периоды в истории общества систематически случаются, ничего страшного в этом нет, в конце концов, все Возрождение художники рисовали одних и тех же святых, и ничего.

Alex, Омск: А что лучше? Панки тоже когда-то были контркультурой...

ИК: Это нормально, это диалектика, культура постоянно пытается одомашнить эстетически высказывания, коммерциализировать их, сделать допустимыми, и поскольку на их стороне вся власть государственного аппарата и инерция общественного сознания, ей практически всегда это удается. Необходимо придумывать все новые и новые методы взрывать сознание. Это как состязание снаряда и брони. Иногда художники даже перегибают палку. Но без этого, увы, невозможно.

Теофил: Возможно ли повторение такого явления, как свердловский рок-клуб 1980-х?

ИК: Разумеется, нет. Вообще история часто повторяется по существу, но крайне редко в тех же формах. Было особое время, особая среда, люди могли заниматься в свободное время общественной деятельностью, абсолютно не нуждаясь в деньгах, были другие, гораздо более мягкие, механизмы противостояния, но возникновение каких-то творческих объединений, коммун, тусовок, школ возможно, разумеется, всегда.

Костя Щурков, Жулебино: Что вы любите слушать дома, в плеере или в автомобиле?

ИК: Автомобиля у меня нет, плеер я слушаю очень редко. Как правило, по работе. Музыка я чаще всего слушаю дома, и это самая разная музыка, от самой новой до той, которой уже тысяча лет, и в самых разных стилях, жанрах, в зависимости от настроения и потребностей. А вот за работой я могу слушать музыку только относительно нейтральную, днем — радио «Джаз» и радио «Классик», ночью — не слишком агрессивную электронику.

Настя: Как вы относитесь к творчеству Joss Stone, и как бы вы определили ее музыкальный стиль? Спасибо.

ИК: К сожалению, никогда не слышал эту исполнительницу.

Владислав, Санкт-Петербург: Извините, вопрос не по теме. Кто станет чемпионом мира по футболу?

ИК: Испанцы.

Дима Скобелев: Какой путь должен пройти музыкант, чтоб без чьей-либо поддержки стать любимцем публики?

ИК: Я думаю, что одно из основных качеств, которое необходимо в нашу эпоху не только музыканту, но и любому человеку, претендующему на нечто большее, чем просто жизнь частного лица — это упрямство. Несмотря на всю кажущуюся непробиваемость, броня современного мира не выдерживает длительного давления, поскольку сопротивление элементов, ее составляющих, не мотивировано никакой высокой идеей, а только мелкими страстями и сиюминутной ситуацией. Люди, живущие только мигом, рано или поздно отступят перед вашим упрям-

ством и отойдут в сторону, сказав, что ладно, раз уж он такой сумасшедший, поделимся с ним местом под солнцем.

Артур Игнатов: Можно ли считать проявлением контркультуры музыкантов, поющих и играющих в подземных переходах, на улицах городов?

ИК: Нет, это проявление андерграунда.

Ирина, Москва: Идеи идеями, но чем отличается жизнь «контркультурщика» от жизни человека, интегрированного в массовую культуру? Может ли быть контркультурным не-поэт, не-музыкант, не-художник?

ИК: Безусловно, может. Хотя полностью под это сомнительное определение, разумеется, попадает только тот, кто все равно занимается какой-то общественной деятельностью, направленной на изменение существующей ситуации и на сопротивление хозяевам дискурса. Такая деятельность не обязательно должна быть творческая, она может быть политическая, административная и даже предпринимательская.

Муха, Москва: Что сейчас больше соответствует понятию контркультура: патриотизм (не чиновничий, конечно — впрочем, где эта грань...) или космополитизм?

ИК: Один из видных контркультурщиков сказал: «Несть ни Элина, ни Иудея». Нация — один из любимых инструментов элиты для решения проблемы сохранения и преемственности своей власти. Ответ на вопрос выведите отсюда самостоятельно.

Arc, Moscow: Если уж стал вопрос разделять контркультуру и шоу-бизнес — куда отнести тогда Шевчука? Не кажется ли все-таки тема конференции надуманной?

ИК: Мне кажется, что надумана не тема конференции, а ваше понимание ее. Шевчук, он же живой, и уже далеко не мальчик. Он успел побывать и там, и там. В каком-то смысле принадлежит к контркультуре, в каком-то — шоу-бизнесу. Смотрите на вещи диалектически, а не рассуждайте, как Петя-ка (ты за кого, Василий Иванович, за красных или за белых?).

Arc, Moscow: А есть это самое «противостояние» между так называемыми «шоубизнесом» и «андеграундом»?

ИК: Разумеется, есть, только не надо его понимать как примитивное столкновение двух банд футбольных фанатов. Шоубизнес постоянно вербует представителей так называемого андеграунда в свои ряды, для того, чтоб повысить свою привлекательность на публике и выставить на продажу новые идеи, поскольку самостоятельно шоу-бизнес не может породить ничего творчески нового. Но разумеется, поросят в волчью стаю принимают на вполне определенных условиях, в частности, не рассказывать никому о том, что на самом деле делают волки со свиньями. Разумеется, после этого к андеграунду данных поросят относить уже никак нельзя. Так что, как везде, диалектика, диалектика и еще раз диалектика.

Arc, Moscow: Не кажется вам, что проблема не в наличии шоу-бизнеса, а в его «искусственности» или, скажем, идеологической поддержке со стороны государства... Не кажется ли вам, что скоропостижная гибель наиболее ярких и нон-конформистских представителей русского рока (ну если так можно обозначить формат) могла быть неслучайной?

ИК: Не только кажется, но я даже кое-что об этом знаю. Только наивные люди могут полагать, что в 1990-е годы определенные государственные структуры целиком сосредоточились на зарабатывании денег и совсем никак не вмешивались в общественную жизнь. Могу только намекнуть на то, что некоторые особо неприятные события были косвенно связаны с теми же людьми, которые в совсем недавнее время «вели» историю с Григорием Грабовым и его сектой.

Завершающее слово:

ИК: Мне показалось, что большинство заданных вопросов говорит о том, что достаточно большое количество людей устало от того, что предлагается им как потребителям идеологической и эстетической продукции. И это очень хорошо, но при

этом следует не забывать слова революционной песни — «Никто не даст нам избавленья, / Ни Бог, ни царь и ни герой / Добьемся мы освобожденья / Своею собственной рукой». Самый простой способ восполнить дефицит настоящего искусства подлинной философией и искренней верой — стать самому их источником.

Online-конференция РИА «Новости», 15 июня 2006 г.

Все самое интересное еще впереди

Илья Кормильцев — это, без преувеличения, человек-эпоха. И человек, переживший свою эпоху. Автор текстов легендарной группы «Наутилус Помпилиус» (а также «Урфин Джюса» и Насти Полевой), песни которой оказались «попаданием в десятку» для миллионов советских и постсоветских подростков. И поэт, оставшийся поэтом даже после того, как «Наутилус» распался. Переводчик, познакомивший нас с целым миром западной альтернативной культуры: Ирвин Уэлш и Чак Паланик, Брет Истон Эллис и Ник Кейв, Ричард Бротиган и Уильям Берроуз выходили и выходят в России в переводах Кормильцева. И главный редактор самого радикального российского издательства «Ультра.Культура», выпускающего самые эпатажные образцы отечественной и зарубежной прозы и поэзии и регулярно при этом нарывающегося на скандалы, вплоть до судебных процессов...

Недавно Илья Кормильцев приезжал в Киев для выступления в рамках поэтического фестиваля «Киевские лавры». К сожалению, тогда нам не удалось с ним пообщаться, но Илья Валерьевич охотно согласился ответить на наши вопросы по электронной почте.

Светлана Евсюкова

СЕ: Что для Вас значили 1980-е годы? Какие самые яркие воспоминания связаны с этим временем?

ИК: Это было кошмарное время. Время больших иллюзий, которые уже тогда осознавались как иллюзии. Я имею в виду не только СССР, рейганомика и тэтчеризм были ничем не лучше перестройки. И в то же время было понятно, что людей, бегущих за этими миражами, не остановить. Они тебя раздавят — и будут правы. Слишком много сока и сил выжала холодная война из ее основных участников. Средний человек — ничтожное, трусливое животное — не в состоянии так долго играть в кос-

мические игры. Это было время, когда страх бомбы сменился страхом толпы. Когда стало понятно, что будущего не будет.

СЕ: Как Вы считаете, востребованы ли сейчас в России ценности, которые принесла в страну «эпоха перемен» 1980-х годов?

ИК: Тут нужно провести черту между ценностями декларируемыми и ценностями подразумеваемыми. Если говорить о подразумеваемых ценностях, то они торжествуют: охлократия, криптофашизм, стяжательство, животная тупость и равнодушие переживают время расцвета. Декларируемые ценности? Кому интересны увядшие цветы и вчерашние газеты, кроме кучки умалишенных?

СЕ: Какие главные, по Вашему мнению, события произошли за прошедшие 20 лет? Насколько они изменили страну, людей?

ИК: Главным во всем мире было крушение Великих проектов модерна, в результате которых человечество утратило родовой смысл существования. В результате этого мир сейчас — жалкое ничтожное место, внутренне готовое к своей гибели и тайно осознающее ее заслуженность. В России сила этого удара и его острота была наибольшей, но ни один регион (за исключением, возможно, Латинской Америки) не остался незатронутым. Средний человек не изменился внутренне, но утратил необходимость тяготиться своим состоянием. Впрочем, это только начало — все самое интересное еще впереди.

СЕ: Как Вы думаете, о чем бы пел сейчас Виктор Цой, если бы он остался жив?

ИК: Кто его знает? Если строить предположения, проводя аналогии с теми его сверстниками, кто продолжают петь и сейчас: БГ, Кинчевым, Шевчуком, Бутусовым, — то приходится цинично заключить, что ему повезло больше, чем им. В творческом смысле, по крайней мере. А если правда то, что боги забирают первыми тех, кого любят больше всего, то и не только в творческом.

К сожалению, мало кому из поколения Цоя удалось сохранить нерастраченным чувство времени и метафизическую

энергию. Нет никаких оснований предполагать, что сам Цой стал бы исключением. Не будет преувеличением сказать, что живость народной любви к Цою есть прямое следствие того, что сам он мертв и к Суркову может явиться только в виде привидения — верхом на мотоцикле, с черными крыльями летучей мыши за спиной и фосфоресцирующими глазами.

СЕ: В чем Вы полагаете Ваше нынешнее предназначение в современной России?

ИК: Продолжать быть собой. Это вообще единственное предназначение каждого человека в России или на острове Вануату. Мы вообще слишком много говорим о России, Украине, США, Вануату и слишком мало о человеке. Я бы с удовольствием забыл о том, что живу в какой-то стране, в любой. Но поскольку нами правят питекантропы, возможность которых трахать наших самок и наши мозги напрямую зависит от актуальности национальных фантомов, они не дают об этом забыть ни на мгновение.

СЕ: Актуальна ли сейчас фраза: «Поэт в России больше, чем поэт»?

ИК: К сожалению, до сих пор актуальна. Но это не самая главная проблема России. Самая главная — это то, что подполковник КГБ в России намного больше, чем подполковник КГБ.

СЕ: Какой Вы хотите видеть современную молодежь, и чего ей не хватает для того, чтобы такой стать?

ИК: Устремленной в будущее. Дело за малым — дать ей его.

20 июня 2006 г.

Суд постановил уничтожить конфискованные тиражи книг

Екатеринбургский суд постановил уничтожить тиражи книг издательств «Ультра.Культура» и «У-Фактория», которые были конфискованы в конце июня сотрудниками Федеральной службы по надзору за оборотом наркотиков со складов типографии «Уральский рабочий». Уничтожены будут книги «Культура времен Апокалипсиса» и «Клубная культура». Решение беспрецедентное, в постсоветские времена книги еще не уничтожали, тем более, что речь идет о книгах, переведенных с английского и свободно распространяющихся во всем мире.

Корреспондент Радио Свобода Анна Колчина попросила прокомментировать решение суда главного редактора издательства «Ультра.Культура» Илью Кормильцева.

ИК: Поздней весной Екатеринбургское управление федеральной службы по контролю за незаконным оборотом наркотиков предъявило претензии к двум книгам: одна книга издательства «Ультра.Культура», которая называется «Культура Апокалипсиса», это переводная книга с английского, антология, ее издал американский культуролог Адам Парфрей. Вторая книга была издательства «У-Фактория», которая называлась «Клубная культура», английского автора. Это было сделано по признаку того, что книги содержат в себе пропаганду наркотиков. Впоследствии власти совершили очень нехарактерную для них акцию, потому что обычно в таких случаях, когда у них есть какие-то претензии, они берут несколько книг на экспертизу, а потом по ним делают заключение. В данном случае они конфисковали весь тираж, который присутствовал на складе и в магазинах. И наконец было вынесено решение в Ека-

теринбургском суде, которое, кроме того, что признало претензии правомочными и выписало штраф в 40 тысяч рублей, еще содержит беспрецедентное постановление о том, что остатки конфискованного тиража нужно уничтожить. То есть не возвращать их владельцу. Такое постановление, в общем-то, не прописано, не предусмотрено никаким законом. Тем более, что там есть юридические сложности, поскольку иск предъявлялся типографии «Уральский рабочий», напечатавшей эти книги, которые были забраны, соответственно, со склада, а они на тот момент уже являлись собственностью издательства, соответственно, не типографии, таким образом, там изрядное количество нарушений. Поэтому, конечно, будет подана апелляция. Но тем не менее в первом рассмотрении дела были приняты вот такие, я не знаю, по-моему, беспрецедентные меры... Я не помню, чтобы еще где-то в постсоветское время судами принимались подобные решения.

АК: Если я не ошибаюсь, несколько месяцев назад ваше издательство уже обвинялось в распространении порнографии, тоже из-за книги Парфрея.

ИК: Да, первоначально эта книга также фигурировала в списке, который прокуратура Московского центрального административного округа, когда возбуждала дело в марте месяце по распространению порнографии, там был ряд книг, и среди них фигурировала тоже Парфреевская антология. Но потом она была из этого списка, как, собственно говоря, и все остальные переводные книжки. И в нем остались в конечном итоге только произведения отечественных авторов. Три года назад, если я не ошибаюсь, в Екатеринбурге уже была большая акция, одна из первых в истории нашего издательства, по поводу другой антологии Адама Парфрея «Аллах не любит Америку». Тоже пытались изымать тираж, но тогда дело до суда как такового не дошло, все ограничилось прокурорской проверкой, которая растворилась в пространстве, ничем не окончившись. Так что да, действительно, какое-то особое отношение к этому издателю, составителю.

АК: Илья, почему, собственно, было предъявлено обвинение в пропаганде наркотиков? Вы считаете, действительно повода для таких обвинений не было?

ИК: Это совершенно никак невозможно объяснить, потому что книга, в сущности, имеет весьма косвенное отношение к теме наркотиков. Думаю, что они там упоминаются несколько раз в разном контексте, но в принципе книга совсем не о том вообще. Я думаю, что просто у нас сейчас популярны такие три статьи — это возбуждение межконфессиональной и межнациональной розни, нелегальное распространение и производство порнографии и пропаганда наркотиков. Эти три статьи выполняют ту же самую юридическо-административную функцию, которую в классическую эпоху поздней советской власти выполняли статьи о валютной спекуляции, тунеядстве, еще входил в этот круг гомосексуализм. Вот это такие статьи, которые служат как некий инструмент шельмования и политического влияния. И, как правило, применяются, не исходя из предмета дела, а исходя из необходимости кому-то испортить жизнь.

Радио «Свобода», 26 сентября 2006 г.

Я — профессиональный дилетант

Виктор Притула

Не хочу, чтобы меня превращали в объект

ВП: Илья, кого в вас больше — поэта, прозаика, драматурга, переводчика, издателя?

ИК: Излюбленный журналистский вопрос, отвечать на который начинаю уставать. Может быть, вы еще сразу спросите о моих творческих планах? Все обычно с этого начинают ...

ВП: О планах пока спрашивать не буду, но человек вы настолько многомерный, что даже ваш сборник «Никто из ниоткуда» включает и поэзию, и прозу, и даже написанный в соавторстве киносценарий. Ну и чтобы не повторять поднадоевший вопрос моих коллег, ответьте мне тогда: это ваша первая авторская книжка?

ИК: Да, это первый вышедший у меня сборник. Себя же я, честно говоря, никем не считаю. Приходится повторяться, но я убежден, что одной из болезней нашего века является преувеличенное внимание к самоидентификации человека, к его специализации. К сожалению, это преувеличенное внимание является отражением объектного характера современного мира. Для того, чтобы манипулировать человеком, надо превратить его из субъекта в объект. Нужно как-то его обозначить: фашист, коммунист, патриот, поэт, политик, актер. Чтобы можно было в любой момент эту идентификацию ему наклеить, а потом манипулировать ею по законам присущим данному жанру. Скандально известная личность попадает на одни страницы, ученый-экономист на другие страницы. Поэтому я всей

своей жизнью, всей своей деятельностью сопротивляюсь объективизации, сопротивляюсь наклеиванию ярлыков. Не позволяю их на себя наклеивать. Это осознанная политика. Я считаю подобную идентификацию совершенно ложным подходом, на котором строится сейчас вся работа СМИ. Поэтому предпочитаю уходить от определений...

ВП: Я вас понял. И вовсе не это имел в виду. Но что бы ответил Пушкин, если бы ему задали вопрос кто он?

ИК: Пушкин писал в анкете — литератор.

ВП: А вы можете написать в своей анкете — литератор?

ИК: Наверное, нет. Потому что со времен Пушкина это слово тоже стало ярлыком, подразумевая совершенно определенные скучные посиделки за «круглым столом», юбилейный вечер в каком-нибудь «союзе писателей». И, конечно, в этом смысле я далеко не литератор. У меня и книжка всего одна, да и то вышедшая на середине пятого десятка. Нет, я просто человек. Не хочу давать себе никаких определений.

ВП: Вы занимаетесь тем, что вам нравится?

ИК: Да, я — дилетант, занимаюсь тем, что мне нравится. От первого значения этого латинского слова. Не в смысле того, что этот человек не профессионал, а в том смысле, что эта деятельность не входит в круг его общественных и гражданских обязанностей. Деятельность, которой он занимается для себя. Так вот я — профессиональный дилетант.

ВП: Дилетантизм начался во времена, когда вы были одним из пионеров русского рока, и продолжается по сей день?

ИК: Да, это моя принципиальная позиция, потому что у меня дурное отношение к любой узкой специализации, к любой инструментализации и объективизации человеческой личности.

На круги своя нам уже не вернуться

ВП: Илья, скажите, как вам удалось написать двадцать лет тому назад тексты песен, которые необыкновенно актуальны

сейчас. К примеру: «скованные одной цепью, связанные одной целью» — это же сегодняшние «идущие вместе» или «наши», во что они трансформировались. Или такие строки: «Грошовый счет в казенном конверте / За непогашенный мертвым ночник, / ему не скрыться от нас после смерти / Пока мы помним, что он наш должник...» Это же абсолютно точная и безжалостная фотография сегодняшнего дня. Как вам это удалось?

ИК: Я действительно не знаю, как это удастся. Это от меня не зависит. Я только переписчик того, что слышу, поэтому точно также бесполезно спрашивать: как это радиоприемнику удастся говорить разными голосами, играть музыку, передавать рекламу. Он этого не знает...

ВП: А не кажется ли вам, что когда вы писали эти строки в середине 1980-х в городе Свердловске, у людей были надежды. Это потом они были обмануты или не обмануты, разочарованы или счастливы. Так вот, не кажется ли вам, что по прошествии стольких лет вдруг все вернулось на круги своя? Согласны ли вы с этим?

ИК: Что все вернулось на круги своя? Вы имеете в виду социально-политическую ситуацию? Так ничто с этих кругов и не сходило никогда. Весна сменялась летом, лето — осенью, зрелость — старостью. Так о чем мы тогда говорим...

ВП: Вы считаете, что со сменой вывески СССР на Россию ничего не изменилось в судьбе наших людей?

ИК: Это совершенно разные вещи. В судьбе каждого отдельного человека что-то бесспорно изменилось. У кого-то в лучшую, у кого-то — в худшую для него сторону. Но если мы говорим об историческом процессе, о том, сменила ли Россия свой исторический курс, то я считаю, что нет. По большей части продолжают те же процессы, вектор которых был задан в послевоенное время, после Второй мировой войны. Все является их органическим развитием. И в этом смысле перелома или резкой смены исторического курса не происходило. Ни в 1991, ни в 2000, ни в какую другую эпоху. Континуум неразрывен.

Линейка упадка Российской империи идет все в том же направлении в силу тех же факторов, которые сложились непосредственно после Второй мировой войны. И если рассуждать об этом в историческом плане, то можно говорить о том, что действительно никакой революции не было. Если же рассуждать об этом на бытовом или на культурном уровне, то здесь, конечно, все не так. Для многих людей смена жизненного уклада, безусловно, произошла и принесла резкие изменения в образ жизни. Особенно для тех поколений, которые этой смене уклада предшествовали. Для них произошла настоящая ломка каких-то жизненных ценностей и критериев, на которых они росли. Поэтому вопрос этот сложный и не сводится к однозначному ответу. Что же касается возвращения на круги своя, то если иметь в виду использование исторической спирали, при которой возвращаются какие-то формы, какие-то символы, какие-то моменты дискурса, которые были характерны для предыдущей эпохи, то можно говорить: да, определенное возвращение произошло. Но за ним скрываются сейчас качественно совершенно другие процессы. Мир, в котором мы живем, конечно же, не СССР образца 1986-го или 1976-го, не говоря уже о более отдаленных временах. Это совершенно другое государство, другая социальная система, другая национальная общность. И в этом смысле можно говорить только о возвращении определенной символики, стилистики, т. е. вещей символического плана, но не о сути процесса. Мы сейчас имеем дело с другой картиной, чем раньше.

ВП: Скажите, Илья, а вас эта сегодняшняя картина не тревожит, не пугает?

ИК: Да меня и предыдущая, которая нынешней предшествовала, не очень-то радовала. Я не вижу какого-то качественного прорыва в развитии общества, в котором мы живем. Путь вниз продолжается все по той же лестнице.

Линия жизни зависит от обстоятельств

ВП: А как вы решились стать книгоиздателем? Ведь этот шаг был в определенном смысле сменой вех в вашей жизни. Вы, насколько я знаю, химик по образованию, потом «звездный» поэт-песенник одной из самых любимых молодежью рок-групп, потом переводчик, открывший для нас совершенно неизвестный пласт англоязычной литературы. Хотя, это мое личное мнение, она оказала известное влияние на определенную часть молодежи, причем влияние это было негативным. В частности ваши переводы так называемых «культовых романов» Ирвина Уэлша из жизни шотландских «торчков». Его роман «На игле» стал едва ли не манифестом значительной группы нашей интеллектуальной и артистической молодежи. Не было у вас угрызений совести, что ваши переводы в какой-то степени способствовали увлечению наркотиками?

ИК: Не думаю, что это так. Когда я делал перевод этих книг на русский язык, то, отраженный в них социокультурный период уже во многом был пройден, в том числе для тех людей, которые здесь у нас подобный образ существования уже вели. Это был постфактум. Скорее, экранная версия этого романа оказала куда большее влияние на идеологию определенной субкультуры. Книга появилась на русском гораздо позднее, когда весь этот героиновый пик остался в далеком прошлом. Не думаю, что мои переводы книг Уэлша были столь разрушительны, как вам кажется. Что же касается принятия решений, то я принимаю их под воздействием обстоятельств, как любой другой человек. Подворачивается чисто случайная ситуация в жизни, появляются люди, которые, например, предлагают заняться издательским делом. Однажды появились люди или возникли обстоятельства, которые подвигли меня сосредоточиться на переводах, хотя любительскими переводами я занимался еще в 1980-е годы. То есть происходят какие-то моменты в жизни, появляется какой-то человек, который предлагает заняться чем-то мне интересным. Иногда это ничем не кончается,

даже если мне очень хочется заниматься каким-то определенным делом. Иногда это занимает меня на несколько лет. Это складывается под влиянием каких-то внешних обстоятельств, хотя в принципе есть и с моей стороны какая-то инициатива. Я ишу постоянно какие-то точки прорыва, болевые точки, на которых приложение усилий по воздействию на общество, по трансляции того сигнала, который в тебе содержится, достигает максимальной активности. Я постоянно ишу альтернативных ситуаций, где есть конфликт. Когда-то он был в музыке, сейчас там этого конфликта нет. Сейчас он есть в литературе. Основное поле обсуждения сегодня — это текст в самом широком смысле. Не только художественный. Вся жизнь интеллектуальной элиты центруется сейчас вокруг литературы, в гораздо меньшей степени возле театра, не говоря уже о каких-то пластических искусствах. А что будет дальше, очень трудно предсказать.

ВП: Как давно вы возглавляете издательство «Ультра.Культура»?

ИК: С самого начала, с момента его основания в 2002 году.

ВП: Молоденькое у вас даже по нынешним меркам издательство...

ИК: Ну как молоденькое? Я думаю, что все издательства в наше время, которые придерживаются определенной внутренней политики, которые не являются чисто коммерческими кооперациями, по определению могут быть только молоденькими. Долго им жить, наверное, и не следует. Ведь когда исчерпывается ситуация, нужно менять лицо. Вообще, я противник всяких дел на века в культурных обстоятельствах. Они очень быстро оборачиваются мертвечиной. Все должно жить недолго, эффективно, проекты должны сменяться один за другим.

ВП: Так сколько лет вы еще даете «Ультра.Культуре»?

ИК: Не знаю. Год. Два. Я имею в виду не людей в нем занятых, не самого названия издательства, а только мой интерес в этом проекте.

ВП: А вы не подумали о том, что создали издательство, собрали вокруг себя какой-то коллектив, а потом, когда для вас этот этап прошел, интерес утрачен, что делать коллективу, который остается?

ИК: Пусть продолжает работу. У нас ведь нет такой глобальной структуры, чтобы задаваться такими вопросами. Свободное собрание людей — расхотели, разбежались. Считаю, что малые коллективы должны быть все время подвижны. Очень смешно выглядят всякие рок-группы, которые справляют двадцатипятилетия, тридцатилетия, которые состоят в той же музыке просто потому, что больше они ничего не умеют и не могут по-другому зарабатывать деньги. Арт-проект, превратившийся в монумент, являет очень печальное зрелище.

Вечный поиск нового

ВП: Вы считаете, что «Rolling Stones» можно поставить на одни весы с «Машиной времени»?

ИК: Да нет. Глупость это ставить их на одни весы с «Машиной времени», с Джеймсом Бондом или конкурсом имени Чайковского. Это культурные институции. Они к искусству уже никакого отношения не имеют. Потому что все, что стало культурной институцией, перестает быть искусством в тот же момент, вообще перестает быть творчеством. Искусство от культуры именно тем и отличается, что культура — это воспроизводство одного и того же в одних и тех же формах, а искусство — это отказ от этих форм и разрушение...

ВП: Постоянный поиск чего-то нового?

ИК: Да, постоянный уход от присвоения. Любая форма, которая уже присвоена социумом, которая ритуально воспроизводится, сразу же теряет все свое мироизменяющее содержание.

ВП: Илья, скажите, почему вы выбрали еще более новое издательство для своей первой книги?

ИК: Да какое же оно новое? Может быть, новое только по названию, а по содержанию это часть «Софии». Разговоры

об издании книги я начинал еще с «Софией». Другой вопрос, почему я не стал публиковать ее в своем издательстве? Потому что существует редакторская этика.

ВП: Но вас могли издать в любом большом московском издательстве. Да и питерцы с удовольствием, наверное, издали бы...

ИК: Не люблю иметь дело с большими издательствами, потому что это неконтролируемые организации. Там вообще автор немногим больше, чем уборщица.

ВП: Я вас понял. Вы считаете, что ваше издательство «Ультра.Культура» абсолютно стоит обиняком на нынешней издательской площадке. Или же есть какие-то издательства, которые близки вашим позициям?

ИК: Нет, я думаю, что оно уникально в настоящий момент, хотя какие-то стилистические моменты отчасти пересекаются с «Ад Маргинем», какие-то моменты сближения есть с другими издательствами. Но, в целом, та продукция, то лицо, тот брэнд, который сложился, у «Ультра.Культуры», конечно, свой. Пока не возникло второго подобного издательства. К сожалению...

ВП: Или к счастью?..

ИК: Нет, к сожалению. Потому что, когда явление не уникально, можно говорить о тенденции, а когда оно уникально, то уникальным и останется.

ВП: Скажите, вы с самого начала стали издавать литературу определенной направленности? Выстраивая концепцию своего издательства, вы заведомо предполагали, что вашими авторами будут Лимонов, Проханов, что это будут радикалы главным образом.

ИК: Созданию издательства «Ультра.Культура» предшествовала в качестве разогрева так называемая «оранжевая» серия «Альтернатива» в «АСТ», над которой начинал работать тот же коллектив. В общих чертах тогда уже сложилось представление о круте наших тем, но тогда это касалось только художественной литературы. Потом уже, когда было решено за счет издания литературы «нон-фикшн» расширить диапазон, возникла

«Ультра.Культура». Поскольку появились под этот проект инвестиции и появились заинтересованные лица. «АСТ» же в тот момент не проявляло никакого интереса к разработке этой темы.

ВП: Мне почему-то казалось, что появление книг серии «Альтернатива» в «АСТ» — некий нонсенс. Для меня эта издательская группа изначально была и остается сугубо коммерческим предприятием, которому все равно, что издавать: пособия по кулинарии, женский детектив или еще что-то, что трудно назвать литературой. И появление книг в оранжевых обложках, книг эпатажных даже для нашего, нанюхавшегося сверх меры «цветов зла», читателя, было неким явлением из ряда вон...

ИК: Так сложилось, что в «АСТ» этот проект в тот момент удалось проломить. Они, кстати, очень долго сохраняли настороженное и отрицательное отношение к этой серии. Первые год-полтора там вышло всего пять-шесть книг. Потом уже серия «пошла», когда «Бойцовский клуб» Чака Паланика, тот же Уэлш стали лидерами продаж. Вот тут они загорелись. Теперь у них уже несколько полок забито «оранжевыми книжками», но это уже история без нас.

Запретный плод сладок?

ВП: Ваши книжки очень резко отличаются и своей внутренней концепцией, и графическим оформлением. На последней выставке «нон-фикшн» я обнаружил книгу, о которой не раз думал, может ли она вообще быть. Оказалось, может. Это книга о Пол Поте в вашей серии «Жизнь запрещенных людей». В свое время я работал в Камбодже, и деяния Пол Пота со товарищи не были для меня кинематографическими абстракциями. Но у нас до сих пор не вышло ни одной книги о том, что на самом деле происходило в Камбодже. Кроме, может быть, книги Веслава Гурницкого «Песочные часы». Однако весь ее тираж в середине восьмидесятых был «пущен под нож». Китайцев тогда мы боялись обидеть. Но это лирическое отступление. А кому пришла в голову идея серии «Жизнь запрещенных людей»?

ИК: Мне она пришла в голову, эта идея. Просто я подумал, что есть некий круг персон «нон-грата», о которых все знают, но их биографий нет. Эти деятели, как правило, авторы шумных, но неудачных политических, культурных или религиозных проектов. Когда автор политического проекта, как например Гитлер, побеждает, то он уже не попадает в эту компанию. Все-таки он более десятка лет правил Германией и даже большей частью Европы. Пол Пот тоже некоторое время находился у власти, но здесь роль играет масштаб. Есть запрещенные люди, вытолкнутые за пределы общественного дискурса. Они всем известны, на них ссылаются, но они как бы в некоем табуированном состоянии находятся. Вот вам пример заполнения какой-то ниши.

ВП: Это касается серии «Жизнь запрещенных людей». А другие ваши серии?

ИК: Они все заполняют некие ниши. Существуют разные зоны дискурса, которые по тем или иным причинам находятся в загоне.

ВП: Ну, я бы не сказал, что господин Проханов находится в загоне, напротив, он пребывает в некоем даже публичном фаворе, особенно на ТВ. Там он почти завсегдатай любых ток-шоу.

ИК: Теоретически можно рассуждать о том, что его издают все и приглашают все, но отношение к нему определенное: «пусть себе говорит!» Есть такие фигуры, как Лимонов. Кто же не знает, кто такой Лимонов? Речь ведь о другом. Есть дискурс, который является «комильфо», о котором можно говорить везде и всюду, а есть совокупность таких «анфан терриблей» — врагов общества. Вот о них и речь. Они представляют иную форму суждения, иную форму мироощущения. Они могут быть известны, могут быть неизвестны — это вторичный вопрос. Но они несут в себе мироощущение, которое по тем или иным причинам господствующим дискурсом обозначено, как подлежащее или искоренению, или ограничению. Мы

сейчас говорим о тех, в отношении которых применяются социальные репрессии, не обязательно силовые, они могут быть информационными, культурологическими. Такие зоны, по моему убеждению, не являются случайными, стихийными. Если их исследовать с точки зрения философии общества, то всегда эти зоны связаны с неким общественным табу. Вот на эти зоны мы обращаем внимание в первую очередь. Общество отторгает их потому, что чувствует в них свои потаенные слабости. Я написал в одном из своих рассказов, что любой ханжа, будь он христианин, сатанист или системный администратор, в первую очередь возмущается по тому поводу, который втайне ему страстно и вождельно желанен. Условно, общество отвергает именно то (есть старый термин «ханжество»), чем оно больше изнутри.

Собственно говоря, существование нормального поля свобод, нормального либерального поля связано не с существованием правильных законов, как очень многие ошибочно предполагают. Оно связано с существованием людей, которые пользуются этими свободами. Если существует определенная свобода личности, должны быть люди, которые этими свободами пользуются. Если этих людей не поддерживать, то это свободное поле схлопнется без всякого правоохранительного силового воздействия, условно говоря. Это как прививки. Они должны постоянно делаться, чтобы организм сохранял устойчивость.

ВП: Иммунитет...

ИК: Да, иммунитет. Здоровое нормальное либеральное общество, как оно замыслилось в 18 веке, должно было на этом и строиться. Соображения общественного разума должны были удерживать общество от принятия неправильных решений, поэтому сами неправильные решения с точки зрения общества должны были наличествовать в избытке. Общественный разум должен был выбирать, что ему подходит, а что не подходит. Если же общество само отказывается говорить о некоторых вещах, оно лишает само себя возможности выбора.

ВП: Илья, в вашей серии «Жизнь запрещенных людей» выходила книга с жизнеописанием Джохара Дудаева. А могли бы вы издать книгу об Аслане Масхадове?

ИК: Конечно. Написал бы кто такую книгу...

ВП: Я не спрашиваю о Бен Ладене, поскольку о нем несколько компилятивных и дурных книжек вышло...

ИК: На самом деле, о Бен Ладене была бы интересна настоящая биографическая книга, поскольку всякий раз возникает вопрос о достоверности существования этой личности в принципе.

ВП: Вы считаете Бен Ладена виртуальной фигурой?

ИК: Нет, не совсем так. Я говорю о том, что до определенного момента невозможно собрать никакой объективной информации, даже для людей, которые находятся там, внутри этого лагеря. Никто не знает, жив он или мертв, никто не знает, где он. Интереснее было бы, наверное, написать книгу о Бен Ладене, как о культурологическом явлении. Про образ Бен Ладена. Потому что Бен Ладен — это скорее образ, чем живой человек. Даже его благожелатели из числа радикальных мусульман, говорят, что если он и существует, то уже ничего не контролирует, ничем не управляет. Речь идет лишь об образе. Если бы кто-то написал о Бен Ладене как о символе, собрал бы все карикатуры или, наоборот, атрибутику в его поддержку — майки и прочее... Иными словами написал бы о нем в тех же позициях, какими в культурологических трудах исследуют образ дьявола. Это было бы куда интереснее, чем разные биографии Бен Ладена, которых немало издано на Западе и которые ничего не объясняют.

ВП: Вам такие книги не интересны?

ИК: Мы смотрим не только на тему книги или про кого она написана. Нас больше интересуют исследования, которые пытаются вскрыть роль какого-то социально-культурологического феномена. Мы пытаемся искать книги с острыми постановками проблем, но их мало. К сожалению, их мало и у нас, и за

рубежом. Существуют некие каноны в журналистике, в публицистике, в популярной литературе, которые держат автора в заданных рамках. Лишь очень небольшая часть авторов способна преодолеть эту планку. И тогда им удастся написать что-то интересное и свежее в проблемных темах, в проблемных вещах. Но большинство пишут очень плохо, очень скучно, и одна из самых больших для нас проблем, — это отсутствие материала.

Против течения

ВП: Илья, вы в издательстве «Иностранка» были составителем серии «За иллюминатором», потом почему-то она исчезла...

ИК: Да нет же, серия продолжается, просто меня там уже нет.

ВП: А почему вас из нее изъяли?

ИК: Сергей Пархоменко решил, что я плохая реклама для серии, выходящей в их семейном издательстве, потому что в то время еще не было модно приглашать на «Эхо Москвы» ультра-радикалов. И того, что я издал книгу Нестерова «Скины» было достаточно, чтобы зачислить меня в принципиальные антисемиты, как показалось Пархоменко.

ВП: С Пархоменко все ясно. Он узурпировал «Иностранку» на правах мужа своей жены. Грустная история, конечно, но пострадал в итоге читатель...

ИК: С моей стороны все обязательства были соблюдены. К самым последним книгам этой серии я действительно не имею никакого отношения, но какое-то время, я оставался составителем, и мои книги выходили даже после того, как мою фамилию убрали с обложки. Но я особенно не горевал. К этому времени у меня уже появилось свое издательство. Просто это еще один показатель того, что люди, которые у нас называют себя либералами, на самом деле, ими не являются, а представляют собой одну из самых тоталитарных сект, представленных на отечественном политическом рынке.

ВП: Абсолютно согласен с этим выводом. А каков ваш критерий подбора авторов? Вот у вас пошла серия «Русский драйв», она относительно новая...

ИК: Ну, какой у нас критерий? Мы читаем, думаем... Конечно, вкусовой! Как у каждого издательства, которое руководствуется некоей внутренней идеологической программой, у нас, естественно, вкусовой критерий подбора.

ВП: А как вы ищите авторов? Они приходят к вам сами, или же вы где-то, через кого-то...

ИК: Тут все действует — и самотек, и «цыганское радио», и рекомендации ...

ВП: Интернет?

ИК: Да, миллионы разнообразных механизмов, все они в той или иной степени работают, все имеют место.

ВП: А вы стали бы печатать Илью Стогова?

ИК: Наверное, нет!

ВП: А почему?

ИК: Очень поверхностное качество... Не знаю. Все зависит от того, когда печатать. Если бы это было в 1998 году, то, наверное, стали бы. Я еще раз хочу повторить, что любой дискурс изнашивается. Молодежный натурализм, который описывает бытовую урбанистическую жизнь определенных слоев — это сейчас уже мейнстрим. И Стогов — мейнстрим, и Уэлш был бы мейнстримом, если у него про наркотики не было так много написано. Сейчас все это мейнстрим, и для нас это не интересно. Мы такие рукописи просто выбрасываем в корзину. Если рукопись начинается со слов: «Мы с Кривым стояли на углу улицы, «Балтика» кончилась... На «ЛМ» не было денег...», то все! До свиданья! До свиданья! Потому что эпигонство возникает моментально на любую тему, а потом сам дискурс приватизируется обществом, он перестает его раздражать, перестает вызывать необходимую провокацию, перестает быть моментом, который позволяет поддерживать некую толерантность. Весь вчерашний эпатаж становится «комильфо», а когда это стано-

вится «комильфо», оно перестает нас интересовать. Потому что с идеологических позиций оно нас уже не интересует, а с коммерческих позиций оно настолько в этот момент поднимается в цене, что мы не можем соревноваться на эту тему с корпоративными издательствами. Именно по этой причине мы сейчас практически отказались издавать западную переводную литературу. Бесполезно соревноваться с «АСТ» или «Эксмо» на эту тему, хотя в свое время альтернативная литература, то, что называется «андеграунд», была пробита нами. А теперь все активно печатают такого рода книги, и это уже неинтересно. Потому что начинается чисто коммерческое соревнование: кто первый схватит нового автора, кто за него больше заплатит, кто его лучше раскрутит. Тема встала, все! Тема допущена в общество — худо или бедно, но табу снято.

А корабль плывет!

ВП: Какой проект из тех, над которыми вы работаете сейчас, наиболее привлекателен для вас?

ИК: Думаю, все. Наверное, сейчас очень интересно было бы заниматься русской художественной литературой, но пока для этого у нас очень ограниченные возможности. Мы сейчас издаем интересных отечественных авторов гораздо меньше, чем хотелось бы. Хотя такие книги куда интереснее, чем зарубежные переводы, которые мы и так сократили. Интереснее, может быть, даже, чем «нон-фикшн». Впрочем, не могу сказать, что именно сегодня для издателей интереснее. Все должно быть. Но это может позволить себе издатель, который издает в месяц тридцать, или того больше, книг...

ВП: А сколько книг издаете вы?

ИК: Четыре-пять в месяц.

ВП: Расскажите о книге, над которой вы сейчас работаете.

ИК: Только что завершил работу с новым романом Проханова. Обычно, чем я занимаюсь в настоящий момент, оно самое любимое и бывает.

ВП: Это совершенно новый роман? Или же это продолжение темы, заявленной в книге «Господин Гексоген», а затем успешно продолженной в следующих его романах последних лет?

ИК: Автор — один и тот же человек и, конечно, стилистика, выработавшаяся у позднего Проханова, все равно остается его авторской стилистикой, и сюжеты у него типичные. Но с другой стороны, это новый роман. Там присутствуют вещи, которых раньше не было, при том, что там есть детали, которые узнаются читателем, это новая и очень хорошая книжка.

ВП: А как она называется?

ИК: «Теплоход Иосиф Бродский».

ВП: А какова идея романа?

ИК: Это роман-предсказание, который в общем о 2008 году, но в отличие от романа Доренко, он не столь прямолинеен, скорее более фантазиен. Сюжет сводится к тому, что все представители нашей элиты, зашифрованные под теми или иными именами, находятся на одном теплоходе, который плывет по Волге. И по ходу романа сбываются предсказания, которые сделаны в их отношении новым Нострадамусом. Выясняется, что Бродский — это Нострадамус наших дней. Что в его стихах скрыты предсказания обо всем, что будет происходить с Россией, и, соответственно, эти предсказания сбываются по мере плавания: и тут печально гибнут все. Как говорят в американском кино: умерли все!

ВП: Неужели конец романа такой пессимистический?

ИК: Нет, конец романа у Проханова очень интересный, совершенно странный. Это роман-сон, роман-видение, роман-предсказание. Потому что там, в отличие от предыдущих книг Проханова, все изначально происходит в исключительно условном, исключительно мистериальном мире, где всякое слияние с правдоподобием окончательно разрушено. Это первый роман Проханова, начиная с «Господина Гексогена», где автор участвует в романном пространстве под своим именем. И потом здесь совершено неожиданное для этого литератора отно-

шение к Бродскому, который всегда был для писателей этого направления представителем либеральной еврейской поэзии, ими отрицаемой. И вдруг Бродский оказывается одним из важных персонажей романа и подан в позитивном ключе. Я думаю, что изменения отношения к Бродскому у Проханова произошло под влиянием последних писаний его друга Владимира Бондаренко, который очень резко совершил смену дискурса. А в общем книга потрясающая, потому что в ней Проханов решительно встает на стезю гиперметафизического реализма в духе самых андеграундных писателей западной традиции. От Берроуза в этом романе его отделяет несколько миллиметров. Последние остатки журналистского реализма, если и сохранились, то только в определенных сатирических сценах, которые пародируют жизнь нашего высшего света, а также в образе бесконечной музыки последних прохановских романов — Ксении Собчак. Босхианское начало в романе доведено до такого предела, до такого размаха, который в предыдущих его романах лишь только намечался.

ВП: Вы надеетесь, что этот роман широкой публике будет интересен?

ИК: Ну, для тех, кто не требует от действия сурового реализма, для тех, кто любит грезы, фантазию, метафизическое описание мира и всяческий смелый дискурс, эта книга будет, безусловно, востребованной.

ВП: А не кажется ли вам, что Проханов идет в мейнстриме того же Лукьяненко с его «Дозорами»?

ИК: Нет, мы еще раз оговорим: мейнстрим — определение дискурсивное, а не коммерческое. Андеграундный текст вовсе не означает книгу, изданную тиражом в тысячу экземпляров на плохой бумаге. Для центра общества, для центра дискурса — роман Проханова все равно будет неприемлем. Потому что в этом романе он покушается на самое святое, на элитарность элиты.

ВП: Но элите как раз с нетерпением захочется узнать, что же он о ней такого гадкого написал?

ИК: Разумеется, но дискурс от этого не поменяется. Собственно, каждый человек, который говорит, что я вот такой хороший, на самом деле с большим интересом читает о себе разоблачения и памфлеты. Но он не перестает после этого говорить, что я такой вот хороший, наоборот, о своих добродетелях он станет говорить еще громче. Несмотря на нападки клеветников, которые пытаются представить его таким бякой, саморефлексии не происходит. Поэтому этот роман не станет мейнстримом. Мейнстрим — это другое. Вот Лукьяненко — мейнстрим, поскольку он отражает господствующий дискурс. Хотя романов Лукьяненко я не читал, но могу судить по кино. «Ночной дозор» — это еще кино ни о чем, какой-то мистический триллер. В вот «Дневной дозор» — это уже идеологическое произведение, где совершенно четко сказано, что пятнадцать лет нашей жизни надо обнулить. Что это время было не тем, а потому надо их обнулить и все начать с того дня, когда герой идет к ведьме. Здесь начинается очень мейнстримовое идеологическое повествование. Такое вот «культовое кино» с воспеанием застоя и его идеологией!

ВП: А в романе Проханова воспевание чего?

ИК: У Проханова — воспевание метафизической революции. Этот роман мне очень нравится и дорог, хотя с некоторыми основными позициями Проханова я категорически не согласен. Но для меня интерес представляет не то согласие, к которому готов автор, а выход на этот разговор. Неожиданно для Проханова в этом романе очень большое место посвящено научной фантастике. Хотя элементы фантастики были и в его прежних романах, начиная с «Гексогена» и «Последнего солдата империи», здесь на передний план очень сильно выдвинут научно-фантастический дискурс. Александр Андреевич в первую очередь конструктор, а потом уже писатель. У него очень технократический подход ко многим сферам жизни, а тут он поднимает разговор вокруг биотехнологий. Получается, что вся нынешняя актуальная проблематика: цены на нефть, арабско-израильский конфликт, социальная справедливость в России

и прочие вопросы — это ничто по сравнению с тем, что намечается, что грядет. И об этом роман. Хотя в нем сохраняются какие-то традиционные для Проханова моменты — своеобразного христианского почвенничества, но в целом это очень футуристическое произведение.

Все хотят, но не могут

ВП: На что сейчас направлен ваш издательский нюх?

ИК: Мой издательский нюх чувствует, что настало время политических проектов. Сейчас самым интересным направлением становится футуро-политическая литература, которая исследует ту ситуацию, в которой находится наша страна, предлагает какие-то проекты будущего для России. Это самая интересная тема, потому что сейчас всем становится очевиден определенный тупик исторического развития, к которому мы подошли. Он очевиден, как людям, которые находятся в политической оппозиции, так и подавляющему большинству, и все ищут какие-то способы выхода из него. Кто-то революционные, кто-то эволюционные, кто-то консервационные — неважно... Проекты России становятся сейчас самыми востребованными. По мере приближения 2008 года они становятся самым востребованным товаром.

ВП: Я обратил внимание на двух последних книжных выставках на появление издательства «Европа». Мне кажется, они выполняют некий политический заказ определенного архитектурного сооружения в центре столицы, если можно это так назвать. Откуда там веет ветер, понятно. А вот вы на что ориентируетесь, какие книги издаете? Противоположного содержания, но тоже о проблемах власти, или же это нечто совершенно иное?

ИК: Мы пока еще ничего не издаем, мы только примеряемся к этой теме. В принципе любые проекты принимаются. Главное, чтобы они были увлекательно написаны и интересны. А так мы готовы рассматривать все предложения от крайне

правых до крайне левых, даже до совершенно фантастических. Сейчас это не имеет значения. Сама проблема заключается в том, что мы очень долго жили в эпоху, когда негласно было принято, что действующий проект, по которому мы идем — это мейнстримовый проект, а все остальные проекты — это определенная деструктивная оппозиция, которая возвращает политический дискурс к статусу до 2000 года. Проще говоря, все остальное — это лай «лузеров». Сейчас, в 2006 году это уже так не выглядит. Потому что сейчас все, даже конкретные политические «лузеры» начинают переводить свои идеи именно в план будущего, а не в план «давайте вернемся обратно...»

ВП: Под политическими «лузерами» вы подразумеваете политиков, проигравших имевшиеся у них ранее ставки и жаждущих ныне некоего реванша?

ИК: Политическими «лузерами» я считаю тех, кто не включен в нынешний официальный «дубовый» дискурс, которые, условно говоря, не являются «спичрайтерами» Путина. Они выглядели как политические «лузеры», пока консенсусно существовал мощный путинский проект. Сейчас этот проект полностью издох. Причем, издох не на уровне оппозиции, не потому что оппозиция так считает. Он издох на уровне самого себя. Имеются в виду не конкретные персонажи, а то, как он был сформулирован. Видно, что кроме пустой болтовни и вранья ничего уже не осталось от этого проекта. И это очевидно всем и в первую очередь это очевидно тем, кто ближе к Кремлю. Поэтому я думаю, что книги Павловского, выходящие под маркой издательства «Европа», это попытки предложить какое-то его развитие, как-то сдвинуть его с мертвой точки застоя. Никто не верит в официальный дискурс, включая тех, кто его заказывал. При этом по внешним политическим показателям общество достаточно спокойно. Никто не выходит каждый день на демонстрации, никто не голосует до утра в парламенте. На лицо все внешние признаки застоя, но что это означает? Застой всегда означает дефицит социально востребованных проектов, как со стороны власти, так и со стороны оппозиции.

Этот дефицит должен восполняться, потому что если он не будет восполнен новым дискурсом, этот застой будет продолжаться. Откуда он придет новый дискурс — сверху или снизу, со стороны власти или со стороны оппозиции, — вопрос открытый. Но то, что он необходим, сейчас понимают все, вплоть до самой верхушки. Павловский сделал шаг в этом направлении, на мой взгляд, не очень ловкий. Книжка Чадаева «Его идеология» получилась достаточно бездарная, все это мы читали у Дугина еще 10 лет назад... Мне не кажется, что это прорывно, потому что это и так подразумевалось шесть последних лет, ничего нового в чадаевской книге нет. Это такая дугинская линия и не больше того. Но само стремление восполнить дефицит проектов понятно и разумно. Этой проблемой сейчас озабочены все.

ВП: А как вы относитесь к Дугину, к его публицистике последних лет. Последний его сборник, посвященный современным культурологическим проблемам, вышедший в «Амфоре» показался мне несколько надуманным.

ИК: Не согласен. Сборник мне понравился. Это очень правильная философия, сейчас все этим занимаются. Это очень модно. Сейчас половина Запада этим занимается изучением феномена поп-культуры. Это как раз понятно. К Дугину, как философу культурному, даже как философу религиозному я отношусь очень позитивно, но как к философу социальному и политическому — я отношусь с тихой скукой. Потому что вся эта консервативная революция, все это давно сдулось и в Европе и здесь и обращено, в общем, в прошлое. Попытки разрешить конфликт содержания через восстановление привычной формы кажется мне михалковщиной из «Сибирского цирюльника».

ВП: Возвращение к империи кажется вам не более чем прекраснотушной утопией?

ИК: Утопия — не возвращение к империи, а мысль о том, что империя восстановится сама собой, стоит лишь воспроизвести внешние формы. Если какая-то империя и будет существовать в наше время, то она будет основана на совершенно

других принципах, которых раньше не было. Естественно, у нее будет совершенно другое содержание, совершено другое символическое излучение. Единственное, чем чадаевская книга интересна — в ней прямо проговорено то, о чем власть никогда не осмеливалась говорить от себя. Она обычно всегда позволяла все эти рассуждения о том, что «Путин наш император, а Евразия наше будущее», — говорить всяким бесноватым, типа того же Дугина, но никогда это не могло рассчитывать на инаугурацию от Суркова. Какой-то спектр этой власти сейчас начинает суетиться и думать, что бы такое сказать народу. Но это не самый удачный вариант, потому что опять-таки все сводится к символической болтовне. Нет никакой конкретной экономической программы. Это все лишь разговоры об атрибутике: ну, давайте еще раз гвардейцев переоденем в кирасы. Не о том разговор. Речь ведь о другом: как остановить и повернуть сейчас этот объективный этап дальнейшей деградации и распада российского государственного пространства. Кирасы здесь не помогут. Шесть лет мы видим кирасы, инаугурации и все, что полагается, и что дальше? Слава Богу, цена на нефть позволяет все эти кирасы безболезненно проплачивать, но содержательная сторона всего процесса принципиально не меняется. Вот это и тревожит!

Портал «KM.ru», 13 июня 2006 г.

Об автомобиле

Дорогая РЕ!

Надо было сразу сказать, о чем интервью. Я *не* имею автомобиля, *не* вожу его (хотя, в принципе, умею), считаю частное автомобилевладение одним из самых страшных соблазнов и пороков современного человечества, двигатель внутреннего сгорания — одним из атавизмов прошлого, людей, водящих и любящих автомобили (особенно в городе, особенно внедорожники), — как минимум безответственными убийцами своих и чужих детей, атмосферы и жизни на земле. Культ автомобиля — есть худшее проявление консумеризма, социальной спеси и обезьяньих инстинктов альфа-самцов. К тому же в этом городе водить не умеют, учиться не хотят, и стиль вождения проникнут таким же человеконенавистничеством и убогой деревенской барской спесью, как и вся культура великорусской нации. Я *мечтаю* о дне, когда в Москве встанут навсегда все основные магистрали и автомобилевладельцы начнут убивать друг друга монтировками.

Машины в пределах города должны принадлежать только специализированным службам, а развивать следует новые формы общественного транспорта — экономичные, индивидуализированные и общедоступные.

Я же люблю велосипед и настоятельно советую вам в светлый праздник Рождества Христова подумать о спасении собственной души и перейти работать в велосипедный журнал.

С уважением, ИК.

2006

Язык сети (об интернете)

Интернет — всего лишь еще одна новая коммуникационная среда. И обладает всеми свойствами таковой. Разумеется, в ней таится риск «свалиться» в квазиреальность. Но личность, склонная к эскапизму, в любую эпоху найдет себе подходящую технологию, чтобы сбежать от ответственности. Разумеется, Интернет влияет на язык. Он создал новый стиль общения, ввел огромное количество новых единиц в повседневный лексикон юного горожанина. Только не надо стенать о «коррозии» великого русского языка! Скажите лучше «эволюция» — и, вот увидите, все волшебным образом переменится. Ведь все дискуссии на эту тему, как правило, ведутся за пределами лингвистики или филологии: они политически мотивированы особой ролью русского языка как носителя имперской идеологии. Упражнения же «падонкаф» отражают реальные проблемы языка. Это и нефонетичность орфографии — одна из самых больших «тайн» русского языка, тщательно скрываемаемая от его носителей (хотя достаточно открыть школьный учебник родной речи). Это и эмоциональная сниженность письменной речи. И табуированность многих частотно активных словарных единиц — не только мата, но и вполне приличного просторечия. И многое другое. Не стоит бояться, что любой недоучка может теперь повлиять на язык только по факту публикации. В культуре остается лишь то, что ей необходимо.

Журнал «Сеанс», № 29–30, 2006

О гаджетах

Корр: Ориентированы ли, на Ваш взгляд, гаджеты на более или менее определенный социальный слой? Если нет, то существует ли какая-либо «слоевая дифференциация» гаджетов, соответствующая социальному расслоению? А если да, то на какой, и сохранится ли эта ситуация и в дальнейшем, или же со временем гаджеты войдут в обиход большинства социальных слоев (исключая, разумеется, беднейший)? Является ли гаджет для своего обладателя способом маркировки социального статуса?

ИК: Разумеется. Гаджеты, как продукт сверхнеобходимый, ориентирован на слои, которые затрачивают большую часть своего времени в сфере символического производства. Для их представителей гаджет служит одновременно и средством символической интеграции, и стимулом символического производства. Представляется, что именно характер производства, в которую вовлечен субъект в большей степени, чем его уровень доходов или социальное положение в традиционном постиндустриальном смысле (служащий, предприниматель, представитель свободной профессии, технический работник), определяет его отношение к гаджетам. Следует однако помнить, что понятие гаджета диалектично — вещь, не казавшаяся сверхнеобходимой, может войти на следующем этапе в повседневный обиход всех слоев общества, не исключая и беднейшие. Так в Западной Европе трудно увидеть «хоумлеса» без мобильного телефона. Да и здесь уже лично видел у пары-другой бомжей.

Корр: Является ли характерное для гаджетов комбинирование разнотипных функций в одном предмете прежде всего проявлением «стремления к комфорту», или же скорее лишь модой, забавой, остроумным брендом? Что, на Ваш взгляд, в первую очередь может побудить потребителя купить, например, ручку,

совмещенную с FM-радио, — обаяние дизайнерской выдумки, стремление сэкономить на количестве (все возрастающем) предметов, окружающих потребителя в повседневном быту, или что-то третье (среднее или вовсе другое)?

ИК: Скорее сама идея интеграции символического: в этом смысле гаджет № 1 — компьютер, особенно в форме ноутбука. Гаджет воспринимается как некая сверхвласть над символической средой, превосходящая физическую потребность: например, можно ли реально выслушать все фонограммы в mp3 на восьмидесятигигабайтном жестком диске последних моделей плееров? Так ли уж нужно горожанину GPS на телефоне, если все и так на домах и улицах написано? (Я сейчас не про Москву, разумеется, ее можно отнести к экстремальным средам, где GPS также необходимо для выживания, как и в джунглях Заира). Все это проявления символической сверхвласти, раньше (в первой половине 20 века) с подобными же целями каждый интеллигент считал необходимым иметь дома большую многотомную энциклопедию.

Корр: Есть ли, на Ваш взгляд, какие-либо особые психологические черты (свойства характера, особенности мышления, специфика мировосприятия), отличающие тех, кто «пристрастился» к моде на гаджеты, будь то предпосылки для такого пристрастия или же его последствия?

ИК: Разумеется, но они скорее мотивируются характером производства, в котором они участвуют: они избыточно креативны, изошрены в мелочах, избегают ангажированных метафизических позиций и координатных систем. Их задача — делать многообразным однообразное, маскировать серую цифровую массу капитала разноцветными дизайнерскими финтифлюшками. Гаджет есть диалектическое сочетание попытки при помощи технологий вывести человека за рамки временных ограничений и попытки замять его в умершем времени, превратившемся из жизни духа в digital entertainment.

Журнал «Сеанс», № 29–30, 2006

Слышат ушами — слушают всем организмом

Дмитрий Гайдук

ДГ: Способна ли музыка изменить мир?

ИК: Музыка не способна изменить мир, но она способна создать людей, которые изменяют мир.

ДГ: Почти все мы слушаем музыку с самого раннего детства. Можно ли сказать, что всех нас музыка создает — или это относится только каким-то особенным людям, умеющим слушать музыку?

ИК: Нет, музыка создает всех, в особенности — плохая.

ДГ: Плохая — это та, которая тебе не нравится? Или есть какие-то другие критерии плохости?

ИК: Плохая — это та, привыкнув к которой не сможешь слушать хорошую и перестанешь замечать любую.

ДГ: Следует ли из этого, что человек, привыкший к хорошей музыке, может слушать и плохую?

ИК: Может, но не станет.

ДГ: Но как можно не слышать того, что звучит повсюду?

ИК: Есть огромная разница между слышать и слушать. Слышат ушами, слушают — всем организмом.

ДГ: Ну, тогда более конкретный вопрос: как и где ты предпочитаешь слушать музыку?

ИК: Это вопрос непростой — когда где, когда как. Но все-таки современные концертные формы существования музыки это — увы! — подмена слушания коллективной тусовкой. Поэтому я редко хожу на концерты в душевные клубы.

ДГ: Конкретный вопрос номер два: когда ты слышишь песни, написанные на твои стихи, какие чувства ты испытываешь?

ИК: Уже никаких. Изредка: «Кто это написал?»

ДГ: И, наконец, что проще: сочинять песни, писать прозу, переводить тексты или издавать книги?

ИК: Проще всего не делать ничего из вышеперечисленного. Но очень скучно. Правда я никогда не пробовал...

ДГ: А теперь совсем последний вопрос: чем бы ты занялся, если не нужно было зарабатывать деньги?

ИК: Тем же самым, что и сейчас, но с большим размахом. И желательно не в Москве.

Портал «Ozon.ru», 2006

Петрозаводск — матрица

Наталья Севец-Ермолина

НСЕ: Как побороть в себе провинциала? Можно ли жить в глуши, воспитывая в себе центровые мозги?

ИК: Надо представить, что именно ты и находишься в центре. А затем начинать действовать в соответствии с этим представлением. В конце концов, как известно, нет ничего провинциальнее столиц, нет ничего более погруженного в самолюбование и выяснение мелких местечковых взаимоотношений чем столичные элиты.

НСЕ: За что вы так любите слово «симулякр»?

ИК: Да не люблю я его. Ненавижу. Но оно обступает нас со всех сторон. Куда не ткни — думаешь, вещь, а посмотришь поближе — блин, симулякр!

НСЕ: Знаменитое «душа обязана трудиться» оправдано? Может, лень — гораздо более продуктивное явление для философа?

ИК: Трудиться и работать — разные вещи. Лень и безделье — тоже. Так что правильное состояние философа — безделье, наполненное непрестанным душевным трудом.

НСЕ: Поэт — разве не атавизм?

ИК: Сами вы атавизм!

НСЕ: Девушки изменились в последнее время в своем отношении к поэтам?

ИК: Девушки вообще не меняются уже несколько миллионов лет, с тех пор как у них отпал хвост. В том числе и в отношении к поэтам. Девушки любят поэтов, и поэты отвечают им взаимностью. Правда, связывать свою судьбу девушки предпочитают с более серьезными людьми.

НСЕ: Как быть умным и счастливым? Это возможно?

ИК: Может еще к тому же и богатым? Девушка, вы слишком многого хотите сразу! Дай бог быть хотя бы здоровым и сытым.

НСЕ: А быть умным и красивым? Вспоминается фраза Георгия Иванова про Осипа Мандельштама: «Закроет глаза — аптекарский сын, откроет — ангел».

ИК: Еще и красивым? Ну, знаете... Человек обязан найти удовольствие в своей неповторимой индивидуальности. Разумеется, не возбраняется ее совершенствовать, не превращая это в самоцель и не принося этому в жертву соразмерность.

НСЕ: Жан Бодрийяр настаивает, что современная эпоха давно утратила чувство реальности? У вас такие мысли есть?

ИК: Современная эпоха слишком сыта и самодовольна, чтобы выдержать прямое столкновение с реальностью. Поэтому ее так пугают те, кто идет с этой реальностью на лобовое столкновение: например, Мохаммед Атта сотоварищи и другие подобные ему...

НСЕ: Смотрели «Матрицу»? Там Нео держит в руках диск с книгой Бодрийяра «Симулякр и симуляция». Вы к современной российской власти как к симулятивной относитесь?

ИК: Разумеется. И не только к российской. Я думаю, что Бодрийяр — любимый философ нынешних мировых элит. Что ведь всегда с древнейших времен, больше всего тяготило правящие элиты? Необходимость расплачиваться ответственностью за свое высокое положение и власть. Новая французская философия избавила их от этого кошмарного бремени: теперь правители мира вообще ни за что не отвечают, только катаются на яхтах и играют в гольф. Главное иметь хороших политтехнологов и СМИ. Но все это, разумеется, иллюзия. Бодрийяр на самом деле подложил им свинью, только они об этом пока не догадываются.

НСЕ: Петрозаводский Петросовет год не может собраться на сессию, нет кворума. Это ли не пример симулятивности? С этим надо бороться или смотреть философски равнодушно?

ИК: Так почему бы тогда петрозаводчанам не собраться и не взять власть в свои руки? Симуляция мгновенно рассыпается в столкновении с реальным действием. Ну а если придет ОМОН и разгонит, то, по крайней мере, после этого Горсовет уже не рискнет столь надолго оставлять пустующим помещение.

НСЕ: Бедность — это философская категория?

ИК: Увы, нет. Бедность — это кошмарная реальность для миллиардов людей. Как о философской категории, уместнее говорить об аскетизме.

НСЕ: Кто более развращен изнутри: молодежь или старики?

ИК: Примеры чудовищной развращенности можно встретить среди представителей самых различных возрастов. В конце концов, развращенность — это совокупность намерений, так что омерзительные, развращенные четырехлетки тоже встречаются достаточно часто.

НСЕ: Если бы Вас попросили написать текст песни про Петрозаводск, что бы Вы там зарифмовали? Какие слова или образы пустили в ход?

ИК: Честное слово, теряюсь с ответом на этот вопрос. Какие там есть рифмы к слову «Петрозаводск» — «воск», «мозг»? Ой...

НСЕ: Сексуальная жизнь влияет на глубину мысли или это разные оперы?

ИК: Это сугубо индивидуальный вопрос. Если рассматривать секс как разновидность естественного наркотика, то злоупотребление несомненно ведет к сужению интересов и деградации сознания. С другой стороны, если использовать секс не в качестве развлечения, а в качестве медитативной и магической практики, как нас учит Тантра, то может произойти высвобождение чудовищных интеллектуальных энергий.

НСЕ: Кустурица в Европе построил культурную деревню, эдакое гетто для друзей. Не кажется ли Вам, что это выход из мирового кризиса, снова жить общинами? Или это уход от мировых проблем, эгоизм интеллигенции?

ИК: Я думаю, что вскоре весь мир будет представлять собой россыпь общин и диаспор, связанных горизонтальными сетевыми связями. В принципе, дело уже к тому и идет. Причем это касается бедных и обездоленных простых людей в той же степени, что и культурной элиты, так что Кустурица просто предвосхищает направление глобального развития, в котором в самом по себе нет ничего плохого. Глобализация сама по себе не больше благо или зло, чем авиация — все зависит от способа использования.

НСЕ: Вас кто-нибудь называл сумасшедшим?

ИК: Я и без них это знаю.

Журнал «Ваш досуг и развлечения в Петрозаводске», 2006

Илья Кормильцев: «Уехать в старом диссидентском смысле теперь никуда нельзя»*

За десять лет нашей дружбы с Ильей я дважды записывал наши разговоры. Первый, состоявшийся в разгар августовского кризиса 1998 года, к сожалению, потерялся из-за моей вечной небрежности к собственным архивам, а второй, датируемый 2005 годом и предлагаемый сейчас вашему вниманию, я не смог, что интересно, тогда нигде опубликовать, — это при моих то тогдашних возможностях в этом смысле. Кормильцева не воспринимали в те годы героем статьи, скорее — автором.

Да и срабатывала наша национальная особенность — любить мертвых, а не ценить и понимать живых. И это понятно, потому что мертвые уже не опасны, они уже ничего не выкинут такого, что испортит наши столь удобные представления о них. И каждый сможет (при определенном умении, конечно) записать их в «свои». А Илья как раз был очень опасный, и я часто задаю себе вопрос, как бы он повел себя в дни нашего теперешнего раскола и раздора. Спрашиваю и не нахожу ответа.

В итоге года через три я включил это интервью в свою книгу «Танцы со звездами», и это была до сего дня его единственная публикация. Пожалуй, сейчас стоит пояснить кое-какие моменты, связанные с контекстом, в котором происходил разговор. Это был самый разгар жирных российских нулевых, бьющих нефтяных фонтанов, когда всем казалось море по колено. Самый расцвет гламура, который становился чуть ли не официальной государственной идеологией. Никто помыслить не мог ни о кризисе, ни о санкциях, ни о гибридной войне, ни о масштабной цензуре. Поэтому такое впечатление производили рейды с конфискацией книг легендарного ныне издательства «Ультра.Культура» и вызовы в Генпрокуратуру его основателя, известного

* К 10-летию со дня смерти Ильи Кормильцева мы публикуем его редкое интервью из архивов Андрея Бухарина.

больше как автора песен «Наутилуса Помпилиуса» (и по сути руководителя коллектива в последние годы).

Все началось с того, что оставив после распада «Наутилуса Помпилиуса» в конце 1990-х мир шоу-бизнеса, Кормильцев занялся литературными переводами. Первой его книгой в этом качестве стал роман Ника Кейва «И узре ослица Ангела Божие». Это он впервые представил на русском языке Фредерика Бегбедера и совершил титанический труд по переводу толстого толмуда Брета Истона Эллиса «Гламорама».

Игра на литературном поле естественным образом привела к созданию собственного издательства с говорящим названием «Ультра.Культура», которое сосредоточилось на исследовании границ допустимого в общественном сознании и постановке острых, табуированных, пограничных тем, что не могло в конце концов не вызвать недовольства властных структур. Так, Госнаркоконтроль, опираясь на решение одного из провинциальных судов, арестовал тираж книги «Марихуана: запретное лекарство», а заодно волевым решением и ряд других книг издательства: двухтомник «Анталогия современного анархизма и радикализма», «Терроризм изнутри» Брюса Хоффмана, воспоминания Александра и Энн Шульгиных «Фенэтиламины, которые я знал и любил», «Штурмуя небеса: Подлинная история ЛСД» Брюса Стивенса. Как в старые добрые советские времена Илья оказался чуть ли не в роли преследуемого властями диссидента, о котором пишет западная пресса, включая лондонскую «Таймс». Подобные вещи тогда еще не стали нормой. Оставалась еще пара лет до его эмиграции, которая на деле оказалась столь дальней и бесповоротной.

Андрей Бухарин

АБ: Ты представляешь редкий пример человека, меняющего свою судьбу, карму, если можно так выразиться, выбирающего новые пути в жизни. Лично у меня ты совершенно не ассоциируешься с тем, человеком, который писал всенародно любимые хиты русского рока.

ИК: На самом деле, когда закончился период «Наутилуса», я искренне думал, что останусь в музыке, только буду работать в новой для меня в тот момент электронной культуре. Но потом я понял, что ситуация тупиковая, потому что независимо от качества того, что я делаю, меня будут все равно восприни-

мать в контексте русского рока, просто в силу закона стереотипов. И я сделал шаг в сторону, с теми же идеями, но без этого груза имени. Я решил, что надо двигаться в сторону чистой словесности. Но я не чувствовал себя вполне уверенно, поэтому выбрал такую незаметную профессию переводчика. Тем более, что переводами мне уже приходилось заниматься, да и редакторским делом тоже.

АБ: Со скольких языков ты переводишь?

ИК: Теоретически я могу переводить с четырех: английского, французского, итальянского, испанского, но с тем комплексом идей, который мне интересен, — новейшей культурологией, — больше всего работают в англосаксонском мире.

АБ: Переводя Бегбедера и Эллиса, ты вплотную столкнулся с миром гламура. Ты никогда не был человеком этой среды...

ИК: Да, я не принадлежал к этой среде, но не могу сказать, что не имел о ней никакого представления. Как человеку музыкальной тусовки, мне приходилось с ней соприкасаться.

АБ: Эллис, Уэльбек, Бегбедер — в западном мире сложилось целое литературное направление, основанное на критике гламура. Насколько его готовы воспринять здесь, в России, где гламур стал чуть ли не национальной идеологией?

ИК: Эти авторы не одинаковы. Отношение к миру гламура выражено у них очень по-разному. Почему Бегбедер сразу же здесь очень хорошо пошел? Потому что у него это отношение инсайдера, стеб над самим собой. Эллис же смотрит на эти вещи извне, хотя и говорит голосом героя, находящегося внутри. Если Бегбедер — это черный юмор, то Эллис — это сатира. Он показывает, не то, что мир, в котором мы живем, ужасен, а то, что у этого есть причины и есть задачи. Он вступает на территорию этики в высоком смысле этого слова.

АБ: Мне показалось, что «Гламорама» Эллиса была встречена в Москве с недоумением.

Читая Бегбедера, какой-нибудь редактор глянцевого журнала или рекламщик думает: да, мы живем ужасно, занима-

емся глупостью, но я-то это тоже понимаю. Когда же он читает Эллиса, его ставят в положение марионетки, у которой есть хозяева, которые решили, что он будет жить именно так. И это очень раздражает тех людей, которые считают себя неконформистами, а на деле обслуживают эту неоконсервативную систему. Вокруг «Гламорама» и поднялась такая вонь потому, что журналисты глянцевого издания находят в ее герое Викторе Варде неприятные для себя моменты идентичности. В отличие от героев Бегбедера, в нем воплощен тип законченного, добропорядочного идиота.

АБ: Ну да бог с ним, с гламуром. Твое издательство издает книги и более радикальные. Вы в последнее время стали кое для кого прямо таки средоточием вселенского зла, public enemy #1.

ИК: В принципе да. Неоконсервативная мысль здесь довольно рабски воспроизводит американскую. В пародийном, фарсовом виде, конечно. Понятно, на кого ориентируется сегодняшняя власть. Рядом с нашими книгами в магазинах лежит, к примеру, Ирвин Уэлш, которого никто конфисковывать не собирается. Терроризм, секты, наркотики, психическое оружие — это ради бога, желтая пресса пишет об этом больше нас, но там где это изучается как идеологема, как идеологический блок — вот там власть проявляет раздражение, возникает слово «пропаганда».

АБ: Ну и как ты ощущаешь себя вновь в этой диссидентской роли?

ИК: Когда начались эти наезды на нас, и я давал интервью в Лондоне, меня все спрашивали: «Ты там остаешься, ты уже уехал?» Это, конечно, инерция мышления. Потому что теперь уехать в старом диссидентском смысле никуда нельзя. Аналогичные проблемы возникнут везде, потому что противостояние теперь носит глобализированный характер.

АБ: А ты не боишься чисто по-человечески, вот так раздражать власть.

ИК: А у меня нет выбора. Потому что в определенный момент я почувствовал, что в складывающуюся систему просто не вписываюсь. На привычных мне позициях человека, который хочет высказывать свои мнения, находится в каком-то взаимодействии с социумом, мне отведена только территория маргинального прозябания, старческого брюзжания на кухне. Хотя я сделал шаг в сторону, начал заниматься другим видом деятельности, я неизбежно начал иметь проблемы и в этой области, поскольку я не поменялся как человек, не поменял своих убеждений.

АБ: Ну что, мы опять оказались в ситуации схожей с той, что была 20 лет назад?

ИК: И да, и нет. Определенное сходство есть, но современная идеология власти, в отличие от советского этапа, внутренне рыхлая, в ней нет связующего звена, нет точки веры, в которой все сходилось бы. Сейчас у неоконсервативной идеологии нет программы будущего. Ну что это за программа — повышение ВВП в два раза? Консерватизм сейчас не является монолитным брусом, он состоит из блоков, которые очень противоречиво между собой соотносятся. Идиотизм ситуации выразил Чубайс во фразе «либеральная империя». То есть надо во всем подчиняться государству, и при этом заниматься свободным предпринимательством, делать деньги. Подобная проекция будущего нереализуема. Сегодня власть хочет войти в когорту развитых стран, не строя у себя гражданского общества. Вся сегодняшняя политика построена на: супердержава для своих, страна третьего мира для Запада. Имперские амбиции при беспомощности страны и ее реальном неокOLONIALном положении.

АБ: Это ты говоришь о ситуации в целом, но у вашего издательства начались проблемы, которые невозможно было представить в 1990-е.

Это вытекает из того, что я сказал. Есть противостояние двух рыхлых систем на идеологическом уровне. Контркультура тоже не организована идеологически, это смешение всего са-

мого разного. Советская официальная культура и подпольная контркультура находились во фронтовом противостоянии, то есть были разделены четкой линией фронта: здесь свои, там чужие. А теперь происходят боевые действия партизанского типа, и со стороны государства тоже. Противостояние — не мы и они, а, к примеру, издательство «Ультра.Культура» и Госнаркоконтроль. При конфискации наших книг нарушено все, что можно нарушить, не соблюден ни один действующий сегодня кодекс. Это типичный партизанский налет. Когда чиновники нарушают закон, они тоже действуют как партизаны, потому что прекрасно понимают, что в суде все тут же развалится, они просто рассчитывают испортить жизнь врагу.

АБ: Создавая столь провокационное издательство, вы должны были быть готовы к такой реакции.

ИК: Мы понимали, что все разговоры о том, что у нас сложилось цивилизованное общество, где возможна постановка любых вопросов и проблем, — фуфло полное. Первыми, кого мы взяли на работу, были адвокаты. Мы знали, что будет много недовольных. Предполагаю, что скоро еще и церковь окажется нами не очень довольна. Мы ведь еще не все направления разработали.

2006 (авторская редакция, опубликованная в 2017 г. в журнале «Rolling Stone»)

Философия — мертвая наука

ИК: Если речь идет о сегодняшнем дне, то сегодня, я считаю, философия самая живая и самая необходимая наука из всех, которые существуют. А если она даже местами мертва, то ее придется оживить, а иначе всем нам — хана!

Все частные науки — это карты. Это карты, которые более или менее подробные, и ученые, которые занимаются этими науками, просто составляют карты. Но зачем человеку карты, если он не знает, куда ему ехать и куда ему идти? Какова конечная цель его путешествия и куда он собирается попасть в конце концов? Частные науки, о которых говорил Евгений Владимирович... ни одна из них не в состоянии заменить философию как целеполагающую науку, ту науку, которая отвечает на вопросы типа «а что же нам делать с нашим знанием о мире, с нашим положением в мире и с нашей иногда радостной, а чаще страдальческой жизнью». Поэтому философия сейчас перед огромными вызовами, которые бросает как внешний космос, так и внутренний космос — социальный, человечеству вообще и каждой нации в отдельности — перед проблемой биотехнологий, перед проблемой исчерпанности ресурсов, перед проблемой воскрешения казалось бы давно забытых и ушедших в прошлое (согласно еще одному плохому философу Фукуяме) конфликтов этнических, возвращения традиционалистического, мифологического мышления... Перед всеми этими вызовами, если мы не поставим задачу, куда мы должны прийти, если у нас не будет в распоряжении философских знаний, то есть осмысления частных наук, изучения карт и складывания по ним маршрута, то мы можем оказаться в критической ситуации и возможно даже погибнуть, как биологи-

ческий вид. Именно поэтому философия — важнейшая из наук в гораздо большей степени, чем кинематограф, «важнейшее из искусств». Я думаю, что она жива, а если она жива в недостаточной степени, то придется инвестировать в ее воскрешение существенные средства, как интеллектуальные, так и материальные — вот моя позиция.

Николай Веракса, д-р психологических наук: У меня два вопроса. Первый вопрос: правильно ли я Вас понял, что найдется человек, который скажет, куда идти человечеству (исходя из вашей метафоры)? И второй вопрос: как вы считаете, философия — это единая наука, или это набор разных взглядов?

ИК: Не дай Бог, если найдется человек, который скажет, куда идти всему человечеству, и все человечество послушно пойдет в эту сторону. Философы предлагают различные рецепты миропонимания. Все они не взаимоисключающие, как полагают очень многие люди, к сожалению, считая, что «или черное, или белое», или материализм, или идеализм. Нас к сожалению очень долго этому учили, но это не так. В любом изречении есть и доля лжи и доля истины. Каждая философия, каждый крупный философ открывает новый способ мироощущения, который одни люди принимают, а другие не понимают. В результате общий путь человечества складывается из множества векторов: кто-то идет туда, кто-то идет сюда, возникает социальная борьба, возникает дискуссия, возникает гражданское общество, в котором люди компетентно придерживаются различных точек зрения. Они сталкиваются между собой, и что-то среднее в результате этого рождается, некое общее направление. Философ не может быть диктатором. Государство по Платону, наверное, где-то и можно построить, в одной отдельно взятой стране, но оно просуществует крайне недолго, потому что все люди, идущие в одну сторону, очень быстро попадают в канаву, если не найдется хотя бы одного, который скажет «давайте обойдем эту канаву с другой стороны».

А второй вопрос: «является ли философия набором частных дисциплин»... Диалектически верно и то и другое. Есть фило-

софские специализации. Кто-то исследует философию культуры, кто-то исследует историю философии, кто-то исследует философию языка. Может, они друг друга даже и не понимают, как всякие частные специалисты. Но общее понятие о философии — это переход к обобщающему знанию, которое преодолевает междисциплинарное разделение между науками, которое вместе сводит язык и, например, физику, социологию и биологию в одном сосуде. Вот это преодоление, обобщение всей имеющейся суммы знаний, и есть основная задача философии.

Философия, безусловно, не точная наука. Это не заявлялось и не в послышке этой передачи, и никто этого не утверждал. Но проблема состоит в том, что в настоящий момент времени ни одна наука не является точной. Это заблуждение, пришедшее к нам из 18 века, из времени механицизма, от идеи человека-машины, когда думали, что если человека разобрать и составить каталог всех деталей в нем, мы поймем, как он устроен, как он работает. Это изжито во всех науках. Я химик по профессии. В химии никто, ни один химик не считает, что это точная наука. Физики со времен Копенгагенского консенсуса не считают физику точной наукой. У них есть понятие о наблюдателе, совершенно философское. Современная математика (и это самое интересное, что происходит в математике сейчас) связана с идеей неопределенности, хаоса, образов (это самое перспективное приложение математики) — все совершенно неточное. «Точные науки» — это эвфемизм, который принадлежит истории науки в настоящий момент, и никто тем более не говорит, что философия — точная наука. Слава Богу, она — самая неточная из наук, она постоянно позволяет создавать новые концепции, мыслить, все время мыслить.

*Телеканал «Культура», программа
«Культурная революция», 2006*

Русского мата больше нет

Ведущий: Здравствуйте. Мы уже касались вопросов, связанных с культурой речи в наших программах, но сегодня, я думаю, эта тема вызовет особый интерес у вас, у тех, кто сидит у телевизоров и смотрит программу «Культурная революция».

Когда я обнаружил общество под названием «Мат за светлое будущее», я понял, что тема сама себя исчерпала, и что той эмоциональной раскрепощенности, того освобождения от внутренних комплексов, которое таило в себе употребление нелитературных слов еще 5, 6, 7, 10 лет назад, сегодня не происходит, по той причине, что эти слова вошли в язык, на котором разговаривают все. Хорошо ли это, плохо ли, мы обсудим в рамках сегодняшней программы, но то, что это так, уже можно утверждать.

Известно, что слова, о которых мы поведем речь, то уходили из языка, то приходили в язык. Я не думаю, что тюркские корни у этих слов. Они были и прежде, у праславян. В матриархате для того, чтобы доказать свою принадлежность к ребенку, надо было объяснить, что делал отец с его матерью. И слово это в современном болгарском языке употребляется как часть литературного языка, а болгарский теснее всего связан со старославянским языком. Поэтому мы поговорим на разные темы, в т. ч. и филологические. Но то, что я сегодня вижу и слышу на улицах, на экранах, то, что я читаю, свидетельствует о том, что все границы похоже перейдены, и можно смело утверждать, что русского мата больше нет. И с этим утверждением согласен депутат московской городской Думы, педагог Евгений Бунимович...

Ведущий: Скажите, а Вы что, действительно употребляете нецензурные слова?

ЕБ: Надо сказать, крайне редко.

Ведущий: Что, неужели в московской городской Думе бывают ненормативные ситуации?

ЕБ: Ну конечно!

Ведущий: Честное признание, засчитывается. Естественно, многие люди по разным причинам, от моральных до филологических, будут настаивать на том, что русский мат есть, был и будет. И этой точки зрения придерживается переводчик и поэт Илья Кормильцев. Илья Валерьевич! Посмотрите на Евгения внимательно...

ИК: Видел много раз.

Ведущий: Вам хочется с ним спорить?

ИК: Да!

Ведущий: На ненормативном языке?

ИК: Если я начну спорить с ним на ненормативном языке, у вас просто будут проблемы с монтажом звука. Я постараюсь спорить на нормативном.

Ведущий: То есть теоретически вы такую возможность предусматриваете?

ИК: Именно то, что такая возможность не существует, доказывает мою позицию: русский мат по-прежнему занимает в русском языке нишу особой, специальной языковой системы со специальными функциями, и жизнь этого явления не только не уменьшилась, но в определенном смысле его значение даже стало больше, чем в предыдущую эпоху.

(Аплодисменты.)

Ведущий: Хлопать (слово-то какое ужасное... аплодировать) в этой программе — это на себя навлекать беду, по-моему... Сейчас есть возможность нашим уважаемым оппонентам высказать свои позиции более развернуто. Начнем с Евгения Бунимовича.

ЕБ: Мне кажется, что Илья находится в иллюзии, может быть, потому что канал «Культура» — это такое заповедное место,

где еще какие-то нормы существуют. Но если взять пульт и «полистать» каналы, если посмотреть наши фильмы последнего времени, особенно которые премированы на наших фестивалях, и даже если их не очень внимательно смотреть... особенно, если послушать эти фильмы (я не говорю о том, плохие это фильмы или хорошие), то становится совершенно ясно, что это норма. А если ненормативная лексика становится нормой, то она теряет свой смысл, это совершенно очевидно. Она перестает быть запретной, она теряет свою эмоциональность. Ведь мат — это очень специфическая вещь, это момент взрыва, эмоции. А когда вместо этого мат становится каким-то вводным словом типа «кстати»... Таким образом, теряется весь смысл того, что всегда называлось русским матом и было особенностью нашей культуры и языка, которой нигде больше не было. Известно, что русский мат уникален. Его уникальность пропала, потому что если раньше (а я больше 30 лет преподаю в школе) мальчишки и употребляли эти слова, то в очень определенной ситуации друг с другом. Но если там были девочки, то была какая-то граница. Сегодня ее нет. Кто от этого рад и счастлив? Я не знаю. Как у Окуджавы: «Зачем мы перешли на “ты”» (он еще говорил о чем-то высоком) — «за то нам перепало на грош любви и простоты». Простоты точно перепало, а насчет любви — не знаю. Но главное то, что пропадает... пропадает даже какая-то самоидентификация. Вот мальчишки... и они понимали, что вот это — учитель, взрослый — здесь нельзя, а здесь девочки — тоже нельзя. А сегодня это не так! Сегодня идут в метро девчонки сами по себе и не ругаются (у них никакого нет эмоционального взрыва), они разговаривают! Я не знаю, что я могу сказать в ситуации, если мне на ногу упадет кирпич, мне нужны какие-то другие слова, так как подходящих уже нет. Мой отец покойный был профессором Московского университета, и я не могу сказать, что мат был обиденной речью дома, но он мне говорил (а он прошел всю войну в артиллерийской разведке), что ни разу не слышал, чтобы кричали «за Сталина», но им было что кричать. И то, что мат становится

таким вот повседневным, это просто нарушает обороноспособность нашей армии. С чем они пойдут? С чем мы будем защищать наши границы, с какими словами? И таких проблем очень много... нам нечем... нечем крыть.

Или искусство... Если когда-то где-то произносилось это слово, это был эмоциональный взрыв, это просто было позарез. А сегодня на этом говорят. Это потеря. И более того, не только русский язык, письменную речь надо защищать от тотального внедрения мата, но и наоборот — мат нужно от этого защищать, потому что он полностью теряет свой смысл, когда он внедряется в нашу повседневную речь!

Ведущий: Чтобы подтвердить эти слова, я приведу такой рассказ (не смогу привести, потому что мы на канале «Культура») А. А. Ширвиндта, который мне поведал такую историю: когда он вылетал из Симферополя, там сидел человек в VIP-зале и полчаса, пока они ждали самолета, одним только словом разговаривал по телефону. Слово было одно. Там было несколько производных, ему говорили что-то, а он говорил, мол «да...», «да...» Полчаса только при помощи этого слова с корнем из трех букв (и это не «мир») он вел серьезный, видимо деловой, как считает Александр Анатольевич, разговор, такой очень глубокомысленный, с помощью одного слова...

Пожалуйста, Илья Валерьевич!

ИК: На мой взгляд, даже наши матерящиеся школьницы, которые идут по улице и говорят практически на чистом мате (причем действительно они никого не ругают, не осуждают, а пересказывают содержание последнего урока русской литературы...).

Ведущий: Женя преподает все-таки математику...

ЕБ: Там не все можно матом сказать... Приходится использовать другие слова.

ИК: В математике плюс и минус трудно заменить, действительно...

ЕБ: Все впереди еще...

ИК: Ну посмотрим, посмотрим, Евгений. Но мне кажется, что даже этих школьниц бы шокировало, если бы, например, первое лицо государства с экрана телевизора обратилось с пятиминутной речью по какому-либо политическому поводу, состоящей исключительно из трехэтажного мата. Они бы подумали, что они сошли с ума. То есть даже они, используя этот язык повседневно, понимают, что у него до сих пор есть свои ограничения, до сих пор есть места, в которых он не может быть произнесен, ситуации, в которых он не может быть произнесен. И в силу того, что таких ситуаций стало меньше, чем их было 15–20 лет назад, когда эти нормы, когда эти табу нарушаются, воздействие оказывается еще сильнее, чем когда мат был ограничен стройплощадкой, работой грузчиков, кухней, какими-то такими ситуациями... нарушение еще сильнее. Потом, то, что мат осваивает новые территории, совершенно не значит, что он сливается с нормативным языком. Это значит, что он начинает выполнять особую функцию на этих территориях. Например, на Руси синонимом слова «мат» было «непечатные слова». На самом деле, самая большая революция, которую мы пережили за последние 15 лет, — это не проникновение мата в устную речь, а проникновение мата в письменную речь и в первую очередь в речь художественной литературы и даже высокохудожественной литературы. Он пришел туда, но он не слился и не смешался с языком, на котором написана книга. Он выполняет все равно особую функцию, все эту функцию понимают, против нее продолжают определенные круги населения возбуждать какие-то уголовные процессы, бороться и сражаться. Значит, в русском мате есть нечто таинственное, специальное, какая-то особая социальная, можно сказать, даже магическая или сакральная функция, которую так просто не стереть в порошок. И может быть, понадобится не 10 или 15 лет, чтобы эти слова перестали производить на кого бы то ни было какое-либо впечатление, может быть, понадобятся сотни лет. Может быть, даже если сносятся эти слова, появятся новые слова, потому что мат постоянно эволюционировал в процессе языкового развития.

Вот слово «ерзать» — я сейчас его говорю, и оно никого не смущает. А если бы сейчас был 15 век, и были бы Михаил Ефимович и телевидение, то его бы вырезали сразу на монтаже, потому что оно значило именно то, что значит сейчас слово, которое я не могу сейчас сказать, потому что его вырежут. И, возможно, эти слова войдут в норму языка, их заменят другие слова. Пока существуют определенные социальные процессы, мат в русской культуре неизбежен, он укоренен в русском сознании, в русском языке. Это уникальное явление и в каком-то смысле национальное достояние, которым, может быть, не стоит хвастаться, но не стоит его и стесняться.

Ведущий: Я просто напомним, что во времена Алексея Михайловича, который был, как известно, прозван Тишайшим, за это просто казнили. Простая была мера пресечения, поэтому на московских улицах матом практически не ругались.

ЕБ: Ну а Екатерина Великая, которая была чуть более цивилизованной, как известно, запретила специальным указом слово, которое говорили... как бы это сказать-то... нехорошей женщине. Почему же мы не можем выполнить указ Екатерины Великой? Мы же «возвращаемся к истокам, традициям».

Ведущий: Так, пожалуйста... Владимир Иванович Беликов, Институт Русского языка им. В. В. Виноградова.

Владимир Беликов: У меня одна поправка и вопрос. То, за что в Средние века казнили, было «эллинское б**дословие». Так вот это «эллинское б**дословие» было хуление святынь. Борьба была с язычеством, а с тем, что мы сейчас называем матом, борьбы в общем-то не было. И есть совершенно замечательное подтверждение этому. Саввино-Сторожевский монастырь имеется тут недалеко под Звенигородом. Там на землях этого монастыря текла речка Ненабуха. И по монастырским документам эта Ненабуха более точно отражалась. В течение полутора веков в документах монастыря так и было написано. За ругань никого не наказывали и к ругани относились в некотором смысле спокойно. У меня вот какой вопрос: было сказано, что первые лица государства матом публично не выражаются.

Ну, мат понятие комплексное. Вот когда первое лицо государства объясняет банкирам, что они «замучаются пылью глотать»... для меня это сложный вопрос. Мне приходилось слышать, как в коридоре филфака преподавательница, встретив прогулявшего ее занятия студента, говорит ему: «Ты что же груши околачиваешь?» Студент был смущен, но все-таки захихикал, потому что для студента, говоря лингвистически, инструментальная валентность в этом выражении была занята. А она не знала, чем околачивают груши. Она, видимо, ознакомилась с этим выражением у Бродского в те времена, когда «мат был». Бродский написал «себяне околачивают груши», но не написал, чем. «Ах, Бродский», — подумала она, — «как красиво выразился!» И решила, что это такое пустопорожнее занятие. Так вот, это мат или не мат?

ИК: Я считаю, что подобные эвфемизмы, которые отсылают нас всех к истинному выражению, которое мы, как взрослые люди, должны знать (предполагается, что знаем), как раз подчеркивают роль мата как специальной системы, потому что человек не обращается к ней прямо (в силу своего положения, социальной функции). Он понимает, что он не может обратиться к ней прямо, и тогда он обращается к ней через иносказание, подсказывая, что он тоже мужик, как и все мы, он знает, о чем речь идет (ну и женщины, правда, так делают), он намекает, что он владеет этим особым языком и может, если надо, на нем поговорить только не с экрана, не в официальной функции.

ЕБ: Используя терминологию уважаемого профессора, я хочу сказать, что мой оппонент заблуждается.

Дмитрий Бак: У меня очень короткий вопрос к Евгению Бунимовичу. Женя, я все таки не очень понял. Вы что предлагаете? Вводить, как Михаил Эпштейн предлагал, в русский язык слова, которые дадут эквиваленты немецкого слова «vögeln», английского «fuck»? Или наоборот, охранять мат, культивировать его, чтобы он сохранял свое сакральное значение, о чем говорил Илья? Это ведь вещи взаимоисключающие. Как Вы к этому относитесь?

ЕБ: Я хотел бы, чтобы для всей физической стороны любви были найдены нормальные, бытовые, естественные слова русского языка — найдены, придуманы, рождены нами всеми. Чтобы мы обогащали русский язык. Мата нет как такового. Он потерял свою эмоциональную, смысловую, культурную — любую цель. И язык обедняется безумно и тоже теряет очень много.

Александр Карлов: Во-первых, мне очень приятно, что мы здесь сегодня все собрались, потому что мы все знаем, о чем идет речь. Нет ни одного человека, который бы не употреблял хотя бы раз в жизни эти слова. Я начал учиться, когда вы начали преподавать. Мое знакомство с русским матом через полчаса превратилось в избивание отцовским ремнем. Поэтому для меня русский мат — это что-то очень серьезное. И я не согласен, что в моей, например, речи, в моем обиходе, русский мат потерял свой эмоциональный накал.

ЕБ: То есть отцовский ремень не помог?

АК: Отцовский ремень помог укрепиться в мысли, что если тебе необходимо сбросить эмоцию, нет ничего лучше, чем высказаться. Я выступаю против печатного мата, потому что он не смотрится, не читается и не несет эмоциональной нагрузки. И многие писатели, которые вкладывают в текст эти слова, мне кажется, просто заигрывают с публикой, не более того. Если же идет разговор о прямой речи, это другое дело. Очень сложно обозначить свою позицию — с кем я именно не согласен. Мне кажется, я не согласен и с Вами, Михаил Ефимович, и сам с собой. Вообще я не знаю, что с этим делать. Мы с этим живем все, мы употребляем эти слова. Я думаю, что в теплой компании и первые, и вторые, и третьи лица государства нормально разговаривают на понятном языке. Другое дело, что я опять буду говорить о том, что темп жизни настолько велик, что количество событий (не всегда положительных) с нами происходит ежеминутно (автолюбители меня поймут). Можно отреагировать на какую-то ситуацию двумя способами: выйти, засучить рукава и разобраться по-мужски со своим обидчиком. А можно в стекло высказать все, что ты о нем думаешь, и тем самым

сбросить напряжение. Поэтому русский мат — спасение наше, эмоциональный выплеск.

Владимир Елистратов: Я не согласился бы с обоими, как Шариков. Потому что мат умер, конечно, но не до конца. Умирать он будет очень долго. Я думаю, по крайней мере, веков пять надо на то, чтобы он умер. Умер так, как он в общем-то умер на Западе. Выругаться по-французски невозможно сейчас. Есть слово «le con» за которое мне 15 суток точно не дадут.

Ведущий: Да и за слово «merde», которое употребляет Президент Франции на встрече с выпускниками, что меня потрясло...

ВЕ: ...Совершенно замечательно: он с ними таким образом заигрывает... Я, например, пытался заниматься переводами конца 15 века. Там был такой поэт — Жан Малине. Потом, чуть позже, был Рабле. Поэма Малине — порядка 20–25 страниц, и ему было не лень: он каждую строчку начинал с «con» и заканчивал «con», и так продолжалось 20 страниц, и в середине еще вставлял кое-где. То есть наши Сорокин и Пелевин это дети, это еще только начало, это уже не интересно. Где-то через 20 лет Малине забыли. Для меня мат — это очень хороший индикатор человека. По тому, как человек ругается, сразу видно, пошлый он или нет. У нас был, например, Никулин, который рассказывал матерные анекдоты, и потом эти анекдоты рассказывали другие, и вяли уши просто. А он рассказывал — и ничего. То есть это какой-то глубинный индикатор. Последняя мысль, которую мне хочется высказать: вот в чем я особенно не согласен с нашими коллегами — что это что-то такое, сугубо русское, что-то такое прямо такое, чего нет нигде. Ну конечно, у нас есть такое в мате, чего нет нигде. Но все равно мат есть везде — он и в Банту есть, даже в каком-то виде есть и у японцев, хотя японцы, например, не рассказывают анекдоты. Вот такой очень остроумный народ, но без анекдотов живет.

Вопрос о русском мате — это что-то типа вопроса о самобытном пути России. Если мы признаем, что мат уникален, и что мы его сбережем, отстоим, то что-то такое здесь геополитическое вкрадывается, и пора уже звать Дугина сюда...

ИК: Можно возразить? Насчет Дугина не очень согласен, потому что я считаю, что русский мат стал своеобразным явлением именно в 20 веке, и как раз относится к особому пути России. Действительно, до 20 века он не отличался от сквернословия большинства других народов, по крайней мере европейских. В 20 веке случилось удивительное — возник мат как язык дискурса, а не как язык сквернословия или описания каких-то сексуальных процессов. Появилась возможность составлять из него сложноподчиненные предложения, в которых нет ни одного нематерного слова. Это, кстати, процесс очень поздний, еще в 19 веке ничего подобного не было, а были слова матерные, вставленные между обычных глаголов. И вот только тогда (в 20 веке) он стал своеобразным. Можно даже говорить о том, что это своеобразное явление скорее именно советской культуры, чем русской.

ЕБ: Но ведь об этом и речь! Он почему стал таким многосложным? Потому что односложный уже эмоционально не работал. Сегодня он уже десятисложный, потому что уже трехсложный не работает. И в этом-то все и дело, что он заполняет все...

ИК: Так развивается, развивается...

ЕБ: Это не развитие, это тупик!

(Далее выступила Ирэна Гинзбург.)

ЕБ: Нужно разрешить пользоваться матом только людям с абсолютным «матерным музыкальным слухом». А остальным запретить... декретом Совнаркома.

(Далее выступила Ольга Спиркина.)

(Далее выступил Сергей Минаев.)

ИК: Я считаю, что нужно ни запрещать, ни разрешать. Это вообще вне компетенции государства. Язык всегда регулирует себя сам.

(Далее выступила Евгения Зосимова.)

(Далее выступил Александр Левенбук.)

(Далее выступила Ольга Свиблова.)

(Далее выступил Сахат Дурсунов.)

(Далее выступил Дмитрий Бак.)

Ведущий: Сейчас время для того, чтобы наши уважаемые оппоненты сказали, изменились ли их позиции после всего услышанного в нашей программе.

ЕБ: Я благодарен, что я много чего услышал, даже того, что не было сказано. Но на самом деле у нас веселый разговор, а тема, если говорить о воспитании, о том, что у нас сегодня и что нас ждет, достаточно серьезная. И в этом смысле я считаю, что не нужно быть ханжами, но поймите, что ребята должны чувствовать, когда это можно, а когда нельзя. Лучше меньше, но... все-таки... не дай бог это происходит сегодня на уроке при учителе, это происходит при матери, это происходит при девочках, это чудовищно, как бы мы ни улыбались по этому поводу. И это означает, что ту свободу, которую мы обрели, мы бросаем в грязь, в пошлость, во вседозволенность в самом примитивном смысле этого слова. Я уверен, что в культуре, в литературе это всегда останется тем, чем оно и было. Помните у Венедикта Ерофеева — эта гениальная «глава, которой нет»? А если бы она была, вся написанная матом (а он написал в предисловии, что она была, но поскольку все начинали с нее, он ее снял)? Это гениальный ход, это в тысячу раз лучше, чем если бы эта глава осталась, лучше для всей литературы. И это никак не говорит, что у Венедикта Ерофеева были какие-то табу или какое-то ханжество. Это говорит о вкусе, о культуре. И когда сегодня этого вкуса к культуре нет, когда идет равнение на низ, это ужасно и об этом надо говорить всерьез.

ИК: Я думаю, что русский мат связан с глубинными основами русской культуры, что он уникален. И даже если говорят, что у кого-то есть аналоги (и я сам знаю, что есть приблизительные аналоги), он все равно уникален, поскольку связан с историей,

связан с отношением между личностью и государством, между государством и творцом, очень специфически вписан в русскую историю и настолько глубоко пропитывает наше сознание, даже у тех людей, которые им не очень владеют, даже у тех, кто отрицает этот язык и считает его совершенно недопустимым, что устранить его простым способом невозможно (мол, его выпустили на свободу, и он сейчас сам себя съест). Я думаю, что он будет еще очень долго существовать. Маятнику языковому как все знают здесь, кто занимался лингвистикой или историей языка, свойственно качаться из стороны в сторону. Что же касается практических следствий... давайте действительно не будем ни запрещать, ни разрешать, ведь сам мат возник однажды потому, что сама система запретов и разрешений была присуща русской культуре и русскому государственному укладу. На самом деле, язык регулирует себя сам, и каждый в отношении языка регулирует себя сам. Если каждый правильно определит со вкусом и с интеллектом свою позицию в отношении матерной речи, то и общая позиция общества в отношении этой речи будет приемлема для большинства его членов. Я думаю, здесь надо просто обладать не административным, а гражданским сознанием и вкусом.

ЕБ: Если каждый у нас будет со вкусом и с интеллектом, то можно даже программу не проводить, все будет в порядке...

ИК: Но нам никто не мешает мечтать и стремиться к этому, Евгений!

*Телеканал «Культура», программа «Культурная революция».
Ведущий Михаил Швыдкой, эфир от 19 октября 2006 г.*

Когда своих назначают чужими

В последние годы появилась даже некая форма «политкорректности по-русски», она совсем не похожа на западную, но принцип тот же — нельзя выходить за флажки: не то чтобы незаконно, а как-то не принято, — и последствия нарушения границ дозволенного для многих оказались катастрофическими.

На этом фоне белой вороной выглядит издательство «Ультра.Культура». Оно крошечное, но по известности может потягаться с такими зубрами, как «Вагриус» или «Олма-пресс».

Специализация у «Ультра.Культуры» — нарушение всевозможных табу, причем не только культурных, а в первую очередь именно политических.

Идейный вдохновитель «Ультра.Культуры» — человек известный: Илья Кормильцев.

В юности Кормильцев написал мистическое стихотворение про мальчика, выстукивающего на пляже мелодию на ржавых консервных банках. Мальчик рос и колотил уже по большим бакам, цистернам, оглушая мир...

Кормильцев отчасти предсказал себе судьбу. В 1980-х он был известен как рок-поэт и автор песен группы «Наутилус Помпилиус», в 1990-х — как культуролог и автор эстетской телерекламы, а в начале 21 века к нему пришла репутация интеллектуального террориста...

С ним можно не соглашаться, что как раз и делает большинство сотрудников «Новой газеты»; его можно не любить, но единственное, что не получается с Кормильцевым, — не замечать его.

Корр: Илья, готовясь к этому разговору, мы пролистали проспекты вашего издательства и выделили несколько главных ваших тем. Это манипуляция общественным сознанием, потребление наркотиков, нацизм и национализм.

ИК: Давайте начнем с манипуляции массами. Только в этом году мы издали три или четыре книги на эту тему...

Манипуляция массами — это не совсем точное слово, точнее — это приемы изменения сознания. Изменение сознания происходило всегда в процессе развития человека, и ничего страшного в этом нет. Ужасом является изменение сознания против твоей воли, когда субъект вне тебя приватизирует твое право на изменение сознания. До определенного этапа власть не нуждалась в скрытых механизмах воздействия на людей. Необходимость тайновласти возникла тогда, когда широкие массы получили хоть какую-то возможность контроля за властью. То есть с появлением первых признаков демократии в современной ее редакции.

Корр: Вы руководите издательством, даете возможность высказаться людям, призывающим к отнюдь не бархатным переворотам, нацистам, готовым обеспечить себе будущее и отнять будущее у инородцев, проповедникам той свободы, что приходит после выкуренного косячка или марки кислоты. Вы считаете себя инструментом манипуляции сознанием?

ИК: Конечно.

Корр: Если ваше издательство — инструмент, то кто хозяин этого инструмента?

ИК: Хороший вопрос. Нам, конечно, кажется, что мы *(смется)*. Но до конца я в этом не уверен. Именно поэтому деятельность наша широка. Нам интересно, где и когда мы столкнемся с реальным сопротивлением.

Корр: Сопротивление есть?

ИК: Пока такого, чтобы его можно было бы назвать реальным, осознанным сопротивлением, — нет.

Корр: Поставим вопрос о сопротивлении иначе. Лимонов написал работу «Другая Россия», кусок ее опубликовал в своей газете «Лимонка». В результате газета была закрыта, самого Лимонова арестовали, и написание «Другой России» было частью выдвинутого обвинения. А «Ультра.Культура» издает эту «Другую Россию» — и что, никаких последствий?

ИК: Прошло два года, и команды в отношении Лимонова поменялись: было принято новое решение, как вести себя по отношению к Лимонову. В 1999–2000 годах начали шерстить всю маргинальную политическую тусовку. Не только у Лимонова проблемы были, досталось и Баркашову, просто он не является талантливым, знаковым человеком — вот этого и не заметили. Потом решили, что все это чушь, не там враги, а эти пусть оттягивают на себя какой-то спектр, который все равно будет заниматься этим, но хотя бы будет под контролем.

Корр: А у вас нет боязни, что в госаппарате что-то в очередной раз повернется, щелкнет, и «Ультра.Культуру» назначат в «плохиши»?

ИК: Так мы этого и ждем. Когда мы узнаем, за что нас назначили в «плохиши», — мы поймем, что сейчас максимально не по душе.

Корр: И что тогда?

ИК: Тогда мы сможем более конкретно сконцентрироваться на каком-то идеологическом направлении.

Корр: Раз уж заговорили о Лимонове... Полгода назад вы издали его книжку, где он с яростью и ужасом пишет об обществе, большая часть которого превращается в придатки к станкам, и о том, что русское юношество необходимо спасать от этого. Но почему этот чистенький мир со станком страшнее, чем «анархия — мать порядка»?

ИК: В истории России было мало анархии. Элементы анархии существовали дважды, во время двух революционных периодов — после 1917 года и в 1989–1992 годах, но ведь это была не тотальная анархия: возникали небольшие анклав, где власть начинали создавать снизу. Так что действительно ли плоха анархия, мы по-настоящему не знаем.

Корр: А вас не пугает насилие, которое всегда связано с анархией?

ИК: Насилие связано с любой властью. Есть какая-то странная иллюзия, что когда действует иерархическая модель управ-

ления, то насилия не то что меньше, а оно как бы иного качества. Но когда тебя насилуют, тебе уже не до идеологических убеждений.

Корр: Когда человека тонкими финансовыми, рекламными, медийными манипуляциями заставляют встать по звонку и бежать к станку зарабатывать несколько тысяч франков или рублей или заставляют есть йогурт «Данон» — это, конечно, тоже можно признать насилием буржуазного мира. Но герои изданного вами Нестерова, громящие рынки, — это все-таки насилие другого качества...

ИК: Да ведь все эти манипуляции — только промежуточная цель. Кроме того, иерархическое общество включает механизм физического насилия не реже, чем механизм насилия идеологического, рекламного и т. д. Есть даже устойчивый оборот: монополия государства на насилие. В конце стоит задача — добиться безусловного подчинения. Сначала тебе внушают, что хорошо и правильно есть йогурт «Данон», а потом, как в «Матрице», тебе внушают, что ты уже ешь «Данон», а на самом деле ты ешь отходы.

Общество потребления — не цель, а средство.

Корр: А какие у вас, собственно, претензии к буржуазному миру, к обществу потребления?

ИК: Полная капитализация всей сферы человеческой деятельности, превращение всего в товар при требовании постоянной экспансии — бессмысленны и невозможны. Даже вещи не могут до конца превращаться в товар. Товар в понятиях капитализма — это не изделие, не предмет и не ценность даже; товар — это способ приращивать капитал. Товар интересен до тех пор, пока его можно произвести и продать. Товарное производство — это сокрытие прибавочного наслаждения: человек наслаждается, производя капитал. Капитализм — это психологическая проблема. Это модель социального вечно-го двигателя, и, как любой вечный двигатель, капитализм абсурден.

Корр: В вашей деятельности есть еще одно направление — нацистское. Вы публикуете «Дневник» Тернера — футуристический роман о «белом» будущем США. Вы публикуете книжки о русских формах нацизма. И апофеозом этой темы стал роман Дмитрия Нестерова «Скины» — талантливо, реалистично и с эпическим спокойствием описана жизнь молодого человека из спального района Москвы и его друзей. Четыре погрома на рынках. Три убийства. Энергия социальной обиды. Кстати, что стало с Нестеровым?

ИК: Да ничего... Роман написан два с лишним года назад. Больше он не пишет ничего. И вроде бы уже и не активный скинхед. Работает художником и, кажется, вполне доволен жизнью.

Корр: Но вот нам лично трудно допустить, что вы симпатизируете нацистам. Чем вы руководствуетесь, публикуя книги этого направления?

ИК: Мы уважаем право каждого делать собственные выводы. Мы только сообщаем информацию. Это не плюрализм в смысле «мы любим коммунистов, мы любим анархистов, мы любим фашистов». В любом высказывании содержится некая доля истины. Если мы видим в книге эту часть истины — мы ее печатаем.

Собственно, что меня привлекло в книге Нестерова? Первое: «Россия — общество правое, а не левое». Второе: «Власть находится в негласном консенсусе с националистическими низами». Это не дурное образование, не пэтэушники, сбитые с толку, как у нас любят писать... Скины — это совершенно законный социальный институт постсоветского общества, который нужен власти как резерв на крайний случай...

Корр: Вы считаете, что роль этого института будет возрастать?

ИК: Зависит от того, насколько власть будет чувствовать, что способна справиться мягкими способами. Чем комфортнее будет чувствовать себя власть, тем маргинальнее будет нацио-

нализм улицы. Если у власти возникнут проблемы, то скинхеды станут респектабельнее, и степень этой респектабельности напрямую зависит от размера проблем. Но, как бы ни было все благополучно, власть никогда не откажется от этого резерва...

Корр: Грубо говоря, чем больше еврей Ходорковский будет пугать Путина, тем статуснее будут становиться скины?

ИК: Чем больше еврей Ходорковский будет пугать Путина как еврей, а не как Ходорковский (тут есть очень тонкая разница...), да, тем выше будет статус скинхедов. Но если еврей Ходорковский будет пугать власть как еврей, то евреями окажетесь и вы, и наш пресс-секретарь Таня Аптулаева, и все здесь присутствующие...

Но я думаю, что Путина будет все же больше пугать «угроза с юга».

Корр: Вы говорите о нацизме как о чем-то фундаментальном, неотъемлемом от власти. Свернуть с этого пути нельзя?

ИК: Я думаю, нет. Дихотомия «свой — чужой» заложена в человеческом сознании. И пока мы не переделаем человеческую природу, все пойдет по-прежнему. Вспомните классическую схему американского фильма ужасов. С чего всегда начинается кошмар? С того, что в городке, где все хорошо, появляется пришелец. Он обычно или клоун, или бомж. Некто с большой дороги. В городе появляется чужой. С его появлением эта иллюзия мира и покоя рушится.

Это не зависит от образовательного уровня... Ведь каждый, когда видит, скажем, африканца, испытывает некое метафизическое напряжение внутри. Даже не важно, со знаком минус или плюс. Он испытывает созерцание «иного». Сильный человек способен это в себе преодолеть. Слабый человек поступает так, как ему командует Большая Обезьяна внутри него.

Корр: Илья Валерьевич! А вы не преувеличиваете размеры этой обезьяны, сидящей в среднем человеке?

ИК: Да я преуменьшаю! Вспомните: Германия, 1938 год... Достаточно убедить человека, что у еврея или чеченки, кото-

рые рядом с тобой, внутри живет чужой. Что он не такой, как ты. И вот заинтересован человек: он чувствует необходимость выместить свою социальную ущемленность, провести перерасдел ресурсов.

Известен эксперимент: когда галок перекрашивают в другой цвет или повязывают на них ленточку, стая их забывает. И это нормальная основа внутривидового отбора, внутривидовой конкуренции. А человека можно и без ленточки убедить, что рядом другой.

Хотя бы сталинские процессы 1930 года возьмите. Члены одной партии, произносившие одни и те же слова вслух... Ресурс чужих уже был выбит в 1920-х. Пришлось срочно все пересматривать. И назначать своих чужими.

Корр: Но ведь бывают же эпохи, скажем так, относительной общественной кротости?

ИК: Да. И это всегда — эпохи изобилия. В эпоху изобилия проще питаться сносно, как все, чем пытаться урвать кусок у соседа. Обычно это бывает после больших войн, когда пассионарные личности просто физически выбиты, или после больших эмиграций. Дефицит населения, в силу различных исторических причин, совпадает с эпохой процветания. И вот возникает такое государство. Но как они жестоки по отношению к любу, кто пытается нарушить их порядок!

Корр: Еще одна тема «Ультра.Культуры» — наркотики. За год пять или шесть публикаций, так или иначе связанных с наркотической культурой. Для вас что, наркотики являются ресурсом сопротивления?

ИК: В равной мере и ресурсом сопротивления, и ресурсом порабощения. Как и любое изменение сознания в интересах кого-то. Никакой наркотической культуры нет. Существуют наркотики — и существует человек. Они в человеке расширяют новые навыки или уничтожают старые.

Сложная проблема, которая методически подавлялась после 1960-х годов. Почему? Помните исследования ЦРУ

по веществу ЛСД, которые были моментально запрещены, переведены в список сверхсекретных? Как только стал вырисовываться новый механизм управления людьми, новый механизм власти, власть тут же его и приватизировала в свою пользу.

Сейчас в Европе происходит легализация легких наркотиков, марихуаны. Потому что стоит конкретная проблема: занять чем-то большие массы люмпенизирующихся средних классов. Марихуана делает всю жизнь зоной отдыха. Легализация легких наркотиков связана с новой для Европы проблемой «новой бедности» и «новой безработицы». Огромные массы людей в Европе не работают. Или работают чисто формально — такой евросоциализм... Алкогольные бунты еще возможны, а травяной — я себе даже не представляю.

Но та же марихуана была еще в 1960-е годы невыгодна: тогда индустриальная фаза развития находилась на своем пределе, а марихуана вводила огромное количество потребителей, сужала трудовой ресурс.

Корр: Каковы средние тиражи ваших книг?

ИК: Тысяч по пять продаем. Лимонова — больше. Иногда что-то неожиданно вырастает. Нестерова продали тысяч пятнадцать.

Корр: В пятидесяти тысячах тираже ваши мятежные манифесты кажутся очень интересной лабораторной игрой. Контрэлитарный эстетизм. Интеллектуальная провокация. Но мы же прекрасно знаем: когда идея получает широкий резонанс, у нее непредсказуемая судьба. От философов-энциклопедистов до абажуров и перчаток из человеческой кожи — страшное состояние. Но первыми эти абажуры и перчатки все же начали выделять не гестаповцы, а санкюлоты.

ИК: Короче говоря, вы хотите спросить: «А если дети прочитают?!»

Корр: Ага... Много-много детей.

ИК: Кстати, вот вы и предлагаете жреческий путь, а жрецы суть — первые манипуляторы общественным сознанием:

«Давайте ограничим знание некоей корпорацией посвященных, не отдадим его человеку-винтику».

Ну... попадут эти книги в руки какому-то будущему Ленину. Который, конечно, будет абсолютно не похож на своего предшественника... Попадут. И что? У меня лично страх перед насилием как таковым отсутствует начисто...

Корр: Почему, Илья Валерьевич?

ИК: Потому что иная сторона от проявления насилия не откажется никогда.

Воздействием всякого социального инструментария (и медиа тоже!) можно превратить большую часть населения в цивилизованных, мастеровитых, вежливых людей... Винтиков? Да и шут бы с ним! Но это будет винтик с домиком и садиком. С детскими праздниками и прочими радостями. Часть этих кротких винтиков будет владеть тремя языками. Кто-то из них напишет, скажем, «Винни-Пуха». Или «Холодный дом». И — вот что важно — 85% героев романа Дмитрия Назарова «Скины идут» могут рекрутироваться в эту часть нации. А могут — отринуть с себя прах буржуазности и громить рынки.

Я сомневаюсь, что задача человека как космического субъекта состоит в этом. То, что вы предлагаете, — своеобразная остановка эволюции. Эти идиллии реализуются на ограниченном пространстве на ограниченное время. Все эти садики и детские праздники, которые были, с одной стороны, от 1870-х до Вердена, а с другой, ну, скажем, от 1953 до 1970 года, — они всегда были созданы за счет чьих-то немислимых страданий.

Обратной стороной этой идиллии была гиперэксплуатация людей, недр и ресурсов другой части человечества. Я не вижу в этой идиллии ни гуманизма, ни венца творения. Я не понимаю, почему это гуманнее, чем революция?!

«Новая газета», 9 февраля 2007 г.

Елена Яковлева

Послесловие

Чем дальше Кормильцев, тем сложнее становится с ним говорить.

Хотя, казалось бы. Мы и созванивались-то не каждый год. Так, в каждый его приезд в Екатеринбург обычно шли потрын-деть обо всем на Плотинку в бар, где почему-то никогда не было посетителей, а единственный бармен смотрел телик, перетирая посуду. Пить текилу и говорить обо всем — идеальное место.

Это совершенно уникальный собеседник — никогда не знаешь, в какую сторону уведет разговор, какой стороной откроется, какую тему тронет случайно или намеренно, а потом вдруг разовьет дальше и больше. И при всем при этом до конца будет четко держать генеральную линию и доносить до самого непреходимого оппонента свои мысли.

Вот, например, этот сборник — отличный портрет Ильи сквозь контекст времени. И портрет его собеседников тоже. А если читать внимательно и сквозь узкий прицел сегодняшнего, можно попытаться представить, как сейчас он отвечал бы на все эти — разнообразные — вопросы: наивные, глупые, глубокие, возмутительные, острые, специфические, философские. И на все — на каждый! — знал максимально точный ответ. Этого сейчас не хватает.

В середине 1980-х имя Кормильцева знали только те, кто был связан со Свердловским рок-клубом. Но уже ближе к концу этого десятилетия из глубокой тени оно начало проявляться, как снимок в ванночке фотографа. Постепенно, но быстро и все четче, все заметней. Вначале это были разговоры только о рок-музыке и «Наутилусе», которые со временем — уже бли-

же к миллениуму и дальше — перетекают в область литературы и культуртрегерства.

Отточенность фраз и абсолютно точное, почти афористическое высказывание — отличительная черта Кормильцева во все времена, говорит ли он о «металлистах» или музыке, о литературе и персоналиях, о политике в общем и частности — каждый ответ бьет точно в цель.

Для каждого, кто знал Кормильцева и общался с ним лично в той или иной степени близости и откровенности, он — разный. Скорее всего именно такой, каким ему хотелось представляться. Воинствующий оппортунист, невероятный эстет, интеллектуал, антиглобалист или наоборот — человек мира и целой Вселенной, он был отдельной Вселенной, наполненной всем, что ее составляет от непримиримости и эпатажа до эстетства.

Собственно, эпатирующим эстетом он был всегда — и задача того, кто оказывался с ним рядом, состояла лишь в том, принять ли это и как именно.

Он же об этом совсем не заботился и не подсчитывал друзей и недругов. Иногда казалось, что ему вообще все равно, как к нему относятся окружающие. Главным было его отношение к ним. Или отсутствие отношения. И не любили его за это многие. На мой взгляд, это была их проблема. Многим из которых это до сих пор не дает покоя. Ну и отлично! Главное, чтобы не забывали.

«Я хотел бы рассказать от себя так много, что у вас не хватит пленки».

У нас до сих пор не хватает пленки собирать целиком и порознь, по крупичкам и целыми слитками то, что когда-либо говорил или писал Кормильцев. А главное — это ответ на вопрос «зачем».

Затем, что ничто из этого огромного наследия не потеряло актуальности.

Затем, что до сих пор кажется, будто он вышел и забыл закрыть дверь — теперь она хлопает, скрипит и в нее дует.

Москва, 2017

Содержание

Интервью в журнале «Марока»	7
Легко ли быть звездой	8
Интервью в журнале «Уральский следопыт»	12
Распался ли «Наутилус Помпилиус»?	37
Ответы из фильма «Сон в красном тереме»	39
О большой неправде и маленькой лжи	42
Кризис культуры? Нет, смерть гуманизма!	48
С новым вирусом в клетках	66
Pas deux deux	71
Нонконформильцев	95
О любви	102
«Наутилус» лег на дно	104
Акулы пера. Илья Кормильцев	107
Беседа с Ильей Кормильцевым и Олегом Сакмаровым	125
Мутация. Еще неизвестно, что вырастет	138
Илья Кормильцев против ватных бармалеев	144
В искусстве надо действовать так, как действует террорист	153
Никакой революции не было	163
Земля в иллюминаторе	171
Эвакуация с «Наутилуса»	174
Заккрытие газеты «Лимонка»	179
Теракты в Нью-Йорке 11 сентября прошлого года	204
«Быть другим»	231
Жизнь запрещенных людей	238
Ультра. Кормильцев	242
Веб-интервью	247
«О прошлом никогда не грущу...»	258
«Я считаю, что будущее имеется»	263
«Мы станем богами, а зло развоплотится в ничто...»	271
Политинформация с Ильей Кормильцевым	274

Субботнее интервью	277
К радикальному абсолюту	284
Интервью «Радио Пилот»	287
Дебилизация населения посредством искусства	297
Аргентум. Илья Кормильцев	315
Жизнеутверждающий пессимист	336
Идеальный оппортунист	346
Круглый стол «Искусство. Революция. Контрреволюция»	353
«Играть на конюшню»	356
Апокалипсис сегодня	374
Агрессивные зверушки-националисты — явление интернациональное	384
Эй вы там, на другой стороне холма	387
Культура бухгалтеров-некрофилов	395
Поэт постчеловечества	403
Интервью в поезде «Львов — Москва»	411
Книга как оружие	418
Вопросы для офф-лайн интервью	422
Логика метафизического протеста	425
Нормальный оппортунизм	444
Девальвация скандала	450
Культурный андеграунд	452
Никто не застрахован от столкновений с властью	464
«Личность — это присутствие Аллаха в человеке»	471
Комплекс проигравших войну	491
Интервью для KM.ru	493
Кто именно скурвился	498
Интервью Дмитрия Румянцева	506
В шатающемся мире	534
«Наутилус» доплыл до Лимонова	547
Ультра от культуры	552
Шоу-бизнес и контркультура	559
Все самое интересное еще впереди	570
Суд постановил уничтожить конфискованные тиражи книг	573
Я — профессиональный дилетант	576
Об автомобиле	598
Язык сети (об интернете)	599
О гаджетах	600
Слышат ушами — слушают всем организмом	602
Петрозаводск — матрица	604

«Уехать в старом диссидентском смысле теперь никуда нельзя» ...	608
Философия — мертвая наука	614
Русского мата больше нет	617
Когда своих назначают чужими.....	629
<i>Елена Яковлева. Послесловие</i>	<i>638</i>

18 +

Илья Кормильцев

Non-fiction

Продюсеры *Олег Гененфельд, Сергей Силушин и Юрий Донцов*
Составители *Станислав Кормильцев, Алеся Маньковская*
и *Дмитрий Карасюк*

Автор послесловия *Елена Яковлева*

Редактор *Анна Филосян*

Корректор *Анастасия Сущенко*

Дизайн логотипа и обложки

Александра Коротича и Бэллы Боевой

Верстка *Евгении Язвенко*

Координаторы проекта *Александр Касьяненко,*

Константин Преображенский и Владимир Харитонов

Издатель *Федор Еремеев*

Фотоматериалы из архива *Станислава Кормильцева*

Издатели выражают искреннюю признательность всем, кто оказал самую разнообразную помощь в создании этой книги: *Алесе Маньковской, Станиславу Кормильцеву, Игнатию Кормильцеву, Елизавете Савинцевой, Александру Коротичу, Константину Преображенскому, Дмитрию Гайдучу, Бэлле Боевой, Ксении Егоровой, Владимиру Пищаеву, Надежде Колтышевой, Александру Кушнису, Роману Карасюку, Андрею Матвееву, Людмиле Телень, Юлии Недосековой, Валерии Костюник, Кириллу Котельникову, Светлане Плетенко, Дмитрию Быкову, Елене Яковлевой, Илье Смирнову, Марине Тимашевой, Юрию Шинкаренко, Александру Калужскому, Владимиру Преображенскому, Юлии Матафоновой, Любове Мейнерт, Андрею Бухарину, Анатолию Ульянову, Анне Герасимовой, Вадиму Штепе, Марату Гельману, Екатерине Шакиной, Ольге Нагибиной, Светлане Толмачёвой, а также Первому Музыкальному Издательству, Радиостанции «Эхо Москвы» и лично Алексею Венедиктову, радио «Эхо Москвы Екатеринбург» и лично Максиму Путинцеву, Радио «Пилот» и лично Михаилу Симакову, журналу «Марока» и лично Николаю Грахову и Леониду Баксанову, РИА «Новый День» и лично Полине Румянцевой, portalу «E1.ru» и лично Наталье Поповой, журналу «Сеанс» и лично Василию Степанову, АО «Группа Эксперт» и лично Михаилу Нелюбину, «Москоу Джитал Медиа» и лично Александру Винокурову, Русской службе Радио Свобода и лично Андрею Шарому, газете «Новые Известия» и лично Сергею Таранову, «Независимой Газете» и лично Константину Ремчукову, газете «Аргументы и Факты» и лично Игорю Черняку и Наталье Антиповой, Интернет-журналу «Перемены», ООО «Интернет Решения» и лично Марии Назамутдиновой, «Новой газете» и лично Дмитрию Муратову и Надежде Прусенковой, всем средствам массовой информации и журналистам, авторам интервью с Ильей Кормильцевым.*

Большое спасибо всем, кто оказал финансовую поддержку изданию сочинений Ильи Кормильцева, в первую очередь: *Анне Гавриловой, И. Н. Залогой, Артёму Александровичу Карапетяну, Евгению Липецкому, Михаилу Сергеевичу Молчанову, Павлу Савинову.*

Иллюминатор
S.G.T.R.K. Media-Lab
Кабинетный ученый

Подписано в печать 29.08.2017
Печать офсетная. Бумага офсетная.

